РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Том 1

Часть 1

Сборник материалов X Конвента РАМИ

8–9 декабря 2016 г.
МГИМО–Университет

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ)

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 1

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В двух частях

Часть 1

Под общей редакцией А.В. Мальгина

Москва
Издательство «МГИМО–Университет»
2017

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(Рос)
Д22

РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ

Со всеми материалами X Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru

Научные редакторы:
А. Д. Воскресенский, Т. А. Шаклеина, М. М. Лебедева,
В. О. Печатнов, Л. С. Окунева, А. Н. Сквозников, Е.Г. Пономарева

Д22 **«25 лет внешней политике России»** : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 1 : Внешняя политика России : глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А. В. Мальгина ; [науч. ред.: А. Д. Воскресенский и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). — Москва : МГИМО–Университет, 2017. — 601, [5] с.

ISBN 978-5-9228-1746-2 (т. 1, ч. 1)
ISBN 978-5-9228-1743-1

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных модераторами и участниками секций X Конвента Российской ассоциации международных ис-следований (РАМИ), а также участниками пленарного заседания. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(Рос)

ISBN 978-5-9228-1746-2 (т. 1, ч. 1)
ISBN 978-5-9228-1743-1

© МГИМО МИД России, 2017

Оглавление

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ X КОНВЕНТА РАМИ *7*

РОССИЯ СРЕДИ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ XXI ВЕКА. СТАРЫЕ И НОВЫЕ ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О стратегии участия России в Банке БРИКС и других институтах развития
М. Л. Горбунова *49*

Значение опыта сотрудничества Великобритании и Китая в 2010-е гг. для российско-британских отношений
А. Ф. Загуляев *74*

Китайская военная мощь на Тихом Океане и стратегические интересы России
А. А. Кривопалов *91*

Трансрегионализм как инструмент внешней политики ведущих держав
Д. А. Кузнецов *109*

Россия и БРИКС в контексте реформирования мировой валютной системы
Е. Ю. Ливанова, Н. К. Елизарова, В. Н. Овчинников *120*

Введение в проблематику реверса газа на Украину: будущее отношений Российской Федерации с ее торговыми партнерами и другие возможные последствия в сфере энергетики с этим связанные
Р. Мургаш *144*

Тихоокеанский вектор российско-американских отношений: проблемы и перспективы
И. Ю. Синенко *155*

Итоги первого года президентства М. Макри в Аргентине: факторы, обуславливающие положение страны в регионе и мире
Ю. А. Чеботарев *172*

Компаративный анализ ценностей политических культур России и США
О. Н. Шадрина *195*

Структурный фактор во взаимодействии США, России и других ведущих мировых держав
Т. А. Шаклеина, В. В. Шаклеин *220*

Различия в подходах России и стран Запада к развитию и модернизации: их влияние на отношения между сторонами
Е. Н. Ямбуренко 238

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Публичная дипломатия в условиях турбулентности современного мира
Е. А. Антюхова 265

Актуален ли в настоящее время вопрос отключения России от SWIFT
В. Ю. Гречков 277

Развитие румыно-болгарских отношений через призму противоречий между Российской Федерацией и НАТО–ЕС
Г. И. Коларов, в. И. Сегуру-зайцев 289

Латинская Америка: внутренние проблемы — внешние последствия: как улучшить систему безопасности в регионе и расширить горизонты взаимодействия с Россией
А. В. Макарычева 298

Наращивание гуманитарной деятельности во внешней политике России и отношения с Западом
Л. Р. Рустамова 317

Новая фаза холодной войны
Б. А. Ширяев 328

РОССИЯ И ЗАПАД: 25 ЛЕТ НОВОГО ДИАЛОГА С МИРОВЫМИ ЛИДЕРАМИ

Отношения Российской Федерации с Испанией (1991–2017 гг.)
Н. Е. Аникеева 337

Российско-британские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы
Н. К. Капитонова 348

«Внешние факторы» в российско-французском взаимодействии (1992–2016 гг.)
И. Э. Магадеев 364

Analysis on the new changes of russia's views of the world and its characteristics, reasons and influence
Zhang Jian 390

РОССИЯ — ИБЕРОАМЕРИКА: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
подсекция «Латинская Америка»

Ислам в Латинской Америке
Я. Бурляй *401*

От Обамы к Трампу: вопрос преемственности
на латиноамериканском направлении во внешней политике США
А. А. Едаргис *405*

Мексиканский политический прагматизм
и двусторонние отношения с Россией
О. В. Катышева *422*

Колумбия в постконфликтный период: новые вызовы?
М. А. Середа *436*

БАЛКАНЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ (1991–2016)

Балкано-черноморский регион в российско-турецких отношениях
в конце XX — начале XXI веков
А. В. Болдырев *459*

Возможности расширения влияния России на пространстве
Западных Балкан экономическими инструментами
(применение инструментов государственно-частного партнерства
в сфере инфраструктурных инвестиций)
Д. Д. Крыканов *469*

Балканская политика Российской Федерации:
в поисках потерянного времени?
Е. Г. Пономарева *486*

Провозглашение независимости Косово и Метохии:
международно-правовая оценка
А. Н. Сквозников *502*

Македония между Западом и Востоком:
активизация российско-македонских отношений?
М. Третьякова *522*

Внешняя политика России в отношении Боснии и Герцеговины
(1992–2016)
Шарифзода Мехрзод Нуриддин *542*

Отношения России и Вишеградских стран спустя четверть века
Л. Шишелина *558*

Украинский кризис и российско-китайские отношения
Д. В. Кузнецов *571*

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ X КОНВЕНТА РАМИ

(8 декабря 2016 года)

Анатолий Васильевич Торкунов, ректор МГИМО МИД России, академик РАН, президент РАМИ

Уважаемые участники Десятого конвента Российской ассоциации международных исследований. Дорогие коллеги и друзья!

Мы посвятили наш юбилейный конвент 25-летию российской внешней политики. Поэтому конвент открывается в день, когда были подписаны знаменитые Беловежские соглашения, которые подвели черту истории Советского Союза и лавинообразным изменениям, которые поставили в ней точку. После тех соглашений внешняя политика России обрела полноценную субъектность. Хотя Декларация о суверенитете Российской Федерации была принята раньше — 12 июня, — тем не менее, советский МИД продолжал активно работать, и субъектность внешней политики была советской, не российской.

В ходе первой панели должен был выступать Сергей Михайлович Шахрай, который подготовил очень интересный доклад, но в силу ряда обстоятельств он не смог сегодня быть в МГИМО.

«С августа по ноябрь 1991 года — цитирую доклад Шахрая, который он мне переслал, — прекратили существование республиканские комитеты КПСС во всех союзных республиках, и КПСС как общественная организация перестала существовать. Закономерно, что практически одновременно с распадом структур КПСС лавинообразно развалилось и единое государство». В августе 1991 года решение о независимости приняли Азербайджан, Белоруссия, Киргизия, Латвия, Узбекистан, Украина и Молдавия. В сентябре — Армения и Таджикистан, в октябре — Туркменистан. Еще раньше, в 1990-м — весной 1991 года — Литва и Грузия. Именно в эти даты, с августа по ноябрь 1991 года, большинство республик и провозгласили дни свой независимости. Последнюю точку

в этом разрушительном процессе поставили результаты украинского референдума 1 декабря 1991 года, когда абсолютное большинство граждан республики поддержало объявление независимости Украины. Не могу в этой связи не прочитать цитату, которую в своем докладе приводит Сергей Михайлович, цитату из книги Бжезинского «Великая шахматная доска». «Бжезинский писал: "Именно действия Украины, объявление ею независимости в декабре 1991 года и ее настойчивость в ходе важных переговоров в Беловежской пуще о том, что Советский Союз стоит заменить более свободным Содружеством Независимых Государств, и особенно неожиданное навязывание, похожее на переворот, украинского командования над советской армией, размещенной на украинской земле, помешали СНГ стать просто новым наименованием более федеративного Советского Союза. Политическая самостоятельность Украины ошеломила Москву и явилась примером, которому, хотя в начале и не совсем уверенно, последовали другие советские республики". Понятно, что это мнение Бжезинского, но, я думаю, в этом мнении есть рациональное зерно».

Должен также сказать, что при всей российской любви к юбилейным датам, 25-летие внешней политики новой России остается вне зоны активного обсуждения. Этому есть, как минимум, два объяснения. Первое — бурные события дня сегодняшнего затеняют юбилейную дату. Второе — существует некоторое ложное неудобство в обсуждении этой проблематики — мол, берет она свое начало в лихие 90-е годы, когда многое, как говорится, «сдавали без боя», и в качестве компенсации экономически ослабшая Россия все чаще прибегала к финансовым заимствованиям на Западе. Вместе с тем, трезвый анализ показывает, что по итогам четверти века во внешнеполитическом плане России удалось сделать, может быть, даже больше, чем в ряде других областей политической и государственной жизни.

Россия полностью интегрирована в глобальный мир. Отчасти это произошло в силу того, что современный мир унаследовал институциональную систему, рожденную еще в период холодной войны. В годы существенного ослабления России именно этот потенциал, в частности, место постоянного члена Совета безопасности ООН — позволил России не упасть во «второй эшелон». Более того, снятие идеологических самоограничений содействовало максимально быстрому присоединению России к ранее сугубо западным механизмам многостороннего регулирования: Международному валютному фонду, Всемирному банку. Логическим завершением этого процесса стало вхождение России в ВТО. Наша страна сама инициировала строительство новых инсти-

тутов, прежде всего, на пространстве Евразии — это СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, — а также на пространстве Евро-Атлантики. Именно Москва была «мотором» реформирования СБСЕ, превращения Совещания в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Не наша вина, что ОБСЕ до конца не состоялась как организация в международно-правовом смысле. Вершиной же глобальной институциональной активности России стало создание БРИКС. Возможно, в этом объединении пока больше амбиций, чем достижений, но первые постепенно конвертируются во вторые.

Современная Россия фактически сформировала энергетический и транспортно-энергетический рынок Евразии. Этот рынок стал глобальным политическим феноменом. Ранее такая роль была присуща лишь региону Ближнего и Среднего Востока.

Все минувшие двадцать пять лет Россия аккумулирует человеческий и социальный капитал ближайшего ареала. Две страны мира являются наиболее притягательными для мигрантов, стремящихся на их территорию, — США и Россия. Это — реальная демонстрация конкурентной привлекательности России, которая, кстати говоря, в 1990-е годы обеспечивалась без какой бы то ни было внешнеполитической пропаганды, без мощных, ориентированных вовне информационных холдингов. Правда, нельзя не признать, что Россия стала при этом интеллектуальным и профессиональным донором для стран Запада.

Мы с упорством, достойным лучшего применения, боремся за то, что уже случилось, — за многоцентричный мир. Очевидно, что наша страна является одним из центров этого мира и никогда не переставала им быть, даже после распада СССР. На постсоветском пространстве и в 1990-е годы никто не мог сравниться с возможностями Москвы доминировать в экономических и социально-политических процессах. Со временем возможности третьих игроков здесь росли, но увеличивался и потенциал России. Более того, ареал влияния российского полюса распространялся и на другие географические зоны, складывалась совершенно новая композиция стратегического партнерства и ad hoc альянсов.

Трудно представить без России и международную безопасность как глобальный режим. Гипотетическое изъятие нашей страны из этого режима привело бы к обвалу всех многосторонних договоренностей в сфере оружия массового уничтожения. Усилия по противодействию международному терроризму оказались бы или недостаточными, или просто ничтожными без вклада России. Да, нам многое не удалось сделать в устройстве европейской системы безопасности. Более того,

европейский театр демонстрирует возвращение к риторике холодной войны, а часть договоренностей, достигнутых на излете биполярного периода, практически дезавуированы текущими реалиями. К сожалению, европейское направление после 15 лет динамики, пик которой пришелся на первую половину 2000-х годов, сейчас выглядит достаточно печально. Последние 5–7 лет мы живем в конфронтирующей ситуации, когда фактически сталкиваются проекты ЕС и ЕАЭС. Мы говорим об интеграции интеграций, но пока не убедили в ее целесообразности наших партнеров, да и самих себя. На разломе двух интеграционных сценариев, наряду, конечно же, с чисто украинскими факторами, на их жестком противопоставлении, появилась проблема украинского кризиса, приобретшего самоценность в европейской и российской внешней политике, без разрешения которого позитивной динамики на западном направлении, на мой взгляд, ожидать не стоит.

Несомненным успехом всех 25 лет стал выход России на тихоокеанские просторы. В начале 1990-х годов российское присутствие в АТР номинально ничем не отличалось от присутствия советского. Однако стратегическое партнерство с Китаем, снятие блоковой напряженности в отношениях с Японией и Южной Кореей, с другими странами региона, углубление взаимодействия с Индией — всё это привело Россию к втягиванию в тихоокеанские дела в той степени, которая никогда раньше для нашей страны не была достижима. Россия стала не просто участником АТЭС и других многосторонних диалоговых форматов Тихоокеанской Азии, но она учится формулировать свои интересы в региональных торговых режимах, умело маневрирует в перипетиях региональной политики.

К сожалению, такие успехи не сопровождают Россию на Ближнем Востоке. Разумеется, конфликтность этого региона намного выше, ее причины сложнее и многообразнее, отсутствуют якорные внутренние стабилизаторы — такие как Китай или Япония в АТР. Внешние игроки в этом регионе — зачастую хорошие тактики, но плохие стратеги. Легко было разворошить Ирак и Ливию и не воспринимать предупреждения Москвы о возможных последствиях. Вообще, любая рискованная вовлеченность в региональные дела — особенно в этом регионе — должна исходить из долгосрочных стратегий, в которых отражены не только интересы, но и доступные ресурсы.

Важнейшим достижением новой России стало умение вести открытую внешнеполитическую дискуссию — приобретенный опыт концептуализации внешней политики, отработанные технологии создания публичных документов не только общего, но и регионального характера. Уже даже трудно представить, что до 1992 года такой практики

не было вообще, даже знаменитая «доктрина Брежнева» — всего лишь конструкт из цитат, интерпретаций и недомолвок. Эффективность же внешней политики зависит от умения собрать и отразить взгляды групп интересов, представляющих национальную экономику и общественные силы, и адекватно артикулировать эту политику контрагентам на международной арене. И конечно — от формирования новых полей взаимодействия с зарубежными партнерами, позволяющих находить выход из старых и новых проблем, прорисовывать будущее. Такие условия реализуются только в полнокровной политической дискуссии, которую ведет экспертное сообщество, ведут дипломаты-практики, представители бизнеса и общественности.

Все эти вопросы, надеюсь, станут предметом обсуждения на X Конвенте РАМИ. Хотел бы подчеркнуть, что в рамках конвента пройдут конференции, имеющие высокую самостоятельную ценность, прежде всего — конференция, посвященная 25-летию восстановления отношений между нашей страной и Израилем. За четверть века пройден огромный путь, и нас радует, что на конференцию прибыла представительная делегация из Израиля, в которой есть и политики, и дипломаты, и ученые. Пройдет также российско-польская конференция, посвященная нашим нынешним отношениям и их перспективам. С удовольствием приветствую коллег из Польши. Важное значение мы придаем и конференции, посвящённой взаимодействию России с АСЕАН, тем более что завершается 30-й год нашего партнерства. В ней примут участие специалисты, специально приехавшие из стран АСЕАН.

Желаю всем напряженной и плодотворной работы!

Сергей Алексеевич Рябков, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

Уважаемые коллеги, участники Конвента, от имени Министерства иностранных дел, от имени министра С. В. Лаврова, находящегося сегодня в Гамбурге на совещании министров иностранных дел ОБСЕ, сердечно приветствую всех участников юбилейного Конвента Российской ассоциации международных исследований. Я, конечно, очень благодарен за приглашение принять участие в этом мероприятии, выступить в одной панели со столь крупными политиками и академическими деятелями, которые внесли огромный вклад в формирование современной системы международных отношений, ее осмысление, ее анализ, для меня это действительно большая честь.

За последние годы РАМИ полностью утвердила свой авторитет в качестве одной из наиболее активных, востребованных и успешных площадок для обсуждения профильной тематики. Актуальная международная проблематика, которая обозначена во вступительном слове академика А. В. Торкунова, говорит сама за себя. И я уверен, что X Конвент, будучи посвященным 25-летию внешней политики России, окажется успешным с точки зрения плодотворных дискуссий и углубления в ту материю, которая нас всех окружает. Хотелось бы сказать несколько слов о том, что в тысячелетней истории нашего государства четверть века — это исчезающе короткий миг между прошлым и будущим. Но в жизни человечества за этот невероятно сжатый период произошли огромные изменения, и долг исследователей, долг политологов, в том числе участвующих в сегодняшнем Конвенте, — пытаться разобраться в этих процессах и хотя бы в каких-то аспектах расставить точки над i.

Менее чем за одно поколение на наших глазах масштабы и скорость происходящих в мире перемен невероятно возросли. Я говорю даже не о прогрессе технологий, информатизации в финансово-экономической сфере. Такие явления как миграция, трансграничные вызовы, естественно, климатические изменения, перестройка всей шкалы международных приоритетов придали современным международным процессам совершенно новую окраску и новое качество. В начале 1990-х годов бытовало несколько романтическое представление о том, что общечеловеческие ценности скоро восторжествуют, образуется единое сообщество государств-единомышленников, куда Россия естественным образом войдет в качестве равного партнера. К сожалению, по прошествии этого периода приходится констатировать, что эти надежды не реализовались. Если какое-то время назад нас и хотели видеть в каких-то клубах, закрытых группировках, то лишь в качестве младшего партнера, проигравшего в холодной войне и потому обреченного на роль ведомого. Какие бы исторические испытания ни проходила Россия, но подобная цена вхождения в «клубы избранных» для нас не была и не будет приемлемой. Сейчас уже очевидно, что распад двуполярного мирового устройства стал не концом истории, как говорили некоторые, не ознаменовался установлением всеобщего мира и процветания, а окончание холодной войны не отменило расхождение и объективное противоречие политических, экономических, военно-стратегических [параметров] между государствами и группировками, особенно между государствами, самостоятельно определяющими свои национальные интересы. Россия, безусловно, в их числе и будет относиться к этой категории и дальше.

Один из уроков новейшего период нашей истории и нашей дипломатии как раз и состоит в том, что не стоит забывать о широкой исторической и национальной перспективе, которая имманентно присуща российской внешней политике и вообще российскому социуму. Однако сохранение и даже временное углубление на фоне формирования полицентричной модели мироустройства объективных противоречий между государствами и группировками в современную эпоху отнюдь не означает неизбежности столкновения между ними. Очередной конфронтацией, новой холодной войной нас пугали и в годы, последовавшие за упомянутым «розовым», романтическим периодом начала 90-х годов, и совсем недавно после крымских и украинских событий. Но мы не испугались, в обиду себя не дали, в этом вряд ли у кого-то есть сомнения. Вместе с тем конфронтация — это не наш выбор и не наш путь, как не наш путь и другая крайность, а именно самоизоляция в целях «сбережения сил» для внутреннего развития. В современном мире изоляция или самоизоляция, на мой взгляд, вообще проблемна, а для такой страны, как Россия, с ее масштабами — просто невозможна. Это противоречило бы и нашим собственным интересам. Если самоустраниться, мы не сможем вносить должный вклад вместе с другими государствами в международные процессы, не сможем участвовать в формировании более справедливого, коллективного и более эффективного мироустройства. Все равно глобальные проблемы нас настигнут, встанут перед нами во весь рост, и с ними придется иметь дело. Однако последствия и издержки их нейтрализации потом придется устранять с гораздо большими усилиями и гораздо более длительное время. Да и вся историческая традиция России свидетельствует о востребованности нашей страны на международной арене именно в качестве самостоятельного игрока. Наш потенциал и возможность играть конструктивную роль в международной политике во имя мира, основанного на взаимодействии и поступательном развитии, мира, в котором верховенствует международное право, эти возможности значительны, и мы ими будем активно пользоваться.

Сегодня можно с полным основанием говорить о том, что нынешний внешнеполитический курс России пользуется широкой поддержкой внутри нашей страны и за рубежом, по крайней мере, встречается с большим интересом и дает определенные результаты. Внутри страны внешняя политика России, по существу, опирается на общественный консенсус. Это очень важный и прочный фундамент, который придает нам уверенности в собственной правоте. Это неслучайно — он отражает наше представление о роли и месте России как великой державы

в современной системе геополитических координат, воплощает здоровую преемственность по отношению к нашему прошлому, но одновременно устремлен в будущее.

Основные положения российской внешней политики в наиболее полном и концентрированном виде сформулированы, как известно, в Концепции внешней политики, которая 30 ноября была утверждена Президентом Российской Федерации в скорректированной редакции. С 2000 года, когда впервые появился такой документ при В. В. Путине, это уже четвертая его версия. Необходимость его изменения обусловлена как объективными причинами, изменениями в международной обстановке, которые нам всем очевидны, развитием событий за время, прошедшее после публикации предыдущей версии, но также и необходимостью выполнить требования Федерального закона «О стратегическом планировании». Этот закон был принят в 2014 году. Согласно этому закону, базовым документом в сфере обеспечения национальной безопасности является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая в нынешней версии была утверждена в октябре 2015 года. В соответствии с тем же самым законом, Концепция внешней политики должна быть приведена в соответствие с положениями Стратегии национальной безопасности.

В обновленной Концепции внешней политики сохранены базовые принципы внешнеполитической доктрины России, такие как ее самостоятельность, многовекторность, безусловное уважение международного права, открытость для развития равноправного взаимоуважительного сотрудничества со всеми международными партнерами. Эти принципы красной нитью проходят через все разделы Концепции внешней политики и через все редакции, предшествовавшие нынешнему ее варианту. Остается неизменным также тезис о сути происходящих изменений в международных отношениях на современном этапе. Мы связываем это с перераспределением глобальной мощи, появлением новых центров силы и влияния. Сегодня как никогда очевидно, что в одиночку ни одна страна не может ни управлять миром, ни навязывать свои подходы и повестку дня, ни справляться со всем спектром современных вызовов и угроз. Стержневыми в Концепции являются тезисы о последовательном отстаивании национальных интересов и активном содействии решению ключевых международных проблем через налаживание совместных действий ведущих мировых игроков. В этом и состоит уникальная роль нашей страны как уравновешивающего фактора в международных делах, как гаранта мировой стабильности, одного из двигателей развития мировой цивилизации.

Уважаемые коллеги, X Конвент РАМИ проходит в очень интересное и очень непростое для дипломатов и для политической науки время. Мир переживает переходный период, связанный с формированием полицентричной международной системы. Я не очень согласен с тезисом Ректора о том, что мы боремся за создание этой системы, не понимая, что она уже есть. Мы как раз понимаем, что эта система уже сформировалась, и должен сказать, что наши оппоненты во все большей степени тоже глухо и имплицитно или открыто, но признают этот факт. Произошедшая смена вех или даже эпох, имеет многомерный противоречивый характер, затрагивает не только международные отношения, но и другие дисциплины, которыми занимается политическая наука. Мы все чаще говорим о дроблении глобального экономического пространства на замкнутые региональные и торговые пакты, об исчерпании потенциала существующих технологических укладов и основанных на них моделей экономического роста. Сложные процессы протекают в социальной сфере: углубление неравенства, борьба за религиозную и национальную идентичность, межконфессиональные разломы, ценности традиционные и новые, вопросы свободы и тотального общественного контроля, ослабление государств или, наоборот, их доминирование над гражданским обществом. Все это, говоря политологическим языком, — элементы современного дискурса. И как всегда во времена перемен повышается спрос на качественный анализ происходящего, на ваш исследовательский продукт. Говорю об этом на основе собственного опыта. Международные исследования — не гадание на кофейной гуще. У нас с вами и нет — наверное, к счастью, — никакого хрустального шара и карт таро, по которым можно что-то предсказать. Но это не отменяет необходимость тщательного и глубокого анализа, повседневной исследовательской профессиональной работы по всем дисциплинам. Призываю к этому участников и гостей Конвента, желаю всем успехов! Спасибо за внимание!

Андрей Юрьевич Мельвиль, декан факультета социальных наук НИУ ВШЭ, профессор, вице-президент РАМИ

Уважаемые коллеги! Я хотел бы поговорить о соблазне, об искушении геополитикой. Но прежде чем я перейду к этому сюжету, я хочу пару слов сказать о РАМИ, продолжая линию Ректора МГИМО. Много лет назад, когда мы создавали РАМИ, мы не знали, что получится, но амбиции все же были. И мы думали, что что-то крайне интересное из этого

выйдет. Очень важный принцип — его нужно подчеркнуть сейчас — при создании РАМИ был принцип плюрализма мнений, столкновения и обсуждения различных точек зрения. Завершая свое выступление, я вернусь к сюжету, связанному с РАМИ.

Я хочу поговорить об искушении геополитикой. «Слоган дня» и у нас в России, и на Западе — это возрождение геополитики. Начиная с Рассела Мида, return of geopolitics — это самая распространенная тематика. Я попробовал «загуглить» return of geopolitics и получил за 0,35 секунды 585 ссылок с тем или иным упоминанием return of geopolitics. Здесь мне кажется принципиально важным посмотреть на те аргументы, которые как будто возрождают и Ратцеля, и Маккиндера, и Хаусхофера и так далее. Аргументы, на самом деле, очень простые. Это bella omnium contra onmius, это realpolitik, это сферы влияния, это игра с нулевой суммой и борьба за влияние.

Действительно, мир на наших глазах меняется, и все больше походит, как говорят некоторые наблюдатели, на неовестфальский мир, а некоторые аналитики доходят до того, что говорят, что мир находится накануне возврата к Тридцатилетней войне в Европе. Интересно, что очень сходный мотив мы видим и у нас, и на Западе, прежде всего, в США. Архетип сохраняется очень схожий, оценки, разумеется, разные. Если мы посмотрим на литературу, на последние размышления западных аналитиков, ученых, начиная от банальных прогнозов Стратфора до выступлений таких известных и квалифицированных людей, как С. Коткин, Л. Грэхем и многие другие, мы видим одну и ту же схему: незащищенность границ, внешние враги, экспансия и экспансия влияния как единственный способ обеспечения безопасности, стратегическая глубина для безопасности, буферные зоны и так далее — все это применительно к стратегии России.

Я задаю два вопроса себе: может ли кризисное состояние современного мира — а оно очевидно — быть объяснено одними геополитическими факторами и уходила ли действительно геополитика, как утверждает МИД и многие другие исследователи и публицисты, из фокуса международных исследований, из фокуса политической науки. Территория и география, границы, проблемы сопределов всегда оставались в фокусе внимания международников, политологов и, конечно, историков. Например, это фокус исследований Фреда Тернера, Биллингтона о фронтире, фронтире американском и фронтире сибирском, это фокус исследований великого историка Карла Витфогеля о гидравлических цивилизациях, пространстве как факторе влияния на политические процессы. Все эти следования с фокусом на геополитику, на

проблему территории и политического оформления этих территорий всегда были в фокусе политической географии, а в последнее время, которое сейчас легко списывается со счетов под знаком кризиса глобализации, это были исследования, посвященные трансформациям пространства и времени в условиях современного развития, сужения пространства и ускорения времени. И вот тогда я задаюсь вопросом «А что же вернулось?». Возвращение геополитики — но она ведь никуда не уходила, как я пытаюсь сказать. Анализ пространства, его влияния и связи пространства с теми или иными позициями государств в мире. Вернулось, по моему мнению, упрощенное черно-белое представление о геополитике. И с этим связано искушение, довольно опасное, в моем представлении, как минимум, неправильное. Искушение геополитикой как простыми рецептами объяснения сложных проблем. Отсутствующий здесь Андрей Кортунов блестяще назвал это «геополитикой для чайников». Географический детерминизм, идея о том, что географическое положение и конкуренция между мировыми центрами влияния предопределяет мировую политику и характер международных отношений, предопределенность будущего, некая судьба и вытекающая из географического положения и неизбежного конфликта. Все это характеристики той вульгарной черно-белой упрощенной геополитики, которая сейчас становится достаточно популярной по всем сторонам границ.

Другой вопрос, который я хочу задать себе, это были ли альтернативы такой геополитике? Это очень сложный вопрос, потому что он заставляет нас посмотреть на множество иных, не-геополитических факторов, факторов политических, социальных, культурных, психологических, которые могут быть использованы для объяснения сложившегося положения в мире и в странах. Я еще хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что современная геополитика, эта упрощенная геополитическая картина мира, является компонентом очень важного и реально возникшего неоконсервативного консенсуса, который поддерживается политическим классом, общественным мнением, экспертным сообществом и так далее. Нет времени говорить о других компонентах этого консенсуса, но я бы отметил такие идеи, такие концепты, как государство-цивилизация с особым путем, непримиримый раскол ценностей, который ведет к обострению идеологической борьбы, как люди моего возраста могут помнить из советского прошлого, это социальный консерватизм, фундаментализм и традиционализм как антидот моральному упадку постмодернистской Европы, ну и политический консерватизм, который основывается на защите статус кво.

Замечу, что когда я говорю «консерватизм», я не имею в виду ничего дурного. Консерватизм — это вполне обоснованная легитимная политическая идеологическая концепция, но при одном условии. Вспомните Артура Шлезингера младшего и его работу «Vital Center», в которой он прекрасно обосновал жизненность консерватизма в связке с другими идеологическими и политическими течениями — либерализмом, но не только. В этом смысл концепции Шлезингера о жизненном центре. Консерватизм живет взаимодействием со своими оппонентами, он им оппонирует, но дает возможность высказываться. В этом великая идея жизненного центра. Не совсем это происходит с нашим неоконсерватизмом. Наш неоконсерватизм самодостаточен, ему не нужны оппоненты, и это весьма печально. Потому что наш неоконсерватизм, основу которого составляет достаточно упрощенная геополитическая картина мира, пытается легитимизировать себя отсылами к евразийству и неоевразийству со всеми сложностями, которые были сопряжены с этими мощными идейно-политическими течениями российской истории. И действительно, евразийство, которое подвергалось остракизму в советские времена, только в 1980-е годы начинать набирать обороты и некую респектабельность. Великий Лев Гумилев, совершенно удивительный Вадим Цымбурский с его трактатом «Остров Россия». Другой полюс — это Дугин с его размышлениями о противоречии между центрами мировых сил и роли России как державы, которая должна придерживаться не европейского, а восточного выбора. Я пытаюсь сказать, что это были — и есть — люди, искренне приверженные своему философскому кредо. К сожалению, среди современных геополитиков много тех, кого я назвал бы не апостолами, а неофитами. Это люди, которые буквально 10–15 лет назад считались сторонниками либерального интернационализма, кооперации и так далее. Это серьезные вопросы, которые нуждаются не просто в упрощенном геополитическом рассмотрении. Здесь клубок проблем, экономических, социальных, политических, психологических, ценностных, и все это должно быть предметом нашего утонченного анализа.

И моя кода, мое завершение — я возвращаюсь к теме РАМИ, которая возникала и в выступлении Анатолия Васильевича [Торкунова], и Сергея Алексеевича [Рябкова]. РАМИ возникала много-много «тысячелетий» назад как форум для экспертного обмена мнениями, как форум для спора. Считаю, что этот спор должен продолжаться. Важность открытых профессиональных и общественных дискуссий по поводу внешней политики и международных отношений сегодня мне представляется предельно высокой. Обратите внимание на то, что сю-

жеты внешней политики в значительно мере не являются предметом острых дискуссий. Дискуссии у нас в стране идут по экономическим, социальным и культурным сюжетам, но не по проблемам внешней политики. Выборы 2016 года в Госдуму были прекрасным этому подтверждением: внешняя политика в ходе этих выборов не обсуждалась, и в программах партий, если вы посмотрите на них, сюжеты внешней политики очень часто либо отсутствуют, либо являются сокращенными. Я пытаюсь сказать, что в новом периоде, в новом цикле у РАМИ есть очень важная функция — предоставить форум, площадку для профессиональных и общественных открытых дискуссий с разными альтернативами, с разными точками зрения. Это залог жизнеспособности и дальнейшего успеха Российской ассоциации международных исследований.

Спасибо!

Амидрор Яаков, бывший советник по национальной безопасности премьер-министра Государства Израиль

I'm happy to be here, probably the only one who doesn't speak Russian in this forum. I don't know the language, I apologize. It was the language of my father's family, but I speak only Hebraic and English, I understand Arabic, but I speak only Hebraic and English. I use the opportunity to thank you for inviting me to Moscow. It is very rare to see in Israel such a wide city as Moscow is today. And it's a good opportunity to speak here about the international community and the present situation.

I'm a politician, I didn't come from the Academia, but I looked at the situation and I found this transition period very interesting. Because I think that there are no yet any real tools to deal with the problems that this world is facing. I looked back in the history and I tried to understand whether there were such situations in the past and I found one. It is the period after the First World War. The First World War changed the world. Here in Russia a new system emerged; in the Central Europe the Austro-Hungarian Empire, which had controlled many areas for few hundred years, disappeared; Great Britain was not so great after the First World War after more than two hundred years in which it was the global force; the Ottoman Empire in the Middle East disappeared; the Americans emerged as the new force in the world; and the old rules of dealing with problems didn't fit to the new situation. They tried to build after the First World War a new world in which peace would last forever, and it was ended after 20 years with a devastating war.

I don't have to speak about the Second World War, or the Great War, here in Moscow. You, more than anyone in the world, understand how devastating it was. I think only Jews and Russians understand how bad that war was. And from the Second World War emerged a new world which was bipolar, there were two poles: one center in Moscow and one center in Washington. And after the collapse of the USSR all the rules have been changed.

We are a very little country. You are a state with millions square kilometers, and we are doing it with thousands square kilometers. Israel within the green line is 20 thousand square kilometers, that's all. The number of people living in Israel is less than the number of people who are living in or everyday are in Moscow, it's 8,5 million. So we are a very little country, and from our perspective what we see is a chaos, not a system.

The international arena is a joke. You and Americans neutralize each other in the United Nations, and the United Nations isn't relevant to anything in the world but condemning Israel from time to time. Global terror in Syria? Around million people had been killed, 85 % of them are innocent civilians. Where is the international community? Where are all these nice words about the new arena in which Russia has a very important position? Almost one million people killed, 10 million are refugees, either within Syria or outside Syria. Where is the international community? Where are the tools that you suppose to use as one of the leaders of this international community? Where do you stand? So, the international community does not exist.

There is no any force which is strong enough and has the will to intervene. So you decide you'll do something in Syria, the Americans decide that they'll do something in Libya, the French are doing something in Mali and everyone is doing something, but at the end of the day, if you look at the world from our perspective, it's a chaos. It's a chaos in which the stronger has the better chances to survive. But it is a chaos, it's not a system in which there are some forces that you can apply to and by agreement between them a solution would be found. If someone is ready to send his military forces and to fight, he can win. But this is not the world in which we assume being, we want to live, in which everything can be achieved only if you are ready to send your military forces. Where is the force of diplomacy? Where are all the diplomats that you spoke about? What agreement did they reach to stabilize the world? And why for us, Israelis, it is so important? Because at the end of the day if everything is the question of military capability, it's a huge problem for little countries. Huge. And this is why we are so sensitive to changes in areas and very detailed issues which for others are nothing of importance.

I'll give you one example that I was very much involved in. You are selling very modern weapons systems to the Syrians. It's OK. You have an

agreement between you and Syria, they pay you money, you sell them weapons systems, it's OK. But who is taking care for the fact that the Syrians decided to transfer part of these weapons systems to Hezbollah which is the strongest enemy of the State of Israel? And we are finding ourselves, with all the fantastic relations that we are having with Russia, — and we never had such good relations with Russia as we have today — facing Russian weapons systems which probably had been sent to the Syrians, but at the end of the day they found themselves in the hands of Hezbollah. In the very big world in which Russia is involved, it is a very little issue. For us, a little state, the ability of Hezbollah with hundreds of thousands of rockets and missiles is a huge problem. And at the end of the day when we have to face not just what had been produced by the Iranians and was transferred to Hezbollah but also what was Russian-made and transferred to Hezbollah, it's a huge problem. But again because the whole area is in chaos, this is a very little issue for you and a very big one for us as a little state.

And the problem is that what we are facing now is that there is no any system in which the world has the ability to deal with the problems either in Europe, or the South-East Chinese Sea, or, for sure, the Middle East. And what you see today in the Middle East is a turmoil area in which states are crumbling, in which terror is flourishing, in which people are losing their ability to defend themselves, and you see the number of people which have been killed in the last few years, and the number of civilians who have been killed in wars. And they don't have to whom to apply because the international community practically does not exist. And what worries us is that this is the pre-Second World War situation in the world, in which the world is facing problems and does not have the tools to deal with them. In the 1930s it led to the devastating war. In the future, who knows what it will look like. Because when the international community does not have the tools to deal with the problems, it might lead to a very problematic situation, if you take the example of the 1930s. And this is what worries us as a little state. And because of that what we try to build is a network of relations.

No question that our greatest ally is the United States of America, but at the same time, the same days that we have good relations with Washington, we are trying to build much better relations with Moscow and China. Because we understand as a little state that for us only this networking of relations which in the center between us and the USA (the relations between us and the USA are very important) we need these relations with Russia and China and India and so on. Because if there is no any center of gravity — and there is no center of gravity — internationally, and there is

no any international system in which problems can be solved, what we need as a little state is to have this network in which we have relations with different countries.

Remember the times when none is substitute to our good relations with Washington. At the same time, we never had such good relations with Moscow. Looking at the world I was — I heard very optimistic words from the experts here in Moscow…maybe a perspective from a big state like Russia is different from a perspective from a little state like Israel — I cannot find any good word to say about the international system of today. And for a little state like the State of Israel it is a huge problem. We hope that the relations that we are building with countries like Russia and others will help us to deal with those problems that we are facing. Because the Middle East is going to be in turmoil in the next decades. It is not something artificial.

The war in Syria is not about terrorism, with all the respect. It is about 12% of Alawites who are controlling the state which had been in the past — before they deported so many Sunnies — 85% Sunnie. And you cannot change it by force. The fact that the state was controlled by 12% is not something that you can change by sending forces. And the fact that countries like Iraq are disintegrating is not only because of the American intervention, with all the respect. I know that this is the classical explanation here in Moscow. It was the situation in which the minority Sunnies controlled the majority Shias. You cannot ignore it. At the end of the day that was the situation. Of course Saddam Hussein was very strong, and he used his ability to control, but you cannot ignore the fact that they were Sunni minority, bigger minority than the 12% of Alawites but still minority. And so on and so force in the Middle East in which there are many reasons for this disintegration. It is Shias vs Sunnies, it is radical Islam vs modernity, it is collapsing of non-functioning states which couldn't provide the citizens the need for jobs, food, hope for the future — overlapping each other. Israel is in the center of that. And we know that we will face these turmoils in the future and the only way from the point of view of a little state in a world in which there is no international arena in which you can bring you problems and hope for solutions is to have the bilateral relations that we are trying to build and we are proud and happy that we have these bilateral relations with the Russian Federation and we hope that it will be even better in the future. And it is not for us any question that we should celebrate these 25 years of diplomatic relations between the Russian Federation and the State of Israel because it's a cornerstone in our relations. It is very important for a little state to have these relations. We hope to enhance them in the future.

Thank you very much!

Андрей Афанасьевич Кокошин, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН

Дорогие коллеги, дорогие друзья! Мы сегодня обсуждаем фактически 25-летие внешней политики России на юбилейном Конвенте РАМИ, это очень хороший, очень важный форум.

Я бы хотел обратить внимание на несколько вопросов, связанных с силовой составляющей российской внешней политики. Особенно хотел бы отметить первые годы существования Российской Федерации, 1990-е годы. Это для меня представляет не только академический интерес. Я хотел бы поделиться своим личным практическим опытом, который, мне кажется, имеет большое значение и для нашей современной жизни.

Коллеги уже говорили о том, что после распада Советского Союза, после завершения холодной войны, возникла совершенно новая международно-политическая ситуация, возникло много разного рода иллюзий, и практически ни одна из этих иллюзий не оправдалась. Одна из иллюзий касалась изменения роли военной силы, по крайней мере, для нашей страны, для Российской Федерации. Это были исключительно тяжелые годы для страны в целом и непосредственно для вооруженных сил Российской Федерации, молодых, только что сформировавшихся из вооруженных сил СССР, и для российского оборонно-промышленного комплекса. Все мы помним, в каком тяжелом положении находилась российская экономика. Сокращение расходов на оборону, в частности на закупки вооружений, на НИОКР, на содержание вооруженных сил, происходило не только ежегодно, оно происходило ежемесячно. Оборонно-промышленный комплекс оказался в очень специфической ситуации: без заказов, без какой бы то ни было четкой политики конверсии — на конверсию выделялись вообще мизерные деньги. Вся система управления оборонно-промышленным комплексом была ликвидирована в одночасье. Остался только — мы отчаянными усилиями разных деятелей его спасли — Минатом. Люди понимали, что должен кто-то контролировать объекты атомной промышленности и объекты, на которых производятся ядерные боеприпасы.

В этих условиях доминировали настроения относительно того, что многие компоненты военной мощи не очень-то и нужны Российской Федерации. Особенно часто мне доводилось слышать это применительно к нашим стратегическим ядерным силам, когда мы ставили вопрос о том, что нам необходимо создавать задел под модернизацию этих

сил, нужно вести НИОКРы, направленные на появление новых систем вооружений. Мне говорили: «У нас же кругом одни друзья теперь. Для чего это нужно? На кого ты будешь направлять и нацеливать эти системы стратегических вооружений?». Но было достаточное количество людей, которые понимали, что мы без этого просто не можем обладать статусом великой державы, не можем обеспечивать свои национальные интересы даже в том мире, в котором мы очутились, в мире, полном, как я уже сказал, неоправдавшихся иллюзий.

Мы пытались заглянуть в будущее, мы исходили из оценок долгосрочных тенденций в развитии мировой политики, из понимания того, что мир состоит из таких акторов, которые находятся в состоянии соперничества друг с другом. И соперничество это часто имеет военное измерение. И для того, чтобы в этом соперничестве Россия заняла достойное место, ей нужно иметь не только «мягкую» силу, но и жесткую. И, естественно, прежде всего, нужно было иметь жизнеспособную экономику.

Сфера моей ответственности была не экономика, она была связана с вооруженными силами, с их оснащением различного рода системами, различного вида военной техникой. Я помню, как осенью 1992 года мы активно обсуждали эти вопросы, готовили соответствующую коллегию Министерства обороны, и я могу сказать, что тогда тоже, и внутри Министерства обороны, были довольно жесткие дискуссии. И министр обороны, и целый ряд его соратников считали, что главное должно быть брошено на текущее содержание вооруженных сил, которые находились в очень сложном состоянии. Значительная часть вооруженных сил в спешном порядке выводили из Германии, из других регионов, и конечно все это нуждалось в очень большом финансовом обеспечении. Но при поддержке начальника Генерального штаба Виктора Петровича Дубынина мне удалось тогда добиться принятия решений о том, чтобы сохранить все важнейшие приоритетные научно-исследовательские опытно-конструкторские работы, и их финансировать в должном объеме для того, чтобы мы создавали задел под будущее обеспечение вооруженных сил всем тем, что им нужно.

Что же было тогда заложено? «Тополь-М», «Ярс» — это межконтинентальные баллистические ракеты, — системы стратегических подводных ракетоносцев «Борей» с соответствующими лодками, высокоточное оружие в ядерном и неядерном снаряжении для наших стратегических бомбардировщиков. Если говорить о силах общего назначения, то для ВВС создавался Су-34, который сейчас работает в Сирии, был создан задел под 5-ое поколение истребителя, который сейчас уже в не-

скольких единицах успешно проходит испытания. Для военно-морского флота это были малошумные атомные подводные лодки, достраивался целый ряд эсминцев, создавалось новое оружие, которым сейчас уже будут оснащаться новые типы кораблей. Принципиально новым оружием оснащался тяжелый атомный ракетный крейсер «Петр Великий». Наш авианосец «Кузнецов» тогда тоже был практически без авиации, и тогда было принято решение о том, чтобы он получил ту авиацию, которая способна выполнять боевые задачи. Целый ряд видов вооружений и военной техники создавался также и «дотягивался» до нужного уровня, и закладывались новые технологии, новые системы в сухопутных войсках. Очень большое внимание мы тогда уделили средствам радиоэлектронной борьбы. Специальная программа была сделана под военную микроэлектронику. Все эти программы работают до сих пор. Мы понимаем, что цикл создания системы оружия — это 20, 25 и 30 лет. И тогда мы видели, что все это нам очень пригодится, и как мы знаем, действительно все это оправдалось, и сегодня трудно представить себе Россию, ее место в системе мировой политики без тех систем вооружений, той военной мощи, которая во многом закладывалась тогда.

Несколько слов я хочу сказать о наших особых отношениях с Китаем и Индией. Министерство обороны — это, конечно, не Министерство иностранных дел, но у него тоже есть свои возможности по ведению внешней политики, особенно в тех условиях, когда мы считали, что тогдашний министр иностранных дел проводит не совсем сбалансированную внешнюю политику на международной арене, ориентируясь почти исключительно на западные страны. Министерство обороны сделало свой крен в сторону Китая и одновременно Индии. Мы открыли возможности очень широкого сотрудничества в военно-технической сфере, которое, безусловно, имеет большие политико-военные и военно-стратегические последствия. Тогда, благодаря нашему сотрудничеству с Китаем и с Индией, очень сбалансированному, мы формулировали такую политику, при которой мы ничего не поставляли в Китай такого, что могло бы вызвать озабоченность в Индии, и ничего не поставляли Индии из того, что могло бы вызвать озабоченность у Китая, а это была непростая задача. Такую политику сформулировал наш аппарат Комитета военно-технической политики, который мне подчинялся. В результате мы получили довольно серьезную финансово-экономическую подпитку нашего оборонно-промышленного комплекса. Очень многие системы вооружений, которые мы поставляли и в Китай, и в Индию, параллельно давали возможность развиваться перспективным системам вооружений. Поставки С-300 привели к созданию С-400, С-500,

знаменитых, может быть лучших в мире системам ПВО, ПРО, и целого ряда других систем вооружений.

В завершении, я хочу сказать, что современная внешняя политика России не может мыслиться без военной составляющей. Безусловно, военная составляющая не должна играть превалирующего значения. Мы все помним знаменитое мнение Клаузевица, «формулу Клаузевица», о том, что война есть продолжение политики, соответственно, все действия с использованием военной силы, все применение военной силы есть только производная от политики и должно подчиняться политическим решениям. Но внешняя политика, которая не имеет военной составляющей, не опирается на военную мощь, явно для такой державы как наша, претендующей на очень серьезную роль в мировой политике, всегда будет несостоятельной.

Спасибо за внимание!

Аскар Акаевич Акаев, Президент Кыргызской Республики (1991–2005), академик РАН

Уважаемый председатель, уважаемые участники Конвента, дорогие друзья! Мое выступление касается авангардной роли России в становлении многополярного мироустройства. В послевоенное десятилетие на базе договоренностей трех великих держав антигитлеровской коалиции, достигнутых в Ялте в феврале 1945 года, удалось обеспечить сравнительно устойчивое геополитическое развитие и избежать перерастания ряда локальных конфликтов в новую мировую войну и столкновение цивилизаций. Я имею в виду войны в Корее, Вьетнаме, Карибский кризис и Афганистан. Прекращение холодной войны способствовало безусловному усилению этой тенденции. Однако допущенные Горбачевым, Шеварнадзе односторонние уступки Западу и НАТО, роспуск Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора, а затем и распад Советского Союза подорвали основы Ялтинского мира и породили у США и НАТО иллюзию возможности становления однополярного мироустройства при превращении России во второразрядную региональную державу. Проводимый Ельциным, Козыревым внешнеполитический курс на следование в фарватере политики Соединенных Штатов Америки, привел к резкому ослаблению внешней политики России и ее позиции в геополитическом мироустройстве. Однако с приходом Евгения Максимовича Примакова к руководству МИД, а затем и Правительства России, этот глубоко ошибочный курс начал исправляться. При Путине, Лаврове

внешнеполитический курс был подчинен задаче возрождения России как мощной мировой державы, проведению независимой внешней политики, отвечающей как национальным интересам России, так и возрождению Евразийской цивилизации.

Но эта независимая политика России вступила в острое противоречие со стремлением США и их союзников по НАТО к сохранению своей гегемонии и формированию однополярного мироустройства при игнорировании Организации Объединенных Наций. Особенно остро эти противоречия проявились в середине 2010-х годов в результате украинского кризиса, естественного закономерного воссоединения Крыма с Россией и применения Западом санкций к России. Нарушены основы геополитической устойчивости, возрождается призрак холодной войны, американские милитаристские круги вступили в новый виток гонки вооружений и совершили ряд военных авантюр в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии.

С другой стороны, с конца XX века мир вступил в эпоху исторического разлома, длительного и глубокого глобального кризиса, обусловленного сменой сверхдолгосрочных цивилизационных циклов, закатом 200-летней индустриальной цивилизации и становлением гуманистически ноосферной интегральной мировой цивилизации, переходом от 500-летнего 4-ого поколения локальных цивилизаций при доминировании Запада к 5-ому поколению, но уже при лидерстве Востока. Одним из проявлений глобального кризиса является резкое обострение геополитических противоречий между восходящими цивилизациями и ведущими державами во главе с Китаем и Россией, закладывающими основы интегральной цивилизации будущего и многополярного мироустройства, и нисходящими цивилизациями и мировыми державами во главе с США и Евросоюзом, стремящимися сохранить обреченную на уход с исторической сцены индустриальную цивилизацию и установить однополярное мироустройство при гегемонии Запада.

В этих условиях, естественно, возникает необходимость формирования нового мироустройства, учитывающего изменившееся соотношений сил, сдвиг центра цивилизационной активности на Восток в результате восхождения и укрепления позиций Китая и Индии, формирования БРИКС и ШОС, в которых Россия занимает ключевое место. Меры по становлению нового миропорядка достаточно четко определены в стратегических документах БРИКС и ШОС. Россия также выступила с инициативами «интеграции интеграций» и партнерства в рамках Большой Евразии в целях укрепления основ складывающего многополярного мироустройства. Достижению этих целей, естественно, способству-

ет также провозглашенная Китаем программа Экономического пояса Шелкового пути. Новая модель мироустройства должна быть ориентирована на диалог и партнерство цивилизаций и государств в ответ на вызовы XXI века. Именно такую политику последовательно проводит Президент РФ Владимир Владимирович Путин и Министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров.

На состоявшейся в октябре 2016 года VII международной конференции в Ялте, организованной журналом «Международная жизнь» при участии МИД России, мы совместно с профессором Яковцом выдвинули предложение о разработке новой модели устойчивого многополярного мироустройства на базе диалога и партнерства цивилизаций — назовем его «Ялтинский мир-2», — создание для этого Ялтинского клуба ученых и дипломатов и последующего вынесения этой модели на обсуждение Саммита цивилизаций в 2020 году и в ООН аккурат к 75-летию основания этой организации. Новая модель мироустройства должна базироваться на общности интересов всех цивилизаций, на своевременном и сбалансированном ответе на грозные вызовы XXI века.

Это, прежде всего, объединение усилий для уничтожения ИГИЛ и преодоления международного терроризма, который определяет угрозу, равноценную фашизму в 1930-е годы. Это и совместные усилия в борьбе с нарастающей экологической катастрофой в результате радикальных изменений климата, резкого потепления, возможного затопления многих мегаполисов, прибрежных городов мира, центров культуры, науки, технологии, человеческой цивилизации. Это и уменьшение потерь и ущерба от увеличивающегося числа природных и техногенных катастроф. Это и расширяющееся число стран, охваченных депопуляцией, распространение голода и нищеты на планете, потоки нерегулируемой вынужденной миграции. Это и растущий паразитизм и турбулентность глобализованной современной экономики, резкие колебания мировых цен, валютных курсов, растущая неустойчивость экономики «мыльных пузырей», увеличивающаяся пропасть между бедными и богатыми странами и социальными слоями во всех авангардных странах мира. Наконец это и прекращение гонки вооружений, предотвращение локальных военных конфликтов, последовательное проведение сокращения накопленных запасов оружия массового уничтожения, применение которого способно уничтожить все население и биосферу нашей планеты Земля.

В то же время в мире имеется немало совместно выполняемых проектов: это и освоение космического пространства, это и сотрудничество в области исследования Арктики и Антарктиды, а также недавно принятое — ровно год назад — историческое Парижское соглашение по

борьбе с потеплением климата и многие другие. Число таких совместных программ и проектов необходимо умножить в интересах нашей человеческой цивилизации и всего человечества. Инициатива разработки нового устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций станет ярким проявлением авангардной роли России в преодолении современного глобального геополитического кризиса и формировании устойчивого геополитического климата, способствующего реализации намеченных Саммитом ООН в сентябре 2015 года Целей устойчивого развития на период до 2030 года. Я думаю, вы согласитесь: сегодня для человечества нет задачи выше и важнее, чем Цели устойчивого развития, установленные Саммитом ООН 2015 года.

Спасибо огромное за внимание!

Андрей Георгиевич Быстрицкий, председатель Совета Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай»; декан факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ, профессор

Уважаемые коллеги! В первую очередь я хотел бы выразить благодарность и признательность за приглашение и большое уважение и восхищение организаторами Конвента. Я хотел бы сказать буквально несколько слов о том материале, который будет обсуждаться сегодня несколько позже, на сессии Валдайского клуба, посвященной большому докладу, который называется «Глобальный бунт и глобальный порядок», о революционной ситуации в мире и о том, что с ней делать.

Мы действительно живем в ощущении того, что, в общем, достаточно демагогические еще недавно разговоры о радикальном изменении в мире стали абсолютной реальностью. Стало ясно — мир в самом деле меняется, причем меняется как-то очень странно и нехорошо. Пересекаются между собой разные явления. Понятно, что нельзя сравнить Brexit, избрание Трампа и сравнительный успех Фийона и, скажем, деятельность запрещенного в России Исламского государства, но мы видим, что какое-то брожение в людях, какое-то движение масс произошло.

Произошло ли это потому, что люди оказались втянуты в новые коммуникации, а коммуникационные технологии сделали мир действительно единым, он страшным образом объединился. Люди, предположим, в Африке, жили в какой-нибудь африканской деревне и были достаточно счастливы своим маленьким миром, а теперь оказались втянуты в страшный иерархизированный огромный мир, на вершине

которого сидят президенты крупнейших стран, выдающиеся актеры и мультимиллионеры. Их не только связала единая коммуникация, они еще и стали мобильными, потому что перебрались в города. В основном население Земли стало более городским. И хотя в первой половине пленарного заседания много говорилось о том, что жизнь не очень хороша, на самом деле в общем и целом благосостояние растет, именно благодаря этому и идет миграция. Миграцию, кстати говоря, чуть затормозили в последнее время. Но она не остановится, в этом у меня нет никаких сомнений, потому что к ней есть фундаментальные причины, и, наверное, более фундаментальные, чем те или иные трагические события в той же Сирии. Так или иначе, мы видим, что брожение растет. Мы видим протестные голосования, мы видим страхи.

Кстати, здесь возникает достаточно важный терминологический вопрос понимания, как это все обозначать. Вот, например, наш доклад, точнее, проект доклада, материалы к нему. По-русски он называется «Глобальный бунт и глобальный порядок», по-английски — «Global Revolt». Но бунт — это не revolt. Бунт — слово немецкое, в какой-то степени польское, и вообще-то обозначает близкое слово bunta — в словарях определяется как «действия скопом против властей», а revolt — это не совсем то, это терминологически довольно сложное слово. Может быть, вообще имеет смысл говорить о том, что мы наблюдаем нечто вроде вялотекущей глобальной гражданской войны. Ведь события на Ближнем Востоке — это по существу гражданская война, которая идет там между мусульманами, прежде всего из-за того, что их традиционное общество распадается, их традиции, воспитание, социализация ушли в прошлое. Огромное количество молодых людей перебрались в большие города, они бедны, они пушечное мясо, вместе с тем там очень много денег, колоссальное количество этих денег и метущаяся исламская интеллигенция, которая тоже пытается найти свое место в мире.

Все это очень напоминает то, что происходило в Российской Империи перед Октябрьской Революцией: та же распадающаяся община, тот же большой приток средств, та же замученная интеллигенция, которая не знала, куда приткнуться, те же медленные социальные лифты. Просто в арабском мире это происходит в более прямом виде, а в цивилизованных странах это происходит в какой-то степени в форме голосования. Но все равно мы наблюдаем очень глубокий конфликт, очень глубокий раскол. И этот раскол происходит на фоне колоссального кризиса элит, опустошения самого понятия политического конфликта — кто левый, кто правый. Мы видим, что есть какие-то различия между большими политиками на Западе, но они скорее слабеют, чем усиливаются. И мы

понимаем, что историческое сражение двух достаточно пожилых и умудренных жизнью людей за пост президента Америки — это в какой-то степени одна и та же реакция, в которой, возможно, больше общего, чем кажется на первый взгляд.

Если подытоживать, я хотел сказать о том, что двигает этот конфликт. С одной стороны, нечеловеческий, фантастический технологический успех — то, что мы сейчас видим, поезда, которые ездят со скоростью 500 км в час, самолеты, информационные технологии, биология, медицина… Мы на пороге, а возможно, уже и внутри индустрии 4.0. Эта индустрия 4.0 дает нам сногсшибательные возможности. Big data — мы видим, как она применяется и работает. Индустрия 4.0 движется людьми, которые, в общем, с глубоким презрением относятся к существующим социальным и политическим институтам. Они живут в достаточно интернациональных коллективах, это очень продвинутые, энергичные, образованные люди, решительные и смелые. Их немного в этом мире, но они очень эффективны. С другой стороны, мы видим фантастически косную, совершенно страшную реакцию, где-то проявляющуюся в средневековой дикой жестокости, а где-то просто в консервативном сопротивлении… Недаром Трамп выступает против Транстихоокеанского партнерства — дело даже не в ТТП — дело в том, каким образом будет осуществляться взаимодействие между различными субъектами и силами, между различными элитами, как это все будет оформлено… А дальше это приводит к тому, что и Трамп, и Клинтон — каждый по-своему сопротивляются этому будущему, каждый по-своему его опасается.

Мы видим, как существенная консервативная часть населения Земли пытается сохранить тот мир, из которого им не хочется уходить. И возможно, справедливо не хочется, возможно, им не нужно оттуда уходить, потому что тот мир, который придет, может быть вовсе недружелюбен. Что мы будем делать с искусственным интеллектом? А он, в общем, на пороге. Что мы будем делать с ситуацией, когда в одних местах люди будут жить 120 лет, а в других по-прежнему 60–70? Что мы будем делать с ситуацией, когда умственные способности людей в разных местах будут различаться куда более серьезно, а соединение с искусственным интеллектом будет иметь колоссальное значение? Эти турбулентные изменения и приводят к тому, что мы в страшно рисковой зоне существования нынешних институтов, традиционных ценностей. В рисковой зоне — осуществление мягкой трансформации к желательному будущему, сохранение контроля над этим будущим, при этом, не отрицая его. Это сложный выбор.

Спасибо большое.

Александр Оганович Чубарьян, научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН

Российская ассоциация международных исследований — это превосходная дискуссионная площадка. Очень удачно, что Конвент — это не просто пленарное заседание, а небольшие круглые столы, многочисленные встречи. Ибо глубокий анализ делается обычно не на собраниях тысячи человек, а где есть малочисленные, но очень авторитетные группы.

Когда мы говорим про 25 лет российской внешней политики, история сегодня составляет очень важный компонент внешнеполитической деятельности не только российского государства, но всего мира. Это естественный процесс, и я бы сказал, что это, *к сожалению*, так. Конечно, было бы идеально, если бы история оставалась историей, если бы ей занималось профессиональное академическое сообщество и никто больше. Конечно, история важна для воспитания молодого поколения, для учебников и проч. Но она сегодня остается полем довольно острых столкновений, которые идут на международной арене, в которые вовлекается и официальная дипломатия.

Я не очень приветствую, когда каждый год в августе в связи с годовщиной пакта Молотова–Риббентропа идут заявления отдельных государств на уровне МИДов, на которые отвечает и наше Министерство. Это показывает, что история остается существенным компонентом дипломатической, внешнеполитической деятельности. По вопросам истории у нас сейчас меньше противоречий с Соединенными Штатами, Англией, Францией и Германией. США, Англия и Франция — потому что все решения принимались вместе. Можно сколько угодно спорить насчет роли Советского Союза в Восточной Европе после Второй мировой войны, но это был результат Ялтинской системы, а это коллективная система. Я сейчас был на встрече «Nordic Countries in Russia», и неожиданно коллеги подняли вопрос о событиях в Финляндии после Венского конгресса. Но ведь судьба Финляндии, как и судьба Польши, кстати, после Венского конгресса — это деяние не только императорской России, это решение международного конгресса. Можно, конечно, оспаривать, как это было, но это то, о чем говорил Андрей Юрьевич, геополитическая ситуация того времени вызвала такое коллективное решение. Так вот, Англия, Франция, США в этом конгломерате вопросов занимают довольно спокойную позицию, особенно академическая наука. То же самое касается Германии, потому что остается мера ее ответственности за то, что было в XX веке.

Но главное противоборство и главная проблема для России сегодня, для российской внешней политики, — это наши соседи. Это Центральная и Восточная Европа и постсоветское пространство. Я думаю, что здесь очень существенный момент для экспертного сообщества — продолжить работу, исследование ситуации в этом направлении. Здесь очень большое давление исторических стереотипов, здесь очень большое давление истории не только XX века, а, если это Польша, то это начинается со Смутного времени — XVIII век, XIX век. Это портит климат, создает определенные исторические стереотипы. Мы сейчас сделали с польскими коллегами учебное пособие для польских и российских преподавателей (сделали XIX век, а будет еще XVIII и XX), и мне казалось, что XIX век поспокойнее, а оказалось, довольно острая дискуссия была. Но мы все-таки достигли консенсуса и сделали общую книгу о преодолении исторических стереотипов. С точки зрения внешней политики, здесь есть большие резервы.

Для российской внешней политики надо очень внимательно и, я бы сказал, деликатно и чувствительно относиться к этим странам, понимая, что у них за настроения, понимая всю антироссийскую риторику, которая там есть. Вы должны понимать, что эти страны — это наши ближайшие соседи. В этой ситуации мне кажется странным, когда от нас требуют каких-то признаний, покаяний за то, что было сделано. Принципиальный вопрос, который нужно педалировать нашей внешней политике: Россия не несет и не должна нести ответственности за решения, которые принимались в советское время и тем более в царское время в отношении этих пограничных государств. Мы должны высказать свое мнение, свою позицию, оценить это, но формально мы не несем ответственности. Я думаю, что мы не несем ответственности и за пакт Молотова–Риббентропа, мы не несем ответственности за 1956 год венгерских событий, современная Россия сегодня не несет ответственности за события 1968 года. К тому же, мне кажется, для внешней политики это очень важно, а это забывается, — в отношении всех упомянутых событий были извинения, принесенные главой российского государства. Это было сделано в Будапеште В. В. Путиным, это было сделано в Праге В. В. Путиным, и это сделал Верховный Совет в отношении пакта Молотова–Риббентропа. Сейчас эти сюжеты педалируются в наших странах-соседях вследствие, конечно, политических интересов и спекуляций, и мне кажется, это существенный момент.

Второй момент — это постсоветское пространство. Украина — это отдельная тема, но даже в отношении всех остальных государств есть исторические проблемы. Неожиданно в этом году — всплеск событий,

связанных с Киргизией: восстание 1916 года — чисто научная, казалось бы, проблема, которая переросла в политический вопрос. И только политическая воля, которая была проявлена в конце концов в Бишкеке и в Москве, позволила преодолеть возникновение острого кризиса. Причины восстания известны, и это была не только Киргизия, это был весь Туркестан, но вот такой антироссийский, антирусский флер, которым сопровождались эти события, показывает, что это сложные проблемы, которые мы должны учитывать, имея в виду историю наших взаимоотношений.

Отдельно, конечно, о ситуации с Украиной. Я был в Киеве и в Академии наук Украины на заседании, и должен вам сказать, что академической сообщество, настоящее академическое сообщество, мне кажется, не очень разделяет вот эти попытки переписать историю. Во всяком случае, те книги, которые выходят на Украине, — это книги журналистов, политиканов, людей, которые близки к СМИ. А крупные ученые, наши коллеги избегают писать книги, потому что это затрагивает их профессиональное реноме: раньше они писали все книги по-одному, и если бы они теперь писали все книги по-другому, это, очевидно, не очень хорошо отразилось бы на их престиже.

Очень важно, что и внутри нашей страны возникают достаточно острые вопросы, связанные с историей. Вчера мы открывали в РИА «Новости» дискуссию по 100-летию российской революции, и корреспонденты, которые там были, удивили меня острой постановкой вопросов. У нас общество и средства массовой информации очень чутко относятся к этому делу. Я упомянул встречус коллегами из Северных стран, они меня спрашивали: «А что там у вас с Маннергеймом?», — я говорю: «С Маннергеймом у нас ничего нет особенного. И вообще, если вы спросите троих моих внуков, они даже не знают, кто такой Маннергейм». Поэтому это не такой злободневный вопрос для нашей современной жизни, но он вызывает международный резонанс. Мои финские коллеги, кстати, были очень удивлены, когда я им сказал, что в 1944 году был составлен список военных преступников в разных странах. Этот список положили Сталину на стол. Финский список начинался с Маннергейма, и Сталин своей ручкой вычеркнул Маннергейма из этого списка, и последовало послание Сталина Маннергейму и ответ его. То есть история имеет разные измерения. Не нужно игнорировать тот факт, что историческая проблематика имеет одну очень важную функцию для внешней политики — она влияет на климат, на образ и представление о странах, об отношениях, и особенно сейчас, в этой новой ситуации.

Я хотел два слова сказать в связи с дискуссией, которая сегодня уже была. Я упомянул Венскую систему, она была приспособлена для того

времени, но прошло несколько десятков лет, и она вступила в противоречие с реалиями. И началась иная эпоха, эпоха коалиций. Версаль к середине 30-х годов выдохся, стало ясно, что он требует новых подходов и новых механизмов. То же самое с Ялтой, которая просуществовала до конца 1980-х годов, но настала свершено новая ситуация. Это значит, что существующие международные организации, международные системы, если и должны сохраняться, то менять механизмы своих действий. И это совершенно естественно, что идут такие острые дискуссии. Европейский союз был приспособлен не для сегодняшней эпохи, не для того, через что прошли эти страны, поэтому он сегодня в таком кризисе. Это тоже надо учитывать, когда мы говорим о влиянии истории, прошедшего времени, это обычная мировая практика. Просто мы живем уже в этой эпохе. Если бы мы жили еще во времена наполеоновской эпохи, и мы же жили сейчас, мы могли бы сравнивать. А так каждый человек считает, что то, что с ним происходит сегодня, это и есть совершенно уникальные неожиданные вещи — нет, это все уже бывало. То, что сказал наш докладчик по поводу геополитики, — это традиционные вещи, традиционные пространства, границы.

Для меня, для моего становления огромное значение имела докторская диссертация Генри Киссинджера, посвященная Меттерниху и европейскому балансу — идее, которая осталась у него на всю жизнь. Европейский баланс и равновесие существуют и должны учитываться и сегодня. Спасибо!

Сергей Михайлович Рогов, научный руководитель Института США и Канады РАН, академик РАН

Во-первых, для меня большая честь выступать на Конвенте РАМИ. Во-вторых, я должен сознаться, что 50 лет назад я поступил в МГИМО и уже полвека профессионально занимаюсь Штатами, поскольку меня по непонятной причине — в школе я учил немецкий язык — определили в американскую группу. Должен сказать, что за эти полвека не было такой интересной избирательной кампании в Соединенных Штатах, как нынешняя.

Я хочу поставить несколько вопросов, которые, на мой взгляд, требуют переосмысления. Первый касается кризиса глобализации. У нас длительное время господствовало представление о том, что глобализация — это, как сейчас модно говорить, какой-то проект, который придумал вашингтонский обком. Почему обком, а не политбюро, не очень понятно, кому

подчиняется вашингтонский обком, совершенно не ясно. Глобализация по американским правилам, которая должна была принести максимальные выгоды Соединенным Штатам и Западу в целом. И вот мы видим, что это на самом деле не так. И Brexit, и американские выборы, и ряд других событий показывают, что процесс формирования единого мирового рынка товаров, капиталов, рабочей силы, информации и так далее — то, что связано с глобализацией, — наибольшие дивиденды приносит не Соединенным Штатам и Западу, а таким игрокам, как Китай. Я думаю, что это очень важно, потому что иначе мы не сможем объяснить подъема правопопулистских националистических течений в странах Запада.

Второй вопрос — это проблема полицентрической системы многополярного мира. Как Александр Оганович говорил об этой системе, стабильной она может быть в течение определенного ограниченного периода времени. И как мы знаем из истории, рано или поздно происходит дестабилизация этой системы. Та же Венская система продержалась недолго и закончилась Крымской войной. И дальше можно приводить примеры. Нынешняя многополярная система, которая формируется после провала попытки создания однополярного мира, на самом деле не демонстрирует признаков стабильности. Отсутствуют механизмы поддержания стабильности в этой системе. С этой точки зрения, если будет происходить дальнейшая дестабилизация, то, увы — технология, может быть, и меняется, а вот люди меняются куда меньше — мы можем стать свидетелями повторения тех ужасных событий, которые происходили в XX веке, да и раньше, когда нарушалась стабильность системы международных отношений.

Что касается Штатов, феномен Трампа и Берни Сандерса — а несмотря на то, что один представлял правопопулистское движение, второй левопопулистское (хотя, на мой взгляд, Берни Сандерс вообще-то классический бундовец, ведь его папа в Польше был членом Бунда, и он продолжатель этой традиции) — это явление, отражающее бунт американского среднего класса. Впервые в американской истории американский средний класс, вроде бы основа стабильности американской биполярной политической системы, испытывает на протяжении уже нескольких десятилетий ухудшение социально-экономического положения, падение уровня доходов. В то же время создается ситуация, когда сегодня большинство американцев считают, что их дети будут жить хуже, чем родители. То есть вера в светлое американское будущее начинает подрываться. А почему, с чем это связано?

Вот процесс деиндустриализации, казалось бы, интерпретировался как отражение прогрессивных явлений, а на самом деле он сопровожда-

ется резким сокращением высокооплачиваемых рабочих мест, и американская экономика перестала создавать такие места. Да, создаются новые рабочие места, но они низкооплачиваемые, для «грязной» работы, которую, как известно, как правило, делают «черные». Правда, «черные» в Америке ее не делают, делают латиноамериканцы, но тем не менее, для белого среднего класса ситуация тяжелая. А для молодежи, опять же, детей этого среднего класса, возникла проблема, что они не могут стать средним классом, поскольку из университетов они вынесли колоссальный долг (если в большинстве развитых стран высшее образование в некоторых местах вообще бесплатное, то в Соединенных Штатах долги колоссальные у молодежи), а рабочих мест, где они могут заработать деньги, чтобы вернуть этот долг, нет. Отсюда феномен Трампа, которого поддержала стареющая часть белого среднего класса, и Берни Сандерса, призывы к революции которого поддержала белая молодежь.

Если говорить об исходе выборов, то я должен сказать, что все заявления о том, что произошло землетрясение, колоссальнейший сдвиг, — это полная ерунда. Хиллари получила на 2,5 миллиона голосов больше, чем Трамп. И Трамп стал президентом только благодаря тому, что в Америке продолжает существовать конституция аристократической республики, составителям которой не приходило в голову, как это можно дать простым людям выбирать царя. Поэтому был введен институт выборщиков, в результате для избрания одного выборщика от крошечного по населению Вайоминга требуется в три раза меньше голосов, чем для избрания одного выборщика из Калифорнии. Но американская избирательная система такова, что Трамп победил в тех нескольких штатах, которые, казалось бы, считались оплотом демократов, и там, с крошечным преимуществом в 100 тысяч голосов в трех штатах, он смог в результате набрать большее количество выборщиков. То есть на самом деле мандата на проведение популистской программы, с которой выступал, Трамп не получил. Но это не имеет никакого значения, потому что Соединенные Штаты возвращаются сегодня опять к однопартийному правлению. Республиканцы будут контролировать Белый дом, обе палаты Конгресса и Верховный суд после назначения девятого члена Верховного суда. С этой точки зрения, может возникнуть ситуация, когда, что называется, Трампу «море по колено». Тем более, этот человек не имеет опыта государственной деятельности, крайне самоуверен и победил, не имея команды.

Сейчас идет формирование команды за счет трех контингентов. Первый — это большой бизнес (представитель Goldman Sachs и так далее, опять же, те, кого знает Трамп); второй — это республиканцы,

члены Сената и Конгресса (крайне консервативные американцы получают должности в новой администрации); третий — это отставные генералы. Уже получили назначение три генерала на ведущие посты: Советник по национальной безопасности, министр обороны, министр внутренней безопасности, вроде бы решен этот вопрос в пользу Генерала Келли — причем эти должности получают морские пехотинцы — и Петреус рассматривается как претендент на роль Государственного секретаря, его конкурент — генерал Ставридис, бывший главком войск НАТО в Европе. Но вообще в Америке давно сложилась традиция очень жесткого гражданского контроля над военной сферой, и то, что сейчас происходит, достаточно неудобно.

Ну а теперь, что будет делать Трамп и что это означает для России. Конечно, главное внимание его будет уделено внутренним проблемам. Он выступал, откровенно говоря, с протекционистской программой, которая имела неоизоляционистский оттенок. Естественно, снижение налогов, самое большое в американской истории, намного больше того, что делали Рейган и Буш младший. Отмена Obamacare, медицинской программы, которая была принята Обамой. Строительство забора на мексиканской границе, депортация мексиканцев, мол, «понаехали тут». Введение тарифов в отношении Китая и других стран, которые, своими товарами заполонив американский рынок, лишают Америку рабочих мест. То есть приглашение к торговой войне. Насколько он сможет осуществить эту программу? Как я уже сказал, Конгресс контролируют республиканцы, поэтому многие такие лихие вещи Трампу, видимо, удастся «прорубить с плеча».

Во внешней политике идея Трампа состоит в том, что пора приступать к очень серьезному сдерживанию Китая. Китай рассматривается сегодня как реальный геоэкономический и геополитический конкурент Соединенных Штатов. Отсюда и экономическое давление, и скандальный телефонный звонок, телефонный разговор с президентом Тайваня. То есть Трамп показывает, что он может пересмотреть политику «одного Китая» и признать независимость Тайваня. Тут можно ожидать очень серьезного нарастания напряженности в отношениях между США и Китаем. Борьба с исламским терроризмом — это некая идея фикс и самого Трампа, и тех людей, которых он «поназначал», плюс желание опрокинуть Иранскую ядерную сделку. Конгресс уже внес в это свою лепту, на прошлой неделе проголосовав за продление на 10 лет экономических санкций против Ирана. Спрашивается, что Иран получил взамен? И поскольку многостороннюю сделку Соединенные Штаты сами сломать не могут, делается попытка заставить Иран выйти из этой сделки.

Ну и что касается России. В общем-то загадка, зачем и почему Трамп выступал вот с такими мягкими, дружелюбными заявлениями в отношении России. Для избирательной кампании это ему совершенно не требовалось, это ему не принесло никаких голосов, наоборот, вызвало проблемы, неоконсерваторы «окрысились», построились в колонну и ушли от Республиканской партии. Экономический интерес, вроде, не просматривается. Да, он пытался несколько раз «сделать деньги» в России, но номер не прошел. То есть, нет этого интереса. Есть ли в этом случае рациональное объяснение? Я в данном случае занимаюсь спекуляцией, поскольку никаких доказательств нет. Если действительно речь идет о том, что Соединенные Штаты готовятся к очень серьезному противостоянию с Китаем, то крайне необходимо оторвать Россию от Китая, не допустить дальнейшего сближения и союзнических отношений между Россией и Китаем. Если это так, то Донбасс и даже Крым — это такая мелочь по сравнению с серьезными задачами глобального порядка. Здесь можно пойти если не на вторую Ялту, то на смягчение американской позиции. Второй момент, если Россия хочет воевать с ИГИЛ, то «ради бога, вот вы их и мочите, а мы посмотрим, как вы это делаете». И поскольку Трамп ставит вопрос о том, чтобы снять с себя, с Америки бремя излишних расходов по поддержанию глобального миропорядка, то почему тогда не использовать и Россию в этом. Означает ли это, что мы можем ждать серьезного прорыва в российско-американских отношениях? Мне кажется, это маловероятно. Да, возможно, может немного смениться атмосфера, риторика на официальном уровне. На уровне СМИ разгул пропаганды будет продолжаться. Но могут быть предприняты какие-то шаги по договоренности в отношении Сирии. Но в целом, если Трамп действительно захочет радикально переформатировать отношения с Россией, он столкнется с очень серьезным сопротивлением. Во-первых, со стороны Конгресса, где сегодня действует двухпартийный антироссийский консенсус, он восстановился и сегодня даже более жесткий, чем был во времена холодной войны. Во-вторых, это позиция средств массовой информации. И в-третьих, его собственная администрация, ведь в ней нет практически ни одного деятеля, который разделял бы его позитивное отношение к России. Даже вице-президент М. Пенс в отношении В. В. Путина позволял себе самые грубые выражения в духе Хилари Клинтон. Сможет ли Трамп заставить свою команду действовать по его плану, либо наоборот, команда переломает Трампа?

Я думаю, пример Обамы показывает, что он проделал колоссальный путь от своих первоначальных намерений, когда провозглашал «перезагрузку» отношений с Россией, а пришел в конце по существу

к новой холодной войне. С этой точки зрения приход к власти Трампа создает некоторые возможности, но скорее всего конфронтация, которую я называю «холодная война 2.0», не будет преодолена, и в российско-американских отношениях, в отношениях России и Запада будут преобладать противоречия и противоборство, и в куда меньшей степени будет проявляться сотрудничество. Хотя больше, чем на сегодняшний день. Спасибо!

Александр Бен-Цви, руководитель Департамента Евразии МИД Государства Израиль

Во-первых, для меня это большая честь быть здесь. Я начал работать здесь примерно в то время, когда мы восстановили дипотношения, и мне немножко сложно поверить, что за эти 25 лет столько изменилось. Этот Конвент действительно особенный для нас. Как вы видите, за мной наше Посольство, и это 25-летие для нас действительно большое событие.

Хотелось бы высказать несколько замечаний по израильско-российским отношениям, представить свой личный подход, тем более, что мне удалось быть участником части этих исторических событий. В этом году мы отмечаем 25-летие, но в следующем году тоже будет памятная дата, будет 50 лет с событий 1967 года, когда отношения, к сожалению, были остановлены на довольно долгое время. Я тут совершенно согласен с Вами, что историю нужно оставлять историкам, а мы, дипломаты, должны заниматься именно тем, что нас сегодня соединяет. Первая наша официальная встреча [после заморозки отношений] — именно официальная, потому что до этого встречи тоже были — состоялась в 1986 году в Хельсинки, когда две группы встретились, я тогда был переводчиком нашей группы, и что самое интересное — это разница подходов. Советская сторона пришла с подходом «мы будем заниматься только консульскими вопросами и вопросами недвижимости, которая находится на территории Израиля». Наш подход был совсем иной, нас интересовали глобальные политические вопросы, наши дипотношения и так далее. Так что такой подход в 1986 году еще существовал, но потом, в 1988 году, консульские группы действительно возникают, и уже 18 октября 1991 года были восстановлены дипотношения между Россией и Израилем. Очень интересное событие, потому что это было связано и с Мадридской конференцией по Ближнему Востоку. Кстати, первый официальный российский визит был еще до этого, еще до образования России как государства. Визит председателя комитета по международным вопросам российского парламента. Г-н Лукин

приехал с первой делегацией, и это было довольно интересное событие.

Еще одно историческое событие личного плана я должен отметить, это визит нашего премьера Ицхака Рабина в Москву в 1994 году. Это был первый визит. Тот факт, что в этом году наше премьер трижды приезжал в Москву, говорит о том, какие создаются отношения. Когда мы говорим о хороших отношениях, мне задают вопрос, как узнать, что отношения между странами хорошие, как это можно физически проверить. Мы действительно можем это проверить по официальным визитам, по туризму, по экономическому сотрудничеству и так далее, то есть у нас есть параметры, по которым мы можем это проверить. Если мы говорим о России и Израиле, наш премьер был в России три раза в этом году, наш президент, министры, члены парламента, журналисты, этот список действительно огромный. Из России только что приезжал премьер-министр Медведев, заместитель премьера Дворкович, межправительственная комиссия, председатель Совета Федерации Матвиенко и так далее. И что для меня важно, это то, что между нашими МИДами есть постоянные консультации. Мы ведем консультации по всем вопросам, которые у нас возникают, и, кстати, не только по Ближнему Востоку, эти межмидовские консультации проводятся и по Африке, и по другим регионам, я считаю, что это тоже показатель.

Если мы говорим о межправительственных соглашениях, то соглашение 2008 года о безвизовом режиме — это крупное событие. Оно не только подчеркивает наши, я бы даже сказал, «интимные» отношения, оно важно и с экономической точки зрения: и российские туристы приезжают намного чаще в Израиль, больше на 0,5 миллиона человек в год, и израильские туристы намного чаще посещают Москву.

Я должен отметить такое соглашение, как соглашение по пенсиям. Как Высоцкий поет «а там на четверть бывший наш народ». Это важно для народа, который здесь работал, для него социальное обеспечение очень непростое иногда. Для человека, который приезжает в пожилом возрасте, такой вопрос, как пенсии, — это довольно важное дело. У нас есть меморандумы по энергетике, по строительству, по культурным связям. Я не хочу вдаваться в подробности, потому что обсудим эти вопросы на специальной сессии.

Если мы говорим о мероприятиях, посвященных 25-летию отношений, то в этом году в Москве их прошло несколько. Выставка инновационных достижений Израиля в Манеже, которую посетило 45 тысяч человек за неделю. В Манеже не часто так бывает, чтобы в день приходило 8–9 тысяч человек. Кроме того, был большой концерт в Большом театре с участием и президента В. В. Путина, и нашего премьер-министра.

В последней части концерта были русские песни, которые, в общем-то, стали уже израильскими. Солисты Большого театра и нашей оперы их исполняли на русском и на иврите, и оба лидера подпевали вместе эти песни. Эту культурную близость мы видим каждый день. Ну и, конечно, семинар, который мы будем проводить сегодня здесь в МГИМО.

Все ли так хорошо и красиво, как я рассказываю? Есть ли у нас разногласия? Ответ — есть, конечно. Потому что есть разница в интересах, и даже на Ближнем Востоке, генерал Амидрор упоминал насчет Хезболлы, поставок вооружений и так далее. Есть большая разница в интересах, есть разница в позициях в международных организациях. Но это нормальное явление, так как это отношения двух стран, которые имеют интересы не только билатеральные, но и более широкие, глобальные. С другой стороны, я должен подчеркнуть наши общие интересы, например, борьба с радикальным исламским терроризмом, это наша общая цель. Например, то, что было упомянуто о ревизии истории. Как вы знаете, в Израиле мы этого не делаем. Роль советской армии во время Второй мировой войны в Израиле никогда не ставится под вопрос. В городе Натане есть памятник солдатам, многие ветераны живут в Израиле, я сын ветерана, мой отец был ранен под Сталинградом. По Сирии, я бы не сказал, что мы там сотрудничаем, но, по крайней мере, мы там находимся в контакте по тому, что мы называем «safety measures», чтобы не повторилось между нами то, что было, например, с Турцией. Уже много сделано, довольно много предстоит сделать, роль МИДа в этом довольно важная, может быть даже центральная… Но я считаю, что это именно так, потому что наша задача как представителей МИДа сделать эти отношения еще глубже. Я считаю, что эта встреча сегодня и эти послеобеденные сессии — еще один небольшой шаг в этом направлении. Спасибо!

Руслан Семенович Гринберг, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН

Для меня тоже очень большая честь участвовать в столь авторитетном событии, как X Конвент РАМИ. Я должен сказать, что как экономист и как человек, выросший в Советском Союзе, марксистской традиции, все-таки не могу до конца избавиться от этого наследства. Сегодня я хотел бы сказать о том, что как экономист я понимаю, что есть вещи намного важнее экономики. Я это говорю с большим сожалением, потому что экономика работает, и по-прежнему производительные силы развиваются,

требуют изменения производственных отношений, об этом я тоже пару слов скажу. Но больше всего меня волнует, конечно же, политика. Несколько лет назад слово «геополитика» считалось почти ругательным. Мы понимали, что у нас есть какие-то противоречия с Западом, но было желание жить уже в совершенно новых условиях. Ведь 25 лет назад мы готовились жить в совсем другом мире. Сейчас есть очень много «умных» людей, особенно, «задним числом», которые говорят, что это было какое-то романтическое время, какой-то зигзаг, который абсолютно ничем не был обусловлен, просто появился какой-то романтик, упавший с неба, и сказал, что хватит нам думать о классовых интересах, что есть общечеловеческие ценности, и все это было забавно слушать. Сегодня кажется, что это излишний романтизм, а на самом деле у государства есть национальные интересы, сегодня об этом тоже говорилось, что нет ничего другого — борьба за сферы влияния, установление балансов, нарушение балансов, кровопролитные войны, потом опять поиски баланса, потом опять войны. Я подумал, что если все это так, если все запрограммировано, то не имеют смысла никакие конвенты, никакие разговоры о том, какие возможности были для того, чтобы этого избежать.

Прежде чем сказать самое главное, скажу о себе. В 1962 году мне было 16 лет, я работал на стройке. Так случилось, что в моей семье слушали Голос Америки, Радио Свобода, и я тогда был очень вовлечен в этот дискурс, как сейчас говорят, и реально думал, что скоро мы все будем уничтожены. Я ехал в автобусе со своими коллегами, которые были старше меня, они ничего подобного не знали, они были веселыми, радостными, полными оптимизма. Я еще тогда подумал, правильно говорят «меньше знаешь, лучше спишь». И вот сегодня стало, по-моему, хорошим тоном говорить о том, что то, что случилось во время перестройки, то что случилось в Париже (Парижская хартия), — это текст, который написали не какие-то отдаленные от реальности ученые, академики, членкоры, которых любят критиковать за то, что они жизни не знают, строят свои планы. Это были реальные политики, realpolitik, и они верили в то, что они написали, что мы должны жить в совсем другом мире, где не будет игры с нулевой суммой, где не будет борьбы за сферы влияния, где мы будем решать проблемы человечно.

А проблемы человечества действительно обостряются. Сегодня уже все более менее нормальные люди, ученые знают, что потепление климата — это серьезно, и точка невозврата уже близка; проблемы неравномерности и бедности очень остры. Причем сегодня они проявляются гораздо острее, чем в те годы, когда я учился, в 1960-е годы, когда из 5 миллиардов 4 вообще не знали, как миллиард живет. Сегодня больше

половины человечества имеет мобильные телефоны, дешевые телевизоры, и знает, как живет этот миллиард, и знают одновременно, что они никогда не достигнут той жизни, на которую они смотрят. Поэтому проблемы терроризма и миграции сегодня особенно острые, и понятно, что без координации усилий главных стран мира их вообще невозможно решить. Но геополитика вернулась в своем самом отвратительном виде: с взаимными угрозами, с жуткой милитаризацией общественного сознания, особенно у нас в стране, со спокойным произнесением слов о возможной войне, многие политологи спокойно говорят о том, что третья мировая война неизбежна. В моем представлении, это чуть ли не начало коллективного сумасшествия.

Если мы посмотрим на проблему «кто прав, кто виноват», это пусть историки в будущем решат — если это будущее будет. То, что происходит сейчас — холодная война или нет — но, по крайней мере, отчуждение, потеря взаимного доверия между лидерами России и Запада. Какие-то шансы есть в связи с Трампом. Может быть, Сергей Рогов прав, что для них главный враг — Китай, поэтому с Россией и надо «дружить», может быть, даже у России появляются какие-то шансы быть балансирующей силой — все это может быть, но пока мы не видим никакого прогресса с точки зрения оздоровления климата между нашими странами. Мне кажется, что здесь виноваты обе стороны, в какой степени, я не знаю. Но я точно знаю, что, с одной стороны, западный триумфализм, триумфализм Америки — это реальный факт, с другой стороны, — я не буду говорить о крымской истории, о донбасской, но цена очень велика, мы получили Крым и потеряли Украину надолго. Я думаю, что это результат синдрома «старшего брата», потому что 25 лет уже новые независимые республики существуют — я не буду вдаваться в подробности, почему это произошло, я не считаю, что это естественно, это была ошибка России, прежде всего, не надо было выходить из Советского Союза первой — но факт остается фактом, у нас по-прежнему действует синдром «старшего брата», который сводится к тому, что «вы такие же хорошие люди, как мы, у нас общая история, только вы нас слушайтесь, и все будет хорошо». Это конечно никто не может принять.

Я не знаю, как будет складываться ситуация дальше, потому что по поводу Нормандского формата многие говорят, что он в принципе не выполним, но альтернативы никакой другой нет. Поэтому мне лично кажется, что здесь очень важна наша позиция, наш, по крайней мере, отход от доктрины русского мира. У нас есть шанс приблизить стороны к решению вопроса. Общая ситуация сегодня такова в мире… Украина находится в отчаянном, бедственном положении. Ее спасение тоже мо-

жет быть результатом только координации Запада и России, Европейского союза и России, но для этого должно быть восстановлено доверие. Доверие — это самая главная проблема, которая в наших отношениях существует.

Ну и последний пункт, это еще один довод в пользу сотрудничества, которого нет. Как меня учили раньше, надо всегда главное противоречие эпохи найти. Я вижу это главное противоречие в том, что экономика уже стала единой, — и с этим ничего уже нельзя поделать, все призывы и Трампа, и Сандерса насчет того, что нужно вернуться в свои границы, они абсолютно бесперспективны — и она требует единого регулятора. И именно в этот момент начинается процесс деглобализации, дезинтеграции. Это очень опасная история, сегодня уже намекали на то, что она очень похожа на 1930-е годы, когда проводилась политика «грабь соседа», «все продавать и ничего не покупать». Все стремительно к этому идет, ясно, что это парализует всю торговлю. Что с этим делать, я не знаю, у меня нет ясного ответа, кроме того, что мы должны дискутировать о внешней политике. Неслучайно академик Торкунов сказал о том, что у нас в России есть очень большие возможности для дискуссии по социально-экономическим проблемам, и почти нет дискуссии по внешней политике. По крайней мере, в такой аудитории, мне кажется, можно было бы и говорить о цене внешнеполитических акций, которые кажутся безупречными. Мы всегда правы, но на самом деле, про цену мало говорят. Спасибо большое!

Россия среди ведущих мировых держав XXI века. Старые и новые форматы взаимодействия

модераторы

А. Д. Воскресенский, Т. А. Шаклеина

О СТРАТЕГИИ УЧАСТИЯ РОССИИ В БАНКЕ БРИКС И ДРУГИХ ИНСТИТУТАХ РАЗВИТИЯ

М. Л. ГОРБУНОВА

Аннотация. *Формирование новых региональных и трансрегиональных институтов развития — отличительная черта современного этапа международных отношений, обусловленная глобальной рецессией и необходимостью вовлечения в мирохозяйственные процессы стран, недостаточно освоенных в настоящее время, обладающих эффектом «низкой базы» и таким образом способных стать драйверами роста мировой экономики. Вновь создаваемые международные финансовые организации в условиях дефицита ресурсов местных правительств смогут вести вклад в формирование общественного капитала, в первую очередь инфраструктурных объектов, которые повысят связность рассматриваемых стран и регионов с внешним миром.*

Российская Федерация — один из важных акторов рассматриваемого общемирового процесса, поскольку, с одной стороны, она является участницей БРИКС (неформального объединения ведущих стран развивающегося мира), с другой — находясь в сердцевинной части Евразии, непосредственно участвует в интеграционных процессах и разнообразных проектах развития в данном мегарегионе.

На основе сравнительного анализа политических и экономических аспектов функционирования новых международных институтов развития, созданных в рамках клубных объединений, интеграционных блоков и под эгидой лидеров глобального Юга, обосновывается необходимость выработки общей стратегии участия России в данных организациях, отвечающей целям внутреннего и внешнего развития страны.

Ключевые слова: *институты развития, Банк развития БРИКС, Евразийский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций*

Введение. Интенсификация интеграционных процессов в развивающемся мире, продолжающаяся глобальная стагнация мировой экономики и активизация роли стран БРИКС в многостороннем сотрудничестве, обусловленная выравниванием их политического и экономиче-

ского потенциала с возможностями развитых стран, создали условия для появления нового поколения институтов и форматов, ориентированных на развитие.

Данные финансовые институты пока находятся на этапе запуска и, скорее всего, на начальных этапах развития будут критикуемы за недостаточный уровень экономической экспертизы, как это обычно происходит с новыми инициативами, которые способны конкурировать с ведущими мировыми фондами и банками (МВФ и МБРР), что безусловно создает определенные риски для эффективного функционирования данных организаций. Вместе с тем, преобладание в новых организациях сотрудничества по линии Юг — Юг создает условия для лучшего решения проблем стран — получателей экономической помощи и других ресурсов развития, необязательно финансового характера.

Российская Федерация является инициатором и участвует в нескольких вновь созданных международных финансовых организациях, среди которых — Евразийский банк развития (ЕАБР) — финансовый институт евразийского интеграции, Новый банк развития или Банк развития — трансрегиональное образование неформального объединения ведущих «новых» экономик Бразилии, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики (Банк БРИКС) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), продвигаемый КНР в рамках укрепления влияния в Азии и привлекший внимание многих ведущих экономики Запада за исключением геополитических и геоэкономических конкурентов страны в регионе — США и Японии.

Подобная заинтересованность России в формировании выработке новой глобальной повестки развития актуализирует ее статус ведущей мировой державы. Вместе с тем, общая направленность создаваемых организаций, а также необходимость оптимизации использования национальных финансовых ресурсов за рубежом в условиях глобального кризиса требуют формирования общей стратегии участия России в исследуемых многосторонних форматах взаимодействия, определение контуров которой и является целью доклада.

Теоретические основания исследования. Перспективы участия России в Банке БРИКС и других институтах развития, по мнению автора, необходимо оценивать в междисциплинарном ключе — в русле анализа системы международных отношений, с одной стороны, и теории экономического развития — с другой.

Представляется, что контекст функционирования и перспективы организаций, при которых формируются рассматриваемые межгосударственные институты развития, обусловлен степенью их ориги-

нальности и новизны и контекстом отношений с уже существующими аналогичным (конкурирующими) образованиями.

Общее взаимодействие неформального объединения Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики с ведущими странами Запада может осуществляться как на основе интеграции в существующую систему прозападного (проамериканского) мироустройства, так и в рамках системного конфликта с ней [Injoo, 2013]. При этом, по утверждению китайского ученого Ваня Цинсуна [Вань, 2015], среди самих стран-участниц существуют противоречия по данному вопросу.

Э. П. Джагитян, Я. В. Лексютина и У. Робинсон [Джагитян, 2015; Лексютина, 2014; Robinson, 2015] полагают, что рассматриваемое многостороннее взаимодействие отражает общий тренд на глобальную интеграцию, облегчая развитие транснационального бизнеса и способствуя сглаживанию неравномерности мирового развития. Р. Такур [Thakur, 2014] придерживается более критического взгляда, отмечая, что страны БРИКС имеют общий интерес в уравновешивании сил Запада и, несмотря на то, что они не являются типичными представителями стран Третьего мира, могут отстаивать его интересы в дискуссии между Севером и Югом.

Официальная повестка взаимодействия стран БРИКС, в соответствии с официальной позицией посла по особым поручениям МИД России, координатора по вопросам «Группы двадцати» и БРИКС В. Б. Лукова, концентрируется на ряде общих интересов стратегического характера, среди которых:

1. стремление к реформе финансово-экономической архитектуры мира;
2. укрепление институтов международного права против политик односторонних силовых действий с сохранением центральной роли ООН;
3. осуществление модернизации в экономической, социальной сферах и в области окружающей среды;
4. развитие многостороннего экономического сотрудничества [Луков, 2012].

Ряд отечественных исследователей — М. Ю. Головнин, Э. П. Джагитян и др. [Головнин, 2012; Джагитян, 2015] — подчеркивают приоритетность финансово-экономических целей сотрудничества БРИКС, которые проявляются в необходимости решать проблемы, обострившиеся в результате мирового кризиса, а также в стремлении к усилению веса развивающихся стран в профильных международных организациях. Несмотря на то, что институционализация сотрудничества стран БРИКС

в денежно-кредитной сфере в формате создаваемых Банка развития и Пула валютных резервов (прямых аналогов Бреттон-Вудских институтов) заранее не планировалась.

В настоящее время именно Банк развития, в меньшей степени — Пул условных валютных резервов представляют собой основу процесса институционализации БРИКС. В контексте дискутируемой выше роли БРИКС и ее институтов в системе международных отношений, необходимо добавить, что в логику новых образований заложена их дополняющая роль по отношению к существующим международным финансовым институтам[1].

Практически одновременно с подписанием соглашений о создании финансовых институтов БРИКС, в октябре 2014 г. 22 азиатскими странами был подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросу создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ)[2]. По мнению А. В. Шелепова, необходимость учреждения данного банка связана с теми же причинами, что и создание Банка БРИКС, а именно: значительным дефицитом инвестиций на поддержание существующей и строительство новой инфраструктуры по всему миру, прежде всего в развивающихся странах; сомнениями в способности существующих межгосударственных банков развития эффективно реагировать на этот вызов; несоответствием роли ведущих развивающихся стран в существующих международных финансовых институтах их потенциалу [Шелепов, 2016].

В соответствии с официальным сайтом организации, целью АБИИ будет являться развитие инфраструктуры и других производственных секторов в Азии на основе кооперации с другими международными банками развития, направленными на развитие необходимой инфраструктуры в регионе[3]. По мнению аналитиков, средства Азиатского банка инфраструктурных инвестиций пойдут на финансирование вспомогательных объектов инфраструктуры продвигаемого КНР проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» [Fukuyama, 2016]. По мнению А. В. Вальковой, заместителя директора Департамента международных

---

[1] Делийская декларация БРИКС Нью-Дели (Индия) 29 марта 2012 г. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1189. Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement // University of Toronto. Режим доступа: http://brics.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/220-treaty-for-the-establishment-of-a-brics-contingent-reserve-arrangement-fortaleza-july-15

[2] История Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. History of AIIB. http://euweb.aiib.org/html/aboutus/introduction/history/?show=0

[3] Что такое Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. What is the AIIB? http://euweb.aiib.org/html/aboutus/introduction/aiib/?show=0

финансовых отношений Министерства финансов РФ [Валькова, 2016], создание АБИИ является проявлением финансового регионализма, тесно связанного с интеграционными процессами в Азии.

Целью Евразийского банка развития (ЕАБР), учрежденного Российской Федерацией и Республикой Казахстан в 2006 г., также является расширение торгово-экономических связей между государствами-участниками и развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве путем осуществления инвестиционной деятельности[4]. В то же время этот финансовый институт в прямом смысле не является банком Евразийского экономического союза (ЕАЭС) из-за участия в нем Таджикистана и открыт для вступления новых участников. Евразийский банк развития (ЕАБР) примет участие в финансировании строительства российского участка дороги из Китая в Белоруссию (северный коридор Экономического пояса Шелкового пути) и планирует совместную с Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) реконструкцию дальнейшего участка дороги на территории Белоруссии.

Таким образом, в русле теории международных отношений общий контекст функционирования формирующихся на наших глазах институтов развития, в которых участвует РФ, определяется следующими закономерностями:

— базовой мотивацией КНР и РФ, равно как и БРИКС, при создании межгосударственных институтов развития является обеспечение стратегической самостоятельности стран-учредителей по отношению к развитому миру в целом и к его финансовым организациям и ресурсам, в частности;
— реализация рассматриваемых инициатив будет осуществляться с учетом двойственности траектории развития отношений со лидерами Запада, которая подразумевает одновременно и режим кооперации, так и режим вызова, поскольку новые финансовые институты представляют собой скорее глобальный, трансрегиональный, а не сугубо региональный многосторонний формат международного взаимодействия, который, с одной стороны, в целом отвечает целям прозрачности и иным стандартам инвестиционного процесса, санкционированным развитыми странами, с другой — слишком амбициозен, чтобы не создавать климат конкуренции и передела сфер влияния;
— принципы функционирования, заложенные в основу формирующихся учреждений, отражают стремление учредителей к продвижению новой, более равноправной культуры взаимодействия между

[4] Евразийский банк развития. О банке. http://www.eabr.org/r/about/

участвующими странами — так, например, Банк БРИКС характеризуется равенством взносов в уставный капитал[5], а АБИИ — отсутствуем у КНР права вето на решения банка [см., например, Джагитян, 2015].

Перейдем ко второму блоку исследований, связанных с изучением содержательных аспектов развития, подходы к которым эволюционируют в соответствии с потребностями экономических систем. В настоящее время теория функционирования международных (называемых также межгосударственными или региональными) институтов развития приобретает все большую актуальность в связи с тем, что страны в условиях «новой» нормальности стремятся решать проблемы ускорения экономического роста не только на национальном, но и на международном уровне.

Российскими исследователями категория межгосударственных банков развития исследована в настоящее время довольно слабо [Селявина, 2015; Ярыгина, 2015]. Заслуживает внимание серия обзоров деятельности международных банков развития, функционирующих на территории СНГ, выполненная сотрудниками Евразийского банка развития Ж. Т. Ашигали, Э. Р. Байбиковой, Ю. М. Стерлиговой, Ж. Н. Сагимбаевой[6].

Е. А. Селявина увязывает волновую интенсификацию учреждения банков развития с необходимостью кредитования программ структурных экономических преобразований, обусловленных, в первую очередь, экстраординарными событиями и процессами:

— восстановлением экономик западных стран после Второй мировой войны;
— кардинальными экономическими и политическими преобразованиями, направленными на формирование рыночной экономики в странах Центральной и Восточной Европы в 90-е гг. XX в.;
— реализацией государственных проектов развития инфраструктуры, создания новых рабочих мест, содействия модернизации и индустриализации национальной экономики или экономик группы стран, а также проектов, направленных на защиту окружающей среды, экономию энергоресурсов, повышение энергоэффективности, обеспечение устойчивого развития в течение всей истории банков развития [Селявина, 2015].

---

[5] Соглашение о создании Нового банка развития. Agreement on the New Development Bank — Fortaleza, July 15. http://brics.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/219-agreement-on-the-new-development-bank-fortaleza-july-15

[6] Обзоры инвестиционной деятельности МБР http://www.eabr.org/r/research/publication/monitor/ObzoryMBR/

По мнению автора, существует еще одна волна формирования институтов развития, которая, скорее всего, обусловлена глобальным финансовым кризисом и выдвижением в мировые лидеры развивающихся стран. Так как та же Е. А. Селявина [Селявина, 2015] обращает внимание на то, что до 2008 г. наблюдалось снижение роли банков развития в традиционном понимании и соответственно отсутствовал интерес к их изучению, что отчасти связано с кризисом модели развивающего государства, основанной на активном государственном регулировании экономики.

В условиях актуализации глобальной турбулентности основные удары, связанные с кризисными явлениями на мировых финансовых рынках, приходятся на развивающиеся страны, экономики которых в первую очередь страдают при нестабильном притоке инвестиционных ресурсов. Таким образом, основной задачей развивающегося мира становится создание нового, альтернативного, инвестиционного потенциала. Это проявляется, в первую очередь, в создании таких масштабных финансовых образований как Банк развития БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Создание развивающимися странами институтов развития имеет большое значение для институционализации и повышения эффективности экономической и иной помощи, предоставляемой ими менее развитым странам.

Б. Н. Порфирьев [Порфирьев, 2016], исследуя структурную динамику мировой финансовой системы, отмечает все более активную легитимацию новой содержательной и инструментальной категории «зеленые» финансы (*green finance*), тесно связанной с проблематикой устойчивого развития на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и экологически чистых технологий. По его мнению, ускоренная индустриализация развивающихся стран (БРИКС и «азиатских» тигров — Южной Кореи, Сингапура, Тайваня и Гонконга) привела к значительному обострению экологических проблем и росту расходов на природоохранные цели со стороны национальных государств и международных финансовых организаций.

В рамках итогов анализа литературы, посвященной современным тенденциям и перспективам функционирования институтов развития многостороннего характера, можно отметить следующее:

— для успешного функционирования банков развития государства должны стремиться не только к выделению ресурсов, но и к формированию у хозяйствующих субъектов стимулов к деятельности в заданном направлении на основе прогрессивных норм и правил поведения;

— актуализация проблематики теории и практики развития связана с глобальными экономическими и экологическими проблемами;
— более конкурентоспособные развивающиеся страны усилят свое влияние в мире, менее конкурентоспособные — получат дополнительный источник внешних кредитных и инвестиционных ресурсов.

Исследование: основная часть. Отправной точкой для исследования явился тот факт, что Российская Федерация, единственной из стран-учредительниц Банка развития БРИКС, не смогла сразу подготовить проект в сфере возобновляемой энергетики для получения средств в рамках первого раунда выделения кредитных ресурсов в апреле 2016 года[7]. Выделение средств для финансирования строительства двух ГЭС в Карелии на сумму 100 млн долл. получило одобрение только на первом годовом собрании Нового банка развития БРИКС, состоявшемся в июле 2016 года[8].

Гипотеза исследования.

В контексте международного сотрудничества в рамках трансрегиональных и региональных институтов развития и возрастающей роли «зеленых» финансов в мировой денежно-кредитной системе автор полагает обоснованным выдвинуть два исследовательских предположения:

1. существует ли необходимость в выработке и реализации единой стратегии участия России в банках развития, в которых страна имеет учредительные функции;
2. должна ли эта стратегия опираться на идеологию «зеленых» финансов или достаточно обеспечения решения вопросов общего инфраструктурного развития.

Методология исследования. В ходе исследования был применен комплексный анализ, включающий такие характерные для политической науки методы, как системный, сравнительный, исторический.

Материалы исследования. В работе использованы:

1. Банк данных группы Всемирного банка (World DataBank);
2. информационные ресурсы Банка развития БРИКС и региональных банков развития с участием РФ:
   — Международный инвестиционный банк (International Investment Bank, IIB);

[7] BRICS bank okays first loans, $811 million for green. Available at: http://ndb.int/brics-bank-okays-first-loans-$811-million-for-green-energy.php

[8] Банк БРИКС дал $100 млн на проекты ГЭС в Карелии. Портал «Вести-Финанс». 20 июля 2016 г. Режим доступа: http://www.vestifinance.ru/articles/73121; BRICS Bank to Promote Economic Cooperation. New Development Bank Press Releases, 21 July 2016. Available at: http://ndb.int/BRICS-bank-to-promote-economic-cooperation.php

— Европейский банк реконструкции и развития (European Bank for Reconstruction and Development, EBRD);
— Черноморский банк торговли и развития (Black Sea Trade and Development Bank, BSTDB);
— Евразийский банк развития (Eurasian Development Bank, EDB);
— Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB);

3. обзорные публикации Евразийского банка развития рамках мониторинга деятельности международных банков развития (МБР) на территории стран СНГ.

Результаты исследования. Эмпирическая часть исследования состоит из двух частей:

1. сравнительный анализ использования странами БРИКС возобновляемых источников энергии;
2. статистический анализ реализации проектов в сфере «зеленых» финансов, понимаемых в максимально широком смысле в соответствии с трактовкой Б. Н. Порфирьева [Порфирьев, 2016], которая включает в данное понятие всю совокупность финансовых продуктов и услуг, разработка, производство и использование которых ориентировано на снижение экологических и климатических рисков развития, среди которых:
   — *инвестиции из государственных и частных источников* в разработку и осуществление проектов и программ в области рационального природопользования;
   — *выпуск экологических товаров и услуг* (например, производство природосберегающего оборудования и технологий, управление отходами, ликвидация нефтяных разливов, развитие экологического туризма);
   — *развитие низкоуглеродных технологий и снижение выбросов парниковых газов и/или адаптации* (повышения устойчивости) к изменению климата и его последствиям;
   — *финансовые механизмы стимулирования* (*субсидирования*) *и специальные кредитные линии* реализации проектов получения энергии из альтернативных и возобновляемых источников;
   — *финансовые институты* (организации и специальное нормативно-правовое и административное обеспечение их деятельности), специализирующиеся на вышеупомянутых «зеленых» инвестициях, в том числе обеспечивающие финансирование или хеджирование таких инвестиций (например, через «зеленые» облигации).

Здесь и далее — на рис.1–5 приведены данные об использовании странами БРИКС возобновляемых источников энергии, в том числе альтернативной.

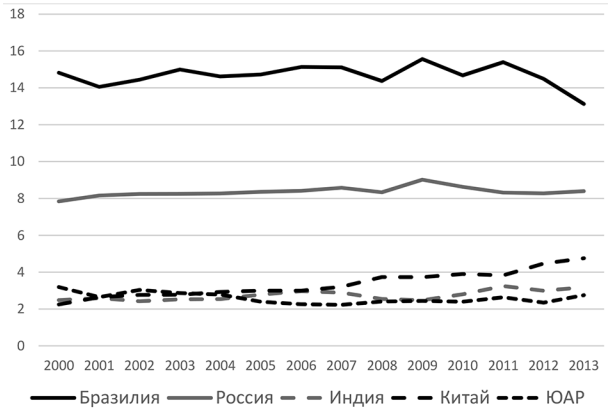

Рис. 1. Использование странами БРИКС альтернативной и атомной энергии, %
Источник: World Bank

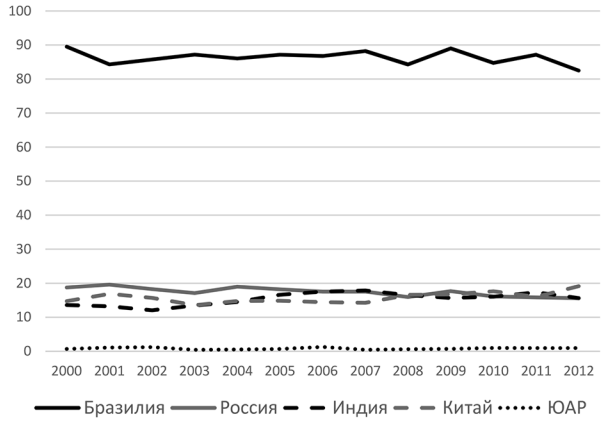

Рис. 2. Объем производства странами БРИКС электроэнергии из возобновляемых источников, % от общего производства
Источник: World Bank

Рис. 1 показывает, что Российская Федерация довольно активно использует альтернативные источники энергии, уступая только Бра-

зилии. Данные рис. 2 свидетельствуют о том, что если не рассматривать атомную энергетику, в которой у Российской Федерации историческое преимущество, то страна не так значительно ориентирована на использование прогрессивных, возобновляемых источников энергии, находясь, тем не менее, на уровне Китая и Индии.

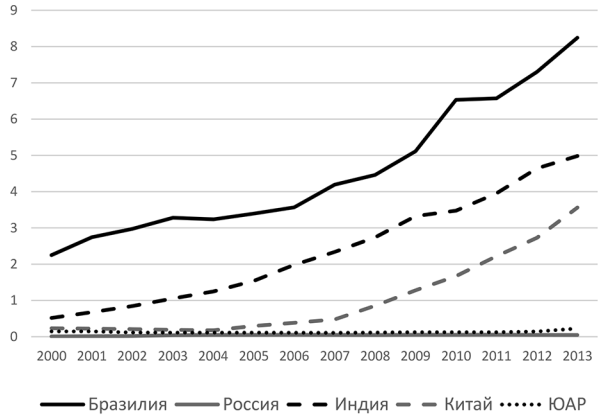

Рис. 3. Объем производства странами БРИКС электроэнергии из возобновляемых источников (без учета гидроэнергетики), %
Источник: World Bank

Рис. 3 исключает из возобновляемых источников гидроэлектростанции, строительство и функционирование которых не всегда можно считать нейтральным по отношению к окружающей среде, особенно в РФ, где многие ГЭС построены в равнинной части и функционируют на основе значительных водохранилищ («искусственных» озер), что привело к изменению климата и сельскохозяйственного производства в прилегающих регионах. Кроме того, в СССР само затопление территорий привело в ряде случаев к потере важных объектов культурного наследия страны. Данные этого рисунка показывают, что Россия практически не обладает инфраструктурой, обеспечивающей производство энергии из возобновляемых источников, понимаемых в узком смысле, и, более того, не развивает их в отличие от Бразилии, Индии и Китая.

Данные рис. 4 также косвенно указывают на низкую «зеленую» ориентированность страны, показывая, что Российская Федерация, с одной стороны, в отличие от партнеров по БРИКС практически не использует горючие возобновляемые источники и отходы, с другой — Бразилия,

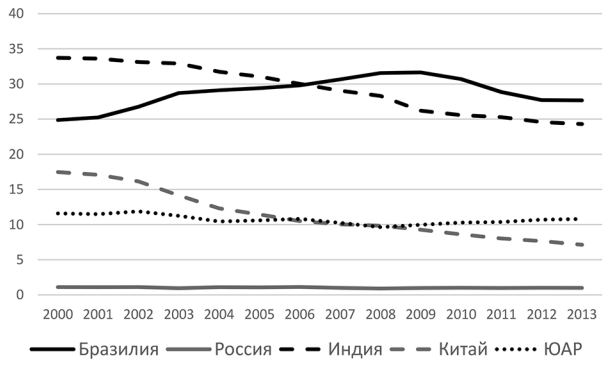

Рис. 4. Использование странами БРИКС горючих возобновляемых источников энергии и отходов, %
Источник: World Bank

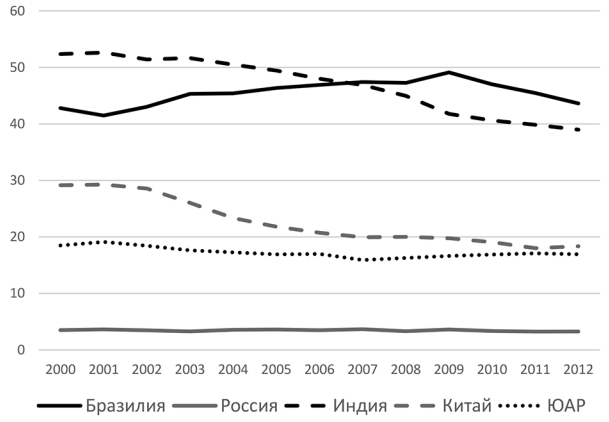

Рис. 5. Объем конечного потребления электроэнергии из возобновляемых источников странами БРИКС, %
Источник: World Bank

Индия и Китай также перестают считать эти источники энергии приемлемыми, поскольку доля их использования снижается.

Рис. 5 в целом дает представление о том, что потребление энергии из возобновляемых источником конечными потребителями в РФ — край-

Таблица 1
Банки развития Евразии: организационный аспект

Название	Год основания	Участники и владельцы	Штаб-квартира	Сайт
1. Международный инвестиционный банк (International Investment Bank, IIB)	1970	Болгария, Венгрия, Вьетнам, Куба, Монголия, Румыния, РФ, Словакия, Чехия	Москва, РФ	www.iib.int
2. Европейский банк реконструкции и развития (European Bank for Reconstruction and Development, EBRD)	1991	61 страна и две международные организации	Лондон, Великобритания	www.ebrd.com
3. Черноморский банк торговли и развития (Black Sea Trade and Development Bank, BSTDB)	1997	11 стран-членов Организации Черноморского экономического сотрудничества (Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, РФ, Турция, Украина)	Тессалоники, Греция	www.bstdb.org
4. Евразийский банк развития (Eurasian Development Bank, EDB)	2006	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, РФ, Таджикистан.	Алматы, Казахстан	www.eabr.org
5. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB)	2014	57 страна: 37 стран АТР, 20 — из других регионов	Пекин, КНР	www.aiib.org
6. Банк развития БРИКС (New Development Bank, NDB)	2015	Бразилия, Индия, КНР, РФ, ЮАР	Шанхай, КНР	ndbbrics.org

Источник: составлено автором

Таблица 2
Банки развития Евразии: направления работы и потенциал

Название	Миссия и цели	Уставный капитал
1. Международный инвестиционный банк (МИБ)	Продвижение социального и экономического развития, благосостояния и сотрудничества стран-участниц. Основные направления — поддержка малого и среднего бизнеса и участие в финансировании социально значимых проектов	1,3 млрд долл., оплаченный — 302,6 млн долл. США (2015)
2. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР)	Миссия — рост экономики и развитие инноваций в странах, осуществляющих переход к рынку за счет финансовых инвестиций и бизнес-услуг для развития предпринимательской деятельности	10 млрд экю (1991), в настоящее время 30 млрд евро (2014)
3. Черноморский банк торговли и развития (ЧБТР)	Миссия — развитие торговых связей в регионе, содействие реализации международных проектов, содействие иностранным инвестициям, предоставление гарантий при развитии торговых и экономических связей, как на государственном уровне, так и в частном бизнесе	3 млрд СДР
4. Евразийский банк развития (ЕАБР)	Миссия — содействие экономическому росту государств-участников, расширению торгово-экономических связей между ними и развитию интеграционных процессов на евразийском пространстве путем осуществления инвестиционной деятельности	7 млрд долл. США, оплаченный — 1,5 млрд долл. США
5. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ)	Цель — стимулирование финансового сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, финансирование инфраструктурных проектов в Азии	100 млрд долл. США, половину этой суммы обеспечит Китай
6. Банк развития БРИКС (БР БРИКС)	Цель банка — мобилизация ресурсов для финансирования инфраструктурных проектов, направленных на поддержание устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся экономиках	50 с увеличением до 100 млрд долл., оплаченные акции — а сумму 10 млрд долл. США

Источник: составлено автором

Таблица 3
Инвестиции, суверенные гранты и займы международных банков развития на территории стран СНГ

Банк	Всего проектов, грантов и займов на территории СНГ					Проекты, гранты и займы в сфере «зеленых» финансов					Проекты, гранты и займы с участием РФ					Проекты, гранты и займы в сфере «зеленых» финансов с участием РФ				
	2012	2013	2014	2015	2016**	2012	2013	2014	2015	2016**	2012	2013	2014	2015	2016**	2012	2013	2014	2015	2016**
МИБ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	5	1	0	—	1	3	0	0
ЕБРР***, ****	63	60	63	55	34	18	22	22	17	17	23	20	7	—	—	3	6	2	—	—
ЧБТР	3	11	10	8	6	—	—	—	—	—	0	1	2	2	1	—	—	—	—	—
ЕАБР	25	23	22	4	7	3	1	3	1	1	10	5	9	0	1	3	1	1	0	0
АБИИ	—	—	—	—	1	—	—	—	—	0	—	—	—	—	0	—	—	—	—	0

* — «0» в графе, соответствующей типу проекта, гранты или займа, означает отсутствие инициатив, «—» — неприменимость категории к данному МБР
** — оценка сделана за первые три квартала
*** — в расчет принимаются не только инвестиционные проекты, но и целевые суверенные гранты и займы
**** — с 3 квартала 2014 г. не предоставляет кредитные ресурсы РФ
Источник: составлено автором на основе данных проекта «Монитор МБР», ЕАБР

не низко в сравнении с другими странами БРИКС, по сути возобновляемые источники исключены из энергопотребления домохозяйств. Как отмечает в интервью еженедельнику «Эксперт»один из авторитетных экспертов в области возобновляемых источников энергии А. Копылов, на рынке домохозяйств не существует конкуренции и свободного ценообразования, высокое энергопотребление ископаемого топлива обеспечивается ежегодной субсидией российского правительства на сумму 46 млрд долларов, и, если бы малая часть этой суммы была направлена на финансирование строительства объектов, обеспечивающих производство энергии из возобновляемых источников, Россия могла бы стать глобальным лидером на данном рынке [Имамутдинов, 2015].

Поскольку строительство объектов электроэнергетики представляет собой процесс формирования общественных благ, многие национальные правительства испытывают дефицит государственных финансов, то в соответствии с мировым опытом капитал для новых, прогрессивных инициатив предоставляется банками развития. Таким образом, из логики исследования вытекает необходимость проанализировать деятельность международных финансовых организаций, в которых участвует Россия, в сфере поддержки «зеленой» энергетики.

В таблицах 1 и 2 представлена общая характеристика, информация о целевых установках банков и объем уставного капитала региональных банков развития с российским участием и Банка развития БРИКС. Из рассмотрения исключен Международный банк реконструкции и развития (МБРР), где участие России не является стратегически определяющим для деятельности.

На основе поквартальных данных ЕАБР о проектах международных банков развития, отражающих результаты инвестиционно-проектной деятельности в странах СНГ, а также сайта Международного инвестиционного банка (МИБ) была составлена таблица 3. Исходя из состава участников МИБ, для целей анализа были использованы только данные по РФ, поскольку другие участники из стран СНГ в банке отсутствуют.

По данным таблицы 3 можно сделать следующие выводы. Во-первых, ряд институтов развития, среди которых Черноморский банк торговли и развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (последний — по крайней мере пока) не ориентированы на «зеленую» экономику. Во-вторых, количество финансируемых проектов, грантов и займов в сфере «зеленой» энергетики неустойчиво, и представляется, что определенный пик таких проектов был пройден в 2014 г. Снижение количества таких проектов связано, по мнению автора, с кризисом, когда главным образом финансируются стандартные проекты, ориентированные на поддержку предприятий в сфере производства товаров и оказания услуг, внешнеторгового финансирования и дорожного строительства. В-третьих, доля экологически ориентированных проектов Российской Федерации не соответствует ее потенциалу среди стран СНГ.

В таблице 4 представлены проекты представления кредитных ресурсов, одобренные Банком развития БРИКС в 2016 г. Анализ данных новостной ленты и пресс-релизов банка позволяет сделать следующие выводы. Суммарная величина первого годового транша банка — 1,552 млрд долл. — невысока по сравнению с его уставным капиталом в 50 млрд долл. Все займы предоставляются на 12–20 лет и гарантируются правительствами стран-заемщиц. Проекты Бразилии, Индии

Таблица 4
Проекты Банка БРИКС в 2016 гг.

Страна	Проект	Дата одобрения займа	Сумма, млн долл.	Механизм финансирования
Бразилия	Финансирование проектов в сфере возобновляемой энергетики, генерирующих 600 мВт	Апрель 2016 г.	300	Кредит государственному Банку экономического и социального развития Бразилии (Banco Nacional de Desenvolvimento Economico e Social)
Россия	Участие в финансировании строительства малых гидроэлектростанций: «Белопорожская ГЭС-1» и «Белопорожская ГЭС-2» в Карелии компанией «Норд Гидро», общей мощностью 50 мВт	Июль 2016 г	100	Два кредита по 50 млн долл. каждый, предоставляемые ЕАБР и МИБ для финансирования строительства, другие соинвесторы проекта — китайская корпорация «Гэчжоуба» (China Gezhouba Group Corporation) и Российский фонд прямых инвестиций
Индия	Финансирование проектов в сфере возобновляемой энергетики. Только в рамках первого транша в 75 млн долл. планируется построить мощности, генерирующие 500 мВт возобновляемой энергии и сократить масштаб ежегодных выбросов CO_2 в атмосферу на 815 тыс. т	Апрель 2016 г.	250	Кредит государственному Банку Индии Канара Банк (Canara Bank)
Индия	Финансирование реконструкции основной дорожной сети протяжённостью около 1500 км в центральном штате Мадхья-Прадеш	Ноябрь 2016 г.	350	Кредит, получатель не указан

Страна	Проект	Дата одобрения займа	Сумма, млн долл.	Механизм финансирования
Китай	Финансирование строительства солнечной электростанции мощностью 100 мВт	Апрель 2016 г.	81	Кредит, получатель — корпорация Шанхай Линганг Хонгбо Нью Энерджи Девелопмент (Shanghai Lingang Hongbo New Energy Development Co)
Китай	Финансирование строительства прибрежной ветровой электростанции мощностью 250 мВт в заливе Пингхай, провинция Фуцзянь	Ноябрь 2016 г	290,55	Кредит, получатель — Фуцзянь Джонгмин Оффшор Винд Пауэр (Fujian Zhongmin Offshore Wind Power Co)
ЮАР	Финансирование строительства ЛЭП передаточной мощностью 670 мВт и ВИЭ 500 мВт	Апрель 2016 г	180	Южноафриканская энергетическая компания Эском (Eskom), которая может также профинансировать независимых производителей энергии

Источник: составлено автором на основе материалов официального сайта Нового банка развития БРИКС, портала «ВестиФинанс»[9]

и России финансируются через национальные и межгосударственные банки развития, в случае Китая и ЮАР финансы представляются энергетическим компаниям непосредственно.

После первого раунда представления кредитов политическими представителями стран был сделан ряд заявлений, в определенном смысле корректирующих приоритеты первой группы проектов. Чжан Гаоли, первый вице-премьер Государственного совета КНР в ходе первого ежегодного заседания Совета директоров Банка призвал Банк развития БРИКС стремиться обеспечить надежную поддержку улучшения инфраструктуры в развивающихся странах путем создания новых моделей финансирования, что позволит привлечь больше финансовых ресурсов

[9] Сайт Банка развития БРИКС http://ndb.int/. Портал «ВестиФинанс» http://www.vestifinance.ru/

в проекты[10]. Другой представитель КНР, вице-президент и операционный директор Банка развития БРИКС Джу Сиан в кулуарах заседания заявил, что он ожидает присоединения к Банку новых стран-заемщиц в 2017–2018 гг., так как спрос на ресурсы на рынке со стороны старых и новых игроков достаточно велик[11]. Министр финансов Индии, Арун Джетли, заявил, что Новый банк развития должен сосредоточиться на финансировании экономически эффективных и экологических чистых проектов в сфере возобновляемой и невозобновляемой энергетики, транспорта и проектов в муниципального хозяйства[12]. В отношении приоритетов России был сделан ряд заявлений в ходе Второго Восточного экономического форума, состоявшегося в начале сентября во Владивостоке. Упоминавшийся ранее вице-президент Банка развития БРИКС Джу Сиан заявил о планах банка финансировать строительство дорог в России[13], а также о заинтересованности банка в финансировании строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва — Казань[14].

Таким образом, можно предположить, что портфель проектов Банка развития БРИКС будет расширяться по содержанию за пределы экологически ориентированных инициатив, охватывая в том числе строительство объектов традиционной инфраструктуры, способствующей развитию производства и торговли, а также росту качества жизни населения в странах-участницах.

Анализ результатов. По итогам исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, исходя из объективных и субъективных факторов своего функционирования, Российская Федерация, стоявшая у истоков БРИК(С), выполняя роль своего рода идеолога этого неформального объединения, в настоящее время уступает лидерство КНР (она, движимая собственными внутренними проблемами, видит

[10] China urges BRICS bank to strongly support infrastructure construction. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/business/2016–07/21/content_26168200.htm

[11] BRICS New Development Bank hopes to expand by drawing other nations as members. Available at: http://ndb.int/BRICS-New-Development-Bank-hopes-to-expand-by-drawing-other-nations-as-members.php

[12] NDB should focus on creating strong project pipeline: Finance Minister Jaitley. Available at: http://ndb.int/NDB-should-focus-on-creating-strong-project-pipeline-Finance-Minister-Jaitley.php

[13] BRICS bank plans to invest in construction of roads in Russia. Available at: http://ndb.int/BRICS-Bank-plans-to-invest-in-construction-of-roads-in-Russia.php

[14] BRICS Bank Interested in Moscow-Kazan High-Speed Railway Line Project. Available at: https://sputniknews.com/business/201609011044843376-brics-russia-railway/#ixzz4J52lbgPF

в реализации инициатив развития за рубежом механизм сохранения высоких темпов роста внутри страны) и Индии, масштабы экономики и международные политические цели которой, возрастая, переходят в новое качество.

Во-вторых, представляется, что Российская Федерации, в определенной степени, не стремится, не готова, а в случае западных организаций, не имеет возможности из-за санкций подавать заявки на предоставление ресурсов в международные институты развития, не используя возможности тех организаций, которые финансирует. В 2014–2016 гг. сократилось общее количество российских проектов во всех рассмотренных финансовых организациях, кроме Черноморского банка торговли и развития. В таких обстоятельствах результаты взаимодействия с международными банками развития нельзя признать удовлетворительными по объективным и субъективным причинам. Таким образом, гипотеза о необходимости выработки единой стратегии участия России в межгосударственных институт развития представляется подтвержденной, в том числе и потому, например, что проект, финансирование которого ведется Банком развития БРИКС, реализуется через два других региональных института — ЕАБР и МИБ. По мнению автора, в Министерстве финансов России необходимо усилить оперативную группу (*task force*) поддержки российских заявок в подобных организациях, в том числе чтобы преодолеть отставание от остальных стран в выделении ресурсов Банком развития БРИКС.

В-третьих, гипотезу о необходимости усиления экологической составляющей проектов можно считать подтвержденной частично. С одной стороны, по мнению упоминавшегося ранее эксперта в области ВИЭ А. Копылова, России необходимо наращивать потенциал малой ветровой и солнечной, а также газовой (например, на основе строительства мини-заводов по сжижению природного газа) энергетики для обеспечения небольших населенных пунктов, оптимизируя затраты на передачу электроэнергии на большие расстояния. С другой стороны, страна имеет сильные конкурентные преимущества в производстве и использовании атомной и гидроэнергетики и строительстве соответствующих электростанций. С этой точки зрения, Россия заинтересована в продвижении своих технико-экономических проектов за рубежом, и поэтому, как и Китай, заинтересована в привлечение новых участников и заемщиков в рассматриваемые институты развития. России, исходя из своих потребностей, также целесообразно поддержать и продвигать смещение приоритетов основных партнеров по Банку развития БРИКС в направлении строительства и реконструкции объектов транс-

портной, энергетической, телекоммуникационной и муниципальной инфраструктуры, не отказываясь от соблюдения экологических стандартов и принципов устойчивого развития.

В тоже время РФ необходимо посильно софинансировать и продвигать проекты, способные улучшать экологическую обстановку, так как в соответствии с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период 2020 года»[15] доля населения, проживающего в местах с неблагоприятной экологической обстановкой, должна снизиться с 43 % в 2007 г. до 14 % к 2020 г., например, связанные с производством природосберегающего оборудования и технологий, управлением отходами, ликвидацией нефтяных разливов, снижением выбросов парниковых газов, адаптацией к изменению климата и пр.

Заключение. Развитие интеграции стран БРИКС — лидеров развивающегося мира — важнейшее явление в системе международных политических и экономических отношений, влияющее на ее структуру, взаимосвязи и перспективы. Несмотря на разнородность состава участников БРИКС как цивилизационном смысле, так и в отношении ценностных институтов и предпочтений, на данную группировку возлагаются значительные надежды в отстаивании интересов развивающихся стран в противостояниях между Севером и Югом по все большему кругу возникающих вопросов. Рассматриваемые процессы институционализации развития, несмотря на большое количество неэкономических факторов и издержек, соответствуют прагматическим интересам участников, что в значительной степени является необходимым условием успеха. Вместе с тем на страны ложится глобальная ответственность в решении вопросов обеспечения экономического роста, устойчивого развития и создания общественных благ в масштабах всей мировой экономики.

Международные институты развития, контролируемые странами Запада, в первую очередь МБРР, ориентируются в большей степени на постиндустриальную повестку и прогрессивную структурную перестройку национального хозяйства. Институты развития новых экономик, с одной стороны, продолжают решать задачи создания основного общественного капитала в физической форме, с другой — пытаются решать задачи устойчивого роста в условиях возрастающего давления

[15] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N 1662-р). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90601 /?frame=1#p28

на экосистемы этих стран из-за перенаселенности и индустриализации. Неслучайно таким образом первый транш кредитов Банка развития был выделен на проекты в сфере возобновляемой энергии.

Несмотря на то, что в концепции участия России в БРИКС проектам в сфере энергетики уделяется внимание наряду с общими вопросами международно-политического сотрудничества, международной безопасности, валютно-финансового, торгово-экономического и межотраслевого взаимодействия и др., представляется, что пока в артикулировании позиции страны в многосторонних институтах развития наблюдается своего рода «идеологическое» отставание от других партнеров по БРИКС в вопросах обеспечения экологически безопасной окружающей среды, формирования человеческого капитала, поощрения гендерного равенства, формирования глобального партнерства в целях развития. Для преодоления подобного отставания необходимо активнее модернизировать и отчасти имплементировать дискурс развития не только во внешней политике, но и внутри страны. С другой стороны, по мнению автора, Российской Федерации следует сформировать единую повестку участия в институтах развития, продвигая свои интересы и конкурентные преимущества, связанные с атомной и гидроэнергетикой, а также строительством объектов транспортной инфраструктуры.

Литература

1. Валькова А. В. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций: новые финансовые инициативы в АТР / А. В. Валькова // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. № 1 (29). С. 23–32.
2. Вань Ц. Перспективы и вызовы сотрудничества стран БРИКС: взгляд из Китая / Ц. Вань // Свободная мысль. 2015. № 6. С. 55–66.
3. Головнин М. Ю. Страны БРИКС и реформирование мировой валютно-финансовой системы / М. Ю. Головнин // Мир перемен. 2012. № 4. С. 42–56.
4. Джагитян Э. П. Институционализация экономического механизма группы БРИКС: преимущества и риски Нового Банка развития / Э. П. Джагитян // Деньги и кредит. 2015. № 6. С. 28–35.
5. Имамутдинов И. Сойти с обочины / И. Имамутдинов // Эксперт. 2015. № 17. С. 49–52.
6. Лексютина Я. В. Роль БРИКС в стимулировании парадигмального сдвига в глобальном экономическом управлении / Я. В. Лексютина // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. Т. 10. № 1. С. 113–125.
7. Луков В. Б. Экономики БРИКС взаимодополняют друг друга, и это дает хорошую базу для развития многостороннего экономического сотрудничества / В. Б. Луков // Индекс безопасности. 2012. Т. 18. № 2 (101). С. 11–16.

8. Селявина Е. А., Феномен банков развития и их роль в решении общеэкономических проблем / Е. А. Селявина // Научные записки молодых исследователей. 2015. № 2. С. 5–15.
9. Порфирьев Б. Н. «Зеленые» тенденции в мировой финансовой системе / Б. Н. Порфирьев // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 9. С. 5–16.
10. Шелепов А. В. Сравнительные перспективы развития Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития / А. В. Шелепов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 3. С. 132–152.
11. Ярыгина И. З. Роль банков развития в обеспечении экономических интересов БРИКС / И. З. Ярыгина //Экономика. Налоги. Право. 2015. № 3. С. 102–108.
12. Fukuyama F. Exporting the Chinese Model / F. Fukuyama // Project Syndicate. 2016. Avaliable at: http://www.project-syndicate.org/commentary/china-one-belt-one-road-strategy-by-francis-fukuyama-2016–01 (accessed 13.01.2016).
13. Sohn, I. Between Confrontation and Assimilation: China and the fragmentation of global financial governance / I. Sohn // Journal of Contemporary China. 2013. Vol. 22 (82). Pp. 630–648.
14. Robinson W. I. The Transnational state and the BRICS: a global capitalism perspective / W. I. Robinson // Third World Quarterly. 2015. Vol. 36 (1). Pp. 1–21.
15. Thakur R. How representative are BRICS? / R. Thakur // Third World Quarterly. 2014. Vol. 35 (10). Pp. 1791–1808.

BRICS BANK AND OTHER INTERNATIONAL INSTITUTIONS FOR RECONSTRUCTION AND DEVELOPMENT: STRATEGY FOR RUSSIA

Maria Gorbunova

Abstract. *The proliferation of new regional and transregional development institutions represents a distinctive feature of the ongoing period of international relations. Due to the global recession there is a need to involve in business processes and economic circuits a range of underdeveloped countries in possess of the "low base" able to be the drivers of global growth. Reacting on the shortage of resources of local governments, newly established international financial institutions can contribute to the formation of social capital, especially to infrastructural projects that could boost the connectivity of peripheral countries and macroregions with the rest of the world.*

Russian Federation is one of the most important actors of this global process. Since, first, it is a founding member of the BRICS, an informal association of the leading countries of the developing world. And, second, it is situated in the

centre of Eurasia and directly involved in the continental integration processes as well as in developmental projects in the neighboring megaregion.

Based on a comparative analysis of the political and economic aspects of new development institutions established by an association, integration units or a leading developing country, the author tried to identify the key points of Russia's strategy for these organizations in accordance to country's internal and external developmental objectives.

***Keywords**: International Institutions for Reconstruction and Development, New Development Bank, Eurasian Development Bank, the Asian Infrastructure Investment Bank*

References

1. Val'kova A.V. (2016) Aziatskij bank infrastrukturnyh investicij: novye finansovye iniciativy v ATR [Asian Infrastructure Investment Bank, New Financial Initiatives in the Asia-Pacific], *Nauchno-issledovatel'skij finansovyj institut. Finansovyj zhurnal [Research Institute of Finance. Financial Journal]*. Vol. 1 (29): 23–32.
2. Van' C. (2015) Perspektivy i vyzovy sotrudnichestva stran BRIKS: vzgljad iz Kitaja [Prospects and Challenges of Cooperation of the BRICS Countries: A View from China], *Svobodnaja mysl' [Free Thought]*. # 6: 55–66.
3. Golovnin M.Ju. (2012) Strany BRIKS i reformirovanie mirovoj valjutno-finansovoj sistemy [BRICS Countries and Reform of the Global Monetary System], *Mir peremen [World of Change]*. # 4: 42–56.
4. Dzhagitjan Je.P. (2015) Institucionalizacija jekonomicheskogo mehanizma gruppy BRIKS: preimushhestva i riski Novogo Banka razvitija [The Institutionalization of the Economic Mechanism of BRICS Group: The Benefits and Risks of the New Development Bank], *Den'gi i kredit [Money and Credit]*. # 6: 28–35.
5. Imamutdinov I. (2015) Sojti s obochiny [Get off the Curb], *Jekspert [Expert]*. # 17:49–52.
6. Leksjutina Ja.V. (2014) Rol' BRIKS v stimulirovanii paradigmal'nogo sdviga v global'nom jekonomicheskom upravlenii [The Role of the BRICS in Stimulating the Paradigm Shift in Global Economic Governance], *Politicheskaja jekspertiza: POLITJEKS [Political expertise: POLITEKS]*. Vol. 10 (1): 113–125.
7. Lukov V.B. (2012) Jekonomiki BRIKS vzaimodopolnjajut drug druga, i jeto daet horoshuju bazu dlja razvitija mnogostoronnego jekonomicheskogo sotrudnichestva [BRICS Economies Complement Each Other, and That Provides a Good Basis for the Development of Multilateral Economic Cooperation], *Indeks bezopasnosti [Security Index]*. Vol. 18. № 2 (101). C. 11–16.
8. Seljavina E.A. (2015) Fenomen bankov razvitija i ih rol' v reshenii obshhejekonomicheskih problem [Phenomenon of Banks for Reconstruction and Development and their Role in Solving the General Economic Problems],

Nauchnye zapiski molodyh issledovatelej [Scientific notes of young researchers]. # 2: 5–15.
9. Porfir'ev B.N. (2016) «Zelenye» tendencii v mirovoj finansovoj sisteme ["Green" Trends in the Global Financial System], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World Economy and International Relations]*. Vol. 60 (9): 5–16.
10. Shelepov A.V. (2016) Sravnitel'nye perspektivy razvitija Aziatskogo banka infrastrukturnyh investicij i Novogo banka razvitija [Comparative Perspectives of Asian Infrastructure Investment Bank and the New Development Bank], *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika [Herald of international organizations: education, science, new economy]*. Vol. 11 (3): 132–152.
11. Jarygina I.Z. (2015) Rol' bankov razvitija v obespechenii jekonomicheskih interesov BRIKS [The Role of Developmental Banks in Ensuring the Economic Interests of the BRICS], *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economy. Taxes. Law]*. # 3: 102–108.
12. Fukuyama F. (2016) Exporting the Chinese Model, *Project Syndicate.* Avaliable at: http://www.project-syndicate.org/commentary/china-one-belt-one-road-strategy-by-francis-fukuyama-2016–01 (accessed 13.01.2016).
13. Sohn, I. (2013) Between Confrontation and Assimilation: China and the fragmentation of global financial governance, *Journal of Contemporary China*. Vol. 22 (82): 630–648.
14. Robinson W.I. (2015) The Transnational state and the BRICS: a global capitalism perspective, *Third World Quarterly*. Vol. 36 (1): 1–21.
15. Thakur R. (2014) How representative are BRICS? *Third World Quarterly*. Vol. 35 (10): 1791–1808.

Информация об авторе
Горбунова Мария Лавровна
доктор экономических наук, доцент
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия
Maria Lavrovna Gorbunova
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА СОТРУДНИЧЕСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И КИТАЯ В 2010-е гг. ДЛЯ РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. Ф. ЗАГУЛЯЕВ

Аннотация. *В статье указываются приоритеты Великобритании в отношениях с КНР: привлечение китайских инвестиций в британскую экономику, партнерство в области финансов и фондовых рынков. Роль Великобритании как «строителя мостов» видится как аргумент в пользу учета британских интересов при формировании внешней политики Европейского Союза и усилении британского влияния в отношениях Европы и США. Рассматриваются отличия курса Великобритании на укрепление экономических и политических связей с КНР от аналогичных стратегий Германии, Франции. Прогнозируется дальнейшее развитие двусторонних отношений, которое замедлит, но не изменит выход Великобритании из состава ЕС. Пример Китая показывает готовность Великобритании выступать в роли «строителя мостов» между Западом и странами с иной политической системой исходя из прагматических соображений, оставляя за скобками разницу в идеологии, проблемы соблюдения прав и свобод, территориальные проблемы (Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района). Великобритания рассматривает партнерство с КНР как модель для выстраивания отношений с другими странами. Отдельные аспекты британско-китайского сотрудничества могут использованы как модели для сотрудничества как России и Великобритании, так России и КНР, совместных проектов в области финансов и инвестиций в Великобритании, России, странах постсоветского пространства и АТР. Готовность Великобритании идти вопреки интересам США (например, вопросы интернационализации юаня, участие в AIIB) может быть важна для понимания единства и противоречий в позиции стран Запада в отношении России.*

Ключевые слова*: Brexit, Великобритания, Китай, Россия, инвестиции*

Введение. Российско-британские отношения в течение десятилетий развивались по принципу маятника: периоды резких противоречий сменялись сближением, и наоборот. В настоящее время они проходят

через сложный период: в 2014 г. Лондон присоединился к санкциям против России. Однако, следуя опыту предыдущих кризисов, уже сейчас важно рассматривать, какие ресурсы можно будет использовать для выстраивания в будущем взаимовыгодного сотрудничества.

Сигнал о готовности к России к улучшению отношений подал Великобритании президент России В. В. Путин накануне саммита G20, прошедшего в сентябре 2016 г. в Ханчжоу (КНР). На встрече с премьер-министром Т. Мэй президент России заявил: «Надеемся, что нам удастся вывести наши двусторонние отношения на более высокий уровень, чем они находятся на сегодняшний день. Здесь нам точно есть чем заниматься и в политической сфере, и в сфере экономики»[16].

Ресурсы и подходы для нормализации отношений можно искать там, где у Великобритании преобладают прагматичные интересы. Примером подобного подхода к двусторонним отношениям может служить эволюция британско-китайских отношений, прошедших путь от казавшейся неразрешимой проблемы статуса Гонконга до намерения Великобритании стать главным партнером КНР в Европе. Представляется оправданным рассмотреть, что в этом опыте может быть использовано в российско-британских отношениях. Конечно же, речь не идет о том, чтобы пытаться создать «кальку» отношений Пекина и Лондона. Речь идет о поиске сфер, в которых англичане в наибольшей степени готовы идти на сближение. Этим объясняется то, что в статье анализируется прежде всего британский взгляд на сотрудничество с КНР.

В 2010-е гг., когда у власти находилось правительство премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, двусторонние отношения достигли высокого уровня. Как было отмечено в совместном правительственном заявлении по итогам визита в Лондон Си Цзыньпина в октябре 2015 г., страны «строят всеобъемлющее стратегическое партнерство в XXI веке»[17].

Перспективы британско-китайских отношений сегодня заслуживают исследования еще и вследствие влияния на них процесса выхода из состава ЕС (Brexit, «Брекзит») в результате референдума 23 июня 2016 г., а также в связи с вопросом о том, какими будут «особые отношения» Великобритании и США при новой республиканской администрации

[16] Владимир Путин и Тереза Мэй обсудили общие вызовы // Российская газета, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://rg.ru/2016/09/04/vladimir-putin-i-tereza-mej-obsudili-obshchie-vyzovy.html. (дата обращения: 20.12.2016).

[17] UK-China Joint Statement 2015. (2015). The United Kingdom Government Official Site. Retrieved 20 December, 2016 from http://www.gov.uk/government/news/uk-china-joint-statement-2015/.

Д. Трампа, еще до вступления в должность сделавшего ряд заявлений о необходимости сдерживания Китая.

Теоретические основания исследования. Статья посвящена по преимуществу прикладным аспектам современного британско-китайского сотрудничества. Однако очевидно, что британско-китайские отношения могут быть интересным вопросом и для теории международных отношений, с точки зрения проблемы становления мирового порядка в XXI в., роли и места в нем Великобритании.

«Становление нового мирового порядка вступило в фазу, которая может закончиться или консолидацией системы на основе трансатлантических структур, или консолидацией альтернативных сил из числа государств, не входящих в евроатлантическую подсистему», — отмечает российский специалист-международник Т. А. Шаклеина [Мегатренды, 2014, с. 287].

Сближение Великобритании с КНР показывает, что консолидация еще отнюдь не завершена, и вызывает вопросы о солидарности и разногласиях в трансатлантической структуре. Стремится ли Великобритания увеличить независимость своей внешней политики и насколько в этом она готова ли идти в разрез с американскими интересами, медленно, но последовательно расширяя границы «особых отношений»? Или же она, находясь в фарватере американской политики, но хочет увеличить свое значение в них? Хочет ли предложить свои услуги «строителя мостов с Западом» новому набирающему силу партнеру? Не рано ли списывать бывшую империю со счетов?

Поиски ответов на каждый из этих вопросов заставляют обратиться и к более широкой теме — соперничества государств и возможности конструктивного партнерства между ними. В этой связи уместно вспомнить взгляды структурного реалиста Дж. Миршаймера, воспринимавшего усиление Китая как неизбежный вызов гегемонии США и одновременно как возвращение к балансу сил [Mearscheimer 2003: 20]. Однако более близким к существующему положению представляется тезис неоклассического реалиста Р. Швеллера о том, что «равновесие спонтанно возникает не от усилий стран по установлению баланса силы, а от неравномерного развития стран являющихся акторами-эгоистами, ищущих богатства, а не власти» [Schweller 2010: 153].

В работах конца 2000-х — начала 2010-х гг. американский политолог Э. Моравчик, развивал идею объединенной Европы как второго полюса системы международных отношений, альтернативного США. Политолог со скепсисом отзывался о потенциалах однополярного мирового порядка с США во главе, биполярного порядка США — Китай или системы

США — Китай — Индия плюс другие региональные державы. Отношения между сверхдержавами в XXI в. Э. Моравчик видел как отношения партнерства и взаимного роста (отношения с положительной суммой), а не как соперничество (отношения с нулевой суммой) [Moravcsik 2010: 94].

В отношении британской политики речь идет скорее об отношениях акторов разумных эгоистов Р. Швеллера, тем более, что сама Великобритания едва ли представляет себе видит единую Европу как вторую сверхдержаву в перспективе. Действительно, премьер-министр Т. Блэр в конце 1990-х говорил о том, что ЕС должен стать «мировой сверждержавой», но он же, как и сменившие его Г. Браун и Д Кэмерон выступали — в русле традиционной британской позиции — за максимально возможное сохранение британского суверенитета во внешней политике и за межправительственный, а не наднациональный характер общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Великобритания стремится использовать возможности координации действий в рамках Евросоюза для достижения своих внешнеполитических целей и, как будет показано ниже, прагматично воспринимает китайскую манеру действовать для достижения своих целей то через государства-члены ЕС, то через союзные структуры.

В 2010 г. для членов Палаты лордов британского Парламента был составлен доклад «Звезды и драконы: ЕС и Китай», в работе над которым приняли участие ведущие британские эксперты по отношениям с КНР. Доклад исходил из того, что мир в XXI веке не будет ни одно-, ни биполярным (США — Китай), а многополярным («двадцатка», G20). Отношения ЕС — Китай и Великобритания-Китай представляются важнейшими для всех упомянутых сторон [Stars and Dragons: 17]. В Китае полагают, подчеркивается в докладе, что европейская интеграция и в частности отношения с Великобританией являются одним из противовесов влиянию США.

Китайские власти и деловые круги заинтересованы в европейской интеграции, но не до конца понимают, «насколько сложная в ЕС система принятия решений» [Stars and Dragons: 18]. КНР проще вести дела не с ЕС, а с США, «потому что их воспринимают как серьезного актора на международной арене, обладающего единой мощной армией, правительством и единой внешней политикой» [Stars and Dragons: 18]. Того же Китай ждет в перспективе и от Европы, хотя и из сегодняшнего положения дел Пекин может извлечь политическую выгоду.

Эксперты отмечают: «Нереалистичным и нежелательным представляется утверждение, что отношения ЕС — Китай заменят отношения Китая с отдельными странами-членами ЕС. Они будут развиваться па-

раллельно. Однако Евросоюз и страны-члены должны в отношениях с Китаем действовать, исходя из общности интересов и не подрывать позиции друг друга. Китай всегда будет преследовать исключительно свои внутренние и коммерческие интересы. Он будет обращаться к отдельным странам в поисках наиболее лояльных переговорщиков для достижения своих целей в особенности тогда, когда будет понимать, что страны ЕС разобщены. <…> Китайцы будут торговать везде, где выгодно торговать» [Stars and Dragons: 20–21].

Развитие отношений Великобритании и Китая ставят и еще один актуальный вопрос: об этике и прагматизме в политике, на что возможно, а на что невозможно ли закрывать глаза ради достижения страной своих экономических и политических выгод.

Гипотеза исследования. Гипотеза исследования состоит в том, что политическими целями партнерства с Китаем для Великобритании является закрепление своей роли как главного партнера КНР в Европе и утверждение в роли «строителя мостов» между Западом и ведущими или быстро набирающими силу державами, не входящими в евроатлантическую подсистему. Экономическими же целями является привлечение китайских прямых инвестиций и финансовых ресурсов, утверждение Лондона в качестве основного центра для китайских финансовых учреждений в Европе.

Методология исследования. В исследовании помимо общих методов научного познания сочетаются со специальными методами политического исследования (системным, методом выделения уровней анализа). Историко-описательный метод используется для того, чтобы показать ретроспективу британско-китайских отношений. Системный метод исследует эволюцию британско-китайских отношений в рамках системы международных отношений. В рамках метода уровней анализа выделяются уровни (глобальный, евроатлантической подсистемы, государств Великобритании и Китая, внутригосударственных акторов), оказывающие влияние на британско-китайские отношения.

Исследование. Начало курса Великобритании на партнерство с Китаем можно отнести к началу 1980 гг. У его истоков стояла Маргарет Тэтчер, ставшая первой главой британского правительства, посетившей коммунистический Китай в сентябре 1982 г. Впоследствии еще трижды встречавшаяся с архитектором китайских реформ Дэном Сяопином, «железная леди» представила новую стратегию в отношении Китая: оставить за скобками различия в политических системах и правах человека, искать пути к взаимоприемлемому возвращению КНР Сянгана (Гонконга), делать прочнее экономические связи, превратить Велико-

британию в «строителя мостов», посредника между «открывающемся Китаем» и Западом.

Двустороннее сотрудничество неизменно расширялось при всех последующих кабинетах министров, в особенности после урегулирования проблемы возвращения КНР Сянгана (Гонконга) в 1997 г. Если лейбористы (кабинеты Энтони Блэра в 1990-е и Гордона Брауна в 2000-е) уделяли больше внимания проблемам прав человека, политических реформ и свободного рынка в Китае, то консерваторы были склонны оставлять их за скобками вполне в духе «реальной политики» Тэтчер.

Авторы российской монографии «Старый Свет — новые времена» так характеризуют британо-китайские отношения при новых лейбористах: «В отношениях с Китаем, превращавшимся в одну из лидирующих стран мира, Лондону также пришлось маневрировать между линией на осуждение нарушений прав человека и поддержанием стратегического диалога. Не отягощенное «трудным прошлым» — серьезными разногласиями предыдущего консервативного кабинета с Китаем из-за Гонконга, — правительство лейбористов стремилось к нормализации и улучшению отношений с КНР во всех областях. <…> Поставив задачу интегрировать Китай в международную систему, что, как полагали в Лондоне, будет способствовать улучшению ситуации с правами человека, правительство Блэра поддержало кандидатуру Пекина на вступление в ВТО. Что же касается правовой проблематики, например, вопросов соблюдения прав человека в Тибете, то ее обсуждение было перенесено на более низкий уровень — консультации между внешнеполитическими ведомствами» [Громыко, 2007, с. 345].

В 2009 г. была принята концепция отношений Великобритании с КНР The UK and China: A Framework for Engagement. Британская дипломатия рассматривала партнерство с Китаем не только само по себе, но и как модель для выстраивания отношений с другими быстро набирающими силу странами. Об этом говорится и в концепции говорится о видении мира многополярным: «Мы хотели бы найти способ, чтобы Китай и другие основные развивающиеся экономики (emerging economies) играли большую роль в многосторонней системе мира, основанной на четких правилах. Для этого мы будем работать над более систематическим вовлечением Китая в международные структуры управления, не подрывая их норм или размывая их эффективность. Мы можем достичь этого, используя наши двусторонние контакты и влияние, но мы также хотим теснее сотрудничать в этом с нашими партнерами по ЕС и международными организациями для того, чтобы придать силу нашему подходу. <…> Основное наше влияние будет исходить из работы вместе

с другими странами, в основном в рамках ЕС, но и наши двусторонние контакты останутся важными» [The UK and China (2009): 13–14].

За десять лет с 2004 по 2014 г. китайский импорт в Великобританию вырос с 11,4 до 37,6 миллиардов фунтов стерлингов, что превратило КНР во второго (после США) торгового партнера страны, британский экспорт в Китай за тот же период вырос с 4 до 16,7 миллиардов фунтов[18].

Авторы российской монографии «Дилеммы Британии: поиск путей развития» комментируют эту тенденцию так: «Стремительный рост Китая британский премьер рассматривал не как угрозу, а как возможность для британской экономики с помощью значительного наращивания экспорта в эту страну выйти из финансово-экономического кризиса» [Дилеммы Британии, 2014, с. 351].

В ходе визита председателя КНР Си Цзыньпина в Лондон китайские и британские компании заключили контракты на сумму более 30 млрд фунтов. В частности, было достигнуто соглашение о стратегическом партнерстве между нефтегазовыми гигантами British Petroleum и China National Petroleum Corporation, регулирующее совместное освоение месторождения Румайла в Ираке, торговлю нефтью и обмен технологиями[19]. В октябре 2015 г. китайская компания CGN за £24,5 млрд выкупила 33,5 % в проекте строительства на юго-западе Великобритании ядерной электростанции[20]. Основным поставщиком British Telecom стала китайская компания Huawei. Китайские вложения идут в инфрастуртурные проекты (доля в аэропорте Хитроу, проект создания города-аэропорта в Манчестере, системы водоснабжения), финансы (инвестиция около $3 млрд в британский Barclays Китайским банком развития в 2013 г.), в имиджевые проекты (приобретение долей в компаниях, владеющих широко известными в стране брендами класса люкс или массового производства).

Наиболее активным и последовательным сторонником сближения с Китаем в правительстве Д. Кэмерона являлся канцлер казначейства Джордж Осборн. Его взглядам на привлечение китайских инвестиций

---

[18] How important is China to the UK economy? (2015). The UK Office for National Statistics. Retrieved 20 December 2016 from http://visual.ons.gov.uk/how-important-is-china-to-the-economy/

[19] BP and China National Petroleum corporation to expand global partnership. (2015). British Petroleum Global Official Cite. Retrieved 20 December 2015 from http://www.bp.com/en/global/corporate/press/press-releases/bp-and-china-national-petroleum-corporation-to-expand-global-par.html.

[20] China agrees to invest in new UK nuclear plants. (2015). World Nuclear News. Retrieved from http://www.world-nuclear-news.org/NN-China-agrees-to-invest-in-new-UK-nuclear-plants-2110155.html

в британскую экономику и увеличения присутствия британских компаний в КНР, интеграции фондовых рынков и увеличению влияния Китая в мировых финансах СМИ Соединенного Королевства присвоили наименование «доктрина Осборна»[21].

Свое видение путей развития Китая и необходимости взаимного сотрудничества Осборн формулировал неоднократно. Наиболее четко и всеобъемлюще оно выражено в его выступлении в здании Шанхайской фондовой биржи, произнесенном 22 сентября 2015 г. во время визита канцлера казначейства в КНР [Osborne 2015].

Джордж Осборн полагал, что китайская экономика превращается от экономики, развивающейся за счет притока инвестиций в экономику, драйвером роста которой служит потребление. Экономика диверсифицируется, в ней развиваются рыночные механизмы управления. Несмотря на замедление в 2015 г., кризис на фондовом рынке и девальвацию юаня рост китайской экономики продолжится.

Великобритания, по его словам может обеспечить китайский рынок высококачественными товарами, а китайские компании — высокими технологиями, консультациями и опытом менеджмента. Большие надежды канцлер казначейства связывал с образовательными программами для китайских студентов.

В речи, о которой говорилось выше, Осборн также отмечал, что Китай должен иметь больше влияния в международных финансовых и инвестиционных организациях, таких как МВФ. Для КНР этот вопрос весьма болезнен и Великобритания оказалась в его решении скорее на стороне Китая, а не своего главного союзника в мире — США.

В октябре 2013 г. США отказались увеличить квоту Китая и других азиатских держав в области корпоративного управления МВФ, и в ответ председатель КНР Си Цзиньпин и премьер Госсовета КНР Ли Кэцян анонсировали создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank) с капиталом 50 млрд долларов. Целями новой финансовой организации были заявлены стимулирование финансового сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и финансирование инфраструктурных проектов в Азии, оценивающихся потенциально в 8 триллионов долларов. В 2014 г. меморандум о создании AIIB с капиталом, вдвое превышающим заявленный первоначально, подписали 27 стран. Китай получил право вето, вторую долю

[21] Напр.: Bagehot. (2015) The Osborne Doctrine. The Economist. Retrieved from http://www.economist.com/news/britain/21667935-britain-sleepwalking-much-closer-relationship-china-osborne-doctrine; Gracie C. (2015). China and 'the Osborne Doctrine. BBC. Retrieved from http://www.bbc.com/news/world-asia-china-34539507

влияния получила Индия, а третью Россия. Хотя США приветствовали создание банка, по сообщениям СМИ, именно под их нажимом в его структуру не стала входить Япония. Давлению подвергались и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона, намеревавшиеся стать соучредителями нового банка.

В марте 2015 г. Великобритания стала первой из стран Запада, подавшей заявку на присоединение к числу учредителей AIIB. Вскоре ее примеру последовал ряд других стран Евросоюза. Этот шаг Великобритании был с нескрываемым раздражением воспринят в США. Источник в администрации президента Б. Обамы рассказал Financial Times, что решение принималось Великобританией самостоятельно, без предварительных консультаций с Вашингтоном. По его словам, США беспокоит «постоянная организация Великобританией совместных проектов с Китаем»[22].

Другим направлением партнерства Великобритании с Китаем, также весьма болезненным для США, являются совместные усилия этих стран по интернационализации юаня. Британский канцлер казначейства Джордж Осборн в 2013 г. отмечал, что поддержка интернационализации юаня входит в тройку экономических приоритетов Великобритании по отношению к Азии наряду с увеличением инвестиций и преодолением протекционизма. Ранее в 2011 г. в Лондоне началось создание оффшорного центра по операциям в юанях.

Великобритания получила ряд преимущественных прав: подписание соглашений о валютных свопах, получение базового лимита для квалифицированных иностранных институционных инвесторов в юанях, выпуск финансовых продуктов в юанях, выбор места расположения юань-клирингового банка. В Лондоне открывают филиалы крупнейшие китайские банки. Так 9 октября 2015 начал работу филиал Строительного банка Китая (СБК). В 2009 г. Строительный банк Китая в Лондоне открыл свою стопроцентную дочернюю компанию — СБК-Лондон. В 2012 г. СБК стал первым китайским банком, который выпустил в Великобритании облигации, номинированные в юанях. А в 2014 г. СБК получил статус юань-клирингового банка. В настоящее время более 50 самых известных китайских и иностранных банков и финансовых учреждений открыли клиринговые счета в СБК-Лондон. Объем клиринга уже превысил 4,5 трлн юаней.

В интервью Международному радио Китая председатель правления банка Ван Хунчжан отметил: «В настоящее время Китай и Великобрита-

[22] UK support for China-backed Asia bank prompts US concern. (2015). BBC. Retrieved from http://www.bbc.com/news/world-australia-31864877

ния проявляют больше общих интересов к финансовому взаимодействию. Правительства, Центральные банки, финансовые и контрольные ведомства обеих стран единодушно одобрили укрепление двустороннего сотрудничества в финансовой сфере, главной из задач которого является ускорение строительства оффшорного центра для юаня»[23].

«Доктрина Осборна» оставляет за скобками вопросы британской позиции по отношению к соблюдению прав человека в Китае. Во время визита в Китай в октябре 2015 г. канцлер казначейства заявил в интервью Global News: «Правильной манерой для иностранного министра, посещающего Китай в поисках возможностей для британского бизнеса является скромность. Некоторые на Западе думают, что их министры должны вести себя как правозащитники, чтобы показать свое превосходство над Китаем»[24] [24] и добавил, что вопросы прав человека поднимаются, но за закрытыми дверями. Для британской общественности и СМИ эти заверения выглядели неубедительно. Тем более, что Осборн произнес еще одну речь о деловом партнерстве с КНР, находясь в городе Урумчи. Посещение этого центра Синьцзян-Уйгурского автономного района, с одной стороны, являющегося одной из важных территорий для осуществления плана нового «Великого шелкового пути», продвигаемого председателем КНР Си Цзыньпином, а, с другой стороны, являющимся центром мусульманского уйгурского меньшинства, в подавлении которого китайские власти обвиняют западные правозащитники.

Едва ли речь идет об упущении, скорее, о нарочитой демонстрации лояльности. Посещение Китая делегацией, в которую кроме Осборна входил мэр Лондона Борис Джонсон[25] и ряд крупных британских бизнесменов стало первым визитом высокого уровне после того, как годом ранее китайские власти дали понять премьер-министру Д. Кэмерону, что у первых лиц страны не найдется времени для встречи с ним из за приветствий главы британского правительства Далай-ламе во время визита тибетского духовного лидера в Лондон.

Позиция Джорджа Осборна была с осторожностью воспринята британским МИД. BBC и другие британские СМИ, ссылаясь на свои источники сообщали, что «форин оффис» высказывал премьер-министру озабоченность соблюдением прав человека в Китае. Министерство

---

[23] Лондон стал важной платформой для интернационализации китайского юаня. // Международное радио Китая, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://cri.cn/841/2015/10/21/1s563372.htm (дата обращения: 20.12.2016).

[24] Osborne praised for 'not stressing human rights' in China. (2015). BBC. Retrieved from http://www.bbc.com/news/world-asia-china-34356097

[25] С 2016 г. министр иностранных дел Великобритании — *авт.*

стремится оградить кабинет от критики и упреков в политическом цинизме как со стороны общественности и международных правозащитных организаций, так и со стороны американских и европейских партнеров, видящих в этом возможность несколько осадить Великобританию в стремлении стать главным партнером КНР.

Приоритет партнерства в сфере финансов и фондовых рынков отличает стратегию Великобритании в отношении Китая от аналогичных стратегий двусторонних отношений с КНР, осуществляющихся другими наиболее экономически развитыми странами Европы: Германией и Францией.

Германия является крупнейшим торговым партнером КНР среди стран-членов Евросоюза, а Китай — третьим по величине торговым партнером Германии. По данным отчета «Дорожная карта европейско-китайских отношений» 2015 г., подготовленного мозговым центром по отношениям европейско-китайским отношениям ETNC, немецкие инвестиции в Китай к 2014 г. достигли около 40 млрд евро, а китайские инвестиции в Германию превысили 6,9 млрд евро. [Huotari 2015: 31].

На успехи Великобритании в финансовом партнерстве с Китаем с заинтересованностью смотрят во Франции, хотя ее возможности в области финансов и инвестиций существенно меньше, чем у Великобритании и Германии.

В апреле 2013 г. президент Франсуа Олланд предложил сделать Париж основной площадкой для интернационализации юаня и создать двустороннюю программу валютных свопов, аналогичную китайско-британской. Основанием для жизнеспособности программы должны были стать депозиты в юанях на сумму около 10 млрд юаней (1,6 млрд долл. США по курсу на апрель 2013 г.), чей объем в Европе уступает только депозитам в Лондоне, и то, что до 10% франко-китайских торговых операцию к тому времени проводилось в юанях. Франция открыла оффшорный клиринговый банк ренминби 15 сентября 2014 г., на три месяца позже, чем Великобритания.

Насколько Brexit повлияет на британско-китайское сотрудничество? В марте 2016 г. во время встречи министров финансов и глав ЦБ стран G20 в Шанхае представитель МИД КНР Хонг Ли подчеркнул: «Мы всегда поддерживали процесс европейской интеграции, мы будем рады усилению роли ЕС в международных отношениях и также надеемся, что Великобритании и ЕС удастся урегулировать нынешние вопросы»[26].

[26] Growth and Brexit top agenda at G20 finance meeting. (2016). Euronews. Retrieved from http://www.euronews.com/2016/02/26/growth-and-brexit-top-agenda-at-g20-finance-meeting

Представители крупного китайского бизнеса также оценивали Brexit негативно. Так самый богатый человек в КНР[27] предприниматель Ван Цзяньлинь в интервью газете Sunday Times заявил: «Выход из ЕС не будет разумным решением для Великобритании и создаст дополнительные препятствия для инвесторов и проблемы с визами для туристов. <…> Многие китайские компании в этом случае задумаются о переносе штаб-квартир своих европейских представительств из Лондона в другие страны»[28].

Комментируя референдум 23 июня 2016 г., китайский МИД подчеркнул заинтересованность КНР в стабильности Евросоюза и призвал к спокойному осуществлению процессу выхода Великобритании.

Результаты исследования. Расширение сотрудничества Великобритании и КНР, получившие в 2010-е гг. в СМИ условное наименование «доктрина Осборна» хотя и выражена наиболее полно в публичных выступлениях и принимаемых решениях канцлера казначейства Джорджа Осборна, представляет собой правительственную стратегию Великобритании, начавшую реализовываться задолго до прихода к власти кабинета министров Д. Кэмерона. Ее осуществление лишь в деталях зависит от партийной принадлежности британского кабинета. Отличительной особенностью сотрудничества в 2010-е гг. стало использование финансов и инвестиций как двигателя для развития двусторонних отношений.

Великобритания стремится утвердиться в роли главного партнера КНР в Европе и в роли «строителя мостов» между Западом и ведущими или быстро набирающими силу державами, не входящими в евроатлантическую подсистему. Эти отношения использовались среди прочего для увеличения британского влияния в ЕС, а в результате Brexit — для компенсации потери влияния в ЕС. Было бы преувеличением считать, что, сближаясь с Китаем вопреки американским интересам, Соединенное Королевство демонстративно увеличивает границы независимости своей внешней политики от политики США. Более вероятно иное: экономические выгоды превалируют над политикой. Экономическими

---

[27] Владелец компании Dalian Wanda, иначе Wanda Group, одного из крупнейших в мире операторов коммерческой недвижимости, отелей и кинотеатров. В Великобритании DaLian Wanda инвестировала в строительство пятизвездочного отеля в Лондоне и покупку производителя яхт класса люкс Sunseeker. Данные о состоянии журнала Forbes, 2015 г. — авт.

[28] China's richest man warns Brexit vote could spark exodus. (2016). The Sunday Times. Retrieved from http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/business/Economy/article1672897.ece.

же целями является привлечение китайских прямых инвестиций и финансовых ресурсов, утверждение Лондона в качестве основного центра для китайских финансовых учреждений в Европе.

Анализ результатов исследования. Британское правительство видит в развитии сотрудничества с Китаем, Индией и другими растущими рынками альтернативу возможным потерям на европейском рынке, о чем заявил Премьер-министр Дэвид Кэмерон провел 30 июня 2016 г. на встрече с представителями консультационных британских компаний.

Нуждается ли Китай в «строителе мостов» со странами Запада? Для осуществления прямых иностранных инвестиций или развития совместных проектов в промышленности, транспорте и энергетике роль такого посредника менее существенна, чем в области международных финансов, в частности в интернационализации юаня, размещении китайских государственных и корпоративных ценных бумаг, интеграции фондовых рынков, создании благоприятной среды для развития европейских филиалов китайских банков и инвестиционных фондов. Именно эту нишу и заняла Великобритания. Если бы не Brexit, Парижу или Франкфурту едва ли удалось бы в ближайшее время потеснить Лондон в области финансов. Теперь у них есть такая возможность, но для ее осуществления нужно приложить немало усилий.

Однако кроме финансового центра у Великобритании как партнера политические преимущества: право вето в Совете Безопасности ООН, участие в G7 и G20, влияние в странах Африки и Азии, что важно для Китая, осуществляющего на этих континентах масштабные инвестиционные, промышленные и инфраструктурные проекты.

Франция также является ядерной державой и постоянным членом совета-безопасности ООН в отличие от Германии и Италии, но проигрывает им в финансах и инвестициях. Развитие франко-китайского экономического партнерства значительно отстает от британско- и германско-китайского. «Германия воспринимается как дружественный Китаю партнер с реалистическими целями и потенциально все более независимым и влиятельным мнением в Европе и не только», — отмечает ««Дорожная карта европейско-китайских отношений» [21, стр. 31].

Как заверил 28 апреля 2014 г. британских парламентариев министр иностранных дел У. Хейг, Великобритания «не объявляла торговую войну или бойкот России», тогда же «министерство торговли и инвестиций заявило, что Россия — важный торговый партнер Британии и что каждая компания вправе самостоятельно принимать решения относительно своих торгово-экономических связей с Россией» [Громыко, Ананьева, 2014, с. 18–19].

По данным, которые приводит МИД РФ, Великобритания стабильно входит в пятерку крупнейших инвесторов в экономику России: «Объем накопленных британских инвестиций в российской экономике на конец 2013 г. составил 28 млрд долл. США. Великобритания занимает пятое место среди иностранных инвесторов по объему накопленных в России инвестиций после Нидерландов, Кипра, Люксембурга и Китая. Объем накопленных российских инвестиций в британской экономике на конец 2013 г. составил 9,1 млрд долл. США»[29]. До политического кризиса на Украине и вхождения Крыма в состав России Великобритания активно участвовала в создании в Москве международного финансового центра[30].

Хотя российская финансовая сфера переживает трудности, санкциями ограничены заимствования на Западе, у российских компаний большой корпоративный долг и ограничены средства для инвестирования в британскую экономику, все это вовсе не означает, что при создании благоприятных условий для роста она не будет привлекательна для британских инвесторов или Лондон не имеет перспектив стать зарубежным финансовым центром для российских компаний так же, как для китайских. Такие перспективы нельзя сбрасывать со счетов.

Заключение. Для Китая Brexit является потерей дополнительного рычага влияния на ЕС. Однако он не приведет к сокращению сотрудничества с Великобританией. Для решений КНР в этой области определяющей станет схема дальнейших отношений Великобритании и ЕС, которая должна быть выработана в процессе выхода. Перспективы сотрудничества с Китаем будут серьезно учитываться при создании этой схемы.

Выход из ЕС Великобритания может использовать партнерство с Китаем в области финансов и инвестиций как модель для отношений с другими крупными экономиками мира и при наличии серьезных экономических и политических выгод готова идти в разрез с интересами США.

Отдельные аспекты британско-китайского сотрудничества могут использованы как модели для сотрудничества как России и Великобритании, так России и КНР, совместных проектов в области финансов

---

[29] Россия в системе международных отношений. Россия — Великобритания. // Официальный сайт МИД РФ, 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/9d7e07707c74037943256d4f001fb045!OpenDocument. (дата обращения: 20.12.2016).

[30] Яковенко А. Российско-британские отношения развиваются в верном направлении. 2013 // Интерфакс, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.interfax.ru/interview/345770. (дата обращения: 20.12.2016).

и инвестиций в Великобритании, России, странах постсоветского пространства и АТР. Готовность Великобритании идти вопреки интересам США (например, вопросы интернационализации юаня, участие в AIIB) может быть важна для понимания единства и противоречий в позиции стран Запада в отношении России.

Другим путем является развитие по схожей модели отношений с Францией, которая, как говорилось выше активно перенимает британский опыт отношений с Китаем и с которой у России традиционно отношения складывались гораздо легче. Меры по сближению финансовых систем Великобритании и Китая, реализуемые канцлером казначейства и британскими финансовыми кругами могут быть использованы при работе по развитию партнерства в области финансов как России и КНР.

Дальнейшего исследования заслуживает вопрос, для каких стран и при каких условиях Россия может стать «строителем мостов» по аналогии с отношениями между Великобританией и Китаем.

Литература

1. Громыко А. А., Ананьева Е. В. Российско-британские отношения на современном этапе: рабочая тетрадь / гл. ред. И. С. Иванов. №19/2014. М.: Спец-книга, 2014. 32 с.
2. Дилеммы Британии. Поиск путей развития / под ред. А. А. Громыко (отв. редактор) и Е. В. Ананьевой. М.: Весь Мир, 2014. 480 с.
3. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Учебник / Под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова., — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. — 448 с.
4. Старый Свет — новые времена: Великобритания. Эпоха реформ / под ред. Ал. А. Громыко. М. : Весь Мир, 2007. 536 с.
5. Schweller R. L. (2010). Entropy and the trajectory of world politics: why polarity has become less meaningful. Cambridge Review of International Affairs, Vol. 23, No. 1, pp. 145-163.
6. How important is China to the UK economy? (2015). UK Office for National Statistics. 2015. Retrieved from https://www.gov.uk/government/news/uk-china-joint-statement-2015/.
7. Huotari Mikko. Mapping Europe-China Relations A Bottom-Up Approach. / Otero-Iglesias M., Seaman J., Ekman A. (2015) // European Think-tank Network on China (ETNC).
8. Osborne G. (2015). Let's create a golden decade for the UK-China relationship. (Full Text). The United Kingdom Government Official Site. Retrieved 20 December 2015 from http://www.gov.uk/government/speeches/chancellor-lets-create-a-golden-decade-for-the-uk-china-relationship.

9. Mearscheimer J. (2003). The Tragedy of Great Power Politics. NY, L, W. W. Norton & Company.
10. Moravcsik A. (2010). Europe, the Second Superpower. Current history, 109 (725), pp. 91–98.
11. Stars and Dragons: The EU and China. (2010). London: House of Lords. European Union Committee.
12. The UK and China: A Framework for Engagement // Foreign and Commonwealth Office (United Kingdom). — 2009. — 21 p.
13. UK-China Joint Statement (2015). Full Text. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/news/uk-china-joint-statement-2015/ (Date of access: 20.12.2016).

THE VALUE OF UK-CHINA CO-OPERATION EXPERIENCE in 2010s FOR RUSSIAN-BRITISH RELATIONS

Arseniy Zagulyaev

Abstract. *The paper contributes indicates the priorities of the UK-China relations: attracting Chinese investment in the UK economy, a partnership in the field of finance and capital markets. The role of the United Kingdom as a "bridge-builder" can be seen as an argument in favor of the account of British interests in the formation of European Union's foreign policy and the strengthening of British influence in the relations of Europe and the United States. The paper tackles differences between the UK policy of strengthening economic and political ties with China on similar strategies of Germany and France. The article predicts further development of UK-China bilateral relations which will slow down, but will not change the UK out of the EU structure. Aspects of UK-China relations can be used as a model for cooperation between Russia and Great Britain, as well as for cooperation between Russia and China, joint projects in the field of finance and investment in the United Kingdom, Russia, the countries of the former Soviet Union and Asia-Pacific. As UK is ready to go contrary to the interests of the United States (eg, the RMB internationalization issues, participation in AIIB), it may be important for understanding common and contradictions in the position of Western countries towards Russia as well.*

Keywords*: Brexit, China, Russia, United Kingdom, investments.*

References

1. Gromyko Al. A., Ananieva E.V. (2014). Rossijsko-britanskie otnoshenija na sovremennnom etape: rabochaya tetrad [The Current State of Russia-United Kingdom Relations. Working paper]. 19/2014. Moskva: Spec-kniga.
2. Gromyko Al. A (Ed.) (2007). Velikobritanija. Epokha reform. [Great Britain. The Epoch of Reforms] Moskva: Ves Mir.

3. Gromyko Al. A., (Ed.), Ananieva E. V. (2014). Dilemmy Britanii. Poisk putej razvitiya. [Britain's Dilemmas: In Search of Ways for Development]. Moskva: Ves Mir.
4. How important is China to the UK economy? (2015). UK Office for National Statistics. 2015. Retrieved from https://www.gov.uk/government/news/uk-china-joint-statement-2015/.
5. Huotari Mikko. Mapping Europe-China Relations A Bottom-Up Approach. / Otero-Iglesias M., Seaman J., Ekman A. (2015) // European Think-tank Network on China (ETNC).
6. Mearscheimer J. (2003). The Tragedy of Great Power Politics. NY, L, W. W. Norton & Company.
7. Moravcsik A. (2010). Europe, the Second Superpower. Current history, 109 (725), pp. 91–98.
8. Osborne G. (2015). Let's create a golden decade for the UK-China relationship. (Full Text). The United Kingdom Government Official Site. Retrieved 20 December 2015 from http://www.gov.uk/government/speeches/chancellor-lets-create-a-golden-decade-for-the-uk-china-relationship.
9. Schweller R. L. (2010). Entropy and the trajectory of world politics: why polarity has become less meaningful. Cambridge Review of International Affairs, Vol. 23, No. 1, pp. 145–163.
10. Shakleina T. A., Baykov A. A. (Eds.) (2014) Megatrendy. Osnovnye traektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke. Uchebnik. [Megatrends. World Order Evolution in the 21st Century]. Moskva: Aspect Press.
11. Stars and Dragons: The EU and China. (2010). London: House of Lords. European Union Committee.
12. The UK and China: A Framework for Engagement // Foreign and Commonwealth Office (United Kingdom). — 2009. — 21 p.
13. UK-China Joint Statement (2015). Full Text. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/news/uk-china-joint-statement-2015/. (Date of access: 20.12.2016).

Информация об авторе
Загуляев А. Ф.
аспирант Московский государственный лингвистический университет, Россия E-mail: a.zaguljaev@gmail.com
Arseniy Zagulyaev
post graduate student
Moscow State Linguistic University, Russia
E-mail: a.zaguljaev@gmail.com

КИТАЙСКАЯ ВОЕННАЯ МОЩЬ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

А. А. КРИВОПАЛОВ

Аннотация. *Современный Китай превратился во вторую экономику мира и бесспорного регионального лидера. Одновременно с этим Народно-освободительная армия стремительно преодолевает былое военно-техническое отставание от вооружённых сил США. Автор статьи преследует цель разобраться в предпосылках, целях и противоречиях современной китайской оборонной политики, и под этим углом зрения рассмотреть, с какими потенциальными рисками и возможностями может в связи с этим столкнуться Россия. Научная литература, раскрывающая основные тенденции современного военного строительства в Китае, обширна и разнообразна. Она содержит достаточно взвешенные оценки как тех огромных усилий, которые были приложены для преодоления технической отсталости китайских вооружённых сил, так и очевидных недостатков китайской военной машины. Теоретическая и методологическая основа доклада базируется на учении об иерархическом и зачастую парадоксальном по своей природе соотношении между стратегическим планированием и дипломатией. Распад СССР значительно изменил приоритеты китайской большой стратегии. Поскольку со стороны континента Китаю более не угрожает вторжение первоклассной сухопутной армии, фокус внимания стратегического планирования сместился в сторону моря. Сегодня в его центре оказались Тайвань и США. Не имея возможности быстро создать океанский флот, сопоставимый с американским, Пекин сделал ставку на другие системы вооружений, и добился превращения омывающей Тайвань акватории в зону, непригодную для развёртывания американского флота, а, следовательно, и для проекции силы на материковую часть Китая. Рост китайского военного могущества будет иметь разнообразные последствия не только для США, но и для России. Перенос американского военно-стратегического внимания с Москвы на Пекин способен существенно укрепить положение России на постсоветском простран-*

стве и одновременно повысить её ценность как потенциального союзника в глазах США.

Ключевые слова: *Внешняя политика, стратегия, Тайвань, соперничество, сдерживание, конкуренция.*

Введение. Современный Китай, превратившийся во вторую экономику мира, стремительно преодолевает накопившееся технологическое отставание своих вооружённых сил. За счёт сотрудничества с Россией и огромных капиталовложений в обновление оборонно-промышленного комплекса Пекин значительно увеличил свой военный потенциал и заявил о себе как о бесспорном региональном лидере.

На вопрос, что означает новое качество китайской военной мощи с точки зрения государственных интересов России, сложно дать простой и однозначный ответ. Пекин, с одной стороны, самым тесным образом включён в контролируемую Соединёнными Штатами глобальную экономику, с другой стороны, его военное строительство имеет ряд ярко выраженных особенностей, свидетельствующих о его антиамериканской направленности.

Мы видим свою задачу в том, чтобы разобраться в предпосылках, целях и противоречиях современной китайской оборонной политики, и под этим углом зрения рассмотреть, с какими потенциальными рисками и возможностями может в связи с этим столкнуться Россия.

Научная литература, раскрывающая основные тенденции современного военного строительства в Китае, достаточно обширна и разнообразна. Обзорные работы американских исследователей Д. Бласко, Д. Шамбо, а также коллективный сборник «Выковывая китайскую военную мощь», дают общее представление о впечатляющих достижениях военной политики Пекина[31]. Они содержат достаточно взвешенные оценки тех огромных усилий, которые были приложены для преодоления технической отсталости китайских вооружённых сил, но в то же время не обходят своим вниманием и серьёзные недостатки китайской военной машины, очевидно сохраняющиеся несмотря на оптимистическую риторику высшего политического руководства.

Другой блок использованной в ходе подготовки исследования литературы посвящён рассмотрению китайской военной политики по та-

[31] Blasko D. J. The Chinese army today. Tradition and transformation for the 21-st century. Abingdon, 2012, Forging China`s military might. A new framework for assessing innovation. Baltimore, 2014, Shambaugh D. L. Modernizing China`s military. Progress, problems, prospects. Berkeley, Los Angeles. L., 2002.

ким узловым направлениям как развитие и модернизация китайской оборонной промышленности[32], увеличение боевого потенциала ракетно-ядерных сил[33], организационная реформа сухопутной армии[34], обновление самолётного парка ВВС и корабельного состава флота[35], а также анализ тех доктринальных установок, в соответствии с которыми развивается Народно-освободительная армия[36].

В отдельную группу можно выделить работы по такой обычно выпадающей из поля зрения авторов теме как взаимоотношения офицерского корпуса с коммунистической партией, поскольку вследствие партийной природы армии в Китае существует проблема сохранения эффективного диалога между военным и партийно-политическим руководством[37].

Также следует упомянуть отечественные и зарубежные работы, позволяющие судить о стратегических приоритетах китайской внешней политики, в первую очередь на важнейшем для Пекина тайваньском направлении, и о наиболее вероятных сценариях развития отношений

---

[32] Барабанов М. С., Кашин В. Б., Макиенко К. В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. М., 2013, Bitzinger R. A. Raska M. Capacity for innovation: Technological drivers of China`s future military modernization // The Chinese People`s Liberation Army in 2025. Strategic studies institute and U. S. Army War college press. July 2015. P. 129–161.

[33] Голубчиков С. Развитие стратегической составляющей ВМС и ПРО Китая // Морской сборник. 2015. № 9. С. 61–68.

[34] Маначинский А. Я., Дудчак А. В. Военный потенциал Китая. Центр стратегической конъюнктуры. М., 2015, Bergsten C. F., Freeman C. Lardy N. R., Mitchell D. J. China`s rise: Challenges and opportunities. W., 2008, The Chinese People`s Liberation Army in 2025. Strategic studies institute and U. S. Army War college press. July 2015.

[35] Shlapak D. Chinese air superiority in the near seas // China`s near seas combat capabilities. China maritime study. No. 11. February 2014. P. 61–74, The Chinese navy. Expanding capabilities, evolving roles. W., 2011.

[36] Каменнов П., Клименко А. О военной политике и военной доктрине Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 126–148, The culture of the Chinese People`s Liberation Army. Quantico, 2009, Kaufman A. A., Mackenzie P.W. Field guide: The culture of the Chinese People`s Liberation Army. February 2009, Li X. From peasants to professional soldiers: social transition and military modernization in China // The Journal of comparative Asian development. Vol. 5. No. 1 (Fall 2006).

[37] Chase M. S., Engstrom J., Cheung T. M., Gunness K. A., Harold S.W., Puska S., Berkowitz S. K. China`s incomplete military transformation. RAND Corporation. Santa Monica, 2015, Ross J.W. Shaping the Chinese People`s Liberation Army`s image: Historical roots to modern trends. December 2008. P. 114–115, Genavaz J. China`s People`s Liberation Army. The political-military nexus // Brief Issue. European Union Institute for Security Studies. 2015. No. 5. P. 3.

Китая и Соединённых Штатов[38]. Находящаяся в открытом доступе отчётная документация Пентагона, в частности ежегодные отчёты Конгрессу США, позволяет лучше оценить то, как угроза американо-китайского соперничества интерпретируются в Вашингтоне[39].

Теоретические основания исследования. Теоретическая и методологическая основа доклада вытекает из предмета исследования. Поскольку в центре нашего внимания находится взаимосвязь между военным строительством и внешней политикой, автор опирался на классические работы Э. Люттвака и Б. Лиддел Гарта. Они дают общее представление об иерархическом и зачастую парадоксальном по своей природе соотношении между стратегическим планированием (в том числе так называемой стратегией непрямых действий) и дипломатией[40]. В свою очередь, эволюция оперативной доктрины Народно-освободительной армии в той наиболее интересной её части, которая не повторяет западноевропейский и американский опыт, рассматривается на базе работ Эндрю, Уитсона и Хуана[41].

---

38 Кокошин А. А. К прогнозированию отношений КНР и США // Проблемы прогнозирования. 2014. № 6. С. 71–78, Brooks S. G., Wohlforth W. C. The rise and fall of the great powers in the twenty-first century. China`s rise and the fate of America`s global position // International Security. Vol. 40. No. 3 (winter 2015/16). P. 7–53, Glaser C. L. A U.S.-China grand bargain. The hard choice between military competition and accommodation // International Security. Vol. 39. No. 4 (Spring 2015). P. 49–90, Gompert D. C., Binnedijk H., Lin B. Blinders, blunders and wars. What America and China can learn? RAND Corporation. Santa Monica, 2014, Scobell A., Ratner E., Beckley M. China`s strategy toward South and Central Asia. An empty fortress. RAND Corporation. Santa Monica, 2014.

39 Military and security developments involving the People`s Republic of China. Annual report to Congress. 2015, Montgomery E. B. Managing China`s missile threat: future options to preserve forward defense. Testimony before the U.S. — China economic and security review commission hearing on «China`s offensive missiles forces: Implications for the United States». Center for strategic and budgetary assessments. April, 2015, NIDS China security report 2012. The National Institute for Defense Studies. Tokyo, 2012, Ochmanek D., Hoehn A. R., Quinlivian J. T., Jones S. G., Warner E. L. Strategic rethink. America`s security deficit. Addressing the imbalance between strategy and resources in a turbulent world. RAND Corporation. Santa Monica, 2015, U. S. Government Accountability Office. Missile defense: Assessment of DOD`s reports on status of efforts and options for improving homeland missile defense. February 17, 2016.

40 Лиддел Гарт Б. Х. Стратегия непрямых действий. М., 1957, Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М., 2012.

41 Andrew M. K. TUO MAO: The operational history of the People`s Liberation Army. Bond University. 26 May 2008, Whitson W., Huang C-H. The Chinese high command: A history of communist military politics 1927–71. Macmillan, L., 1973.

Исследование: основная часть. Несмотря на солидную боевую репутацию, полученную в начале 1950-х годов на полях сражений Корейской войны, к концу XX в. Народно-освободительная армия Китая явно не отвечала критериям, предъявляемым современным вооружённым силам. Многочисленные сухопутные войска имели архаичную структуру и слабое техническое оснащение. Основой вооружения авиации и флота служили образцы, разработанные ещё в 1950-х гг., а стратегические ядерные силы обладали весьма ограниченным потенциалом ответного удара.

В 1980-е гг. вооружённые силы находились на последнем месте в программе «четырёх модернизаций» Дэн Сяопина. Однако неудачи в ходе войны с Вьетнамом в 1979 г., а потом стремительный разгром Ирака в 1991 г. стали шоком для высшего китайского командования, дав начало широкомасштабной программе военной модернизации.

Лишь в 1993 г. на высшем политическом уровне было официально объявлено о начале радикальных военных преобразований, призванных модернизировать архаичную китайскую армию. И только в конце 1990-х годов на военное строительство стали выделяться по-настоящему серьёзные материальные ресурсы, объём которых постоянно возрастал. Вот уже пятнадцать лет военный бюджет Пекина увеличивается примерно на 10 % ежегодно. Благодаря значительным капиталовложениям Китай начал постепенно отыгрывать своё, казалось бы, совершенно безнадёжное технологическое отставание от передовых западных армий, и в первую очередь от вооружённых сил США. Тогда же, в середине 1990-х гг., была принята новая стратегическая концепция, условно именуемая на Западе теорией «ограниченной войны в условиях высоких технологий» [Shambaugh, 2002, с. 3].

Однако, несмотря на огромные усилия, затраченные Пекином на модернизацию своих вооружённых сил, большая часть вооружения и снаряжения Народно-освободительной армии Китая по-прежнему продолжает оставаться устаревшей. Относительно новой и современной в сухопутных войсках может считаться в целом не более 1/3 эксплуатируемой боевой техники. На флоте доля современного корабельного состава не превышает 25 %. В лучшем положении находится подводный флот, современным там может считаться около 50 % субмарин. В авиации данный показатель не превышает 25 %, а в войсках ПВО — 42 %. Важной проблемой китайских вооружённых сил также является разнотипность параллельно эксплуатируемых образцов вооружений[42].

[42] Blasko D. J. The Chinese army today. Tradition and transformation for the 21-st century. Abingdon, 2012. P. 172.

Долгое время нехватка современной боевой техники, относительная слабость китайских ВВС, отсутствие у них самолётов дальнего радиолокационного обнаружения и воздушных командных пунктов препятствовали практическому воплощению доктрины «ограниченной войны в условиях высоких технологий»[43]. «Тип ведущейся войны, — утверждал в своё время маршал Джу Дэ, — зависит от типа имеющегося у нас оружия». Эта идейная установка сегодня оказалась пересмотрена в пользу другой: «создавать оружие для ведения войны любого типа» [Shambaugh, 2002, с. 60].

Китайское военное искусство и питающая его духовная традиция провозглашают принцип победы слабого над сильным. НОАК считает себя слабой стороной, в первую очередь — технологически; стороной, поставленной перед задачей изыскать средства для победы над более сильным противником. По мнению Д. Бласко, «доктрина ориентирует войска на использование существующего вооружения для победы над лучше оснащённым неприятелем» [Blasko, 2012, с. 16]. Тем не менее большая часть снаряжения НОАК продолжает оставаться устаревшей. Новые системы вооружения, таким образом, призваны как бы дополнить старые.

По мнению П. Б. Каменнова и А. Ф. Клименко — крупных специалистов в области оборонной политики Китая — «к особенностям новой китайской доктрины следует отнести то, что под её влиянием силы общего назначения НОАК ориентируются на подготовку к ведению небольших по своим масштабам, но интенсивных и, как правило, скоротечных боевых действий в приграничной полосе. Подготовка к такой войне в корне отличается от принципов затяжных войн на истощение, которые доминировали в НОАК в период подготовки к войне против СССР» [Каменнов, Клименко, 2014, с. 136].

В своей ядерной политике Китай придерживается принципа отказа от нанесения первого удара. Исторически китайские ядерные силы поддерживались на низком уровне боеготовности. Ставка делалась на то, что даже после гипотетического первого удара, которому подвергнется Китай, для ответного удара уцелеет хотя бы несколько ракет и боеголовок. «Этого казалось достаточно, чтобы сдержать любого потенциального агрессора» [Chase, et al., 2015, с. 38].

Несмотря на многократное количественное превосходство американского ядерного арсенала, США утрачивают преимущество контролируемой эскалации и возможность повышения ставок вплоть до уровня ядерной угрозы. С точки зрения американских аналитиков, это означает, что «вероятность прямого вмешательства США в региональный конфликт

[43] Ibid. P. 106–107.

с участием Китая будет уменьшаться» [Heginbotham, et al., 2015, с. 316]. В перспективе США будет гораздо сложнее эффективно угрожать Пекину обезоруживающим ударом по его ядерным силам, чем самому Китаю повысить выживаемость своего стратегического арсенала.

По оценкам независимых экспертов, стратегические силы КНР представлены 93 баллистическими ракетами наземного и морского базирования. Наземный компонент ядерных сил КНР состоит из Стратегических ракетных войск и ракетных комплексов сухопутных войск НОАК. В их составе развёрнуты 18 устаревших жидкостных межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования DF-5A, 30 новых твердотопливных грунтово-мобильных межконтинентальных баллистических ракет DF-31 и DF-31A. В отличие от России и США, Китай имеет значительное количество баллистических ракет средней дальности: 11 устаревших DF-4 и 88 новых грунтово-мобильных DF-21 и DF-21A, а также оперативно-тактических ракет DF-15, DF-15A, DF-15B и DF-11A. Всего имеется примерно 160 ракет средней и меньшей дальности с ядерной боевой частью[44].

Из 6 основных ракетных баз Китая 4 развёрнуты в сторону моря. В их состав входит 17–18 ракетных бригад. Оставшиеся две базы находятся в глубине континента и предназначены в основном для стратегического ядерного сдерживания[45]. Как минимум 4 бригады вооружены баллистическими ракетами средней дальности с моноблочной ядерной боевой частью типа DF-3, DF-3A, DF-16 и DF-21C. Ещё как минимум 7 бригад развёрнуты в направлении Тайваня и вооружены баллистическими ракетами малой дальности в обычном снаряжении. Ещё две бригады оснащены дальнобойными крылатыми ракетами также в обычном снаряжении. В общей сложности НОАК имеет на вооружении этих четырёх ракетных баз примерно 1300–1800 баллистических и крылатых ракет, а также 300–350 мобильных пусковых установок. Эти ракетные комплексы относятся к 14 различным типам. Как минимум одна бригада имеет на вооружении новейшие противокорабельные баллистические ракеты с обычной боевой частью DF-21D[46]. Для сравнения, в 2000 г. на Тайвань было нацелено всего лишь около 300 китайских баллистических ракет[47].

---

[44] Голубчиков С. Развитие стратегической составляющей ВМС и ПРО Китая // Морской Сборник. 2015. № 9. С. 61.

[45] Christman R. China`s Second Artillery force. Capabilities and missions for the near seas // China`s near seas combat capabilities. China maritime study. No. 11. February 2014. P. 31–32.

[46] Ibid. P. 33–35.

[47] Shambaugh D. L. Op. cit. P. 4.

Ставка на баллистические ракеты в обычном снаряжении в Китае была первоначально сделана, чтобы отчасти компенсировать относительную слабость авиации. Произошло это на рубеже 1980–1990-х гг. ещё до начала широкого военно-технического сотрудничества с Россией. Не располагая авианосцем и не надеясь на достаточную поддержку со стороны береговой авиации, китайский флот не мог рассчитывать на успешные действия в Южно-Китайском море[48].

Большая опасность заключается в том, что в результате китайской политики ядерный компонент китайских ракетных сил «оказался как бы растворён в неядерном» [Christman, 2014, с. 45]. Это позволяет Китаю использовать средства ядерного сдерживания с целью прикрытия ракетных сил обычного назначения, но в то же время создаёт риск неконтролируемой ядерной эскалации, так как намерения Пекина в таком случае могут быть интерпретированы неправильно, поскольку, с американской точки зрения, наличие у береговых ракетных сил ядерной составляющей в теории может позволить им, не опасаясь ответного удара, действовать в едва ли не тепличных условиях.

В целом арсенал ядерных боезарядов КНР, готовых для оперативного развёртывания, может насчитывать 800–900 единиц. Ещё столько же может содержаться на складском хранении как резерв боезарядов, запасных частей или в очереди на утилизацию. Как полагают российские военные эксперты, «по ядерному потенциалу сегодня Китай является третьей после США и Россией ядерной державой. И, помимо России и США, это единственная страна, которая обладает возможностями быстрого наращивания ядерной мощи» [Голубчиков, 2015, с. 62].

Распад СССР значительно изменил приоритеты китайской большой стратегии. Поскольку со стороны континента Китаю более не угрожает вторжение первоклассной сухопутной армии, фокус внимания стратегического планирования сместился в сторону моря. Сегодня в его центре оказались Тайвань и США. По всей видимости, Китай исходит из предположения, что любой серьёзный конфликт Пекина и Тайбэя вызовет вмешательство США. Для того чтобы парировать подобное вмешательство, Китай фактически обратился к национальному варианту «стратегии непрямых действий». Не имея возможности быстро создать океанский флот, сопоставимый с американским, Китай сделал ставку на другие системы вооружений.

Китай обладает возможностью угрожать Тайваню различными способами — от ракетных ударов до морской и воздушной блокады. Но на

[48] Christman R. Op. cit. P. 42.

данный момент китайскому флоту не хватает тоннажа для проведения десантной операции, хотя к 2025 г. это препятствие и может быть устранено. В случае вмешательства в конфликт Соединённых Штатов число рычагов воздействия на Тайвань, остающееся в распоряжении Пекина, начнёт уменьшаться. «В условиях американского противодействия, — как полагают в США, — возможности НОАК по транспортировке и обеспечению войск на острове окажутся под угрозой» [Chase, et al., 2015, с. 40].

В ходе Тайваньского кризиса 1996 года всеобщим, хотя и не вполне обоснованным, было мнение, что две авианосные ударные группы американского флота, развёрнутые тогда с целью военной демонстрации против КНР, обладали большей совокупной боевой мощью, чем все вооружённые силы Китая, сосредоточенные на побережье[49].

За прошедшие два десятилетия соотношение сил в зоне пролива стало для Китая значительно более благоприятным, однако в 2007 г. успешная операция против Тайваня всё ещё лежала за пределами возможностей НОАК[50]. Тем не менее эвентуальная угроза применения силы остаётся важным элементом китайской стратегии в отношении Тайваня[51]. Шансы острова на успешную оборону постепенно уменьшаются, хотя США в дальнейшем всеми силами будут стремиться к тому, чтобы сохранить статус кво.

В теории Китай может избрать несколько возможных сценариев силового воздействия на Тайвань. К таковым можно отнести: нарушение воздушного пространства и иные провокационные действия у тайваньского побережья; морскую и воздушную блокаду; сражение на море и в воздухе, но без атаки объектов на территории Тайваня; ракетные и воздушные удары по острову; морскую десантную операцию. Несмотря на то что военное строительство в Китае во многом имеет в виду подготовку к очередному кризису вокруг Тайваня, многие аналитики отмечают тот факт, что «Пекин не наращивает при этом тоннаж десантно-высадочных средств, что послужило бы для Тайбэя и Вашингтона очевидным индикатором военной опасности» [Military, 2015, с. 58–59].

Согласно оценочным данным, для того чтобы в случае вторжения на Тайвань создать в зоне высадки пятикратное численное превосходство, китайцам будет необходимо уже в первые дни такой операции

[49] Howard R. D. The Chinese People`s Liberation Army: «Short arms and slow legs». USAF Institute for National Security Studies occasional paper. 28 September 1999. P. 39.

[50] Wang V.W. The Chinese military and the «Taiwan issue»: How China assesses its security environment // Southeast review of Asia Studies. Vol. 29. 2007. P. 133.

[51] Military and security developments involving the People`s Republic of China. Annual report to Congress. 2015. P. 57.

высадить на острове 1 млн 250 тыс. чел., что лежит за пределами реальных боевых возможностей НОАК. В начале 2000-х годов флот мог обеспечить высадку сил, эквивалентных одной–двум расчётным дивизиям и примерно 300 танков, что не позволяло рассчитывать на то, чтобы захватить и удержать плацдарм на сильно укреплённой западной стороне острова. К началу 2000-х гг., при наличии в своём распоряжении примерно 600 единиц специализированных десантно-высадочных средств, Китаю потребовалось бы две недели, чтобы перебросить на Тайвань 20 расчётных дивизий даже без учёта неизбежных потерь от противодействия противника[52]. Условия навигации в Тайваньском проливе являются сложными. На возможном пути к острову китайскую десантную флотилию будут ожидать густые туманы, сильная боковая волна, высокий прилив, 3–5-мильные илистые отмели, обнажающиеся при отливе, и малые глубины в самом Тайваньском проливе[53].

Все эти трудности отлично сознаются Китаем. В этой связи конкретная «задача, стоящая перед НОАК на данном этапе, сужается до изоляции потенциального театра военных действий, дабы исключить американское вмешательство на любом этапе гипотетической военной операции против Тайваня» [Military 2015:33]. Беспрецедентная концентрация баллистических и крылатых ракет в районе Тайваньского пролива, общая численность которых приближается к 2000 единиц, развёртывание новейших противокорабельных ракетных комплексов DF-21D, наращивание на тайваньском направлении сил ПВО, авиации и флота — всё это должно стать барьером на пути выдвижения к Тайваню возможной американской военной помощи.

Вблизи китайского побережья американский военно-морской флот сегодня может полагаться лишь на технологическое превосходство своих подводных сил, которое «всё ещё весьма велико» [Brooks, Wohlforth, 2015–2016, с. 51]. Хотя уже очень скоро воды, омывающие Китай, имеют все шансы превратиться для обеих сторон в стратегическую «ничейную полосу», исключающую их использование в качестве плацдарма для возможной проекции силы. Рубеж развертывания авианосных ударных групп американцам в новых условиях придется сместить дальше в океан. Не следует забывать и о том, что в радиусе 800 км от Тайваня в распоряжении ВВС США есть лишь одна крупная авиабаза, тогда как у ВВС НОАК — 39. Несмотря на то что США всё ещё надеются в любом случае захватить и удержать господство в воздухе, это может потре-

[52] Shambaugh D. L. Op. cit. P. 325.
[53] Ibid. P. 326.

бовать значительно большего времени и значительно более тяжелых потерь, чем было прежде. И уж во всяком случае произойдёт это отнюдь не автоматически с началом войны[54].

Несмотря на резкое обострение в последнее время российско-американских отношений, в интересах стратегического сдерживания Китая Вашингтону на будущее было бы желательно заручиться содействием Москвы. Стремительно возрастающие военно-технические возможности Народно-освободительной армии в будущем фактически исключат для американцев какие-либо действия, кроме установления дальней морской блокады протяженного китайского побережья. Размышляя об этом, американский аналитик Ш. Мирски рассматривал блокаду как оптимальный при некоторых сценариях военного конфликта вариант боевых действий против КНР, позволяющий разрушить китайский экономический потенциал и заставить китайцев признать поражение[55].

Опасность китайской стратегии изоляции театра военных действий, которая в американском военном лексиконе именуется «anti-access, air denial strategy», прекрасно сознаётся Вашингтоном. Согласно новому докладу Пентагона «Стратегия морской безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», Вашингтон планирует в ближайшие годы значительно расширить своё военное присутствие на Тихом океане, перебросив туда дополнительные силы авиации и флота. В документе отмечается, что в течение следующих 5 лет ВМС США увеличат количество кораблей, находящихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе за пределами американской территории, примерно на 30 % и к 2020 г. на этом театре будут сосредоточены 60 % всех подразделений военно-морских и военно-воздушных сил страны, дислоцированных за рубежом. В настоящее время в Азиатско-Тихоокеанском регионе уже находится 368 тыс. американских военнослужащих[56].

Однако американские вооружённые силы видят решение проблемы не только в экстенсивном наращивании своего военного присутствия на тихоокеанском театре. Речь идет о концептуальном изменении схемы возможного военно-стратегического ответа на случай опасного

---

[54] Heginbotham E., Nixon M., Morgan F. E., Heim J. L., Hagen J., Li S., Engstrom J., Libick M. C., DeLuca P., Shlapak D. A., Frelinger D. R., Laird B., Brady K., Morris L. J. The U. S.-China military scorecard. Forces, geography and the evolving balance of power 1996–2017. RAND Corporation. Santa Monica, 2015. P. 353.

[55] Mirski S. Stranglehold: The context, conduct and consequences of an American naval blockade of China // Journal of Strategic Studies. 2013. Vol. 36. Issue 3. P. 385–421.

[56] Стратегия морской безопасности США в АТР // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 10. С. 85.

кризиса в американо-китайских отношениях. С этой целью разрабатывается концепция «воздушно-морской битвы», которая, по сути, является вариацией на тему теории «воздушно-наземной операции», разработанной в конце Холодной войны для противодействия советским танковым армиям в центральной Европе. В отличие от весьма расплывчатых доктринальных документов политического уровня, в данном случае речь идёт о вполне конкретной оперативной доктрине, нацеленной «на единственного и вполне очевидного противника» [Moore, 2011, с. 39]. Данная концепция начала разрабатываться и внедряться начиная с 2009 г. под названием «Joint concept for access and maneuver in the global commons», сокращенно JAM-GC. Главная её цель состоит в том, чтобы противостоять китайской стратегии изоляции потенциального ТВД в районе Тайваня и прилегающих к нему океанских акваторий от возможного американского вмешательства в китайско-тайваньский военный конфликт. Открытым, однако, остаётся вопрос «ресурсного обеспечения этой весьма затратной военной программы.

Таким образом, прежняя американская практика «ближней» морской блокады Китая, основным содержанием которой было недопущение десантной операции на Тайване, в некотором смысле сменяется в качестве средства сдерживания концепцией «дальней» блокады. Благодаря этому шагу значительная часть передовых американских баз на тихоокеанском театре окажется выведена за пределы эффективного радиуса действия высокоточного оружия НОАК, хотя это и не снижает остроту проблемы удержания Тайваня. В теории новая стратегическая политика может выглядеть заманчиво, однако на практике «рассредоточение» развитой стационарной инфраструктуры, созданной в Японии и Южной Корее за последние 70 лет, будет сопряжено с колоссальными затратами и потребует значительного времени. Никакие временные логистические пункты и импровизированные передовые аэродромы не заменят американцам первоклассных авиабаз, оборудованных военных городков, полигонов, тренировочных лагерей, причальных фронтов и судоремонтных заводов Кореи, Японии и Окинавы. Поскольку из Таиланда американские войска были выведены ещё в 1975 г., а с Филиппин — в 1991 г., создание временных американских баз в Австрии призвано сегодня хотя бы отчасти решить проблему отсутствия стратегической глубины[57].

[57] Heginbotham E., Nixon M., Morgan F. E., Heim J. L., Hagen J., Li S., Engstrom J., Libick M. C., DeLuca P., Shlapak D. A., Frelinger D. R., Laird B., Brady K., Morris L. J. Op. cit. P. 350.

И для Японии, и для Южной Кореи Тайвань служит как бы камертоном, ориентируясь на который можно выяснить, как далеко готовы зайти США в выполнении своих обязательств в качестве гаранта безопасности в регионе. Всё это явно мешает использовать остров в качестве разменной монеты в двусторонних отношениях Вашингтона и Пекина[58].

Американская стратегия на Дальнем Востоке остаётся, таким образом, непоследовательной и противоречивой. Перед ней стоит нелёгкий выбор: или упираться в стремлении сохранить статус-кво, или всё же приспособиться к неизбежным изменениям в расстановке сил. Не секрет, что речь здесь фактически идёт о том, чтобы уступить Пекину Тайвань и пойти навстречу его притязаниям в Южно-Китайском и Восточно-китайском морях в обмен на признание за Соединёнными Штатами права выступать гарантом безопасности в Восточной Азии. Сложно сказать, каким должен быть оптимальный размер возможных уступок. Возможно, наращивание американского военного присутствия в регионе призвано недвусмысленно дать понять китайцам, что США не позволят просто так выдавить себя из Восточной Азии[59].

Долгое время Америка цеплялась за сохранение статус-кво, не желая ни принимать на себя военно-стратегические риски, однозначно гарантировав Тайваню сохранение его государственной независимости, ни уступить остров Пекину, так как это может иметь непредсказуемые негативные последствия, такие как утрата доверия к Америке у тихоокеанских союзников и дальнейший рост китайских амбиций в регионе. Однако, не говоря чётко ни «да» ни «нет», США рисковали в будущем спровоцировать Китай на более решительные шаги. Возможно, что конец этой половинчатой политике положит эксцентричный Д. Трамп, который после своей неожиданной победы на президентских выборах уже успел заявить о том, что «не исключает в будущем отхода от политики „единого Китая“»[60].

Результаты исследования. Не секрет, что великие державы всегда склонны рассматривать свои действия как не более чем усилия, направленные на восстановление якобы нарушенного соперниками баланса сил и интересов, тогда как действия оппонентов при этом воспринимаются именно как нарушающие существующее равновесие. Соперниче-

[58] Bergsten C. F., Freeman C. Lardy N. R., Mitchell D. J. China`s rise: Challenges and opportunities. W., 2008. P. 177.

[59] Glaser C. L. A U.S.-China grand bargain. The hard choice between military competition and accommodation // International Security. Vol. 39. No. 4 (Spring 2015). P. 49–90.

[60] http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-china-idUSKBN1400TY

ство и конкуренция между двумя державами представляются неизбежными, однако их превращение в открытое противостояние и вражду пока ещё отнюдь не предопределено.

По очевидным причинам Пекин и Вашингтон имеют диаметрально различающиеся взгляды на перспективы усиления в регионе влияния друг друга. Система двусторонних союзов, выстроенная США с участием других тихоокеанских государств, воспринимается Китаем как вызов. США, естественно, видят её совсем иначе[61]. Китай полагает, что США в любом случае нуждаются в сопернике и рассматривают в качестве такового именно Пекин. Америка же придерживается иного взгляда на сущность своей политики. С её точки зрения, она ставит во главу угла сохранение стабильности и статус-кво[62].

И у США, и у КНР имеются веские основания всеми силами избегать открытого столкновения из-за Тайваня. Однако опыт показывает, что ошибочные решения, принятые под воздействием страха и глубокого взаимного недоверия, могут роковым образом привести именно к тому результату, которого обе стороны, в сущности, хотели бы избежать. Принимая решение о нападении на Пёрл-Харбор, японцы были убеждены в абсолютной неизбежности войны, поэтому-то риск и не казался им неприемлемым. Ставки в гипотетической войне за Тайвань будут высоки, но всё же не одинаковы. Для США поражение станет унизительным ударом сродни Вьетнаму. В Китае же по внутриполитическим условиям поражение вообще может обернуться катастрофой для правящего коммунистического режима.

Заключение. В отличие от держав, в прошлом переживавших период бурного подъёма, например, Германии и США на рубеже XIX–XX вв., Китай не является лидером в области техники и технологии. Дистанция, которую предстоит пройти Китаю, прежде чем он сможет сравняться с США, не говоря о том, чтобы превзойти их, по-прежнему колоссальна. Более того, сама природа государственного могущества сегодня изменилась. Сегодня конвертировать экономическую мощь в военную значительно сложнее, чем это было в прошлом[63]. Именно поэтому просто невозможно себе представить внезапное возникновение крупной военной державы, способной по сценарию Третьего Рейха в 1930-е гг. создать серьёзную угрозу существующей системе международных отношений[64].

---

61 Gompert D. C., Binnedijk H., Lin B. Blinders, blunders and wars. What America and China can learn? RAND Corporation. Santa Monica, 2014. P. 219.

62 Ibid. P. 224.

63 Brooks S. G., Wohlforth W. C. Op. cit. P. 7–53.

64 Ibid. P. 40–41.

Отчасти можно утверждать, что вследствие глубокой интеграции Китая в подконтрольную США мировую экономическую систему внутри американской политической элиты ещё не сформировалось чёткого представления о реальности китайского соперничества. Устойчивого стереотипа наподобие «русской угрозы» в отношении Пекина пока ещё не существует. Американская элита отдаёт себе отчёт в том, что Китай — это не СССР, создававший отдельную и независимую от Запада сферу влияния, в которой он доминировал политически и которую контролировал экономически. Поэтому Китай вовсе не следует воспринимать как Советский Союз XXI века[65]. Непонятно, как далеко должен зайти процесс усиления Китая, чтобы в отношении Поднебесной в американской политической элите сформировался такой же консенсус, какой существовал в отношении СССР в годы Холодной войны.

По предположению Э. Люттвака, известного американского специалиста в области истории стратегии, «в случае осложнений в отношениях США и Китая Москва может стать настоящим глобальным дипломатическим призом, который будут обхаживать все страны — еще и потому, что Российская Федерация приведёт с собой своих союзников из Центральной Азии. До тех пор, пока Запад будет третировать российское правительство за то, что оно именно российское, а не скандинавское или американское, у Китая будет серьёзный шанс на успех в этой борьбе, хотя, с точки зрения ученого, даже русские стали для Китая озабоченным и насторожившимся соседом» [Люттвак, 2012, с. 365].

Усиление военного могущества Китая имеет разнообразные последствия для его соседей. США столкнулись с положением, при котором успехи китайского военного строительства в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стремление России к закреплению за собой региональной сферы влияния на постсоветском пространстве, а также рост исламского радикализма, совпали по времени с периодом весьма жёстких бюджетных ограничений. На Тихоокеанском театре военных действий потенциальная угроза со стороны Китая связывает сегодня до 60 % боевого состава американских вооруженных сил, что создаёт проблему нехватки ресурсов для стабилизации положения в Европе и на Ближнем Востоке.

После трагических событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Москва стала для Пекина практически безальтернативным поставщиком вооружений. Однако, как полагают авторитетные отечественные экс-

[65] Kelly T. K., Dobbins J., Shlapak D. A., Gompert D. C., Heginbotham E., Chalk P., Thrall L. The U. S. Army and Asia, 2030–2040. RAND Corporation. Santa Monica, 2014. P. 40.

перты, поставки российского вооружения в КНР объективно находились и продолжают оставаться в зоне довольно высоких военно-политических рисков. Реальность состоит в том, что ресурсный разрыв между Россией и Китаем увеличивается, в том числе и в чисто военной области. В этих условиях, естественно, российские военные весьма настороженно относятся к масштабным китайским закупкам и пытаются сдерживать их в качественном отношении. Ещё один военно-политический аспект российских поставок в КНР заключается в том, что таким образом ускоряется процесс приобретения Китаем статуса основного военного соперника США, в качестве которого до сих пор пребывала Россия. Переориентация военного планирования США преимущественно на Китай стала бы, несомненно, позитивным фактором для нашей страны[66].

Литература

1. Голубчиков С. Развитие стратегической составляющей ВМС и ПРО Китая // Морской сборник. 2015. № 9. С. 61–68.
2. Каменнов П. Б., Клименко А. Ф. О военной политике и военной доктрине Китая // Проблемы дальнего востока. 2014. № 5. С. 126–148.
3. Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира. М., 2012.
4. Blasko D. J. The Chinese army today. Tradition and transformation for the 21-st century. Abingdon, 2012.
5. Brooks S. G., Wohlforth W. C. The rise and fall of the great powers in the twenty-first century. China`s rise and the fate of America`s global position // International Security. Vol. 40. No. 3 (winter 2015/16). P. 7–53.
6. Chase M. S., Engstrom J., Cheung T. M., Gunness K. A., Harold S. W., Puska S., Berkowitz S. K. China`s incomplete military transformation. RAND Corporation. Santa Monica, 2015.
7. Christman R. China`s Second Artillery force. Capabilities and missions for the near seas // China`s near seas combat capabilities. China maritime study. No. 11. February 2014. P. 31–48.
8. Heginbotham E., Nixon M., Morgan F. E., Heim J. L., Hagen J., Li S., Engstrom J., Libick M. C., DeLuca P., Shlapak D. A., Frelinger D. R., Laird B., Brady K., Morris L. J. The U. S.-China military scorecard. Forces, geography and the evolving balance of power 1996–2017. RAND Corporation. Santa Monica, 2015.
9. Military and security developments involving the People`s Republic of China. Annual report to Congress. 2015.

[66] Барабанов М. С., Кашин В. Б., Макиенко К. В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР. М., 2013. С. 158.

10. Moore T. J. China`s security perspective. Monterey, 2011.
11. Shambaugh D. L. Modernizing China`s military. Progress, problems, prospects. Berkeley, Los Angeles. L., 2002.

CHINESE MILITARY POWER IN THE PACIFIC AND THE STRATEGIC INTERESTS OF RUSSIA

Alexey Krivopalov

Abstract. *Modern China has become the second economy in the world and indisputable regional leader. At the same time, Chinese People's Liberation Army quickly overcomes former military and technical backwardness from US Armed Forces. The author of the article analyzes the reasons, objections and contradictions of the contemporary Chinese defense policy and identifies relevant risks and opportunities which Russia could face. Academic literature on the main tendencies of the contemporary military development in China is vast and diverse. It contains a balanced assessment of those enormous technical efforts made by Chinese military forces as well as their obvious failures. The report is theoretically and methodologically based on the doctrine of hierarchic and frequently paradox in its nature correlation between strategic planning and diplomacy. The collapse of the USSR changed the priorities of Chinese grand strategy. As there is already no threat of invasion by the first-class field army, the focus of the Chinese strategic planning has been shifted towards the sea. Nowadays this planning focuses on Taiwan and the USA. While being unable to create rapidly an ocean fleet comparable to the US Navy, Beijing relied on other armament systems and managed to make the waters around Taiwan unsuitable for the US Navy deployment and consequently for the projection of force to China`s mainland. The rise of Chinese military power is to have various consequences for the USA and for Russia as the latter became the main supplier of advanced weapons and military technology for China after 1989. The transfer of US military strategic focus from Moscow to Beijing is able to strengthen the position of Russia in the post-Soviet area and simultaneously increase Russia's value as a potential ally of the USA.*

Keywords: *foreign policy, strategy, Taiwan, rivalry, deterrence, competition.*

References

1. Golubchikov S. Razvitiye strategicheskoy sostavlyayuschey VMS i PRO Kitaya // Morskoy Sbornik. 2015. No. 9. P. 61–68.
2. Kamennov P. B., Klimenko A. F. O voennoy politike I voennoy doctrine Kitaya // Problemy Dalnego Vostoka. 2014. No. 5. P. 126–148.
3. Luttwak E. Sttategia. Logika voyni i mira. M., 2012.

4. Blasko D. J. The Chinese army today. Tradition and transformation for the 21-st century. Abingdon, 2012.
5. Brooks S. G., Wohlforth W. C. The rise and fall of the great powers in the twenty-first century. China`s rise and the fate of America`s global position // International Security. Vol. 40. No. 3 (winter 2015/16). P. 7–53.
6. Chase M. S., Engstrom J., Cheung T. M., Gunness K. A., Harold S. W., Puska S., Berkowitz S. K. China`s incomplete military transformation. RAND Corporation. Santa Monica, 2015.
7. Christman R. China`s Second Artillery force. Capabilities and missions for the near seas // China`s near seas combat capabilities. China maritime study. No. 11. February 2014. P. 31–48.
8. Heginbotham E., Nixon M., Morgan F. E., Heim J. L., Hagen J., Li S., Engstrom J., Libick M. C., DeLuca P., Shlapak D. A., Frelinger D. R., Laird B., Brady K., Morris L. J. The U. S.-China military scorecard. Forces, geography and the evolving balance of power 1996–2017. RAND Corporation. Santa Monica, 2015.
9. Military and security developments involving the People`s Republic of China. Annual report to Congress. 2015.
10. Moore T. J. China`s security perspective. Monterey, 2011.
11. Shambaugh D. L. Modernizing China`s military. Progress, problems, prospects. Berkeley, Los Angeles. L., 2002.

Информация об авторе

Кривопалов Алексей Алексеевич

к. исторических н., научный сотрудник Центра изучения кризисного общества («Centero»), Россия

E-mail: Krivopalov@Centero.ru

Alexey A. Krivopalov

PhD (History), scientific researcher at Center for Crisis Society Studies, Russian Federation

E-mail: Krivopalov@Centero.ru

ТРАНСРЕГИОНАЛИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ

Д. А. КУЗНЕЦОВ

Аннотация. *В настоящее время мир столкнулся с распространением трансрегиональных проектов, в орбиту которых втягиваются ведущие мировые державы и практически все региональные подсистемы — БРИКС, МИКТА, ТТП, ТТИП, «Один пояс — один путь», ЕАЭС и другие. Усиление конкуренции между ними обуславливает необходимость качественной концептуализации феномена трансрегионализма, который может выступать как форма глобализации, функция нового регионализма, новый тренд мировой политики, а также как инструмент внешней политики ведущих государств. При этом проблема сущности, функций и потенциала трансрегиональных связей остается малоизученной как в российской, так и зарубежной литературе. Решение данной задачи может предложить комплексный сравнительный мирополитический анализ различных аспектов трансрегиональных процессов и их влияния на современную мировую политику и экономику. В настоящей статье предпринимается попытка обобщения сравнительного анализа трансрегиональных проектов с точки зрения эффективности использования трансрегиональных практик во внешнеполитической стратегии мировых держав. В работе подтверждаются гипотезы, а также приводятся новые выводы о том, что трансрегионализм позволяет государствам и региональным объединениям реализовывать свои национальные и коллективные интересы на глобальном уровне, преодолевать региональные и субрегиональные ограничители роста и влияния, сдерживать негативные последствия глобализации и в то же время, обеспечивать геополитические и геоэкономические выгоды, а также способствует институционализации международного сотрудничества, совершенствованию системы глобального управления, формированию региональной идентичности, усилению международной взаимозависимости, но в то же время приводит к обострению конкуренции на новом уровне международных отношений — между глобальным и региональным.*

Ключевые слова: *трансрегионализм; внешняя политика; глобализация; регионализм; международные отношения; мировые державы.*

Введение. Новое качество влияния региональных процессов на глобальный уровень международных отношений [Воскресенский, 2012, с. 30–58] на фоне продолжающихся трансформаций на трех уровнях мировой политической системы — Вестфальской системы, системы международных отношений и национальных политических систем [Лебедева, 2016, с. 125–133] — обуславливают необходимость поиска новых форматов взаимодействия. Усложняющаяся политическая архитектура мира и тренд полицентризации свидетельствуют о перебелансировке сил и заставляют великие и региональные державы активно включаться в борьбу за сохранение и расширение сфер влияния, но не с помощью жесткой силы, а посредством создания международных режимов, объединений и блоков.

Усиление геополитической и геоэкономической конкуренции на фоне углубляющейся глобализации, стагнация многих старых международных институтов, продолжающиеся дискуссии о мировом порядке и эффектах глобализации, а также рост значимости регионального компонента в мировой политике оказывают стимулирующий эффект на развитие межрегиональных, трансрегиональных связей в современном мире.

Актуальность исследований трансрегионализма вытекает одновременно из теоретического аспекта, связанного с недостаточной концептуализацией этого феномена в научной среде, так и из практического аспекта, который обусловлен активным развитием, сосуществованием и конкуренцией трансрегиональных проектов.

Теоретические основания исследования. В науке о международных отношениях не сложилось единого подхода к понимаю феномена трансрегионализма, его функциям и даже используемой к описанию схожих явление терминологии. В работах российских исследователей вместо множества терминов используется понятие «трансрегионализм», что представляется обоснованным как с точки зрения анализа, так и с лингвистической точки зрения [Кузнецов, 2016, с. 14–25]. При этом представляется необходимым избрать комплексный подход к данному явлению, поскольку те различия, которые проводятся зарубежными авторами в понятия «интеррегионализм» (сотрудничество по линии «регион» — «регион»: ЕС-Меркосур, ЕС-АСЕАН), трансрегионализм (включение в такое сотрудничество отдельных государств из разных регионов и транснациональных акторов: АСЕМ, АТЭС, БРИКС) и т.д. могут быть вписаны в единую типологизацию трансрегиональных взаимодействий. Трансрегионализм в широком смысле представ-

ляет собой процесс формирования относительно интегрированных межрегиональных объединений на основе усиления международного и межрегионального сотрудничества и взаимозависимости, а также политику государств и региональных образований, имеющей целью сформировать новые экономические, политические и социетальные пространства, обладающие потенциалом выступать в качестве консолидированного центра мировой экономики и политики. При этом очевидно, что сегодня трансрегионализм может принимать различные формы, которые определяются историческими, макроэкономическими и политическими условиями формирования тех или иных трансрегиональных блоков, а также составом участников и их целями.

Важно также отметить, что трансрегионализм может выступать как минимум в трех измерениях: как форма глобализации и/или регионализма [Мировое комплексное регионоведение, 2014, с. 174], как новый тренд мировой политики [Aggarwal & Fogarty, 2014, p. 2] и как эффективный инструмент внешней политики держав, нацеленный на реализацию национальных интересов государства, в том числе и на глобальном уровне.

В данной статье предметом исследования является трансрегиональные проекты во внешней политике ведущих государств мира, а выводы о возможностях использования этого инструмента в реализации внешнеполитической стратегии сделаны на основе сравнительного анализа.

Роль великих и региональных держав в процессе региональной интеграции, создании региональных институтов и консолидации «регионализмов» неоднократно становилась объектом исследований [Buzan & Weaver, 2007; Nolte, 2007]. Безусловно, трансрегиональный уровень международного взаимодействия может способствовать усилению этой роли, но, в то же время, ставит вопрос об относительном снижении веса этих держав в самой структуре трансрегиональных связей 1) с другими ведущими державами (например, БРИКС), 2) интеграционными группами (например, США–ЕС (ТТИП)), 3) с другими интеграционными группами при условии активного участия самой державы в другом интеграционном блоке (например, роль Бразилии в продвижении сотрудничества МЕРКОСУР–ЕС). В каждом из вышеперечисленных случаев ведущим державам приходится в большей степени соотносить свои интересы с интересами других держав и регионов. Это, с одной стороны, способствует более справедливому балансу интересов. С другой стороны, великие державы могут стремиться включить в орбиту трансрегиональных связей менее развитые страны или традиционных союзников. Примером такой политики может выступать проект Тран-

стихоокеанского партнерства, где США обладают значительно преобладающим экономическим, военным и политико-дипломатическим весом.

Исследование: основная часть. Трансрегионализм в качестве инструмента внешней политики государств может выполнять одновременно целый ряд функций.

Во-первых, трансрегионализм может использоваться государствами и региональными объединениями для реализации своего глобального потенциала. В условиях, когда эффективность многих старых международных институтов поставлена под сомнение, целый ряд государств встал на путь формирования форумов, позволяющих им согласовывать свои позиции и действовать с учетом консолидированной позиции в системе глобального управлении. Безусловно, наиболее известным примером такого объединения является в настоящее время БРИКС, который в исследовательской литературе рассматривается как форум модернизирующихся государств, выступающих с реформистских позиций по отношению к ряду международных институтов, являющийся площадкой для обсуждения широкого круга вопросов глобального управления [Колдунова, 2014, с. 60–64]. Менее известным примером является форум МИКТА, союз государств «срединного развития» [Толорая, 2013], «блока неопределившихся акционеров», которые через согласование позиций на полях неформального форума могут блокироваться либо с клубом развитых государств в формате G7, либо с форумом БРИКС, а если учесть, что все три объединения — Большая семерка, БРИКС и МИКТА — формируют большую часть Большой двадцатки, то от МИКТА в определенных случаях может зависеть формулирование, поддержка и продвижение инициатив в рамках G20. Несмотря на продолжающиеся споры относительно возможностей институционализации таких объединений и превращения их в полноформатный формат сотрудничества, эти группы сохраняют высокий акторный потенциал в мировой политике, а ряд реализующихся инициатив (таких как Банк БРИКС) свидетельствуют о способности трансрегиональных межгосударственных объединений к институционализации, которую можно описать с помощью концепции «эффекта перетекания» в рамках теории интеграции (“spillover effect”). Более того, тренсрегионализм представляет государствам не-Запада сдерживать негативные эффекты глобализации, предлагая даже ее собственные проекты на основе кооперативных практик в сферах торговли, инфраструктуры, формирования «более справедливой» системы многостороннего сотрудничества в глобальных институтов и т.д., будь то проекты нового Шелкового пути или БРИКС.

Во-вторых, трансрегионализм помогает ведущим государствам обеспечить свою глобальную роль, даже преодолевая складывающиеся в регионе ограничения для их лидерства. Региональные подсистемы отличаются высокой степенью динамики развития, что позволяет говорить о регионализме (равно как и трансрегионализме) как о постоянном процессе структурных трансформаций. В рамках этих подсистем нередко возникает проблема замкнутости региональных держав в определенных институциональных границах при ресурсах и, что не мало важно, при наличии глобальных амбиций, значительно превосходящих реализующий потенциал региональных институтов. Здесь ярким примером может выступать Бразилия, которая отличается и достаточными ресурсами, и амбициями для того, чтобы оказывать влияние на мировые политические процессы. Именно поэтому Бразилия, с 1990-х годов являющаяся активным участником региональной интеграции (МЕРКОСУР), выступила, во-первых, с макрорегиональной инициативой по формированию Союза южноамериканских наций (УНАСУР), а во-вторых, активно включилась в трансрегиональные процессы — ИБСА и БРИКС. Кроме того, ввиду определенных геополитических условий, нередко крупные державы оказываются в ситуации, когда их непосредственное географическое окружение сформировано враждебно настроенными государствами. Случай Китая, который также включился в БРИКС и выступил с собственными трансрегиональными проектами «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», демонстрирует, как растущая мировая держава, соседствующая с целым рядом государств, с которыми сохраняются острые территориальные и политические противоречия, стремится к реализации своих глобальных интересов через трансрегиональное взаимодействие.

В-третьих, включаясь в трансрегиональные связи, государства обеспечивают себе не только геополитические, но и геоэкономические выгоды. Так, Евразийский экономический союз оказался трансрегиональным в силу историко-политических факторов. На фоне продолжавшихся центробежных тенденций на постсоветском пространстве, ЕАЭС был сформирован государствами, чьи, прежде всего, экономические (но наряду с ними и политические, и гуманитарные) интересы лежат в орбите их взаимодействий. После вхождения в ЕАЭС Армении, а также в связи с переговорами о зоне свободной торговли с Вьетнамом, обсуждением проектов сопряжения с китайским проектом «Экономического пояса Шелкового пути» и возможности формирования ЗСТ между ЕАЭС с АСЕАН, этот трансрегиональный проект приобретает все больший вес на пространстве Евразии. ЕАЭС позволяет России и другим членам ЕАЭС

закрепить свое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также развивать конкурентоспособность своих экономик. Геоэкономическая составляющая просматривается и в американских проектах Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. Эти проекты позволяют а) искать новые стимулы роста и закреплять экономическое и политическое превосходство США на двух главных направлениях своей внешней политики — тихоокеанском и североатлантическом; б) распространять свои высокие экономические стандарты и по сути писать правила мировой экономики, учитывая масштаб объединений и торможение Дохийского раунда; в) закреплять традиционные союзы (двусторонние (США — Япония) и многосторонние (НАТО)) экономическими средствами; г) в целом способствовать закреплению роли Запада и его ценностей через блокирование с союзниками на экономических принципах ТТП и ТТИП (ВТО-Х / ВТО+).

Как утверждают некоторые исследователи, трансрегионализм способствует усилению доминирования т.н. Триады мировой экономики: Европа, Северная Америка и Восточная Азия через создание трансрегиональных блоков [Hänggi, 2000, p. 13]. В этом смысле самой слабой связкой Триады остается связка Европы и Восточной Азии, которая представлена Форумом Азия-Европа (АСЕМ) с широкой повесткой дня и слабой институционализацией, а также зонами свободной торговли между ЕС и отдельными государствами АСЕАН.

Трансрегионализм позволяет эффективно решать целый ряд других проблем внешней политики и глобальной повестки дня: институционализация (institution-building); рациональное решение глобальных проблем (rationalizing); формулирование повестки дня (agenda-setting), формирование региональной идентичности (identity-building), баланс сил (balancing & bandwagoning) [Rüland, 2010; Rüland, 2002], а также позволяет участвовать в глобализации в щадящем варианте, подтягивать менее развитые страны через преференции и инвестиционную политику и подтягивать отсталые внутригосударственные регионы [Мировое комплексное регионоведение, 2014, с. 181]. Институционализация способствует усилению международного сотрудничества и взаимозависимости в целом, а ее развитие на трансрегиональном уровне (то есть между глобальным и региональным) позволяет находить более эффективные средства решения глобальных проблем и также более эффективно объединять для этого ресурсы акторов. Формирование форумов государств, цель которых — обеспечить более справедливую глобальную экономическую, политическую, финансовую архитектуру, и создание системы балансирования этих групп в рамках функционирующих международ-

ных институтов (как продемонстрировал приведенный выше пример G7 — BRICS — MIKTA) свидетельствуют о конструктивном эффекте институционализации сотрудничества в трансрегиональном пространстве на традиционно проблемные взаимоотношения по осям «развитые — развивающиеся страны» или «Север — Юг». Формулирование повестки дня через агрегацию национальных и региональных повесток, с одной стороны, и распределение механизмов решения этих задач среди трансрегиональных блоков может способствовать формированию более эффективной системы глобального управления. В этом смысле, трансрегионализм действительно может выступать промежуточной формой глобализации, где глобальные регионы могут выступать новыми центрами мировой политики [Мировое комплексное регионоведение, 2014, с. 174]. Балансирование позволяет не только обеспечивать лидерство (на региональном и глобальном уровнях), но и вступать в такие форматы, где блокирование с сопоставимыми по влиянию и ресурсам державами (как БРИКС, ИБСА или МИКТА) или развитие трансрегиональных связей между менее влиятельными странами и великой державой (ЕЭАС или ТТП; в зарубежной литературе это явление называют bandwagoning) повышает их вес в мировой политике и экономике. Для региональных интеграционных групп участие в трансрегиональных проектах (активно включаются в них ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и другие) способствует укреплению их региональной сплоченности и акторности [Hettne, Söderbaum & Stålgren, 2008, pp. 28–29] в связи с необходимостью поддержания или совершенствования эффективности наднациональной (как вариант, межгосударственной) системы принятия решений. Опыт переговоров ЕС с США по проекту ТТИП, с Канадой по проекту СЕТА или с МЕРКОСУР по вопросам многоформатного сотрудничества свидетельствует о высокой степени акторности Европейского Союза.

Результаты исследования. Таким образом, трансрегионализм позволяет государствам и региональным объединениям реализовывать свои национальные и коллективные интересы на глобальном уровне, преодолевать региональные и субрегиональные ограничители роста и влияния, сдерживать негативные последствия глобализации и в то же время, обеспечивать геополитические и геоэкономические выгоды, а также способствует институционализации международного сотрудничества, совершенствованию системы глобального управления, формированию региональной идентичности и усилению международной взаимозависимости.

Анализ результатов. Существующие сегодня трансрегиональные проекты помогают государствам обеспечить, в целом, конструктив-

ные задачи международного взаимодействия. Однако, обладает ли трансрегионализм деструктивным потенциалом для мировых политических процессов остается открытым вопросом. С одной стороны, именно трансрегиональное сотрудничество является конструктивной реакцией мировой системы на расширение сети транснациональных взаимодействий и усиление влияния транснациональных акторов (прежде всего тех, которые действуют на углубление глобализации, но и антисистемных акторов, поскольку трансрегионализм открывает новые возможности для противодействия им), стагнацию ряда старых международных институтов (в том числе с учетом дискуссии о реформировании ООН) и необходимость поиска новых стимулов роста и расширения традиционных форматов взаимодействия (например, придание экономической подпорки НАТО в виде ТТИП). С другой стороны, уже в настоящее время, даже на уровне проектов трансрегиональные инициативы приобретают высококонкурентный характер. Так, перспективы реализации проекта ТТП вызывает обеспокоенность России, которая заявляет об опасности размывания режима ВТО, и Китая, который воспринимает ТТП как еще один инструмент сдерживания КНР. Это, в свою очередь, подхлестнуло выдвижение инициатив «Экономического пояса Шелкового пути», «Морского шелкового пути XXI века», идеи их сопряжения с ЕАЭС, экономизации ШОС и транрегионального сотрудничества ЕАЭС–АСЕАН. В настоящее время сложно предсказать, обладает ли эта конкуренция конфликтным потенциалом, однако торможение проектов ТТИП и ТТП, а также широкая и сложная дискуссия о форматах и последствиях проектов Шелкового пути и т.п. демонстрируют очень сложную структуру трансрегиональных связей, развитие которых требует учета интересов множества игроков и уже не может основываться лишь на гегемонической внешнеполитической линии великих держав, требуя широкого консенсуса.

Заключение. Трансрегионализм уже стал объективным явлением международной жизни. Частично трансрегиональное сотрудничество уже было «отработано» ранее в форматах североатлантического сотрудничества или взаимодействия ЕЭС с азиатскими, африканскими и карибскими странами. Но в настоящее время это явление приобретает совершенно иную форму, позволяя трансрегиональным объединениям оказывать значительное влияние на всю систему глобального управления. В этом смысле, использование трансрегионализма в качестве инструмента внешней политики позволяет решать сразу несколько задач во внутриполитическом и внешнеполитическом поле, а эффек-

тивность, возможности и ограничения такой политики еще должны стать объектом исследований.

Литература

1. Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 3. С. 30–58. DOI: 10.18611/2221–3279–2012–3–2(8)-30–58
2. Колдунова Е. В. Роль стран БРИКС в глобальном управлении // Сравнительная политика. 2014. № 5. С. 60–64. DOI:10.18611/2221–3279–2014–5–1(14)-60–64
3. Кузнецов Д. А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. 2016. № 7. С. 14–25. DOI:10.18611/2221–3279–2016–7–2(23)-14–25
4. Лебедева М. М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2. С. 125–133.
5. Мировое комплексное регионоведение / Под ред. проф. А. Д. Воскресенского. — М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. — с. 174.
6. Толорая Г. МИКТА — новый элемент конструкции глобального управления? / Российский Совет по международным делам, 23 декабря 2013. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2889#top-content
7. Aggarwal, V.; Fogarty, E. (2014). Between Regionalism and Globalism: European Union Interregional Trade Strategies. *Journal of European Integration*, Jan 2014, 2. Mode of access: https://pdfs.semanticscholar.org/bd7e/4093c2976565adb662ac5e203222d7836e14.pdf
8. Buzan, B; Waever, O. (2003). Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge University Press.
9. Hänggi, H. (2000). Interregionalism: Empirical and Theoretical Perspectives / Workshop Paper for the Conference "Dollar, Democracy and Trade: External Infl uence on Economic Integration in the Americas". CA, Los Angeles, May 18.
10. Hettne, B; Söderbaum, F; Stålgren, P. (2008). The EU as a Global Actor in the South. SIEPS, 28–29.
11. Nolte, D. (2007). How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topic. *GIGA*, Hamburg. ECPR Joint Session, Helsinki 7–12 May.
12. Rüland, J. (2010). Balancers, Multilateral Utilities or Regional Identity Builders? International Relations and the Study of Interregionalism. *Journal of European Public Policy*, No. 17.
13. Rülland, J. (2002) The EU as an Inter- and Transregional Actor: Lessons for Global Governance from Europe's Relations with Asia. Mode of access: https://digitalcollections.anu.edu.au/bitstream/1885/41658/3/ruland.pdf

TRANSREGIONALISM AS A TOOL OF GREAT AND REGIONAL POWERS' FOREIGN POLICY

Denis A. Kuznetsov

Abstract. *Today's world is witnessing mushrooming of transregional projects which encompasses the leading regional and global powers as well as virtually all regional subsystems of international relations, to wit: BRICS, MIKTA, TPP, TTIP, "One Belt, One Road", EAEU etc. Increasing competition between them determines the importance of conceptualization of the phenomenon of transregionalism that can be regarded as a form of globalization, a function of so-called new regionalism, a new trend of world politics and as a tool of foreign policy employed by leading powers. At the same time the problematique of the essence, functions and potential of institutionalized transregional ties remains understudied in academic international and political research around the globe. This problem of poor conceptualization might be solved by the use of comparative method to analyze different aspects of transregional projects and their impact on world politics and global economy. This article attempts to generalize the results of comparative study of the projects, with the effectiveness of transregional practice within foreign policy strategies of great and regional powers being a focus of such an analysis. It hypothesizes and concludes that transregionalism can be effective for the world powers and regional integration entities alike to advance their national and collective interests on a global scale, to overcome regional and sub-regional restraints of growth and influence, to avoid negative effects of globalization, to gain geopolitical and geoeconomic benefits as well as to promote institutionalization, develop the system of global governance, encourage regional identity-building, foster global interdependence and, simultaneously, heighten competition on a new level of international interaction — between the regional and global ones.*

Keywords: *transregionalism; foreign policy; globalization; regionalism; international relations; world powers.*

References

1. Aggarwal, V.; Fogarty, E. (2014). Between Regionalism and Globalism: European Union Interregional Trade Strategies. *Journal of European Integration*, Jan 2014, 2. Mode of access: https://pdfs.semanticscholar.org/bd7e/4093c2976565adb662ac5e203222d7836e14.pdf
2. Buzan, B; Waever, O. (2003). Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge University Press.
3. Hänggi, H. (2000). Interregionalism: Empirical and Theoretical Perspectives / Workshop Paper for the Conference "Dollar, Democracy and Trade: External Influence on Economic Integration in the Americas". CA, Los Angeles, May 18.

4. Hettne, B; Söderbaum, F; Stålgren, P. (2008). The EU as a Global Actor in the South. SIEPS, 28–29.
5. Koldunova E.V. Rol' stran BRIKS v global'nom upravlenii [The Role of BRICS in Global Governance] // Comparative Politics Russia. 2014. № 5. S. 60–64. DOI:10.18611/2221–3279–2014–5–1(14)-60–64
6. Kuznetsov D.A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i konceptualizacii [Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization] // Comparative Politics Russia. 2016. № 7. S. 14–25. DOI:10.18611/2221–3279–2016–7–2(23)-14–25
7. Lebedeva M.M. Sistema politicheskoj organizacii mira: «ideal'nyj shtorm» [The Structure of World Political System: "Perfect Storm"] // Vestnik MGIMO Universiteta. 2016. № 2. S. 125–133.
8. Mirovoe kompleksnoe regionovedenie [World Comprehensive Regional Studies] / Pod red. prof. A.D. Voskresenskogo. — M.: Magistr: INFRA-M, 2014. — s. 174.
9. Nolte, D. (2007). How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research Topic. *GIGA*, Hamburg. ECPR Joint Session, Helsinki 7–12 May.
10. Rüland, J. (2010). Balancers, Multilateral Utilities or Regional Identity Builders? International Relations and the Study of Interregionalism. *Journal of European Public Policy*, No. 17.
11. Rülland, J. (2002) The EU as an Inter- and Transregional Actor: Lessons for Global Governance from Europe's Relations with Asia. Mode of access: https://digitalcollections.anu.edu.au/bitstream/1885/41658/3/ruland.pdf
12. Toloraja G. MIKTA — novyj jelement konstrukcii global'nogo upravlenija? [MIKTA — a New Element of Global Governance] / Rossijskij Sovet po mezhdunarodnym delam, 23 dekabrja 2013. Rezhim dostupa: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2889#top-content
13. Voskressenski A.D. Koncepcii regionalizacii, regional'nyh podsistem, regional'nyh kompleksov i regional'nyh transformacij v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah [Concepts OF Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR] // Comparative Politics Russia. 2012. № 3. S. 30–58. DOI: 10.18611/2221–3279–2012–3–2(8)-30–58

Информация об авторе

Кузнецов Д. А.

аспирант Кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России, Россия, e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

Denis A. Kuznetsov

PhD Student, Department of World Politics, MGIMO University, Russia, e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru

РОССИЯ И БРИКС В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ

Е. Ю. ЛИВАНОВА, Н. К. ЕЛИЗАРОВА, В. Н. ОВЧИННИКОВ

Аннотация. *Авторы оценивают потенциал вновь созданного Пула валютных резервов (Contingency Reserve Arrangement — CRA) БРИКС в структуре современной мировой валютной системы. В первую очередь, авторы определяют ключевые проблемы современной валютной системы, которые прямо или косвенно привели к поиску и созданию альтернативных инструментов взаимодействия стран, испытывающих трудности с международной ликвидностью. Как выявлено авторами, современные тенденции развития международного сотрудничества определяются, с одной стороны, глобальной стагнацией, а с другой, трансформацией роли развивающихся стран в современной системе международных отношений на фоне выравнивания их политического и экономического потенциала с развитыми странами. Оценка валютных резервов стран БРИКС, а также факторов, влияющих на их наполняемость, свидетельствует, что созданный, главным образом, за счет ресурсов Китайской народной республики (КНР), Пул валютных резервов сможет оказывать помощь странам-участницам в случае возникновения проблем в сфере международных расчетов. Сопоставление Инициативы с Международным валютным фондом (МВФ) и соглашениями Многосторонней инициативы Чианг Май (МИЧМ, Чиангмайской инициативы) показало, что уместно оценивать потенциал Пула валютных резервов в контексте взаимодействия центральных банков азиатских стран, поскольку МВФ изначально был ориентирован на более широкие задачи, в первую очередь, связанные с поддержкой мировой торговли и содействием либерализации системы международных расчетов по текущим, и впоследствии капитальным операциям. Анализ функционирования Чиангмайской многосторонней инициативы показал, что эффективность межстранового валютного сотрудничества обусловлена в значительной степени уровнем институционализации отношений, проявляющемся в разработке юридически выверенного механизма гарантии исполнения обязательств странами-заёмщика-*

ми и создании наблюдательных механизмов, чего смог добиться МВФ в ходе многолетней деятельности. Таким образом, перспективы развития Пула валютных резервов могут быть позитивными, если странам удастся избежать ошибок аналогичных институтов валютного сотрудничества.

Ключевые слова: *БРИКС, Пул валютных резервов, Международный валютный фонд, Чиангмайская инициатива, мировая валютная система*

Введение. С началом функционирования Банка развития БРИКС или Нового банка развития (New Development Bank) и Пула валютных резервов (Contingency Reserve Arrangment) сотрудничество БРИКС в денежно-кредитной сфере приобрело определенную институциональную завершенность. В определенном смысле инициативы стран БРИКС как лидеров развивающегося мира отражают стремление создать действенную альтернативу ключевым институтам Бреттон-Вудской системы: МВФ и Всемирному банку. Несмотря на отставание финансовой мощи и институционального потенциала развивающихся стран от лидеров развитого мира, не отвечающая потребностям мирового хозяйства, политика ведущих стран Запада и институтов под их эгидой, промедление с интеграцией новых глобальных лидеров в эти образования на равных правах привели к реализации альтернативных решений в рамках новых форматов многостороннего сотрудничества. В долгосрочной перспективе формирование данных институтов будет способствовать выстраиванию новой глобальной парадигмы системы международных отношений с измененным центром силы, в рамках которой страны БРИКС становятся лидерами и/или инициаторами реализации общемировых процессов, таких как создание Пула валютных резервов, являющегося в определенном смысле фоном валютного сотрудничества стран БРИКС. Цель данного исследования — оценка перспектив нового механизма в системе международного коллективного сотрудничества, во-первых, в контексте реформирования международной валютной системы; во-вторых, в контексте утверждения Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР в роли лидеров развивающегося мира и возможного превращения институтов БРИКС в ключевые элементы глобального управления. Кроме того, авторы оценивают устойчивость платежного баланса стран на основании анализа структуры и динамики их ключевых разделов, а также проводят сравнительный анализ механизмов Пула условных валютных резервов и Чиангмайской инициативы.

Теоретические основания исследования. Усиление финансовой взаимозависимости стран мира проявляется в возрастающем объеме международных финансовых потоков с использованием современных

финансовых инструментов и электронных технологий, и составляет суть финансовой глобализации. Одновременно с глобализацией финансовых рынков увеличивается их неустойчивость. Л. Н. Красавина справедливо отмечает, что «…мировой финансово-экономический кризис подверг новому испытанию Ямайскую валютную систему, выявил ее неспособность обеспечить относительную стабильность валютно-экономических отношений в мире. В этой связи активизировались дискуссии о реформировании валютного мироустройства. Причем они вышли из научных кругов и оказались в центре внимания президентов и премьеров ряда стран и международных экономических форумов «Группы 20», посвященных выработке системных мер по выходу из мирового финансово-экономического кризиса» [Красавина, 2014, с.45–52]. Проблемы, существующие в функционировании мировой валютной системы, по мнению Н. К. Кучуковой, связаны с бесконтрольностью системы эмиссии мировой валюты, основой которой служит доллар США. По словам бывшего главного экономиста Bank of America Merrill Lynch Дэвида Розенберга, «мир затопили 222,5 трлн долл. долга частного и государственного секторов, что эквивалентно 362 % мирового ВВП. На всех уровнях общества в большинстве промышленно развитых стран слишком много долгов и слишком мало доходов, необходимых для их выплаты» [Кучукова, 2012, с. 58–61].

Современная мировая валютно-финансовая система нуждается в коренной реформе, о чем свидетельствует разрастание глобального долгового кризиса на фоне чрезвычайных денежных эмиссий, избранных в качестве мер борьбы с ним. С точки зрения Б. А. Хейфеца [Хейфец, 2012, 48–56], обострение кризиса связано с двумя глобальными фундаментальными причинами, проявившимися в 2000-е годы:

— углублением пропасти между финансовой и реальной экономикой,
— несоответствием баланса сил в мировой экономике и роли новых экономических лидеров в регулировании процессов глобализации.

Чрезмерный рост различных видов финансовых активов стал одним из самых серьезных рисков современного экономического развития. По оценкам экспертов McKinsey Global Institute, финансовая глубина экономики (соотношение традиционных финансовых активов и мирового ВВП) увеличилась с 261 % в 1990 г. до 356 % в 2010 г., а оборот торговли деривативами превышает мировой ВВП в 11 раз [Хейфец, 2012, 48–56].

Финансовые проблемы ряда стран Европы, дефицит государственного бюджета, огромный внешний долг оказывают сильное влияние на экономику Европейского союза, растет государственный долг США. По

прогнозам экспертов, в перспективе ситуация с государственным долгом в целом ряде стран не улучшится. В частности, прогнозируется увеличение государственного долга (в % к ВВП) к 2016 г. по сравнению с 2011 г.: в Японии — с 233,1 до 253,8 %; во Франции — с 86,8 до 87,7 %; в США — со 100,0 до 115,4 %; в Португалии — со 106,0 до 110,5 %; в Испании — с 67,4 до 77,4 %; в Ирландии — со 109,3 до 114,3 % [Кучукова, 2012, С. 58].

Разрыв между финансовой сферой и реальным сектором, приведший к перегреву финансовых рынков, стал одним из факторов банкротства крупнейших банков. «Суверенизация частных долгов» означала принятие государством на себя долгов банков и корпораций, а вкупе с дорогостоящими антикризисными программами и несбалансированным докризисным ростом социальных обязательств привела к рекордным дефицитам бюджетов. Так, по данным Бюллетеня «Бюджетного вестника» за январь 2012 г., во многих странах мира в кризисные 2008–2010 гг. дефицит бюджета стремительно нарастал: по всему миру — с 2,0 до 5,5 %; в странах с развитой экономикой — с 3,8 до 7,6 %; в США — с 6,7 до 10,5 %; в зоне евро — с 2,12 до 6,3 %; в Японии — с 4,7 до 9,3 %; в Великобритании — с 4,9 до 9,9 %; в странах с формирующимися рынками — с 0,4 до 3,6 % [Кучукова, 2012, С. 59].

Другим глобальным дисбалансом, значительно усилившимся за последние 20 лет, стало возрастание в мировой экономике роли развивающихся стран, прежде всего Китая и Индии, о чем свидетельствует изменение их доли в мировом ВВП. Большинство экспертов прогнозирует значительное увеличение удельного веса в мировой экономике развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, таких, как Индия, Бразилия, а также Россия и ЮАР, которые вместе с Китаем входят в неформальную группу стран БРИКС.

Усиление мощи новых экономических лидеров находит отражение и в увеличении доли развивающихся стран в совокупном объеме международных резервов, возросшей с 41,6 % в 2003 г. до 66 % в 2010 г. В свою очередь, валютная структура международных резервов все в меньшей степени отражает изменившуюся расстановку экономических сил в мировой экономике. Доллар США продолжает играть главенствующую роль в современной мировой валютно-финансовой системе: по состоянию на конец 4 квартала 2015 г. доля долларовых активов в размещенных странами резервных требованиях составила 64,06 % (для сравнения в 2008 г. эта величина составляла 63,77 %), а доля евро за аналогичный период сократилась с 26,21 % до 19,91 %, хотя высокий удельный вес европейской валюты по сравнению с остальными свободно конвертируемыми

валютами сохраняется[67]. На конец 4 квартала 2015 г. удельный вес валют развитых стран с долей в размещенных странами резервных требованиях, превышающей 1 % — доллара США, евро, японской йены, фунта стерлингов, швейцарского франка, австралийского и канадского долларов, — составлял 97,01 % от совокупного объема валютных резервов, а на «другие валюты», в том числе валюты стран БРИКС, приходилось лишь 2,99 %[68]. В то время как в структуре мирового ВВП в текущих ценах в 2014 г. доля США составляла 22,34 %, стран Еврозоны — 17,2 %, совокупная доля США, стран Еврозоны, Японии, Великобритании, Швейцарии, Канады и Австралии — 53,4 %, стран БРИКС — 21,84 %[69].

Таким образом, долговой кризис в США и ЕС являются ключевыми рисками мирового развития, создающими серьёзные проблемы экономикам развивающихся стран. Сформировавшаяся сегодня структура глобальной экономики не отвечает изменившемуся соотношению сил и в значительной мере зависит от политики стран, эмитирующих мировые резервные валюты. Антикризисные меры подразумевают формирование дополнительных резервных фондов, что усиливает существующие общемировые диспропорции, поскольку остальные страны продолжают накапливать валютные резервы, кредитуя эмитентов резервных валют.

В этой связи начиная с финансового кризиса 2008 г. активизировались дискуссии о реформировании валютного мироустройства, в отношении необходимости которого существует консенсус научных кругов и руководителей некоторых стран «Группы 20» [Красавина, 2014, с. 45–52; Хейфец, 2012, с. 48–56].

Таким образом, ключевым фактором создания Пула условных валютных резервов стало несоответствие положения стран БРИКС в мировой валютно-финансовой сфере их роли в мировом хозяйстве, наиболее чувствительными моментами являются доля в международных расчетах, представительство и право голоса в международных организациях, в первую очередь МВФ. Перейдем к анализу потенциала и стратегий БРИКС в вопросе модернизации мировой валютной системы.

Развитие интеграции стран БРИКС — лидеров развивающегося мира — важнейшее явление в системе международных экономических отношений, влияющее на ее структуру, взаимосвязи и перспективы. Не-

[67] Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER), International Financial Statistics (IFS). Data extracted from http://data.imf.org/ on: 4/25/2016 12:39:26 PM

[68] Ibid.

[69] Расчеты авторов по Data from database: World Development IndicatorsUpdated: 04/11/2016.

смотря на определенную случайность возникновения объединения и разнородность состава участников БРИКС как в цивилизационном смысле, так и в отношении политических институтов и предпочтений, на данную группу возлагаются значительные надежды в отстаивании интересов развивающихся стран в противостояниях между Севером и Югом по все большему кругу вопросов. Существование и функционирование БРИКС является вызовом развивающегося мира глобальному капитализму, сосредоточением власти которого является триада США — ЕС — Япония.

Общее взаимодействие группы с ведущими странами Запада может осуществляться двумя путями: 1) БРИКС может интегрироваться в существующую систему миропорядка западного толка; 2) отношения будут осуществляться в рамках вызова, бросаемого БРИКС прозападному (проамериканскому) мироустройству, и будут сопровождаться системными конфликтами. У. Робинсон [Robinson, 2015, с. 1–21] полагает, что рассматриваемое многостороннее взаимодействие Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской республики отражает общий тренд на глобальную интеграцию, облегчая развитие транснационального бизнеса и способствуя сглаживанию неравномерности мирового развития. С другой стороны, сталкиваясь с новыми вызовами в финансово-экономической сфере на фоне нарастания политических противоречий между КНР и Россией, с одной стороны, и США и ЕС — с другой, представляется, что БРИКС все больше склоняется ко второму варианту. Так, Рамещ Такур [Thakur, 2014, с. 1791–1808] отмечает, что страны БРИКС имеют общий интерес в уравновешивании сил Запада, в первую очередь США, что можно сделать только сообща, и, хотя они не являются типичными представителями стран Третьего мира, они могут отстаивать его интересы в дискуссии между Севером и Югом.

Официальная повестка взаимодействия стран БРИКС концентрируется на ряде общих интересов стратегического характера, среди которых [Луков, 2012, с.11–16]:

1. стремление к реформе финансово-экономической архитектуры мира;
2. укрепление институтов международного права против политик односторонних силовых действий с сохранением центральной роли ООН;
3. осуществление модернизации в экономической, социальной сферах и в области развития технологий;
4. развитие многостороннего экономического сотрудничества.

Л. Е. Гришаева [Гришаева, 2012, с. 6–28] подчеркивает приоритетность финансово-экономических целей сотрудничества БРИКС, которые проявляются в необходимости совместными усилиями решать проблемы, обострившиеся в результате мирового кризиса, а также в стремлении к усилению веса развивающихся стран в профильных международных организациях. Общий тренд на изменения в системе международных валютно-финансовых отношений, продвигаемый странами БРИКС, связан с усилением роли стран с формирующими рынками и развивающихся стран в международной финансовой архитектуре. Первоначально речь шла об изменении веса этих стран в международных финансовых институтах (то есть в русле «каталитического воздействия»), продвигалось повышение доли развивающихся стран, в том числе БРИКС, в системе квот и голосов Международного валютного фонда, в чем в наибольшей степени был заинтересован Китай[70]. Институционализация же сотрудничества стран БРИКС в денежно-кредитной сфере в формате создаваемых Банка развития и Пула валютных резервов (прямых аналогов Бреттон-Вудских институтов) заранее не планировалась. По мнению М. Ю. Головнина [Головнин, 2012, 42–56], создание институтов связано как с неудачей в создании Азиатского валютного фонда после кризиса 1997 г., так и с неудовлетворенностью ходом реформы МВФ. Тем не менее, изначально в логику новых институтов была заложена их дополняющая роль по отношению к существующим международным финансовым институтам: «такой [Банк развития БРИКС — прим. авторов] банк дополнил бы уже прилагаемые усилия международных и региональных финансовых институтов, нацеленные на глобальный рост и развитие».

По мнению Джу Ксяочюаня[71], роль стран БРИКС в мировой валютной системе определяется не столько позициями их валют на мировом валютном рынке, сколько их значением в качестве держателей международных резервных активов, где с большим отрывом лидирует Китай.

[70] Необходимо отметить, что в настоящее страны БРИКС достигли успеха в взаимодействии с МВФ: 26 января 2016 г. вступили в силу поправки о реформе Совета МВФ и 14-го общий пересмотр квот, утвержденные в 2010 г. Шестилетний период времени потребовался для обеспечения согласия с изменениями трех пятых государств-членов Фонда, имеющих 85 % от общего числа голосов. В результате реформы Бразилия, Китай, Индия и Россия — четыре из пяти стран БРИКС впервые войдут в число 10 крупнейших участников Фонда. В результате реформы были вдвое увеличены постоянные капитальные ресурсы МВФ за до 477 млрд СДР (примерно 659 млрд долларов США. Источник: Исторические реформы квот и управления МВФ вступили в силу //Пресс-релиз МВФ от 27 января 2016 г. http://www.imf.org/external/russian/np/sec/pr/2016/pr1625r.pdf. Дата обращения: 15.04.2016

[71] Xiaochuan Z. (2009) Reform the International Monetary System. BIS Review, no. 41.

Однако, по мнению данного автора, однозначного видения таких перспектив мировой валютной системы, а тем более попыток ее построения у стран БРИКС пока нет.

По итогам обзора литературы в контексте выполняемого исследования представляется, что валютно-финансовое сотрудничество БРИКС, активную институционализацию которого мы наблюдаем, будет определяться следующими сюжетами:

— с определенной уверенностью можно утверждать, что базовой мотивацией БРИКС является обеспечение стратегической самостоятельности стран-участниц по отношению к развитому миру (в первую очередь, от США), в то время как валютно-финансовое сотрудничество — драйвер развития БРИКС;
— реализация валютно-финансовых инициатив БРИКС будет осуществляться с учетом двойственности траектории развития отношений со странами Запада — режим кооперации и режима вызова, поскольку по своей природе БРИКС — уже глобальный, а не региональный многосторонний формат, который, с одной стороны, отвечает целям прозрачности международного взаимодействия, санкционированным развитыми странами, с другой — слишком амбициозен, чтобы не создавать климат конкуренции и передела сфер влияния;
— несоответствие положения стран БРИКС в мировой валютно-финансовой сфере их роли в мировом хозяйстве (наиболее чувствительные моменты — доля в международных расчетах, представительство в организациях),
— трансформация валютно-финансовой повестки БРИКС от пересмотра квот и голосов в МВФ — к созданию прямых аналогов Бреттон-Вудских институтов, обусловленная текущими геополитическими и геоэкономическими событиями.

Исследование: основная часть

Методология исследования. Авторы оценивают обоснованность претензий стран БРИКС на формирование институтов глобального масштаба путем проведения: 1) оценки предпосылок формирования и успешного функционирования валютно-финансового сотрудничества; 2) сравнительного анализа Пула валютных резервов БРИКС, МВФ и Чиангмайской многосторонней инициативы, для утверждения БРИКС на мировой арене в качестве объединения, способного отстаивать интересы развивающегося мира в целом.

Процедура исследования.

1. Оценка предпосылок функционирования валютно-финансовой интеграции БРИКС.

Таблица 1
Динамика официальных резервов стран БРИКС, млрд долларов США

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Бразилия	192,9	237,4	287,1	350,4	369,7	356,3	361,1	354,3
Российская Федерация	412,7	417,8	445,0	455,5	488,2	471,4	341,3	322,0
Индия	248,0	266,2	276,2	272,2	271,6	277,5	304,4	335,2
Китай*	1950,3	2417,9	2867,9	3204,6	3332,9	3841,4	3860,9	3347,9
ЮАР	30,8	35,5	38,4	42,8	44,2	45,1	44,5	41,8
БРИКС, всего	2834,7	3374,7	3914,6	4325,6	4506,6	4991,6	4912,1	4401,3
Канада	43,8	54,2	57,0	65,7	68,4	71,8	74,6	79,7
Франция	37,9	50,9	60,0	52,8	58,4	55,1	53,5	59,0
Германия	49,1	65,9	68,2	72,8	73,3	73,2	67,8	63,8
Италия	41,3	50,1	51,9	53,4	54,7	55,0	51,7	50,9
Япония	1010,7	1023,6	1062,8	1259,5	1228,5	1238,5	1232,3	1208,2
Соединенное Королевство	44,9	56,2	68,9	79,8	89,1	92,9	96,2	119,5
США	80,7	134,1	135,5	151,0	153,2	147,6	132,3	119,2
G7, всего	1308,4	1435,1	1504,3	1735,0	1725,6	1734,3	1708,3	1700,3

Примечание: *Данные по КНР представлены без учета специальных административных районов.
Источник: IMF, International Financial Statistics.

Анализ, проведенный в первой части работы показал, что позиции валют стран БРИКС в расчетах не соответствуют их совокупному экономическому потенциалу. В качестве предпосылок валютной интеграции могут рассматриваться показатели абсолютных значений и темпов роста ВВП, в то время как Джу Ксяочюань предлагает оценивать роль стран БРИКС в мировой валютной системе, принимая во внимание их положение в качестве держателей международных резервных активов. Разделяя идеи Джу Ксяочюаня, авторы полагают,

что перспективы развития новых институтов напрямую связаны с финансово-экономическими возможностями участников. Совокупные золотовалютные резервы стран БРИКС велики (см. табл. 1) и практически в два раза превышают показатели стран «Группы 7». Данный факт значим в условиях обострения глобального финансового кризиса, когда развитые страны испытывают острый дефицит ресурсов для его преодоления и оттягивают на себя капиталы из развивающихся экономик. Кроме того, сопоставление совокупных резервов свидетельствует о масштабах проблемы «порчи» существующих мировых денег.

На формирование резервов стран БРИКС влияет состояние других разделов платежного баланса: счета текущих операций (СТО) и финансового счета (ФС). В целом анализ сальдо счета текущих операций (см. табл. 2) показал, что только РФ и КНР сохраняют его положительное значение, причем в России величина этого показателя снизилась. Сальдо текущих операций Бразилии, Индии и ЮАР отрицательно, а следовательно, сокращает официальные резервы этих стран.

Таблица 2
Состояние сто стран БРИКС,
млрд долларов США

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Бразилия	8,1	6,0	–11,6	–9,5	–22,6	–45,9	–54,7	–19,3
Россия	157,2	95,6	120,9	163,4	145,1	123,7	134,5	н.д.*
Индия	–74,4	–67,4	–91,0	–106,7	–136,1	–92,3	–67,2	н.д.*
Китай	348,8	220,1	223,0	181,9	231,8	235,4	284,0	н.д.*
ЮАР	–4,9	1,5	4,8	3,7	–5,1	–8,4	–6,6	–3,2

Примечание: *данные не представлены.
Источник: IMF, Balance of Payments and International Investment Position Statistics.

Детальный анализ сальдо счета текущих операций стран БРИКС (за более ранний период), проведенный Е. М. Петриковой [Петрикова, 2011], показал: 1) в странах БРИКС наблюдается повышение роли импорта по сравнению с экспортом; 2) имеет место отрицательное сальдо баланса услуг у России и Бразилии и положительное — у Китая и Индии; 3) выявлен отток капитала из стран БРИКС (за исключением Китая) в виде процентов за использованный капитал.

Таблица 3
Состояние финансового счета (СДК) стран БРИКС, млн долларов США

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Бразилия	26,1	–4,6	26,8	16,1	5,2	14,9	26,0	13,5
Россия	55,7	43,3	52,6	66,9	48,8	86,5	56,4	н.д.*
Индия	19,3	16,1	16,0	12,6	8,6	1,8	10,0	н.д.*
Китай	56,7	43,9	58,0	48,4	65,0	73,0	80,4	н.д.*
ЮАР	–2,1	1,3	–0,2	–0,2	2,9	6,5	7,7	5,1

Примечание: *данные не представлены.
Источник: IMF, Balance of Payments and International Investment Position Statistics.

Анализ динамики финансового счета стран БРИКС в целом согласуется с результатами с исследования В. Г. Кандалинцева (также относящегося к более раннему периоду), подтверждающими, что: 1) рассматриваемые страны являются нетто-получателями инвестиций (ЮАР перешла из категории доноров в реципиенты, начиная с 2012 г. — *прим. авторов*); 2) их инвестиционная привлекательность растет из-за присутствия факторов экономического роста — ёмких внутренних рынков, недорогой квалифицированной рабочей силы и значительных запасов природных ресурсов; 3) секторная структура поступающих инвестиций различна: приток проектов прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию и Китай носит индустриальный характер, а в Индию, Бразилию и ЮАР — постиндустриальный; 4) отраслевая структура исходящих инвестиций также неоднородна: для России и Китая характерно преобладание инвестиций в сырьевые отрасли, а для Индии — в обрабатывающие; 5) в оттоках средств преобладает инвестирование в соседние регионы с привлечением офшорных механизмов; качество бизнес-среды в соответствии с рейтингом ведения бизнеса неудовлетворительно, за исключением ЮАР [Кандалинцев, 2012, 85–95]. Таким образом, анализ прямых инвестиций свидетельствует скорее о благоприятных для наполнения официальных резервов тенденциях, то есть о потенциальной устойчивости обеспечения Пула условных валютных резервов. Динамика задолженности БРИКС, напротив, является менее благоприятной для будущей наполняемости валютных резервов: начиная с середины 2000-х гг. внешний долг всех стран-участниц увеличивается [Желуденко, 2012, 72–92].

Необходимо добавить, что в перспективе участницы Пула могут предоставлять друг другу свопы и в национальных валютах, учитывая, что Народный банк КНР заключил двусторонние своп-соглашения с 33 центральными банками, в том числе со всеми партнёрами по БРИКС, кроме Индии.

Таким образом, предпосылки для институционализации валютного сотрудничества стран БРИКС очевидны. В первую очередь, перспективы институционализации валютно-финансового сотрудничества зависят от КНР, чьи резервы превосходят вместе взятые резервы стран «Группы семи». Положительную роль в формировании резервов БРИКС, помимо внешней торговли КНР, играют положительное сальдо текущих операций КНР и РФ, а также продолжающийся приток финансовых ресурсов во все рассматриваемые страны.

2. Сравнительный анализ Пула валютных резервов БРИКС, МВФ и Чиангмайской многосторонней инициативы.

По итогам саммита БРИКС в Форталезе (2014 г.) подписано соглашение о создании Банка развития БРИКС и Пула валютных резервов [Лидеры БРИКС, 2014]. Договор о пуле условных валютных резервов стран БРИКС вступил в силу 30 июля 2015 г.; 7 июля 2015 года в Москве главы центральных банков БРИКС заключили соответствующее операционное соглашение. Пул валютных резервов БРИКС будет предоставлять своим членам стабилизационные кредиты (через свопы) для выравнивания их торговых балансов, а также для отражения атак спекулянтов на их национальные валюты. Капитал пула составит 100 миллиардов долларов, из которых 41 миллиард внесет Китай, по 18 миллиардов — Россия, Бразилия и Индия, оставшиеся 5 миллиардов предоставит Южно-Африканская Республика. При необходимости Китай сможет рассчитывать на помощь в размере половины от своего взноса, ЮАР — вдвое больше своего взноса, остальные страны получат не больше суммы, которую они внесли. Первоначальный валютный резерв предоставит эффективную защиту странам-участницам от кризисов на финансовом рынке. При этом 30 % располагаемой суммы распределяется независимым решением управляющих Пулом, а 70 % — только при наличии у занимающей страны помощи МВФ. Таким образом, Пул валютных резервов имеет комплементарный характер по отношению к прозападным валютно-финансовым институтам [Лидеры БРИКС, 2014].

Как отмечалось выше, валютно-финансовая повестка БРИКС тесно связана с МВФ: страны-участницы изначально ратовали за пересмотр квот и голосов в данной организации, затем учредили прямые аналоги Бреттон-Вудских институтов. Сравнивая Пул валютных резервов и МВФ

с точки зрения целей, можно отметить, что, несмотря на сходность сферы действия (стабилизация валютного курса), данные учреждения скорее несопоставимы.

Перед МВФ его учредителями изначально поставлен широкий круг стратегических задач, в том числе:

— способствовать развитию международного сотрудничества в валютно-финансовой сфере в рамках постоянного учреждения, обеспечивающего механизм для консультаций и совместной работы над международными валютно-финансовыми проблемами;
— содействовать расширению и сбалансированному росту международной торговли и за счет этого благоприятствовать достижению и поддержанию высокого уровня занятости и реальных доходов, а также развитию производительных ресурсов всех государств-членов, рассматривая эти действия как первоочередные задачи экономической политики;
— способствовать стабильности валют, поддерживать упорядоченный валютный режим среди государств-членов и избегать девальвации валют в целях получения преимущества в конкуренции;
— оказывать помощь в создании многосторонней системы расчетов по текущим операциям между государствами-членами, а также в устранении валютных ограничений, препятствующих росту мировой торговли;
— за счет временного предоставления общих ресурсов Фонда государствам-членам при соблюдении адекватных гарантий создавать у них состояние уверенности, обеспечивая тем самым возможность исправления диспропорций в их платежных балансах без применения мер, которые могут нанести ущерб благосостоянию на национальном или международном уровне;
— в соответствии с вышеизложенным, сокращать продолжительность нарушений равновесия внешних платежных балансов государств-членов, а также уменьшать масштабы этих нарушений.

Целью Пула валютных резервов является содействие участникам при возникновении или угрозе нарушения краткосрочного равновесия платежных балансов путем предоставления ликвидности и других способов поддержки[72]. Цели МВФ носят стратегический характер, причем уставом МВФ подчеркивается поддержка развития международной

[72] IMF, Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement // University of Toronto. Режим доступа: http://brics.itamaraty.gov.br/media2/press-releases/220-treaty-for-the-establishment-of-a-brics-contingent-reserve-arrangement-fortaleza-july-15.

Таблица 4
Финансовые параметры деятельности МВФ
и пула валютных резервов БРИКС (27.01.2016)

Показатель	МВФ	Пул валютных резервов БРИКС
Собственные средства, млрд долл.	659	100
Распределение квот, текущее	США — 17,6 %, Япония — 6,54 %, Германия — 5,65 %, Китай — 6,46 %, Индия — 2,78 %, Россия — 2,74 %	Китай — 41 %, Россия, Бразилия и Индия — по 18 %, ЮАР — 5 %

Источник: [IMF, Treaty for the Establishment of a BRICS Contingent Reserve Arrangement].

торговли. На этом фоне цели Пула имеют выраженный тактический характер.

М. Ю. Головнин и М. Бизивик, Н. Каттанео, Д. Фрайер [Головнин, 2012, с.42–56] прямо указывают на сходство Пула условных резервов БРИКС и Многосторонней инициативы Чианг Май, которая представляет собой соглашение о валютных свопах в рамках уже существующего интеграционного движения стран Юго-Восточной Азии и АСЕАН в расширенном формате «Плюс три»: Япония, КНР, Южная Корея, что стало логичным продолжением финансовой интеграции региона.

МИЧМ возникла после Азиатского финансового кризиса 1997 г. для решения региональных краткосрочных проблем с ликвидностью и содействия работе других международных финансовых механизмов и организаций помощи, в первую очередь МВФ. При этом опыт использования подобных инструментов в АСЕАН уже имелся, т.к. изначально в формате АСЕАН своп-линии формально действовали еще с 1977 года и по своей форме устраивали всех участников, особенно в части слабой институционализации[73]. Пул условных валютных резервов изначально заявлялся в формате соглашения, не преследуя глобальных целей, а его механизм во многом напоминает МИЧМ (см. табл. 5).

Сравнительный анализ Пула валютных резервов и МИЧМ продемонстрировал поразительную схожесть данных валютно-финансовых новообразований, функции которых содержательно сводятся к реали-

[73] Hill H., Menon J. (2012) Financial Safety Nets in Asia: Genesis, Evolution, Adequacy, and Way Forward. ADBI Working Paper 395, Tokyo: ADBI.

Таблица 5
Сравнительный анализ пула валютных резервов и МИЧМ

Пул условных валютных резервов	Многосторонняя инициатива Чианг Май
1. Управление	
Двухуровневая система управления: — Совет Управляющих (министры финансов и/или управляющие ЦБ) принимает принципиальные решения: принятие новых членов, пересмотр и изменение размеров взносов, используемые инструменты, характеристики свопов (лимит, длительность, количество возобновлений, ставки), условия их предоставления и возобновления; неплатежи и санкции; процент средств, связанных с МВФ в свопе; определение полномочий и функций Постоянного Комитета; — Постоянный Комитет (представители ЦБ) отвечает за исполнительный уровень: одобрение предоставления/ возобновления линий в случае существующих и потенциальных проблем с ликвидностью, в исключительных случаях определение освобождения от условий одобрения, мер безопасности и требуемых документов; одобрение запросов на получение наличных; наложение санкций в случае неисполнения обязательств.	Двухуровневая система управления: — Министерский орган управления (министры финансов стран АСЕАН+3) принимает фундаментальные решения: размер пула и взносов стран-участниц, распределение голосующих долей, членство, условия кредитования. — Исполнительный орган управления (назначенные представители министерств финансов и ЦБ) отвечает за исполнительные вопросы: одобрение / возобновление линий кредитования (своп-линий).
2. Голосование и принятие решений	
Все решения на уровне Совета Управляющих принимаются на основе консенсуса. Запросы в Постоянный Комитет по привлечению/ возобновлению своп-линий принимаются на основе простого большинства (50 %+1) голосующих долей, остальные вопросы — консенсусом.	Все решения на уровне Министерского органа управления принимаются на основе консенсуса. Решения на уровне Исполнительного органа управления принимаются 2/3 голосующих долей.

3. Распределение голосующих долей	
Китай — 40 %, Бразилия, Россия, Индия — по 18 %, Южная Африка — 6 %	Япония — 28,41 %, Китай (+Гонконг) — 28,41 %, Южная Корея — 14,77 %; страны АСЕАН — 28,41 %
4. Общий размер обязательств	
Первоначальный (действующий) размер взносов / обязательств 100 млрд $: Китай — 41 млрд $; Бразилия, Россия, Индия по 18 млрд $; Южная Африка — 5 млрд $.	Общий (действующий) размер 240 млрд $: Япония — 76,8 млрд $; Китай (+Гонконг) — 76,8 млрд $; Южная Корея — 38,4 млрд $; страны АСЕАН — 48 млрд $.
5. Лимит своп-линии	
Размер взноса в пул, умноженный на коэффициент: Китай — 0,5 (20,5 млрд $); Бразилия, Россия, Индия — 1,0 (18 млрд $); Южная Африка — 2 (10 млрд $).	Размер взноса в пул, умноженный на коэффициент: Япония — 0,5 (38,4 млрд $); Китай (+Гонконг) — 0,5 (38,4 млрд $); Южная Корея — 1 (38,4 млрд $); страны АСЕАН — коэффициенты от 2,5 до 5 (0,3–22,76 млрд $).
6. Инструменты	
Денежные инструменты — своп-линии, обеспечивающие поддержку в случае уже существующих краткосрочных неравновесий платежного баланса. Предупредительные инструменты — своп-линии, обеспечивающие поддержку в случае потенциальных краткосрочных проблем платежного баланса.	Стабилизационный фонд — основное средство (своп-линии), используемое для поддержки в случае краткосрочных проблем с ликвидностью платежного баланса. Предупредительная линия — новое средство (своп-линии), призванное упростить процедуру получения поддержки для экономик с надежными экономическими показателями.
7. Привязка к МВФ	
30 % от максимально возможного размера свопа предоставляется при соответствии условиям ПУВР (не связанная с МВФ часть); 70 % — при наличии действующего соглашения с МВФ о предоставлении обусловленного финансирования (связанная с МВФ часть).	30 % от максимально возможного размера свопа предоставляется при соответствии условиям МИЧМ (не связанная с МВФ часть); 70 % — при наличии действующего соглашения с МВФ о предоставлении обусловленного финансирования (связанная с МВФ часть).

8. Максимальный срок своп-линии	
Не связанная с МВФ часть: — для денежных инструментов — 6 мес. с максимальным продлением 3 раза — до 24 мес.; — для предупредительных инструментов — 6 мес. без возможности продления с доступом к линии 6 мес. и максимальным продлением 3 раза — до 24 мес. Связанная с МВФ часть: — для денежных инструментов — 12 мес. с максимальным продлением 2 раза — до 36 мес.; — для предупредительных инструментов — 12 мес. без возможности продления с доступом к линии 12 мес. и максимальным продлением 2 раза — до 36 мес.	Не связанная с МВФ часть: — для стабилизационного фонда — 6 мес. с максимальным продлением 3 раза — до 24 мес.; — для предупредительной линии — 6 мес. с максимальным продлением 3 раза — до 24 мес. Связанная с МВФ часть: — для стабилизационного фонда — 12 мес. с максимальным продлением 2 раза — до 36 мес.; — для предупредительной линии — 12 мес. с максимальным продлением 1 раз — до 24 мес.
9. Процедура предоставления	
— Запрашивающая сторона должна связаться с Координатором и обозначить в своем запросе, каким инструментом хочет воспользоваться (денежный или предупредительный инструмент), необходимую сумму и дату предоставления; — Запрашивающая сторона должна предоставить соответствие мерам безопасности (ст.14 Соглашения). — После получения извещения собирается Постоянный Комитет для голосования — решение должно быть принято в течение 7 дней. — После одобрения своп-линия активизируется в срок, оговоренный в меж-ЦБ соглашении. — Для продления свопа запрашивающая сторона должна уведомить Постоянный Комитет как минимум за 14 дней до истечения срока своп-соглашения при использовании денежного инструмента, за 7 дней при использовании предупредительного инструмента.	— Запрашивающая сторона направляет Координирующей стране запрос на своп-покупку долларов США в обмен на свою валюту. — Координирующая страна передает запрос в Исполнительный орган и собирает встречу, на которой решается одобрение своп-линии. — При одобрении активизируется двусторонние свопы между предоставляющими сторонами и запрашивающей стороной в соответствии с условиями МИЧМ. — Все требуемые решения должны быть приняты в течение 14 дней от момента получения запроса.

зации превентивных и защитных мер в части недопущения разрастания макроэкономических дисбалансов. Логика функционирования данных институтов также во многом совпадает как инструментально (в качестве ключевых инструментов, позволяющих профинансировать дефицит валютной ликвидности, используются многосторонние своп-линии), так и организационно и процедурно, не исключая, разумеется, незначительных расхождений. Более того, отмечается координация действий Пула валютных резервов и ИЧММ с МВФ, в частности через механизмы связанных своп-линий. Причем, аргументация в пользу сотрудничества с МВФ сводится к отсутствию как у АСЕАН+3, так и у стран БРИКС достаточного опыта финансового мониторинга и оценки кризисных ситуаций, позволяющих отследить и дифференцировать неплатежеспособность страны потенциального заемщика и краткосрочные проблемы с валютной ликвидностью [Sussangkarn, 2011, 203–220]. Не стоит забывать о сомнительной (в случае Пула — потенциальной) эффективности и малом масштабе проведенных своп-операций: даже в момент мирового финансового кризиса 2008 года страны Юго-Восточной Азии предпочитали обращаться за помощью напрямую в ФРС США или к Народному банку Китая. Для МИЧМ подобное объяснялось отсутствием определенной транспарентности в реализации двухсторонних своп-соглашений. Лишь ее последующая модификация в многосторонний формат валютно-финансового сотрудничества и создание единого резервного фонда позволило значительно упростить получение необходимой валютной ликвидности.

Наконец, любопытной деталью является участие в Пуле валютных резервов и МИЧМ стран, обладающих значительным запасом золотовалютных резервов, к примеру, Китая. Спекулятивные атаки на финансовые рынки Китая не увенчались успехом благодаря предпринятым со стороны денежных властей КНР валютным и, в некоторой степени, словесным интервенциям, а также валютным ограничениям. Маловероятно, что кооперация КНР в рамках Пула валютных резервов и МИЧМ сводится к выполнению лишь функций страны-кредитора, — скорее всего, учитывая современную специфику использования своп-линий, в данном случае все отчетливее просматривается аспект нарастающей внешнеторговой экспансии. Однако трансформация рассматриваемых многосторонних режимов обеспечения валютной стабильности в сторону институциональной завершенности позволит сгладить выявленные противоречия, хотя потребует большей вовлеченности участников.

Результаты исследования. Одним из ключевых пунктов взаимодействия стран БРИКС, рассмотренного авторами, является сотрудниче-

ство в валютно-финансовой сфере. Кризисные явления, наблюдаемые в условиях глобального финансово-экономического кризиса, в настоящее время проверяют на прочность устойчивость мировой валютной системы, в первую очередь в сегменте поддержания стабильности обменных курсов в краткосрочном периоде. Необходимость повышения эффективности коллективных инициатив анализируемого неформального объединения в данной области привели к созданию собственных специальных механизмов и институтов, что отличает БРИКС от других составляющих «супертриады» экономического управления: «Группы семи/восьми» и «Группы двадцати». Это свидетельствует о взаимопонимании среди стран-участниц в отношении проблем в сфере взаимодействия с международными валютно-финансовыми организациями и опосредовано — с лидерами Запада. В случае успеха учрежденного странами БРИКС Банка развития и достигнутого, введенного в действие Соглашения о Пуле условных валютных резервов число представителей развивающегося мира, присоединившихся к данным инициативам, может возрасти. В итоге будет реализована основная идея инициатив и предложений стран БРИКС, направленная на придание мировой валютной системе многополярного характера.

Перспективы сотрудничества стран БРИКС зависят от действия ряда позитивных и негативных факторов

Анализ результатов. Среди факторов положительного влияния можно выделить:

1. общность экономических проблем и объективные потребности роста, развития, модернизации, сближающие страны;
2. положительный опыт самостоятельного, без вмешательства и диктата промышленно развитых стран, взаимовыгодного финансового и экономического сотрудничества стран-участниц БРИКС;
3. хорошая обеспеченность стран ключевыми для мирового развития ресурсами: Бразилия богата сельскохозяйственной продукцией, Россия имеет крупнейшие запасы природно-минеральных ресурсов, Индия обладает дешевыми интеллектуальными ресурсами, Китай обладает дешевыми трудовыми ресурсами;
4. отражение в развитии БРИКС новых методов реализации многосторонней дипломатии: в отношениях стран преобладает типологическая сопоставимость, сходство позиций по основным пунктам международной повестки дня, стремление показать пример ответственного лидерства развивающемуся миру [Головнин, 2012,42–56; Гришаева, 2012, с.6–28; Луков, 2012, с.11–16; Петрикова, 2011, 29–43; мнения авторов].

К негативным факторам, затрудняющим развитие объединения, можно отнести:

1. наблюдаемую разнородность цивилизационных основ стран БРИКС: государства-участники объединения находятся на разных фазах цивилизационного развития: Бразилия, Индии и Китая — в восходящей фазе, Россия — в нисходящей;
2. наличие конкуренции и соперничества внутри БРИКС, противоречия со странами Запада;
3. отсутствие доверия со стороны западных обществ, считающих объединение конъюнктурным, связанным с необходимостью приложения совместных усилий для решения глобальных проблем и выходом из финансово-экономического кризиса;
4. слабость экономических систем стран, обусловленная зависимостью от конъюнктуры мировых цен сырье, низким внутренним спросом и неспособностью национальной промышленности его обеспечить, слабостью финансовых систем и отсутствием в экономике «длинных» денег;
5. слабая связанность стран с точки зрения мирохозяйственных связей из-за разных масштабов экономики и географической удаленности стран [Арапова, 2015, с.33–40; Головнин, 2012, 42–56; Гришаева, 2012, с.6–28; Луков, 2012, с.11–16; Петрикова, 2011, с. 29–43].

Заключение. Таким образом, несмотря на организационную гибкость и неформальный характер объединения, БРИКС может успешно решать задачи продвижения общих внешнеполитических интересов, развития стратегического партнерства между входящими в него странами, балансирования западного влияния в мировой политике и экономике. С определенной уверенностью можно утверждать, что реализация валютно-финансовых инициатив БРИКС будет осуществляться с учетом двойственности траектории развития отношений со странами Запада — режима кооперации и режима вызова, поскольку по своей природе БРИКС — уже глобальный, а не региональный многосторонний формат, который, с одной стороны, отвечает целям прозрачности международного взаимодействия, санкционированным развитыми странами, с другой — слишком амбициозен, чтобы не создавать климат конкуренции и передела сфер влияния. Успех БРИКС важен как в цивилизационном смысле, так и в отношении политических институтов и предпочтений, поскольку на данную группу и ее инициативы возлагаются значительные надежды в отстаивании интересов и формировании повестки развития стран Третьего мира в противостояниях между Севером и Югом.

Литература

1. Арапова Е. Я. (2015а) Система двусторонних валютных своп-соглашений: в поисках перспективных партнёров России в Восточной Азии // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 10 (244). С. 33–40.
2. Головнин М. Ю. (2012) Страны БРИКС и реформирование мировой валютно-финансовой системы // Мир перемен. № 4. С. 42–56.
3. Гришаева Л. Е. (2012) БРИКС и роль России в глобальном партнерстве // Экономический журнал. Т. 27. № 3. С. 6–28.
4. Желуденко Е. П. (2012) Внешняя задолженность стран БРИКС // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 4. №1 (7). С. 72–92.
5. Кандалинцев В. Г. (2012) Страны БРИКС в потоках прямых иностранных инвестиций // Восточная аналитика. № 3. С. 85–95.
6. Красавина Л. Н. (2014) Концептуальные подходы к проблеме модернизации международных валютных, кредитных, финансовых отношений России в аспекте современных мировых вызовов // Деньги и кредит. № 10. С. 45–52.
7. Кучукова Н. К. (2012) О глобальных проблемах мировой валютно-финансовой системы и путях их решения // Деньги и кредит. № 5. С. 58–61.
8. Лидеры БРИКС (2014) Форталезская декларация, 15 июля. Режим доступа: http://www.brics.mid.ru/ brics.nsf/WEBsamBric/C9903DE836DEDC0244257D17002A789F (дата обращения: 13.04.2016).
9. Луков В. Б. (2012) Экономики БРИКС взаимодополняют друг друга, и это дает хорошую базу для развития многостороннего экономического сотрудничества // Индекс безопасности. Т. 18. № 2 (101). С. 11–16.
10. Петрикова Е. М. (2011) Тенденции развития платежного баланса и международной инвестиционной позиции стран БРИКС // Финансы и кредит. № 29 (461). С. 29–43.
11. Хейфец Б. А. (2012) Глобальные дисбалансы и реформа мировой валютно-финансовой системы // Деньги и кредит. № 7. С. 48–56.
12. Robinson W. (2015) The transnational state and the BRICS: a global capitalism perspective. *Third World Quarterly*, no 36:1, pp. 1–21.
13. Thakur R. (2014) How representative are brics? *Third World Quarterly*, no 35:10, pp. 1791–1808.
14. Sussangkarn C. (2011) Chiang Mai Initiative multilateralization: Origin, development and outlook. *Asian Economic Policy Review*, no 6, pp. 203–220.

RUSSIA AND BRICS IN THE CONTEXT OF REFORMING THE GLOBAL MONETARY SYSTEM

Elena Livanova, Nadezhda Elizarova, Vyacheslav Ovchinnikov

Abstract. *The authors analyze the potential of the recently established BRICS Contingent Reserve Arrangement (CRA) in the structure of the monetary interna-*

tional monetary system. Initially, the authors identify key problems of the modern monetary system directly or indirectly led to the development of alternative tools of the mutual country assistance designed for the states of emergency concerning the international reserves. The authors reveal that the current trends in international cooperation are determined, first, by the ongoing global economic stagnation and, second, by the transformation of the role of developing countries in the contemporary system of international relations due to the alignment of their political and economic potential to the developed countries forces. More, an evaluation of the BRICS countries official currency reserves dynamics indicates that the established foreign reserves pool, mainly due to Chinese resources, would able to assist member countries in case of shortages of international liquidity. The comparison of the CRA and the International Monetary Fund has demonstrated a certain incommensurability between two institutions, since the IMF was initially designed to resolve broader tasks primarily related to support world trade and to promote liberalization of the system international payments on current, and later, capital operations while the CRA serves clearly short-term narrow purposes. The swap agreements under the Chiang Mai Initiative are more similar to the BRICS currency swap mechanism and can be used as an example concerning the evaluation of the CRA potential. The analysis of the Chiang Mai Multilateralization Initiative endeavor has shown that the effectiveness of this type of international monetary cooperation depends in a large extent on the level of institutionalization of cooperation regarding the legal mechanisms guaranteeing the execution of obligations by borrowing countries and the creation of monitoring body in a way realized by the IMF. Thus, the predictions for the Contingency Reserve Arrangements development can be positive if member countries would manage to avoid mistakes done by other international monetary institutions.

Keywords: *BRICS, Contingency Reserve Arrangements, IMF, Chiang Mai Multilateralization Initiative, International Monetary System*

References

1. Arapova E.Ja. (2015a) The system of bilateral currency swap agreements: in search of promising Russian partners in East Asia [The system of bilateral currency swap agreements: in search of promising Russian partners in East Asia]. *Finansovaja analitika: problemy i reshenija*. 10 (244). C. 33–40.
2. Golovnin M.Yu. (2012) Strany BRIKS i reformirovanie mirovoi valyutno-finansovoi sistemy [The BRICS and reformation of the global financial system]. *Mir peremen*, no 4, pp. 42–56.
3. Grishaeva L. E. (2012) BRIKS i rol' Rossii v global'nom partnerstve [The BRICS and the role of Russia in the global partnership]. *Ekonomicheskii zhurnal*, vol. 27, no 3, pp. 6–28.

4. Zheludenko E. P. (2012) Vneshnyaya zadolzhennost' stran BRIKS [External debt of the BRICS]. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyi zhurnal*, vol. 4, no 1, pp. 72–92.
5. Kandalintsev V. G. (2012) Strany BRIKS v potokakh pryamykh inostrannykh investitsii [The BRICS in the flows of foreign direct investment]. *Vostochnaya analitika*, no 3, pp. 85–95.
6. Krasavina L. N. (2014) Kontseptual'nye podkhody k probleme modernizatsii mezhdunarodnykh valyutnykh, kreditnykh, finansovykh otnoshenii Rossii v aspekte sovremennykh mirovykh vyzovov [Conceptual approaches to the problem of upgrading the international monetary, credit and financial relations of Russia in the aspect of the modern world challenges]. *Den'gi i kredit*, no 10, pp. 45–52.
7. Kuchukova N. K. (2012) O global'nykh problemakh mirovoi valyutno-finansovoi sistemy i putyakh ikh resheniya [About the global challenges of the world financial system and their solutions]. *Den'gi i kredit*, no 5, pp. 58–61.
8. Lidery BRIKS (2014) Fortalezskaja deklaracija [Fortaleza Declaration]. July, 15. Available at: http://www.brics.mid.ru/ brics.nsf/WEBsamBric/C9903DE836DEDC0244257D17002A789F (accessed: 13.04.2016).
9. Lukov V. B. (2012) Ekonomiki BRIKS vzaimodopolnyayut drug druga, i eto daet khoroshuyu bazu dlya razvitiya mnogostoronnego ekonomicheskogo sotrudnichestva [Economies of the BRICS complement each other, and it provides a good basis for the development of multilateral economic cooperation]. *Indeks bezopasnosti*, vol. 18, no 2, pp. 11–16.
10. Petrikova E. M. (2011) Tendentsii razvitiya platezhnogo balansa i mezhdunarodnoi investitsionnoi pozitsii stran BRIKS [Trends in the development of the balance of payments and international investment position of the BRICS]. *Finansy i kredit*, no 29, pp. 29–43.
11. Kheifets B. A. (2012) Global'nye disbalansy i reforma mirovoi valyutno-finansovoi sistemy [Global imbalances and reform of the global monetary and financial system]. *Den'gi i kredit*, vol. 7, pp. 48–56.
12. Robinson W. (2015) The transnational state and the BRICS: a global capitalism perspective. *Third World Quarterly*, no 36:1, pp. 1–21.
13. Thakur R. (2014) How representative are brics? *Third World Quarterly*, no 35:10, pp. 1791–1808.
14. Sussangkarn C. (2011) Chiang Mai Initiative multilateralization: Origin, development and outlook. *Asian Economic Policy Review*, no 6, pp. 203–220.

Информация об авторах
Ливанова Елена Юрьевна
доцент кафедры мировой экономики и региональных рынков

Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат экономических наук; Российская Федерация

E-mail: elli1@bk.ru

Елизарова Надежда Константиновна

ассистент кафедры мировой экономики и региональных рынков Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; Российская Федерация

E-mail: nkeliz@yandex.ru

Овчинников Вячеслав Николаевич

ассистент кафедры мировой экономики и региональных рынков Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; Российская Федерация

E-mail: robinzara@mail.ru

Elena Y. Livanova, Associate Professor at the School of World Economy and Regional Markets, Institute of Economy and Entrepreneurship, Lobachevsky Nizhniy Novgorod National Research State University, PhD in Economics; Russian Federation

E-mail: elli1@bk.ru

Nadezhda K. Elizarova

Assistant at the School of World Economy and Regional Markets, Institute of Economy and Entrepreneurship, Lobachevsky Nizhniy Novgorod National Research State University, Russian Federation

E-mail: nkeliz@yandex.ru

Vyacheslav N. Ovchinnikov

Assistant at the School of World Economy and Regional Markets, Institute of Economy and Entrepreneurship, Lobachevsky Nizhniy Novgorod National Research State University, Russian Federation

E-mail: robinzara@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ РЕВЕРСА ГАЗА НА УКРАИНУ: БУДУЩЕЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ЕЕ ТОРГОВЫМИ ПАРТНЕРАМИ И ДРУГИЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ С ЭТИМ СВЯЗАННЫЕ

Р. МУРГАШ

Аннотация. *Россия, несомненно, является ведущей мировой державой в сфере энергетики, более того, важным нетто-экспортером природного газа в страны Европейского Союза. В связи с этим фактом проблема реверса газа на Украину, ее значение и возможные последствия для дальнейшего развития современных международных отношений в сфере энергетики между Российской Федерацией (экспортером газа) — Украиной (транзитной страной) — и Европейским Союзом (импортером сырья) является в нынешнее время достаточно актуальной. В связи с фактом, что данная проблема непосредственно касается положений «Третьего энергетического пакета», таких как «Регламент о доступе к газовым сетям № 715/2009», новейших норм Украины, разрешающих виртуальный реверс газа (Закон Украины «О внесении изменений в Таможенный кодекс Украины по созданию предпосылок для новой модели рынка природного газа №. 3074» и Закон Украины «О рынке природного газа»), взаимной солидарности стран, входящих в состав Энергетического Сообщества, и рамочной стратегии под названием «Европейский энергетический союз», необходимо будет проанализировать в статьи все релевантные документы, касающиеся рассматриваемой проблемы, что впоследствии, позволит лучше понять связь между отдельными элементами. Поскольку тема сложная и малоисследованная, для ее тщательного анализа необходимо будет правильно объяснить сам термин «реверс газа» и суть различий между его двумя вариантами — «физическим» и «виртуальным» реверсом. Для иллюстрации взаимосвязи между отдельными элементами настоящей статьи автор вкратце опишет так называемые «газовые войны» и расскажет об их последствиях, одними из которых*

стали проекты газопроводов, в том числе «Турецкий поток», «Северный поток — 2» и «Южный поток». В заключение статьи автор, обобщив все рассматриваемые факторы, сделает выводы.

Ключевые слова: *«реверс газа», «виртуальный реверс газа», транзит газа, Украина, Европейский Союз*

Теоретические основания исследования. Под термином «реверс газа» подразумевается, во-первых, газотранспортная услуга, которая предполагает движение газа от пункта приема-передачи газа, называемого и «балансовый пункт» (a point of receipt), до пункта поставки газа (a point of delivery) таким образом, что договорное направление движения по трубопроводу осуществляется в направлении, противоположном направлению потока газа. Английский перевод данного вида реверса газа — «physical backhaul» означает, что речь идет о настоящем, реальном или физическом течении сырья. Другая дефиниция объясняет термин как операцию или сделку, которая приводит к движению газа в направлении, противоположном обычному направлению потока в трубопроводе. [Bahadori, 2014, с. 31]

С другой стороны, английское название *«виртуального реверса газа» — non-physical backhaul* означает, что течение сырья в газопроводе не происходит. Речь идет, однако, об одностороннем потоке газа в трубе, из общего объема которого часть покупается транзитным государством перед тем, как доходит к его конечному покупателю, и остается на территории этого транзитного государства.

Исследование: основная часть. Разногласия в треугольнике Европейский Союз, Российская Федерация и Украина возникают именно в связи с виртуальным реверсом. Поэтому, необходимо объяснить роль некоторых положений «Третьего энергетического пакета», новейших норм Украины, разрешающих виртуальный реверс газа, документов, регламентирующих транзит газа через территорию Украины, а также т.н. пункта о взаимной солидарности стран, входящих в состав Энергетического Сообщества.

Для начала следует обратить внимание на Третий энергетический пакет, прежде всего на *«Регламент о доступе к газовым сетям № 715/2009»* [Регламент № 715/2009, 2009, с. 45] (далее — Регламент № 715/2009). По мнению экспертов, *«виртуального реверса газа»* касаются в данном документе ст. 14, под названием *«Услуги доступа третьих лиц в отношении операторов газотранспортных систем»* и ст. 16 — *«Принципы механизмов распределения мощностей и процедуры управления перегрузками в отношении операторов газотранспортных систем»*. Обобщив все относящиеся к теме статьи пункты, можно сказать, что от

государства-члена Европейского Союза требуется предлагать реверсные, в том числе и виртуальные, поставки газа в том случае, если такое государство не может обеспечить двустороннюю физическую емкость газа, обеспечивающую поток газа в обоих направлениях.

Украинские власти уже стали вырабатывать нормы, которые подстраиваются под положения «Третьего энергетического пакета» и соблюдают его требования. Закон Украины *«О рынке природного газа»* [ЗУ №329-VIII, 2015, с. 21–52] имплементирует Директиву 2009/73/ЕС об общих правилах внутреннего рынка природного газа и об отмене Директивы 2003/55/ЕС; Регламент № 715/2009 и Директиву 2004/67/ЕС об осуществлении мер для обеспечения безопасности снабжения природного газа, и так же положения о региональном сотрудничестве / солидарности со странами, входящими в состав «Энергетического Сообщества» в случае сбоев в поставках газа в одно из государств-членов или в Украину (ст. 10 п. 1); о свободном доступе третьих лиц к газотранспортной системе (ст. 9 п. 1); о независимости *«ОГС»* (ст. 23 п. 1), или пункт об «unbundling»[74] — юридической и организационной независимости *«ОГС»* от добычи или снабжения на рынке природного газа (ст. 39, п. 1,2).

Другим законом, фактически позволяющим виртуальный реверс газа, стал Закон Украины *«О внесении изменений в Таможенный кодекс Украины по созданию предпосылок для новой модели рынка природного газа №. 3074»*[75] от 6 марта 2016 года. Этот документ, также называемый и законом *«о виртуальном реверсе газа»*, дал Украине право замещения газа на определенном газопроводе без необходимости его получения на конкретных трансграничных пунктах на основе *коммерческих контрактов на поставку газа* и *соглашений операторов газотранспортных систем о подключении* (interconnection agreements of TSOs). [Ukraine's Gas Sector Reform, 2016, с. 4]

Важным аспектом здесь выступает, несомненно, и новая рамочная стратегия Европейского Союза под названием *«Европейский энергетический союз»*, поэтому следует также пояснить данное понятие:

Новая рамочная стратегия Европейского Союза под названием «Европейский энергетический союз» [A Framework Strategy, 2015, с. 3–21] (European Energy Union, далее — «ЕЭС»), представленная Европейской

[74] Официальный сайт Энергетического Сообщества. URL: Официальный сайт Энергетического Сообщества. URL: https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/AREAS_OF_WORK/Implementation/Ukraine/Gas (дата обращения 28.12.2016).

[75] Официальный веб-портал Верховной Рады Украины. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56442. (дата обращения: 26.12.2016).

комиссией 25 февраля 2015 года, намерена воплотить в жизнь 28-ми стран-членов ЕЭС пять целей, которые должны построить новую общую европейскую энергетическую политику. [Кулагин, 2015, с. 47] В список пяти выше упомянутых целей входят (1) создание единой европейской энергетической инфраструктуры путем соединения отдельных энергетических инфраструктур стран-членов Европейского Союза, соблюдения законодательства и повышения конкуренции для понижения затрат для граждан и бизнеса и стимулирования роста; (2) работа над предотвращением дефицита энергии, диверсификацией источников импорта энергоносителей и обеспечением единого европейского голоса в переговорах, для улучшения энергетической безопасности Европейского союза; (3) помощь в мобилизации дополнительных инвестиций в энергосети, установки возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и в другие объекты энергетической инфраструктуры; (4) повышение энергоэффективности, особенно для зданий, с обязательной целью сократить к 2030 году потребление энергии на 30 %; и (5) координация усилий Комиссии для достижения климатических и энергетических целей Европейского Союза к 2020 и 2030 годам[76]. Становление «Европейского энергетического союза» может серьезно повлиять не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику стран Европейского Союза, что уже можно наблюдать в связи с так называемыми *«Регламентами РЕМИТ»*. Эти инициативы, появившиеся в 2011 и 2014 годах, ставят перед собой задачу повышения энергетической безопасности Европейского Союза путем контроля и мониторинга энергетического рынка Союза, воплощая в жизнь, таким образом, вторую цель «ЕЭС».

Для полноты картины об отношениях в треугольнике и их дальнейшем развитии стоит вкратце упомянуть так называемые «газовые войны».

Началом первой газовой войны можно считать 1 января 2006 года. В этот день «Газпром» прекратил поставлять газ на Украину из-за ее высокого долга. Ответом при этом стал несанкционированное удержание Украиной газа, предназначенного для транзита в страны Европейского Союза, и увеличение «Газпромом» стоимости газа для Украины с 50 до 95 долларов за тысячу кубических метров. Вторая газовая война 2008–2009 годов также возникла из-за долга украинской компании «Нафтогаз» и ответных мер российской компании «Газпром». [Мотяшов, 2014, с. 139–147]

---

[76] Официальный сайт Еврокомиссии. URL: https://ec.europa.eu/priorities/energy-union-and-climate_en (дата обращения: 04.01.2017).

Имиджевые и финансовые потери сторон конфликта, однако, не являются важнейшими последствиями выше перечисленных «войн». Намного серьезнее стало следующее: с одной стороны Европейский Союз почувствовал себя уязвимым и решил принять меры для повышения своей энергетической безопасности и, с другой стороны, Россия решилась на поиск обходных Украину путей для поставок природного газа в страны Евросоюза из-за отсутствия доверия в надежность транзита ресурсов через территорию Украины. Все стороны так же осознали важность и необходимость выстраивания трехсторонних отношений для решения вопросов в сфере энергетики.

Множество выше перечисленных факторов может оказать серьезное влияние на состояние нынешних межгосударственных отношений в сфере энергетики, более того может привести к появлению новых путей поставок энергоресурсов или изменению транзитного статуса некоторых государств. Подтверждением выше описанного сценария можно считать подписание 10 октября 2016, после нормализации отношений между Россией и Турцией, межправительственного соглашения о строительстве газопровода *«Турецкий поток»*. Речь идет о строительстве двух нитей газопровода по дну Черного моря, мощностью 15,75 млрд куб. м. каждая. Абсолютным собственником морского участка протяженностью около 900 километров является компания *«ПАО Газпром»*. Одна ветвь газопровода предназначена для поставок в Турцию, вторая — для транзита в страны Европы. Сухопутный участок трубопровода будет построен турецкой компанией *«Botas Petroleum Pipeline Corporation», которой и будет принадлежать.* Компании рассчитывают, что строительные работы будут длиться с начала 2018 года до декабря 2019 года[77].

Вторым фактором, который может повлиять на изменение поставок газа в страны Европейского Союза, может стать проект газопровода *«Северный поток — 2»*.

Две ветки нового экспортного газопровода, который должен быть проложен по дну Балтийского моря параллельно с *«Северным потоком»* должны «обеспечить высокую надежность поставок российского газа в Европу». Соглашение акционеров по созданию *«Северного потока — 2»* было подписано 4 сентября 2015 года между *«ПАО Газпром», BASF/Wintershall, ENGIE, Uniper, OMV* и *Shell*, и предполагает строительство двух линий протяженностью около 1200 километров и мощностью

[77] Проект «Турецкий поток». URL: http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/built/turk-stream/ (дата обращения: 04.01.2017).

55 млрд куб. м газа в год. Так же, как и в случае «Турецкого потока», газопровод *«Северный поток — 2»* должен быть запущен в эксплуатацию в конце 2019 года[78].

Третьим проектом, который был предложен компанией *«ПАО Газпром»,* является газопровод *«Южный поток»*. Это проект газопровода, который предназначен для соединения России и Болгарии по дну Черного моря общей мощностью 63 млрд куб газа в год. Проект был приостановлен Европейской Комиссией в 2014 году из-за положений «Третьего энергетического пакета», не позволяющих одной и той же компании владеть трубопроводом и одновременно поставлять сырье. Однако, летом 2016 года Болгария выразила намерение вернуться к этому проекту (возможно из-за соглашений о строительстве «Турецкого потока» между Россией и Турцией). И хотя Президент Российской Федерации В. В. Путин в августе прошлого заявил, что проект *«вполне возможен в случае железобетонных гарантий для России»*[79], пресс-секретарь российского президента Д. Песков 14 ноября 2016 года сказал, что *«перспективы возрождения проекта «Южный поток» минимальны»*[80].

Результаты исследования. На основе глубокого анализа выше описанной проблематики можно констатировать следующее:

Реверсные поставки газа на Украину представляют собой временную (и довольно корявую) схему, кардинально не решающую проблему.

А) Физические реверсные потоки газа на Украину с территории государств-членов ЕС вопросов не вызывают, если соблюдены все договоренности контракта между поставщиком и покупателем ресурсов.

Б) Относительно реверса газа существуют следующие точки зрения: 1) Россия не выступает против поставок голубого сырья на основе физического реверса в случае, если оно пересекло западную границу Украины и, таким образом, уже не является собственностью РФ, но выступает против виртуального реверса. 2) Объединенная точка зрения ЕС и Украины гласит, что виртуальный реверс возможен благодаря нормам Третьего энергетического пакета. Сюда относятся некоторые положения *Регламента № 715/2009*, Закон

[78] Проект «Северный поток — 2». URL: http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/built/nord-stream2/ (дата обращения: 04.01.2017).

[79] Российская Газета RG.RU. URL: https://rg.ru/2016/08/09/reg-szfo/vladimir-putin-nazval-usloviia-vozobnovleniia-iuzhnogo-potoka.html (дата обращения: 04.01.2017).

[80] Сайт Тэкноблог. URL: http://teknoblog.ru/2016/11/14/71069 (дата обращения: 04.01.2017).

Украины *«О рынке природного газа»* и Закон Украины *«О внесении изменений в Таможенный кодекс Украины по созданию предпосылок для новой модели рынка природного газа №. 3074»*. Кроме того, это общее мнение подкрепляется необходимостью солидарности друг с другом стран-членов «Энергетического Сообщества» и новой рамочной стратегией ЕС — «ЕЭС». Решение проблемы на сегодняшний день отсутствует. 3) Существует и совместное предложение Украины и Российской Федерации о переносе пункта приема-передачи газа с западной на восточную границу Украины, но Европейский Союз, пока по поводу данного предложения окончательно не высказался.

Анализ результатов. Необходимо отметить, что сегодня сложно делать прогнозы о будущем статуса Украины как транзитной страны, но все выше перечисленные проблемы, и в настоящей статьи описанные проекты газопроводов, могут значительно уменьшить потоки российского газа через территорию Украины в страны Европы. Конечно, крайне рано говорить о том, сбудется ли выше описанный сценарий или нет.

Заключение. Тем не менее, можно предположить, что новая рамочная стратегия — *«Европейский энергетический союз»* (не только) с ее намерениями объединения европейской энергетической инфраструктуры, диверсификации источников импорта энергоносителей, и общего повышения энергетической безопасности государств-членов, вместе с окончательным осуществлением таких планированных проектов как, например, *«Северный поток — 2»*, *«Турецкий поток»,* или *«Южный поток»* могли бы наглядно отразиться на положении ряда стран Восточной Европы, и статусе Турции, Болгарии и Украины в энергетической сфере.

Литература

1. Кулагин В. А. Газовый рынок Европы: утраченные иллюзии и робкие надежды / Под ред. В. А. Кулагина, Т. А. Митровой; НИУ ВШЭ — ИНЭИ РАН. Москва, 2015. С. 47.
2. Закон Украины «О рынке природного газа» от 9 апреля 2015 N 329-VIII / ЗУ №329-VIII від 09.04.2015. Про ринок природного газу. [Электронный ресурс]. URL: http://yurist-online.org/laws/zakon/zu_o_rynke_gaza.pdf (дата обращения: 21.12.2016).
3. Мотяшов В. П. Газ и геополитика: шанс России. Москва: ЛЕНАНД, 2014. С. 159.
4. Официальный веб-портал Верховной Рады Украины. [Электронный ресурс]. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56442 (дата обращения: 26.12.2016).

5. Официальный сайт Еврокомиссии. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/priorities/energy-union-and-climate_en (дата обращения: 04.01.2017).
6. Официальный сайт Энергетического Сообщества. [Электронный ресурс]. URL: https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/AREAS_OF_WORK/Implementation/Ukraine/Gas (дата обращения 28.12.2016).
7. Проект «Северный поток — 2». [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/built/nord-stream2/ (дата обращения: 04.01.2017).
8. Проект «Турецкий поток». [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/built/turk-stream/ (дата обращения: 04.01.2017).
9. Регламент (ЕС) No 715/2009 от 13 июля 2009 года об условиях доступа к сетям транспортировки природного газа и отменяющий Регламент (ЕС) No 1775/2005. [Электронный ресурс]. URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:211:0036:0054:en:PDF (дата обращения: 04.01.2017).
10. Российская Газета RG.RU. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2016/08/09/reg-szfo/vladimir-putin-nazval-usloviia-vozobnovleniia-iuzhnogo-potoka.html (дата обращения: 04.01.2017).
11. Сайт Тэкноблог. [Электронный ресурс]. URL: http://teknoblog.ru/2016/11/14/71069 (дата обращения: 04.01.2017).
12. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. [Электронный ресурс]. URL: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4–11e4-bbe1–01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 01.01.2017).
13. Bahadori A. Dictionary of Oil, Gas, and Petrochemical Processing / A.Bahadori, Ch.Nwahoa, W. Clark. Boca Raton: CRC Press, 2014. C. 31.
14. The Commission Implementing Regulation (EU) No. 1348/2014 of 17 December 2014 on data reporting implementing Article 8(2) and Article 8(6) of Regulation (EU) No 1227/2011 of the European Parliament and of the Council on wholesale energy market integrity and transparency (REMIT Implementing Regulation). [Электронный ресурс]. URL: http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R1348&from=EN(дата обращения: 02.01.2017).
15. Ukraine's Gas Sector Reform: A Future Win-Win for Ukraine and Europe. Dixi Group Analytics on Duty. [Электронный ресурс]. URL: http://dixigroup.org/storage/files/2016–05 10/polbrief_dixi_gas_market_reform.pdf (дата обращения: 25.12.2016).

INTRODUCTION TO THE PROBLEMS OF GAS BACKHAUL TO UKRAINE: THE FUTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION'S RELATIONS WITH ITS TRADING PARTNERS AND OTHER POSSIBLE CONSEQUENCES IN THE ASSOCIATED FIELD OF ENERGY

R. Murgas

Abstract. *Undoubtedly, Russia is a major world power in the field of energy; furthermore, it is an important natural gas exporter to the European Union. Due to this fact the problem of the gas backhaul to Ukraine, its value and the possible consequences for the further development of modern international relations in the energy sphere between the Russian Federation (gas exporter) — Ukraine (transit country) — and the European Union (importer of raw materials) are extremely relevant at the moment. In connection to the fact that the issue is directly related to some of the provisions and regulations of the Third Energy Package namely Regulation (European Commission) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on conditions for access to the natural gas transmission networks and repealing Regulation (European Commission) No 1775/2005, the latest Ukrainian acts that allow virtual backhaul supplies (Act of Ukraine On amendments to the Customs Code of Ukraine on the creation of preconditions for a new model of the natural gas market (No. 3074), Act of Ukraine On the market of natural gas), to the gas transit through the territory of Ukraine and also related to the mutual solidarity of the countries belonging to the Energy Community, it is going to be necessary to analyze in the article all relevant documents concerning the issue, what will later contribute to better understanding of the relationship among each individual elements. Due to the complexity of the topic and the lack of available research, the careful analysis of term «backhaul» and its two variants — the «physical» and the «virtual» backhaul is a necessity. To illustrate the relation between individual elements of this article, the author briefly describes the so-called «gas disputes» and talks about their consequences, inter alia pipeline projects including «Turkish Stream», «Nord Stream — 2» and «South Stream». At the end, having summarized all the relevant factors, the author of the article draws conclusions.*

Keywords: *«gas backhaul», «non-physical backhaul», the transit of gas, Ukraine, European Union*

References

1. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. Retrieved 1 January, 2017 from http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4–11e4-bbe1–01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF.

2. Bahadori, A., Nwahoa, Ch. & Clark, M.W. (2014). Dictionary of Oil, Gas, and Petrochemical Processing. Boca Raton: CRC Press.
3. Kulagin, V.A. & Mitrovoj, T.A. (Eds.). (2015). Gazovyj rynok Evropy: utrachennye illjuzii i robkie nadezhdy [Gas market in Europe: the lost illusions and timid hopes]. Moskva: NIU VShJe — INJeI RAN.
4. Motjashov, V. P. (2014). Gaz i geopolitika: shans Rossii [Gas and Geopolitics: A chance for Russia]. Moskva: LENAND.
5. Oficial'nyj veb-portal Verhovnoj Rady Ukrainy [Official website of Verkhovna Rada of Ukraine]. Retrieved 26 December, 2016 from http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56442.
6. Oficial'nyj sajt Evrokomissii [Official website of the European Commission]. Retrieved 4 January, 2017 from https://ec.europa.eu/priorities/energy-union-and-climate_en
7. Oficial'nyj sajt Jenergeticheskogo Soobshhestva [Official website of the European Energy Community]. Retrieved 28 December, 2016 from https://www.energy-community.org/portal/page/portal/ENC_HOME/AREAS_OF_WORK/Implementation/Ukraine/Gas.
8. Proekt «Severnyj potok-2» [Project «Nord Stream-2»]. Retrieved 4 January, 2017 from http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/built/nord-stream2.
9. Proekt «Tureckij potok» [Project «Turkish Stream»]. Retrieved 4 January, 2017 from http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/built/turk-stream.
10. Regulation (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on conditions for access to the natural gas transmission networks and repealing Regulation (EC) No 1775/2005. Retrieved 4 January, 2017 from http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:211:0036:0054:en:PDF
11. Rossijskaja Gazeta RG.RU. Retrieved 4 January, 2017 from https://rg.ru/2016/08/09/reg-szfo/vladimir-putin-nazval-usloviia-vozobnovleniia-iuzhnogo-potoka.html.
12. Sajt Tjeknoblog [Website Tjeknoblog]. Retrieved 4 January, 2017 from http://teknoblog.ru/2016/11/14/71069.
13. The Commission Implementing Regulation (EU) No. 1348/2014 of 17 December 2014 on data reporting implementing Article 8(2) and Article 8(6) of Regulation (EU) No 1227/2011 of the European Parliament and of the Council on wholesale energy market integrity and transparency (REMIT Implementing Regulation). Retrieved 2 January, 2017 from http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R1348&from=EN
14. Zakon Ukrainy «O rynke prirodnogo gaza» ot 9 aprelja 2015 N 329-VIII / ZU №329-VIII vid 09.04.2015. Pro rinok prirodnogo gazu [The Law of Ukraine «On

the Natural Gas Market» dated April 9, 2015 N 329-VIII]. Retrieved 21 December, 2016 from http://yurist-online.org/laws/zakon/zu_o_rynke_gaza.pdf.
15. Ukraine's Gas Sector Reform: A Future Win-Win for Ukraine and Europe. Dixi Group Analytics on Duty. Retrieved 21 December, 2016 from http://dixigroup.org/storage/files/2016–05 10/polbrief_dixi_gas_market_reform.pdf.

Информация об авторе

Мургаш Р.

магистр международных отношений, аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России, Словацкая Республика

E-mail: murgas.roman@gmail.com

R. Murgas

MA in International Relations, post-graduate student at the Department of Applied Analysis of International Problems, MGIMO–University, Russia, the Slovak Republic

E-mail: murgas.roman@gmail.com

ТИХООКЕАНСКИЙ ВЕКТОР РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И. Ю. СИНЕНКО

Аннотация. *В российско-американских отношениях доминирующее положение занимают вопросы глобальной и европейской безопасности и геополитики. В то же время тихоокеанское направление двусторонних отношений развито крайне слабо. Обозначив в качестве важных приоритетов своей внешней политики концепции «разворота» в Азиатско-Тихоокеанский регион, обе страны неминуемо столкнутся с необходимостью наполнить эту повестку содержанием. Автор стремится ответить на вопрос, каким может быть это содержание, анализируя текущие геополитические противоречия и стратегические установки обоих государств в регионе, основываясь на неореалистском подходе в международных отношениях и теории баланса сил. Методологическую основу исследования составили анализ источников, литературы и нормативно-правовой документации, выступления политических деятелей, связанные с различными вопросами региональной проблематики. В ходе проведения исследования автор поставил задачу четко установить, в чем сходства и различия российского и американского позиционирования в АТР. В основу этого процесса было положено подробное рассмотрение состояния отношений России с тремя системообразующими государствами Восточной Азии — Китайской Народной Республикой, Японией и Республикой Корея. В ходе исследования рассматривались такие подходы в выстраивании двусторонних отношений и позиционировании каждого из государств в третьих странах как политический (включая военный фактор), экономический и культурный. По итогам проведенного исследования можно заключить, что сегодня российско-американские отношения в АТР являются лишь небольшим «дополнением» к глобальной и европейской повестке. Фактически, в АТР Россия интересует США в контексте двух принципов:*

— *не дать нынешнему российско-китайскому партнерству перерасти в полноценный стратегический союз. Если таковой состоится, то*

это лишит США возможности навязывать КНР концепцию «безальтернативности» (кроме сотрудничества с Америкой), на который во многом Вашингтон делал ставку ранее, параллельно окружая Китая цепью государств, верных стратегическим целям США в АТР.

— *не позволить России возможности наладить существенным образом отношения со стратегически важными государствами региона, прежде всего союзниками Японией и Южной Кореей. До определенного момента США были готовы допускать такое ограниченное сотрудничество, чтобы Россия не втягивалась полностью в орбиту китайского влияния, но после воссоединения Крыма важнее стал имиджевый вопрос, предполагающий глобальный (а не только европейский) ответ на этот вызов.*

В этих условиях России следует имеющимися у нее дипломатическими и политическими средствами противостоять размыванию единого политического и экономического пространства АТР, проводимого США.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион; российско-американские отношения; российский «поворот на Восток»; американский «разворот» в Азию.*

Введение. Российско-американские отношения на современном этапе переживают серьезный кризис. Принципиальное расхождение позиций по широкому кругу международных вопросов — сначала по внутренним событиям на Украине зимой 2014 г., затем по всему спектру развития гражданского конфликта (включая присоединение Республики Крым к Российской Федерации), и, наконец, по урегулированию ситуации внутри Сирии, а также методам борьбы с Исламским Государством и другими террористическими группировками — привели к «санкционной войне», ожесточенному противостоянию в дипломатической и особенно в информационной среде, включая регулярный обмен провокационными заявлениями официальных лиц, и, в итоге, к почти полному сворачиванию двусторонних политических и экономических отношений.

В этих условиях отношения Москвы и Вашингтона достигли своей низшей точки за весь период после окончания холодной войны. При этом столь заметное ухудшение отношений (в понимании их как контактов на разных уровнях и в разных сферах) отнюдь не означает снижения внимания друг к другу, уделяемого обоими государствами, а также важности правильной оценки действий своего соперника. Несмотря на существенный рост новых центров влияния в мировой системе, Россия и США остаются ведущими игроками по целому ряду показателей, что обуславливает их возможность влиять на развитие ситуации не только

в глобальном масштабе, но и во многих регионах и отдельных странах. К числу подобных примеров может быть отнесен и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

В экспертно-исследовательском поле принято считать, что российско-американские отношения во многом продолжают воспроизводить модель, заложенную ещё в годы холодной войны. Эта модель направлена на диалог преимущественно в сфере глобальной безопасности и контроля над вооружениями. Основным его содержанием остаются вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений и ядерного арсенала в целом, сохранение режима стратегической стабильности (значительно подорванное после выхода США из договора по ПРО 1972 г.), контроль за ликвидацией определенных типов вооружений и их запрет, а также вопросы нераспространения оружия массового уничтожения и борьбы с терроризмом.

Что касается региональной проблематики, то, несмотря на возможности и ресурсы влиять на политический расклад в разных точках земного шара, эта повестка в российско-американских отношениях по-прежнему ограничена традиционными со времен холодной войны регионами (Европа, особенно ее восточная часть, Ближний Восток, отдельные страны Латинской Америки, Индия, КНДР и т.д.), к которым после 1991 г. добавились новые независимые государства на постсоветском пространстве. Такое наполнение региональной повестки объясняется взаимным «интересом для диалога», поскольку реальная база для проецирования влияния у современной России, во многом основанная на «советском наследии», ограничена именно этими регионами и государствами (в то время как у США подобные возможности в той или иной степени имеются практически во всех странах мира). В этой связи неудивительно, что АТР, будучи регионом, где экономические вопросы по-прежнему превалируют над вопросами безопасности, а угрозы последней во многом исходят не от традиционных государственных акторов, не занимает в двусторонних отношениях России и США существенного места, что сказывается также и на фактической неразработанности данной тематики в экспертно-исследовательском поле.

Теоретические основания исследования. Исходя из данных положений очевидно, что исследование текущего состояния российско-американских отношений в АТР должно строиться в рамках неореалистской парадигмы теории международных отношений и геополитического подхода. Фактор КНР, также оказывающий активное влияние на двусторонние отношения РФ и США в регионе, равно как и сам факт нахождения в АТР трех наиболее мощных держав в современной си-

стеме международных отношений (Россия, США, Китай) обуславливают рассмотрение регионального взаимодействия в категориях баланса сил и «игры с нулевой суммой».

В рамках данного исследования применяются следующие понятия с соответствующими определениями [Конкурирующие модели, 2014, с. 13–74]:

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) — регион, включающий в себя совокупность государств, сформированную по общему признаку географического расположения данных государств на побережье Тихого океана и принимающих участие в политических и экономических процессах транстихоокеанского характера.

Альянс — объединение государств в формальный или неформальный военно-политический союз для достижения конкретных общих целей. Цель альянса — безотлагательное решение задач, которые представляются принципиальными с точки зрения защиты интересов государств, входящих в него.

«Поворот на Восток» — условная российская внешнеполитическая идея (не оформленная ни документально, ни в виде заявлений официальных лиц), заключающаяся в ускорении процесса налаживания сотрудничества и интеграции со странами Восточной Азии и АТР. Появилась как журналистское клише в ходе активизации российской внешней политики в регионе весной 2014 г., на фоне ухудшения отношений с государствами Европы и США.

«Разворот» в Азию — американская внешнеполитическая концепция, заключающаяся в переориентации главного внимания с региональных процессов на Ближнем Востоке в Восточную Азию и усиления геополитических и экономических позиций США в данном регионе. Основы данной политики сформулированы в программной статье государственного секретаря Х. Клинтон «Тихоокеанский век Америки» в октябре 2011 г.

Сфера влияния — государство или группа государств, фактически находящаяся под безусловным политическим, экономическим и культурным влиянием другого государства.

Исследование: основная часть. Говоря об исторической составляющей региональных двусторонних отношений нужно отметить, что даже в годы наиболее острого соперничества СССР и США, на пике геополитического влияния мирового социалистического лагеря, тихоокеанское направление внешней политики СССР существенно уступало по размаху другим региональным векторам. Вовлеченность в гражданскую войну в Китае, Корейскую войну и вьетнамский вопрос носила локальный ха-

рактер, в то время как единой стратегии по отношению к АТР СССР не предлагал, и, после разрыва в конце 1960-х гг. с КНР, судя по всему, не очень нуждался в ней. Так, и на пике интенсивности советско-американских контактов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. ставились вопросы по Латинской Америке, Африке, Ближнему и Среднему Востоку, но не по АТР.

Противоречивость, свойственная внешнеполитическому курсу России в 1990-х гг., проявилась и на тихоокеанском треке, где с одной стороны Москва присоединилась ко многим значимым региональным институтам многостороннего сотрудничества, а с другой — не предпринимала серьезных практических шагов для включения в протекавшие в АТР процессы. Известно, что Вашингтон поддерживал стремление Москвы подключиться к региональной интеграции, и, в частности, оказал России помощь во вступлении в АТЭС, повлияв на жесткую позицию по данному вопросу своих союзников [Кистанов, 1998, с. 36]. С точки зрения формирования архитектуры региональной безопасности Россия признавая, что система двусторонних американских альянсов — единственный механизм, обеспечивающий стабилизирующую и балансирующую роль в АТР, выступала с идеей того, что ни Россия, ни Китай не будут удовлетворены такой ситуацией в средне- и долгосрочной перспективе, и взамен системе проамериканских альянсов должна быть выработана «здоровая» система, включающая все страны региона — Россию, КНР, страны АСЕАН, США и их союзников.

После того, как в 2014 г. эскалация конфликта внутри Украины привела к существенному ухудшению отношений Москвы на европейском направлении, переориентация на восточноазиатские страны (прежде всего, КНР) приобрела более конкретные очертания, получившие клише «поворота на Восток». С учетом того, что он был существенно усилен антироссийскими действиями США на европейском направлении, в рамках реализации новой стратегии в АТР Россия рассматривала Вашингтон лишь как сдерживающий фактор, не позволяющий сформировать позитивную тихоокеанскую повестку двусторонних связей. Таким образом, гипотеза автора заключается в том, что глобальное измерение российско-американских отношений диктует тихоокеанскому исключительно логику соперничества — в той степени, которая понадобится каждой из сторон для защиты своих стратегических интересов в АТР.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составили анализ источников, литературы и нормативно-правовой документации. Это прежде всего разработки зарубежных и российских ученых, посвященные вопросам развития мировых и региональных политических и экономических процессов в Восточной Азии и АТР

в целом, а также оценке глобальных и региональных тенденций изменения системы международных отношений с учетом быстрого политического и экономического подъема восточноазиатских стран, прежде всего Китая [Мегатренды, 2014; Поворот, 2016]. Также анализу подверглись выступления политических деятелей, связанные с различными вопросами региональной проблематики, статистические данные по различным направлениям, изучение других источников информации, включая официальные сайты ведомств и организаций, так или иначе вовлеченных в процесс построения российско-американских отношений на уровне АТР.

Такой выбор методологии проводимого исследования связан с тем, что несмотря на исключительно геополитическую природу поставленных перед исследователем задач, еще в самом начале проведения исследования стала очевидной необходимость придать ему не узкопрофильный, а разносторонний характер. В этой связи в работе был применен комплексный подход, включающий такие характерные для политических наук методы, как системный, сравнительный, исторический и институциональный. При этом, учитывая характер исследования, особо важная роль в нем отводится применению метода системного анализа, который позволяет вычленять у современных политических и экономических регионов (к которым безусловно относится АТР) общие закономерности, позволяющие выстраивать модели и прогнозировать возможные действия государств в интересах практической реализации выдвинутых ими внешнеполитических/геополитических концепций.

Материалы исследования. В ходе проведения исследования анализу подверглись внешнеполитические действия и программные документы по региональной политике Российской Федерации и США.

Исследование построено на фактах, исходящих из внешнеполитического курса двух государств, проводившегося за последние 5–6 лет (с 2010–2011 г.) в отношении региональных институтов и региональной системы международных отношений в АТР в целом, а также в отношении ключевых участников данной региональной системы — КНР, Японии и Республики Корея. К таким фактам относятся зарубежные официальные визиты руководителей и государственных должностных лиц высокого ранга, их публичные заявления по международным вопросам, а также достижения формальных и неформальных межгосударственных договоренностей.

В качестве документальных источников исследования использованы Концепция внешней политики РФ 2013 г. [Концепция, 2013], стратегический обзор Министерства обороны США «Сохранение глобального

лидерства США: приоритеты XXI века в области обороны» (2012 г.) [Sustaining Global Leadership, 2012].

Процедура исследования. На начальном этапе исследования автор поставил задачу четко установить, в чем сходства и различия российского и американского позиционирования в АТР. В основу этого процесса было положено подробное рассмотрение состояния отношений России с тремя системообразующими государствами Восточной Азии — Китайской Народной Республикой, Японией и Республикой Корея (или Южной Кореей). На основе полученных выводов потребовалось сопоставление с аналогичными показателями Соединенных Штатов Америки. Такая необходимость обусловлена тем, что достижение главной цели всего исследования — а именно определить состояние российско-американских отношений в регионе, невозможно без понимания ключевых интересов обоих игроков в области региональной безопасности и геополитики. А поиск и определение этих интересов, в свою очередь, возможно только на основе сравнительного анализа положения России и США в регионе. В ходе исследования рассматривались такие подходы в выстраивании двусторонних отношений и позиционировании каждого из государств в третьих странах как политический (включая военный фактор), экономический и культурный.

Результаты исследования. В 2011 г. было заявлено о начале стратегического «разворота» (*ориг. англ.* «pivot») США в Азию, под которой понималась преимущественно Восточная Азия. В программной статье государственного секретаря Хиллари Клинтон «Тихоокеанский век Америки» выдвигались шесть ключевых принципов этого курса: укрепление отношений с уже имеющимися союзниками США в регионе, усиление взаимодействия с новыми региональными игроками (в их числе Индия, Индонезия, Вьетнам, Сингапур), широкое вовлечение США в деятельность региональных многосторонних институтов, наращивание торгово-инвестиционного сотрудничества со странами региона, расширение военного присутствия США в АТР и продвижение идей демократии и прав человека [Клинтон, 2011].

Финальной точкой реализации одной из ключевых идей американского «разворота» в Азию — более глубокого союзничества с рядом восточноазиатских стран — должно было стать фактическое окружение Китая сплошной цепью государств, верных стратегическим целям США в АТР. Такая цепь давала бы Вашингтону возможность при необходимости реализовать в отношении Пекина сценарий любой степени жесткости, вплоть до брутального «удушения» по известному в геополитике принципу анаконды. С другой стороны, параллельные попытки адми-

нистрации Б. Обамы развить американо-китайское партнерство в формате «большой двойки» (т.н. *Chimerica*) должны были плотнее привязать Китай к США экономически. Подобная комбинация в случае успешной реализации неминуемо лишила бы КНР со временем возможностей для продолжения быстрого роста, а, следовательно, и способности бросить глобальный вызов США.

В этой связи Россия, следуя геополитической логике, превратилась в очень важное звено данного американского проекта. По большому счету, главный интерес по отношению к России в АТР у США очевиден — не дать российско-китайскому партнерству перерасти в полноценный стратегический союз. Ведь в таком случае обозначенная в отношении КНР стратегия «безальтернативности» (кроме сотрудничества с Америкой) теряет значительную часть своего потенциала. При формировании полноценного стратегического альянса Пекин, помимо опоры на природные ресурсы и «благожелательный нейтралитет» Москвы в отношении своих внешнеполитических действий, может получить возможность в будущем объединить политические усилия двух стран для пересмотра конфигурации сил в регионе, предложить России более активное участие в своих экономических проектах в АТР [Севастьянов, 2016, с. 9–10], а также в определенной степени опереться на военный потенциал России, которая, по мнению американских аналитиков, заинтересована в том, чтобы Китай продолжил морскую наступательную политику на Тихом океане и отвлекся от притязаний на территории самого российского Дальнего Востока (РДВ).

Несомненно, что перспектива создания российско-китайского союза, или даже значительное углубление нынешнего стратегического партнерства, вызовут обеспокоенность американских союзников в регионе, которые потребуют от Вашингтона дополнительных гарантий безопасности (в т.ч. материальных). Учитывая общий тренд на снижение оборонных расходов, даже в условиях «разворота» в Азию, едва ли такой расклад будет соответствовать стратегическим интересам США.

«Китаецентризм» в тихоокеанской политике России (особенно с началом украинского кризиса и «поворотом на Восток») подвергается критике многими в самой РФ. Самый очевидный минус — это возможность со временем оказаться в маргинализированном положении в регионе, где с одной стороны будет сформировано большое сообщество американоориентированных государств АТР, а с другой — формально дружественная КНР, которая будет дозировать участие России в сформированных Пекином интеграционных группировках, продолжая решать задачу по построению пояса ориентированных на Пекин стран, причем

уже не столько в АТР, а на постсоветском пространстве [Братерский, 2014, с. 36–37]. Именно этот аргумент Вашингтон пытается прямо или косвенно использовать, чтобы снизить темпы углубления российско-китайского сотрудничества. Однако стратегически ситуация пока развивается не в пользу американского тезиса: развитие проекта ТТП на данный момент идет не столь быстрыми темпами, как ожидалось, а его будущее при новой администрации США после выборов 2016 г. выглядит туманным. При этом идея США совместно противостоять ревизионистским устремлениям Китая и сохранению статус-кво в АТР не может устраивать Россию, если этот статус-кво продолжит базироваться на американской системе «оси и спиц» — конфронтационной по определению.

Вторым важным посылом американской политики в АТР в отношении России является стремление не дать ей, в условиях нового глобального соперничества между двумя странами, возможности наладить существенным образом отношения со стратегически важными государствами региона, прежде всего американскими союзниками. Несмотря на пока еще незначительное участие России в протекающих в АТР процессах, «запрос на Москву» есть не только у КНР. Для многих государств в регионе очевидны выгоды, которые они могли бы получить от сотрудничества с Россией. К их числу относятся поставки энергоносителей, сотрудничество в освоении РДВ, а также закупки продукции по линии российского военно-промышленного комплекса [Поворот, 2016, с. 140]. В каком-то смысле есть запрос на Россию и как на «арбитра», нейтральную сторону в острых региональных спорах — прежде всего, в урегулировании вопроса северокорейской ядерной программы и территориального конфликта в Южно-Китайском море.

До определенного момента США были готовы допускать ограниченное сотрудничество России со своими союзницами — прежде всего Японией и Республикой Корея, которое, с одной стороны, не размывало бы американоцентричный характер их внешних связей, а с другой — не позволяло бы России стать полностью зависимой от Китая. Вашингтон сдержаннее, чем можно было ожидать, отреагировал на планы расширения закупок Японией российских энергоносителей, а также на проект сооружения прямого энергомоста с о. Сахалин после «великого землетрясения» 2011 г. С пониманием были встречены и идеи широкого включения России в южнокорейскую Евразийскую инициативу — через активизацию транскорейских проектов, выгодных для развития РДВ. В Вашингтоне надеялись, что Москва будет активнее использовать свои возможности влияния на КНДР по сдерживанию модернизации (или даже свертывании) ее ядерной программы, особенно на фоне неспособности возобновить в той

или иной форме многосторонний диалог по этой проблеме, подобный существовавшим ранее Шестисторонним переговорам.

Однако после конфликта на Украине в подходах к этим вопросам произошли кардинальные изменения. Присоединение Крыма к России было воспринято Вашингтоном как попытка пересмотра принципов глобального мироустройства под американским лидерством [Войтоловский, 2015, с. 73, 75]. Именно поэтому ответ на российскую политику должен был иметь обязательно глобальный (а не чисто европейский) характер. В этих условиях присоединение к режиму антироссийских ограничительных мер максимального количества государств, особенно из числа союзников, стало для Америки важнейшим имиджевым фактором. На Японию и Республику Корея в этой связи со стороны Вашингтона было оказано мощное давление.

При этом Япония, рассматривающая союз с США как краеугольный камень обеспечения своей безопасности, не слишком противилась введению санкций, правда использовав для этого наименее чувствительные пункты двустороннего сотрудничества с Москвой (освоение космоса, экспорт оружия, смягчение визового режима). Вместе с тем, очевидное стремление премьера С. Абэ к налаживанию рабочего контакта с Москвой для прогресса в переговорах по территориальной проблеме негативно воспринимается американским руководством. В частности Б. Обама призывал Абэ воздержаться от визита в Сочи в мае 2016 г., а вице-президент США Д. Байден высказывал недовольство подтвержденным визитом Путина в Японию в конце 2016 г. Однако по признанию окружения премьер-министра Абэ, время для активизации Токио в отношении России, проявившейся в японских предложениях по сотрудничеству на Восточном Экономическом Форуме-2016 во Владивостоке, было выбрано специально. Предвыборная кампания в США серьезно отвлекает руководство страны от решения таких локальных внешнеполитических задач, как давление на союзников, к тому же именно японские компании — крупнейшие работодатели в «спорных» штатах, где идет напряженная борьба за голоса избирателей.

В то же время Республика Корея, несмотря на серьезный уровень американского давления, неофициально признававшийся корейскими дипломатами, в итоге «отделалась» публичным непризнанием итогов референдума в Крыму. Впрочем, некоторые российские эксперты склонны считать, что без неофициального одобрения Вашингтона не обошлось, а вызвано это согласие было желанием «не отключать» Россию от переговоров по проблеме Корейского полуострова [Толстокулаков, 2015, с. 21]. Тем не менее сама ситуация с давлением на Токио и Сеул по пово-

ду введения санкций способствовала еще большему укреплению отношений Пекина и Москвы, т.е. не только не помогла изоляции России, но и подтолкнула ее к стратегически самому невыгодному для США шагу.

Серьезным раздражителем в отношениях России с азиатскими странами выступает американская политика по созданию глобальной системы противоракетной обороны (ПРО), тихоокеанский сегмент которой по планам будет являться ее существенной составной частью [Сидорин, 2013, с. 96–99]. Хотя официально заявлено, что элементы ПРО в Японии и РК не имеют цели изменения баланса ракетно-ядерного сдерживания в отношении России и Китая, а направлены исключительно на сдерживание непредсказуемой КНДР, в дальнейшем эта система будет способна противодействовать ракетам значительно большей дальности — независимо от страны, откуда произведен запуск [Конышев, Сергунин, 2016, с. 166]. В этих условиях и КНР, и Россия не могут не рассматривать развертывание подобных систем, как угрозу своим долгосрочным интересам. Бурные дискуссии относительно развертывания в РК (после очередных ядерных испытаний в Северной Корее) зенитно-ракетных комплексов THAAD еще больше усиливают негативный фон в отношениях Пекина и Москвы с Сеулом.

Анализ результатов. Безусловным императивом внешней политики США после окончания холодной войны стало сохранение полученного по ее окончании статуса единственной сверхдержавы с уникальными возможностями выстраивать архитектуру мировой системы исходя исключительно из собственных национальных интересов. Реализация этой логики требовала на разных этапах б**о**льшего акцента на определенный регион — Восточная Европа в 1990-х, Ближний и Средний Восток в 2000-х. В период президентства Б. Обамы существенный экономический рост КНР, начавший угрожать доминирующему положению США в мировой экономике, заставил Вашингтон сделать попытку перенести главный фокус своей внешней политики на Восточную Азию.

В 2011 г. было заявлено о начале стратегического «разворота» (*ориг. англ.* «pivot») США в Азию, под которой понималась преимущественно Восточная Азия. В программной статье государственного секретаря Хиллари Клинтон «Тихоокеанский век Америки» выдвигались шесть ключевых принципов этого курса [Клинтон, 2011]. Несмотря на то, что руководство США неоднократно указывало на ненаправленность новой региональной политики против конкретной страны или группы государств, изначально многие эксперты сошлись во мнении, что главной задачей «разворота» стало всестороннее сдерживание роста китайского влияния на Тихом океане. Американский истеблишмент

по-прежнему придерживается убеждения, что основой лидерства США в АТР является их система военно-политических альянсов (т.н. система «оси и спиц», *ориг. англ.* Hub-and-Spoke), позволяющая сохранять стабильность в регионе и, прежде всего, свободу действий на морском пространстве, а значит и возможность проецировать необходимую силу. В ходе случившегося в дальнейшем обострения конфликтов вокруг островов Сенкаку/Дяоюйдао и особенно в Южно-Китайском море для Вашингтона стала очевидной возможность потерять эту свободу действий, при том что единственным претендентом на пересмотр регионального статус-кво являлся Китай, значительно ужесточивший политику в отношении территориальных споров.

Отсутствие у Москвы, в отличие от Пекина, как возможностей, так и амбиций по перекройке региональной архитектуры, привело к тому, что реализуя (с оглядкой на КНР) свой «разворот» в АТР, США не обращают существенного внимания на российский [Братерский, 2014, с. 42–43]. Россия ни разу не фигурировала в программных выступлениях и документах, посвященных американской политике в регионе, начиная с 2012 г. Собственно, и в «большой» оборонной стратегии США 2012 г. РФ упоминается только в контексте Европы и обеспечения неограниченного доступа к неким «зонам глобальной значимости», под которыми понимается, скорее всего, Арктика, но не АТР [Sustaining Global Leadership, 2012].

Игнорируется сотрудничество с Россией в рамках крупных военно-морских маневров RIMPAC, организуемых Тихоокеанским командованием военно-морских сил (ВМС) США раз в 2 года с целью повышения потенциала оперативного взаимодействия между ВМС стран АТР для обеспечения безопасности на море. После дебютного участия в маневрах 2012 г. Тихоокеанского флота РФ, в 2014 и 2016 гг. Россию не приглашали (по официальной версии — вследствие общей приостановки сотрудничества в военной сфере из-за ситуации на Украине). При этом любопытно, что и в 2014, и в 2016 г. активное участие в маневрах приняла КНР, чему не воспрепятствовали ни обострение конфликта в Южно-Китайском море, ни подобное же законодательное ограничение в США на взаимодействие с Народно-освободительной армией Китая.

Не поступило России и предложения присоединиться к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) — главному экономическому проекту США в рамках их нового курса в АТР. Принимая во внимание, что Вашингтон делает ставку именно на экономические инструменты принуждения России к более удобному для себя курсу в глобальном масштабе, а также по-прежнему незначительное торговое присутствие самой РФ в АТР, приглашения вступить в ТТП Москве не стоит ждать и в обозримой перспективе.

Фактически, в АТР Россия интересует США в контексте двух принципов:

1. не дать нынешнему российско-китайскому партнерству перерасти в полноценный стратегический союз. Если таковой состоится, то это лишит США возможности навязывать КНР концепцию «безальтернативности» (кроме сотрудничества с Америкой), на который во многом Вашингтон делал ставку ранее, параллельно окружая Китая цепью государств, верных стратегическим целям США в АТР.
2. не позволить России возможности наладить существенным образом отношения со стратегически важными государствами региона, прежде всего союзниками Японией и Южной Кореей. До определенного момента США были готовы допускать такое ограниченное сотрудничество, чтобы Россия не втягивалась полностью в орбиту китайского влияния, но после воссоединения Крыма важнее стал имиджевый вопрос, предполагающий глобальный (а не только европейский) ответ на этот вызов.

Заключение. Тихоокеанское измерение российско-американских отношений, никогда не отличавшееся глубиной наполнения, и на сегодняшний день представляет собой «бледную тень» повестки диалога Москвы и Вашингтона на других региональных направлениях. При этом в условиях, когда обе страны заявили о намерении «повернуться» к АТР и расширить свое присутствие в регионе, важно понимать логику поведения и намерения друг друга.

Для успешной реализации стратегии «поворота на Восток» Москва заинтересована в недопущении становления в регионе единого центра силы, кто бы им ни был. Россию не устроят в этой роли ни США, ни КНР, поскольку в любом случае она окажется в маргинализированном положении, когда не останется вариантов, кроме как примкнуть к коалиции с соответствующим лидером (причем на изначально политически невыгодных условиях), либо остаться в политической и экономической изоляции. Плюс российского положения в АТР — это изначально позиция «третьей силы», которая может примыкать к одному из двух «тяжеловесов» для поддержания баланса сил в регионе, тем самым способствуя сохранению в нем стабильности.

В нынешней ситуации российско-китайский союз объективно способствует уравновешиванию модернизирующейся системы проамериканских военно-политических альянсов, и существенно ограничивает возможности США и их союзников по реализации стратегии сдерживания Китая. «Поворот на Восток», направленный на диверсификацию региональных экономических связей и развитие РДВ, возможен только

в условиях продолжения устойчивого экономического роста и отсутствия серьезных конфликтов в АТР. В этой связи американская концепция «фрагментации» единого азиатско-тихоокеанского пространства, апробировавшаяся при реализации ТТП (основанного на членстве избранных) в пику другим интеграционным инициативам, включающим всех желающих (например, АТЭС), может сдерживать этот рост [Киреева, 2014, с. 374]. В тоже время в сфере безопасности США, используя возможности давления на своих союзников через действующие двусторонние альянсы, ограничивает сотрудничество стран Восточной Азии с Россией и всячески препятствует постепенному формированию полноценной региональной архитектуры безопасности.

России следует имеющимися у нее дипломатическими и политическими средствами противостоять размыванию единого политического и экономического пространства АТР. При этом важными союзниками России в этом процессе, помимо соседей по Северо-Восточной Азии, могут стать страны Юго-Восточной Азии, которым Москва способна предложить помощь в различных сферах безопасности: как в экспорте новых систем вооружений, так и в имплементации своего успешного опыта противодействия религиозному экстремизму.

Литература

1. Братерский М. В. Возвращение США на Тихий океан / Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сб. научных трудов // РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки. М., 2014. С. 8–44.
2. Войтоловский Ф. Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1 (48). С. 67–84.
3. Киреева А. А. Стратегия США в Восточной Азии / Ситуационные анализы. Вып. 4: Америка в фокусе российских исследователей: история и современность // под ред. Т. А. Шаклеиной. М.: МГИМО–Университет, 2014. С. 361–379.
4. Кистанов В. О. АТР на пороге XXI века: к тихоокеанскому сообществу «азиатским путём»? // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 1. С. 36.
5. Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма / [С. В. Севастьянов и др.]; Владивосток, 2014. 360 с.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 25.11.2016).

7. Конышев В. Н. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 5 (338). С. 165–177.
8. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / [А. А. Байков и др.]; под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М., 2014. 448 с.
9. Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И. А. Макаров — М.: Международные отношения, 2016. 448 с.
10. Сидорин А. Н. Вооруженные силы США в XXI веке: Военно-теоретический труд / А. Н. Сидорин, В. М. Прищепов, В. П. Акуленко. М.: Кучково поле, Военная книга, 2013. 800 с.
11. Севастьянов С. В. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4, т. 60. С. 5–12.
12. Толстокулаков И. А. Политика США в отношении Республики Корея: итоги и перспективы / Тихоокеанская политика США во втором десятилетии XXI века: материалы круглого стола от 12 ноября 2015 г. // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюллетень, 2015. № 42 (240). С. 19–23.
13. Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. 10 October 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas-pacific-century (дата обращения: 25.11.2016).
14. Sustaining Global Leadership: Priorities for 21th Century Defense // US Department of Defense. January 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 25.11.2016).

PACIFIC VECTOR OF RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Ilya Sinenko

Abstract. *The Russian-American relations are still complicated by issues of global and European security and geopolitics. At the same time, the Pacific dimension of bilateral relations developed very poorly. Declaring as the top priorities of its foreign policies the concept of «pivot» to Asia-Pacific, both countries will inevitably deal with the need to draw up the agenda. The author seeks to answer about the content of their diplomatic and political relations on Asia-Pacific regional track by analyzing the current geopolitical contradictions and strategies of the two states in the region, based on neorealist approach in international relations and the balance of power theory. The methodological basis of the research is represented by the analysis of sources, literature and regulatory documents, speeches of politicians associated with various issues of*

regional problems. During the study, the author tried to find the answer what the similarities and differences between the Russian and the American position in the Asia-Pacific region. The basis of this process was represented by a detailed review of the status of Russia's relations with the three core countries of East Asia — the People's Republic of China, Japan and the Republic of Korea.

As a result of the study we can conclude that today the Russian-American relations in the Asia-Pacific region are only a small "addition" to the global and European agenda. In fact, in the Asia-Pacific region the United States are interested in Russia in the context of the two principles:

1) do not give the current Russian-Chinese partnership to develop into a full-fledged strategic alliance. If it become, it would deprive the United States the possibility to impose the Chinese concept of "no alternative" (except for cooperation with the United States).

2) not to allow Russia to establish the possibility of substantial relations with strategically important countries of the region, first and foremost allies Japan and South Korea. Earlier the US was willing to allow a limited partnership that Russia is not fully drawn into the orbit of Chinese influence. But the reunification of the Crimea became a real challenge to the global dominance of the United States, requiring a global (not just European) response to this challenge.

Keywords: *Asia-Pacific; Russian-American relations; Russian «pivot to the East»; American «pivot» to Asia.*

References

1. Braterskij, M.V. (2014). Vozvrashhenie SShA na Tihij okean [US return to the Pacific ocean]. *Politika SShA v Aziatsko-Tihookeanskom regione: Sb. nauchnyh trudov* [*US policy in Asia-Pacific*], 8–44.
2. Vojtolovskij, F.G. (2015). Rossijsko-amerikanskie otnoshenija v kontekste ukrainskogo krizisa: tendencii i perspektivy [Russian-American relations in the context of Ukrainian crisis: tendencies and prospects]. *Puti k miru i bezopasnosti* [*Ways to peace and security*], 1 (48), 67–84.
3. Kireeva, A.A. (2014). Strategija SShA v Vostochnoj Azii [US Strategy in East Asia]. *Situacionnye analizy* [*Situational analyses*], 361–379.
4. Kistanov, V.O. (1998). ATR na poroge XXI veka: k tihookeanskomu soobshhestvu «aziatskim putjom»? [Asia-Pacific before XXI Century: coming to Pacific community by «Asian way»?]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [*Problems of Far East*], 1, 36.
5. Sevast'janov, S.V. (2014). Konkurirujushhie modeli i sovremennye tendencii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tihookeanskogo regionalizma [Competing Models and Contemporary Trends of East Asian and the Asia-Pacific Regionalism]. Vladivostok: Dalnauka.

6. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii ot 12 fevralja 2013 g. (2013). Oficial'nyj sajt MID Rossii [The official web-site of Ministry of Foreign Affairs]. Retrieved 25 November 2016, from http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (data obrashhenija.
7. Konyshev, V.N. (2016). Politika SShA po sozdaniju sistem protivoraketnoj oborony v Aziatsko-Tihookeanskom regione [US policy of establishing antimissile defense system in Asia-Pacific]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [*National interests: priorities and security*], 5 (338), 165–177.
8. Shakleina, T.A. (2014). Megatrendy. Osnovnye traektorii jevoljucii mirovogo porjadka v HHI veke [Megatrends. World Order Evolution in the 21 Century]. Moskva: Aspect Press.
9. Makarov, I.A. (2016). Povorot na Vostok: Razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka v uslovijah usilenija aziatskogo vektora vneshnej politiki Rossii [Pivot to the East: the development of Siberia and Far East in the context of strengthening of Pacific vector in Russian foreign Policy]. Moskva: Mezhdunarodnye otnoshenija.
10. Sidorin, A.N. (2013). Vooruzhennye sily SShA v XXI veke [Armed Forces of the United States in XXI Century]. Moskva: Kuchkovo pole, Voennaja kniga.
11. Sevast'janov, S.V. (2016). Integracionnye proekty Kitaja v ATR i Evrazii [Integration processes of China in Asia-Pacific]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [*World Economy and International Relations*], 4 (60), 5–12.
12. Tolstokulakov, I.A. (2015). Politika SShA v otnoshenii Respubliki Koreja: itogi i perspektivy [US Policy towards Republic of Korea: results and prospects]. *U karty Tihogo okeana* [*Before the map of Pacific ocean*], 42 (240), 19–23.
13. Clinton, H. (2011). America's Pacific Century. Retrieved 25 November 2016, from http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas-pacific-century.
14. Sustaining Global Leadership: Priorities for 21th Century Defense. Retrieved 25 November 2016, from http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf.

Информация об авторе
Синенко И. Ю.
аспирант; Дальневосточный федеральный университет; Россия;
E-mail: sinenko63@mail.ru
Ilya Sinenko
Post-graduate student; Far Eastern Federal University; Russia;
E-mail: sinenko63@mail.ru

ИТОГИ ПЕРВОГО ГОДА ПРЕЗИДЕНТСТВА М. МАКРИ В АРГЕНТИНЕ: ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ В РЕГИОНЕ И МИРЕ

Ю. А. ЧЕБОТАРЕВ

Аннотация. *Данная статья посвящена анализу положения Аргентинской Республики с точки зрения мировой политики в период после избрания Маурисио Макри на пост президента страны в ноябре 2015 года по ноябрь 2016 года. Основной акцент сделан на рассмотрении предпосылок и причин, обуславливающих произошедшие за год события, и оценке их влияния на пространство возможностей страны и курс, избираемый Аргентиной сегодня. Статья основывается на рассмотрении находящихся в открытом доступе данных и сведения их в единую картину, позволяющую получить адекватное представление о ситуации, в которой находится Аргентина сегодня, её предпосылках и вероятностном пространстве действий страны в ближайшем будущем.*

В качестве основы системы оценки положения страны в статье используются критерии статуса великой державы Т. А. Шаклеиной, применяемые в качестве адаптированного формата оценки состояния страны и её удельного потенциала действий в Латинской Америке и мире в целом. Подобный подход позволяет провести сводный анализ ситуации, не прибегая к глубоко детализированным квантификационным методам.

В статье рассматриваются как внутренние, так и внешние факторы, оказывающие решающее влияние на положение Аргентины: внутриполитические процессы и меры, внутренняя экономика, внешняя торговля и финансы, взаимоотношения Аргентины с соседними странами и активность в региональной подсистеме, взаимоотношения со внерегиональными державами, общественно-культурный и военный потенциал страны. В ряде этих сфер играют роль отношения Аргентины и России. Также в рамках статьи производится необходимая ретроспектива ключевых аспектов данных факторов, позволяющая объяснить особенности хода событий в 2015–2016 гг.

Проведенный по изложенной модели анализ приводит к выводу о том, что за год правления М. Макри положение Аргентины в регионе и мире не улучшилось в связи с широким спектром внутренних и внешних факторов, главными из которых стали одновременные кризисы внешней и внутренней политики США, политическая нестабильность латиноамериканском регионе в целом, а также ряде стран региона в частности, включая и саму Аргентину. Также свой вклад внесли тяжелые экономические проблемы и социальная напряжённость, обостряющие положение. В краткосрочной перспективе это не оставляет Аргентине реальных шансов на укрепление своего статуса и качественное улучшение положения как в мире в целом, так и в латиноамериканском регионе. Данная возможность, тем не менее, присутствует в среднесрочной перспективе, поскольку по окончании текущих региональных и внутренних кризисов Аргентина имеет потенциал к самодостаточному развитию и продуктивному взаимодействию с соседями и внерегиональными державами, который она может реализовать.

Статья представляется полезной для интересующихся латиноамериканским регионом исследователей-международников.

Ключевые слова: *Аргентина, Латинская Америка, Маурисио Макри, МЕРКОСУР, российско-аргентинские отношения, американо-аргентинские отношения.*

Введение. В мирополитическом дискурсе сегодня наблюдается концентрация внимания на нескольких странах, представляющихся ведущими игроками на мировой арене — США, России, Китае, Индии, Бразилии, Британии, Германии, Израиле. В зависимости от точки зрения исследователя состав списка может меняться (так, нередки споры о том, считать ли Европейский Союз его частью в качестве отдельного игрока, отождествлять ли его с определёнными странами, замещать ли страны-члены ЕС упоминанием ЕС в целом или же не воспринимать как величину вообще), однако обычно не превышает десятка стран. Данная ситуация имеет место как в научной, так и в публицистической сферах. Тем не менее, данное положение нельзя назвать здравым, в особенности с точки зрения научных дисциплин, поскольку она носит редукционистский характер и, акцентируя внимание лишь на некоторых государствах, оставляет вне поля зрения множество иных стран и целые регионы, в том числе носящие стратегическую важность в мировом балансе сил; практически игнорируются даже страны, входящие в Группу 20, рассмотрение которых не только немаловажно для понимания общемировых процессов и функционирования политологии как дисциплины, но также носит практическое значение в связи с политическим и экономическим весом и потенциалом данных стран.

В данном контексте рассмотрение примера Аргентины является своевременным. Аргентина входит в число 15 крупнейших экономик мира и является одним из лидеров латиноамериканского региона наряду с Бразилией; она является второй по площади и объёму валового внутреннего продукта и третьей по численности населения на континенте, является страной-основателем МЕРКОСУР[81] совместно с Бразилией и одним из локомотивов латиноамериканской интеграции и регионального сотрудничества как таковых. В то время как пограничной с ней Бразилии посвящается множество прогнозов и материалов, Аргентине уделяется гораздо меньшее внимание, нередко ограничивающееся форматом репортажа. При этом очевидно, что столь крупная и важная для латиноамериканского региона страна нуждается в как можно более полном рассмотрении. Особенную актуальность анализ происходящего в Аргентине и его значения для положения страны приобретает в последние годы в связи с изменением мировой обстановки и обострением политической борьбы внутри страны, приведшим к избранию Маурисио Макри и серьёзными изменениями в политике страны.

Теоретические основания исследования. Основная задача исследования заключается в том, чтобы предоставить читателю анализ сложившейся на конец 2015–2016 годы ситуации в Аргентине с точки зрения положения страны в регионе и мире и дать представление о занимаемой ей позиции и сложившейся вокруг страны ситуации.

Объектом исследования является Аргентинская Республика в период конца 2015 — конца 2016 гг., приблизительно соответствующий году со времени избрания на президентский пост М. Макри.

Предметом исследования являются особенности ситуации в ключевых для положения страны и ситуации в ней как единице мировой политики сферах.

Цель статьи состоит в определении оказывающих решающее влияние факторов, приведших Аргентину в данный период к занимаемой ей позиции, и оценке потенциала страны как мирополитического игрока в краткосрочном периоде.

Ограничения формата данной статьи, а также особенности ситуации в Аргентине, не позволяют провести детальный и полный квантифици-

[81] МЕРКОСУР, MERCOSUR/MERCOSUL — "Mercado Común del Cono Sur", Общий рынок стран Южного Конуса. Экономический интеграционный блок, основан в 1991 году, на сегодняшний день включает в себя Бразилию, Аргентину, Парагвай и Уругвай; членство Венесуэлы приостановлено 01.12.2016. Несмотря на название, является интеграционной организацией смешанного характера, носящей черты таможенного союза и ограниченного общего рынка.

рованный анализ. С 2015 года Аргентина перестала публиковать официальную статистику, которая и в предшествующие годы отличалась неполнотой и недостоверностью, в то время как оценки, даваемые неофициально или иностранными органами, страдают ярко выраженной политизированностью в связи с остротой политической борьбы в стране, а также являются весьма фрагментарными. Это делает необходимым использование иных методов, в связи с чем статья обращается к системе критериев статуса великой державы, разработанной Т. А. Шаклеиной [11], несколько адаптируя её в качестве системы оценки удельного политического веса страны в регионе и мире, отражающей состояние страны как таковой. Подобный метод позволяет провести анализ, достаточный для формирования прогностических выводов, на основе находящейся в открытых источниках информации о событиях, политических мерах и решениях, не нуждаясь в глубокой квантификации и надёжных статистических публикациях. Анализ с помощью данной системы проводится методами научной обработки данных с необходимым привлечением ретроспектив, обуславливающих сложившиеся формации, и систематизации фактов в сводные критерии.

Исследование: основная часть. Аргентина как страна сформировалась в условиях, близко схожих с характеризующими соседствующую с ней Бразилию, и имела немало сопоставимых черт в различные периоды своей истории, в том числе и сегодня. Тем не менее, невозможно составить о стране и её положении суждение, используя исключительно пример её соседа, равно как невозможно использовать отвлечённые формулы применительно к самобытным, живущим собственной политической жизнью государственным формациям. Положение, в котором находится Аргентина сегодня, является прямым результатом цепи событий и предпосылок, берущей своё начало в XIX веке. В связи с этим представляется необходимым осуществить исторический экскурс в прошлое Аргентины, концентрирующийся на фактах и сферах, являющихся ключевыми для данного анализа.

Аргентина обрела независимость в 1810 году в результате восстания против испанского колониального господства. Вплоть до 1861 года страну сотрясали контрреволюционные мятежи и тяжёлые гражданские конфликты вокруг формы организации и управления государством, перемежавшиеся, а иногда одновременные войнам против оставшихся пограничных испанских владений, а также столкновения с соседними, вновь независимыми (в немалой степени благодаря борьбе Аргентины против колониальных сил) Перу, Чили и Боливии. Не обошлось и без иностранных интервенций со стороны Франции и Британской импе-

рии в 1840–1850х гг; сама Аргентина также активно вмешивалась во внутренние конфликты вновь независимых стран-соседей и оказывала поддержку тем или иным сторонам. Однако, помимо изначально отколовшихся во время восстания 1810 года провинций, ставших впоследствии Уругваем, Парагваем и Перу, за все эти годы почти не прекращавшихся войн Аргентина не понесла никаких территориальных потерь, а попытки иностранного вмешательства в её собственные войны и внутренние вопросы были успешно отражены. Достигнув столь успешного результата собственными силами и не имея внешних союзников и поддержки, Аргентина продемонстрировала высокий потенциал к самодостаточному развитию.

Данный потенциал начал реализовываться во второй половине 19-начале XX вв, когда по окончании внутренних конфликтов и с формированием стабильной государственности и институтов управления Аргентина встала на путь быстрого экономического и социального развития. Уже в 1865 году Аргентина входила в число 25 крупнейших экономик мира, а в 1908 году вошла в число семи наиболее сильных экономик западных стран, обойдя по достигнутым объёмам и темпам развития даже ряд колониальных империй. Её подушевой ВВП, по оценкам современных исследователей, вчетверо превосходил показатели соседней Бразилии [27]. Для достижения подобных результатов Аргентина использовала модель, применявшуюся примерно в то же самое время Соединёнными Штатами Америки, опираясь на иммиграцию рабочей силы из европейских стран, организацию системы бесплатного обязательного всеобщего среднего образования и постулаты классического экономического либерализма. На некоторое время Аргентина стала считаться одной из «развитых» стран мира, находящейся в глобальном авангарде.

В XX веке экономический рост замедлился и сменился стагнацией, и слабые стороны созданной системы и предпринятых мер проявили себя. Постоянный избыток рабочей силы привёл к отсутствию стимула к индустриализации экономики, в то время как землевладельцы, разбогатевшие на взрывном росте конца XIX века, обрели олигархическое влияние на различные сферы жизни страны; сформировавшаяся из них социальная страта стала решающей силой в определении будущего Аргентины. В 1912 году в стране были проведены первые всеобщие президентские выборы, победивший на которых Ипполито Иригойен попытался провести ряд социально-ориентированных реформ, но эра экономического бума осталась в прошлом. Аргентина не участвовала в Первой Мировой войне, однако мировая нестабильность оказала на её хозяйство негативное влияние. Более тяжёлый удар последовал

в 1929 году с началом американской Великой депрессии, вызвавшей в Аргентине собственный кризис, ставший поводом для военного переворота, вдохновлённого примером фашистской Италии. Переворот был узаконен подконтрольными армии выборами, после которых руководством страны были сделаны серьёзные уступки интересам Великобритании; тем не менее, положительной чертой данного периода стало ускорение индустриализации страны. Независимость политики Аргентины и её престиж продолжили ослабевать во время Второй Мировой войны, когда противоречия силовых группировок привели ко второму военному перевороту и отказу от нейтралитета, а также смене внешнеполитического партнёра с Британии на США.

Одним из рядовых участников второго переворота стал полковник Хуан Доминго Перон. Перон получил феноменальную популярность у населения благодаря борьбе за трудовые реформы и права профсоюзов. Это вызвало недоверие со стороны хунты в целом, однако его арест вызвал массовые протесты, под давлением которых хунта[82] немедленно выпустила Перона и позволила ему принять участие в выборах 1946 года. США, установившие к тому времени прочные связи с хунтой, считали Перона недостаточно лояльным и поддержали через посла в Аргентине альтернативных Перону кандидатов, но добились лишь роста его популярности, и Перон был успешно избран.

Как президент Перон проводил эклектичную внутреннюю политику, в которой имелись черты как «левых», так и «правых», включая фашистскую Италию; его главными достижениями стали национализация стратегических отраслей экономики, трудовые реформы и повышения уровня благосостояния, полное погашение нараставшего внешнего долга Аргентины и практически полная занятость населения. Однако политика Перона требовала высоких расходов, которые бюджет Аргентины не мог восполнить, в то время как его социальные реформы крайне враждебно воспринимались богатыми владельцами земель и предприятий. Это привело к формированию в офицерских рядах нового заговора, вылившегося в 1955 году в новый кровавый переворот, вынудивший Перона покинуть страну.

Новая хунта законодательно запретила всё, связанное с Пероном и его политикой и начала преследовать его сторонников, но решение о проведении новых выборов в 1958 году привело к власти кандидата Ар-

[82] Хунта (исп. «Junta» — совет, собрание) — группа офицеров, взявшая власть в свои руки после военного переворота и осуществляющая государственное управление.

туро Фрондизи. Его попытки добиться примирения со сторонниками Перона привели лишь к его свержению; то же самое произошло в 1963 году с Артуру Ильиа, после чего вооруженные силы Аргентины сохранили за собой власть вплоть до 1973 года. Все это время продолжалась острая борьба между сторонниками прежней политики и хунтой.

Внешние факторы вновь оказали влияние на Аргентину в 1973 году, когда нефтяной кризис усугубил тяжёлую ситуацию гражданского конфликта и вынудил её легализовать сторонников Перона как политической силы и позволить ему вернуться на родину, где он вновь получил президентский пост после победы перонистов на выборах. Однако в 1974 году он умер, а заместившая его жена Изабель годом спустя была свергнута вооружёнными силами.

Эта хунта стала последней и наиболее печально известной в истории Аргентины благодаря «Процессу национальной реорганизации», также названному впоследствии «грязной войной», объявившему вне закона политические партии и профсоюзы, распустившего Верховный суд и преследовавшего всех считавшихся неблагонадёжными граждан. Хотя жестокие меры, включавшие в себя использование «эскадронов смерти», секретные тюрьмы и массовые похищения, привели к успешному подавлению противников хунты, они оставили на социально-политической жизни Аргентины глубокий след, по сей день являющийся источником серьёзных проблем.

При этом на всём протяжении эпохи постоянных военных переворотов в выигрыше оставалась наиболее богатая прослойка аргентинского общества; обычной практикой было занятие ключевых правительственных должностей представителями предпринимательских картелей и даже использование государственных займов в интересах личного обогащения.

Всё это время военные также пользовались полной поддержкой США вне зависимости от их действий, поскольку США стремились любой ценой удержать латиноамериканские страны от симпатий к СССР. США и МВФ предоставляли диктатуре значительную помощь, не прекращали работу транснациональные компании, а экономическая политика страны разрабатывалась совместно с ними на основе принципов «Чикагской школы».

В 1982 году была предпринята попытка военным путём разрешить давний территориальный спор с Великобританий вокруг Фолклендских/Мальвинских островов. Вопреки надеждам хунты США заняли нейтральную позицию, и британские войска быстро восстановили контроль над островами. Скоротечная война вызвала всплеск разочарова-

ния в Аргентине и послужила катализатором недовольства политикой хунты, приведя к её падению.

Выборы 30 октября 1983 года выиграл Рауль Альфонсин, требовавший суда над членами хунты и всеми военными, участвовавшими в терроре, однако после осуждения верхушки хунты вооружённые силы оказали серьёзное сопротивление уголовному преследованию; был поднят ряд вооружённых мятежей, под давлением которых дальнейшее преследование было запрещено законодательно. Тем не менее, после этого новому правительству удалось реформировать армию, поставив её под гражданский контроль и в целом сильно ослабив её, снижая возможность новых военных переворотов.

Неоплаченный госдолг и нерешённые внутриэкономические проблемы, в особенности гиперинфляция, привели к тому, что популярность Альфонсина быстро упала. Сменивший его в 1989 Карлос Менем замедлил инфляцию привязкой аргентинского песо к доллару США и избрал неолиберальный путь «шоковой терапии». Он предполагал следование рецептам МВФ и «Вашингтонскому консенсусу», кампанию приватизации государственных активов, тотальную дерегуляцию и открытие экономики для международного движения капиталов и займов. Этот курс сильно ударил по аргентинской промышленности, в особенности военно-промышленному комплексу. В результате резко выросли преступность и безработица, в то время как права профсоюзов были урезаны; ситуацию не улучшило даже основание и начало работы Меркосур. Во внешней политике Аргентины продолжила быть сателлитом США; так, в 1991 году Менем отправил вооружённые силы страны для участия в операции «Буря в пустыне», не имея разрешения парламента. Тем не менее, благодаря разрешению пограничных споров с Чили, оставшихся со времён хунты, и политическим союзам, позволившим внести в конституцию возможность переизбрания, Менему удалось добиться второго срока. В 1998 году разразился Азиатский экономический кризис, потрясший аргентинскую экономику; последовавший за Менемом президент Де ла Руа попытался предпринять антикризисные меры и заморозил проведение всех банковских операций для остановки выведения из страны капиталов. Эта мера вызвала массовые беспорядки в стране, в декабре 2001 года достигшие накала, грозившего перерасти в восстание, вынудив Де ла Руа подать в отставку. Аргентина была вынуждена объявить дефолт по долгам, взятым за годы неолиберализма Менема, достигнувшим суммы в $82 млрд [20]. Парламент Аргентины назначил временным президентом Эдуардо Дуальде, который стабилизировал ситуацию ценой трёхкратной девальвации, повы-

шения доли находящихся за чертой бедности граждан до 56 % и 26 %-й безработицы.

На выборах 2003 г. победил Нестор Киршнер, сделавший приоритетом восстановление экономики. Он договорился о списании или реструктуризации большей части государственного долга; был принят новый, неокейнсеанский экономический курс, увенчавшийся снижением безработицы до 8,5 %, восстановлением торгового баланса и более чем утроением объёма ВВП к 2007 году [25]. Киршнер сделал упор на развитие аргентинских производственных мощностей и промышленности взамен импорта. В пользу трудящихся и профсоюзов было реформировано трудовое законодательство. Были отменены законы о неприкосновенности военных преступников и возобновлены расследования преступлений «грязной войны». В выборах 2007 года вместо него участвовала его жена Кристина, ставшая первой женщиной-президентом Аргентинской республики и продолжившая политику мужа, поддержав продвижение латиноамериканской интеграции и работу над проектами УНАСУР[83] и СЕЛАК[84] и созданием системы социального страхования. Внешняя политика Нестора и Кристины Киршнер носили более суверенный характер; особенно стоит отметить второй срок Кристины Киршнер 2011–2015 гг., развивавшей международные, в том числе Россией и Китаем, шедшей на контакты с неформальным клубом БРИКС и предполагавшей присоединиться к нему. Был принят новый, антимонопольный закон о СМИ [1]. Знаковым шагом экономической политики Киршнер стала отмена хождения долларов США в стране, сильно сказавшаяся на мобильности капиталов и вызвавшая огромное недовольство со стороны сверхбогатых и приведшая к росту теневой экономики, а также создавшая трудности для экспорта сельскохозяйственных товаров.

Окончание второго срока Кристины Киршнер ознаменовалось экономическим кризисом в связи с падением цен на нефть, снизившим по-

[83] УНАСУР, UNASUR — "Unión de Naciones Sudamericanas", Союз южноамериканских наций — региональная организация южноамериканских стран. Создавалась в 2004–2008 гг, включает в себя все независимые страны Южной Америки. Посвящена продвижению латиноамериканской интеграции и служит в качестве площадки для переговоров и выработки форматов сотрудничества для стран-членов без вмешательства США, доминирующих в Организации американских государств.

[84] СЕЛАК, CELAC — "Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños", Сообщество стран Латинской Америки и Карибского Бассейна. Создано в 2010 году как объединение Группы Рио и Карибского сообщества (КАРИКОМ), включает в себя практически все страны Латинской Америки и Карибского бассейна. Формат работы и функции размыты и находятся в стадии формирования, на настоящий момент функционирует как площадка встреч на высшем уровне для стран региона.

ступления от экспорта в бюджет страны и обострившим издержки социальной политики. Главным вопросом стал возврат оставшихся после дефолта начала 2000х долгов; спекулятивные фонды США отказались их реструктурировать и потребовали возврата в полном объёме, а вставший на их сторону нью-йоркский суд закрыл Аргентине доступ к банкам США. Экономические противоречия были использованы политическими противниками Киршнер, развязавшими вокруг неё и государственной нефтедобывающей компании YPF коррупционный скандал с широким использованием подконтрольных СМИ, созвучный кампании против президента Бразилии Дилмы Русефф, проводившейся в то же самое время. На выборах 2015 года кандидатом от данной оппозиции стал Маурисио Макри, выступив с типичной риторикой «борьбы за демократию и против коррупции» и получив политическую поддержку США. Кандидатом от партии Кристины Киршнер стал Даниэль Сциоли, не отличавшийся большой популярностью. Всё это возымело эффект, и 22 ноября 2015 года Маурисио Макри был официально избран новым президентом Аргентины.

Таковы предпосылки и условия, определившие положение Аргентины на конец 2015–2016 год. Без их понимания действия Маурисио Макри на президентском посту и их значение для Аргентины невозможно оценить в должной мере.

Первые месяцы президентства Макри были отмечены рядом знаковых мер. Одним из первых его шагов была обещанная перед выборами отмена ограничения обмена песо на доллары США, что немедленно обрушило песо на 42.6 % (обещание недопущение чего также входило в предвыборную программу) [9]. Макри согласился на требования спекулятивных фондов о выплате им около $9 млрд; для обеспечения обеих мер денежной массой были выпущены новые облигации на сумму $12,5 млрд [2]. Была проведена кампания массовых увольнений, в основном коснувшихся сторонников Киршнер; изначально объявлялось о 10 тыс. планируемых увольнений, однако в апреле сообщалось о более 140 тыс [24]. Также были сокращены или отменены экспортные и импортные пошлины и множество государственных субсидий, что являлось одним из аспектов обещания Макри «покончить с киршнеризмом» (о политике и управленческих мерах президентов как о идеологических «изм»ах, даже без присутствия в них цельной объединяющей идеи, аргентинская политическая сфера говорит со времён свержения Перона) [13]. Были повышены тарифы на жилищно-коммунальные услуги, в отдельных случаях на 2000 % [28]. В марте США передали новому правительству Аргентины архивы ЦРУ о «грязной войне» 1960–1980-х (ведшейся с ведома и при поддержке данной службы); за этим

последовал официальный визит Б. Обамы 23 марта, в ходе которого он поддержал новый курс Макри и пообещал ему помощь «в любых формах, которые представляются нам — и вам — полезными» [14, 15].

Политическая кампания в Аргентине не окончилась вступлением Макри в должность. Макри продолжил укрепление позиций, отменив невыгодный союзным ему медиахолдингам закон о СМИ и антимонопольные ограничения и расформировав надзорные органы. Также его партия инициировала открытие дел о коррупции и злоупотреблении властью против Киршнер и её союзников, начав с обвинений во владении счетами в офшорах. Однако весной схожие обвинения были выдвинуты против самого Макри, поскольку незадекларированные счета и компании, принадлежащие ему, упоминались в скандальных панамских документах [16, 23]. В итоге Макри заявил, что компании принадлежали его отцу, а сам он не участвовал в их деятельности, а также пообещал закрыть счета и передать управление компаниями третьим лицам [17]. Необходимо в данной связи отметить, что проблема коррупции делового и политического класса на протяжении многих десятилетий носит в Аргентине всеобъемлющий характер, поэтому привлечение коррупционной риторики в спор о политической легитимности является опрометчивым, а встречные расследования против Макри неизбежными.

В предвыборной программе М. Макри также говорилось о «непрозрачности и невыгодности» сотрудничества с Россией и Китаем в сфере энергетики и обещаниях пересмотреть заключённые при Киршнер договорённости. Поскольку об этом упоминалось в контексте внешнеполитической ориентации Аргентины и стремления Макри выстраивать близкие отношения с США, существовали опасения их разрыва по политическим мотивам. Однако на деле эти заявления стали, скорее, элементом политического торга Макри, поскольку он подтвердил сохранение договорённостей с Россией в действии [10]. В апреле Россию посетила глава МИД Аргентины Сусана Малькорра, проведшая переговоры о дальнейшей работе над строительством ГЭС «Чиуидо-1» и АЭС «Атуча» в Аргентине и заявившая о стремлении Макри продолжать сотрудничество [8]. Также Аргентина начала закупать у России продукцию пассажирского машиностроения, суда для нужд ВМФ и иную продукцию ВПК, повысив со своей стороны экспорт продукции сельского хозяйства [4, 6, 19]. Продолжается сотрудничество в сфере технологий добычи трудноизвлекаемых углеводородов в Патагонии, незаменимой остаётся российская помощь в снабжении аргентинских антарктических станций [18]. Однако аргентинская сторона одновременно продолжает вести переговоры с Китаем, показывая, что ищет

наиболее выгодные для себя возможности [3]. Скандал начала лета 2015 года с прекращением вещания телеканала RT в Аргентине в итоге успешно разрешился. На саммите Группы 20 в Китае в 2016 году М. Макри провёл встречу с В. Путиным.

К августу 2016 г. кампания по повышению тарифов встретила сопротивление Верховного суда, аннулировавшего новые тарифы на газ для физических лиц [31]. Новая волна увольнений лишила трудоустройства около 30 тысяч человек; Макри наложил вето на законопроект парламента, предполагавший полугодовой мораторий на увольнения [5]. Осенью правительство приняло решение заморозить зарплаты и отменить выплату премий, а также разработало программу повышения налогов, в то время как обещание Макри отменить подоходный налог для трудящихся не было реализовано. Политика сокращения бюджетных расходов Макри также предусматривает урезание социальных выплат и повышение пенсионного возраста. Нарастающие протесты и обострение социального напряжения встретили жёсткую реакцию — силы правопорядка регулярно разгоняют протестующих резиновыми пулями, газом и светошумовыми гранатами. Также Макри объявил об амнистии капиталов, позволяющей всем лицам с незадекларированными средствами заплатить 15 % от них или купить государственные облигации; данная мера, согласно налоговой службе Аргентины, легализовала более $20 млрд, однако разрешение участвовать в ней родственникам и супругам государственных чиновников вызвало лишь большее недовольство и осуждение со стороны населения и очередные иски против президента Макри [12]. Макри объявил о возвращении вооружённым силам Аргентины большей самостоятельности, однако в предыдущие месяцы не препятствовал приговору последнему лидера хунты Биньоне и в целом не выказывал симпатий армии как отдельной политической силе [21]. Наконец, был принят план финансирования вооружённых сил, находящихся в плачевном состоянии с долей бюджета в 0,7 % ВВП и хронически не ремонтируемой техникой [26, 32].

Внешняя политика Макри заключается не только в двусторонних контактах с США при сохранении возникшего сближения со странами БРИКС, но также в изменении риторики в региональной политике. Это оказало деструктивное влияние на МЕРКОСУР, поскольку Макри исповедует логику «борьбы за демократии и права человека» в понимании внешней политики США, объявляя недемократическими страны, считающиеся таковыми с точки зрения Государственного департамента. Макри проводит негативный курс по отношению к Венесуэле, члену МЕРКОСУР, в соответствии с требованиями США о смене её правительства на идеологически

союзное США. В союзе с новыми властями Бразилии во главе с Мишелем Темером Макри приостановил участие Венесуэлы в организации до момента принятия ей условий о «соблюдении прав человека» и ряда рабочих вопросов организации [33]. Несмотря на это, Макри стремится сделать МЕРКОСУР ведущим латиноамериканским блоком и реализовать давние, но невоплощенные планы о более близких связях между МЕРКОСУР и Европейским Союзом (что маловероятно скорее по причине тяжёлого системного кризиса в последнем). В целом Макри исходит из суверенистских позиций выбора наиболее выгодных для Аргентины вариантов и стремления к укреплению её статуса в регионе и мире, однако при этом он придерживается американоцентричных взглядов, пытаясь оперировать понятиями и риторикой США и позиционировать страну как неотъемлемую часть идеологического Запада.

На конец ноября — начало декабря 2016 года ситуация осталась стабильно напряжённой. Налоговые и социальные реформы Макри и его экономические меры, выгодные в основном немногочисленной прослойке богатых аргентинцев и оправдывающиеся «борьбой с тяжёлым наследием киршнеризма» и возвратом на данном основании к фритредерским, радикально-рыночным принципам ожидаемо встречаются в штыки населением; президентские кортежи за последние месяцы неоднократно забрасывались камнями. Тем не менее, Макри не собирается идти ни на какие уступки и послабления в избранном курсе. В связи с экономической нестабильностью и постоянным ослабеванием национальной валюты внутренний спрос не может обеспечить роста экономики, в то время как внешние рынки остаются нестабильными и не приносят достаточных для сбалансированного бюджета доходов; в итоге правительство Макри вновь обращается к иностранным займам и международным организациям для пополнения бюджета, как когда-то поступал президент Менем, осуждённый за растраты после избрания Макри [7, 22]. Продолжаются судебные процессы против Кристины Киршнер и деятелей времён её администрации, обвиняющихся Макри во всех проблемах страны, равно как и встречные дела против самого Макри; внутриполитический конфликт с использованием судебных тяжб продолжает лишь нарастать.

Наконец, для анализа сложившейся на сегодняшний день ситуации с точки зрения положения Аргентины как страны необходимо изложить модель критериев статуса великой державы, адаптированно используемую для определения позиций страны в принципе.

Для начала следует изложить являющиеся составной частью модели Т. А. Шаклеиной [Мегатренды, 2013, с. 73–88] традиционные критерии великой державы и, по пунктам, описать положение Аргентины касательно них.

1. *Территория*: Аргентина занимает второе место в Латинской Америке по территории и восьмое в мире в целом, общая площадь территории 2 780 400 км^2.
2. *Природные ресурсы*: Благодаря обширной территории Аргентина обладает значительными запасами ресурсов: углеводородов, урана, цветных металлов, леса; также имеет плодородные земли, хорошо пригодные для сельского хозяйства.
3. *Демография*: Население составляет около 43,5 млн человек. Высоко урбанизировано, до 92 % живет в городах. Численность стабильна, нет проблемы опасного старения населения. Однако при этом на сегодня около 30 % находится за чертой бедности.
4. *Военный потенциал*: со времён свержения военной диктатуры армия Аргентины систематически ослаблялась. Общая численность вооружённых сил Аргентины составляет приблизительно 78 тыс человек, все 10 бригад сухопутных сил годами остаются недоукомплектованными, ВВС и ВМФ страдают от критической нехватки запчастей и обслуживания и глубокого устаревания техники. В 2007 году в результате пожара был выведен из строя единственный ледокол.
5. *Экономика*: Аргентина страдает от тяжелых экономических кризисов, приобретших за последние десятилетия циклический характер и усугубляющихся волнами колебаний мирового рынка в целом, а также острой политической борьбой. Рыночная политика Макри ухудшила социально-экономическую ситуацию как минимум в краткосрочном измерении; её меры привели к более чем 40 %-ой инфляции и опасному росту количества бедных и безработных.
6. *Передовые технологии*: Аргентина сохранила некоторые мощности, позволяющие ей работать над собственной космической программой, однако она ограничена разработкой спутников и требует помощи иных космических держав. Также она способна эксплуатировать АЭС, однако не имеет возможности строить их самостоятельно. Часто в вопросах передовых технологий требуется помощь зарубежных специалистов, нередко российских.
7. *Наука и исследования*: Присутствует программа научных исследований на опытном ядерном реакторе, на мировом уровне находятся медицина и физика; Аргентина также пользуется близостью к Антарктиде для проведения там научных исследований (однако нуждается в помощи России для содержания научных станций).
8. *Образование*: Страна традиционно является одним из лидеров латиноамериканского региона по уровню грамотности и имеет систему всеобщего бесплатного среднего образования. С приходом к власти

Макри возникли идеи передачи части образования в частные руки, однако пока на качестве образования это не сказалось.

9. *Культура*: Аргентина обладает собственной культурной сферой — своей киноиндустрией, музыкой, театральной жизнью — и является одним из культурных лидеров региона. Официально секулярная страна, при этом около 75 % жителей относят себя к католикам, также присутствуют крупнейшие в Южной Америке иудейская и мусульманская общины.
10. *Традиция думать и действовать глобально*: Аргентина не относит себя к разряду великих держав и, хотя она стремится играть важную роль в латиноамериканском регионе, нельзя сказать, чтобы её населению или политическому классу было присуще желание играть глобальную роль. Сегодня аргентинцы не связывают успех своей страны со статусом глобального игрока.

Теперь следует перейти к расширенному подходу Т. А. Шаклеиной, адаптированному к оценке статуса страны.

1. *Степень самостоятельности суверенной политики*: Политические решения Макри носят отчасти суверенный характер, особенно в отношениях с Россией и Китаем, однако сохраняется позиционирование США как главного авторитета и политического лидера, в фарватере которого следует Аргентина. Особенно ярко это выражается в принятии идеологии распространения демократии и либерализма, дошедшем до нанесения прямого ущерба латиноамериканским отношениям. Макри пользовался поддержкой США на выборах и относится к их интересам как к интересам Аргентины; многие его меры и решения продиктованы не суверенной необходимостью или целесообразностью Аргентины, а следованию либерально-демократическим и рыночным постулатам США.
2. *Отстаивание национальных интересов и влияния на политику иных стран, регулирование международных отношений*: Отчасти содержание данного пункта описывается предыдущим. Однако отдельно необходимо отметить действия Макри в отношении Венесуэлы — принятие Аргентиной под руководством Макри и Бразилией под руководством Темера стороны США, выступающих за вмешательство в политический кризис в Венесуэле, можно квалифицировать как деятельность по мирорегулированию и влиянию на политику иных стран. Более того, это расценивается Макри как отстаивание национальных интересов Аргентины «в качестве демократического государства».

3. *Традиционные признаки великой державы*: В целом показатели Аргентины соответствуют её месту в балансе сил региона и мира — некоторые из них высоки, что обуславливает её политический вес и возможность влиять на расстановку сил в регионе, однако её слабые стороны значительны и не позволяют ей претендовать на более высокий статус.
4. *Исторический опыт активной роли на мировой арене*: В XIX — начале XX вв. Аргентина была одной из наиболее динамичных держав мира, способной дать отпор европейским империям и оказывающей большое влияние на своих соседей. Однако с началом стагнации в первой половине XX века и дальнейшим ослаблением и концентрации страны на внутриполитической борьбе Аргентина утратила свой вес и отступила на второй план, практически не фигурируя на мировой арене и продолжая влиять на латиноамериканский регион в гораздо меньшем объеме.
5. *Культура думать и действовать глобально*: Для мировоззрения Аргентины характерно скорее самоотнесение к региональным державам, сосредоточение на собственном благополучии и оставление глобальных проблем на откуп иным странам. Региональные проблемы и вопросы соседей, как правило, интересуют как население, так и власти в той степени, в какой они влияют на состояние Аргентины.

Отдельно следует отметить пункт, отсутствующий в обеих системах, вероятно ввиду принятия как данности: *внутриполитическую стабильность и общественное согласие*. Постоянные внутриполитические конфликты стали главной слабостью Аргентины, поскольку они отвлекают на себя ресурсы и внимания властей и населения и стали причиной вмешательства США в её политическую жизнь. Привычным фактом стала постоянная борьба за власть олигархически-чиновничьих группировок. Политическая жизнь страны была фактически монополизирована прослойкой богатых аргентинцев, в то время как остальная часть населения участвует в ней лишь опосредовано; даже в условиях официально демократической и выборной власти подавляющее большинство политических фигур Аргентины происходит из упомянутой социальной прослойки и неизбежно связано с той или иной группой. Во многом в связи с этим остальное общество выказывает столь острое недовольство, что не позволяет Аргентине достичь общественного согласия и внутриполитической стабильности. Это, в свою очередь, крайне негативно влияет на положение страны вне зависимости от всех остальных признаков.

Результаты исследования. Проведённая работа показывает соотношение сильных и слабых сторон Аргентины на сегодняшний день, и доказывает неоднозначность избранного М. Макри курса по итогам первого года его президентства. Судить о грядущих годах президентства Макри по первому году не представляется возможным, однако по текущему состоянию и произошедшим событиям можно сделать вывод о весьма узких границах возможностей для Аргентины и отсутствии перспектив улучшения положения страны в краткосрочной перспективе, а также о зыбкости ее нынешних позиций в условиях внутренней нестабильности и уязвимости перед внешними факторами.

Анализ результатов. Положение Аргентины остается непростым. Меры, предпринятые Макри за первый год президентства, отражают его идейный рыночный либерализм и интересы связанных с ним аргентинских финансистов и промышленников. Однако их полезность для страны как цельной системы является кратковременной; сокращение расходов на бюджетную сферу, повышение налогов, увольнения и отмена социальных мер вызывают общественные волнения и массовое неприятие, в то время как поступления от амнистии капиталов являются единовременными. Меры Макри приносят выгоду крупным собственникам, но аргентинское общество рискует не выдержать политики дерегулятивного либерализма и устранения расходов на социально значимые направления. Кроме того, возобновленные иностранные заимствования Макри в условиях подобной политики грозят обернуться очередным долговым кризисом.

В ближайшей перспективе Макри продолжит следовать избранному курсу. Учитывая политическую ситуацию в США, невозможно судить о том, какие изменения могут быть внесены во внешнюю политику Аргентины в вопросах «борьбы за права человека и демократию», однако наиболее вероятно сохранение избранной политики осуждения левых правительств Латинской Америки и альянса с праволиберальными, такими как бразильское. Многовекторный подход Макри, тем не менее, означает продолжение сотрудничества с Россией и Китаем, предоставляющими полезные для страны наукоемкие технологии и товары.

В обстановке частых и распространенных кризисов в латиноамериканском регионе наиболее вероятно сохранение за Аргентиной существующей роли — находящейся на лидирующих позициях, однако неспособной стать единым центром страны; остальные страны региона не смогут превзойти ее ввиду собственных кризисных ситуаций. В связи с этим также наиболее вероятно сохранение Аргентины в статусе локального игрока, не влияющего на мировую политику вне вопросов, прямо связанных с ней.

Заключение. Аргентина имеет все задатки великой державы или, как минимум, регионального лидера. Она обладает территорией, природными ресурсами и системой всеобщего образования, и в прошлом показывала способность к самостоятельному развитию и использовала свой потенциал для достижения впечатляющих результатов, сопоставимых с мировыми державами. Тем не менее, в современности этот потенциал остается недореализованым, а отдельные сферы, такие как военная промышленность и развитие вооруженных сил, практически парализованы, по одной и той же причине — острая борьба за власть и политически мотивированные решения, вредящие общей пользе страны. В связи с этим положительные черты политик предыдущих администраций не принимаются новыми властями, а общество разделяют глубокие противоречия и экономические противоборства, в то время как для возврата к реализации потенциала во благо Аргентины как таковой необходима большая степень гражданского объединения, стабильности и преемственности в политике. В то время как Аргентина, вероятнее всего, не потеряет уже имеющегося статуса в регионе, без изменений в этом измерении улучшение положения страны представляется весьма маловероятным.

Прошедший год показал, что в краткосрочной перспективе обстановка внутренних и внешних кризисов различной степени интенсивности сохранится. Изменения станут возможны лишь в случае стабилизации международной политической и экономической ситуации в среднесрочной перспективе. Если к тому времени Макри или его преемник сумеет вывести страну из внутренней турбулентности, возможно улучшение положения Аргентины и повышение ее статуса в регионе.

Литература

1. Антикризисные меры и политика национализации: восемь лет Киршнер во главе Аргентины // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2421349
2. Аргентина договорилась с 90 % кредиторов, отказавшихся от реструктуризации // Retrieved from http://tass.ru/ekonomika/3192187
3. Аргентина и РФ продолжают переговоры по проекту ГЭС «Чиуидо — 1» // Retrieved from http://tass.ru/ekonomika/3755239
4. Аргентина приобрела 12 троллейбусов на аккумуляторах, выпущенных в Новосибирске // Retrieved from http://tass.ru/sibir-news/3728575
5. В Аргентине за восемь месяцев работы более 194 тысячи человек лишились работы // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3521251
6. В Аргентину прибыли четыре купленных в России морских буксира // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2502847

7. Всемирный банк выделит Аргентине $845 млн // Retrieved from http://tass.ru/ekonomika/3449675
8. Глава МИД Аргентины назвала чрезвычайно полезным свой визит в Россию // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3249115
9. Курс аргентинского песо к доллару обрушился на 42,6% на фоне отмены валютных ограничений // Retrieved from http://tass.ru/ekonomika/2537942
10. Лавров призвал не спекулировать на теме отношений России со странами Латинской Америки // Retrieved from http://tass.ru/politika/3196875
11. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке // Т. А. Шаклеина, А. А. Байков, Э. Я. Баталов, Н. А. Симония и др.; под ред. Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова. — М.: Аспект Пресс, 2013
12. На президента Аргентины подали в суд за допуск родных чиновников к амнистии капитала // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3837791
13. Новый президент Аргентины Маурисио Макри: конец эпохи «киршнеризма» // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2511580
14. Обама впервые рассекретит документы разведки и минобороны о «Грязной войне» в Аргентине // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2749973
15. Обама: Аргентина под руководством Макри возвращается на лидирующие позиции в регионе // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2914567
16. Президент Аргентины подтвердил, что предоставит суду все данные о связях с офшорами // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3256326
17. Президент Аргентины пообещал закрыть свой счет на Багамских островах // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3325709
18. Российское судно доставило в Антарктиду 6 тысяч тонн грузов для научных станций Аргентины // Retrieved from http://tass.ru/nauka/2647179
19. Россия и Аргентина расширят военное и военно-техническое сотрудничество // Retrieved from http://tass.ru/armiya-i-opk/3603953
20. Самые крупные дефолты в истории Аргентины. Досье // Retrieved from http://tass.ru/info/1353379
21. Суд в Аргентине приговорил экс-диктатора Биньоне к 20 годам за участие в «Плане Кондор» // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3321006
22. Суд в Аргентине приговорил экс-президента Карлоса Менема к 4,5 года тюрьмы за растрату // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2489062

23. Суд в Аргентине расширил расследование по делу о связях президента с офшорами // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3332553
24. Тысячи аргентинцев провели акцию против увольнений и роста цен // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3252180
25. Argentina. PIB (US$ a precios actuales). Banco Mundial. Consultado el 21 de septiembre de 2016. // Retrieved from http://datos.bancomundial.org/indicador/NY.GDP.MKTP.CD?locations=AR
26. Argentine Navy short on spares and resources for training and maintenance (2012, November 22) // Retrieved from http://en.mercopress.com/2012/11/22/argentine-navy-short-on-spares-and-resources-for-training-and-maintenance
27. Bolt, Jutta; Van Zanden, Jan Luiten (2013). "The First Update of the Maddison Project; Re-estimating Growth Before 1820" (XLS). Maddison Project Working Paper 4.
28. Con la motosierra adentro del quirófano. Diario Página/12. 15 de julio de 2016.
29. Desempleo,total (% de la población activa total) (estimación modelado OIT). Banco Mundial. Consultado el 21 de septiembre de 2016. // Retrieved from http://datos.bancomundial.org/indicador/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=AR
30. Galasso, Norberto Historia de la Argentina, vol. I&II. Buenos Aires, 2011: Colihue.
31. La Corte frena tarifazo de gas para hogares y exige audiencias públicas. Diario Ámbito Financiero. 18 de agosto de 2016.
32. Obarrio, Mariano (12 de noviembre de 2016). Lanzan un ambicioso plan para reequipar a las Fuerzas Armadas. La Nación (Argentina). 12 de noviembre de 2016
33. Reuters: членство Венесуэлы в МЕРКОСУР будет приостановлено в пятницу http://tass.ru/ekonomika/3834019

THE FIRST YEAR OF MAURICIO MACRI'S PRESIDENCY IN ARGENTINA: FACTORS DETARMINING THE COUNTRY'S REGIONAL AND GLOBAL POSITION

Yury Chebotarev

Abstract. *This article analyses the situation of the Argentine Republic from the point of view of international politics during the period from Mauricio Macri's election to the post of president in November 2015 to November 2016. The article focuses on examining the background and the causes determining the course of events that transpired during the year and evaluating their influence on the actions of the state and the direction Argentina takes today. The article is based on collating open-source information into a coherent picture that allows one to understand the situation in Argentina, its circumstances and the likely courses of action the country may adopt in the near future.*

The basis for this article's system of evaluating the position the country is in is formed from the criteria of great power status put forward by T. A. Shakleina, used as an adapted form of estimating the state of the country and its relative capacity for regional and global action. This approach allows for a synoptic analysis of the situation without having to resort to deeply involved quantificatory methods.

The article examines both internal and external factors of decisive influence on Argentina's position, such as the domestic political processes and policies, domestic economy, foreign trade and finances, Argentina's relations with its neighbors and its activity in the regional system, its relations with external powers, its socio-cultural and military potential. Relations between Russia and Argentina play a role in several of these areas. The article also includes the necessary background information on the key aspects of these spheres that help explain the particulars of the events of 2015 and 2016.

The analysis conducted in accordance with the outlined criteria has produced a conclusion that over the first year of M. Macri's presidency in Argentina, its regional and global position in the world has not improved as a result of multiple internal and external factors. Chief among them are the simultaneous crises of the United States' foreign and domestic policies, political destabilization of the Latin American region as a whole and the instability within several of its countries, including Argentina, in particular. The situation is further compounded by the grave problems of economy and social tensions. In short term, this leaves Argentina no chance to improve its position and meaningfully better its situation both globally and within its home region. However, there remains opportunity for Argentina in mid-term, because it retains its potential for self-sustained development and productive interaction with its neighbors and external powers alike, and may be able to realize it after the current crises are over.

This article is of use to those engaged in foreign policy studies who are interested in the Latin American region.

Keywords: *Argentina, Latin America, Mauricio Macri, MERCOSUR, Argentina-Russia relations, Argentina-United States relations.*

References

1. Anti-crisis measures and the policy of nationalization: eight years of Kirshner's Argentina presidency // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2421349
2. Argentina reaches agreement with 90 % of its debt holders refusing to restructure // Retrieved from http://tass.ru/ekonomika/3192187
3. Argentina and Russia continuing talks on Chihuido-1 power plant // Retrieved from http://tass.ru/ekonomika/3755239

4. Argentina purchases 12 trolleybuses with batteries made in Novosibirsk // Retrieved from http://tass.ru/sibir-news/3728575
5. 194 thousand people lose jobs over last 8 months in Argentina // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3521251
6. Four sea tugs bought from Russia arrive in Argentina // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2502847
7. World Bank to loan Argentina $845 million // Retrieved from http://tass.ru/ekonomika/3449675
8. Head of Argentine foreign affairs considers visit to Russia "extremely useful" // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3249115
9. Argentine peso exchange rate drops 42.6% after conversion ban lifted // Retrieved from http://tass.ru/ekonomika/2537942
10. Lavrov warns against speculation about Russia's relations to Latin American countries // Retrieved from http://tass.ru/politika/3196875
11. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке // Т. А. Шаклеина, А. А. Байков, Э. Я. Баталов, Н. А. Симония и др.; под ред. Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова. — М.: Аспект Пресс, 2013
12. President of Argentina sued for allowing relatives of office holders to participate in capital amnesty // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3837791
13. Argentina's new president Mauricio Macri: the end of "Kirchnerism" // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2511580
14. Obama to declassify intelligence and DoD files on Argentina's "Dirty War" // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2749973
15. Obama: Argentina under Mauricio Macri returns to leading positions in the region // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2914567
16. President of Argentina confirms he will grant the court all data on connections to offshore companies // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3256326
17. President of Argentina vows to close account on the Bahamas // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3325709
18. Russian vessel delivers 6 thousand tons of cargo to the Antarctic for Argentine science stations // Retrieved from http://tass.ru/nauka/2647179
19. Russia and Argentina to broaden military and technical cooperation // Retrieved from http://tass.ru/armiya-i-opk/3603953
20. Biggest defaults in Argentina's history: a dossier // Retrieved from http://tass.ru/info/1353379
21. Argentine court sentences ex-dictator Bignone to 20 years in prison for participating in "Plan Condor" // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3321006

22. Argentine court sentences ex-president Carlos Menem to 4.5 years in prison for embezzlement // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2489062
23. Argentine court broadens investigation into the president's connections to offshore capital // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3332553
24. Thousands of Argentines protest against dismissals and price hikes // Retrieved from http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3252180
25. Argentina. PIB (US$ a precios actuales). Banco Mundial. Consultado el 21 de septiembre de 2016. // Retrieved from http://datos.bancomundial.org/indicador/NY.GDP.MKTP.CD?locations=AR
26. Argentine Navy short on spares and resources for training and maintenance (2012, November 22) // Retrieved from http://en.mercopress.com/2012/11/22/argentine-navy-short-on-spares-and-resources-for-training-and-maintenance
27. Bolt, Jutta; Van Zanden, Jan Luiten (2013). "The First Update of the Maddison Project; Re-estimating Growth Before 1820" (XLS). Maddison Project Working Paper 4.
28. Con la motosierra adentro del quirófano. Diario Página/12. 15 de julio de 2016.
29. Desempleo,total (% de la población activa total) (estimación modelado OIT). Banco Mundial. Consultado el 21 de septiembre de 2016. // Retrieved from http://datos.bancomundial.org/indicador/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=AR
30. Galasso, Norberto Historia de la Argentina, vol. I&II. Buenos Aires, 2011: Colihue.
31. La Corte frena tarifazo de gas para hogares y exige audiencias públicas. Diario Ámbito Financiero. 18 de agosto de 2016.
32. Obarrio, Mariano (12 de noviembre de 2016). Lanzan un ambicioso plan para reequipar a las Fuerzas Armadas. La Nación (Argentina). 12 de noviembre de 2016
33. Reuters: Venezuela's membership in MERCOSUR to be suspended on Friday http://tass.ru/ekonomika/3834019

Информация об авторе

Чеботарев Юрий Анатольевич

аспирант кафедры прикладного анализа международных процессов МГИМО МИД России. Российская Федерация. E-mail: taarbas@mail.ru

Yury Chebotarev

PhD student at the department of applied analysis of international processes at Moscow State Institute of International Relations of the MFA of the Russian Federation. E-mail: taarbas@mail.ru

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР РОССИИ И США

О. Н. ШАДРИНА

Аннотация. *Межгосударственные отношения между Россией и Соединенными Штатами за период с 1991 по 2016 г. изменились от партнерских — до «взаимно-санкционных». Влияние политических культур становится решающим в кризисные периоды. В междисциплинарном исследовании представлен сравнительный анализ ценностей политических культур России и Соединенных Штатов Америки (США).*

Работа выполнена на основе комплексного системного подхода в компаративистике, при использовании возможностей семиотических и герменевтических методов в политическом анализе. Автор оценивает политическое поведение отдельных лиц (руководителей, граждан) и групп (политической элиты, субкультуры) в контексте их политического символического мышления. Политическая культура рассматривается как символическая система. В ходе исследования были проанализированы источники официальной дипломатии, общественной дипломатии, электронной дипломатии, материалы информационных агентств и фундаментальные работы Г. Алмонда, С. Вербы, Н. Ная, Дж. Кима, У. Вудворда, С. Брукса, Ф. И. Тютчева, И. Ильина, Э. Я. Баталова, Э. А. Паина и т.д.

Исследование выявило различия в политических культурах США и России. Уникальность политических культур США и России состоит, прежде всего, в том, что они представляют собой два мессианских цивилизационных проекта, противоположное видение политического идеала: в Современности (США) или в Традиции (Россия). Базовые ценности политической культуры США составляют: идея «явного предначертания», поддерживаемая «человеком, который сделал себя сам» и верит в «американскую мечту», идея «плавильного котла», «американской исключительности»; «миф об Американском мире», держащемся, на глобалистской «светской религии» «Нового Времени» — идеологии, основанной на идее цивилизационной миссии «белого англо-саксонского протестанта» (БАСП). При этом все прочие проекты цивилизации рассматриваются как регрессивные.

В России общество сохраняет идеалы истины, справедливости и любви (в православной традиции); жертвенности, общинности, многонациональности; тип государства — патерналистский, с уважением к предкам и истории; сильно чувство «наследия». Государство берет свое начало в Традиции — это не «новодел». Анализ показал, что идеология, «Третьего Рима», миссия охраны Традиции (Православия) являются исторически скрепляющими российское общество ценностями.

В заключение автор утверждает, что идеологический фактор будет продолжать оказывать влияние на современное глобальное общество, а идея национального суверенитета будет оставаться актуальной категорией в политическом анализе третьего тысячелетия.

Ключевые слова: *политическая культура, «американская исключительность», национальный суверенитет.*

Введение. В условиях стремительной глобализации роль и значение компаративистики непрерывно возрастает. Исследование политической культуры, ее субъектов, структурных элементов, функций и ценностных основ, позволяет выявить скрытые причины затруднения международного и межнационального диалога, кроющиеся в фундаментальных различиях политических обществ в оценке политических явлений, истории и современности, человека и общества, ценностей религиозных и светских, а также открывающихся возможностей и перспектив политического партнерства. Изменение межгосударственных отношений между современной Россией и США от партнерских до «взамно-санкционных» за период с 1991 по 2016 гг., делают сравнительно-политическую тему еще более актуальной.

Анализ степени разработанности темы показал, что теория политической культуры является одной из популярнейших среди исследователей мира, но также и одной из самых неоднозначных. Единой трактовки понятия политическая культура, как базовой категории политического анализа, не существует; и количество дефиниций со временем только возрастает.

Источниковой базой данного исследования послужили нормативно-правовые акты России и США, в исторической ретроспективе; статистические данные ВЦИОМ, PewResearchCenter, Федеральной службы государственной статистики РФ и др.; материалы иностранных и отечественных периодических изданий и пресс-служб за указанный период, в том числе Washington Post, The New York Times, Los Angeles Times, Daily Mail, BBC News, CNN, РИА новости, ТАСС, RT, РИСИ; официальные сайты МИД РФ и США, источники электронной дипломатии (М. Заха-

рова, Д. Трамп); а также фундаментальные исследования, в том числе: *компаративистские исследовательские модели* изучены в контексте работ Г. Аптера Д. И., Василенко И. А., Г. В. Голосова, А. Л. Демчука, П. Мэр, А. И. Неклесса, Л. В. Сморгунова, Т. А. Шаклеиной, В. Ю. Крашенинниковой; *феномен политической культуры* рассмотрен в данном исследовании с опорой на фундаментальные труды Г. Алмонда, С. Вербы, С. Чилтона, Т. Парсонса, У. Розенбаума; *анализ политической культуры американского и российского общества* осуществлен в соответствии с подходами С. Стауффера, А. де Токвиля, М. Вебера, Э. Баталова, М. Уварова, А. Халбашкеева, Э. Паина; *исследование понятия политической социализации*, как процесса усвоения определённой системы знаний, норм и ценностей, характерной для той или иной политической культуры, основано на взглядах П. Бергера,Т. Лукманна, Р. Доусона, К. Прюитта, Д. Истона, Д. Денниса, А. Малькевича; *проблематика политического участия*, как одной из основных форм вовлечения индивида в политическую жизнь общества проанализирована в контексте исследований Н. Ная, Д. Кима, Л. Моргана, Ж. Тощенко*; политическая культура элит* изучена в парадигме подходов Б. Джессопа, Ф. Паркина, Р. Патнэма; анализ *политической культуры американской элиты* опирался на данные П. Майера, К. Майлса, Р. Бушмана, Г. Девиса, К. Хадсона, У. Вудварда, Г. Севостьяновой, А. Уткиной, Г. Ашиной, А. Белоусовой; *особенности политического поведения российской элиты* рассмотрены в контексте трудов В. Шилова, А. Кайбушева, У. Циммерана, Р. Инглхарта, Э. Понарина, Б. Колосова, И. Вартановой, Е. Турановой; в *исследовании политических субкультур* автор опирался на труды У. Розенбаума, В. Халупки, В. Дорена, Р. Макгенри, Д. Бергланда, С. Хантингтона, Э. Моргана, П. Мижуева, О. Зевиной, Б. Макаренко, О. Глушковой; *роль политической символики в социуме* раскрыта в контексте трудов А. Тести, К. Дойча, О. Шпенглера, А. Лосева, Е. Воронца, В. Дыгало, А. Мишиной, Л. Окуньковой, Г. Севостьянова, Н. Соболевой и А. Казакевич; *идеологическая компонента общественного сознания* рассмотрена, с опорой на работу Д. де Траси, впервые употребившего термин «идеология» в своём докладе «Проект идеологии» (1796 г.), а также трудов К. Маннгейма, К. Гирца, Э. Фромма; *идеологические основы политической культуры США* для автора были актуализированы классическими трудами: Т. Рузвельта, Д. Адамса, Т. Пейна, С. Брукса, Н. Гингрича, С. Липсета, Дж. О'Салливана, Р. Мэя, Ф. Карпентера, Г. Маркузе; *аналитика российской идеологии* предпринята в соответствии с выводами Ф. Тютчева, И. Ильина, А. Зиновьева, Л. Гумилёва, Р. И. Байгутлина, М. Калашникова, А. Кобякова, В. Аверьянова, В. Малинина, И. Снычёва, Н. Суетиной, В. Комаровой, В. Лепехиной,

В. Багдасаряна, С. Сулакшиной, О. Вольтера; *феномен политического участия* рассмотрен в контексте работ К. Балдино, К. Крайдер, Е. Быковой, В. Журавлёва, В. Фортунатова, Л. Байбаковой, акцентирующих внимание на анализе избирательных систем России и США, а также работах А. Андреенковой, Т. Болховитиной, Н. Зоркой, А. Кученковой, Л. Пастуховой, И. Фан, Е. Захаровой; *религиозный аспект политической культуры двух стран синтезирован* в важных для автора работах Д. Кракауера, П. Лейтхарта, А. Ливена, Д. Маски, Дж. Льюиса, Дж. Мелтона, Д. Фурмана, В. Кириллиной, С. Рязановой, А. Савельевой, А. Чаблиной, Н. Щербининой.

Теоретические основания исследования. Теоретические основания междисциплинарного исследования представлены сочетанием классических методов и постклассических методологических концепций: от системно-концептуального, сравительно-исторического, историко-генетического методов — до семиотического, герменевтического, анализа и синтеза, обобщения-визуализации.

Компаративный анализ осуществлялся как на уровне властных структур, так и на уровне политического поведения граждан, что предостило возможность более глубоко исследовать причины сбоев в функционировании политических систем рассматриваемых государств; провалов реформ в обществе; мотивов для принятия политических решений главами государств; конфликтного потенциала, скрытого в политическом сознании элит и масс и влияющего на международные отношения.

В исследовании ценностных структур общества свою эффективность доказало сочетание следующих методологических подходов: 1) функционализма Т. Парсонса (анализ ценностей с точки зрения обеспечения эффективности политической системы /«социальный порядок»/и 2) «психокультурного» /бихевиористского/ (подход Г. Алмонда и С. Вербы, позволившего учитывать «личностный вклад» индивида и группы в политическую культуру («политическая социализация», «политические субкультуры» и др.).

В оценке политической культуры автор опирался на определение отечественного исследователя Э. Баталова: «политическая культура — это система исторически сложившихся, относительно устойчивых, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности» [Баталов, 1990, с. 34].Данный подход рассматривает политическую культуры как субъективно-объ-

ективный феномен, как способ духовно-практической деятельности и взаимотношений в сфере политики. Такой принцип позволяет осуществить системные анализ политических культур, выявляя базовые (ценностные) доминанты обществ, а не концентрировать одностороннее внимание на личностном или институциональном аспектах.

Важной для исследователя была идея американского политолога Д. Пола, видевшего в политической культуре, в первую очередь, конфигурацию ценностей, политических символов, а также образцов установок и поведения, лежащих в основе политики общества. Особенности политического поведения базируются на политической социализации — процессе «усвоения человеческим индивидом определённой системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества» [Ильичев, Федосеев, Ковалев, 1983 с. 629].

В рассмотрении вопроса политического участия индивида в политической культуре, автор отталкивался от определения Н. Ная, С. Вербы, Д. Кима[85], утверждавших, что политическое участие — это законные действия граждан, обязательно, воздействующие на отбор политического персонала и его поведение. Категория «законности» ставит вопрос о возможности феномена политических субкультур. Под «субкультурой» понимается система норм и ценностей, отличающих группу индивидов от остального общества. Дефиниция характеризует культуру группы/класса, оппонирующих господствующей культуре общества (вплоть до контркультурных тенденций), или сосуществующих с ней. У. Розенбаум определил политическую субкультуру как некую совокупность индивидов, существующую в рамках политической системы государства или в рамках национальной культуры, чьи политически взгляды заметно отличаются от взглядов абсолютного большинства членов общества или, от доминирующих в обществе культурных ориентиров[86]. Исследователи, принимающие концепцию «гражданской культуры» в качестве замены/синонима национальной культуры в пост-современном обществе, представляют ее как не противостоящую существованию политических субкультур, но лишь задающую баланс между ними. Однако, данная концепция разработана в контексте культуры «плавильного котла» американского общества, синтезирующей три политические субкультуры: «индивидуалиста», «моралиста» и «традицио-

[85] Verba S., Nie N., Kim J. Participation and Political Equality: a seven-nation comparison / S.Verba, N.Nie, J.Kim. Cambridge: Camdridge University Press, 1978. 394 p.

[86] Rosenbaum W. A. Political culture (Basic concepts in political science). N.Y: Praeger, 1975. 181 p.

налиста», вызывая необходимость формирования внутриполитических механизмов «сдержек и противовесов»[87].

Важным аспектом в исследовании явилось изучение политической культуры властвующих элит. С. Стауффер[88] привел любопытный пример: в 1954 г., в условиях сильнейшей антикоммунистической пропаганды, рядовые американцы настаивали на запрете публичного выражения взглядов, и преподавания в высших учебных заведениях коммунистам и атеистам; представители же американской политической элиты высказали противоположную точку зрения, заявив, что в ограничении свободы слова необходимости нет. Р. Патнэм дал структурное определение политической культуры элит, используемое в данном исследовании[89]. Во-первых, это представления правящих элит о том, как функционирует политическая система государства — «познавательные ориентации». При этом неизбежен конфликт интересов, но идеалом является политическая система, в которой политики ставят общенациональные интересы, выше ведомственных, групповых и личных. Во-вторых, это взгляды правящей элиты на то, как политическая система государства должна функционировать — «нормативные ориентации». Критерий — восприятие политиками идеи равенства. Если политическая элита разделяет граждан своей страны на привилегированных и непривилегированных, невозможно полноценное развитие государства и общества. Р. Патнэм выяснил, что взгляды элит не зависят от типа политического режима, и страны либеральной демократии не всегда представлены последовательными приверженцами демократических ценностей. В-третьих, это «интерперсональные ориентации» — взаимные представления в среде политических элит: 1) Политики могут воспринимать друг друга как непримиримых соперников, прибегая в своей борьбе к любым средствам. Такой вариант нежелателен для общества, поскольку может привести к серьёзнейшему конфликту, подрывающему основы государственной стабильности и негативно влияющему на международные отношения; 2) Соперничество между политиками возможно в рамках «честных правил», например, в период избирательной кампании, одни политики уступают другим, признавая более высокие профессиональные

[87] Баталов Э. Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. — 2007. — № 3. — С. 7–22; Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. 252 р.

[88] Stouffer S. A. Communism, conformity and liberties: a cross section of the nation speaks its mind. Piscataway: Transaction Publishers, 1992. 286 p.

[89] Putnam R. D. The comparative study of political elites. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1976. 246 p.

качества, опыт и пр. оппонента. Такой вариант — наиболее приемлем для государства. 3) Возможен вариант такой системы, в рамках которой все члены политической элиты будут воспринимать себя единой группой, обладающей общими интересами, для защиты которых требуются совместные усилия. Данная стратегия политических элит, также, как и соперничество, является не желательным для политической системы государства, поскольку на основе этого может возникнуть власть, совершенно не отвечающая интересам всего общества, а внутренняя политическая конфликтность проявится и в международных отношениях.

Исследование: основная часть

Методология исследования. Переход от классических методов исследования в политических науках к постклассическим предполагает обращение к возможностям семиотики и герменевтики как наиболее перспективным постклассическим методологическим концептам в компаративистике. Семиотический и герменевтический методы были использованы при рассмотрении особенностей политической символики США и России. Системно-концептуальный подход к проблеме политической культуры позволил рассматривать данный феномен как социально-политическое (институциональное) и мировоззренческое (индивидуальное) явление. Сочетание сравнительно-исторического и историка-генетического методов позволили исследовать глубинные причины процесса формирования типов политических культур России и США.

Гипотезой послужило предположение о современном кризисе международных отношений Россия-США как, прежде всего, конфликте политических культур (мировоззрений), определяющую роль в которых играют ценностные доминанты.

Процедура исследования. Конкретизирована в решении следующих задач: 1) проанализировать отечественные и зарубежные концептуальные подходы к феномену «политической культуры», 2) выявить структурные уровни данного многокомпонентного явления; уточнить дефиниции («политическая социализация», «идеология», «политическое участие», «политическая субкультура», «политическая мифология», «политический символ», «ценности культуры» и др.); 3) проанализировать значение «религии» и «идеологии» в структуре политических культур США и России; 4) проанализировать основные теоретические подходы отечественных и зарубежных авторов к исследованию политической культуры элит, выявить особенности политических культур элит США и России на современном уровне; 5) выявить значение политической символики в политических культурах США и России; 6) на основании

компаративного анализа структурных элементов политических культур рассматриваемых стран, выявить фундаментальные ценностные ориентиры, определяющие специфику (сходство и различие) политических культур США и России, результат представить визуально (см. табл. 1)

Уникальность политических культур США и России состоит, прежде всего в том, что они представляют собой два мессианских цивилизационных проекта, противоположное видение политического идеала: в современности (США) или в Традиции (Россия)[90].

Временем зарождения идеи американской исключительности (American exceptionalism) считается 1630 г. На борту корабля «Арабелла», один из первых колонистов, известный пуританский проповедник Д. Уинтроп произнес свою проповедь «Образец христианского милосердия» (известную также под названиями — «Город на холме» или «Божий град»), запечатлевшую представление пуритан об исключительности судеб Америки, призванной указать остальному миру путь к истине и спасению. Мировоззрение американской исключительности основано на 3 постулатах: 1) история США обладает такими особенностями, которые «изначально отличают американцев от других наций»[91]: «исключительность» является плодом «Американской революции» — войны 1775–1783 гг., став «первой новой нацией»[92], «не имеющей, бесконечно далёкого прошлого»[93] и уникальной, разработанной американцами идеологии «американизма», основанной на свободе, всеобщем равенстве, индивидуализме, республиканских идеях, демократии и невмешательстве в дела предпринимательства. 2) США наделены уникальной миссией, целью которой является преобразование мира. 3) американцы обладают особым ощущением, что уникальная история США и исключительная миссия возвышают их над другими нациями.

Традиции «особости» начали закладываться в основу идеологии американского государства с самого его основания. В 1789 г. обращаясь в своей инаугурационной речи к согражданам, Д. Вашингтон заявил, что «нет ни одного народа, которому следовало бы признать и вознести хвалу Невидимой длани, руководящей делами людей, в большей степени, нежели народу Соединенных Штатов. Каждый шаг, проделанный им на пути к статусу независимого государства, представляется несущим

[90] Голдин В. И. По странам и континентам. Архангельск: САФУ, 2016. С. 275–277.

[91] Lipset S. M. American Exceptionalism: A Double-Edged Sword. N. Y.: W. W. Norton & Co., Inc, 1996. 352 p.

[92] Lipset S. M. The First New Nation. N.Y.: Doubleday Anchor Book, 1967. 424 p.

[93] Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981. 257 с.

на себе некий знак ниспосланной свыше воли»[94]. После гражданской войны в США 1861–1865 гг., нанёсшей американскому государству наибольший урон, нежели любая другая, А. Линкольн призвал народ Америки наполниться убеждённостью, что американская нация возродится не иначе, как с Божьей помощью, «возродится в свободе и что власть народа волей народа и для народа не исчезнет с лица Земли»[95]. С тех пор, идеи исключительности приняли планетарные масштабы, став одним из главных обоснований внешней политики США. По словам одного из лидеров американских консерваторов М. Хаккаби, «отрицание американской исключительности означает отрицание души и сердца этого народа»[96]. Демократ Б. Обама на 68-й Генассамблее ООН заявил, что считает Америку исключительной страной, поскольку она отстаивает не только свои узкие корыстные интересы, но и интересы всего мира[97]. Позже, выступая с речью, обращённой к выпускникам Военной академии США в Вест-Пойнте, он снова заявил, что верит в американскую исключительность «всеми фибрами души», причем основой глобального лидерства всегда будут вооружённые силы[98]. Предвыборное выступление Х. Клинтон с программной речью в Сан-Диего, касающейся внешней политики США, продемонстрировало суть неоконсервативной идеологии США: кандидат в президенты подвергла резкой критике идею Д. Трампа о необходимости осмысления США в качестве национального государства, заявив что это не соответствует национальным интересам США — единственной сверхдержавы в мире и гаранта международного порядка, причем Х. Клинтон обвинила Д. Трампа в излишнем миролюбии к «врагам США» (в первую очередь, к России и Китаю), как бы утверждая доказательство «американской исключительности» преимущественно силой оружия[99].

---

[94] Первая инаугурационная речь Джорджа Вашингтона 30 апреля 1789 г. // История США в документах. URL: http://istoria-usa.at.ua/publ/1–1–0–32

[95] Линкольн А. Геттисбергская речь: университет риторики и ораторского искусства. 2016. URL: http://www.orator.biz/library/speech/gettisbergskaya-rech-linkolna/

[96] Smith B., Martin J. The new battle: What it means to be American: Politico. 2016. URL: http://www.politico.com/story/2010/08/the-new-battle-what-it-means-to-be-american-041273

[97] Obama B. 68th Session of the United Nations General Assembly Address: Online Speech Bank. 2016. URL: http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaunitednations68.htm (дата обращения: 18.01.2017)

[98] Obama B. A speech at West Point's graduation ceremony: HuffPost Politics. 2016. URL: http://www.huffingtonpost.com/2014/05/28/obama-west-point-speech_n_5404181.html

[99] Молчание Клинтон // Катехон, 2016 URL: http://katehon.com/ru/agenda/molchanie-klinton

Нужно подчеркнуть, что американцы предпочитают не употреблять понятия «национальная идея», подменив его более нейтральной «американской мечтой» — возможностью добиться всего, что ты хочешь в этой жизни, или образно говоря — «приехать с одним долларом в кармане и стать миллионером» [Кошкина, 2010, с. 150]. С одной стороны, «американская мечта» стала одним из главных критериев успешности в США, возможностью добиться признания в обществе, независимо от рождения и положения, символом свободы личности (речь М. Л. Кинга названа «У меня есть мечта») С другой стороны, «американская мечта» — это «духовная мощь [американской] нации <…>, душа американской политики» [Сефайр, 2010, с. 17]. Само это понятие чётко вписывается в идеологическую систему США, является жёсткой идеологической структурой, пронизывающей все общественные институты. «Американская мечта» навязывает человеку «идеальную модель поведения в Америке — «self-made man», человек, который сделал себя сам. Если человек не адаптируется к данной социокультурной системе, он вряд ли «состоится» в либерально-демократическом обществе. «Американская мечта» является одним из главных факторов стабильности американского общества и образ «self-made man» позволяет среднему американцу согласовывать личное поведение с запросами политической системы» [Матвеева, 2007 с. 43].

Статья 13 Конституции Российской Федерации запрещает официальную идеологию в российском государстве, однако понимание необходимости «национальной идеи» все время присутствует в политической культуре российского общества. Можно сказать, что произошла подмена понятий. Идеологию, как нечто искусственно созданное, чуждое геокультурному образу страны и ее геополитическим задачам, запретили вместе с «национальным образом страны»[100]. Русское общество взыскует, прежде всего, Истины и справедливости. Этот путь внутреннего совершенствования, он личностен и свободен (автаркийность, важность воли/свободы, «странничество»). Этические категории определяют законность. Любовь (православие) выше буквы закона. Жертвенность, уважение к другому, многонациональность. Государственность патерналистского типа, почтение предков и Истории. Ощущение «наследия». Государство — результат развития традиции, не новодел, но судьба, отечество. Россия — «Третий Рим» (неизменная). Традиционная религиозность. Ортодоксия (православие) как скрепы общества, миссия охраны Традиции.

[100] Шадрина О. Н. Геокультурное пространство Европейского Севера: учеб.пособ. Архангельск. 2009. С. 6.

Американская нация ревниво охраняет собственную «традицию модерна», в которой сформировалось молодое государство. Известно, что признаком американской политической элиты является семейственность. Основную часть высшей её страты составляют политические семьи. 42 из 43 Президентов США являются родственниками, имея генетические связи с королём Англии И. Безземельным[101] Госсекретарь США Д. Керри состоит в родстве сразу с четырьмя американскими президентами, и является выходцем из семейства миллиардеров Форбсов (именно им принадлежит авторитетное издание Forbes). В семействе Бушей, двое (Дж. Буш ст. и Дж. Буш мл.) были американскими президентами; широко известен и «клан» Кеннеди.

«Обострением» запроса на «национальную идею» в американском обществе сделал возможным приход к власти Д. Трампа, в 2017 году, максимально использующего американский символический капитал в предвыборной гонке. Он, как представитель фронтирной Америки, чьи границы теряются в прериях (все также бесконечны), однако «дом», «очаг» связаны только со «своим» континентом, который американцы отвоевали: у природы, коренных народов и «посягающих» европейцев. В данном контексте очень интересно рассмотреть вопрос о политических субкультурах Америки. В США исторически существуют политические субкультуры, формирующиеся на основе территориального признака (субкультуры Юга и Запада). Западные штаты близки по своему укладу Техасу: их жителям свойственен более высокий уровень индивидуализма, они готовы в случае необходимости прибегнуть к радикальным действиям. Борьба за независимость американских общин здесь оказалась важнее, нежели на юге. Эти штаты всячески стремятся не допустить вмешательства федеральной власти в свои дела. В сознании этих людей глубоко внедрилась неприязнь к бюрократам, к Нью-Йорку и Вашингтону, реализуемая в политическом поведении.

Первым примером может служить «фермерское ополчение», возглавляемое А. Банди. В январе 2016 г. в знак протеста против земельной политики властей штата Орегон, участниками движения был захвачен и удерживался в течении 40 дней Национальный заповедник дикой природы у озера Малур. Семейство Банди — это то, что называется «true Americans» (настоящие американцы), невадские фермеры, которые уже больше ста лет живут на своей земле. Когда федеральные

[101] Farberov S. Is ruling in the genes? All presidents bar one are directly descended from a medieval English king //Mail Online. 2016 URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2183858/All-presidents-bar-directly-descended-medieval-English-king.html

чиновники прибыли, чтобы конфисковать у К. Банди скот, он заявил, что является жителем свободного штата Невада, федеральное правительство не признает, а дома у него полсотни вооруженных родственников. В США подобные ополчения и различные военные организации существуют практически в каждом штате. При этом, члены данных движений юридическим обоснованием своего существования считают вторую поправку к Конституции США, которая гласит, что «для безопасности государства необходимо хорошо организованное ополчение», и поэтому право на свободное ношение оружия не подлежит никаким ограничениям. Члены ополчения, придерживающиеся крайне правых идей, воспринимают государственную машину США в качестве тирании, нарушающей конституционные права граждан (сбор налогов, ограничение свободного ношения оружия и т.д.). Сходных взглядов придерживаются сторонники правоконсервативной политической организации «Общество Джона Бёрча», спецификой которой являются резкие антикоммунистические взгляды. Многие ополченцы (например, штата Монтана)[102]. являются сторонниками конспирологической теории «нового мирового порядка», воспринимая власти США как часть тайного мирового правительства. Широкую известность получило так называемое «Движение чаепития» (Tea Party movement), возникшее в 2009 г. на фоне мирового экономического кризиса, главным образом, по причине принятия федеральным правительством непопулярных решений («Акта о чрезвычайной экономической стабилизации 2008 г.», более известный как «План спасения Генри Полсона», а также «Плана Обамы» 2009 г. предполагавшего экономическую реформу и реформу здравоохранения. Название данного движения является отсылкой к знаменитому Бостонскому «чаепитию» 1773 г.

В мире не существует абсолютно моноэтнических государств. Поэтому, жизненную необходимость обретает задача оптимальной интеграции населяющих его народов. Подходы для её реализации могут быть самые разные, главным при этом является наличие идеологической системы — национальной идеи, символически маркированной в сознании граждан ценностями культуры. Для США это — флаг США, Декларация независимости, День Независимости, Конституция; для России — День Победы и Знамя Победы, «города воинской славы», среди которых Москва, Ленинград, Сталинград, Курск и др., памятники: «Родина-мать» на Мамаевом кургане в Волгограде, собор Василия

[102] Chaloupka W. The County supremacy and militia movements: federalism as an issue on the radical right // Publius. 1996. № 26 (3). P. 161–175

Блаженного, Кремль, Троице-Сергиева Лавра и др. Америка не воевала столько, сколько Россия на протяжении своей великой истории. Россия — это духовность, трудная судьба служения, символизированная храмами и монастырями, не прекращавшими подвиг веры в годы гонений и возрождаемыми в веке XXI. Наверное, поэтому деятельность русской Православной Церкви, являющейся символическим оплотом государственности России, глобальная Европа оценила как «опасную тенденцию»[103].

Политическую культуру следует рассматривать как «„symbol system“ — систему политических символов»[104]. Сакрализованная государственная идея, явленная в символических геокультурных образах[105], национальных стереотипах, «образах национального космоса» способна убедить этнические группы в необходимости единства, общей судьбы. В противном случае, государство рано или поздно ожидает национальный распад. США с самого начала государственности взяли за основу такого единства модель «плавильного котла». В 1894 г. Т. Рузвельт в своей статье «Истинный Американизм», посвящённой вопросам американской идентичности и иммиграции, писал о том, что жители США должны американизироваться во всех отношениях. Немец или ирландец, ставший американцем «должен почитать только наш флаг; и не просто как первый [флаг], но никакой другой флаг не должен стоять для него даже на втором месте. Он должен научиться праздновать день рождения Вашингтона, а не Королевы или Кайзера, Четвёртое Июля вместо Дня Святого Патрика»[106].

Декларация независимости США содержит символическое начертание пути каждого истинного американца — это стремление к счастью. Однако, не дойдёт ли до того, что человечество «отыщет в крови наслаждение» [Достоевский, 1973, с.112]? В историческое противоречие с реальностью уже вступает утверждение о том, что «все люди созданы равными». В первоначальный проект Декларации главным автором документа, Т. Джефферсоном, был внесён пункт о критике работоргов-

---

[103] В ЕС проведут политзанятия: Европарламент вновь озабочен борьбой с RT. URL https://russian.rt.com/article/325395-v-es-provedut-politzanyatiya-evroparlament-vnov-ozabochen

[104] Chilton S. Defining political culture // The Western Political Quarterly. 1988. № 3. P. 419–445.

[105] Шадрина О. Н. Культурное пространство Европы: Мозаика культур и арктический вектор: учеб.пособ. Архангельск: САФУ, 2016. С. 90.

[106] Roosevelt T. True Americanism // Almanac of Theodore Roosevelt. URL: http://www.theodore-roosevelt.com/images/research/speeches/trta.pdf

ли (Великобритании). Однако из финальной версии документа он был исключён[107]. Сегодня американская политическая элита представлена главным образом американцами английского происхождения. Распространенной является аббревиатура W.A.S.P. («White Anglo-Saxon Protestant» — белый англо-саксонский протестант)[108]. Представители «цветного» населения США, как правило, находятся на нижних ступенях иерархической лестницы. В этой связи очень символичным было избрание американским президентом афроамериканца Б. Обамы — «реализованный политический миф», «американская мечта». Наверное, отсюда и политическая эйфория Европы и «Нобелевская премия мира». Но выступление перед решающим туром голосования за/против линии демократов в президентской гонке 2017 достопочтенного Л. Фаррахана — радикально настроенного защитника афроамериканского населения в США — продемонстрировало, что «черная Америка», «одноэтажная Америка» не с «избранными», проповедующими культ денег и власти в глобальном масштабе[109]. Х. Клинтон должна была реализовать еще один политический миф — о роли женщин в управлении страной, однако WASP — политика не укрылась от избирателей, ощущающих что «национальная Америка» только средство для реализации транснациональных проектов, основанных на сектантской (масонской) исключительности «посвященной» верхушки. Вера в «американскую исключительность», так же, как и религиозная вера по-прежнему является непременным атрибутом «американского поведения в политической культуре» любого американского политического лидера, без которого он вряд ли будет обладать поддержкой большей части общества и политической элиты. Проигравшая президентскую гонку Х. Клинтон, в речи после выборов продемонстрировала и свою религиозность, и веру в исключительность судьбы США и ее народа (а также в «избранность» электората, голосовавшего за нее)[110]. Таким образом, чертой идеологической системы американского государства является традиционализм (принятый, освященный порядок вещей, разрушения которого американцы не хотят), но не задумываются, что другие народы имеют свои освященные традицией жизненные уклады.

---

[107] Maier P. American Scripture. London: Pimlico, 2009. 316 p.

[108] Pyle R. Persistence and Change in the Protestant Establishment. Westport: Praeger, 1996. 176 p.

[109] Minister Louis Farrakhan The Legacy of President Obama with Black people. URL: https://www.facebook.com/OfficialMinisterFarrakhan/

[110] Выступление Хиллари Клинтон по итогам выборов президента США. URL: https://www.youtube.com/watch?v=fvrUqcXhmiA

Компаративный анализ показал, что стержнем политической культуры выступает политическое мировоззрение /идеология. США не является государством внерелигиозным. Под влиянием политического мифа об открытом обществе транслируется убеждение о возможном существовании государства вне традиции и религии. Глобализация, понятая как вестернизация, — обязательное усвоение американского варианта политической культуры, ведущая к установлению демократии американского образца, это «социально-политический миф». Все больше осознается российским обществом конфликтность, политических культур России и США. В глубине российской цивилизационной модели заложен ориентир на ценности; Запад ориентирован на интересы. Момент возникновения американского государства связан с религиозно-политической идеей богоизбранности, восходящей к протестантизму и модернизированной теологии. Президентом США ни разу не был избран атеист. Однако, религиозность эта особая, масонского типа. Проникновение в мир политических элит США «непосвященных» невозможна. Российская идеология непременно должна быть основана на любви. Ещё Ф. Тютчев заявил о том, что «русская идея» состоит в том, чтобы спаять единство народа не железом и кровью, а попытаться скрепить его любовью [Тютчев, 2011, с. 236]. Народу России не свойственны дисциплина формальное законопослушание. Без любви русского человека либо одолевает леность, потеря интереса к чему бы то ни было, либо он прожигает свою жизнь во вседозволенности. Не имея веры в любовь, русский человек становится пустым, он теряет свои жизненные идеалы, цель своего существования. Именно любовь приводит его в жизненное движение. Именно она, как писал И. Ильин, есть «основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо» [Ильин, 2011, с. 131]. Российские концепции политической культуры, как правило, обращают весьма пристальное внимание на вопрос присутствия морали в политике (отстаивание справедливости, образ «острова России», хранящей православные ценности («Святая Русь») — перед лицом мира, идущего на сделку с совестью: вопреки ценностям, преследуя интересы). Идеология (национальная идея) российского общества, не может не быть основана на принципах правды и справедливости. Особенно остро идеологический вопрос для России стоит потому, что непременным условием эффективного развития государства в будущем является его духовная суверенность.

Таким образом, современная напряженность в международных отношениях между двумя государствами в большой степени объясня-

ется столкновением двух ценностно — ориентированных жизненных укладов, представленных WASP-проектом США и цивилизационным проектом России, причем политическое противостояние поддерживают евро-бюрократические, транс-национальные круги, для которых реальнее идея WASP — избранничества, реализуемая в закрытых космополитических обществах («Круг», «Римский клуб», «Век» и др.) и опирающаяся на новые, постгуманистические светско-религиозные идеи (рыночные культы, New Age, сайентология и др.), нежели ценности национальных европейских культур. По сути своей идея «избранничества», «превосходства» — националистическая идея. Смешивать традицию и национализм в политическом анализе недопустимо. Можно сказать, что в начале третьего тысячелетия в международных отношениях вновь разворачивается борьба народов за собственный суверенитет, собственные жизненные (политические) проекты, где полем борьбы, прежде всего, является мировоззрение граждан, культура, когда прежде всего атакуется Традиция (ценности) и память народа. В случае сопротивления — WASP переходит к силовому варианту (Сирия, Ближний Восток). Недопустимость силового варианта, формирование союзнических отношений с национально-мыслящими политическими лидерами, размыкание информационного кольца вокруг России, развенчание псевдогуманистических идеологий Запада, охрана ценностей национальной культуры, формирование национальной идентичности[111] (с глубоким уважением к истории, православной культуре), консолидация общества на основе «российского национально-идеологического проекта» через воспитание и образование — это первейшие задачи национальной политики России.

Результаты. Проанализированы отечественные и зарубежные концептуальные подходы к феномену «политической культуры», выявлены структурные уровней данного многокомпонентного явления; уточнены дефиниции («политическая социализация», «идеология», «политическое участие», «политическая субкультура», «политическая мифология», «политический символ», «ценности культуры» и др.) в рамках заявленной методологии; проанализировано значение «религии» и «религиозности» в структуре политических культур США и России; сделан вывод о важности данного фактора политических культур России и США; проанализированы основные теоретические подходы отечественных и зарубежных авторов к исследованию политической культуры элит,

[111] «Нет» постхристианству и «да» простым ценностям: что сказал Лавров на пресс-конференции. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3946257

выявлены особенности политических культур элит США и России; определены наиболее значимые виды политической символики в политических культурах США и России; на основании компаративного анализа структурных элементов политических культур рассматриваемых стран, выявлены фундаментальные ценностные ориентиры, определяющие специфику (сходство и различие) политических культур США и России (см. табл. 1)

Анализ результатов. Практическая значимость работы представлена авторской классификацией фундаментальных ценностных ориентиров, определяющих специфику (сходство и различие) политических культур России и США. Результаты исследования могут быть использованы при составлении прогнозов политического поведения политических элит и граждан России. Особое методологическое значение результаты работы могут иметь для социологических исследований при разработке критериев анализа политической культуры общества в целом, а так же для выявления культурно-политической идентификации респондентов.

Заключение. В настоящее время понятие политической культуры является неким теоретическим концептом, по-прежнему не имеющим в политической науке однозначного и единого понимания. В контексте данного исследования «политическая культуры — это система исторически сложившихся, относительно устойчивых, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности» (Э. Баталов).

Компаративный анализ выявил следующие особенности политических культур России и США: к базовым ценностям политической культуры США относятся: Manifest Destiny (идея «явного предначертания»), подкрепленная мифом о self-made man, верящим в «американскую мечту» («счастье» «Декларации независимости») — American exceptionalism (идея американской исключительности), убежденности в непогрешимости американской нации — мессианство — «счастливая» Америка призвана бороться со злом (альтернативами политического и цивилизационного развития): все могут (и «должны») стать «американцами» (green card, цвет доллара — символа экономической мощи, «сплавляющей всех» (идея «плавильного тигля») в мир Pax Americana. Америка — это Новая Эра («New Age») человечества — религиозность нового типа и утверждение нового человека (пост-человека). Все остальные цивилизационные проекты рассматриваются как регрессивные. В по-

Таблица 1
Компаративный анализ базовых ценностей политических культур США и России

Ценностные критерии	США	Россия
1. Приоритет целей и интересов	Индивидуализм, идеалом которого является self-made man (человек, который сделал себя сам)	Социоцентрическая ориентация на общество, коллектив, государство
2. Восприятие роли государства в политической жизни	Либеральная модель восприятия роли государства (государство — «ночной сторож»)	Этатистская модель восприятия (ведущая роль государства)
3. Видение отношений государства и общества	Социальное партнёрство государства и общества	Патернализм (покровительственное отношение государства к своим гражданам)
4. Отношение к закону	Правовая культура, основанная на дисциплине, внешней законопослушности; и требовании к соблюдению закона всех окружающих	Традиция правового нигилизма
5. Тип социального строения общества	Общественный строй основан на материальных интересах	Смешанный тип общественного строя, включающий черты материализма и идеократии (сознательных идеях)
6. Видение модели этнического развития	«Плавильный котёл», основанный на попытке ассимилирования в единую американскую культуру	Идея цивилизационной общности, симфонии народов, предусматривающая их единство при сохранении культурного многообразия, индивидуальности
7. Соотношение личных и общественных интересов	Предпочтение личных интересов общественным (разумный эгоизм)	Приоритет общественного блага над частным
8. Отношение к соперничеству в различных сферах человеческой деятельности	Развитая конкуренция	Традиция солидарности (единство интересов, задач)

Ценностные критерии	США	Россия
9. Открытость общества	Открытое общество	Традиция автаркийности
10. Принцип организации системы управления	Сетецентричность	Иерархия
11. Восприятие нововведений, новшеств, новаций	Инновационная модель	Сосуществование традиции и инновации в неразрывном единстве
12. Понимание свободы	Важность свободы распоряжениям своим статусом и телом	Важность свободы духа и воли
13. Критерии общественного развития	Научно-технический прогресс	Научный прогресс наряду с духовным развитием личности
14. Комплекс стремление индивида и общества	Американская мечта (идеал жизни каждого отдельного человека с материальной и духовной точки зрения)	Поиск национальной идеи (смысла существования всего народа)
15. Наличие в политической культуре мессианских идей	Американский экспансионизм, основанный на идее американского мира (Pax Americana), стремлении захватить, подчинить, стандартизировать;	Российское мессианство, основанное на идее освобождения, защиты народов, культурном многообразии
16. Восприятие своего места среди других народов	Вера в «американскую исключительность»; стремление к однополярному миру	Осознание опасности идей исключительности на национальном уровне; идеалом является многополярный мир с множеством центров силы
17. Восприятие истории	История — это прошлое, преодолеваемое новым временем, антагонизм прошлого и будущего	Понимание истории как вечное возвращение, цикличность, повторение её в настоящем
18. Место политической символики в политической культуре	Особое, трепетное отношение к символам; наличие символов-фетишей (Декларация независимости)	Особое, трепетное отношение к национальным символам; наличие культовых мест, связанных с политической культурой (Мамаев курган в Волгограде,

Ценностные критерии	США	Россия
19. Мотивация поступков	Выгода (интерес)	Правда, справедливость (ценность)
20. Восприятие социальной справедливости	Равные стартовые возможности	Тенденция постепенного перехода от понимания социальной справедливости как «уравниловки» к равным стартовым возможностям
21. Понимание свободы личности	Разрешено делать всё, что не запрещено законом	Свобода личности ограничена-морально этическими устоями, по причине неразвитости формального права
22. Место религии в политической культуре	Религия легла в основу американской политической традиции во времена колонистов; идея богоизбранности американской нации (Manifest Destiny)	Восприятие от византийской цивилизации христианской религии, культуры и мессианской идеи превратило страну в многонациональную империю
23. Образ политического лидера в политической культуре	Человек, исполняющий государственный контракт	Феномен вождизма, корни которого лежат как в политической культуре элит, так и является ответом на общественный запрос
24. Способ согласования своего мнения и своих действий с групповыми	Конформизм	Конформизм

литической культуре США присутствует нетерпимость, которая особенно остро проявляется в период кризисов и направляется, в том числе, на группы собственных граждан, чьи взгляды воспринимаются как антиамериканские. Стабильность американской политической системы гарантируется «освященной традицией», уважением к политическим символам, символам американской культуры, формируемом с детства в ходе политической социализации. Американцам свойственна гордость за свою демократию, основанную на правилах «честной игры», являющейся гарантом «блага для Америки» — прагматичного взгляда

на политику. Американцы уважают закон и ревностно следят за тем, чтобы и политические элиты его уважали, чему активно содействуют СМИ. Вероятно, с этим связан политический успех Д. Трампа.

Значительное влияние на российскую политическую культуру оказала православная церковь с её идеями любви, соборности, государственной религии, государственной церкви. Русское общество взыскует, прежде всего, Истины и справедливости. Этот путь внутреннего совершенствования, он личностен и свободен (автаркийность, важность воли/свободы, «странничество»). Этические категории определяют законность. Любовь (православие) выше буквы закона. Жертвенность, уважение к другому, многонациональность. Государственность патерналистского типа, почтение предков и Истории. Ощущение «наследия». Государство — результат развития традиции, не новодел, но судьба, отечество. Россия — «Третий Рим» (неизменная). Традиционная религиозность. Ортодоксия (православие) как скрепы общества, миссия охраны Традиции. Сегодня российские граждане настороженно относятся к либерально-демократическим ценностям, а значит и к демократическим формам политического участия. Затрудняет оформление политической культуры, основанной на традиционных ценностях, кризис политической социализации, одной из причин которого явился отказ государства с началом реформ 90-х от социализирующих функций.

Политическая культура современного российского общества, возвращающегося к «ценностным истокам», испытывает серьёзное воздействие со стороны западного сообщества, транслирующего идеи W.A.S.P. — культуры, что проявилось в кризисе двусторонних отношений Россиия — США. Заложниками «конфликта ценностей политических культур» становятся и европейские народы, вовлеченные в «санкционное противостояние». В сложившихся условиях актуальной задачей, стоящей перед политической и интеллектуальной элитой российского общества, является формирование национальной идеи[112], государственной идеологии, соответствующей символическим основам, ценностным запросам граждан России, что станет основанием духовного суверенитета и сделает невозможным любые попытки прозелитизма и «силового» варианта изменения мировоззрения со стороны политических оппонентов в будущем, что сделает международные отношения более предсказуемыми, а значит, более стабильными.

---

[112] Семенов В. У России нет будущего без национального цивилизационного проекта. URL: http://kolokolrussia.ru/ideologiya/u-rossii-net-buduschego-bez-nacionalnogo-civilizacionnogo-proekta?utm (дата обращения: 18.01.2017)

Литература

1. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. М.: Наука, 1990. 252 с.
2. Баталов Э. Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. — 2007. — № 3. — С. 7–22
3. Голдин В. И. По странам и континентам. Архангельск: САФУ, 2016.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 5. Ленинград: Наука, 1973. 485с.
5. Ильин И. Национальная Россия: наши задачи / ред. О. А. Платонов. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 464 с.
6. Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалев С. М., Панов В. Г. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
7. Кошкина М. М. Становление системы социального законодательства в период администрации Президента Ф. Д. Рузвельта // Власть. — 2010. — №2. — С. 150–153
8. Матвеева О. Ю. «Американская мечта» в социокультурной динамике // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2007. — № 11. — С. 40–43.
9. Тютчев Ф. И. Россия и Запад / ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 592 с.
10. Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981. 257 с
11. Шадрина О. Н. Геокультурное пространство Европейского Севера: учеб. пособ. Архангельск: ПГУ, 2009. 99с.
12. Chaloupka W. The County supremacy and militia movements: federalism as an issue on the radical right // Publius. 1996. № 26 (3). P. 161–175
13. Chilton S. Defining political culture // The Western Political Quarterly. 1988. №3. P. 419–445.
14. Maier P. American Scripture. London: Pimlico, 2009.
15. Lipset S. M. American Exceptionalism: A Double-Edged Sword. N. Y.: W. W. Norton & Co., Inc, 1996. 352 p
16. Lipset S. M. The First New Nation. N.Y.: Doubleday Anchor Book, 1967. 424 p.
17. Putnam R. D. The comparative study of political elites. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1976. 246 p.
18. Pyle R. Persistence and Change in the Protestant Establishment. Westport: Praeger, 1996.
19. Rosenbaum W. A. Political culture (Basic concepts in political science). N.Y: Praeger, 1975. 181 p.
20. Stouffer S. A. Communism, conformity and liberties: a cross section of the nation speaks its mind. Piscataway: Transaction Publishers, 1992. 286p.

21. Verba S., Nie N., Kim J. Participation and Political Equality: a seven-nation comparison / S.Verba, N.Nie, J.Kim. Cambridge: Camdridge University Press, 1978. 394 p.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VALUES OF THE POLITICAL CULTURES OF RUSSIA AND THE UNITED STATES OF AMERICA

Olga Shadrina

Abstract. *In the period between 1991 and 2016, interstate relations between Russia and the United States of America have changed from those of partner to mutual sanctions. Values of the political cultures have a crucial influence on the system of foreign relations, especially in critical periods. The present interdisciplinary paper provides a comparative analysis of the values of the political cultures of Russia and the United States of America (USA).*

The research is based on the comprehensive systematic approach of comparative methodology and applies semiotic and hermeneutic analysis of political discourse. The author evaluates political behavior of individuals (leaders, citizens) and groups (political elite, subcultures) in the context of their political symbolic thinking. Political culture is viewed as the symbol system. Sources of official diplomacy, public diplomacy, e-diplomacy, news releases as well fundamental works of G. A. Almond, S. Verba, N. Nie., J. P. Kim, W. Woodward, S. Brooks, F. I. Tyutchev, I. Ilyin, E. Batalov, E. Pain and other were analyzed.

The research revealed differences in the political cultures of the USA and Russia. The uniqueness of the USA and Russian political cultures lies primarily in the fact that they have different messianic understanding of civilization, and controversial visions of the political ideal: Modernity for the USA and Tradition for Russia.

The USA political culture is constituted by the ideals of Manifest Destiny, supported by the concept of «self-made man», who believes in «American dream», the ideals of «melting pot», «American exceptionalism», «Pax Americana myth», globalist secular idea of «post-humanity» («New Age ideology»), based on the idea of civilized mission of the White Anglo-Saxon Protestant (WASP). All other civilization projects are seen as regressive.

Russian society retains the ideals of truth, justice and love (in the Orthodox tradition). Russian political culture is characterized by such values as sacrifice, community, multinationalism, paternalistic type of the state with reverence to ancestors and history. There is a strong feeling of «heritage». The state originates from tradition; it is not a new-build. The analysis demonstrated that such ideas as «The Third Rome», retention of tradition, piety, Orthodoxy are the ties of the Russian society.

In conclusion, the author argues that ideological factor will continue to shape global contemporary society, though national sovereignty will remain relevant in the political analysis of the Third Millennium.

Keywords: *Political culture, «American exceptionalism», national sovereignty.*

References

1. Batalov Ed. Politicheskaya kultura Rossii skvoz prizmu civic culture // Pro et Contra. — 2007. — № 3. — P. 7–22.
2. Batalov Eh. Y. (1990) Politicheskaya kultura sovremennogo amerikanskogo obshchestva. M: Nauka.
3. Chaloupka W. The County supremacy and militia movements: federalism as an issue on the radical right // Publius. 1996. № 26 (3). P. 161–175.
4. Chilton S. Defining political culture // The Western Political Quarterly. 1988. № 3. P. 419–445.
5. Dostoevskij F. M. (1973) *Polnoe sobranie sochinenij* (Vols 1–30) Vol. 5. Leningrad: Nauka.
6. Furman D. E. (1981) Religiya I socialnye konflikty v USA. M: Nauka.
7. Goldin V. I. (2016) *Po stranam i kontinentam*. Arkhangelsk: NarFU.
8. Koshkina M. M. Stanovlenie sistemy socialnogo zakonodatelstva v period administracii prezidenta F. D. Ruzvelta. *Vlas*t.2010. №2. S. 150–153
9. Ilichev L.F, Fedoseev P. N., Kovalev S. M., Panov V. G. (1983) *Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar*. M: Sovetskaya ehnciklopediya 1983.
10. Ilin I. (2011) *Nacionalnaya Rossiya. Nashi-zadachi*. M.Ehksmo-Algoritm.
11. Lipset S. M. American Exceptionalism: A Double-Edged Sword. N. Y.: W. W. Norton & Co., Inc, 1996. 352 p
12. Lipset S. M. The First New Nation. N.Y.: Doubleday Anchor Book, 1967. 424 p.
13. Maier P. American Scripture. London: Pimlico, 2009.
14. Matveeva O.Y. Amerikanskaya mechta v sociokulturnoj dinamike. *Vestnik-Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2007. №11. S. 40–43
15. Putnam R. D. The comparative study of political elites. Upper Saddle River: Prentice Hall, 1976. 246 p.
16. Pyle R. Persistence and Change in the Protestant Establishment. Westport: Praeger, 1996.
17. Rosenbaum W. A. Political culture (Basic concepts in political science). N.Y: Praeger, 1975. 181 p.
18. Stouffer S. A. Communism, conformity and liberties: a cross section of the nation speaks its mind. Piscataway: Transaction Publishers, 1992. 286p.
19. Shadrina O.N (2009) *Geokulturnoe prostranstvo Evropejskogo Severa*. Arkhangelsk: PSU.

20. Tyutchev F. I. (2011) *Rossiya I Zapad*. M.:Institut russkoj civilizacii.
21. Verba S., Nie N., Kim J. Participation and Political Equality: a seven-nation comparison / S.Verba, N.Nie, J.Kim. Cambridge: Camdridge University Press, 1978. 394 p.

Информация об авторе
Шадрина О. Н.
к.филос.н., доц.
Северный Арктический федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия
Olga Shadrina
Ass. Prof. PhD (philosophy)
Northern Arctic Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia

СТРУКТУРНЫЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ США, РОССИИ И ДРУГИХ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ

Т. А. ШАКЛЕИНА, В. В. ШАКЛЕИН

Аннотация: *В статье рассматривается одна из важнейших дилемм формирования мирового порядка XXI века: структуризация отношений между ведущими мировыми державами, число которых превышает старую «семерку», которая уже в XX веке не отражала полностью положения дел в мировой политике. Будущее мирового развития в значительной степени зависит не только и не столько от того, сумеют ли Соединенные Штаты сохранить свой сверхдержавный статус, а от того, какие правила мировой игры будут разработаны в группе ведущих мировых держав. Процесс аккомодации будет иметь двусторонний и многоуровневый характер: США придется продумать и реализовать свой преференциальный план установления правил игры с каждой из растущих держав. Но и каждая из современных ведущих держав может попытаться реализовать свой план аккомодации сверхдержавы, попробовать навязать ей свои правила или примирить со своими интересами и статусом.*

Отношения России и США в этом структурном процессе занимают особое место и играют важную роль. Россия в течение более 20 лет была единственной державой, открыто противостоявшей формированию либерального западоцентричного порядка. Хотя она не всегда добивалась успеха, именно действия России, по признанию американских политиков и экспертов, затормозили процесс, и в результате возникли дополнительные тренды (появление внесистемных игроков — террористических структур), активизировалась деятельность других держав (КНР, Турции), проявились негативные последствия политики США и НАТО на Арабском Востоке и в Европе (ЕС+претенденты). Обвинив Россию в нарушении установленного Америкой (Западом) «порядка», Соединенные Штаты объявили ей открытую войну, пытаясь полностью нейтрализовать ее действия и возможности в мировом процессе. Они продолжили структуризацию отношений в группе ведущих держав, обратив основное внимание на Китай, одновременно сдерживая его и пытаясь, вовлечь его в свою орбиту.

***Ключевые слова**: мировой порядок, США, Россия, ведущие мировые державы, аккомодация*

Введение. Тема структуризации системы международных отношений является ключевой в период формирования мирового порядка. Несмотря на то, что роль государственных субъектов не является безоговорочно доминирующей, именно ведущие мировые державы по-прежнему держат в своих руках порядкоформирующий процесс, защищая и отстаивания национальные интересы и интересы тех ТНК, которые базируются на их территории и с кем общегосударственные интересы совпадают. В этом процессе ведущая роль принадлежит США, которые в 1990-е годы активно и беспрепятственно занялись строительством новых институтов (институтов-организаций и институтов-норм). Но уже 2000-е годы Россия веско заявила о том, что она сохранит свое ведущее место в формирующемся мировом порядке и будет препятствовать политике Запада в закреплении либерального порядка, где права и интересы незападных стран будут ущемлены. В 2010-х годах в этот процесс активно включился Китай, поддержавший критическую позицию России в отношении тех деструктивных методов, которыми действовали Соединенные Штаты и их союзники по НАТО, занимаясь строительством либерального мира. К середине 2010-х годов новая мировая система не сложилась, ведущие мировые державы не договорились о новых правилах игры и взаимодействия в новых условиях. Более того, обозначились новые линии противостояния между США и Россией, США и КНР, США и Бразилией, Турцией и Россией, Европой и РФ и т.д. В этих условиях анализ сложившейся структурной ситуации стал еще более актуальным.

Теоретические основания исследования. При изучении проблемы формирования мирового порядка и его структурной составляющей используются концепции и теоретические подходы, предлагавшиеся различными авторами, принадлежавшими к разным школам мысли. Первостепенное внимание было уделено работам обобщающего характера, имеющего компонент сравнительного анализа. В 1990-е годы произошло наступление на теоретиков-неореалистов, так как отмечалось, что с окончанием холодной войны и эпохи противостояния двух сверхдержав началась эра беспрепятственного шествия Запада, и появилась возможность строительства порядка на основе неолиберальных концепций. Первостепенное внимание было уделено невоенным аспектам мощи государства и международным институтам, которые должны диктовать правила государствам. Однако автор данной работы взял за основу неореалистские идеи и конструкции, так как даже в период 1990-х годов «закат государства-нации» не выглядел бесспорным.

Особенно заметно это было на примере деятельности Американского государства, которое не отказывалось от своей решающей мирорегулирующей роли и не позволяло никому посягнуть именно на государство-Америку.

Учитывая амбивалентность утверждения об «упадке» реализма, были всесторонне изучены именно реалистские концепции порядка. Из отечественных авторов наиболее известными являются А. Д. Богатуров[113], разработавший первое отечественное определение мирового порядка, Э. Я. Баталов, представивший фундаментальное исследование американской мысли, в том числе, по проблеме порядка[114]. Заслуживало внимания и работа Г. Шахназарова, написанная в 1980-е годы, в период, когда эта проблема не затрагивалась в отечественной научной литературе[115]. Из классических зарубежных трудов по мировому порядку была взята работа Х. Булла[116], а также труды Н. Хомски[117] и известного современного автора У. Уолфорта[118]. Следует отметить, что работы Э. Я. Баталова, А. Д. Богатурова, У. Уолфорта носят комплексный и всеобъемлющий характер. В них исследуется весь спектр теорий и концепций о порядке, предлагаются свои трактовки, поэтому их можно отнести к базовым.

Автор данной статьи также предприняла комплексное сравнительное исследование всех известных современных (в основном, начиная с конца 1980-х годов) концепций и представила общую теоретико-при-

---

[113] См.: Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Институт США и Канады РАН, 1996. — 352 с.; Богатуров А. Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30–40; Богатуров А. Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25–36.

[114] См.: Баталов Э. Я. Мировая политика и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005; Баталов Э. Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. — 336 с.; Баталов Э. Я. Новая эпоха — новый мир // Свободная мысль. 2001. № 1. С. 4–13.

[115] Шахназаров Г. Х. Грядущий миропорядок. М.: Издательство политической литературы, 1981. — 447 с.

[116] Bull, Hedley. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977. 335 p.

[117] Chomsky, Noam. World Orders, Old and New. N.Y.: Columbia University Press, 1994. 311 p.

[118] Wohlforth, William C. Realism and the End of the Cold War // International Security. Vol. 19. No. 3 (Winter 1994/95). P. 91–129; Wohlforth, William C. The Stability of a Unipolar World // International Security. Vol. 24, No. 1 (Summer 1999). P. 5–41.

кладную картину по этой проблеме[119]. Данная работа является дальнейшей разработкой проблемы мирового порядка и проблемы структурной перестройки мира. Концептуальные работы на эту тему были изложены автором в указанных выше монографиях и других работах на русском[120] и английском языках[121].

Объект исследования — мегатренд по формированию мирового порядка XXI венка.

Предмет исследования — структурный тренд по оформлению отношений между США, Россией и рядом ведущих мировых держав.

Цель исследования — проанализировать современное состояние структурного процесса и его новые форматы.

Следует признать, что хотя тема формирования мирового порядка является, на наш взгляд, ключевой, в целостном комплексном формате эта проблема рассматривается не часто. Что касается аспекта структурной перестройки мировой системы, то она многими авторами игнорируется, так как в научном американском, европейском, да и российском дискурсах неореалистские подходы не рассматриваются. Так, известный американский структурный реалист Дж. Миршаймер критикуется и отвергается, хотя именно он очень своевременно и верно подметил структурный ренессанс, описал его и высказал рекомендации руководству США в вопросах международной стратегии. Представляется, что его обобщения достаточно объективно описывают происходящее и могут служить основой для дальнейших исследований[122]. Представили свои

---

[119] См. работы автора: Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: ИСКРАН, 2002. — 443 с.; Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012 — 272 с.; Россия и США в мировой политике. Изд. 2-ое., исправленное и дополненное. М.: Аспект Пресс, 2017 — 336 с.

[120] Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова. Учебник. Изд. 2-е., исправленное и дополненное. М.: Аспект Пресс, 2014; Введение в прикладной анализ международных ситуаций. Учебник. Под ред. Т. А. Шаклеиной. Изд. 2-ое., исправленное и дополненное. М.: Аспект Пресс, 2017; Шаклеина Т. А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. Том 13. № 4. С. 6–19/ http://www.intertrends.ru/userfiles/img/files/Shakleina-43.pdf

[121] Главы автора в монографиях: Emerging Powers in a Comparative Perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries. Ed. by Vidya Nadkarni and Norma C. Noonan. N.Y.: Bloomsbury, 2013. P. 163–188; Challenge and Change. Global Threats and the State in Twenty-First Century International Politics. N.C. Noonan, V. Nadkarni, eds. Macmillan, 2017.

[122] Mearsheimer J.J. and Walt S.M. The Case of Offshore Balancing. A superior U.S. Strategy // Foreign Affairs. Vol. 95. No. 4 (July/August 2016). P. 70–84; Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2001.

соображения по теме мирового порядка и другие авторы, которые ближе к структурным неолибералам, например, Н. Лебоу и Т. Пол, но их работы, скорее, направлены лишь на то, чтобы дать более привлекательное словесное оформление существующей глобальной стратегии США, направленной на принудительную структуризацию взаимодействия с ведущими державами, прежде всего, Китая, Индии, Бразилии и России[123].

Исследование: основная часть.

Президентские выборы 2016 года в США были очень необычными и имели значение не только для развития внутриполитической ситуации в Америке, но и для развития мировой ситуации, так как международная деятельность администрации Обамы подвела страну к переломному рубежу. Встал вопрос об изменении стратегии в отношении ведущих держав, чье влияние усиливалось и вступало в противоречие с американскими порядкоформирующими планами.

Международная деятельность Соединенных Штатов всегда была глобальной и мессианской в сочетании со сверхдержавным статусом. После роспуска Советского Союза среди значительного числа американских политиков и экспертов укоренилось убеждение в том, что не осталось никаких препятствий для реализации исторических глобальных планов Америки, и она могла действовать, не оглядываясь на другие государства. В 1990-е годы можно было лишь с очень большой натяжкой утверждать, что появился новый «клуб» великих держав — полицентричность мира: Россия занималась восстановлением сил и консолидацией нового государства и ее потенциала, Китай еще не стал экономическим гигантом, Индия и Пакистан, хотя и стали ядерными державами были лишь в самом начале пути к обретению высокого статуса ведущей державы, Бразилия также не была еще заметным мировым игроком. Процессы интеграции на просторах Евразии еще не приобрели структурно-организационного характера. В Латинской Америке Соединенные Штаты продвигали проекты НАФТА и АЛКА, которые были нацелены на усиление влияния США во всеамериканском масштабе. О европейских державах, как о самостоятельных единицах, действующих в мировой политике, говорить было невозможно, они были частью мощного трансатлантического сообщества, где главная роль принадлежала США, прежде всего, через НАТО.

[123] Accommodating Rising Powers. Past, Present, and Future / Ed. by T.V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 2016; Reich S. and Lebow N.R. Good-Bye Hegemony! Power and Influence in the Global System. Princeton: Princeton University Press, 2014; Regional Powers and Regional Orders.Ed. by Godehardt, Nadin and Naders, Dirk. Routledge. N.Y.: Routledge, 2011.

В такой ситуации не было необходимости прорабатывать структурные вопросы, так как в американском истеблишменте существовало убеждение в том, что США, опираясь на свою военную мощь, крупнейшую экономику, сильные технологические и интеллектуальные возможности, умелую политику в информационной (пропаганда) и образовательной сферах сумеют сдержать или предотвратить появление сильных игроков, способных создать для них проблемы. Именно в силу такой убежденности и обольщения силой в трудах американских аналитиков ничего не писалось о характере мирового порядка (он однополярный и стабильный), о необходимости по-новому выстроить отношения с другими крупными державами, о соблюдении международных норм (США могут делать все по своему усмотрению и могут сами создавать новые нормы и нарушать старые). Все действия администрации Клинтона основывались на превосходстве силы, беспрепятственности, праве сильнейшего, непререкаемости совершенства американской политико-экономической системы [Шаклеина, 2002, с. 97–151].

И в 2000-е годы осознание более сложного характера мировой системы, отличной от вседозволенной однополярности, происходило не сразу. Администрация Дж. Буша-мл. не признала, что террористические акты 2001 года были свидетельством того, что в сфере международной безопасности выросла серьезная угроза террористических организованных групп (сетей), с которой одному государству справиться невозможно. США начали «войну против террора до победы». Однако то, как они начали бороться с ним, поставило под сомнение их желание действительно эту угрозу побороть. Борьба была начата также под лозунгом «смены режимов» и демократизации, о чем говорили и демократы. Действия администрации Буша положили начало цепи конфликтов и гражданских войн в странах Арабского Востока, в ходе которых не только свергались режимы, но и рос терроризм, ставший глобальной угрозой.

В 2000-е годы происходил и другой процесс: начали сталкиваться интересы России и США. В американском истеблишменте были недовольны той политикой, которую начал проводить В. В. Путин, начались обмены критическими заявлениями (Доклад «Неверный путь России» 2006 г. и речь В. В. Путина в Мюнхене в 2007 г.)[124], произошел почти военный конфликт в ходе восьмидневной войны на Кавказе [Косолапов, 2008]. Россия постепенно превращалась в раздражитель для США, начи-

[124] Russia's Wrong Direction: What the United States Can and Should Do. Report of an Independent Task Force. Council on Foreign Relations, 2006 / www.cfr.org

нала мешать. Ее поведение стало свидетельством того, что мир все-таки не однополярный, у американской гегемонии есть пределы действия, а террористы начинают выходить из-под контроля американских военных. Экономический кризис 2008 года добавил новые элементы в мировую систему: во весь рост поднялся Китай, получивший выгоду от кризиса, скупивший часть американского долга, приблизившийся по ВВП к США, не рухнули российская и бразильская экономики, хотя и пострадали очень заметно [Симония, 2010; Симония, Торкунов, 2013]. Индия удержала свою экономику и занималась крупным военным строительством. Налицо была группа «растущих» мировых держав, которые хотя и не «восстали» против гегемонии США, но требовали своего места в глобальном порядке, соответствующего их новому статусу.

Российские авторы неоднократно писали об отсутствии моноцентричного мирового порядка или о бесполюсном мире [Баталов Э.Я. 2001; Мегатренды 2014: 23–57; 73–88], но американцы писали и говорили об этом мало. В середине 1990-х годов об этом откровенно заявил лишь С. Хантингтон, выдвинувший концепцию «гибридного порядка», в котором хотя и была только одна сверхдержава, нельзя было отрицать наличия других держав, без взаимодействия с которыми США не могли решить глобальные проблемы [Huntington, 1999]. В 2008 году о бесполюсном, но полицентричном мире с несколькими центрами силы, прежде всего, КНР и Россией написал Р. Хаасс [Haass, 2008]. Но одинокий голос Р. Хаасса не был услышан руководством страны. Структурные реалисты были по-прежнему непопулярны. Идеология демократизации мира и распространения западных ценностей и политических институтов одержала верх над пониманием реальных процессов в мире. Администрация Обамы была крайне идеологизированной и получила определение команды «либеральных ястребов», «крестоносцев», готовых разрушать на своем пути все, что мешает реализации их идей [Шаклеина, 2017, с. 123–181].

«Доктрина Обамы» основывалась на том, что нет ни одной страны, кроме Америки, которая находилась бы в лучшем положении, чтобы быть лидером в эру глобализации. Главными задачами политики США объявлялись обеспечение безопасности и распространение демократии в мире при сохранении военного превосходства. *Поддержка общечеловеческих норм была объявлена фундаментальной для американского лидерства и рассматривалась как источник силы США в мире*[125].

[125] National Security of the United States of America. The White House, Washington. May 2010 / http://www.state.gov

В 2010 году был обнародован документ, получивший название «ядерной доктрины» Обамы, где делался акцент на том, что политика США в отношении ЯО остается гибкой, не может быть одинаковой в отношении разных акторов. Подтверждалось, что США будут усиливать архитектуру региональной безопасности и усиливать свои гарантии союзникам и партнерам, предоставляя им эффективную ядерную защиту (*nuclear umbrella*), одновременно усиливая потенциал неядерного сдерживания (противоракетная оборона и обычные ракеты дальнего радиуса действия)[126].

Тезис о «мягкой силе», изобретенный неолибералами (Дж. Най-мл.) и введенный в политологический дискурс, дезориентировал аудиторию. Военная сила и гуманитарные интервенции с использованием военной силы стали использоваться администрацией Обамы не менее активно, чем предыдущими администрациями.

Кредо, которому Соединенные Штаты следовали после Второй мировой войны, было триединым: глобальное военное присутствие для достижения минимального международного мира и порядка, организация вооруженных сил таким образом, чтобы они были способны действовать глобально, глобальный интервенционизм, чтобы отражать существующие и предотвращать потенциальные угрозы. Это кредо — единство цели и практики — лежит в основе политики Вашингтона по управлению и поддержанию порядка в мире в Американский век. Приверженность этому кредо обеспечивает сохранение консенсуса по вопросам международной деятельности США, независимо от того, кто находится у власти в Вашингтоне — Вашингтонский консенсус [Bacevich 2010: 14–15]. Так повелось со времени правления администрации Г. Трумэна, продолжалось при администрации Б. Обамы, то есть сохраняется преемственность в том, как Вашингтон управляет миром.

Но в отличие от периода 2000-х годов, Россия и Китай стали более осторожно относиться к голосованию в ООН, и хотя при голосовании по Ливии в 2011 году в СБ ООН они не проявили достаточной решимости, в сирийском вопросе решительно выступили против военной операции. Это уже была открытая оппозиция действиям США и НАТО. А начатая российскими ВКС военная операция в Сирии осенью 2015 года продемонстрировала, что ведущие державы переходят к более решительным действиям. Китай, хотя и оставался в стороне от военных действий в Сирии, поддержал действия России в СБ ООН, а Турция в 2017 году присоединилась к действиям России в борьбе с террористическими группировками в Сирии.

---

[126] Nuclear Posture Review Report. U.S. Department of Defense. April 2010 / http://www.defense.gov

Главным тезисом американских сторонников однополярного мира был тот, что в мире не сложилось какой-либо оппозиции Соединенным Штатам. Но в 2010-е годы эта оппозиция была вполне видимой: несистемная — террористические группировки, и системная — Россия и КНР, отстаивавшие самостоятельность и независимость в своих действиях, и ряд других держав (Турция, Бразилия), стремящихся занять более высокие позиции в мировой политике.

В таких условиях перед Соединенными Штатами встала задача структурной организации новой группы ведущих держав, на выгодных для них условиях. В этом вопросе был заметен разрыв между теми, кто считал необходимым для США как-то ограничить себя в реализации стратегии глобального лидерства (гегемонии), сузить сферу приложения американских интересов и военного присутствия, и теми, кто в чем-то ограничивать деятельность США не желал [Mann, 171–190].

Таким образом, ключевым внешнеполитическим вопросом в 2017 году для Соединенных Штатов становится вопрос о том, сохранит ли администрация Д. Трампа преемственность в реализации глобальной стратегии. Будет ли она продолжать политику, основанную на идеологии (демократия и ценности), используя гуманитарные военные интервенции в разных уголках мира (самый острый вопрос — Сирия), захочет ли сотрудничать с Россией в Сирии, делить глобальное руководство с ведущими державами, прежде всего, Китаем и Россией.

Советов дается немало. Представители правящей элиты, работавшие на администрацию Обамы и остающиеся в ведущих «мозговых центрах» Вашингтона, считают неизбежным и востребованным продолжение американской политики в форме лидерства-гегемонии (гегемонистского лидерства). Понимая, что уже нельзя не видеть других держав, возвышающихся в мировой политике, они видят основную задачу в том, чтобы программировать развитие отношений между ведущими державами, не позволяя им найти компромисс или достичь отдельного от Америки консенсуса по ключевым вопросам мировой политики. Политологи указывают на то, что США вряд ли смогут оказывать влияние на внутренние процессы таких крупных стран как Китай, Индия, Турция и Бразилия (события 2016 г. в Бразилии говорят о существовании такой возможности), но смогут получить такую возможность в далеком будущем. Но внешнеполитический аспект взаимодействия великих держав должен быть в фокусе американской политики и составит основу большой стратегии США на ближайшие 10–30 лет [Jones, 2014: 192].

Администрация Обамы в последних доктринальных документах недвусмысленно дала понять, что главным направлением политики США

будет Китай, который необходимо как сдерживать, так и вовлекать в орбиту своей деятельности. КНР пригласили к участию в Транстихоокеанском партнерстве, но в то же время было заявлено, что агрессивная политика Китая в АТР (Южно-Китайское море) получит соответствующий ответ от США, которые продолжают наращивать военное присутствие в этом регионе. Отдельные политологи предлагают пойти на компромисс и предложить Китаю роль «хранителя рыночных основ экономики в мире» [Reich and Lebow, p. 131–170]. Другие выступают с концепцией аккомодации, которая также предполагает уступки США в отношении Китая, предложив ему место рядом со сверхдержавой в управляющих глобальных структурах. Американские стратеги прорабатывают концептуально возможные способы и условия частичной аккомодации КНР, Индии, Бразилии, где китайский случай будет самым сложным [Accommodating Rising Powers. 2014, p. 201–267]. Америка не хотела бы серьезно делиться с ведущими державами правом на установление правил игры для всех в новом мировом порядке, поэтому она будет стремиться провести аккомодацию как можно спокойнее и опираясь на иные методы, помимо политико-дипломатических и экономических. Только Россия, похоже, оставлена пока вне аккомодационного поля, и отношения с ней будут выстраиваться в зависимости от того, удастся ли США выгодно договориться с тремя упомянутыми державами, окончательно разведя их с Россией. Поступаться чем-либо даже частично-символически в отношении РФ американское руководство не собирается [Accommodating Rising Powers, 2016, p. 268–292].

Акцент делается на коллективном управлении. Америке отводится ведущая роль в сфере обеспечения безопасности: «Америка — спонсор». Так называемое американское «спонсорство» заслуживает отдельного анализа: надо разбираться, *кого* спонсируют США, и что в результате происходит в странах и регионах, являющихся объектами американского спонсорства. Даже «спонсорство» трансатлантических союзников, на наш взгляд, не делает их жизнь безоблачной и спокойной. К 2016 году нестабильность и рост конфликтности в большей части Евразии были очевидным фактом, и американский фактор («рука Америки») в этой ситуации не самый последний. Такие угрозы международной, региональной и национальной безопасности, как терроризм, пиратство, криминальный бизнес, которые, по утверждению американских авторов, нуждаются в «спонсорстве» США, являются в немалой степени следствием американской и натовской политики, так как именно их действия привели к дестабилизации, локальным и внутригосударственным конфликтам, распаду и ослаблению государств. В условиях

нестабильности и конфликтов почва для усиления всех видов деятельности криминальных сетевых игроков только возрастает.

О необходимости изменения стратегии довольно смело написали неореалист Дж. Миршаймер и неолиберал С. Уолт, давние критики американской глобальной (гегемонистской) стратегии. Они предложили администрации Трампа совершить довольно смелый и радикальный поворот: сократить военное присутствие в Европе (или уйти совсем, предоставив европейцам самим решать вопросы безопасности). Они не видят опасности возникновения гегемона в этом регионе, а значит, нет необходимости держать там вооруженные силы, создавая напряженность в отношениях с Россией. Дж. Миршаймер и С. Уолт отметили, что американское руководство сделало ошибку после окончания Холодной войны: не сократило военное присутствие в Европе и не установило нормальных отношений с РФ. Верное, но запоздалое заявление. Соединенные Штаты так глубоко вошли в роль глобального гегемона и так далеко распространили свои вооруженные силы и военное присутствие, так серьезно испортили отношения с Россией, что быстро и радикально поменять, если это вообще возможно, свой внешнеполитический курс (а точнее, «американское кредо») вряд ли возможно [Mearsheimer and Walt, 2016, p. 70–83].

Россия часто игнорируется в публикациях американских политологов, а в отдельных из них внимание авторов сосредотачивается лишь на критике государственных персоналий. В 2010-е годы произошло возрождение так называемой «кремленологии» как направления в изучении Российского государства в годы холодной войны. Политологи внимательно следили за всеми нюансами в жизни и деятельности советской партийной элиты, что требовало немалых наблюдений и использования разных каналов получения информации в закрытом советском обществе, и на основании полученной информации делали выводы о перспективах политики СССР. Что-то кремленологам удавалось «угадать», однако в основном это направление потерпело крах, его представители не сумели верно оценить происходившие в СССР процессы и изменения. В век информации и открытости обществ это направление ушло из аналитической практики, но возродившийся «страх» и политическая ангажированность дали новый импульс этой форме исследований[127]. Их характеризует психологичность и фокус на

[127] См., например, публикации аналитиков Института Брукингса и Центра стратегических и международных исследований: Hill F. Understanding and Deterring Russia: U.S. Policies and Strategies. February 10, 2016 / http://www.brookings.edu/research/testimony/2016/02/10-us-strategy-russia-hill; Will Russia Continue to Play the Role of Spoiler? / https://www.csis.org/analysis/will-russia-continue-play-role-spoiler

личности (президент РФ), эмоциональность, необъективность, игнорирование общества и человека, на чем либералы постоянно делают акцент. Отсюда неверная картина и неверные оценки как современной ситуации, так и перспектив развития страны. Тезис о «непредсказуемости» России вырос именно из неспособности кремленологов отойти от эмоций и узости подхода, так как в международной деятельности России прослеживается четкая историческая преемственность и глубока великодержавная традиция.

Помимо довлеющего характера неолиберального подхода в изучении России и ее внешней политики используется метод «замалчивания», игнорирования России и ее действий на мировой арене и в описании мирового порядка будущего [Шаклеин, 2014]. В комплексных аналитических работах, где рассматриваются вопросы будущего порядка и политики США в отношении отдельных центров силы, упоминаются процессы, происходящие в ЕС, Китай и Азиатский регион, Бразилия и Латинская Америка, Пакистан, Южная Африка, Израиль и Ближневосточный регион. Нет ни слова о Евразии [Regional Powers and Regional Orders, p. 177–188]. Можно рассматривать это как общий тренд замалчивания существования России, но еще одна причина состоит в том, что США не имеют управляющего влияния на процессы, происходящие в России и в ее региональной подсистеме («Малая Евразия» с тенденцией превращения в «Большую Евразию»), где Россия сохраняет сильные позиции гегемона/лидера [Шаклеина, 2017, с. 53–67].

Результаты исследования. Исследование процесса структуризации в рамках складывающегося мирового порядка позволяет отметить растущую неопределенность в этом процессе, когда интересы ведущих мировых держав продолжают все больше расходиться. Такая ситуация дает основания для нескольких прогнозов, каждый из которых требует отдельного анализа. Особенно сложной ситуация представляется для России, которая находится на стыке интересов США, ЕС, Индии, Турции, Китая, Японии. Маневрирование на таком многофакторном поле ставит очень сложные задачи перед российским политико-академическим сообществом, когда требуется сложнейшая проработка каждого направления.

Анализ результатов. Результаты исследования подсказывают, что в сложной ситуации по периметру своих границ, в условиях непримиримой политики США, которая сохранится в разных форматах в краткосрочной перспективе, России следует внимательно изучать все разработки по проблеме мирового порядка, обсуждаемые в США. Можно воспользоваться подходами, предлагаемыми разными представителями амери-

канского экспертного сообщества, и по примеру американских стратегов, попробовать действовать на общеполитическом поле, *программируя процессы аккомодации, которые собираются осуществлять США*. Это очень трудная задача, но посильная, учитывая разногласия, существующие между разными державами, и используя богатый опыт проведения международно-политического анализа, в том числе, количественного анализа и моделирования [Введение в прикладной анализ, 2017, с. 55–133].

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в краткосрочной и среднесрочной перспективах будет продолжаться острая конкурентная борьба между ведущими мировыми державами за формирование институтов-норм и институтов-организаций [Баталов, 2016, с. 6–25], в которых они будут отстаивать наиболее выгодные позиции. Можно предположить, что Бразилия и Индия выступят на стороне Соединенных Штатов, получив символическую аккомодацию и отдельные привилегии в торгово-экономической (Бразилия) и военной (Индия) сферах. Китай будет стремиться к полной аккомодации на своих условиях, и его предложения могут совпасть с американскими интересами в вопросах глобального управления. Исход может оказаться и неудовлетворительным для КНР, в зависимости от того выбора, который сделает американское руководство в решении вопроса о дальнейшем отстаивании западоцентричного мирового порядка. Судьба российско-американского взаимодействия в аккомодационной сфере остается неясной, так как в США не сложилась какая-либо политическая база для более конструктивного подхода к решению вопроса о месте России в мировой политике и в том порядке, который Соединенные Штаты продолжают выстраивать.

Литература

1. Баталов Э.Я. Новая институционализация мировой политики // Международные процессы. Том 14 № 1 (январь-март 2016) URL: http://www.intertrends.ru
2. Баталов Э.Я. Новая эпоха — новый мир // Свободная мысль. № 1. 2001. С. 4–13.
3. Баталов Э.Я. Мировая политика и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005;
4. Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. — 336 с.
5. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Институт США и Канады РАН, 1996. — 352 с.
6. Богатуров А.Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30–40;

7. Богатуров А. Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 25–36.
8. Введение в прикладной анализ международных ситуаций. Под ред. Т. А. Шаклеиной. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. М.: Аспект Пресс, 2017.
9. Дегтерев Д. А. Теоретико-игровой анализ международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2016. 556 с.
10. Косолапов Н. А. Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. Том 4 № 3 (сентябрь–декабрь 2008) URL: http://www.intertrends.ru
11. Симония Н. А. Социально-экономические аспекты глобального лидерства // Международные процессы. Том 8. № 3 (сентябрь–декабрь 2010) URL: http://www.intertrends.ru
12. Симония Н. А., Торкунов А. В. Структурный кризис и мировое лидерство. Мифы и реальность. М.: Международная жизнь, 2013. 88 с.
13. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова. Учебник. Издание 2-ое., исправленное и дополненное. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2014.
14. Хрусталев М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. — 232 с.
15. Шаклеин В. В. Сценарии будущего и Россия // Международные процессы. Том 13. № 3 (июль–сентябрь 2015) URL: http://www.intertrends.ru
16. Шаклеина Т. А. Россия и США в новом мировом порядке. М.: ИСКРАН, 2002.
17. Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012. 232 с.
18. Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. Изд. 2-е., исправленное и дополненное. М.: Аспект Пресс, 2017. — 336 с.
19. Шаклеина Т. А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. Том 13. № 4. С. 6–19/
20. *Шахназаров Г. Х.* Грядущий миропорядок. М.: Издательство политической литературы, 1981. — 447 с.
21. Accommodating Rising Powers. Past, Present, and Future / Ed. by T.V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
22. Bacevich A. J. Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y.: Metropolitan Books, 2010. — 214 с.
23. *Bull, Hedley*. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977. — 335 p.
24. Chomsky, Noam. World Orders, Old and New. N.Y.: Columbia University Press, 1994. — 311 p.
25. Challenge and Change. Global Threats and the State in Twenty-First Century International Politics. N. C. Noonan, V. Nadkarni, eds. Macmillan, 2017.

26. Emerging Powers in a Comparative Perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries. Ed. by Vidya Nadkarni and Norma C. Noonan. N.Y.: Bloomsbury, 2013.
27. Jones. Still Ours to Lead. America, Rising Powers, and the Tension Between Rivalry and Restraint. Wash., D.C.: The Brookings Institution Press, 2014.
28. Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. May/June 2008. URL: www.foreignaffairs.org/20080501faessay87304
29. Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Vol. 72 No. 3 (Summer 1993). P. 22–49
30. Huntington S. The Erosion of American National Interests // Foreign Affairs. Vol. 76. No. 5 (September/October 1997). P. 28–49.
31. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. Vol. 78. No. 2. (March/April 1999). P. 35–49.
32. Mann J. The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. N.Y.: Penguin Books, 2012.
33. Mearsheimer J.J. and Walt S.M. The Case of Offshore Balancing. A Superior U.S. Strategy // Foreign Affairs. Vol. 95. No. 4 (July/August 2016). P. 70–84.
34. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2001.
35. Regional Powers and Regional Orders. Ed. by Godehardt N. and Naders D. N.Y.: Routledge, 2011.
36. Reich S. and Lebow R.N. Good-Bye Hegemony. Power and Influence in the Global System. Princeton: Princeton University Press, 2014.
37. Wohlforth, William C. Realism and the End of the Cold War // International Security. Vol. 19. No. 3 (Winter 1994/95). P. 91–129.
38. Wohlforth, William C. The Stability of a Unipolar World // International Security. Vol. 24, No. 1 (Summer 1999). P. 5–41.

RELATIONS BETWEEN THE UNITED STATES, RUSSIA, AND OTHER LEADING WORLD POWERS: STRUCTURAL FACTOR

Tatiana Shakleina, Vassily Shaklein

Abstract: *The article is concentrated on the structural trend in the formation of contemporary world order. Future development of the world depends on the trend of accommodation between various great powers, and on the outcome of the American superpower policy of accommodating other powers. Process of accommodation is a two-track and multi-level process. The United States will try to accommodate other countries on different terms but also aiming at getting more favorable terms. The will try to preserve the format of liberal Western (American) order they started to implement. Great powers will also try to get better terms of agreement with the united States and between*

each other. The group of contemporary great powers has enlarged: it includes not only traditional Western powers, but also new emerging ones, such as China, India, Turkey, Brazil, Argentina, etc. In this group Russia occupies a peculiar place and role: it is a traditional great power but in the process of restoring its status after the end of the USSR.

Relations between the United States and Russia are distinct in the structural process. During almost 20 years Russia has been the only country acting against the American policy of constructing contemporary world order. Russia was not always successful in its actions, but it was acknowledged by American politicians and experts that it was Russia who slowed down this process, became an obstacle for American plans. Besides the "Russia factor" there were other manifestation of failure of Western plans: the emergence of not systemic terrorist actors; active great power policies of some countries (China, Turkey); in the Arabic countries, and in EU (+ potential members) negative results of the US and NATO policy became evident. The world became more unstable and less predictable.

The United States blamed Russia for its failures and all negative consequences for the world order. They declared an open war against Russia trying to neutralize its policy and perspectives for realizing its great power status in world order formation. They continued to structure relations between leading world powers paying primary attention China. The US tries to prevent any rapprochement between Russia and China, and to implement accommodation plan of involving and deterring PRC.

***Keywords**: world order, Russia, the United States, leading world powers, accommodation*

References

1. Batalov Ed. Novaya Institutsionalizatsia mirovoy politiky // Mezhdunarodniye Protsessi. Vol. 14. No. 1 (January–March 2016). URL: http://www.intertrends.ru
2. Batalov Ed. Novaya Epokha — Noviy mir // Svobodnaya Misl. No. 1. 2001. P. 4–13.
3. Batalov Ed. (2005) Mirovaya politika I mirovoy poryadok, Moscow: ROSSPEN. 376 p.
4. Batalov Ed. (2008) Chelovek, mir, politika, Moscow: NOFMO. 336 p.
5. Bogaturov A. (1996) Velikiye derzhavi na Tikhom okeane, Moscow: ISKRAN. 352 p.
6. Bogaturov A. Krizis mirosistemnogo regulirovaniya // Mezhdunarodnaya zhizn, 1993, No. 7, p. 30–40.
7. Bogaturov A. Pluralisticheskaya odnopolyarnost i interesi Rossii // Svobodnaya misl, 1996, No. 2, p. 25–36.
8. *Bull H.* (1977) The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics, N.Y.: Columbia University Press, 1977. 335 p.
9. Chomsky N. (1994) World Orders, Old and New. N.Y.: Columbia University Press, 1994. 311 p.

10. Degterev D. Teoretiko-Igrovoy Analiz Mezhdunarodnikh Otnosheniy. M.: Aspekt Press, 2016. 556 p.
11. Introduction to International Analysis. Ed. by T. Shakleina. 2nd edition. M.: Aspekt Press, 2017.
12. Khrustalev M. Analiz Mezhdunarodnikh Situatsiy I Politicheskaya Expertiza. M.: NOFMO, 2008.
13. Kosolapov A. Probability of Conflict between Russia and the United States // Mezhdunarodniye Protsessi. Vol. 2. No. 3 (September/December 2008). P. 15–25 URL: http://www.intertrends.ru
14. Megatrends. World Order Evolution in the 21st Century. Ed, by T. Shakleina, A. Baykov. 2nd edition. M.: Aspect Press, 2014.
15. Accommodating Rising Powers. Past, Present, and Future / Ed. by T. V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
16. Bacevich A. J. Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y.: Metropolitan Books, 2010.
17. Challenge and Change. Global Threats and the State in Twenty-First Century International Politics. N. C. Noonan, V. Nadkarni, eds. Macmillan, 2017.
18. Emerging Powers in a Comparative Perspective. The Political and Economic Rise of the BRIC Countries. Ed. by Vidya Nadkarni and Norma C. Noonan. N.Y.: Bloomsbury, 2013.
19. Jones B. Still Ours to Lead. America, Rising Powers, and the Tension Between Rivalry and Restraint. Wash., D.C.: The Brookings Institution Press, 2014.
20. Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U. S. Dominance // Foreign Affairs. May/June 2008. URL: www.foreignaffairs.org/20080501faessay87304
21. Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Vol. 72 No. 3 (Summer 1993). P. 22–49
22. Huntington S. The Erosion of American National Interests // Foreign Affairs. Vol. 76. No. 5 (September/October 1997). P. 28–49.
23. Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. Vol. 78. No. 2. (March/April 1999). P. 35–49.
24. Mann J. The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. N.Y.: Penguin Books, 2012.
25. Mearsheimer J. J. and Walt S. M. The Case of Offshore Balancing. A Superior U. S. Strategy // Foreign Affairs. Vol. 95. No. 4 (July/August 2016). P. 70–84.
26. Mearsheimer J. J. and Walt S. M. The Case of Offshore Balancing. A Superior U. S. Strategy // Foreign Affairs. Vol. 95. No. 4 (July/August 2016). P. 70–84.
27. Regional Powers and Regional Orders (2011) Godehardt N. and Naders D., eds., N.Y.: Routledge. 232 p.
28. Reich S. and Lebow R. N. (2014) Good-Bye Hegemony. Power and Influence in the Global System, Princeton: Princeton University Press. 245 p.

29. Shaklein V. Stsenarii Buduschego Razvitia I Rossia // Сценарии будущего и Россия // // Mezhdunarodniye Protsessi. Vol. 13. No. 3 (July/September 2015) URL: http:// www.intertrends.ru
30. Shakleina T. Russia and the United States in World Politics. 2nd edition. M.: Aspect Press, 2017.
31. Shakleina T. Russia and the United States in World Politics. M.: Aspect Press, 2012.
32. Shakleina T. Russia and the United States in the New World Order. M.: Institute of the USA and Canada, 2002. 443 p.
33. Shakleina T. Liderstvo I sovremenniy mirovoy poryadok // Mezhdunarodniye protsessi, 2015, Vol. 13, No. 4, p. 6–19.
34. Shakhnazarov G. Gryaduschiy miriporyadok, Moscow: Politizdat. 447 p.
35. Simonia N., Torkunov A. Globalization, Structural Crisis, and World Leadership (Myths and Reality). M.: Mezhdunarodniye Otnoshenia, 2013.
36. Simonia N. Social-Economic Aspects of Global Leadership // Mezhdunarodniye Protsessi. Vol. 8. No. 3 (September/December 2010) URL: http:// www.intertrends.ru
37. Wohlforth W. C. Realism and the End of the Cold War // International Security. Vol. 19. No. 3 (Winter 1994/95). P. 91–129;
38. Wohlforth W. C. The Stability of a Unipolar World // International Security, Vol. 24, No. 1 (Summer 1999). P. 5–41.

Информация об авторе

Шаклеина Татьяна Алексеевна

доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. Российская Федерация. E-mail: shakleina-tania@yandex.ru

Шаклеин Василий Владимирович

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института США и Канады РАН. Российская Федерация. E-mail: vasiasha@hotmail.com

Tatiana A. Shakleina

PhD, Professor of Political Science, Head of Department of Applied Research of International Problems, MGIMO — University. Russian Federation. E-mail: shakleina-tania@yandex.ru

Vassily V.Shaklein

PhD, Research associate, Institute of the USA and Canada Studies, the Russian Academy of Sciences. Russian Federation. E-mail: vasiasha@hotmail.com

РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ РОССИИ И СТРАН ЗАПАДА К РАЗВИТИЮ И МОДЕРНИЗАЦИИ: ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СТОРОНАМИ

Е. Н. ЯМБУРЕНКО

Аннотация: *В предлагаемой читателям статье рассматриваются конкурирующие трактовки сущности развития, утвердившиеся в политическом дискурсе, с одной стороны, США и европейских стран, с другой — России. Исследование строится на анализе теоретических истоков подходов к модернизационным процессам, а также их преломлении в политической среде и применении на практике.*

Сопоставление позиций России и Запада по вопросам развития — а именно механизмов и задач трансформации общества на пути к «модерну» — позволяет выявить расхождение видения обеих сторон. В то время как в основу понимания принципов развития стран Запада легли ключевые положения теории модернизации, сформулированные еще в 1960-е гг., Россия, прошедшая после распада СССР через серьезнейшие трансформации политического и экономического строя и продолжающая поиски наиболее эффективного пути прогрессивного преобразования, придерживается идей, созвучных более поздним концепциям множественных модернов Ш. Н. Ейзенштада и анклавно-конгломератного развития А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова.

Расхождения в видении процессов развития находят отражение в политических доктринах и инициативах России и Западных государств, которые оказываются несовместимыми и в некоторых аспектах даже взаимопротиворечащими, что не может не оказывать воздействие на внешнеполитическую практику этих стран. Проведенное исследование позволило доказать и наглядно продемонстрировать тот факт, что негативное имплицитное влияние различий в подходах сторон к модернизационным процессам прослеживается как в нормативной, так и практической сферах международных отношений: начиная от противопоставления представлений о базовых характеристиках желательного миропорядка и заканчивая провалом проекта общеевропейской системы безопасности и неудачи программы «Партнерство для модернизации».

Статья рассчитана на специалистов-международников и сотрудников внешнеполитических учреждений, занимающихся проблематикой отношений России со странами Запада. Эта работа, думается, также привлечет внимание многочисленной читательской аудитории, интересующейся не только российско-американскими и российско-европейскими отношениями, но и вопросами развития и модернизации в их политическом преломлении.

Ключевые слова: *Россия, США, ЕС, отношения между Россией и странами Запада, развитие, модернизация*

Введение. В настоящее время в политико-академическом дискурсе развитие, равно как и модернизация, предстает одновременно в двух качествах: с одной стороны, как неотъемлемая часть и суть функционирования государства, с другой — как желаемый результат конкретных политических решений и мер. В силу комплексной природы процессов развития и их многовекторного воздействия на потенциал государств и расстановку сил на мировой арене проблематика модернизации не только не потеряла своей актуальности, но и в своей экономической части выросла в подлинную парадигму, что связано с наличием «набора концепций, ценностей, представлений и практик, разделяемых сообществом и формирующих определенное видение реальности, в соответствии с которым данное сообщество самоорганизуется» [Carpa, 1996, p. 6].

Однако совсем иная картина наблюдается в отношении политических надстроек к чисто экономическому пониманию развития, ассоциирующемуся с экономическим ростом и повышением благосостояния населения страны. Увязывание процессов индустриализации с конкретными трансформациями политических режимов, присущее трактовке модернизационных процессов странами Запада, не находит понимания у значительной части развивающихся и восходящих государств, включая Россию. Таким образом, за единым представлением о базовых принципах достижения экономического роста скрываются серьезнейшие расхождения в определении необходимых для этого политических процессов, что находит выражение в различных подходах к целому ряду международных событий и проблем. В связи с этим представляется важным выявить различия в видении развития России и Западных стран и определить их влияние на отношения между сторонами.

Теоретические основания исследования. Даная работа призвана дать развернутое представление о подходах России, с одной стороной, и США и ЕС, с другой, к проблематике модернизации и их роли в выстраивании данными странами политики в отношении друг друга и деятельности на международной арене.

Объект исследования — различия в видении сути и целей развития Россией и странами Запада.

Предмет исследования — последствия расхождения в понимании модернизационных процессов для отношений между Россией и Западными государствами.

Основная цель статьи — доказать наличие взаимосвязи между различающимися российским и западным подходами к развитию и сложностями, возникающими в процессе взаимодействия России и США и ЕС по целому ряду международно-политических вопросов.

Несмотря на то, что разработке вопросов развития и модернизации государств посвящено большое количество работ как чисто теоретического, так и прикладного свойства, проблематика влияния расхождений в понимании этих процессов на конкретные политические решения и действия отдельных держав пока не получила столь же детального освещения в научной и аналитической литературе. Особенностям модернизационных процессов в России посвящены работы таких авторов, как Т. Романова, Е. Павлова, М. Кивинен, Т. Кокс, Г. Канарш, Н. Киноссиана, К. Моргана и др. Политика стран Запада по распространению либерально-демократической модели на третьи страны в целом рассматривается М. Э. Лэтхэмом, Д. Энджерманом, Н. Гилманом, М. Х. Хаэфеле, Д. Экбладом, Д. Слэтером, Т. А. Маккарти, С. Масекура, А. Ричардс, а в частности на конкретных примерах — Г. Бразински, Б. Симпсоном и др. Подробный сравнительный анализ американского и советского подходов к развитию провел О. А. Вестад.

Для выполнения поставленной исследовательской задачи был использован сравнительный анализ для непосредственного сопоставления подходов России и стран Запада к модернизационной проблематике, а также логико-интуитивные методы с привлечением наработок социального конструктивизма в части определения влияние выявленных расхождений на взаимодействие России с США и ЕС в конкретных международно-политических ситуациях.

Исследование: основная часть. Вопросы развития и прогресса в их теоретическом преломлении традиционно волновали философов. Первые попытки перевести исследования в практическую плоскость предприняли социологи, и лишь впоследствии данная проблематика попала в фокус экономистов и политологов. Последнее имело место в середине XX века, когда на авансцену мировой политики вышло противостояние двух моделей развития и двух блоков стран, их придерживающихся. Всплеск интереса к вопросам модернизации, не в последнюю очередь, объяснялся тем, что в условиях Холодной войны «одновременное пре-

вращение обществ Третьего мира в заметных акторов мировой политики в результате дезинтеграции европейских колониальных империй впервые» сформировало подкрепленный значительными финансами запрос на изучение «проблем экономического развития, политической стабильности, социальных и культурных изменений в обществах Азии, Африки и Латинской Америки» [Tipps, 1973, p. 200].

Между СССР и США развернулось настоящее соперничество вокруг включения обретших независимость стран в свою сферу влияния, что предполагало распространение на них соответствующих принципов социально-экономического развития. В то время как Советский Союз официально продвигал уже устоявшиеся на тот момент идеи марксизма-ленинизма, привлекательность которых для стран Третьего мира заключалась, прежде всего, в критике капитализма как источника неравенства, Западные страны в качестве жизнеспособной некоммунистической альтернативы социализму выдвинули теорию модернизации.

«Основополагающие положения теории модернизации следовали в русле работы и идей Т. Парсонса и его учеников,… опиравшихся в процессе разработки данной теории развития на книгу Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда» и частично применявших умозаключения М. Вебера о протестантской этике и рационализации» [Haas, 2007, pp. 48–49]. «Ключевой темой в научно-исследовательских наработках [гарвардских социологов] Т. Парсонса и Э. Шилза, которые часто именуются структурным функционализмом, являлась теоретизирование социальных институтов, обеспечивающих общественный порядок как в «примитивных», так и в «современных» обществах. Согласно Т. Парсонсу, одним из главных различий между этими двумя типами обществ заключается в том, что в «примитивных» обществах социальный порядок поддерживается общинными и семейными институтами, в то время как в современных обществах с капиталистическими рынками, общественный порядок обеспечивается посредством формализации правовых системам и демократических процессов…, [которые] представляют собой высоко специализированные и динамичные институты» [Gil-Riaño, 2016, p. 286].

«Т. Парсонс и Э. Шилз сформулировали теоретические модели, которые… предназначались для описания базовых структур, лежащих в основе любого общества. Так они предложили социологам концептуальную рамку для классификации обществ, в которой США выступали в качестве эталона современности, в соответствии с которым оценивались другие общества. Специалисты в области общественных наук из других дисциплин такие, как экономист У. Ростоу и политолог Л. Пай, быстро переняли догматы структурного функционализма и включили

их в свои исследования, со временем трансформировав их в то, что стало именоваться теорией модернизации» [Gil-Riaño, 2016, pp. 268–269]. Благодаря их усилиям изучением вопросов развития наряду с Факультетом общественных отношений Гарвардского университета занялись Комитет по сравнительной политологии Совета обществоведческих исследований и Центр международных исследований Массачусетского технологического института. В то время как работавшие под эгидой Комитета по сравнительной политологии такие выдающиеся ученые, как Г. Алмонд, Л. Пай, Э. Шилз, Д. Аптер, С. Верба и С. Хантингтон стремились прояснить политические аспекты модернизации [Williams, 2013, p. 39], сотрудники Центра международных исследований М. Миликан и Д. Лернер рассматривали данный процесс под экономическим углом [Immerwahr, 2015, p. 62].

Несмотря на то, что впоследствии в процессе непрекращающихся пересмотра и переоценки академическим сообществом сути развития и социальных изменений появилось множество междисциплинарных интерпретаций модернизации, все они разделяли ряд общих черт. Во-первых, все теоретики модернизации сходились во мнении о взаимосвязи и взаимообусловленности экономических, политических и социо-культурных преобразований. Во-вторых, они представляли переход от традиционного к современному состоянию как линейный процесс следования любого социума по универсальному и единому для всех обществ без исключения пути развития. В-третьих, опираясь на вышеперечисленные предположения о природе развития, сторонники модернизации делали вывод о том, что «прогресс развивающихся наций в деле построения модерна может быть ускорен посредством контактов с современными странами и получения от них технической поддержки» [Gil-Riaño, 2016, p. 269].

В результате к концу 1960-х гг. «модернизация стала неотъемлемой частью научного знания о развитии, и экономический рост был объединен с политической модернизацией, то есть государствостроительством, и общественной модернизацией, включающей, например, стимулирование предпринимательства и «ориентацию на достижение»» [Nederveen Pieterse, 2010, p. 6]. Это, в свою очередь, привнесло множество сложностей эмпирического и нормативного характера в исследования и практику развития. «Акцент… отошел от фокусирования исключительно на росте и включил в себя вопросы распределения благ, равенства…, участия широких масс, демократии, способности правительств направлять ход общественных изменений, структурной дифференциации, баланса и т.д.» [Caporaso, 1980, p. 606].

Теоретики модернизации подчеркивали, что установление демократического режима является центральным элементом развития, что придавало теории политическое звучание. В данном контексте за США как лидером Западного мира закреплялась особая роль не только по воплощению достижений модерна и служению примером для развивающихся стран, но и по активному продвижению либерально-демократической модели общества на международной арене. Данное обстоятельство побудило М. Э. Лэтхэма утверждать, что для США модернизация была не просто социальной, политической и экономической теорией, но представляла собой подлинную «идеологию, концептуальную рамку, которая соединяла в себе совокупность представлений о природе американского общества и его способности преобразовывать мир, который воспринимался как несовершенный как в материальном, так и культурном плане» [Latham, 2000, p. 12].

Неудивительно, что ключевые положения теории модернизации были очень быстро инкорпорированы в американский внешнеполитический курс, чему в значительной степени способствовала проактивность представителей научного сообщества, прежде всего, М. Ф. Миликана и У. У. Ростоу. В 1957 г. они написали книгу «Предложение: Ключ к эффективной внешней политике» ("A Proposal: Key to an Effective Foreign Policy"), адресованную политической элите страны. Авторы призывали США «полагаться на эффективную экономическую поддержку нейтральную в отношении политических вопросов, что позволяет не столько рекрутировать явных «союзников», сколько укреплять политическую ответственность в развивающихся странах» [Morgan, 1957, p. 1041] и внести вклад в повышение в них уровня жизни, что рассматривалось как «необходимое условие развития устойчивых и миролюбивых обществ и выживания демократических институтов» [Millikan, Rostow, 1957, p. 25]. При этом М. Ф. Миликан и У. У. Ростоу напрямую увязывали усилия в деле модернизации стран Третьего мира с интересами США, так как первые обеспечивали сохранение и улучшение американского образа жизни [Ish-Shalom, 2004, p. 10].

У. У. Ростоу продолжил работать в том же ключе и опубликовал труд «Стадии экономического роста: некоммунистический манифест» ("The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto"), где подробно изложил свое видение сути процесса модернизации. Согласно ему, «все нации проходят в своем развитии пять этапов… от пасторальной стадии, на которой концепция нации еще не оформилась, до конечной стадии, характеризуемой появлением в высшей степени комплексного и взаимозависимого социума в виде национального государства мо-

дерна. Политические институты и ценности задаются экономической структурой, присущей каждому этапу роста» [Cleva, 1989, p. 163].

У. У. Ростоу полагал, что на стадии создания предпосылок для последующего экономического подъема вмешательство — в прямом или переносном смысле посредством распространения определенных идей — более развитых стран становится не просто важным, но определяющим [Rostow, 1960, pp. 4–16], так как «коммунизм — «переходная болезнь»» и «общества уязвимы и подвержены ему… лишь на ранних этапах индустриализации» [Cleva, 1989, p. 163]. В связи с этим политически обусловленная экономическая помощь представлялась одним из наиболее эффективных инструментов предотвращения попадания развивающихся социумов в «ловушку» социалистической идеологии. В то же время, несмотря на то, что У. У. Ростоу отводил США как сверхдержаве особую роль в продвижении либерально-демократических ценностей в Третьем мире, он все же указывал на то, что модернизация синонимична демократизации и активному участию в политике широких масс, которые не могут быть насаждены патерналистским давлением извне» [Ish-Shalom, 2004, p. 11].

Назначение в 1961 г. У. У. Ростоу сначала на пост заместителя Специального помощника Президента по вопросам безопасности, а затем — на должность Председателя Совета политического планирования Государственного департамента США позволило ему успешно донести свои идеи до высшего руководства и сыграть значимую роль в «формулировании и реализации американской внешней политики, включая курс в отношение Латинской Америки» [Ish-Shalom, 2004, pp. 7; 11]. Неудивительно, что впервые модернизационная парадигма была апробирована на латиноамериканском направлении в инициированном США «Альянсе для прогресса» [Hickman, 2013, p. 77] — рассчитанной на 10 лет многомиллиардной программе иностранной помощи государствам Латинской Америки, направленной на стимулирование экономического роста и политических реформ с долгосрочной целью пресечения распространения в регионе коммунизма.

Одним из основных условий, выдвигаемых перед странами-потенциальными реципиентами американской финансовой помощи, была подготовка программы экономического и социального развития, основанной на западных демократических принципах [Mion, 1967, pp. 6–7]. Несмотря на то, что довольно скоро стало очевидным, что «демократия [западного типа] являлась чуждой концепцией для большинства латиноамериканцев», а предоставляемая через Альянс для прогресса помощь США «клеймилась как проявление экономического империализма» [Mion,

1967, pp. 73–74], необходимость продолжения усилий по продвижению модернизации, равно и демократизации, не ставилась под сомнение.

При этом тот факт, что научное осмысление процессов развития не стояло на месте, и в последующие годы соответствующие исследования отошли от жесткой установки на европоцентричность и универсальность проповедуемых Западом рецептов индустриализации, либерализации и модернизации, не нашел адекватного отражения во внешнеполитическом курсе Западных стран в отношении третьих государств, который оставался неизменным в своих ключевых положениях даже после окончания Холодной войны. Это в немалой степени объяснялось тем, что представления о линейности развития, проистекающие из анализа опыта развитых стран Европы и Америки, легли в основу правил функционирования Бреттон-Вудских институтов и были неотъемлемой частью идеологических посылок Вашингтонского Консенсуса [Gore, 2000, p. 791].

Впоследствии же распада СССР и возглавляемого им блока идеи конвергенции различных обществ в процессе развития пережили второе рождение на волне распространения представлений «о конце истории и победе демократических капиталистических систем над социалистическими». Общепринятым в западном научном и, что важнее, политическом дискурсе стало мнение о том, что для эффективного и успешного встраивания развивающихся стран в глобальную экономическую систему им необходимо «подражать развитым государствам, которым присущи ряд схожих характеристик», включая открытость рынков, преобладание частной собственности и корпоративной формы управления [Lapeyre, 2004, p. 7] и, конечно, либерально-демократический политический режим.

В связи с этим с начала 1990-х гг. активность США как единственной сверхдержавы в деле стимулирования модернизации и демократизации в третьих странах не только не снизилась, но стала приобретать все более резкие очертания и агрессивный характер, воплотившись сначала в концепцию «нового мирового порядка» администрации Дж. Буша-старшего, затем концепцию «расширения демократии» команды президента У. Клинтона и, наконец, доктрину смены режимов, взятой США на вооружение при Дж. Буше-младшем [Войтоловский, 2005]. ЕС, в свою очередь, пошла путем евромессианства как выражения «убежденности в универсальной, всеобщей ценности опыта Евросоюза» и инструмента выполнения своей «цивилизаторской» миссии [Шимов, 2004, с. 83].

Примечательно, что в настоящее время модернизационная парадигма в ее политическом звучании применяется западными странами

исключительно во внешней политике по отношению к третьим странам, то есть является продуктом для внешнего потребления. Внутренняя же динамика развития регулируется иным инструментарием, направленным на улучшение институциональной среды лишь в той ее части, которая имеет отношение к национальной инновационной системе. Необходимые решения и шаги принимаются в рамках государственной инновационной политики, которая «представляет собой взаимосвязанную систему мероприятий» в области экономического регулирования, научной и промышленной политик [Иванова, 2016, с. 7] и не затрагивает вопросы более высокого порядка: уровня демократичности режимов, политической культуры и т.д.

Для России же с самого начала ее функционирования в новом качестве отдельного государства проблематика развития была в первую очередь внутренним вопросом, причем вопросом выживания. В этих условиях внешняя политика призвана была обеспечивать наилучшие внешние условия для выполнения этих задач. Большая часть 1990-х гг. прошла под знаком скорейшего щокового применения проповедуемых Западом рецептов достижения экономического роста в силу непригодности советского опыта в кардинальным образом изменившемся контексте.

Поиски же некоего своего пути с опорой на национальные особенности стали осуществляться российским руководством уже в 2000-е гг., причем по большей части вынужденно, в ответ на возникающие как внутри страны, так и за ее пределами вызовы. К этому времени в мире уже был накоплен значительный опыт применения альтернативных официальному универсалисткому Западному подходов к модернизации, довольно детально осмысленный научно-академическим сообществом. Уже в 1990-е гг. начала складываться «концепция модернизации обществ с учетом их национальной культуры,… [опирающаяся] на синтез универсализма и партикуляризма», в рамках которой исследователи не просто стремились учесть особенности незападных сообществ, но и искали для них принципиально новые модели «модернизации в обход модерна», осуществляемой в соответствии со свойственной им социально-культурной и институциональной динамикой [Пантин, 2004, с. 115–123].

Среди них можно выделить концепцию множественных модернов Ш. Н. Эйзенштада, утверждавшего, что распространившееся по всему миру в результате «экономического, технологического и военного расширения Запада» сначала европейское, а позднее западное понимание «современного», наложившись на изначальные социо-культурные условия и институциональные структуры, составляющие ядро обществ незападных стран, само радикально трансформировалось. Развиваю-

щиеся страны перенимали внешнюю символику, например, разделение политических институтов на три ветви власти, однако наполняли их функционирование качественно новым свойственным им и традиционным для них содержанием, как это произошло в Индии [Eisenstadt, 2000, pp. 14–15]. В этом отношении взгляды Ш. Н. Эйзенштада перекликаются и даже совпадают с положениями концепции «нелиберальных демократий» Ф. Закарии (F. Zakaria), который развел понятия демократии как формы-оболочки и конституционного либерализма как сущности политических процедур [Закария, 2004, с. 59–61].

Ш. Эйзенштад объяснил упомянутую особенность следующим образом: «в ходе продолжительного взаимодействия между трансформационными процессами в экономической, технологической, политической и культурной сферах и попытками институционализировать культурную и политическую программы модерна с их сложностями и противоречиями в различных исторических контекстах сформировалось огромное разнообразие современных или модернизирующихся обществ, разделяющих множество общих черт, но также демонстрирующих значительное число различий, то есть появилось огромное многообразие современностей, являющихся выражением отличных друг от друга интерпретаций культурной и политической программ модерна» [Eisenstadt, 2010, pp. 6–7].

Особого внимания заслуживает и предложенная отечественными политологами А. Д. Богатуровым и А. В. Виноградовым для объяснения феномена «несоответствия российских реалий «общемировым закономерностям» строительства демократии» концепция анклавно-конгломератного типа развития [Богатуров, Виноградов, 2002, с. 1]. Они сделали важное уточнение о том, что зачастую в силу разнородности общества и различия условий существования, наблюдаемой даже на уровне отдельных регионов страны, трансформация воспроизводимых из поколения в поколение традиционных практик, ценностей и норм протекает с различной скоростью и направленностью, в результате чего внутри государства формируются анклавы. В этом случае общества становятся конгломератными, и им свойственно «длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделеобразующих элементов и основанных на них отношений, образующих отдельные анклавы» [Богатуров, 2002, с. 132].

Авторы также указали на то, что данная модель «самоорганизации незападных обществ возникла как их имунный ответ на модернизацию, выступив в роли избирательно-проницаемой “защитной брони”: с одной стороны, она позволяла обществам дозировано воспринимать

и осваивать новации; с другой — предохраняла органические основы воспроизводства незападных обществ от полного разрушения; с третьей — смягчала противоречия по линии “Запад-не-Запад”, предохраняя их от эскалации взаимной агрессивности и “взрывного” отторжения» [Богатуров, Виноградов, 2002, с. 8]. И российский опыт как нельзя лучше демонстрировал это. Правда, во второй половине 2000-х гг. руководство страны осознало необходимость более четкой артикуляции своего подхода к развитию, в результате чего была сформулирована политическая концепция суверенной демократии.

Понятие суверенной демократии было призвано подчеркнуть «право нации на свободный и независимый политический, экономический и социальный курс…, самостоятельный тип… [российской] демократии, невозможность навязывания других демократических моделей или правил» извне [Примаков, 2007, с. 94]. «Основной тезис [данной концепции] заключался в том, что выбор модели демократического правления, отвечающей [социокультурным] условиям России, — дело самого российского народа» [Работяжев, Соловьев, 2013, с. 49]. Следует отметить, что положения о неприемлемости «механического копирования зарубежного опыта» получили распространение во внутриполитических дискуссиях уже непосредственно на рубеже XX и XXI вв. [Работяжев, Соловьев, 2013, с. 46], но лишь во второй половине 2000-х гг. прочно утвердились в российском внешнеполитическом дискурсе.

Интересно, что в период президентства Д. А. Медведева широкое распространение в официальной риторике получил и термин «модернизация», который, правда, нес несколько отличную от принятой на Западе смысловую нагрузку, поскольку местами просто выступал синонимом слова «обновление», а в остальном подразумевал экономическое развитие и построение «умной» экономики на основе технологического перевооружения и создания инноваций [Медведев, 2009]. Видение же развития в целом соединяло в себе элементы как либеральной, так и консервативной идеологий, что предполагало органичное совмещение значительного и порой даже доминирующего положения государства в экономике с рыночными механизмами [Pabst, 2010].

Таким образом, уже в 2000-х гг. подходы России и Западных стран к проблематике развития серьезно расходились, хотя это различие никогда не выносилось на поверхность и не становилось центральной темой обсуждения в дву- и многосторонних переговорах. Универсализм и линейность теории модернизации с присущими ей элементами экономического и демократического мессианства, разделяемой на официальном уровне развитыми государствами, фактически проти-

вопоставлялись плюрализму, комплексности и специфичности национальных путей развития, свойственным восходящим и развивающимся обществам, включая Россию.

В связи с этим возникает вопрос о том, находило ли данное расхождение в видении сути развития отражение в конкретных внешнеполитических инициативах, решениях и заявлениях, и какое влияние оно оказывало на отношения между Россией, с одной стороны, и США и ЕС — с другой. Несмотря на то, что, как уже отмечалось выше, различие подходов к модернизации никогда не выносилось на первый план в переговорах между сторонами, каждая из них при обсуждении важнейших вопросов международных и двусторонних отношений исходила из своего понимания механизмов и путей развития. Это проявлялось как на нормативном уровне, прежде всего в описании желаемого мирового порядка, так и на уровне практики.

Понимание природы модернизационных процессов определяет ожидания стран в отношении дальнейших трансформации и складывания миропорядка. Различие в подходах к развитию, как следствие, обуславливает отличия в представляемой желаемой конфигурации системы международных отношений. В то время как страны Запада нацелены на становление и последующее разрастание мирового общества, в основе которого лежали разделяемыми всеми без исключения его членами либерально-демократические принципы государственного устройства Западного образца, Россия выступает за полицентричное международное сообщество [Богатуров, 2003] в рамках которого страны сохраняли ли бы свою уникальность и самобытность.

Отталкиваясь от списка базовых элементов международного порядка, предложенного А. Д. Богатуровым, можно уточнить, что в наибольшей степени расхождения проявляются в отношении совокупности принципов и правил внешнеполитического поведения и системы принятия решения по ключевым международным вопросам, включающей в себя механизм представительства интересов низших участников иерархии при принятии решений на высших ее уровнях. Так США и страны НАТО упорно добиваются легитимизации практики гуманитарных интервенций и принципа «нелигитимности авторитарных режимов», стремясь «через создание цепи прецедентов, санкционированных международными организациями, создать своего рода новую универсальную, общепризнанную норму международной жизни, подкрепив ее прямо или косвенно решениями ООН» [Богатуров, 2003]. Россия в свою очередь неизменно «выступает за то, чтобы общепризнанные нормы международного права были подлинно универсальными с точки зре-

ния их понимания и применения» [Концепция внешней политики, 2008]. Что же касается системы принятия решения, то здесь противоречие вылилось в появление «наряду с универсальным по охвату и официальным по статусу ооновским механизмом… полузакрытого (по избранности допущенных в него членов) и неформального (по типу принятия решений) механизма, ядром которого является «Группа семи»» [Богатуров, 2003]. Данные факторы, очевидно, не добавляют международному порядку стабильности.

Между тем, разного понимания принципов и задач модернизации Россией и ее западными коллегами оказывает негативное влияние и на решение менее глобальных, но от того не менее важных вопросов безопасности, экономического и политического сотрудничества практического характера. Наиболее ярко оно проявилось в процессе «создания единой, свободной и мирной Европы». Заинтересованность в нем обеих сторон, казалось, очевидна и не нуждается в пояснении, но лишь при поверхностном взгляде на сущность проблемы. Однако, как известно, дьявол кроется в деталях, и при более нюансированном рассмотрении вопроса вскрывается целый ряд расхождений глубинного порядка, обуславливающих непримиримость российской и западной позиций.

Для ЕС и США формирование общеевропейского пространства безопасности предполагало «присоединение [новых независимых государств] к западным структурам, таким как НАТО и ЕС, а также реформирование [ими] своих экономических и политических систем» с целью приведения их в соответствие с либерально-демократическими стандартами Запада [Возвращение к дипломатии, 2015, с. 7]. Этому призваны были способствовать такие программы как «Партнерство ради мира», ТАСИС, система соглашений ЕС о партнерстве и сотрудничестве с постсоветскими странами, Европейская политика соседства, позднее «Восточное партнерство» [Стрелков, 2011] и др. При таком сценарии, прежде чем выступать в качестве полноправного участника общей системы безопасности в Европе, Россия должна была «доказать» свою приверженность модернизации.

Процесс расширения ЕС и НАТО, осуществлявшийся за счет России в силу того, что в деле строительства общеевропейской системы коллективной безопасности Западные партнеры отводили ей роль младшего партнера, безусловно, не встретил понимания и одобрения у российского руководства [Возвращение к дипломатии, 2015, с. 8]. Налаживанию отношений не способствовали и постоянные обвинения в недостаточности прогресса в гуманитарной сфере, раздающиеся в адрес России со стороны ЕС и США в рамках ОБСЕ [Петровская, Тере-

хов, 2006] и не только. Фактические сотрудничество с Россией обуславливалось ее желанием и способностью следовать модели либерализации и демократизации, активно продвигаемой Западом, в то время как любой отход от нее воспринимался как враждебное действие со стороны Москвы, угрожающее миру и стабильности в Европе и на постсоветском пространстве.

Не менее четко разделительные линии, вытекающие из различного понимания принципов развития обществ, проявляются в подходах и отношению России и Западных стран к разного рода революционным движениям. Исходя из представлений о важнейшей роли развитых стран в стимулировании модернизационных процессов в развивающихся государствах, США и некоторые члены ЕС охотно поддерживают цветные революции и действия оппозиционных сил по свержению не устраивающих их режимов, а в некоторых случаях, как, например, Ираке, и вовсе сами их инициируют. Для России, как и для абсолютного большинства восходящих и развивающихся держав, подобная практика неприемлема, поскольку ассоциируется с диктатом, произволом и двойными стандартами Запада, нарушающими основополагающие нормы международного права. Сирийский конфликт явственно демонстрирует непримиримость позиций обеих сторон, в результате которой упускается критически важная возможность выступить единым фронтом против бóльшего зла международного терроризма и нанести совместный разрушительный удар по его силам.

В значительной степени на расхождение в понимании сущности и задач модернизации можно списать и невозможность России и ЕС договориться по вопросу заключения Нового базового соглашения (НБС), призванного прийти на смену морально устаревшему Соглашению о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. Ввиду того, что в самих учредительных документах ЕС — а именно Договоре о ЕС — содержатся положения о том, что ЕС в своей внешней политике намерен «продвигать свои ценности», европейские институты и страны-члены исходят из того, что «любое долгосрочное прочное партнерство должно основываться не только на экономическом интересе, но и на глубокой ценностной конвергенции» [Романова, Энтин, 2014, с. 4]. Из этого убеждения на практике вытекает «широко применяемый Евросоюзом в отношениях с третьими странами принцип политической обусловленности, когда заключение соглашений (или предоставление определенных средств или привилегий) ставится в зависимость от соблюдения демократических принципов или принятия иностранными партнерами дополнительных политических обязательств» [Романова, Энтин, 2014, с. 4].

С этой точки зрения отношения ЕС с Россией не являются исключением, что и является одним из камней преткновения. При обсуждении формата НБС российская сторона стремилась уйти от предлагаемого ЕС «энциклопедического формата» и заключить рамочный политический документ, «который стал бы базой для дальнейшего переговорного процесса в тех областях, которые стороны посчитали бы перспективными» [РСМД, 2014]. В том же, что касается содержательной части НБС для России было принципиально важным отразить в нем «отказ от асимметричной политической обусловленности» [РСМД, 2014].

Интересно, однако, что в случае с российской инициативой «Партнерство для модернизации» имплицитность разницы в подходах к модернизации, напротив, способствовала достижению договоренности, но впоследствии препятствовала ее реализации. Дело в том, что стороны по-разному расставляли акценты: в то время как для России ключевыми были положения о трансфере высоких технологий, увеличении прямых зарубежных инвестиций, присоединение к глобальной экономике и укрепление торговли, то есть о технологической и экономической модернизации [Кулик, Юргенс, 2011, с. 13–14], ЕС делал упор на политические аспекты партнерства, подразумевающие правовую гармонизацию и укрепление в России верховенства закона [Кулик, Юргенс, 2011, с. 18–19].

Безусловно, этим список примеров реального практического влияния расхождения в видении развития на отношения между Россией и странами Запада не исчерпывается. Однако и приведенные примеры наглядно демонстрируют глубину негативного влияния данного фактора, который правда далеко не всегда является определяющим, на взаимодействие сторон.

Результаты исследования. Проведенный выше анализ доказывает, что подходы России и стран Запада к проблематике развития в значительной степени разнятся, что объясняется в том числе различием их теоретико-концептуальных основ и времени формулирования и утверждения на политическом уровне. Расхождение в видении принципов модернизации оказывает ощутимое влияние на внешнеполитическую практику сторон на мировой арене в целом и в отношении друг друга в частности.

Анализ результатов. Ввиду того, что различия в видении сущности развития государствами Евро-Атлантики и России никогда не выносились на стол переговоров в качестве основного вопроса обсуждения, их влияние на практические действия и конкретные инициативы сторон ускользает из фокуса политиков и отходит на дальний план в исследо-

ваниях аналитиков. Между тем, имплицитное негативное воздействие данного фактора на отношения России и Запада довольно ощутимо, так как именно подходы к модернизации определяют границы допустимого в сфере развития и его стимулирования для каждой из сторон, выход за которые трактуется как агрессивный шаг и влечет за собой реакцию отчуждения. В этом отношении наиболее острыми на сегодняшний день представляются вопросы о том, является ли вмешательство той или иной страны во внутренние дела другого суверенного государства с целью стимулирования модернизации правомерным и приемлемым, а также о том, является ли универсальной либерально-демократическая модель, активно продвигаемая Западными странами. Не будучи решенными, данные проблемы, безусловно, будут и дальше отравлять российско-американские и российско-европейские отношения и, тем самым, препятствовать восстановлению полноценного дипломатического диалога.

Заключение. На сегодняшний день Россия и Западные страны имеют достаточно четко обрисованные представления о сути, целях и задачах развития обществ, которые правда формировались в разительно отличающихся друг от друга контекстах: если подход государств Евро-Атлантики оформился еще в самый разгар Холодной войны и изначально был направлен вовне и ориентирован на третьи страны, то формулирование российской позиции было по большей части реакцией на действия внешних игроков в лице США и ЕС по продвижению своих принципов и модели модернизации и имело прямое отношение, прежде всего, к положению внутри страны. Как следствие западные представления о линейном универсальном пути модернизации, непременными атрибутами которого являются либерализация и демократизация, в том числе посредством помощи или давления извне, разительно отличаются от видения данного процесса большим числом развивающихся и восходящих держав, включая Россию, в котором центральное место отводится естественному синергетическому сращиванию элементов традиционного и современного.

Расхождение в понимании базовых принципов модернизации при этом оказывает серьезное, но зачастую имплицитное негативное влияние на отношения России и стран Запада, что отражается как на ценностно-нормативном, так и на практическом уровнях взаимодействия сторон. Учитывая, что подходы к развитию задают концептуальную рамку рассмотрения Россией, ЕС и США всех связанных с этим процессом вопросов, но при этом никогда не выносятся на обсуждение в качестве главного предмета, в том числе по причине отсутствия желания и/или осознанной потребности в этом, они в значительной степени, хотя, без-

условно, не полностью, ответственны за возникающие в ходе переговоров по конкретным проектам и инициативам разногласия. Провал проекта общеевропейской системы неделимой безопасности, неудача заключения НБС между ЕС и Россией, непримиримость позиций в отношении конфликта в Сирии наряду со многими другими международно-политическими ситуациями служат тому наглядными примерами.

В настоящий момент различия в российском и западном понимании сущности, инструментов и задач модернизации подогревают конфликтную составляющую отношений сторон, затрудняя ведение переговоров, достижение взаимопонимания и взаимоприятия, решение проблем дипломатическими средствами. Из этого следует то, что фактор расхождения России и Западных стран в подходах к развитию заслуживает большего внимания и должен учитываться при разработке и проведении внешней политики для повышения эффективности последней.

Литература

Официальные документы:

1. Возвращение к дипломатии. Окончательный доклад и рекомендации Группы видных деятелей по европейской безопасности как общему проекту. Ноябрь 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.osce.org/ru/networks/229661?download=true (дата обращения: 13.01.2017).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 13.01.2017).
3. Медведев Д. А. Россия, вперед! // *Газета.Ру*, 10 августа 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения: 13.01.2017).

Книги:

1. Пантин В. И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004. 248 с.
2. Capra, F. The Web of Life: A New Scientific Understanding of Living Systems. New York: Anchor Books, Random House Publishers, 1996. 71 p. [Электронный ресурс]. URL: http://ds1416.risd.gd/uploads/CAPRA_WEBofLife.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
3. Cleva, G. D. Henry Kissinger and the American Approach to Foreign Policy. Lewisburg: Bucknell Ubiversity Press; London and Toronto: Associated University Press, 1989. 288 p.
4. Hass, J. Economic Sociology: An Introduction. London and New York: Routledge, 2007. 272 p.

5. Immerwahr, D. Thinking Small: The United States and the Lure of Community Development. Cambridge, MA, USA, London, USA: Harvard University Press, 2015. 272 p.
6. Latham, M. E. Modernization as Ideology: American Social Science and "Nation Building" in the Kennedy Era. Chapel Hill, USA: University of North Carolina Press, 2000. 304 p. [Электронный ресурс]. URL: http://uncpress.unc.edu/browse/page/458 (дата обращения: 13.01.2017).
7. Millikan, M.F., Rostow, W.W. A Proposal: Key to an Effective Foreign Policy. New York: Harper & Brothers, 1957. 182 p.
8. Nederveen Pieterse, J. Development Theory. Second Edition. London, Los Angeles, New Delhi, Singapore: SAGE, 2010. 252 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tubar.com.tr/TUBAR%20DOSYA/development%20theory%20-%20jan%20nederveen%20pieterse.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
9. Rostow, W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto, New York: Cambridge University Press, 1960. 272 p.
10. Williams, D. International Development and Global Politics: History, Theory and Practice. Abingdon, UK, New York, USA: Routledge, 2013. 206 p.

Статьи в периодических изданиях и сборниках:

1. Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // *Восток — Запад — Россия. Сборник статей. К 70-летию академика Н. А. Симонии*. М.: Прогресс — Традиция, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.obraforum.ru/pdf/MIROC-sim.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
2. Богатуров А. Д. Современный международный порядок // Международные процессы, том 1, № 1 (1), январь-апрель 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intertrends.ru/one/001.htm(дата обращения: 13.01.2017).
3. Богатуров А. Д. Современный мир: система или конгломерат? // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. М.: НОФМО, 2002. С. 129–144. [Электронный ресурс]. URL: http://obraforum.ru/pdf/Essays-bogaturov-chapter6.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
4. Войтоловский Ф. Г. Проблематика глобального управления в западной политологии // *Международные процессы*, том 3, № 1(7), январь-апрель 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intertrends.ru/seventh/004.htm (дата обращения: 13.01.2017).
5. Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий / пер. с англ. А. Смирнова // *Логос*, Том 2, № 42, 2004. С. 55–70. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/42/04.pdf (дата обращения: 13.01.2017).

6. Иванова Н. Инновационная политика: теория и практика // *Мировая экономика и международные отношения*, том 60, № 1, 2016. С. 5–16. [Электронный ресурс]. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/events/anniversary/ANN-5–16_Ivanova_.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
7. Примаков Е. Чем создается демократия // *Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете»*. — М.: Издательство Независимая Газета, 2007. С. 92–96. [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/lekciya_surkova-l.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
8. Работяжев Н. В., Соловьев Э. Г. От «возвращения в мировую цивилизацию» к «суверенной демократии»: эволюция внешнеполитических концепций российских «партий власти» // *Полития*, № 1(68), 2013. С. 36–55.[Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/ot-vozvrascheniya-v-mirovuyu-tsivilizatsiyu-k-suverennoy-demokratii-evolyutsiya-vneshne-politicheskih-kontseptsiy-rossiyskih-partiy (дата обращения: 13.01.2017).
9. Романова Т. А., Энтин К. В. Россия и Европейский союз: политико-правовые аспекты // Россия в современных интеграционных процессах. под ред С. А. Афонцева и М. М. Лебедевой. М.: МГИМО–Университет, 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://publications.hse.ru/chapters/140106419 (дата обращения: 13.01.2017).
10. Стрелков А. А. Политика Европейского союза в постсоветском регионе // *Актуальные проблемы Европы*, № 2, 2011. С. 9–38.
11. Шимов Я. Европейский проект и демократия // Логос, № 2(42), 2004. С. 79–84. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/42/06.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
12. Caporaso, J. A. Dependency Theory: Continuities and Discontinuities in Development Studies // *International Organization*, Vol. 34, No. 4, Autumn 1980. P. 605–628. [Электронный ресурс]. URL: http://home.sandiego.edu/~jmwilliams/caporaso1980.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
13. Eisenstadt, S. N. Modernity and modernization // *Sociopedia.isa*, 2010. P. 1–15. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/Modernity.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
14. Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities // *Daedalus*, No. 129, Winter 2000. P. 1–29. [Электронный ресурс]. URL: http://www.havenscenter.org/files/Eisenstadt2000_MultipleModernities.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
15. Gil-Riaňo, S. Sociology // *A Companion to the History of American Science*, ed. by G. M. Montgomery and M. A. Largent. Wiley-Blackwell companions to American society Series, Chichester, UK: Wiley Blackwell, 2016.
16. Gore, Ch. The Rise and Fall of the Washington Consensus as a Paradigm for Developing Countries // *World Development*, Vol. 28, No. 5, 2000. P. 789–904. [Элек-

тронный ресурс]. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/0a7d/591af55aa58fd1607cbfa6c66fdcbb2f2702.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
17. Hickman, C. The Kennedy Administration's Alliance for Progress and the Burdens of the Marshall Plan // *Federal History*, No. 5, January 2013. P. 75–98. [Электронный ресурс]. URL: http://shfg.org/shfg/wp-content/uploads/2013/12/Hickman.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
18. Ish-Shalom, P. The Role of Theoretical Concepts in Forming American Foreign Policy: The Case of Rostow, the Modernization Theory, and the Alliance for Progress // *On Religion and Politics*, ed. by C. Lovett and P. Kernahan. Vienna: IWM Junior Visiting Fellows' Conferences, Vol. 13, No. 3, 2004. P. 1–30. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iwm.at/wp-content/uploads/jc-13–04.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
19. Lapeyre, F. Globalization and structural adjustment as a development tool // Policy Integration Department, World Commission on the Social Dimension of Globalization, International Labour Office, Working Paper No. 31, July 2004. 33 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/ucl/documents/lapeyre_wp31.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
20. Mion, M. The Alliance for Progress: Policy Continuation or Actual Reform? // Honors Thesis, Paper No. 926, 1967. 92 p. [Электронный ресурс]. URL: http://scholarworks.wmich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1957&context=honors_theses (дата обращения: 13.01.2017).
21. Morgan, T. Review of 'A Proposal: Key to an Effective Foreign Policy' by M. F. Millikan and W. W. Rostow // *The American Economic Review*, Vol. 47, No. 6, December 1957. P. 1041–1043.
22. Tipps, D. C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective
23. // *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 15, No. 2 (Mar., 1973). P. 199–226. [Электронный ресурс]. URL: http://pspkkm.um.edu.my/images/pusat_sumber/9.2 %20KONTEMPORARI%20KOLEKSI%20RENCANA%20 %20/modernization%20theory.pdf (дата обращения: 13.01.2017).

Интернет-публикации:

1. Кулик С. А., Юргенс И. Ю. «Партнерство для модернизации» Россия–ЕС: к проблеме реализации. Институт современного развития (ИнСоР), ноябрь 2011 г. 40 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.insor-russia.ru/files/Russia-ES_partnership.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
2. Петровская Ю., Терехов А. Москва не списывает ОБСЕ со счетов // *Независимая газета*, 7 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2006–12–07/1_obse.html (дата обращения: 13.01.2017).
3. РСМД. Для чего России нужно новое базовое соглашение с Евросоюзом? Какими должны быть его положения? // РСМД, 27 января 2014 г. [Электрон-

ный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3039#top-content (дата обращения: 13.01.2017).
4. Pabst, A. President Medvedev's Project of Modernization // *The Huffington Post*, August 29th, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.huffingtonpost.com/adrian-pabst/president-medvedevs-proje_b_744182.html (дата обращения: 13.01.2017).

THE DISCREPANCY BETWEEN THE RUSSIAN AND THE EURO-ATLANTIC APPROACHES TO DEVELOPMENT AND MODERNIZATION: IMPLICATIONS FOR RUSSIA-WEST RELATIONS

Elena N. Yamburenko

Abstract: *This article deals with competitive interpretations of the essence of development, which became firmly established in political discourse of the USA and the EU and in that of Russia. The study is based on the analysis of the theoretical origins of the approaches to modernization processes, as well as the political perspective on them and their practice.*

Comparison of the Russian and Western positions on development issues, such as mechanisms and tasks of society passage to the state of "modernity", allows revealing a divergence between the visions of the two sides. While these are the key points of the modernization theory formulated in 1960-s that lie at the heart of the Western countries' understanding of principles of development, having gone through serious transformations of the political and economic regime in the wake of the USSR dissolution in search of the most efficient path toward progress Russia shares the ideas in keeping with later concepts of multiple modernities by S. N. Eisenstadt and conglomerate-enclave development by A. D. Bogaturov and A. V. Vinogradov.

The discrepancy between the approaches to development are reflected in political doctrines and initiatives of Russia and the West, which turn out to be incompatible and even mutually contradictory at certain aspects. This cannot help influencing their foreign policy practice. The conducted research proves and clearly demonstrates that implicit negative impact of divergences in the approaches of the sides to modernization processes can be observed in normative as well as in practical spheres of international relations: from a contraposition of notions about basic characteristics of a desired world order to the failure of the project of the all-European security system and Russia-EU programme "Partnership for Modernization".

This article is aimed at the expert community, diplomats, specialists in international affairs and Russia-West relations, as well as a broader audience including students, professors of universities and educational institutions related to

and interested not only in foreign policy studies in general and the US-Russia and EU-Russia relations in particular, but also political perspective on development and modernization problems.

Keywords: *Russia, USA, EU, Russia-West relations, development, modernization.*

References

Official documents:

1. Koncepciya vneshney politiki Rossiyskoy Federacii ot 15 iyulya 2008 [The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation dated July 15th, 2008] from http://kremlin.ru/acts/news/785
2. Medvedev, D.A. (2009) Rossiya, vpered! [Go Russia!] // *Gazeta.Ru*, August 10th from https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
3. Vozvrasheniye k diplomatii. (2015) Okonchatel'nyi doklad i rekomendacii Gruppy vidnyh deyateley po evropeyskoy bezopasnosti kak obshemu proektu [Return to Diplomacy. Final Report and Recommendations of the High Level Panel of Eminent Persons on European Security as a Common Project]. November 2015 from http://www.osce.org/ru/networks/229661?download=true

Books:

1. Capra, F. (1996) The Web of Life: A New Scientific Understanding of Living Systems. New York: Anchor Books, Random House Publishers. 71 p. [Электронный ресурс] from http://ds1416.risd.gd/uploads/CAPRA_WEBofLife.pdf
2. Cleva, G.D. (1989) Henry Kissinger and the American Approach to Foreign Policy. Lewisburg: Bucknell Ubiversity Press; London and Toronto: Associated University Pres. 288 p.
3. Hass, J. (2007) Economic Sociology: An Introduction. London and New York: Routledge. 272 p.
4. Immerwahr, D. (2015) Thinking Small: The United States and the Lure of Community Development. Cambridge, MA, USA, London, USA: Harvard University Press. 272 p.
5. Latham, M.E. (2000) Modernization as Ideology: American Social Science and "Nation Building" in the Kennedy Era. Chapel Hill, USA: University of North Carolina Press. 304 p. from http://uncpress.unc.edu/browse/page/458
6. Millikan, M.F., Rostow, W.W. A Proposal: Key to an Effective Foreign Policy. New York: Harper & Brothers, 1957. 182 p.
7. Nederveen Pieterse, J. (2010) Development Theory. Second Edition. London, Los Angeles, New Delhi, Singapore: SAGE. 252 p. from http://www.tubar.com.tr/TUBAR%20DOSYA/development%20theory%20-%20jan%20nederveen%20pieterse.pdf

8. Pantin, V.I. (2004) Volny i cikly social'nogo razvitiya: Civilizacionnaya dinamika i process modernizacii [Waves and Cycles of Social Development: Civilizational Dynamics and Modernization Processes]. Moscow: Nauka. 248 p.
9. Rostow, W.W. (1960) The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto, New York: Cambridge University Press. 272 p.
10. Williams, D. (2013) International Development and Global Politics: History, Theory and Practice. Abingdon, UK, New York, USA: Routledge. 206 p.

Articles:

1. Bogaturov, A.D. (2003) Sovremennyi mejdunarodnyi poryadok [Contemporary International Order] // *Mejdunarodnye processy*, Vol. 1, No. 1 (1), January-April 2003 from http://www.intertrends.ru/one/001.htm
2. Bogaturov, A.D. (2002) Sovremennyi mir: sistema ili konglomerat? [Contemporary World: A System or a Conglomerate?] // Bogaturov A. D., Kosolapov N. A., Khrustalev M. A. *Essays on the Theory and Political Analysis of International Relations*. Moscow: NOFMO, 129–144 from http://obraforum.ru/pdf/Essays-bogaturov-chapter6.pdf
3. Bogaturov, A.D., Vinogradov, A.V. (2002) Anklavno-conglomeratnyi tip razvitiya. Opyt transsistemnoy teorii [The Enclave-Conglomerate Type of Development. Experiment with the Transsystem Theory] // East-West-Russia. Collection of articles. For the 70th Anniversary of academician N. A. Simoniya. Moscow: Progress-Tradition, from http://www.obraforum.ru/pdf/MIROC-sim.pdf
4. Caporaso, J.A. (1980) Dependency Theory: Continuities and Discontinuities in Development Studies // *International Organization*, Vol. 34, No. 4, Autumn 1980, 605–628. from http://home.sandiego.edu/~jmwilliams/caporaso1980.pdf
5. Eisenstadt, S.N. (2010) Modernity and modernization // *Sociopedia.isa*, 1–15. from http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/Modernity.pdf
6. Eisenstadt, S.N. (2000) Multiple Modernities // *Daedalus*, No. 129, Winter 2000, 1–29. from http://www.havenscenter.org/files/Eisenstadt2000_MultipleModernities.pdf
7. Gil-Riaňo, S. (2016) Sociology // *A Companion to the History of American Science*, ed. by G. M. Montgomery and M. A. Largent. Wiley-Blackwell companions to American society Series, Chichester, UK: Wiley Blackwell.
8. Gore, Ch. (2000) The Rise and Fall of the Washington Consensus as a Paradigm for Developing Countries // *World Development*, Vol. 28, No. 5, 789–904. from https://pdfs.semanticscholar.org/0a7d/591af55aa58fd1607cbfa6c66fdcbb2f2702.pdf
9. Hickman, C. (2013) The Kennedy Administration's Alliance for Progress and the Burdens of the Marshall Plan // *Federal History*, No. 5, January 2013, 75–98. from http://shfg.org/shfg/wp-content/uploads/2013/12/Hickman.pdf

10. Ish-Shalom, P. (2004) The Role of Theoretical Concepts in Forming American Foreign Policy: The Case of Rostow, the Modernization Theory, and the Alliance for Progress // *On Religion and Politics*, ed. by C. Lovett and P. Kernahan. Vienna: IWM Junior Visiting Fellows' Conferences, Vol. 13, No. 3, 1–30. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iwm.at/wp-content/uploads/jc-13–04.pdf (дата обращения: 13.01.2017).
11. Ivanova, N. (2016) Innovatcionnaya politika: teoriya i praktika [Innovation Policy: Theory and Practice] // *International Economy and International Relations*, Vol. 60, No. 1, 5–16 from http://www.imemo.ru/files/File/ru/events/anniversary/ANN-5–16_Ivanova_.pdf
12. Lapeyre, F. (2004) Globalization and structural adjustment as a development tool // Policy Integration Department, World Commission on the Social Dimension of Globalization, International Labour Office, Working Paper No. 31, July 2004. 33 p. from https://www.uclouvain.be/cps/ucl/doc/ucl/documents/lapeyre_wp31.pdf
13. Mion, M. (1967) The Alliance for Progress: Policy Continuation or Actual Reform? // Honors Thesis, Paper No. 926. 92 p.from http://scholarworks.wmich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1957&context=honors_theses (дата обращения: 13.01.2017).
14. Morgan, T. (1957) Review of 'A Proposal: Key to an Effective Foreign Policy' by M. F. Millikan and W.W. Rostow // *The American Economic Review*, Vol. 47, No. 6, December 1957,1041–1043.
15. Primakov, E. (2007) Chem sozdaetsya demokratiya [By what means is democracy created] // *Russian Political Culture. A Glance from a Utopia. Lectures by Vladislav Surkov. Materials of the Discussion in the "Independent Newspaper"*. — Moscow: Publishing House of the Independent Newspaper, 92–96, from http://yanko.lib.ru/books/politologiya/lekciya_surkova-l.pdf
16. Rabotiyajev, N.V., Solov'ev, E.G. (2013) Ot "vozvrascheniya v mirovuyu tsivilizatsiyu" k "suverennoy demokratii": evolyutsiya vneshnepoliticheskih kontseptsiy rossiyskih partiy vlasti [From the "Return to the World Civilization" to "Sovereign Democracy": Evolution of the Foreign Policy Concepts of the Russian Ruling Parties] // *Politiya*, No. 1(68), 36–55 from http://cyberleninka.ru/article/n/ot-vozvrascheniya-v-mirovuyu-tsivilizatsiyu-k-suverennoy-demokratii-evolyutsiya-vneshnepoliticheskih-kontseptsiy-rossiyskih-partiy
17. Romanova, T.A., Entin, K.V. (2014) Rossiya i Evropeysskiy soyuz: politico-pravovye aspekty [Russia and the EU: Political and Legal Aspects] // *Russia in the Contemporary Integration Processes*, ed. by S. A. Afoncev and M. M. Lebedeva. Mscow: MGIMO-University from https://publications.hse.ru/chapters/140106419
18. Shimov, Y. (2004) Evropeyskiy proekt i demokratiya [The European Project and Democracy] // *Logos*, No. 2(42), 79–84, from http://www.ruthenia.ru/logos/number/42/06.pdf

19. Strelkov A. A. (2011) Politika Evropeyskogo soyuza v postsovetskom regione [The EU Policy in the Post-Soviet Space] // *Urgent Problems of Europe*, No. 2, 9–38.
20. Tipps, D.C. (1973) Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective // *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 15, No. 2 (Mar., 1973), 199–226, from http://pspkkm.um.edu.my/images/pusat_sumber/9.2 %20KONTEMPORARI%20KOLEKSI%20RENCANA%20 %20/modernization%20theory.pdf
21. Voytolovskiy, F.G. (2005) Problematika global'nogo upravleniya v zapadnoy politologii [Global Governance Problems in the Western Political Science] // *Mejdunarodnye Processy*, Vol. 3, No. 1(7), January-April 2005 from http://www.intertrends.ru/seventh/004.htm
22. Zakaria, F. (2004) Vozniknovenie neliberal'nyh demokratiy [The Rise of Illiberal Democracies] / translation from eng. by A. Smirnov // *Logos*, Vol. 2, No. 42, 55–70, from http://www.ruthenia.ru/logos/number/42/04.pdf

Internet publications:

1. Kulik, S.A., Yurgens, I.Y. (2011) "Partnerstvo dlya modernizacii" Rossiya-ES: k problem realizacii [Russia-EU "Partnership for Modernization": On the Problem of the Realization]. The Institution of Modern Development, November 2011, 40 p. from http://www.insor-russia.ru/files/Russia-ES_partnership.pdf
2. Pabst, A. (2010) President Medvedev's Project of Modernization // *The Huffington Post*, August 29th, 2010 from http://www.huffingtonpost.com/adrian-pabst/president-medvedevs-proje_b_744182.html
3. Petrovskaya, Y. Terekhov A. (2006) Moskva ne spisyvaet OBSE so schetov [Moscow Does Not Charge the OSCE Off] // *Independent Newspaper,* December 7th, 2006 from http://www.ng.ru/world/2006–12–07/1_obse.html
4. RIAC (2014) Dlya chego nujno novoe bazovoe soglashenie s Evrosoyuzom? Kakimi doljny byt' ego polojeniya? [Why is the New Basic Agreement with the EU Needed? What Should Its Provisions Be Like?] // RIAC, January 27th, 2014 from http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3039#top-content

Информация об авторе
Ямбуренко Елена Николаевна
преподаватель и аспирант Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. Российская Федерация. E-mail: elena-yamburenko@yandex.ru

Elena N. Yamburenko
Lecturer at the Department of Applied International Analysis of the Moscow State Institute of International Relations of the MFA of the Russian Federation. E-mail: elena-yamburenko@yandex.ru

Внешняя политика России в условиях турбулентности современного мира

модератор

М. М. Лебедева

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА[1]

Е. А. АНТЮХОВА

Аннотация. *Современное развитие международной системы, тесно сопряжённое с ускорением процессов глобализации и появлением новых глобальных угроз, делает необходимым международное обсуждение принципов политической организации мира. Важнейшую роль, в данной связи, играют механизмы публичной дипломатии, одной из главных задач которой является усиление сдерживающего фактора силового решения проблем в международных отношениях. В современных условиях публичная дипломатия становится важной структурной компонентой стратегии ведущих акторов мировой политики, к числу которых относится Организация Североатлантического договора (НАТО). На фоне заметных изменений, которые претерпевает в последние годы стратегия и организационная структура Альянса, изучение различных форм и методов воздействия во внешней политике, используемых им для реализации задач по формированию собственного позитивного имиджа является объектом международно-политических исследований в отечественной и зарубежной науке.*

Важной теоретической основой анализа различных аспектов публичной дипломатии является системный подход к изучению международных отношений. Исследование форм и механизмов деятельности НАТО в данной сфере предусматривает применение общенаучной и специальной методологии, включая элементы дескриптивного и компаративного методов, предполагающих эмпирическое изучение и сравнительный анализ различных сегментов информационной деятельности Альянса.

Процесс исследования различных составляющих публичной дипломатии НАТО предполагает анализ содержания информационных источников, в первую очередь, интернет-ресурсов, которые в последние годы активно используются для реализации целей имиджевой политики Альянса.

[1] Статья подготовлена по гранту РГНФ № № 15–37–11128

Публичная дипломатия НАТО призвана продемонстрировать роль и достижения блока в проводимых операциях и миссиях, новую идентичность Альянса и стратегические направления его развития. Сегодня НАТО активно применяет технологии публичной дипломатии по всем направлениям. Специалисты Альянса осуществляют множество научно-исследовательских и аналитических работ, проводят мониторинг национальных и международных обследований, чтобы лучше представлять картину происходящих в мире процессов. НАТО активно применяет интенсивные формы пропагандистской деятельности для того, чтобы представить себя в качестве прозрачного и интерактивного объекта. У Альянса широкие связи с прессой и другими средствами массовых коммуникаций. Организация успешно использует социальные медиа и коммуникационные инструменты. Большое внимание уделяется социальным медиа и новым цифровым технологиям.

Говоря в целом о ключевых принципах и направлениях практической работы в сфере публичной дипломатии НАТО, следует констатировать, что политика публичной дипломатии, проводимая Североатлантическим альянсом, является достаточно эффективным инструментом, позволяющим достигать поставленных целей в сфере внешнеполитической деятельности блока.

***Ключевые слова**: публичная дипломатия, внешняя политика, международные отношения, общественное сознание, стратегия развития, цифровые технологии.*

Введение (Introduction) *Актуальность* (*Topicality)* Стремительное ускорение глобальных процессов, столкновение с вызовами и угрозами XXI века, появление новых тенденций в мировой политике формируют новые подходы к ключевым направлениям системы международных отношений. В условиях деполяризации и полицентрализации политической структуры мира формируется новая система международных отношений, в результате чего на авансцену мировой политики выходят новые акторы и, в первую очередь, такой потенциально сильный политический игрок как Россия.

Очевидно, что в условиях глобальной турбулентности попытки ряда государств строить отдельные «оазисы спокойствия и безопасности» не имеют реальных перспектив. «Единственно надежной страховкой от возможных потрясений является соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности применительно к евроатлантическому, евразийскому и азиатско-тихоокеанскому пространствам» [Концепция, 2013].

Стремление США, Европейского Союза добиться доминирования в решении ключевых проблем мировой политики приводит к разрушению традиционных межгосударственных отношений. Динамика развития, скорость происходящих перемен изменяют мировой порядок и требуют переосмысления ключевых приоритетов российской внешней политики. Очевидно, что в новых условиях, несмотря на различие взглядов на происходящие события необходимо международное обсуждение принципов политической организации мира. В этом процессе России принадлежит важная и ответственная роль.

Российская публичная дипломатия как система взаимодействия с зарубежными обществами в политических целях, является инструментом, рассчитанным на долгосрочную перспективу и имеющим ключевую цель усиления сдерживающего фактора силового решения проблем в международных отношениях.

Характеризуя российскую публичную дипломатию, следует отметить, что ее стратегия опирается на ряд базовых принципов: открытость во внешней политике; прямой диалог государства с гражданским обществом; поддержка общественных инициатив; снижение роли фактора «силы» в международных отношениях.

Вместе с тем, нам необходимо учитывать опыт европейских государств, а также Соединенных Штатов Америки по ведению ими публичной дипломатии. В этом плане определенный интерес представляет политика публичной дипломатии, проводимая военно-политическими организациями. Весьма полезным представляется опыт, накопленный НАТО.

Степень разработанности темы(Literature Review) В современных отечественных и зарубежных исследованиях рассматриваются отдельные аспекты, связанные с формированием и эффективной реализацией механизмов публичной дипломатии [Бартош А. А., 2013, с. 6–11; Винокуров В. В., 2016, с. 19–25; Pagovski Z. Z., 2015, p. 9]. Отдельное внимание при этом уделяется анализу комплекса мер, предпринимаемых в данном направлении ключевыми международными акторами, к числу которых относится, в частности, Североатлантический Альянс. На фоне заметных изменений, которые претерпевает в последние годы стратегия и организационная структура НАТО, изучение механизмов публичной дипломатии Альянса, несомненно, будет оставаться важным объектом международно-политических исследований.

Теоретические основания работы (Theoretical Background) Теоретической основой настоящей работы послужили труды российских и зарубежных исследователей, посвященные как общим проблемам

теории международных отношений и мировой политики, так и различным аспектам публичной дипломатии. Среди них, прежде всего, стоит отметить работы отечественных ученых: А. Г. Арбатова, А. Д. Богатурова, В. Г. Барановского, М. М. Лебедевой, Д. М. Фельдмана и зарубежных специалистов — З. Бжезинского, Р. Кохэна, Д. Ная, Д. Розенау, Д. Бертона.

Научные исследования указанных ученых и мировая практика показывают, что не только методы классической дипломатии, но и традиционные военно-политические союзы оказываются неспособны противостоять обширному набору современных вызовов и угроз. На смену силовым подходам, блоковому противостоянию приходит публичная дипломатия, которая посредством диалога способствует созданию эффективных механизмов согласования различных интересов и разрешению назревших конфликтов.

«Сегодня нужна публичная дипломатия, которая приспосабливает наше время. Вопросы политики ставят перед нами все более глобальный характер. Терроризм, изменение климата, бедность, отсутствие безопасности и конфликты представляют собой лишь некоторые из наиболее актуальных международных проблем. Больше чем когда-либо, правительства, организации и другие игроки на международной арене должны работать вместе, чтобы обратиться к ним для того, чтобы найти поддержку решений и изменений. Ни одно правительство или учреждение не может решить это растущее число проблем самостоятельно. Решения не могут быть просто взяты с полки и реализованы. Они должны быть созданы вместе, коалиционно внутри и между правительствами, а также между правительствами и арсеналом неправительственных групп… Распространение новых международных субъектов, включая неправительственные организации и корпорации, и приход глобальных технологий, размыли границы между внутренними и международными сферами» [Babst, 2009, p. 3].

Исследование: основная часть (Study) На мировом политическом пространстве НАТО — одна из ведущих межправительственных организаций, совмещающая разнообразный спектр задач и миссий в условиях глобализирующегося мира. Основой ее деятельности является принятая в 2010 году стратегическая концепция «Активное вовлечение, современная оборона», развивающая политические и военно-стратегические установки предыдущих доктринальных документов с учетом современных изменений военно-политической обстановки. Основная стратегическая цель Альянса — строительство фундамента для формирования на основе НАТО глобальной военно-политической организации.

В своей работе «Beyond the new public diplomacy» Ян Меллисон отмечает, что «такие межправительственные организации, как НАТО и ЕС, теперь воспринимают публичную дипломатию как экзистенциальную необходимость и сосредотачивают усилия в этом направлении как внутри своих организаций, так и на внешнюю аудиторию» [Mellison, 2011, p. 16].

Профессор университета Южной Калифорнии Филипп Сейб утверждает, что «НАТО должна проводить свое влияние через «мягкие формы», чтобы оправдать свою жесткую силу». Он подчеркивает «сегодняшний беспрецедентный доступ к информации» и отмечает, что «для того, чтобы НАТО и другие международные организации были способны выполнить свою миссию и сохранять свою легитимность, они должны в полной мере осознать значение информационного влияния» [Pagovski, 2015, p. 9].

Необходимо отметить, что с самого начала своего создания НАТО понимала важность выстраивания эффективной коммуникации и необходимость информирования общественности. Официально деятельность в этом направлении началась уже в 1950 году, когда в недрах Альянса создается информационная служба, целью которой явилось стремление донести до широкой публики информацию о своей политической платформе.

В концентрированном виде стратегия развития публичной дипломатии НАТО в современных условиях представлена в документе Комитета общественной дипломатии альянса «Стратегия публичной дипломатии», корректируемом и издаваемом ежегодно. А. А. Бартош в статье «Эволюция публичной дипломатии НАТО» отмечает, что эта стратегия базируется на общих принципах публичной дипломатии, сформулированных в 2003 году советником Государственного департамента США Кристофером Россом [Бартош А. А., 2013, с.9].

Эти принципы включают в себя: обеспечение понимания проводимой политики в реальном смысле, а не как ее пытаются представить другие; разъяснение ее рационального характера и соответствия фундаментальным ценностям; последовательность, правдивость и убедительность; изучение целевого контингента с целью оперативной адаптации информации; взаимодействие с широким кругом партнеров; разнообразное и активное общение на всех уровнях.

«Стратегия публичной дипломатии» аккумулирует ее главные цели и направления. Они определяются военной доктриной Альянса, политическими векторами его развития, изменениями в институциональной основе деятельности организации, возникающими новыми вызовами

и опасностями, организационными решениями и научно-практическими исследованиями.

Согласно этому документу, публичная дипломатия НАТО призвана продемонстрировать роль и достижения блока в проводимых операциях и миссиях, новую идентичность Альянса и стратегические направления его развития. «Основной целью НАТО в проведении публичной дипломатии является «повышение уровня информированности и понимания о НАТО, продвижение своей политики и деятельности, а также получение поддержки, кредита доверия и уверенность в Альянсе», — утверждает эксперт американского Фонда Маршалла Зак Поговски [Pagovski, 2015, p. 13].

Указанная «Стратегия» также определяет целевые группы, на которые публичная дипломатия должна быть направлена прежде всего. К ним относятся: политические элиты, научные и экспертные сообщества, журналисты, руководители авторитетных НПО, молодежь. С точки зрения натовских стратегов, основное назначение публичной дипломатии на современном этапе — формирование в своей внешнеполитической деятельности позитивного и привлекательного имиджа Североатлантического альянса.

По мнению экс-руководителя Управления общественной дипломатии НАТО Штефани Бапст, «НАТО стремится создать уникальный «бренд» сильного, совершенного и компетентного трансатлантического сообщества единомышленников демократии, сохраняющего мир и безопасность для своих членов и, где это возможно, стремится внести свой вклад в обеспечение стабильности и безопасности. Стратегия публичной дипломатии НАТО должна быть направлена на борьбу с некоторыми из проблем имиджа организации, такими как восприятие НАТО как «глобального полицейского», «орудия США в достижении своей цели» и «ее ненужности после окончания холодной войны» [Babst, 2009, p. 3].

Стратегия публичной дипломатии НАТО базируется на следующих принципах: обеспечение понимания проводимой политики в реальном смысле, а не как ее пытаются представить другие; разъяснение ее рационального характера и соответствия фундаментальным ценностям; последовательность, правдивость и убедительность; изучение целевого контингента с целью оперативной адаптации информации; взаимодействие с широким кругом партнеров; разнообразное и активное общение на всех уровнях.

Методология(Methods) Исследование форм и механизмов реализации публичной дипломатии НАТО предусматривает применение общенаучной и специальной методологии, включая элементы дескриптивного и компаративного методов, предполагающих эмпирическое изу-

чение и сравнительный анализ различных сегментов информационной деятельности Альянса. Вместе с тем, целесообразным представляется использование структурно-функционального подхода, рассматривающего публичную дипломатию как важную структурную компоненту реализации стратегии НАТО.

Процедура исследования(Procedure) Процесс изучения различных составляющих публичной дипломатии НАТО предполагает анализ содержания информационных источников, в первую очередь, интернет-ресурсов, которые в последние годы активно используются для реализации целей имиджевой политики Альянса. Кроме того, важной основой исследования явилось теоретическое обобщение идей и положений, содержащихся в работах отечественных и зарубежных учёных, обратившихся к различным аспектам современной публичной дипломатии и её роли в трансформации системы международных отношений.

Результаты исследования (Results) Публичная дипломатия НАТО призвана продемонстрировать роль и достижения блока в проводимых операциях и миссиях, новую идентичность Альянса и стратегические направления его развития.

Сегодня НАТО активно применяет технологии публичной дипломатии по всем направлениям. Специалисты Альянса осуществляют множество научно-исследовательских и аналитических работ, проводят мониторинг национальных и международных обследований, чтобы лучше представлять картину происходящих в мире процессов. Например, НАТО серьезно рассматривает исследования американского Фонда Маршалла, который изучает общественное восприятие о трансатлантическом сотрудничестве, в том числе измерения восприятия НАТО. Кроме того, НАТО использует некоторые из существующих интернет-сообществ и сайты, такие как www.atlantic-community.org для изучения общественного мнения по вопросам, связанным с организацией.

НАТО применяет интенсивные формы пропагандистской деятельности для того, чтобы представить себя в качестве прозрачного и интерактивного объекта. У Альянса широкие связи с прессой и другими средствами массовых коммуникаций. Организация успешно использует социальные медиа и коммуникационные инструменты. Корпоративный сайт www.nato.int хорошо организован, очень информативен, удобен и постоянно обновляется. Он содержит отдел новостей с пресс-релизами, новостями, выступлениями официальных лиц НАТО и аудиовизуальную библиотеку. Для желающих сайт предлагает бесплатную рассылку информационных бюллетеней на электронную почту. Кроме того, на сайте возможны просмотры вещания НАТО-TV.

Большое внимание уделяется социальным медиа и новым цифровым технологиям. Альянс поддерживает свою страницу в социальных сетях Facebook, Twitter, имеет аккаунт, канал на YouTube, Google, Flickr и RSS, где публикует заявления для прессы, новости, фото, видео и другие мультимедийные материалы. НАТО также предлагает цифровое приложение для IPad. Публикуя информацию в интернете, кроме информации на английском и французском языках НАТО предлагает материалы на русском и украинском. Кроме того, высшие должностные лица НАТО, такие как Генеральный секретарь НАТО и его помощники, имеют собственные страницы в социальных сетях, чтобы поддерживать более тесную связь с целевой аудиторией.

НАТО реализует большое количество мероприятий для того, чтобы привлечь внешнюю аудиторию. Ежегодно департамент публичной политики НАТО организовывает около 120–140 информационно-пропагандистских мероприятий с участием представителей государств-членов Альянса. Эти мероприятия направлены на долгосрочную перспективу и имеют своей целью формирование нужного общественного мнения через развитие диалога между экспертами в области безопасности, политиками и представителями НПО; для поддержания интереса к трансатлантическим вопросам в самых различных слоях населения, особенно среди молодого поколения.

НАТО стремится сделать организацию более доступной для рядовых граждан. Штаб-квартира НАТО в Брюсселе принимает тысячи посетителей каждый год, а некоторые из них имеют возможность непосредственно участвовать в заседаниях с официальными лицами НАТО. Мультимедиа библиотека НАТО имеет более 18000 книг и 155 журналов, открытых для любого посетителя, предлагает информационный бюллетень о новых публикациях.

НАТО регулярно проводит веб-чаты и открытые обсуждения с использованием социальных сетей. Рядовые граждане имеют возможность задавать вопросы и высказывать свое мнение в социальных сетях непосредственно на личных страницах руководителей организации. Так, помощник Генерального секретаря по публичной дипломатии НАТО и Посол Швеции в НАТО 2012 года организовали виртуальную дискуссию в Международный женский день 8 марта, собирая вопросы в сети Twitter.

Альянс заинтересован в привлечении широкого круга молодежи к участию в обсуждении вопросов деятельности НАТО. Для этой цели НАТО организует и финансирует многие программы стипендий, летние школы, семинары, практикумы, конкурсы сочинений для студентов

и молодых специалистов. Примером такой программы является Летняя школа для молодых специалистов Центра европейских и североатлантических дел, организованная в Словакии и Украине.

Кроме того, НАТО организует значительное количество мероприятий и конференций, чтобы привлечь внимание представителей политических элит и экспертов, принимающих решения в обсуждении вопроса о роли Альянса и его деятельности в области публичной дипломатии.

Например, в 2012 году в Брюсселе НАТО организовала семинар на тему «Soft Power — публичная дипломатия НАТО» с участием ведущих специалистов в области новых средств массовой информации, которые обменялись мнениями о преимуществах новых технологий для общественной дипломатии НАТО. На семинаре были рассмотрены вопросы о месте НАТО в глобальной коммуникационной среде и о способах участия НАТО в расширении своего сотрудничества в этой сфере.

Для того чтобы лучше интегрировать экспертов из различных областей, Альянс запустил интернет-журнал «Вестник НАТО». Этот журнал «смотрит на ключевые вопросы безопасности, имеющие отношение к НАТО, через глаза экспертов», — сказано в официальном комментарии. Целью этого журнала является предоставление платформы, где эксперты имеют возможность общаться между собой и обсуждать вопросы трансатлантической безопасности. Платформа оптимизирована для использования на смартфонах и компьютерных планшетах и доступна через онлайн подписку.

Анализ результатов (Discussion) Оценивая эффективность политики публичной дипломатии Североатлантического Альянса, Ш. Бапст делает следующие выводы: «общественная поддержка НАТО по-прежнему выше пятидесяти процентов в союзных нациях в целом, а в некоторых странах она достигает даже 70–80 процентов. Это, конечно, неплохо для организации, которая существует в течение 60 лет. Что еще более важно, Альянс по-прежнему имеет узнаваемый бренд: он широко ассоциируется с безопасностью и обороной и признается в качестве трансатлантического поставщика мира. Несмотря на протекающий процесс трансформации организации, по-прежнему существует значительная степень доверия и уверенность в способности организации защитить и сохранить нашу свободу от новых угроз» [Babst, 2009, p. 9].

Заключение (Conclusion) Говоря в целом о ключевых принципах и направлениях практической работы в сфере публичной дипломатии НАТО, следует констатировать, что политика публичной дипломатии, проводимая Североатлантическим альянсом, является достаточно эффективным инструментом, позволяющим достигать поставленных

целей в сфере внешнеполитической деятельности блока.

Сегодня, в условиях, когда «современный мир претерпевает трансформацию, обусловленную масштабной трансграничной активностью», когда появляются новые акторы, бросающие вызов современной политической организации мира, важно использование таких методов воздействия на общественное сознание, которые являлись бы достаточно эффективным инструментом, позволяющим достичь поставленных целей во внешнеполитической деятельности государства [Лебедева, 2015, с.45–56].

И в этом плане Россия как часть мировой политической системы показала свою способность в новых реалиях активно использовать публичную дипломатию для достижения внешнеполитических целей.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена 12 февраля 2013 г. Раздел 2. п. 8.
2. Бартош А. А. Эволюция публичной дипломатии НАТО. // Дипломатическая служба. 2013. №3. С. 6–11.
3. Винокуров В. В. Сетевая дипломатия в борьбе против гибридных войн // Дипломатическая служба. 2016. №1. С. 19–25.
4. Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Том 13. №4(43). С. 45–56.
5. Babst S. Public Diplomacy — the Art of engaging and influencing // Babst_ Public_Diplomacy.2009.P. 3 **[Электронныйресурс].URL://**www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdfy**/ (дата обращения:10.01.2017).**
6. Mellison J. Beyond the new public diplomacy // Clugendael Papers. 2011. P. 16.
7. Pagovski Z. Z. Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN // Fuguero Press. 2015. P. 9.
8. Pagovski Z. Z. Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN // Fuguero Press. 2015. P. 13.

PUBLIC DIPLOMACY IN MODERN TURBULENT WORLD

Ekaterina A. Antyukhova

Abstract. *The modern development of the international system, which is closely connected with the acceleration of the processes of globalization and emergence of new global threats, makes the international discussion of the principles of the political organization of the world necessary. In this connection an important role is played by the mechanisms of public diplomacy, one of the main tasks of which is strengthening of the restraining factor of solving problems by force in the international relations. In the current context public diplomacy*

is becoming an important structural component of the strategy of the leading actors of the global affairs among which is the North Atlantic Treaty Organization (NATO). Against the background of noticeable changes which the strategy and organizational structure of the Alliance has been undergoing in recent years, studying of various forms and methods of impact in foreign policy used by it for the implementation of the tasks of forming its own positive image is an important object of international and political researches in domestic and foreign science.

The important theoretical basis of the analysis of various aspects of public diplomacy is the system approach to studying international relations. The research of the forms and mechanisms of the NATO activity in this sphere provides application of general scientific and special methodology, including elements of the descriptive and comparative methods involving the empirical studying and comparative analysis of various segments of the information work of the Alliance.

The process of studying various components of the NATO public diplomacy presupposes the analysis of the contents of information sources, first of all the Internet resources, which have been actively used for the realization of the purposes of the image policy of the Alliance in recent years.

The NATO public diplomacy is intended to show the role and achievements of the Alliance in the performed operations and missions, its new identity and the strategic directions of its development. Today NATO actively applies technologies of public diplomacy for all directions. The Alliance specialists carry out a lot of research and analytical work, monitoring of national and international inspections to better represent the structure of the processes occurring in the world. NATO uses intensive forms of propaganda activities to present itself as a transparent and interactive object. The Alliance has wide relations with press and other communication media. The organization successfully uses social media and communication tools. Much attention is paid to social media and new digital technologies.

Broadly speaking about the key principles and directions of practical work in the sphere of the NATO public diplomacy, it is necessary to state that the policy of public diplomacy pursued by the North Atlantic Alliance is a reasonably effective tool making it possible to achieve desired goals in the sphere of the foreign policy activities of the Alliance.

Key words: *public diplomacy, foreign policy, international relations, public consciousness, development policy, digital technologies.*

References

1. Babst, S. (2009). *Public Diplomacy — the Art of engaging and influencing. Babst_ Public_Diplomacy.* Retrieved 10 January, 2017 from http://www.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdfy

2. Bartosh A. A. Evoliutsiia publichnoi diplomatii NATO. // Diplomaticheskaia sluzhba. 2013. №3. S. 6–11.
3. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. Utverzhdena 12 fevralya 2013 g. Razdel 2. p. 8.
4. Lebedeva M. M. Publichnaya diplomatiya v uregulirovanii konfliktov // Mezhdunarodnye processy. 2015. Tom 13. №4(43). S. 45–56.
5. Mellison, J. (2011). Beyond the new public diplomacy. *Clugendael Papers*, 16.
6. Pagovski, Z.Z. (2015). Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN. *Fuguero Press,* 9.
7. Pagovski, Z.Z. (2015). Public diplomacy of Multilateral organizations: the cases of NATO, EU and ASEAN. *Fuguero Press,* 13.
8. Vinokurov V.V. Setevaia diplomatiia v bor'be protiv gibridnykh voin // Diplomaticheskaia sluzhba. 2016. №1. S. 19–25.

Информация об авторе:
Антюхова Екатерина Андреевна
кандидат политических наук; преподаватель кафедры сравнительной политологии; МГИМО МИД России; E-mail: e.antyukhova@gmail.com

Ekaterina A. Antyukhova
PhD (political sciences); Lecturer in Comparative Politics; Moscow State Institute of International Relations MFA; Russia; E-mail: e.antyukhova@gmail.com

АКТУАЛЕН ЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВОПРОС ОТКЛЮЧЕНИЯ РОССИИ ОТ SWIFT

В. Ю. ГРЕЧКОВ

Аннотация. *В работе рассматривается процесс введения и продолжения санкций в отношении России и возникновение такого рычага давления, как отключение банковской структуры страны от системы электронного обмена данными (ЭОД) SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication). Подчеркивается, что авторы подобных предложений предполагали, что без использования этой информационной системы вся банковская структура России не сможет нормально функционировать и будет разрушена.*

Рассматриваемая тема изначально была настолько серьезной, что этот вопрос обсуждался достаточно длительное время, на разных политических площадках, но каким-либо конкретным решением так и не завершился. Но в работе обращается особое внимание, что в последнее время различные санкционные решения и действия, направленные против России, не только не ослабляются, но в ряде случаев даже ужесточаются. В связи с этим опять поднимается вопрос возможности отключения российских банков от SWIFT.

За всю историю существования SWIFT из системы взаиморасчётов была отключена только одна страна — Иран (в 2012 году из-за ядерной программы Тегерана). Иранские банки не слишком сильно пострадали от этих санкций, но многие члены компании SWIFT выражали недовольство — специалисты объясняли это тем, что компания SWIFT является акционерным обществом, она сама решает, с кем вести бизнес, и никто не вправе ей запретить контактировать со своими партнерами. В то же время, компания SWIFT зарегистрирована в Бельгии, имеет там штаб-квартиру, и формально она должна следовать законодательству Бельгии, поэтому косвенные рычаги давления на данную компанию у ведущих европейских стран всё-таки имеются. Но для решения по SWIFT должна быть прямая директива Европейского сообщества и внутреннее решение общего собрания акционеров. Кроме того, несмотря на то, что на базе SWIFT реализованы системы платежей и расчетов

более 50 стран мира, в том числе системы всех стран Евросоюза, Центральный банк РФ все же предусмотрел использование двух каналов доступа, что существенно повышает устойчивость и эффективность системы банковских электронных срочных платежей (БЭСП). Поэтому по проведенному исследованию делается вывод, что угроза отключения российских банков от системы SWIFT существует, но реализовать ее не просто. Тем не менее, она вновь может быть использована западными странами для давления на Россию. В связи с этим данный вопрос требует постоянного внимания со стороны соответствующих специалистов.

***Ключевые слова**: санкции, электронный обмен данным (ЭОД), SWIFT, EDIFACT.*

Введение. В феврале 2014 года в связи с участием России в крымских событиях началось ухудшение политических отношений между США, странами Евросоюза и Россией. После проведения референдума, результатом которого стало вхождение Крыма в состав Российской Федерации, США, ЕС и ряд других стран ввели в марте 2014 первый пакет санкций. Санкции были введены в отношении целого ряда российских предприятий, крупных российских банков, было приостановлено инвестиционное и военное сотрудничество с РФ, был также опубликован персональный «черный список» визовых ограничений в отношении некоторых российских официальных лиц, их счета в зарубежных банках и имущество подлежали аресту. В самом начале процесса введения санкций в отношении России возникла тема такого серьезного рычага давления, как отключение банковской системы страны от системы электронного обмена данными (ЭОД) SWIFT. В связи с тем, что этот вопрос и в настоящее время не снят с повестки дня, актуальность темы не вызывает сомнений. Степень разработанности темы не слишком глубока, поскольку сама тема возникла сравнительно недавно, и в основном рассматривается в публикациях журналистов в средствах массовой информации.

Теоретические основания исследования связаны с понятиями электронного обмена данными, стандартов ЭОД, межбанковской системы обмена электронными сообщениями SWIFT, конфиденциальности и защищенности обмена информацией с использованием компьютерных сетей.

Исследование: основная часть.

Итак, с 2014 года и до настоящего времени санкционные списки постоянно только расширялись, сейчас в них более сотни россиян, причем не только официальных лиц, но и бизнесменов, журналистов и прочих. Сейчас в списках уже значатся практически все более или

менее крупные представители отечественной оборонной промышленности, но ведь США и большая часть стран ЕС не являются основными потребителями продукции российской оборонной промышленности, а аналитики отмечают, что операция в Сирии заметно повысила интерес к российским системам вооружения, которые там применялись. Проблемы могут возникнуть лишь в том случае, если США применят шантаж в отношении правительств тех стран, которые являются основными импортерами российского вооружения.

Россия в ответ ввела санкции в отношении американских сенаторов. В качестве любопытного курьеза можно упомянуть, что глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров также 26 июля 2014 г. ввёл санкции против президента США Барака Обамы, а также европейских высокопоставленных чиновников, которым был запрещён въезд в Чечню. В качестве ответа РФ также был введен запрет на ввоз продуктов сельского хозяйства из стран, которые присоединились к санкциям. И, несмотря на периодически поступающие сигналы о том, что обсуждаются вопросы о необходимости ослабления санкционного режима, действие ограничительных мер регулярно продлевается всеми сторонами. Российское правительство и Центральный банк в своих прогнозах исходят из того, что режим санкций сохранится до 2019 года.

Как уже упоминалось выше, введение санкций в отношении России предполагало, в частности, использование такой серьезной угрозы, как отключение банковской системы страны от системы электронного обмена данными (ЭОД) SWIFT. Считалось, что без использования этой информационной системы вся банковская система России не сможет функционировать и будет разрушена. Причем первоначальные планы по изоляции России от международной системы расчётов принадлежали, как это ни странно, вовсе не администрации США — с этой идеей выступил Европарламент и британский премьер-министр Дэвид Кэмерон. Изначально европейские политики были настроены крайне серьёзно, но со временем их жёсткая позиция несколько изменилась и даже, казалось бы, была несколько пересмотрена.

Тема была настолько серьезной, что этот вопрос обсуждался достаточно длительное время, на разных политических площадках, но каким-либо конкретным решением так и не завершился. Казалось бы, с течением времени этот вопрос утратил свою актуальность, был отложен и даже несколько забыт. Но нельзя не обратить внимания, что в последнее время различные санкционные решения и действия, направленные против России, не только не ослабляются, но в ряде случаев даже ужесточаются. Обсуждается тема возможного введения новых санкций против России

в связи со обвинением российских хакеров во взломе почтовых серверов Демократической партии США. В связи с этим вопрос возможности отключения российских банков от SWIFT нельзя упускать из внимания, требуется четко и конкретно оценивать потенциальные риски и возможные последствия. Тем более что российская пресса недавно опубликовала некоторую подтверждающую этот тезис информацию. «В разговоре с Guardian глава фонда Hermitage Capital Уильям Браудер заявил, что достаточной мерой воздействия на Кремль станет существенное расширение персональных санкций и отключение России от банковской системы SWIFT, как это было с Ираном за развитие ядерной программы. Впрочем, британское издание отмечает, что решение о таких шагах должно быть принято только новой администрацией США»[2].

Прежде всего, необходимо кратко упомянуть, что же из себя представляет межбанковская система обмена электронными сообщениями SWIFT [Ростовский Ю. М., Гречков В. Ю., с. 332].

Система SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication) сегодня является межбанковским инструментом телекоммуникаций для всех крупнейших мировых финансовых и банковских организаций и компаний [3].

Сообщество всемирных межбанковских коммуникаций — Society for World-Wide Interbank Financial Telecommunications (S.W.I.F.T.) было основано в 1973 году группой из 239 банков из 15 стран Европы и Северной Америки с целью разработки единых формализованных методов обмена финансовой информацией и создания международной сети передачи данных с использованием стандартизированных сообщений. Реально общество приступило к работе в 1977 г., и к этому времени оно объединяло уже 518 коммерческих банков из 17 стран. К настоящему времени сообщество объединяет большое число организаций и компаний, функционирующих в 210 странах, в настоящее время передается более, чем 1,8 миллиардов сообщений и транзакций за год.

Среднее время доставки сообщений по SWIFT составляет несколько секунд, что значительно превышает показатели прочих каналов связи, проверка целостности переданного сообщения и подтверждение подлинности происходит автоматически.

SWIFT — это акционерное общество, владельцем которого являются банки-члены. Общество зарегистрировано в Бельгии и действует на основании двух основополагающих документов: Устава и Основных

[2] Субботин И. Европа не оставит кризис в Алеппо без ответа. Независимая газета, № 229 (6843), 25. 10.2016, с. 7.

Соглашений и Условий. Высший орган — общее собрание банков-членов или их представителей (Генеральная ассамблея). Общее собрание, которое в соответствии с Уставом проводится ежегодно, обсуждает и утверждает бюджет, рассматривает и принимает стандарты, обсуждает вопросы, которые не смог решить Совет директоров. Решения принимаются большинством голосов участников ассамблеи в соответствии с принципом: одна акция — один голос, принятие решений по важнейшим вопросам деятельности компании требует квалифицированного большинства в три четверти голосов.

Исполнительным органом SWIFT является Совет директоров численностью до 25 человек, избираемый общим собранием на 1 год вплоть до проведения очередного ежегодного общего собрания. Каждый из директоров имеет право быть переизбранным неограниченное число раз. Решения Совета директоров принимаются большинством голосов, каждый директор имеет 1 голос; при равенстве голосов решение считается не принятым. Совет директоров имеет широкие права и полномочия в пределах Устава, Основных Соглашений и Условий и утвержденного бюджета, представляет интересы компании во внешнем мире, а также по отношению к ее членам и принимает решения по вопросам, входящим в его компетенцию, в том числе прием новых пользователей. Главенствующее положение в совете директоров занимают представители банков стран Западной Европы и США.

Наряду с банками-членами существуют и две другие категории пользователей сети SWIFT: ассоциированные члены и участники. В качестве ассоциированных членов могут выступать отделения или филиалы банков-членов; они не являются акционерами и не имеют права принимать участие в управлении делами общества. Участники — это всевозможные финансовые институты, не являющиеся банками (брокерские, дилерские, клиринговые конторы и т.п.), которые получили доступ к сетям SWIFT лишь с 1987 г.

Система SWIFT позволяет осуществлять: телеграфные переводы клиентов; передачу извещений о получении переводов; проведение операций по обмену валюты; запросы и извещения о займах и вкладах; долгосрочные займы и вклады; платежи процентов; подтверждение дебета или кредита; выписки со счета и т.п. SWIFT обеспечивает: единый язык и единую технологию обработки информации; надежность передачи и обработки данных; защиту данных (шифрование); быструю передачу сообщений; сокращение потерь из-за ошибок; надежный дистанционный контакт между клиентами; сокращение операционных расходов. Эти преимущества в немалой степени обусловлены использованием

стандартных сообщений. При этом сообщество SWIFT несет финансовую ответственность за точность и своевременность доставки сообщений. Сохранность и защита передаваемых сообщений обеспечивается комбинацией физических, технических и организационных методов защиты [Крахмалев С. В., с.89].

В SWIFT существует строгое разделение ответственности между пользователями и компанией за поддержание безопасности. Пользователь отвечает за правильную эксплуатацию, за физическую защиту терминалов, модемов и линий связи до пункта доступа (SWIFT Access Point, SAP) и правильное оформление сообщений. После поступления сообщения в SAP вся ответственность переходит к SWIFT. Сообщество отвечает за непрерывное функционирование сети, за защиту от несанкционированного доступа к ней, за защиту пересылаемых сообщений от всех видов воздействий после пункта доступа.

Система SWIFT первоначально позволяла производить лишь обмен структурированными сообщениями ограниченной длины, основным сервисом и сейчас является FIN для защищенного обмена финансовой информацией, надежного и экономически эффективного. Но потребность в передаче других, возможно менее значимых данных, потребовала разработки новых видов услуг. Так SWIFT была разработана специальная услуга для передачи данных большого объема — межбанковский обмен файлами (Interbank File Transfer, IFT). Эти данные могут включать административную и текущую отчетную информацию между головными офисами банков и их филиалами, информацию покупателя, данные для управления кредитами и экономическую и статистическую информацию. IFT может также выполнять операции с деловыми отчетами и общей корреспонденцией, данными по управлению рисками и обмену чеков, а также другими документами, традиционно отправляемыми по факсу. Услуги IFT полностью интегрированы в архитектуру сети SWIFT и обладают теми же преимуществами, что и стандартные сообщения: как и при передаче финансовых сообщений, секретность и сохранность гарантируется.

В каждой стране, где разворачивается система SWIFT, согласно регламенту создается Группа пользователей SWIFT, объединяющая всех пользователей сети и Национальная группа членов SWIFT, объединяющая все банки — члены Сообщества. В Российской Федерации организацией, объединяющей пользователей сети является Российская Национальная Ассоциация SWIFT (РОССВИФТ) [4], которая функционирует в структуре SWIFT и объединяет более, чем 600 банковских организаций, включая Банк России. По количеству пользователей SWIFT Россия занимает второе место после США.

Первым из российских банков к системе SWIFT в 1989 г. подключился Внешэкономбанк. В России использование сети SWIFT связано не только с передачей сообщений за рубеж, но и с осуществлением расчетов внутри страны. Свыше трети всего российского трафика SWIFT сегодня приходится на обмен сообщений между российскими банками, причем удельный вес рублевых сообщений становится в их трафике все больше. Для передачи подобных финансовых сообщений разработаны, постоянно пересматриваются и обновляются стандарты SWIFT-RUR — «Правила использования стандартов SWIFT для передачи финансовых сообщений в российских рублях». Эти стандарты содержат правила формирования сообщений SWIFT при операциях с российскими рублями, а также правила и таблицы транслитерации, которые позволяют производить однозначное кодирование и декодирование символов русского алфавита в тексте сообщений SWIFT. Специальные рекомендации позволяют учитывать особенности осуществления расчетов различными кредитными организациями (не только банками) и дают возможность использовать единые технологии для автоматизации обработки финансовых сообщений при расчетах как в российских рублях, так и в иностранных валютах.

Отношения SWIFT и пользователей регулируются отдельным документом — руководством пользователя SWIFT (SWIFT User Handbook). С правовой точки зрения наиболее важными являются «Общие положения и условия» (General Terms and Conditions), которые определяют взаимные обязательства SWIFT и пользователей, а также основания и пределы ответственности SWIFT. В соответствии с общими положениями и условиями, SWIFT обязуется предпринимать все оправданные с коммерческой точки зрения усилия для предоставления услуг и продуктов SWIFT, а также гарантирует аккуратное их предоставление в соответствии со сложившейся практикой.

За всю историю существования SWIFT из системы расчётов была отключена только одна страна — Иран. В 2012 году ведущие западные страны приняли решение запретить провайдерам оказывать информационные услуги финансовым учреждениям исламской республики из-за ядерной программы Тегерана. Иранские банки, конечно же, испытали ряд неудобств, но все же нашли различные пути для обхода этих санкций и продолжения работы на международных финансовых рынках. И, в тоже время, некоторые акционеры SWIFT выражали недовольство столь откровенным втягиванием независимого акционерного общества в международную политику.

Анализ результатов исследования. Специалисты не раз указывали, что компания SWIFT, как уже упоминалось выше, является акционерным обществом, она сама решает, с кем вести бизнес, и никто не вправе ей запретить контактировать со своими партнерами. Но, в то же время, компания SWIFT зарегистрирована в Бельгии, имеет там штаб-квартиру, и формально она должна придерживаться законодательства Бельгии. Таким образом, косвенные рычаги давления на данную компанию у ведущих европейских стран всё-таки имеются.

В самой SWIFT заявление Европарламента назвали противоправным и заявили, что такие призывы наносят компании репутационный ущерб. В компании особо отметили, что не собираются отключать Россию от своих сервисов из-за политического давления. «Согласно основополагающим принципам европейского законодательства, закреплённым в Хартии Евросоюза об основных правах, вовлечение SWIFT в санкционную политику мешает фундаментальному праву SWIFT на ведение бизнеса и на право её собственности. Также вовлечение является дискриминационным и неравным», — говорится в сообщении международной системы расчётов[3].

Аналитики утверждают, что руководство США может запретить американским банкам сотрудничать через SWIFT с российскими банками, но непосредственно повлиять на деятельность финансовых учреждений за пределами США Вашингтон не сможет, поскольку такое взаимодействие идёт через неподконтрольные США операционные центры международной системы расчётов. Для решения по SWIFT должна быть прямая директива Европейского сообщества и внутреннее решение общего собрания акционеров. Акционеры компании являются однако не только американскими, но и европейскими, а в Европе многие авторитетные политики выражают мнение о необходимости если не смягчить санкции в отношении России, то хотя бы не наращивать их.

Технически вопрос отключения также является нетривиальной задачей. Конечно два сервера системы находятся в США, но два других — в Нидерландах, а как уже отмечалось выше, взгляды американских и европейских политиков на вопрос введения и расширения санкций порой достаточно существенно расходятся.

К настоящему времени на базе стандарта SWIFT реализованы системы платежей и расчетов более 50 стран мира, в том числе системы всех стран Евросоюза, а также такие Европейская система трансграничных платежей TARGET, мировая валютообменная система CLS и др.

---

[3] www.swift.com

Из входящих в «Большую семерку» промышленно развитых стран мира пять государств — Великобритания, Германия, Италия, Канада и Франция — построили национальные платежные системы на базе сети SWIFT (во Франции, например, это система Sagittaire, В Англии CHAPS — Clearing Houses Automated Payment System и т.п.). В то же время некоторые страны относительно недавно выбрали SWIFT как основу для организации собственной платежной системы, как, например, Босния и Герцеговина, Латвия, Хорватия, Азербайджан.

Центральный банк РФ, в отличие от банков упомянутых стран, предусмотрел несколько иной вариант —— SWIFT в национальной платежной системе используется в качестве параллельного канала наряду с расчетной сетью самого регулятора. Российские коммерческие банки смогут выбирать, каким образом осуществлять взаимодействие в системе банковских электронных срочных платежей (БЭСП) — через расчетную сеть Банка России или через сеть SWIFT.

Разработанный Банком России подход — использование двух каналов доступа — существенно повышает устойчивость и эффективность системы БЭСП. Как и при использовании расчетной сети Банка России, при использовании SWIFT для организации доступа в БЭСП кредитным организациям не придется делать дополнительных капиталовложений для участия в системе. Они смогут использовать уже существующий у них комплекс SWIFT как для участия в национальной системе RTGS, так и для расчетов на основе прямых корреспондентских отношений, межфилиальных расчетов и расчетов с клиентами. Таким образом повышается окупаемость уже действующего комплекса SWIFT в финансовой организации.

Применение форматов и сети SWIFT в БЭСП позволит использовать уже существующие современные высокотехнологичные решения в области платежных и расчетных систем, основанные на принципах надежности, прозрачности и безопасности. Это обеспечит при необходимости возможность интеграции российской платежной системы в международные платежные и расчетные системы.

Система БЭСП Банка России обеспечивает многократный рост оборачиваемости денежных средств, повышает эффективность управления ликвидностью и способствует минимизации рисков участников расчетов. Использование международных стандартов и инфраструктуры SWIFT в БЭСП позволит российским банкам эффективно использовать имеющуюся у них инфраструктуру, а для иностранных инвесторов создаст четкие и понятные правила осуществления расчетов.

Это обеспечит выход России на качественно новый уровень развития, характеризующийся устойчиво растущей экономикой, эффектив-

ной и современной платежной системой. Таким образом, совершенствуемая Банком России система БЭСП повысит конкурентоспособность российской экономики и будет содействовать увеличению роста ВВП России, как это наблюдалось в других странах при реализации аналогичных проектов.

Уже в декабре 2015 г. Банк России запустил Систему передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС), которая является российским аналогом системы SWIFT и альтернативным каналом межбанковского взаимодействия с целью обеспечения гарантированного и бесперебойного предоставления услуг по передаче электронных сообщений по финансовым операциям, снижению рисков, влияющих на безопасность и конфиденциальность оказания услуг по передаче финансовых сообщений. Порядок оказания Банком России услуг по передаче электронных сообщений по финансовым операциям кредитным организациям и их клиентам — юридическим лицам установлен соответствующим указанием Банка России[4]. То есть возможность осуществления внутренних взаиморасчетов все-таки останется, поскольку они проходят через корреспондентские счета ЦБ, а не SWIFT.

Заключение. Таким образом, даже исключение российских банков из SWIFT, что на данный момент все же представляется маловероятным не должно сильно повлиять на крупные торговые сделки. Банки, имеющие между собой корреспондентские отношения и осуществляющие расчеты, могут использовать другие, пусть и несколько устаревшие каналы связи: телекс, телефакс и даже Интернет (конечно, с обязательным применением криптографических систем). Очевидно, что это затруднит и значительно замедлит расчеты, но всё равно их будет возможно осуществлять. Кроме того, вскоре после создания стандарта межбанковского ЭОД SWIFT, под эгидой ООН, создавшей для этого специальную рабочую группу 4 (WP. 4 — Working Party on Facilitation of International Trade Procedures 4), был создан не менее известный международный стандарт EDIFACT (Electronic Data Interchange for Administration, Commerce and Transport), который также может быть рассмотрен как возможная альтернатива для передачи сообщений.

Итак, угроза отключения российских банков от системы межбанковских сообщений SWIFT вновь может быть использована западными странами для давления на Россию. Конечно, мгновенно, одним нажатием клавиши или выключением рубильника, подобное отключение осуществить просто невозможно, но такая угроза продолжает существо-

[4] Указание Банка России от 5 октября 2015 г. N 3814-У.

вать. Экономика страны уже серьезно пострадала от санкций, и дальнейшие ограничения будут для нее дополнительным ударом. В связи с этим данный вопрос требует постоянного мониторинга и внимания со стороны соответствующих специалистов.

Литература

1. Крахмалев С. В. Современная банковская практика проведения международных платежей. М.: ГроссМедиа, 2007. — 208 с.
2. Ростовский Ю. М., Гречков В. Ю. Внешнеэкономическая деятельность: учебник. М.: Магистр, 2008. — 591 с.
3. Официальный сайт сообщества SWIFT [Электронный ресурс]. URL: http//www.swift.com (15.12.2016).
4. Официальный сайт РОССВИФТ [Электронный ресурс]. URL: http//www.swift.ru (25.12.2016).

WHETHER THE QUESTION OF DISCONNECTION OF RUSSIA FROM SWIFT IS URGENT NOW

Victor Y. Grechkov

Abstract. *This article is about introduction and continuation of sanctions against Russia and onset of such leverage of pressure as disconnection of bank structure of the country from system of the electronic data interchange (EDI) SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication). It is emphasized that authors of these offers assumed that without using of this information system all bank structure of Russia won't be able to function properly and it will be destroyed.*

The considered subject initially was so serious that this question was discussed rather long time, by different politicians, but they have not come to any concrete decision. In the article special attention is paid that recent various sanctions decisions and actions directed against Russia are not weakened, but in some cases even become tougher. In this regard the question of a possibility of disconnection of Russian banks from SWIFT is again brought up.

For all history of existence SWIFT Iran was the only country that was disconnected from a settlement system. In 2012 the leading western countries made the decision to prohibit to providers to render information services to financial institutions of the Islamic republic because of the nuclear program of Tehran. The Iranian banks not too strongly suffered from these sanctions, but many members of the SWIFT company showed discontent. Specialists explained it with the fact that the SWIFT is joint-stock company. It decides itself with whom to do business, and nobody has the right to prohibit it to contact to its partners. At the same time, the SWIFT company is registered in Belgium. There is its head-

quarters situated. Formally it should follow to the legislation of Belgium. That's way the leading European countries has some indirect levers of pressure upon this company. But the decision on SWIFT should be made by direct directive of the European community and the internal decision of general shareholder meeting. Besides, the systems of payments and calculations more than 50 countries of the world including system of all European Union countries are realized on SWIFT. In spite of this, the Central Bank of Russian Federation nevertheless provided using of two channels of access that significantly increases stability and effectiveness the system of the bank electronic due payments (BEDP). According to the research there is the the conclusion that the threat of disconnection of the Russian banks from the SWIFT system exists, but it is not simple to realize it. Nevertheless, it can be used by the western countries for pressure upon Russia again. In this regard the matter requires constant attention of the appropriate experts.

Keywords*: sanctions, electronic exchange to data (EED), SWIFT, EDIFACT.*

References

1. Krachmalev S.V. Sovremennaya bankovskaya practica provedeniya meshdunarodnyh platejey. M.: GrossMedia, 2007. — 208 s.
2. Rostovsky Y.M., Grechkov V.Y. Vneshneeconomisheskaya deyatrlnost. M.: Magistr, 2008. — 591 s.
3. Official site of community SWIFT [Electronic resource]. URL: http//www.swift.com (25.12.2016).
4. Official site of ROSSWIFT [Electronic resource]. URL: http//www.swift.ru (25.12.2016).

Информация об авторе

Гречков Виктор Юрьевич

к.т.н., доцент, доцент кафедры Менеджмента, маркетинга и ВЭД, МГИМО МИД России, Россия, e-mail: vic-gr@mail.ru.

Victor Y.Grechkov

PhD in Technical Sciences, associate professor associate professor of department of Management, marketing and foreign economic relations, MGIMO MFA of Russia, Russia

РАЗВИТИЕ РУМЫНО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И НАТО–ЕС

Г. И. КОЛАРОВ, В. И. СЕГУРУ-ЗАЙЦЕВ

В древности на сегодняшней румынской и болгарской территории жили родственные племена фракийцев (по-болгарски фраков). В частности, к северу и югу от Дуная жили даки и геты. По другой версии даки (с латинского) — это те же геты (с греческого), и те, и другие как часть фракийцев. Потом эти земли были колонизированы Римской империей. Римляне овладели обоими берегами Дуная почти одновременно. И можно предположить, что они смешались с местным населением практически в одинаковых пропорциях.

То же самое произошло, когда на этих землях появились сначала германские племена, а за ними и славянские, и древнеболгарские. То, что сегодняшние румыны говорят на одном из романских языков, а сегодняшние болгары — на одном из славянских, является следствием ряда случайных исторических событий. Тем более, что многие антропологи утверждают, что генофонд румын и болгар на 100 % одинаковый.

В раннем Средневековье Первое болгарское царство (681…1018 гг.) простиралось на севере до Карпат и на Востоке до Слобожанщины, охватывая многие сегодняшние регионы Румынии и Республики Молдовы. Да и возникло оно, как видим, почти на два века раньше русского государства в 862 г. Второе болгарское царство (1185…1396 гг.) основала династия Асеневцев — Асенешть (Dinastia Asanestilor), которую оба народа считают своей. И государство, конечно, тоже. Это видно из самого названия: длительное время царство называлось Влахо-болгарским (Taratul vlaho-bulgar). В начале второго тысячелетия н.э., на левом берегу Дуная возникли два проторумынских государства: Цара ромынеаскэ (Tara romaneasca) — Румынская страна, — или иначе Валахия — Valahia (страна валахов или влахов, волохов — другое название средневековых румын, в основном, со стороны славян), она же Мунтения — Muntenia (страна гор, — munte-

гора, — т.е. в степи у подножья восточно-западной, наиболее высокой, цепи Карпат) и Молдавия (Moldova). Они возникли за счёт объединения мелких княжеств, в то время как Второе болгарское царство в это время переживало феодальный распад. Однако, два больших румынских княжества, как относительно молодые, по сравнению с болгарскими царствами, оказались более «пассионарными» (по Л. Н. Гумилеву) и выдержали натиск Османской империи, сохранив автономию до самого своего освобождения.

В начале румыно-турецкого противостояния важную роль в отбрасывании османов за Дунай сыграл небезызвестный Влад Цепеш (Vlad Tepes), т.е. Влад, сажающий (врагов, разумеется) на кол («цеапэ» — teapa), прозванный ещё и Дракула, т.е. чёрт (drac). Он попытался оказать помощь польско-венгерскому королю Владиславу (Уласло) Третьему — Варненчику в его попытках освободить Болгарию, которая полностью попала под власть Османской империи. Последней столицей болгар была крепость у сегодняшнего румынского города Липова на западе Трансильвании (которую болгары и остальные славянские народы называли Семиградье).

После поражения и гибели Владислава Третьего у крепости Варны 10.11.1444, его военный командир — трансильванский воевода Янку из Хунедоары (Iancu de Hunedoara) стал регентом (практически владетелем) Венгрии под именем Янош Хуньяди. Один из его сыновей, Матьяш Хуньяди или Matthias Corvinus по латыни, стал одним из самых известных венгерских королей.

На протяжении всего XIX века, автономные княжества Валахия и Молдова, после объединения названные Румынией, служили прибежищем для болгарских революционеров. Румыния приняла активное участие в освободительной для Болгарии Русско-турецкой Войне 1877…78 гг. Тогда Румыния завоевала полную независимость и стала королевством, а Болгария — автономным княжеством. Именно за счёт совместных действий румынская и русская армии выиграли историческое сражение у болгарского города Плевна (Плевен).

Результаты этой войны и конкретно территориальный передел на обоих берегах Дуная заложили мину под братскими, солидарными отношениями между Россией, Румынией и Болгарией. Император Александр Второй посчитал справедливым вернуть себе ту часть российской Бессарабии между реками Прут и Днестр, что была утеряна после поражения в Крымской войне. Эта территория, включая и устье Дуная, была возвращена Молдавии, на тот момент, зависимой от Османской империи. Но на момент окончания Русско-турецкой войны

1877…78 гг. Молдавское государство уже было частью союзной, православной Румынии, а не вассалом Османской империи. Александр Второй не принял во внимание этот факт, а также то, что междуречье Прута и Днестра было заселено преимущественно румынами, а его южная часть — обоими болгарскими общинами (собственно болгарами и гагаузами — тюркоязычными болгарами). С другой стороны, Прут и Дунай, куда он впадает, составляют естественную границу, что особенно важно с позиций геостратегии. Поэтому, возвращение утерянной части Бессарабии, было оправдано как с политической, так и со стратегической точки зрения.

Но, поскольку румынский князь, ставший затем первым румынским королём, Карол Первый (Carol I), протестовал, то в качестве компенсации Румынии отдали Северную Добруджу (по-румынски Доброджа — Dobrogea) на правом берегу Дуная, заселенную крымскими татарами и болгарами. Румыны там тогда, в основном, не проживали. Зато, Румыния, в результате той войны получила обширный выход к Чёрному морю и стала, получив, таким образом, ускоренное развитие. То есть это был царский по значимости подарок, предопределивший всё дальнейшее развитие Румынии как Черноморской державы.

Тем не менее, в Бухаресте прочно укоренились антироссийские установки. Их не упразднил даже союз обоих государств во время Первой мировой войны. В ее конце румыны были вынуждены столкнуться с Красной Армией. Страна приняла немало белоэмигрантов и, таким образом, очень усложнила свои отношения с великим северо-восточным соседом. Пик противостояния случился во время Второй мировой войны. Тогда 600.000 румынских военнослужащих участвовали в нападении на СССР и оккупации Одесской области. Советским фронтовикам запомнился такой эпизод: во время отступления с территории сегодняшней Республики Молдовы, румынские контрразведчики отравили все колодцы и причинили смерть многим советским солдатам и офицерам. Узнав об этом, маршал Ф. И. Толбухин, командующий Третьим украинским фронтом, приказал румын в плен не брать. Тем не менее, румыны в подчинении Третьего рейха чувствовали себя не сильно комфортно, да и оккупация ими чуждой для них Одессы не содействовала укреплению морально духа румынской армии, несмотря на все старания маршала Антонеску, тогдашнего фактического руководителя Румынии. Именно поэтому, он был свергнут в результате заговора практически всех политических сил: от левых до правых, кроме, откровенных фашистов, разумеется. Румыния выступила на стороне Объединённых Наций, как сейчас говорят румынские историки, вместе со своими

традиционными союзниками: Англией и Францией. И даже выставила войска хоть и в меньшем количестве, чем на стороне немцев, однако также существенно: по разным данным от четверти до полумиллиона солдат, которые успешно воевали за освобождение Венгрии, Чехословакии и Австрии.

Социалистическая республика Румыния официально считалась союзником СССР. По факту это было так во время правления Георге Георгиу-Дежа в Бухаресте и Сталина в Москве. Сложности начались после прихода к власти Н. С. Хрущева, который неудачно попытался поменять Георге Георгиу-Дежа на своего ставленника. После смерти Георгиу-Дежа к власти пришел приближенный ему член Политбюро Николае Чаушеску — бывший ранее руководителем румынского Комсомола, министром сельского хозяйства, заместителем министра обороны, начальником Главного политического управления румынской армии; в Политбюро отвечал за специальные службы. Он еще больше усложнил румыно-советские отношения. С тех пор Румыния участвовала в СЭВе и в Организации Варшавского договора весьма формально.

После румынской революции декабря 1989 г. и скоропалительного расстрела четы Чаушеску Румыния приняла однозначную прозападную ориентацию. В соответствии с национальной традицией, руководство сделало ставку на развитие отношений с романо-язычными странами: Италией, Францией, Испанией, Португалией. В них постоянно работают сотни тысячи румын, в том числе и из Республики Молдовы, а миллионы приезжают на временные заработки. А вот с Российской Федерацией отношения практически заморожены.

После победы над Османской империей и подписания мирного договора с ней 03.03.1878, так называемый Сан-Стефанский мир, ряд политиков уже независимого Королевства Румыния не хотели приобретать Северную Добруджу, обоснованно предполагая, что присвоение чужой этнической территории будет провоцировать конфликты между двумя до этого братскими народами: румынами и болгарами.

Однако, геополитические соображения взяли верх: новое государство нуждалось в выходе к морю. Таким образом, десятки тысяч болгар оказались в румынских пределах, формируя мину замедленного действия. Следующее поколение румынских правящих кругов не утолило своего территориального аппетита Северной Добруджей. Пользуясь трудной ситуацией, в которой попала Болгария во Второй Балканской Войне, румынская армия пересекла границу и дошла почти до Софии. В результате мирного договора, к Бухаресту отошла и Южная Добруджа,

в Румынии чаще называемую «Кадрилатер» — «Четырёхугольник» по расположению четырёх старых турецких крепостей. Это стало одной из причин участия Болгарии в Первой мировой войне на стороне Центральных сил: болгары жаждали реванша у православных соседей — Сербии, Греции, Румынии, Черногории и возвращения утерянных территорий. В каком-то смысле болгары отыгрались на румынах во время двухлетней оккупации Бухареста в 1916…18 гг. совместно с немцами и турками. Хотя немцы играли главенствующую роль, однако болгарские оккупационные части вели себя наиболее бесцеремонно с жителями румынской столицы.

Новое поражение в мировом побоище, — когда болгарская армия воевала в основном с православными военными противниками, — упразднило православную составляющую в болгарском национальном самосознании. На ее место прочно утвердился большевизм. Болгары руководили Коминтерном, МИДом СССР, Украиной. Основателями Румынской коммунистической партии тоже стали два болгарина: Христиан (Крыстю) Раковский — будущий председатель Совнаркома Украины, и Борис Стефанов. Оба пострадали в репрессиях 1937…38 гг. Они не сумели привнести большевистский компонент в румынское национальное самосознание. В Румынии православие по-прежнему занимает прочные позиции — более прочные, чем в России. Это, однако, не снимает с повестки дня того факта, что восстановление доверия к Кремлю и к Русской православной церкви среди румын не состоялось. В стране действуют антироссийские установки.

В отличие от румын, болгары сохранили левые установки на протяжении всего XX века и даже в начале XXI. Их любовь и благодарность от России перешли к СССР. Тот факт, что многие болгары, — высшие советские руководители, такие как Христиан Раковский, Борис Стомоняков, Симеон Ванков, Илия Василев-Бойко, — погибли во время репрессий 1937–1938 гг. не убавил симпатий болгар к русским.

Вопреки противоположному отношению к России и СССР, к православию, взаимоотношения между двумя балканскими соседями остались теплыми и солидарными. Этому способствовал тот факт, что после кровавой бойни в 1915…18 гг. из-за Южной Добруджи, согласно Крайовскому договору 1940 г. Румыния добровольно (но не без закулисного давления со стороны Германии) вернула эту территорию Болгарии. Во время ее передачи, монархи подписали договор о «вечном мире» между двумя странами. И на самом деле, после этого особых проблем между ними никогда не было. Вопреки тому, что монархов сменили коммунисты, а их — прозападные демократы.

Когда в Софии и Бухаресте Красная армия предопределила приход к власти коммунистических партий и старые боевые друзья Георге Георгиу-Деж и коминтерновцы Георгий Димитров, Василь Коларов, Вылко Червенков сменялись на посту партийного и государственного руководства Румынии и Болгарии — между двумя странами принципиально не могло быть проблем.

Однако, по настоящему теплыми, преференциальными, двусторонние отношения стали, когда в 1964 г. покойного Георге Георгиу-Дежа сменил его младший друг и коллега по Политбюро Николае Чаушеску, а в Софии уже 8 лет правил Тодор Живков. Оба генсека любили охотиться вместе в многочисленных, первоклассных румынских и болгарских заповедниках. Также часто плавали по Дунаю и во время рыбалки, за изысканными обедами и ужинами, обсуждали двусторонние отношения и проблемы мирового коммунистического движения. На этих встречах они консолидировали свои позиции, перед ежегодными «Крымскими встречами» с Л. И. Брежневым. Потом их вместе анализировали.

Символом прогресса в болгаро-румынских отношениях волею судьбы стал безграмотный плотник из Южной Добруджи Тодор Стойчев. Во время её румынской оккупации, между мировыми войнами, он совершил криминальные деяния и сидел в румынской тюрьме, вместе с Николае Чаушеску.

До этого, Н. Чаушеску сидел вместе с Г. Георгиу-Дежом и от него воспринял коммунистические идеи, передав их затем Т. Стойчеву.

После того, как Чаушеску сел в кресло покойного Георгиу-Дежа, Тодор Стойчев от секретаря райкома в добруджанском черноморском порту Балчик, был повышен Тодором Живковым до первого секретаря Областного комитета Болгарской коммунистической партии в Варне, а затем стал кандидатом в члены Политбюро и членом Государственного совета. На новом посту он обеспечивал комфортное времяпровождение во всех смыслах для гостей летней резиденции Тодора Живкова «Эвксиноград», рядом с Варной. Среди них частым гостем был и Чаушеску.

Преступления, злоупотребления, расхищения Тодора Стойчева, в конце концов, вынудили Т. Живкова снять его с поста в 1981 г. Однако, по настоянию Н. Чаушеску, он был назначен послом в Бухаресте. На новом посту злоупотребления продолжились, но уже далеко от глаз общественности.

Оба государства одновременно вступили в НАТО и ЕС. Однако, вступление в НАТО оказалось очередной миной для двусторонних отношений. На неё периодически наступают политики из Бухареста и Софии.

В свое время проблемы создавали химические предприятия в Джурджу, которые загрязняли Русе на другом берегу Дуная. В предпоследний раз речь шла о пограничном разграничении в районе черноморского берега, где был найден газ на шельфе Черного моря в 2014 г. Тогда МИДы обоих стран локализовали конфликт в рамках двусторонних консультаций.

Однако, основной проблемой, после вступления в НАТО и ЕС оказались связи с Москвой. Если для Болгарии Россия — освободитель от турецкого рабства и исторический союзник, то для Румынии это постоянная угроза независимости и территориальной целости. По крайней мере, такие умонастроения утвердились в среде румынской элиты, что впрочем, далеко не всегда и тем более не на 100 % идентично местному общественному мнению. Эти различия продолжают оказывать решающее влияние на двусторонние отношения и в целом на внешнюю и военную политику Софии и Бухареста. Недавно они проявилось конкретным образом, по поводу проекта создания постоянного союзного натовского флота на Чёрном море. Это соображение стало «идеей фикс» для румынского руководства во главе с президентом Клаусом Йоханнисом. На июльской 2016 г. встрече НАТО на высшем уровне в Варшаве был поставлена задача союзным государствам, с выходом на Черное Море (включая Украину и Грузию), принять участие в этом проекте. Румынские руководители восприняли эту идею с энтузиазмом и активно начали работать для её реализации. Болгарские представители на Варшавском саммите президент Росен Плевнелиев, министр иностранных дел Даниэль Митов и министр обороны Николай Ненчев (все ставленники Вашингтона) тоже согласились с проектом и поставили свои подписи под ним, не оповещая СМИ.

Тем не менее, информация об их соглашательстве с этим антироссийским проектом все-таки дошла до Болгарии. Левые и национал-патриотические организации подняли шум, обвиняя президента и министров в национальном предательстве и требуя их отставки. Премьер-министр Бойко Борисов быстро понял, что в преддверии президентских выборов не может себе позволить утратить общественное доверие и выступил с официальным порицанием поведения своих подопечных:

«Если Ненчев и Митов (Плевнелиева не упомянул, хотя имел и его в виду) на самом деле дали согласие и подписались, у них будут проблемы со мной !» Всем троим подписантам потом пришлось оправдываться, что не давали согласия и Болгария не будет участвовать в таком проекте. Однако, президент Росен Плевнелиев был вынужден официально

отказаться от второго президентского мандата. А министры Николай Ненчев и Даниэль Митов впали в изоляцию и подвержены обструкции. Бойко Борисов не может их поменять, поскольку в государствах-членах НАТО, министры иностранных дел и обороны по факту назначаются послом США и только он имеет право их менять. Однако, болгарский премьер-министр сделал то, что мог: потребовал демилитаризацию Чёрного моря, с пожеланием, чтобы в нем плавали только туристические и торговые корабли и яхты.

Бойко Борисов уже больше года повторяет: «Россия и Болгария связаны исключительным образом!». В новогоднем интервью по телевидению он сказал: «Путин нас любит (болгар)».

В отличие от него, румынским руководителям приходится рассеивать слухи о возможной переброске ядерных бомб США из Турции в Румынию. Хотя уже дождались российской реакции, в смысле, что натовские страны, принимающие ядерное оружие, становятся уязвимыми… И всё это на фоне безрассудного размещения американского противоракетного комплекса на румынской базе Девеселу.

Ситуация, связанная с проектом натовской флотилии в Черном море и с вероятной переброской американских ядерных бомб в Румынию спровоцировала новое напряжение между Софией и Бухарестом. Болгарские левые и национал-патриотические организации, кроме антитурецких, стали выдвигать и антирумынские лозунги. Они высказали опасения, что эти ядерные бомбы будут транспортироваться через территорию Болгарии. А это уже автоматически превращает ее в мишень для российских стратегических ядерных сил и Черноморского флота. Были сделаны заявления, обвиняющие политиков и военных северного соседа в безответственности перед всем Балканским полуостровом.

Однако, можно предположить, что волнения быстро закончится: обе страны имеют много общих интересов в общеевропейском, балканском, черноморском контексте. Между ними торговля и туризм развиваются быстрыми темпами. Им помогают общность религии, исторических традиций, привычек, кухни. Перед Софией и Бухарестом стоят одинаковые внутренние и внешние вызовы.

Самый важный момент, определяющий необходимость дружбы и решения всех принципиальных вопросов: и Румыния, и Болгария окружены соседями, с которыми отношения страдают исторической обремененностью. Кровавые конфликты болгар с турками, на протяжении примерно 650 лет, — а также с греками и сербами, с конца XIX века до конца Второй мировой войны, — не дают возможности строить

с ними искренние, дружественные отношения даже сейчас в начале XXI века. Участие румын в двух мировых войнах против венгров, участие на стороне фашистской Германии в войне против СССР, — в том числе оккупация части территории Украинской СССР, включая Одессу, — сотрудничество с Вермахтом в оккупации им Сербии испортили их отношения со всеми соседями, кроме как с болгарами.

Исследователи и из Софии, и из Бухареста, утверждают, что «болгары и румыны просто обязаны историей охранять друг другу спины». Так, скорее всего, будет и в XXI веке, и далее.

Информация об авторах
Георгий Коларов
кандидат политических наук, докторант РУДН
Валентин Сегуру-Зайцев
независимый политолог

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ — ВНЕШНИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: КАК УЛУЧШИТЬ СИСТЕМУ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ И РАСШИРИТЬ ГОРИЗОНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С РОССИЕЙ

А. В. МАКАРЫЧЕВА

Аннотация: *Данная статья посвящена анализу перспектив улучшения взаимодействия России с государствами Латинской Америки. Основной акцент сделан на влияние положения в самом регионе на состояние и развитие этих взаимоотношений: низкий уровень безопасности, социальные проблемы, региональный терроризм, конфликты между странами региона и незаконный оборот наркотиков, а также слабые политические лидеры ряда стран Латинской Америки могут иметь негативные последствия для расширения сотрудничества с Россией, в котором заинтересованы обе стороны. В статье анализируются наиболее острые проблемы региона, а также даются конкретные рекомендации по их контролю и перспективам дальнейшего разрешения для укрепления существующего сотрудничества, а также для создания новых горизонтов взаимодействия между Россией и Латинской Америкой.*

Ключевые слова: *Россия и Латинская Америка, торгово-экономическое сотрудничество, безопасность, конфликты, террористические группировки, незаконный оборот наркотиков, международные организации, система безопасности.*

Введение. *Актуальность* данного исследования обусловлена ростом роли региона Латинской Америки во внешнеполитической повестке дня Российской Федерации. Представляется, что санкционная политика западных стран, а также стремление России выровнять баланс внешнеэкономического взаимодействия и реализовать программу импортозамещения являются одними из наиболее значимых причин наращивания взаимодействия. Тем более что изменение ситуации с Западом в среднесрочной перспективе маловероятно.

Кроме того, Россия как крупная держава с глобальным мышлением и действиями нацелена на развитие долгосрочных и устойчивых связей

не только с региональными странами и крупными мировыми державами, но также и со странами, представляющими собой стратегический интерес и, в свою очередь, также заинтересованными в конструктивных взаимоотношениях. В качестве недавних примеров хотелось бы отметить визиты С. В. Лаврова в Чили и Перу весной 2014 года, турне В. В. Путина по региону (Куба, Никарагуа, Аргентина и Бразилия) в июле 2014 года, посещение С. К. Шойгу Венесуэлы, Кубы, Никарагуа с целью расширения взаимодействия в военной области в феврале 2015 года, турне С. В. Лаврова в такие государства региона как Куба, Колумбия, Никарагуа, Гватемала в марте 2015 года. Ещё одним примером заинтересованности в сотрудничестве может служить организация конференций и круглых столов по заданной теме. Из предстоящих крупных мероприятий с участием России и региона хотелось бы отметить круглый стол под названием «Россия-Латинская Америка: внешняя торговля и инвестиционное сотрудничество как реальные источники экономического роста» с участием видных политических деятелей России и стран Латинской Америки, который будет проведён в июне 2017 года на Петербургском международном экономическом форуме.

Ещё одним ключевым фактором возрастающего интереса к латиноамериканскому региону со стороны России является отсутствие, в отличие от западных стран, серьёзных ценностных противоречий между Россией и большинством государств данного региона — одним из косвенных свидетельств этому может служить анализ результатов голосования в Генеральной Ассамблее ООН по различной проблематике[5]. Таким образом, подобная ситуация может послужить своеобразным фундаментом, основой для построения долгосрочных и устойчивых связей как на двустороннем уровне, так и в области многосторонней дипломатии.

Россия заинтересована в сотрудничестве с регионом с точки зрения его экономической и инвестиционной привлекательности. Отметим, что влияние США в регионе постепенно снижается, рынки региона бурно развиваются, кроме того, страны Латинской Америки стали делать акцент на диверсификацию внешних связей, расширяя взаимодействие с Китаем, Россией, Европейским союзом. Так, например, Китай уже сейчас находится на втором месте по размерам инвестиций в регион после США и Европейского Союза и по данным CEPAL, является основным торговым партнёром таких стран, как Перу, Чили, Аргентина, Коста-Рика[6]. Практиче-

[5] General Assembly resolutions отношений [Electronic sourse] / Mode of access: http://www.un.org/en/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html

[6] La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe 2015. — Informe. // CEPAL. — 2015. — Julio. — 199 p.

ски за десятилетие объёмы торговли между Китаем и странами региона увеличились почти в 20 раз и составляют около 242 млрд дол.[7]

Важно отметить ряд положительных тенденций внутри региона, обуславливающих его неуклонно растущую привлекательность. Например, в последние несколько десятилетий облик Латинской Америки претерпел значительные изменения в силу политических трансформаций, большего вовлечения стран региона в решение международных проблем. Возросли показатели стабильности, улучшилась экономическая ситуация в ряде стран, о чем, например, свидетельствует способность региона без ощутимых проблем пережить экономический кризис 2008 года, что отмечают российские, например, А. А. Шишков[8], так и зарубежные исследователи: сотрудники Университета Вандербилта, занимающегося анализом общественного мнения, отметили в своём последнем докладе, что латиноамериканский регион, в отличие от многих других регионов смог относительно безболезненно преодолеть кризис[9].

Все эти факторы дают основания предполагать, что на сегодняшний день имеет все шансы расширение и углубление путей взаимодействия между Россией латиноамериканским регионом. Посредством улучшения ситуации в самом регионе можно добиться существенной динамики межрегионального сотрудничества с нашей страной. Именно поэтому важно выявить те проблемы региона Латинской Америки, которые наиболее значимым образом влияют на взаимоотношения с Российской Федерацией, проанализировать методы их разрешения на современном этапе и дать соответствующие рекомендации по их урегулированию в дальнейшем.

Степень разработанности темы. Региону Латинской Америки, в частности проблемам конфликтов в регионе посвящены работы та-

---

7 Фролова И. Ю. Особенности курса КНР во взаимодействии с государствами Латинской Америки / И. Ю. Фролова // Проблемы национальной стратегии. — №4 (19). — РИСИ, 2013. — с. 49–66.

8 Шишков А. А. Особенности развития стран Латинской Америки на современном этапе и перспективы российско-латиноамериканских отношений [Электронный ресурс] / А. А. Шишков // РИСИ. — 2014. — 22 июля. — Режим доступа: http://riss.ru/analitycs/6055/

9 Questions of Performance: Economics, Corruption, Crime, and Life Satisfaction in the Americas. — Edited by Mitchell A. Seligson, Amy Erica Smith, and Elizabeth Zechmeister // The Political Culture of Democracy in the Americas: Towards Equality of Opportunity — Vanderbilt University. — 2012.

ких авторов как Астахов Е.М.[10], Старостина Е.А.[11], Попова Л.Л.[12], Емельянов А.И.[13], Гутьерресдель-Сид А.Т.[14], Страшко Я.И.[15]. Данные статьи и монографии представляют собой интерес для нашего исследования, позволяя оценить ситуацию в регионе в области безопасности наиболее полным образом. Также нельзя не отметить исследования таких видных учёных МГИМО МИД России как Мартынов Б.Ф.[16, 17, 18], Окунева Л.С.[19], Сударев В.П.[20], занимающихся проблематикой конфликтов в Латинской Америке. Например, научные труды Б.Ф. Мартынова посвящены изучению региональных конфликтов, оценке их современного состояния и перспектив дальнейшего разрешения. Кроме того, в его статьях рассматривается и политика отдельных государств в области безопасности, позволившая нам получить представление об общих тенденциях в этой сфере. Монография В.П. Сударева «Взаимозависимость и конфликт ин-

---

[10] Астахов Е.М. Карта Латинской Америки в XXII веке [Электронный ресурс] / Е.М. Астахов // РСМД. — 2012. — 12 июля. — Режим доступа: russiancouncil.ru/inner/?id_4=602#top-content

[11] Старостина Е.А. Приграничные споры: причины возникновения, пути разрешения / Е.А. Старостина // Журнал «Латинская Америка». — №10. — 2005.

[12] Попова Л.Л. Проблемы обеспечения региональной безопасности в эпоху глобализации: опыт латиноамериканских государств / Л.Л. Попова // Санкт-Петербургский государственный университет. Национальная безопасность. — 2016. — №1. — с. 49–55.

[13] Емельянов А.И. Взаимодействие государств Латинской Америки по обеспечению региональной безопасности / А.И. Емельянов // Вестник Академии военных наук. — №1 (50). — 2015. — стр. 40–43.

[14] Гутьерресдель-Сид А.Т. Проблемы интеграции и безопасности в Латинской Америке / А.Т. Гутьерресдель-Сид // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — Том 15, №4. — 2015. — стр. 29–44.

[15] Страшко Я.И. Особенности конфликтов в Латинской Америке и роль ОАГ в урегулировании Фолклендского конфликта / Я.И. Страшко // Вестник МГИМО (У) МИД РФ. — №1(40). — 2015. — С. 177–183.

[16] Мартынов Б.Ф. «Реликтовые» и потенциальные конфликты в Латинской Америке / Б.Ф. Мартынов // Хронические конфликты в мировой политике. Международные процессы. — Май–август 2006. — Том 4, №2 (11). — с. 48–58.

[17] Мартынов Б.Ф. Организованная преступность — вызов безопасности Латинской Америки / Б.Ф. Мартынов, В.М. Давыдов, А.Н. Боровков, Н.В. Калашников, В.П. Сударев // Институт Латинской Америки РАН. Аналитические тетради РАН. — Москва. — 2014 г. — 96 с.

[18] Мартынов Б.Ф. Безопасность: латиноамериканские подходы. / Б.Ф. Мартынов. — Москва: ИЛА РАН. — 2000. — 324 с.

[19] Окунева Л.С. «Левый поворот» и демократия в Латинской Америке / Л.С. Окунева // Международные процессы. — 2009. — №1. — с. 43–53.

[20] Сударев В.П. Взаимозависимость и конфликт интересов. США и Латинская Америка во второй половине XX века / Сударев В.П. — Москва: ИЛА РАН. — 2000. — 357 с.

тересов. США и Латинская Америка во второй половине XX века» позволила нам лучше понять и проанализировать деятельность региональных организаций, в частности ОАГ. Полезной для данного исследования оказалась и монография американского исследователя Патрика М. Моргана, который придаёт значение исторической обусловленности конфликтов, охватывающих Латинскую Америку, в чём с ним нельзя не согласиться.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

В фокусе нашего исследования находятся государства Латинской Америки, их взаимодействие между собой, а также с Россией, поэтому для изучения этого взаимодействия наиболее подходящим представляется реалистский подход. В то же время, когда речь идёт об урегулировании конфликтов между странами, большое значение уделяется институту посредничества, где в роли посредника может выступать как третья страна или страны, так и негосударственный актор, например, Папа Римский. Поэтому также используется и акторный подход. Таким образом, в данном исследовании находят своё применение *теории среднего уровня* в различных комбинациях.

Среди общенаучных методов широко использованы дедукция и индукция, синтез и анализ информации в рамках системного подхода и абстрагирование.

Исследование: основная часть.

Гипотеза исследования, исходя из вышесказанного, заключается в следующем: в настоящее время сложилась благоприятная обстановка для сотрудничества между Россией и странами Латинской Америки, при этом улучшение ситуации в регионе в области обеспечения безопасности и снижения его конфликтного потенциала может положительно повлиять на динамику развития отношений в дальнейшем.

Стоит отметить, что на сегодняшний день стороны уже достигли определённых успехов на треке взаимодействия в различных областях. *Во-первых*, активно наращиваются темпы сотрудничества по значимым направлениям торгово-экономической сферы (энергетика, военно-промышленный комплекс, сельскохозяйственная отрасль, высокие технологии, массовые коммуникации и т.д.). *Во-вторых*, Россия активно взаимодействует с крупнейшими государствами региона, включая Бразилию (в том числе в рамках БРИКС), Аргентину, Эквадор, Чили. *В-третьих*, Латинская Америка активно включена в процесс импортозамещения в области сельского хозяйства. Так, из Бразилии осуществляются поставки мяса, кофе и табака. Товарооборот между странами составляет 439 млн долларов США. Большие объёмы товарооборота России с Чили обусловлены, в том числе поставками морепродуктов, свинины, фруктов, агар-а-

гара и вина. Одним из крупнейших поставщиков сельскохозяйственной продукции в Россию является Аргентина, поставляющая говядину, фрукты, цитрусовые, сыры, орехи и ряд других продуктов. Товарооборот между странами в 2013 году достиг более 2,5 млрд долларов США[21].

Процедура исследования. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу исследования, были выявлены и проанализированы основные вызовы безопасности региона, и даны соответствующие рекомендации по улучшению ситуации в области региональной безопасности в Латинской Америке.

На современном этапе регион сталкивается *с рядом сложностей*, которые мы условно разделили их на несколько подгрупп:

1. Неравномерное экономическое развитие

Несмотря на ряд положительных сдвигов в экономике латиноамериканских стран, экономическое развитие государств региона происходит неравномерными темпами. Есть ряд стран с экономическим ростом, составляющим или даже превышающем 5 %-й порог — Панама (5,9 %), Боливия (5,4 %), Доминиканская Республика (5 %). В пределах от 3 до 5 % развиваются, например, Парагвай (4,2 %), Уругвай (4 %). Остальные страны сохраняют рост менее 3 % — Сальвадор (3,2 %), Чили (2,6 %), Эквадор (1,9 %), Бразилия (около 1 %), Аргентина (0,3–0,8 %)[22].

Кроме того, некоторые из государств находятся в сильной зависимости от различных факторов: наиболее наглядным примером может служить Венесуэла, богатая нефтью и в то же крайне зависимая от «чёрного золота», которое составляет 96 % её доходов от внешней торговли. Таким образом, достоинство этой страны одновременно является и недостатком. Единственным исключением можно назвать Мексику, которая на протяжении нескольких десятилетий также зависела от экспорта нефти, а на сегодняшний день экспортирует 132 наименования товаров, что составляет 75 % её внешнеторгового дохода[23].

---

[21] Министерство экономического развития Российской Федерации, Портал внешнеэкономической информации, Обзор о состоянии и перспективах развития торгово-экономических отношений Аргентины и России (по состоянию на 2013 год) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/ar/ar_ru_relations/ar_ru_trade/

[22] América Latina, entre el crecimiento, la ralentización y la crisis [Recurso electrónico] // Regimen de acceso: www.infolatam.com/2015/06/24/america-latina-entre-el-crecimiento-la-ralentizacion-y-la-crisis/

[23] Oppenheimer A. El drama económico de América Latina [Recurso electrónico] // El nuevo Herald — 2015. — 16 de deciembre. — Regimen de acceso: www.elnuevoherald.com/opinion-es/opin-col-blogs/andres-oppenheimer-es/article50172040.html

2. Проблемы социального характера

В социальном плане в Латинской Америке ситуация также является неоднозначной. Сохраняется значительный процент уровня бедности, колеблющийся от 3 % в Чили и Венесуэле до 16 % в Никарагуа и Гондурасе[24]. Сложнее обстоит ситуация на Гаити, где больше половины населения имеют годовой доход ниже прожиточного минимума.

Как следствие, широко распространены такие проблемы как социальное неравенство, высокий уровень безработицы, отсутствие абсолютного доступа к образованию, ресурсам, например, к питьевой воде, и ряд других. Что касается уровня безработицы в регионе, оценивать его достаточно сложно, так как развита неформальная занятость и, как следствие, незащищённость труда. Тем не менее, по данным Доклада о человеческом развитии за 2015 год в Бразилии безработица составляет 6,7 %, в Мексике — 4,8 %, на Кубе — 3,2 %. Высокие показатели безработицы у Венесуэлы 7,8 %[25]. При этом, исследователи говорят о том, что в 2015 году число безработных в Латинской Америке увеличилось до 6,7 % в целом по региону и эта тенденция усугубится и в 2016 году подъёмом до 6,9 %[26].

3. Нестабильная политическая ситуация и слабые политические лидеры ряда стран региона

Взаимодействие ряда государств региона в частности с Россией может быть осложнено нестабильной политической ситуацией в этих странах, которая в некоторых случаях приводит к выступлениям и социальным протестам, и даже к импичменту, то есть отстранению от власти действующего лидера страны. Наиболее наглядным примером подобной ситуации может служить импичмент Дилмы Руссеф, бывшего президента Бразилии. Кроме того, в настоящее время реализуются попытки смещения с должности президента Венесуэлы — Николаса Мадуро, противники которого обвиняют его в непродуманной экономической политике и в нынешнем упадке страны.

4. Отсутствие комплексной системы безопасности в регионе

---

[24] Проблемы социально-экономического развития стран Латинской Америки [Электронный ресурс] // Мировое и национальное хозяйство. — МГИМО (У) МИД РФ. — №1 (16). — 2011. — Режим доступа: http://www.mirec.ru/2011–01/problemy-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-stran-latinskoj-ameriki

[25] Human Development Report 2015: Work for Human Development // Human Development Report Office. — 2015. — 288 p.

[26] В Латинской Америке резко выросло число безработных [Электронный ресурс] // Regnum. — 2015. — 11 декабря. — Режим доступа: http://regnum.ru/news/economy/2034252.html

Попытки построения комплексной системы безопасности предпринимались неоднократно. Например, система коллективной безопасности в Западном полушарии поддерживалась Панамериканским союзом и «Пактом Рио» — пактом о взаимной обороне. И союз, и пакт в первоначальном виде долго не просуществовали: из Панамериканского союза возникли Мексика и страны АЛБА (Боливарианский альянс для народов нашей Америки), а Панамериканский союз был преобразован в Организацию Латиноамериканских государств (ОАГ), доверие к которой в настоящее время не столь велико, кроме того, сместился круг вопросов, решаемых ОАГ, которая концентрируется больше на частных случаях, чем на создании единой системы, что сегодня представляется довольно затруднительным.

Так или иначе, все вышеперечисленные проблемы связаны с вопросами обеспечения безопасности и снижения конфликтогенного потенциала региона, которые находят своё негативное воплощение в экономической среде, влияют самым негативным образом на социальное положение в странах конфликта, а также соседних, приграничных с ними государствах и в целом оказывают дестабилизирующий эффект на регион. Поэтому, с нашей точки зрения, необходимо уделить приоритетное внимание вопросам урегулирования конфликтов в регионе и повышения уровня безопасности, для того, чтобы уже впоследствии решать менее приоритетные, но не менее социально значимые задачи, которые из-за конфликтов отходят на второй план и не решаются должным образом.

Именно поэтому мы выделили проблемы, связанные с обеспечением безопасности, в отдельный пункт. Разрешение именно такого типа проблем положительно повлияет не только на разрешение сложных ситуаций в других сферах, но и на взаимодействие с другими государствами, в том числе и с Россией.

5. Характерные проблемы региона в области безопасности

Среди таких проблем можно выделить: территориальные конфликты и споры, наркотрафик, террористические радикальные группировки, как следствие, наблюдается низкий уровень безопасности и значительный конфликтогенный потенциал региона. Именно эти проблемы, с нашей точки зрения, заслуживают наибольшего внимания как сложно разрешимые, так или иначе затрагивающие все страны Латинской Америки.

Именно разрешение данных противоречий и улучшение системы безопасности в регионе в целом будет способствовать углублению и расширению конструктивных связей с нашей страной и открывать новые пути и способы взаимодействия в новых областях.

I

Одной из наиболее значимых проблем региона являются *пограничные или территориальные конфликты* между государствами, существенно влияющие на безопасность в целом. Прежде всего, выявим отличительные особенности конфликтов в регионе для того, чтобы понимать причины их возникновения, характерные черты и, исходя из этого, анализировать возможные пути их разрешения.

Итак, конфликты в латиноамериканском регионе имеют ряд отличительных особенностей, среди которых стоит отметить следующие:

1. Военная сила и/или угроза её применения исторически присутствовала во внешней политике региональных государств;
2. Исторически присутствовавшее стремление США контролировать ситуацию на своём «заднем дворе» зачастую приводило к агрессивным действиям со стороны этой державы, к обострению ситуации конфликта в отдельно взятой стране, а также военным переворотам (Гаити, Панама, Доминиканская республика и др.);
3. Вызовы безопасности региона чаще всего носят внутренний характер, то есть возникают внутри самого региона;
4. Латиноамериканский регион является уникальным с точки зрения отсутствия в нём обширных этнических конфликтов, а также несостоявшихся государств, благодаря чему конфликтное урегулирование в регионе становится более управляемым во многих отношениях;
5. При этом в регионе преобладают территориальные споры, происходящие между подавляющим большинством стран, что обусловлено колониальным прошлым Латинской Америки и историческими предпосылками: после обретения независимости разделение границ между странами носило достаточно условный характер;
6. Протяжённость конфликтов и их длительность — ещё одна отличительная особенность Латинской Америки;
7. Смена режимов или конфликт в одной стране может повлиять на ситуацию в других, не только соседних, но и просто региональных странах и вызвать цепную реакцию, ведь страны являются достаточно взаимосвязанными между собой;
8. Для рассматриваемого нами региона характерно множество замороженных конфликтов или конфликтов, находящихся в латентной фазе, которые теоретически под влиянием внешних и/или внутренних обстоятельств могут вновь обостриться;
9. Помимо традиционных конфликтов существуют так называемые «не территориальные конфликты», включающие в себя вопросы

экологии, миграции, однако данная группа конфликтов является достаточно малочисленной;

10. В Латинской Америке также существуют конфликты с участием негосударственных акторов, например, повстанческих группировок, несущих в себе серьёзную угрозу региональной безопасности и зачастую провоцирующими гражданские войны в странах региона.

Таким образом, в силу преобладающих территориальных споров между странами, а также конфликтов с участием террористических группировок в одной стране или в ряде стран, разрешение такого типа конфликтов является одной из наиболее остро стоящих и приоритетных задач. Одним из наиболее эффективных инструментов их урегулирования является *институт посредничества*, который может осуществляться применительно к данному региону в следующих формах:

а) региональная страна-посредник или группа стран-посредников;

Пример: Целый ряд стран — Аргентина, США, Чили и Бразилия — выступили в качестве посредников для урегулирования спора между Перу и Эквадором. Их действия оказались весьма успешными: финальное соглашение между сторонами конфликта было подписано в 1998 году при том, что спор берёт своё начало ещё в XIX веке.

б) региональная организация (прежде всего, ОАГ);

Пример: Организация американских государств принимала активное участие в переговорном процессе между Белизом и Гватемалой в 1990-е годы — на пике нового витка конфликта между двумя странами. Кроме того, ОАГ сыграла не последнюю роль в подписании соглашения между Гондурасом и Никарагуа об установлении морской границы между двумя государствами весной 2000 года.

в) внерегиональные посредники, включая международные организации (прежде всего, ООН) и внерегиональные государства;

Ярким примером посреднической деятельности Организации Объединённых Наций может служить её роль в переговорном процессе между официальным правительством Гватемалы и оппозиционными группировками, составляющими блок «Гватемальское национальное революционное единство» (ГНРЕ). Помимо ООН, в переговорах также участвовала Группа стран-друзей мирного процесса в Гватемале (в том числе Испания, Норвегия, США, Мексика, Венесуэла и Колумбия). На протяжении нескольких лет при велись переговоры, которые завершились в 1996 году подписанием «Договора о прочном и длительном мире», положившие конец гражданской войне в Гватемале.

г) Несколько организаций, выступающих в качестве посредников (например, ООН и ОАГ);

Таким образом был разрешён конфликт между Гондурасом и Сальвадором, получивший название «Футбольная война». Данный конфликт был урегулирован при посредничестве ОАГ и чуть позже ООН — обе организации способствовали становлению мирного процесса и демаркации линии границы между этими государствами.

д) Папа Римский.

При посредничестве Папы Римского был урегулирован конфликт между Аргентиной и Чили: обе страны претендовали на ряд островов в проливе Бигл, однако в результате переговоров Аргентина признала острова чилийской территорией и в 1984 году был подписан мирный договор между странами.

Таким образом, путём посредничества было урегулировано значительное число конфликтов, и, по нашему мнению, такой способ разрешения споров в регионе является одним из наиболее действенных. Несомненно, многие конфликты ещё ждут своего разрешения. Так, например, ещё не разрешены спорные ситуации между Венесуэлой и Гайаной, Никарагуа и Коста-Рикой, которая намеревается решать спор в суде ООН, Перу и Эквадором и рядом других стран региона. Важно понимать, что при принятии решения об участии в переговорном процессе на стороны конфликта действуют множество факторов: им необходимо определить транзакционные издержки, найти общий язык с посредниками, получить гарантии того, что другая сторона конфликта в свою очередь также готова к переговорам и возможным уступкам, иметь примерно равный военный потенциал с другой стороной конфликта — именно поэтому, в частности, Фронт национального освобождения и Правительство Сальвадора относительно быстро сели за стол переговоров и при участии посредников успешно разрешили конфликт.

II

Ещё одной серьёзной проблемой региона является *наркотрафик*. Одной из причин этой проблемы, согласно докладу Международного комитета по контролю за наркотиками за 2014 год, является взаимосвязь между слабо развитыми институтами власти и высокой активностью преступных группировок, которые используют регион для транспортировки наркотических веществ. Следствием наркотрафика является увеличение объёмов потребления наркотиков в странах транзитной зоны, а также неизбежно сопутствующие этому виду криминальной деятельности последствия: снижение уровня безопасности, отмывание денег, высокий уровень насилия в обществе из-за конкуренции в прибыльном наркобизнесе, коррупция и незаконная торговля людь-

ми[27]. Например, согласно докладу, по выращиванию кокаинового куста лидируют Перу, Боливия и Колумбия и, общеизвестно, что ситуация с преступностью в данных странах достаточно критическая — одной из косвенных причин сложившейся ситуации низкого уровня безопасности является наркоторговля и наркотрафик. Основными транзитными пунктами наркотиков являются Коста-Рика и Гондурас, где около 15 % убийств совершается членами преступных группировок, сотрудничающих с наркоторговцами.

Государства региона неоднократно предпринимали попытки борьбы с наркотрафиком. Например, такие страны как Эквадор, Колумбия, Венесуэла, Перу осуществляют национальные программы альтернативного развития. На базе ОАГ ведутся дискуссии относительно выработки общей стратегии борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Тем не менее, на данном направлении серьёзного прорыва добиться пока не удалось: при ужесточении законодательства в одной стране, транзит наркотических веществ перекидывается на другую, соседнюю страну в силу отсутствия скоординированных действий правительств. Примером подобной ситуации может служить переключение транзита наркотических средств на Гондурас и Гватемалу после того, как в Мексиканской народной республике правоохранительные органы предприняли ряд жёстких мер по борьбе с наркотиками.

На деле выработать совместную дорожную карту по реализации программы координации усилий стран региона представляется крайне проблематичным в силу заинтересованности ряда игроков цепи в наркотрафике, начиная от наркокартелей, заканчивая фермерами и членами правительств, наркобизнес является крайне прибыльным и выгодным, даже национальные программы альтернативного развития работают не так эффективно, как хотелось бы государствам.

Тем не менее, на данном направлении можно постепенно осуществлять работу в интересах всех государств, сталкивающихся с данной проблемой. Странам региона необходимо координировать усилия по сбору данных и обмену информацией, вести разъяснительные кампании не только на национальном уровне, но и на уровне региональном, оказывать должный уровень медицинской помощи людям, страдающим от наркозависимости, создать специальный механизм, занимающийся данной проблематикой, который на сегодняшний день отсутствует.

[27] Доклад Международного комитета по контролю за наркотиками E/INCB/2014/1 — Международный комитет по контролю за наркотиками. Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк. — 2014. — 144 с. — Глава III «Анализ положения в мире», стр. 55.

Так или иначе, ряд региональных и глобальных структур занесли проблему с наркотиками в свою повестку дня, предпринимают некоторые шаги на данном направлении, о чём речь пойдёт позднее, однако данные практики, с нашей точки зрения, носят весьма ограниченный характер.

III

Когда речь заходит о *терроризме* в Латинской Америке, чаще всего подразумевается деятельность террористических группировок, которые представляют собой банды или бандформирования, нацеленные на ведение подрывной деятельности, как правило, направленной против деятельности правительства. Именно они по идеологическим соображениям организуют террористические акты, жертвами которых становится мирное население, занимаются вербовкой новых членов, ведут активную боевую и пропагандистскую деятельность. Безусловно, у такого регионального терроризма есть ряд схожих черт с терроризмом в глобальном масштабе: так, например, сторонников вербуют в основном из числа молодых людей, которые не могут найти работу из-за высоких показаний безработицы в странах региона. Кроме того, завербованные в группировки становятся членами не всегда ради идеологических мотивов, а также ради возможности заработать деньги, так как некоторые преступные банды задействованы, в том числе, и в транзите наркотиков, и в отмывании денег. Так или иначе, террористические банды

Одной из наиболее известных террористических группировок являются Революционные вооружённые силы Колумбии (РВСК) — леворадикальная повстанческая группировка, которая на протяжении десятилетий вела активную подрывную деятельность против действующего режима. Группировка занималась активной террористической деятельностью: по мнению официального правительства, порядка 70 % терактов в Колумбии были совершены силами этой подпольной организации, известной своими жестокими методами, включая помимо совершения терактов убийства, похищения людей и так далее.

В настоящее время ситуация претерпела серьёзные изменения: благодаря переговорам при посредничестве ООН были достигнуты договорённости о прекращении огня и о сложении оружия, которые продолжают действовать даже с учётом того, что на референдуме граждане высказались против подписания мирного договора с группировкой по большей части из-за достаточно мягких условий соглашения для РВСК. Тем не менее, ситуация стабилизировалась и постепенно стороны

смогут договориться об условиях мирного договора, тем более, что серьёзный путь уже пройдён.

Разрешение проблемы террористических группировок в Латинской Америке представляется возможным двумя основными способами:

1. Если официальные власти смогли вступить в переговоры с группировкой и конструктивно их провести, впоследствии она может быть преобразована в политическую партию. В качестве примера хотелось бы привести партизанское движение *М-19*, которое включилось в переговорный процесс и впоследствии, в 1990-е годы было преобразовано в политическую партию с названием «Демократический альянс М-19». При этом члены группировки были демобилизованы и вернулись к обычной жизни. Ещё одним примером участия ООН в разрешении конфликтов в регионе может служить деятельность специального представителя Генерального Секретаря Организации в Сальвадоре Альваро де Сото, который сыграл ключевую роль в переговорах между Правительством этой страны и Фронтом национального освобождения имени Фарабундо Марти, который впоследствии был преобразован в политическую партию.
2. Если стороны не смогли по ряду причин — несовпадающие интересы, высокие транзакционные издержки, крайне радикальный характер группировки и так далее — сесть за стол переговоров, в таком случае группировка уничтожается. Примеров второго сценария пока значительно больше первого. Таковой была история ультраправой группировки Аргентинский антикоммунистический альянс (ААА), которая в 1970-е годы боролась с левыми политическими силами, используя методы террора. Её смогли уничтожить спустя 10 лет. А известная группировка Уругвая «Тупамарос», занимавшаяся кражей в том числе дипломатов, была уничтожена спустя 20 лет после своего возникновения.

Хотелось бы отметить, что некоторые исследователи и политики (например, Генеральный секретарь ОАГ Луис Альмагро) опасаются возможных терактов со стороны ИГИЛ в регионе. И, несмотря на то, что на сегодняшний день их опасения не подтверждены, страны Латинской Америки всё же признают необходимость координации усилий по данному направлению хотя бы для того, чтобы обмениваться опытом, информацией и так далее для борьбы с террористическими группировками регионального характера, которые имеют достаточно схожие черты. Недавним примером попытки такого взаимодействия может служить объединение трёх государств Центральной Америки в так называемый «Северный треугольник»: Сальвадор, Гондурас и Гватемала. Эти стра-

ны нацелены на совместную борьбу с организованной преступностью, которая носит трансграничный характер и затрагивает все три страны. Новые меры, предпринятые правительствами этих соседних стран, включают взаимодействие по линии полиции, вооружённых сил и разведывательных служб. Это своего рода попытка построения локальной системы безопасности с соблюдением странами определённых правил и обязанностей и с гарантией того, что их интересы будут соблюдены и изначальные цели достигнуты. При создании подобного рода объединений важно иметь в виду элемент сознательности стран-членов как важнейший фактор, влияющий на успех подобных инициатив.

Таким образом, мы проанализировали конфликты, наркотрафик и организованную преступность и сделали промежуточные выводы, а также дали ряд рекомендаций по улучшению ситуации применительно к каждой из проблем региона. Прежде, чем переходить к выводам, дадим промежуточную оценку деятельности *региональных организаций*, а также ООН в регионе Латинской Америки.

Если говорить о региональных организациях, отметим *МЕРКОСУР* — общий рынок государств региона, который имеет косвенное отношение к проблематике безопасности, тем не менее выступает на позициях скорейшего урегулирования споров между странами в целях улучшения экономической ситуации в регионе, а также внешнеэкономической ситуации, что, несомненно, представляет интерес для нашего исследования.

У *Союза южноамериканских наций (УНАСУР)* существует специальное подразделение, занимающееся решением вопросов безопасности — так называемый Южноамериканский совет обороны, созданный в 2008 году для обеспечения стабильности в Латинской Америке. Примечательно, что это было первое такого рода объединение без участия США. Из деятельности совета можно отметить проведение расследования внутреннего конфликта между официальными властями Боливии и оппозицией, а также наблюдение за процессом выборов в Венесуэле в 2012 году.

Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК), активно занимается острыми региональными проблемами, среди которых снижение загрязнения окружающей среды, улучшение экономической ситуации, борьба с вирусами, искоренение бедности. СЕЛАК активно занимается и проблематикой безопасности: например, в январе 2016 года представители ООН и СЕЛАК договорились совместно выступить в роли наблюдателей за прекращением огня между сторонами конфликта в Колумбии.

В соответствии с уставом ООН, *Организация американских государств (ОАГ)* является «региональным органом в рамках Организа-

ции Объединённых Наций»[28], таким образом, ей вменяются определённые обязанности, которые ОАГ должна выполнять по распоряжению Совета безопасности ООН. Стоит отметить, что за последние десятилетия доверие к данной организации значительно снизилось в силу действий США, однако ОАГ продолжает заниматься вопросами безопасности, в частности, урегулированием споров между странами. Одним из примеров её успешной деятельности является способствование улучшению взаимоотношений между Коста-Рикой и Никарагуа, а затем и подписанию мирного соглашения между этими странами.

Таким образом, мы видим, что региональные организации, даже те, которые не связаны напрямую с вопросами безопасности, заинтересованы в том, чтобы стабилизировать ситуацию в регионе, и в том числе в сотрудничестве с ООН предпринимают определённые шаги для повышения региональной стабильности.

Что касается деятельности *ООН* в регионе, она носит достаточно разнонаправленный характер. Важное значение на данном треке приобретает Департамент по политическим вопросам ООН, занимающийся мониторингом ситуации в Карибском регионе и в Центральной Америке, в Колумбии и Гватемале. ООН активно участвует в ликвидации последствий стихийных бедствий и оказании помощи пострадавшим. Как мы отмечали ранее, Организация также активно вовлечена и в посредническую деятельность, и в процесс миротворчества — всего в Латинской Америке было 8 миссий, сейчас осталась миссия по стабилизации в Гаити, — в борьбу с террористическими группировками и незаконным оборотом наркотических веществ.

Проблемой наркотиков, в частности, занимается специальные подразделения ООН: Международный комитет по контролю за наркотиками и Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности (УНП), которые отслеживают ситуацию с незаконным оборотом наркотиков в том числе в регионе Латинской Америки и выпускают ежегодные доклады, посвящённые анализу полученных результатов. На базе Управления существует программа для региона, нацеленная на противодействие обороту наркотиков, преступным группировкам, а также распространению вирусных инфекций.

Таким образом, деятельность ООН в регионе затрагивает проблемные направления, требующие безотлагательного решения, и постепенно, пусть не сразу, этап за этапом, совместно с региональными органи-

[28] Глава 1, статья 1 Устава ОАГ.

зациями, ООН всё же справляется с намеченными целями в большинстве изученных нами случаев.

Результаты исследования и их анализ. В данном разделе мы резюмируем проанализированные вызовы безопасности для региона Латинской Америки и их негативные последствия, как для самого региона, так и для России.

Как мы выяснили, проблемы региона являются достаточно взаимосвязанными между собой. Например, преступные группировки занимаются, среди прочего, транзитом наркотиков, или проблема бедности и недовольство правительством, реализующим неэффективную политику, так или иначе, влияет на вербовку населения в террористические группировки. Политические явления, явления социального характера, также криминальный мир составляют собой клубок различных сплетений связей и закономерностей. Например, «левый» поворот, а сегодня и «правый» поворот являются проявлениями желания людей жить лучше, изменить экономическую ситуацию, снизить уровень преступности и терроризма — в этом кроется одна из основных и на первый взгляд простых причин таких сложных явлений. Постепенное распутывание этого клубка служит залогом успеха продвижения по каждому из проблемных направлений. Кроме того, несмотря на то, что страны региона не всегда хотят признавать этого, тем не менее, между ними также существует взаимосвязь и взаимозависимость, что, в частности, выражается в так называемом «эффекте домино», который характерен для региона Латинской Америки. Возьмём тот же «левый» поворот, когда политическая ситуация изменилась в Венесуэле, потом перекинулась на соседнюю Бразилию, затем на Чили, Аргентину и так далее. В плоскости безопасности ситуация в соседних регионах также оказывает существенное влияние на соседние страны: например, мы уже упоминали о транзите наркотиков, который, при ужесточении законодательства в одной стране перекидывается на территорию соседних государств. Именно поэтому так остро стоит необходимость принятия неотложных мер и создания хотя бы локальных инициатив по управлению ситуацией в различных сферах.

Что касается негативных последствий для сотрудничества с Россией, то, прежде всего, из-за обострения конфликтов и деятельности террористических группировок может ухудшиться инвестиционный климат в регионе. А конфликты, в свою очередь, могут обостриться под влиянием политических, экономических, имиджевых факторов, что создаст очередные негативные прецеденты и также не приведёт к улучшению ситуации с безопасностью в Латинской Америке. Кроме того, наличие слабых поли-

тических лидеров в регионе не способствует построению долгосрочных и устойчивых связей между нашей страной и государствами региона.

Заключение. Таким образом, между странами региона наблюдается достаточно серьёзная зависимость, поэтому им необходимо сделать особый акцент на взаимодействие друг с другом по различным направлениям и областям. Следовательно, проблемы региона зачастую оказываются взаимосвязанными, хотя в комплексе, с нашей позиции, их решать достаточно проблематично и пока не удаётся. Более эффективным способом хотя бы постановки ситуации на контроль и дальнейшей работы по её улучшению была бы согласованная работа ведомств, занимающихся той или иной проблематикой на региональном уровне. Такие ведомства могут быть созданы при поддержке ООН с учётом региональных особенностей, или скоординированными усилиями стран региона.

Ещё одним способом контроля и дальнейшего разрешения ситуации может служить объединение хотя бы между соседними государствами. Конечно, такой механизм работает не всегда или с определёнными оговорками, так как у соседних стран могут быть идеологические противоречия или конкуренция в определённых областях или конфликт, или спор из-за территории. Тем не менее, нам представляются наиболее перспективными такие возможности сотрудничества для решения проблем безопасности.

Создать полноценную систему коллективной безопасности странам региона в среднесрочной перспективе вряд ли удастся в силу их существенной вариативности, тех же конфликтов, разнонаправленных интересов, не всегда совпадающих целей. Однако если страны будут более тесно взаимодействовать в различных форматах по актуальным проблемным вопросам, начиная с создания региональных программ (а не только национальных), заканчивая неформальными объединениями, такие меры уже могут привести к положительным результатам.

Что касается проблематики конфликтов, с нашей точки зрения, необходимо обратить внимание не только на их разрешение, но и на политику предотвращения их разгорания в будущем. Такая политика, которая могла бы внести существенный вклад в конфликтное урегулирование, пока не реализуется в Латинской Америке даже по линии ООН. Тем не менее, на пути разрешения конфликтов странам удалось добиться неплохих результатов: за последние десятилетия было разрешено порядка десяти конфликтов, что свидетельствует о хорошо функционирующем институте посредничества. Проблему транзита и незаконного оборота наркотиков также проще решать совместно, а борьба с террористическими группировками, на наш взгляд, имеет два возможных сценария: или полное уничтожение группировки, что в условиях региона вполне возможно

и реализуемо, или вовлечение в переговорных процесс и дальнейшее успешное преобразование в политическую партию, прецеденты чего уже были. Так или иначе, проблемы региона влияют на взаимоотношения с Россией, однако пока их влияние не носит существенного характера, и у стран региона есть все предпосылки и все возможности для улучшения ситуации с безопасностью, а нормализации обстановки в области экономики и социальной сферы для реализации более тесного сотрудничества в том числе с нашей страной. Примечательно, что государства региона в это сотрудничестве крайне заинтересованы, ведь даже политики, пришедшие к власти на волне так называемого «правого» поворота, не внесли во внешнеполитический курс, особенно в торгово-экономическую сферу существенных изменений, отдавая себе отчёт в возможных негативных последствиях таких мер. Будем надеяться на то, что взаимодействие между Россией и странами Латинской Америки будет постепенно нарастать в интересах обеих сторон и открывать всё новые и новые, неизведанные ранее горизонты.

LATIN AMERICA: INTERNAL PROBLEMS — EXTERNAL CONSEQUENCES: THE WAYS TO IMPROVE THE SECURITY SYSTEM IN ORDER TO EXTEND THE INTERACTION WITH RUSSIA

Anna V. Makarycheva

Abstract: *Given article is dedicated to the analysis of the prospectives to improve the Russian-Latin America cooperation. The article emphasizes the influence of the situation in the region on the interstate relations development: low security index, social problems, regional terrorism, conflicts between the regional countries, drug trafficking and weak political leaders can impede broader cooperation with Russia, in which the region and the Russian Federation are seriously interested. The article analyses the most crucial problems of the region and gives specific recommendations on how to deal with them and how to fix them in order to improve Russian-Latin America cooperation.*

Keywords: *Russia and Latin America, trade and economic cooperation, security, conflicts, regional terrorism, drug trafficking, international organizations, security system.*

Информация об авторе

Макарычева Анна Владимировна

Научный сотрудник Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО, Россия

Anna V. Makarycheva

MGIMO–University, Russia

НАРАЩИВАНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ

Л. Р. РУСТАМОВА

Аннотация. *Вследствие того, что в мире увеличилось количество внутренних вооруженных конфликтов, оказание гуманитарной помощи населению, оказавшемуся в сложных жизненных обстоятельствах, становится важной частью межгосударственного взаимодействия. Однако в данной сфере имеется большое количество разногласий, которые осложняют осуществление гуманитарной деятельности. На примере участия России и западных стран в оказании гуманитарной помощи населению в двух конфликтах: на Украине и в Сирии, рассматривается характер международного сотрудничества в гуманитарной сфере. Отмечается, что несмотря на то, что данная сфера регулируется нормами международного гуманитарного права, одной из ее основных проблем остается разный подход к оценке самого конфликта, а также стремление стран учитывать собственные интересы, связанные с путями его разрешения. Оказание подобного рода помощи российской стороной Востоку Украины, а также народу Сирии натолкнулось на серьезную критику со стороны Западных стран. Решение гуманитарных проблем в обоих конфликтах сильно политизировано, поскольку речь идет о легитимаций действий российской стороны, участвующей в их урегулировании. Несмотря на то, что объем российской помощи населению обеих стран достаточно высок, сотрудничество западных стран помогло бы сделать ее более эффективной, что было бы возможно в случае соблюдения международным сообществом при осуществлении гуманитарной деятельности таких принципов, как беспристрастность, гуманность и нейтралитет. Однако отсутствие политической воли руководства ряда стран приводит к тому, что гуманитарная помощь оказывается неэффективно, а также создаются серьезные препятствия для осуществления гуманитарной деятельности третьих стран.*

Ключевые слова: *гуманитарная помощь, суверенитет, гуманитарное право, МЧС, Украина, Сирия.*

Введение. Распространение демократии, рост взаимозависимости, глобальные проблемы человечества не привели к оптимистическому «концу истории» Ф. Фукуямы. Как показывают исследования, число локальных и внутриполитических конфликтов увеличивается, более того последствия этих конфликтов для населения стран становятся все тяжелее и тяжелее. Ситуация в гуманитарной сфере ухудшается также и тем, что вследствие активной хозяйственной деятельности человека растет число техногенных и природных катастроф. В условиях отсутствия четкого регулирования гуманитарной деятельности, а также большого числа разногласий в сфере теоретического осмысления гуманитарной сферы межгосударственного сотрудничества актуализируется изучение вопросов оказания помощи населению других государств, принципов межгосударственного сотрудничества в гуманитарной сфере. Среди ученых-политологов, занимающихся изучением гуманитарной деятельности и связанных с ней аспектов выделяются работы В. Иноземцева, М. В. Братерского, А. И. Никтина. Однако работы указанных авторов сконцентрированы на концепции гуманитарной интервенции, а также деятельности ООН по осуществлению миротворчества, в данной статье акцент делается на исследовании гуманитарной помощи как «безвозмездной материальной помощи, оказываемой из гуманитарных соображений» [Современный экономический словарь].

Теоретические основания исследования. При проведении исследования автор руководствовался идеей взаимозависимости процессов и явлений, протекающих в мировой политике. При изложении материала большое внимание уделялось тщательному анализу фактов, выявлению причинно-следственных связей событий, что обусловило выбор в качестве теоретической базы исследования таких методов, как сравнительный, использованный при анализе российского и западного подходов к осуществлению гуманитарной деятельности, методы дедукции, индукции. Кроме того, применялся междисциплинарный подход, впитавший опыт смежных отраслей науки (теории международных отношений, международного права), что дало возможность более комплексного анализа проблемы.

Исследование: основная часть. Гуманитарная помощь как деятельность по безвозмездному оказанию содействия населению районов, стоящих или находящихся на грани гуманитарной катастрофы благодаря усилиям ООН и отдельных государств в XXI веке стала сферой объединения усилий и фактором сближения многих государства с самым разным уровнем развития и политических систем. Однако в последнее время, даже в такой политической сфере, которая восходит к вопросам морали и этики в мировой политике, становится все меньше

точек соприкосновения, и право на оказание гуманитарной помощи стало в некоторой степени полем дискуссии ведущих мировых держав. Противоречия в области гуманитарной деятельности обусловлены различной трактовкой оснований для оказания гуманитарной помощи, а также целями, которые такая деятельность может преследовать.

Оказание гуманитарной помощи в той части, где речь идет о спасении гражданского населения страдающего от вооруженного конфликта или стихийного бедствия, регулируется нормами международного гуманитарного права, в соответствии с которыми на ее оказание требуется согласие принимающей стороны или его непосредственного обращения за такого рода помощью. При этом гуманитарная помощь должна предоставляться независимо от политических, экономических или военных целей, учитывать такие принципы международного гуманитарного права, как принцип «гуманности, беспристрастности и недопущения дискриминации» [Швендиман, 2011, с. 10]. Однако в условиях, когда помощь населению необходимо оказать немедленно, а также возникают сложности с получением согласия, гуманитарная деятельность становится предметом спора. Мнения исследователей, занимающихся изучением гуманитарной сферы в науке о международных отношениях и мировой политики, относительно возможности оказания такого рода помощи и соблюдения принципа национального суверенитета, с которым связаны все аспекты межгосударственного сотрудничества, разделились на два лагеря. Одни исследователи допускают, что в условиях, когда имеется серьёзная угроза жизни большого количества людей принцип суверенитета отходит на второе место[29]. Другая группа считает, что при отсутствии согласия со стороны государства оказание гуманитарной помощи скорее всего предполагает вмешательство во внутренние дела с целью оказания политического давления или решения каких-либо иных задач помимо оказания помощи страдающему населению[30]. Два крупных внутренних вооруженных конфликта последних лет: конфликт на Украине и гражданская война в Сирии, еще раз подтвердили насколько избирательно трактуется право на оказание гуманитарной помощи в российском и западном обществе.

С самого начала конфликтов в обоих странах Россия стала активно оказывать гуманитарную помощь гражданскому населению. Однако такая активность была продиктована не только политической заинте-

[29] Ten Have, H. (2014) 'Macro-triage in Disaster Planning', in D. P. O'Mathúna, B. Gordijn and M. Clarke (eds), Disaster Bioethics: Normative issues when nothing is normal. Journal of Bioethical Inquiry. March 2015, Volume 12, Issue 1, pp. 151–154.

[30] Chouliaraki, L. (2010) 'Post-humanitarianism: Humanitarian communication beyond a politics of pity', International Journal of Cultural Studies 13(2): 107–26.

ресованностью. Россия активно наращивает оказание гуманитарной помощи в самых разных районах планеты с 2000-х годов. На 58 сессии ГА ООН президент России В.В. Путин заявил о том, что Россия рассматривает гуманитарную деятельность «как важнейшую политическую задачу» [Выступление]. Провозглашение оказания гуманитарной помощи как политической задачи ознаменовало собой наращивание внешнеполитической активности России в целом. С этого периода Россия активно участвовала в преодолении последствий различных природных и техногенных катаклизмов во всех точках планеты. За все время своего существования МЧС России — основная структура, осуществляющая подготовку и проведение гуманитарных акций, «приняла участие в более чем 500 гуманитарных операциях по всему миру» [Юрий Бражников]. При этом направления оказания гуманитарной помощи постоянно расширяли свою географию. МЧС принимало участие в гуманитарных и восстановительных операциях в КНР, Индии, Колумбии, Малайзии, Турции, Японии, Конго, Греции и еще более чем в 20 странах. Во всех случаях спасатели МЧС честно и добросовестно делали все от них зависящее, для того чтобы оказать помощь людям, оказавшимся в критической ситуации, и существенным образом влияли на формирование положительного имиджа России за рубежом. При этом, несмотря на то, что МЧС — это российское министерство, которое обладает военными силами, после оказания помощи странах, в которых нет развитой инфраструктуры в контексте экстренного реагирования, либо достаточного опыта и ресурсов для борьбы с той или иной чрезвычайной ситуацией, Министерство оставляло пострадавшей стороне всю использованную технику и без требования чего-либо взамен покидало места катастроф, чего нельзя сказать про подобные силы иных государств.

Точно такую же помощь МЧС России стало оказывать жертвам военных действий между украинской армией и ее населением, с самого начала конфликта в восточной части Украины. На осуществление гуманитарных операций со стороны России было запрошено соответствующее разрешение украинской стороны, а также к сотрудничеству была приглашена организация Международного красного креста, давно зарекомендовавшей себя в качестве независимой международной организации, чьей единственной целью является облегчение участи гражданского населения во время военных действий. Однако в западной прессе российские намерения по оказанию гуманитарной помощи сразу получили негативную трактовку и обвинения в попытке осуществить гуманитарную интервенцию, то есть под предлогом помощи населению оказать военно-силовое давление на правительственные

войска. В частности, ведущие западные СМИ публиковали заявления Министра иностранных дел Франции Л. Фабиус, министра иностранных дел Австралии Д. Бишоп, генерального секретаря НАТО А. Расмуссен, постоянного представителя США при ООН С. Пауэр, которые еще до отправки гуманитарного конвоя на Восток Украины заявили о том, что это будет использоваться, для того чтобы начать против этой страны широкомасштабные военные действия.

При этом, сами европейские страны не выразили большого желания к участию в решении гуманитарных проблем Востока Украины, несмотря на то, что о необходимости оказать немедленную помощь этой части страны указали многие международные организации. Российский проект резолюции, внесенный на обсуждении СБ ООН, по оказанию гуманитарной помощи и сотрудничеству был заблокирован США. Оказание гуманитарной помощи этой части населения не стояло для Запада в целом на повестке дня, поскольку речь шла о районах пророссийской направленности. В то же время, для Запада предотвращение российских гуманитарных операций на Украине было важно с точки зрения удержания именно своих успехов на пути ее демократизации и европеизации.

Не взирая на противодействие Украины в осуществлении гуманитарной деятельности, а также критики западных стран, первый российский гуманитарный конвой прибыл на территорию Украины уже 12 августа 2014 года, причем без согласия украинской стороны. Россия при этом сослалась как раз на то, что была вынуждена пойти на нарушение территориальных границ, поскольку население Востока Украины нуждалось в экстренной помощи, а украинское правительство оказалось не в состоянии ее оказать.

Оказание гуманитарной помощи Украине со стороны России имело колоссальное морально-политическое значение. Во-первых, стало ясно, что Запад признал, что как бы он ни поддерживал украинскую сторону, он не пойдет на конфликт с Москвой, и Украина де факто остается страной, при выстраивании отношений с которой придется учитывать мнение Москвы. Во-вторых, стало ясно, что нанесен урон имиджу Запада как безоговорочного поборника защиты прав человека. Многие западные гуманитарные организации, имеющие репутацию авторитетных международных бескорыстных организаций, не поспешили на помощь населению пострадавшему в результате боевых действий как это обычно принято, поскольку таким образом они вынуждены были бы констатировать, что сама украинская армия в отношении своего собственного населения совершала действия, которые могли бы быть квалифицированы как военные преступления. В-третьих, проявилась

несостоятельность украинских властей в вопросах управления и контроля над украинской территорией. Неслучайно, некоторые местные украинские власти стали затем обращается за помощью в решении ряда вопросов уже не к властям Украины, а к российским властям, понимая, что в ряде областей их проблемы более способно решить именно российское руководство. Так, мер города Геническа обратился к России с просьбой о поставках газа, на что «исходя из гуманитарных соображений» получил утвердительный ответ [Путин].

Осознав, что, не оказывая помощь Востоку Украины, Запад теряет симпатии этой части населения, в то время как там растет позитивное восприятие российского имиджа, а также некий когнитивный диссонанс после новостей о российской гуманитарной деятельности возникает и среди представителей западных гражданских структур, часть европейских стран решила отправить свои гуманитарные конвои. В частности, Германия стала оказывать ее, но только территориям, которые находятся под контролем киевских властей и только тогда, когда Россия уже отправляла на Донбасс колонны своей гуманитарной помощи. Гуманитарный конвой из Германии на Востоке Украины, отправленный туда только «под конец», можно оценить как попытку немецких организаций «сохранить свое лицо».

В соответствии, с концепцией гуманитарной интервенции — теории и практического механизма по смене режима, который был изобретен западными странами, государство может заявлять о своем суверенитете на ту или иную часть, только если способно эффективно управлять ею, способно самостоятельно справляться с гуманитарными проблемами. Очевидно, что украинские власти не способны ни управлять, ни контролировать восточную часть страны. В случае, если бы Россия решилась на силовое оказание помощи восточным частям в рамках концепции гуманитарной интервенции ее действия вполне были бы оправданы. По этим соображениям, видимо, украинские власти решили больше не рисковать и дали разрешение на последующие гуманитарные доставки.

Несмотря на то, что в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма к составу РФ против России был введен режим санкций и пострадала российская экономика, на финансирование гуманитарной помощи Украине продолжают выделяться денежные средства из национального резервного фонда. В октябре 2016 года Россия доставила в Луганскую и Донецкую области уже 57 гуманитарную автоколонну, всего с начала конфликта было доставлено «более 64 тысяч тонн жизненно важных грузов» [Груз особого назначения].

Вопреки опасениям западных политиков доставка гуманитарных грузов Россией не была связана с доставкой вооружения, и активная фаза боевых действий в восточных частях постепенно сошла на нет. Тем не менее, оказание гуманитарной помощи Востоку Украины Россией имеет серьезный политический контекст. Для нее право на оказание гуманитарной помощи жителям Донецка и Луганска является фактором легитимации своих законных интересов как на постсоветском пространстве в целом, так и в отношении Украины. Осуществление доставки гуманитарного груза населению восточных районов при отсутствии согласия украинской стороны было призвано еще раз показать Западу, что игнорировании ее законных геополитических интересов в случае Украины перешло красную черту.

В то же время, Российской стороной гуманитарная интервенция как легитимный политический механизм нарушения суверенитета и территориальной целостности стран отвергается, о чем свидетельствуют ее усилия по решению ситуации в Сирии, которая согласно Концепции внешней политики от 2016 года не входит в непосредственную зону ее региональных приоритетов. В урегулировании конфликта в Сирии Россия действует в полном соответствии с нормами международного права. Только российские войска находятся на территории Сирийской Арабской Республики по приглашению законного политического руководства этой страны и действуют в полной кооперации с правительственными войсками, в то время как коалиция западных стран действует по привычной схеме гуманитарных интервенций.

Население этой страны столкнулось с беспрецедентным уровнем насилия со стороны крупных террористических группировок, действующих на территории Сирии, не придерживающихся никаких норм и границ в достижении своих целей, и в оказании гуманитарной помощи, создании условий для ее беспрепятственной доставки были задействованные многочисленные гуманитарные организации, в том числе и ООН. Россия стала первой страной, которая начала оказывать Сирии гуманитарную помощь. Ежедневно Российской стороной в регионы, окруженные боевиками, доставляются продовольствие, медикаменты и топливо. Кроме того, Россия выделила 1 миллион швейцарских франков на деятельность Международного Комитета Красного Креста в Сирии[31]. Широкомасштабную гуманитарную операцию России поддержали Армения, Белоруссия, Китай, Азербайджан, Сербия, Индия, Ка-

[31] Россия начала оказание гуманитарной помощи Сирии // Вести [Электронный ресурс]. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=738362&cid=1 (дата обращения: 08.11.16)

захстан[32]. При этом, российские вооруженные силы оказывают помощь этим странам в доставке гуманитарных грузов на территорию Сирии.

При этом оказание гуманитарной помощи Сирии со стороны России также не обошлось без разного рода обвинений и попыток создать препятствия для ее осуществления. Тот факт, что Россия одновременно ведет авиаудары по территории, контролируемой сирийскими боевиками, стало поводом для всякого рода спекуляций вокруг ее гуманитарной деятельности. Так, Российскую гуманитарную операцию по спасению Алеппо госсекретарь США Джон Керри назвал «уловкой», отметив, что «это подорвет сотрудничество США и России» [Керри]. В разное время Россию то обвиняли в создании препятствий для доставки гуманитарных грузов другими странами, то в обстреле гуманитарных конвоев ООН. В то же время, российская сторона также обвиняет коалицию западных стран во славе с США в отсутствии заинтересованности в оказании гуманитарной помощи гражданскому населению Сирии. Если Россия начала оказывать гуманитарную помощь с самого начала конфликта в 2012 году, то первые грузы с американской помощью в Сирию были доставлены в конце 2015 года, при этом у США возникло множество проблем с осуществлением помощи, поскольку компании, которым была доверена закупка продовольствия и прочих товаров, крали предназначенную для сирийского населения гуманитарную помощь. Очевидно, что откладывание сотрудничества США с Россией по гуманитарным вопросом связано с попыткой нахождения политических сил в Сирии, на которые они могли бы опереться, для того чтобы свергнуть режим президента Б. Асада, вследствие чего необходимость в подобного рода сотрудничестве для США отпала бы. Глава внешнеполитического ведомства России С. Лавров открыто заявил о том, что США пытались наладить сотрудничество с ИГИЛ и террористической группировкой «Джебхат ан-Нусры» для свержения Б. Асада.

Результаты исследования. Таким образом, гуманитарная помощь в условиях внутреннего водруженного конфликта становится крайне политизированной сферой, что затрудняет доступ к населению нуждающихся регионов и само разрешение конфликта в целом.

Анализ результатов. Гражданская война в Сирии осложнена многими факторами, которые делают разрешение этого конфликта в ближайшей перспективе практически невозможным. Однако какова бы ни была сложность решаемых проблем и степень отношений с той или иной страной

[32] Россия поможет Сербии доставить гуманитарную помощь в Сирию // Росбалт [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosbalt.ru/russia/2016/10/20/1560497.html(дата обращения: 08.11.16)

оказание гуманитарной помощи населению должно оставаться вне политических перипетий. Она должна следовать следующим принципам: гуманность, беспристрастность и нейтралитет. В Сирии члены международного сообщества, как и на Украине разделившись по разные стороны баррикад, до сих пор не в состоянии найти консенсус относительно решения гуманитарных проблем, вызванных полномасштабными военными действиями между оппозиционными войсками и сирийской армией, а также террористической организацией ИГИЛ, и это осложняет участь мирных жителей, страдающих от последствий гражданской войны. Для налаживания механизма сотрудничества ключевых стран, задействованных в реализации гуманитарной помощи и преодолении последствий конфликта в Сирии, не хватает политической воли руководства США и ряда западных стран, оказывающих оппозицию российской стороне по сирийскому вопросу в СБ ООН, в частности Франции и Великобритании, предлагающих неприемлемые для российской стороны проекты резолюций.

Заключение. Гуманитарная деятельность становится важной частью межгосударственного сотрудничества, поскольку в мире растет количество внутренних вооруженных конфликтов, от которых страдает, в первую очередь гражданское население. Однако тот факт, что страны расходятся в оценке характера гуманитарной деятельности и оснований для ее оказания, осложняет такого рода помощь. В частности, Россия, активно занимающаяся гуманитарной деятельностью в различных регионах мира с 2000-х годов, и западные страны расходятся в условиях осуществления гуманитарной помощи населению двух конфликтов последних лет: в Сирии и на Украине. Несмотря на то, что оказание гуманитарной помощи является моральным долгом государств, западные страны подошли к ее оказанию Востоку Украины крайне избирательно. Российская гуманитарная помощь стала предметом для оказания политического давления со стороны западных стран и в Сирийском конфликте. Очевидно, что наличие фактора личной заинтересованности ряда стран является препятствием в решении гуманитарных проблем страдающих регионов. Эффективность гуманитарной деятельности зависит от соблюдения всеми игроками, участвующими в подобного рода деятельности, основных принципов гуманитарной помощи: беспристрастность, гуманность, нейтралитет.

Литература

1. Выступление на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций // Сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22128 Наций (дата обращения: 13.11.16)
2. Груз особого назначения // Российская газета [Электронный ресурс]. URL:

https://rg.ru/2016/10/31/rossijskie-spasateli-privezli-v-donbass-medikamenty-i-produkty.html (дата обращения: 25.11.16)
3. Керри опасается, что гуманитарная операция в Алеппо — «уловка» России // радио «Свобода» [Электронный ресурс]. URL: http://www.svoboda.org/a/27888904.html (дата обращения 21.11.16)
4. Путин распорядился вновь помочь украинскому Геническу газом // РИАновости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/economy/20161112/1481241820.html (дата обращения: 08.11.16)
5. Современный экономический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://www.slovarnik.ru/html-economica/g/gumanitarna8-pomo15.html (дата обращения: 17.11.16)
6. Швендиман Ф. Правовые основания для гуманитарного доступа во время вооруженного конфликта // Гуманитарные вызовы современности. № 884, ноябрь 2011. С. 5–24.
7. Юрий Бражников: РФ провела 500 гуманитарных операций с 1990 года // РИАновости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/interview/20151012/1300448166.html (дата обращения: 17.11.16)

STRENGTHENING OF RUSSIAN HUMANITARIAN ACTIVITY AND RELATIONS WITH THE WEST

Leili Rustamova

Abstract. *Due to the growing number of internal armed conflicts in the world is increasing, the providing of humanitarian assistance to the population in difficult circumstances, becomes an important part of an interstate cooperation. However there are a large number of disagreements among the states which make the humanitarian work complicated. The nature of international cooperation in the humanitarian sphere is examined by the examples of Russian and Western humanitarian assistance to the population of two states: Ukraine and Syria, currently suffering from long-term civil wars. It is noted that despite the fact that this sphere is regulated by the rules of international humanitarian law, one of its main problems in its implementation is the different approach to the assessment of the conflict, as well as the desire of countries to follow their own interests while assisting the conflict settlement. Russian humanitarian aid to the population of eastern Ukraine and in Syria has faced serious criticism from Western countries. The solution of humanitarian problems in both conflicts is strongly politicized, because it is about a legitimization of actions taken by the Russian side, in its efforts to settle them. Despite the fact that the volume of Russian assistance to the population in both countries is high, the cooperation with Western countries would help to make it more efficient. In order to make the humanitarian aid effective the countries should follow such principles as impartiality, humanity*

and neutrality. However, the lack of political will of some countries brings to the situation when humanitarian assistance becomes inefficient and there are serious obstacles in the implementation of humanitarian activities of the third countries which are hard to overcome.

***Keywords**: humanitarian assistance, sovereignty, humanitarian law, the Ministry of emergency situations, Ukraine, Syria.*

References

1. Vystuplenie na 58-j sessii General'noj Assamblei Organizacii Ob#edinennyh nacij [Speech at the 58th session of the General Assembly of the United Nations] // Sajt Prezidenta Rossii [Jelektronnyj resurs]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22128 Nacij (data obrashhenija: 13.11.16)
2. Gruz osobogo naznachenija [The load of special purpose] // Rossijskaja gazeta [Jelektronnyj resurs]. URL: https://rg.ru/2016/10/31/rossijskie-spasateli-privezli-v-donbass-medikamenty-i-produkty.html (data obrashhenija: 25.11.16)
3. Kerri opasaetsja, chto gumanitarnaja operacija v Aleppo — "ulovka" Rossii [Kerry is afraid of that russian humanitarian operation in Aleppo is a "trick"] // radio «Svoboda» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.svoboda.org/a/27888904.html (data obrashhenija 21.11.16)
4. Putin rasporjadilsja vnov' pomoch' ukrainskomu Genichesku gazom [Putin again ordered the help with gas to Ukrainian Henichesk] // RIAnovosti [Jelektronnyj resurs]. URL: https://ria.ru/economy/20161112/1481241820.html (data obrashhenija: 08.11.16)
5. Covremennyj jekonomicheskij slovar' [Modern economic dictionary] [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.slovarnik.ru/html-economica/g/gumanitarna8-pomo15.html (data obrashhenija: 17.11.16)
6. Shvendiman F. Pravovye osnovanija dlja gumanitarnogo dostupa vo vremja vooruzhennogo konflikta [The legal basis for humanitarian access in armed conflicts] // Gumanitarnye vyzovy sovremennosti []. № 884, nojabr' 2011. S. 5–24.
7. Jurij Brazhnikov: RF provela 500 gumanitarnyh operacij s 1990 goda // RIAnovosti [Russia has conducted 500 humanitarian operations science 1990] [Jelektronnyj resurs]. URL: https://ria.ru/interview/20151012/1300448166.html (data obrashhenija: 17.11.16)

Информация об авторе

Рустамова Лейли Рустамовна

эксперт отдела докторантуры и аспирантуры МГИМО МИД России. E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

Leili R. Rustamova

expert of PhD and postgraduate study Department at Moscow State Institute of International Relations, Russia. E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

НОВАЯ ФАЗА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Б. А. ШИРЯЕВ

Специалистами в области российско-американских отношений давно замечено, что отношения между двумя странами носят своеобразный волнообразный характер и представляют собой череду подъемов и спадов. Эти отношения порой носили характер союзнических, как это было в период Второй мировой войны, и доходили до грани вооруженного столкновения, как во времена Карибского кризиса. Однако с высоты событий нашего времени есть основания утверждать, что российско-американские отношения всегда носили характер холодной войны. В этой войне были свои сражения и перемирия. Самым длительным перемирием, наверное, был период с 1986 года, с момента встречи Горбачева и Рейгана в Рейкьявике, до 2014 года, до воссоединения Крыма с Россией. Конечно, в рамках этого перемирия имелись локальные стычки, но они не носили характер стратегического глобального противостояния.

Историческим рубежом в российско-американских отношениях явились события, порожденные украинским кризисом 2014 года. Совершенно очевидно, что Украина сама по себе не представляет никакого интереса для Соединенных Штатов. В каком-то смысле события на Украине повторяют Вьетнамскую войну, которая в стратегическом смысле для США не имела никакого значения, и которую Америка проиграла через 10 лет, понеся большие материальные и людские жертвы. Украинский кризис, без всякого сомнения, — это новый фронт новой фазы холодной войны против России. События на Украине 2014–2016 гг. помогли нам по-новому взглянуть на события давно минувших лет.

Теперь есть основания утверждать, что широкомасштабное наступление с целью ликвидация или расчленения Советского Союза началось еще в 1945 году. Это наступление было приостановлено появлением ядерного оружия в 1949 году, а затем вследствие того, что в 1970-е годы был достигнут паритет в вооружениях между СССР и США. Однако советское руководство не могло найти пути выхода из трудностей, которые возникли вследствие перенапряжения, вызванного гонкой

вооружений. Запад, и прежде всего США, всячески содействовали углублению этого разрушительного кризиса. Вспомним хотя бы попытки Запада воспрепятствовать строительству нефтепровода из Западной Сибири в Европу в 1970-е годы или обвальные падения цен на нефть на мировых рынках, инициированные США.

В 1991 году СССР распался, и стратегическая цель США, казалось, была достигнута. Следующим этапом после распада СССР ожидался распад России, которая, кажется, вышла из категории основных игроков на мировой арене. Она молча согласилась с роспуском Варшавского договора, бездарно согласилась с объединением Германии, убрала свое военное присутствие с Кубы, из Вьетнама и других районов Земного шара. Однако победа для Запада не представлялась полной. Во-первых, Россия не распалась. Во-вторых, она сохранила ядерный потенциал. И Запад открыл новый фронт холодной войны против России.

Теперь мы видим, что холодную войну прекратила в одностороннем порядке Россия, Запад ее не прекратил и не собирался прекращать. Об этом свидетельствует так называемая доктрина «геополитического плюрализма» (то есть стратегия, препятствующая интеграции бывших советских республик), политика расширения НАТО и приближение военных структур этой организации к западным границам РФ, поддержка русофобских режимов в ряде бывших советских республик и ожесточенная информационная война в таких формах, которых не знало противостояние двух идеологий. Еще не завершился так называемый медовый месяц между Россией и Западом, как, прежде всего в американских СМИ, начались ожесточенные обвинения в неоимперской политике. Это можно считать началом очередной фазы холодной войны, целью которой было окончательно оторвать от России исторически связанные с ней территории, такие, как Украина и Грузия. Это новое наступление закончилось убедительной победой Соединенных Штатов. Украина, к искреннему изумлению большинства русских, превратилась во враждебное прифронтовое государство. Победа неонацистских сил на Украине при поддержке США знаменует собой еще одно наступление новой фазы холодной войны с непредсказуемыми последствиями. Украинский кризис может быть решен в случае реализации двух обстоятельств: в случае кардинальных политических изменений в США или в случае кардинальных политических изменений в России. Однако ни того, ни другого в ближайшие десятилетия ожидать не приходится. Россия должна исходить из суровой реальности. Дружбы и союза с Америкой не может быть, но могут быть добрые отношения на расстоянии, что подтверждается всей историей российско-американских отношений.

Америка и Россия дружит тогда, когда Америка крайне нуждается в России, например, в период Гражданской войны в США, или после начла японской агрессии в Китай в 1931 году. Америка и Россия становятся союзниками в случае возникновения общей опасности, справиться с которой в одиночку Америка не в состоянии, как это было во время Второй мировой войны.

Союзнические отношения с Америкой в годы Второй мировой войны были, скорее всего, исключением, вызванным чрезвычайными обстоятельствами мировой истории. А в целом на протяжении всего XX века они носили крайне натянутый характер, граничащий с откровенной враждой. И хотя в американском обществе нет крайне выраженных русофобских настроений, отношения подавляющего большинства американцев к России является негативным.

Сейчас, по прошествии 25 лет после исчезновения Советского Союза, Америка все еще пребывает в иллюзии, что она одна справится со всеми глобальными угрозами. Она повернется к союзу с Россией тогда, когда гром грянет над ее головой, и это время приближается стремительно.

События 2013–2015 годов на Украине, кажется, открыли глаза на многое и позволяют по-новому, трезво взглянуть на весь период российско-американских отношений после Второй мировой войны. Это позволяет нам сделать следующие выводы.

Первое. Завершился очередной этап российско-американских отношений (1992–2014). Россия стоит перед новым этапом этих отношений, который явно будет наполнен конфронтационным содержанием.

Второе. Холодную войну в одностороннем порядке прекратил СССР, что послужило одной из причин распада великий державы. Конечно, будет преувеличением считать, что действия США стали причиной распада СССР, но, безусловно, Америка приложила руку к этому процессу. В истории нашего Отечества уже было нечто подобное. В 1918 году на переговорах с представителями Германской империи о прекращении войны (Германия выдвинула на этих переговорах совершенно неприемлемые требования) руководитель делегации нового правительства России заявил: «Мирный договор не подписываем, но войну прекращаем и армию распускаем». В то время большевики наивно полагали, что на защиту первого пролетарского государства поднимется рабочий класс всего мира. Так же считали советские руководители 25 лет назад, наивно полагая, что «новое мышление» перевернет весь мир (как большевики в 1918 году), и в истории человечества начнется новая эра — эра без идеологий, без геополитики, без национальных интере-

сов. Эра, базирующаяся на «общечеловеческих» ценностях. Непонятно почему, но, похоже, в руководящих кругах нашей страны существовало подспудное убеждение в том, что препятствием на пути к «общечеловеческим» ценностям была коммунистическая идеология, а Запад был носителем этих ценностей.

В те роковые годы ни руководящие круги, ни общество, не могли понять самого главного: недоброжелательные, даже враждебные отношения Запада к России — это часть сущности западного мировоззрения. Разве можно вот так, в одночасье, отказаться от сущности, которая формировалась пять веков? И второе. На какое=то время Запад поверил, что он победил и пребывал в эйфории, в надежде на то, что следом за СССР развалится и Россия. Но вопреки всем ожиданиям Россия не развалилась, сумела сохранить территорию и ядерный потенциал, и Запад начал новое стратегическое наступление, во многих отношениях даже более агрессивное, чем это было против СССР. Но теперь, после исчезновения СССР это наступление велось и ведется в рамках объявленного Россией одностороннего перемирия.

И еще одно важное сущностное явление — вечное российское низкопоклонство перед Западом, вечное наше стремление понравиться ему, вести себя так, чтобы Запад принял нас за своих. В этом, пожалуй, кроются причины тех роковых для судеб России жестов, которые были сделаны в 1980–1990-е годы.

Сегодня Россия не имеет права не замечать того, что против нее ведется полномасштабная война. Запад снова ведет тотальную войну против России, и снова, как и в 1941 году, в самых неблагоприятных для нее условиях. Снова идут тяжелые оборонительные бои на своей территории. Сегодня ситуация, и это без преувеличения, даже хуже, чем в те роковые годы. В 1941 году советское общество выступало как единый монолит. Сегодня же в обществе разброд и шатание, и такое обществе не в состоянии оказать сопротивление давлению извне. Главный фронт сегодня — информационная война. Но в России нет даже единого штаба по организации отражения информационных атак. Нынешняя критическая ситуация настоятельно требует создания государственного органа по обеспечению информационной безопасности России.

Сейчас после 2014 года, в начале новой фазы холодной войны позиция России гораздо слабее, чем в период первой фазы после 1945 года, и при завершении «большого цикла» холодной войны в 1980-х. Тогда, после 1945 года, Россия имела на своей стороне симпатии сотен миллионов, как победительница нацизма и самую сильную армию в мире. На закате «большого цикла» Россия имела зону безопасности вдоль

западных границ — страны Варшавского договора. Военные базы НАТО были далеко за пределами этой зоны безопасности, за тысячи километров от нашей границы. СССР/Россия имел зоны влияния и присутствия по всему Земному шару и мощные вооруженные силы, особенно ВМФ, который присутствовал во всех океанах. Теперь у России нет ни того, ни другого, ни третьего

Сегодня ситуация отдаленно напоминает ситуацию 1930-х годов. В те годы над Европой нависла смертельная опасность со стороны нацистской Германии. Советский Союз напрасно призывал Европу создать систему коллективной безопасности. Запад даже не замечал этих призывов. Наоборот, весь пафос информационной политики был направлен против Советского Союза. Вся Европа с нетерпением ожидала, когда грозный Тевтонский рыцарь начнет новый крестовый поход на Восток.

Сегодня такого «рыцаря» в Европе нет. Есть только активные русофобские режимы в Польше и странах Прибалтики. Вся надежда в этом гипотетическом походе на Украину, и российско-украинская война для европейской верхушки крайне желательна. При любом исходе Запад будет в выигрыше: если Россия потерпит поражение, то она распадется. Если Россия победит, то эта победа объединит Запад, что приведет к длительной изоляции России и вполне реальному распаду. Запад не в состоянии усвоить непреложный исторический урок: когда Россию вытесняли из Европы или пытались организовать единый европейский антироссийский фронт, это всегда трагически заканчивалось для Европы.

Вторая характерная черта в российско-американских отношениях — надежда на то, что с приходом нового человека в Белый дом наступят позитивные изменения в отношениях между Россией и Америкой. Надежда на новую администрацию, как и неустойчивость российско-американских отношений, является частью нашего традиционного подхода к взаимоотношениям между нашими странами. Возможно с новым президентом удастся договориться по некоторым проблемам, снизить накал напряженности в некоторых сферах мировой политики Однако не следует забывать того, что каждый президент вынужден (удачно или нет) следовать генеральной исторической линии внешней политики США (Grand Strategy) — сохранение глобальной американской гегемонии и торжество «американского века». Главным препятствием на этом пути является Россия с ее огромным ядерным потенциалом.

Вся история Америки говорит о том, что существует красная линия, которую не может переступить ни один президент. Плотная пелена тайны вокруг гибели Кеннеди наводит на мысль о том, что он, вероятно,

переступил эту черту. На эту мысль наводит также трагическая судьба всего клана Кеннеди.

Если стоять на такой точке зрения, то несколько в ином свете выглядит судьба президента Никсона. Вероятно, этот президент также переступил красную черту. Никсон, вопреки генеральной исторической линии США, хотел иметь дело с Советским Союзом, как с геополитической реальностью вместо традиционных доктрин «отбрасывания» и «освобождения». Знаменитый Уотергейтский скандал, который заставил Никсона уйти в отставку, вероятно, был поводом, а не подлинной причиной его устранения.

Любая администрация США будет следовать исторически сложившейся генеральной линии — сдерживание экспансии Китая и ликвидация российского ядерного потенциала (желательно вместе со страной). Америка не может согласиться с тем, что на свете есть сила, способная стереть ее с лица земли. Аксиома американского политического менталитета состоит в том, что ключи от безопасности Америки не могут находиться в чьих-то руках. Поэтому напряженности в отношениях между Америкой и Россией в различных вариантах холодной войны будут существовать бесконечно долго. Американцы никогда не будут чувствовать себя спокойно, сознавая, что есть какая-то сила, которая способна уничтожить их в одночасье. Более того, Америка не заинтересована в стабильном мире, и состояние перманентной холодной войны является частью реализации стратегической цели — достижение глобального доминирования.

России следует извлечь максимальную пользу из уроков предшествующей истории, и будет правильным следовать древней сентенции античного Рима: «Хочешь мира — готовься к войне».

Информация об авторе
Б. А. Ширяев
д.и.н., профессор
заведующий кафедрой американских
исследований СПбГУ
B. A. Shiryaev
Doctor of History, Professor,
Head of Department of American Studies.
Saint-Petersburg State University

Россия и Запад:
25 лет нового диалога
с мировыми лидерами

модератор

В. О. Печатнов

ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИСПАНИЕЙ (1991–2017 гг.)

Н. Е. АНИКЕЕВА

Аннотация. *Испания в конце XX — начале XXI века продолжает добиваться более активного подключения к решению проблем мировой политики, используя свое членство в ЕС и НАТО. Вместе с тем, принципиальное значение в Мадриде в период с 1991 по 2017 гг. придается партнерству с Россией, с которой Испанию сближает созвучность современных подходов ко многим важнейшим международным проблемам. Следует выделить и отсутствие в отношениях двух стран спорных вопросов, становящихся в наши дни подлинным «камнем преткновения» в международных отношениях. Помимо сугубо исторических факторов, благоприятствующих развитию российско-испанского диалога в этот период, обращает на себя внимание и такой положительный момент, как стремление Испании развивать связи с Россией.*

Ключевые слова: *Россия, Испания, международные отношения.*

Испания в конце XX — начале XXI века продолжает добиваться более активного подключения к решению проблем мировой политики, используя свое членство в ЕС и НАТО. Следует выделить и отсутствие в отношениях двух стран спорных вопросов, становящихся в наши дни подлинным «камнем преткновения» в международных отношениях. Помимо сугубо исторических факторов, благоприятствующих развитию российско-испанского диалога в этот период, обращает на себя внимание и такой положительный момент, как стремление постфранкистских парламентских правительств Испании поддерживать связи с Россией.

В 1990–2000-е годы двусторонние отношения между Москвой и Мадридом активно развивались. В октябре 1990 года во время визита в Испанию президента СССР М. С. Горбачева был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Испанией.

Новый этап в российско-испанских отношениях начался 27 декабря 1991 года, когда Испания наряду с другими странами Европейского союза официально признала Россию в качестве государства — правопреемника СССР. Испанское правительство исходило из того, что демо-

кратическое обновление России должно привести к созданию более прочной и надежной для Запада системы безопасности и сотрудничества в Европе. С тех пор, Испанию и РФ сближает созвучность подходов ко многим важнейшим международным проблемам. Обе страны последовательно наращивают опыт взаимовыгодного сотрудничества, основанного на Договоре о дружбе и сотрудничестве, который был подписан в апреле 1994 г, в ходе официального визита Президента РФ Б. Н. Ельцина в Мадрид.

В этот период руководство Испании заявило, что Россия не должна быть изолирована от Западной Европы ни в политическом, ни в экономическом, ни в военном плане. Испания первой среди стран-членов ЕС в июне 1995 года завершила процедуру ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между РФ и ЕС, подписанного на о. Корфу в июле 1994 года и вступившего в силу 1 декабря 1997 года. При содействии Мадрида в начале испанского председательства в ЕС (17 июля 1995 г.) было подписано Временное торговое соглашение между Россией и ЕС. Испания показала себя одной из активных сторонниц аккредитации российских представителей при Европарламенте.

Важное значение имеет процесс совершенствования договорно-правовой базы российско-испанских отношений, основу которой составляют порядка 60 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов, многие из которых были заключены еще в советский период, после восстановления дипломатических отношений между СССР и Испанией 9 февраля 1977 года[1].

В период председательства Испании в Контртеррористическом комитете ООН в 2004 году заметно активизировались двусторонние контакты и координация действий в борьбе с международным терроризмом. Регулярный характер приобрели межмидовские консультации по актуальным мировым проблемам и вопросам двусторонних связей, практика взаимной поддержки кандидатур в международных организациях. Россия поддержала выдвинутый Испанией и Турцией проект «Альянса цивилизаций», направленный на развитие связей Запада и мусульманского Востока[2].

Наши страны взаимодействуют по вопросам укрепления стабильности и безопасности в Европе, урегулирования региональных конфликтов, в частности, ближневосточного, в сфере противодействия прояв-

[1] Аникеева Н. Е. Дубинин Ю. В. Россия–Испания: 35 лет восстановлению дипломатических отношений// Вестник МГИМО–Университета. №2. 2012.с.11.

[2] Аникеева Н. Е. Испания против терроризма// Современная Европа.№3.2005. с. 63.

лениям национализма и сепаратизма, наркобизнесу и оргпреступности. Подписана программа сотрудничества МВД России и Испании в правоохранительной области.

Действует соглашение об экономическом и промышленном сотрудничестве от 12 апреля 1994 г. В июне 2000 г. стороны обменялись документами о ратификации конвенции об избежании двойного налогообложения, подписанной 16 декабря 1998 г. в Мадриде. В России зарегистрировано порядка 300 предприятий и организаций, созданных с участием испанского капитала, большинство из которых относятся к сфере производства.

Двусторонняя торговля в 2000-е годы отличается динамичностью и большим профицитом в пользу России. Однако ее товарная структура остается практически неизменной. Основная статья российского экспорта в Испанию (более 90 %) — минеральное сырье и топливо, а также металлы. Экспортный ассортимент Испании существенно более диверсифицирован и характеризуется растущей долей продукции наукоемких отраслей промышленности с высокой добавленной стоимостью.

Существует тенденция роста взаимного товарооборота. Испания занимает 22 место в списке торговых партнеров России, а Россия входит в список 20 важнейших внешнеторговых партнеров Испании (16-е место по экспорту и 8-е место по импорту) и занимает 8-е место в ее товарообороте с европейскими странами[3].

Успешно развивается культурное сотрудничество. Договорно-правовой базой российско-испанских культурных связей по государственной линии является межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования от 1994 года. В Мадриде 15 ноября 2001 года было подписано Соглашение о деятельности культурных центров. В феврале 2002 года в рамках визита принца Испании Фелипе Астурийского в Москву состоялось открытие московского отделения Института Сервантеса. 29 сентября 2005 года в Москве подписана очередная двусторонняя Программа сотрудничества в области образования и культуры.

Крупнейшие музеи обеих стран, Эрмитаж, Третьяковская галерея, Музей Прадо, Музей современного искусства королевы Софии, Музей Гугенгейма в Бильбао обмениваются экспозициями, реализуются совместные научные проекты.

---

[3] Аникеева Н. Е., Ведюшкин В. А., Волосюк О. В., Медников И. Ю., Пожарская С. П. История внешней политики Испании — Москва: ИМО, 2015. с.436.

Между Россией и Испанией с 2000 года ведется регулярный политический диалог на высшем и высоком уровнях. Дважды, в 2000 году с официальным визитом и в 2006 году с государственным визитом, Мадрид посетил Президент Российской Федерации В. В. Путин.

В 2001 года в Москву приезжал председатель правительства Испании Х. М. Аснар. Сменивший его на посту руководителя правительства, Х. Л. Родригес Сапатеро посетил нашу страну в 2004, 2005 и 2007 годах.

Также налажен диалог на уровне министров иностранных дел. В 2007 году министр иностранных дел России С. В. Лавров и его испанский коллега М. А. Моратинос обменялись визитами.

В период президентства В. В. Путина был подписан ряд базовых документов о двустороннем сотрудничестве. Например, весьма обширный план по борьбе с глобальным терроризмом, включая совместные действия в рамках ООН и «Большой восьмерки». Заключены межправительственные соглашения по освоению космического пространства в мирных целях, развитию туризма, координации спасательных служб в случае стихийных и других бедствий. В ходе государственного визита В. В. Путина в Мадрид в феврале 2006 г. было объявлено о создании двустороннего форума гражданских обществ. Одобренный в 2007 г. в ходе встречи в Сочи В. В. Путина и премьер-министра Испании Х. Л. Родригеса Сапатеро меморандум дал старт российско-испанскому диалогу на уровне неправительственных организаций, гражданского общества. В июне 2008 г. Президент РФ Д. А. Медведев принимал в Москве короля Испании Хуана Карлоса I, а в октябре того же года в Санкт-Петербурге провел переговоры с Х. Л. Родригесом Сапатеро. Помимо политических вопросов, акцент был сделан на экономическом сотрудничестве[4].

Углубление отношений с Россией входило в число внешнеполитических приоритетов правительства Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) Х. Л. Родригеса Сапатеро. Итоги первого государственного визита Президента РФ Д. А. Медведева в Испанию 2–3 марта 2009 г., продемонстрировали, что, несмотря на то, что Испания является членом НАТО и ЕС, относится к числу наших европейских партнеров. В ходе переговоров был подписан целый ряд важных документов. Особо следует отметить соглашение о стратегическом партнерстве между РФ и Испанией. Испанское государство фактически присоединилось к «клубу» европейских друзей России, в который входят Германия,

[4] См. подробнее. Аникеева Н. Е. Испания в период правления Хосе Луиса Родригеса Сапатеро (2004–2011 гг.). — М.: МГИМО–Университета.2013.с.51.

Франция и Италия. Кроме того, сотрудничество стало более разнообразным, пополнившись рядом интересных проектов в области энергетики, инфраструктуры, транспорта, связи, высоких технологий. Испанская сторона в этот период приветствовала инициативу Президента РФ Д. А. Медведева о подготовке Договора о европейской безопасности.

Несовершенство существующих структур безопасности проявилось, по мнению Мадрида, в событиях вокруг Косово, Абхазии и Южной Осетии. Испанская сторона не признала их независимость. У Испании есть серьезные проблемы, связанные с сепаратизмом на своей территории, в частности, в Каталонии, в Стране Басков. Эти вопросы волнуют испанское общество

В первом полугодии 2010 года Испания председательствовала в ЕС. В этот период, 12 января 2010 года в Москве состоялись переговоры министра иностранных дел России С. В. Лаврова с испанским коллегой М. А. Моратиносом, в ходе которых глава МИД Испании заявил «о готовности работать в направлении улучшения визового режима ЕС с Россией».

2011 год стал «Перекрестным годом России в Испании и Испании в России». В рамках этого года было запланировано порядка 350 мероприятий в политической, экономической, культурной и образовательной сферах. 25 февраля 2011 года король Испании Хуана Карлоса I посетил Санкт-Петербург с официальным визитом, в ходе которого состоялась его встреча с Президентом РФ Д. А. Медведевым. Сторонами было отмечено, что «российско-испанские оценки основных международных проблем и современных угроз совпадают, страны наращивают многогранное технологическое сотрудничество и, развивают экономические связи»[5].

В ходе встречи с королем Испании в Санкт-Петербурге Председатель Правительства РФ В. В. Путин подчеркнул, что «у России и Испании много интересных и перспективных проектов в энергетике, на транспорте и в других областях»[6].

Развитие российско-испанских отношений в период с 2011 по 2017 гг. хронологически совпадает с правлением Народной партии во главе с Мариано Рахоем. На официальном уровне в этот период регулярно проводятся встречи и осуществляются контакты на уровне первых лиц, а также отраслевых министерств и парламентов обеих стран.

---

[5] См. подробнее. Аникеева Н. Е. Внешняя политика Испании в конце XX — начале XXI века.–М.: МГИМО–Университет. 2016. с. 444.

[6] Аникеева Н.Дубинин Ю. Москва — Мадрид: вехи сотрудничества//Международная жизнь. №3. 2011. с. 107.

Особо следует отметить контакты на уровне министерств иностранных дел и торгово-промышленных палат России и Испании.

Важным событием для российско-испанских отношений в период правления М. Рахоя стал визит короля Испании Хуана Карлоса I, который состоялся 19 июля 2012 г. Москву также посетило руководство крупнейших испанских компаний. В составе испанской делегации находился глава МИД Х. М. Гарсиа-Маргальо. Президент России В. В. Путин и Хуан Карлос I обсудили перспективы развития российско-испанских отношений[7].

6 сентября 2013 г. Президент России Владимир Путин и председатель правительства Королевства Испания Мариано Рахой обсудили итоги работы в рамках саммита «Группы двадцати» в Санкт-Петербурге, а также вопросы двустороннего российско-испанского сотрудничества. В частности, В. Путин отметил, что Испания является нашим давним надежным партнером[8]. Основной задачей в двусторонних отношениях является стремление уделить больше внимания инвестиционному сотрудничеству, сотрудничеству в реальных секторах экономики.

5 марта 2014 г. министр иностранных дел России С. В. Лавров посетил Мадрид с визитом. Состоялась встреча с королем Испании Хуаном Карлосом I, были проведены переговоры с председателем правительства Народной партии М. Рахоем и министром иностранных дел Х. М. Гарсиа-Маргальо. Министры иностранных дел воспользовались предоставленной возможностью для того, чтобы обсудить политические и экономические вопросы.

Стороны подтвердили, что российско-испанские отношения вышли на уровень стратегического партнерства[9]. Также был отмечен личный вклад руководства Испании в развитие экономического и инвестиционного сотрудничества, несмотря на проблемы, которые переживает еврозона, и непростую финансово-экономическую ситуацию в мире.

Кроме того, стороны обсудили важные вопросы международной повестки дня. Речь шла о ситуации в Сирии, Иране, мирном процессе на Ближнем Востоке и отношениях России с Европейским союзом и НАТО. Было отмечено позитивное сотрудничество между внешнеполитическими ведомствами двух стран: ежегодно проводится несколько раундов консультаций на уровне министров и заместителей министров

---

7 García-Margallo. Todos los cielos conducen a España. Cartas desde un avíon. Barcelona:Planeta. 2015. p. 441.

8 Аникеева Н. Дубинин Ю. Указ. соч. С. 114.

9 Декларация о стратегическом партнерстве между нашими странами была подписана в 2009 г.

иностранных дел. Стороны подписали новый План консультаций между министерствами иностранных дел России и Испании на 2014–2015 гг. Обсуждался вопрос и о ситуации на Украине[10]. Что касается позиции Мадрида в отношении украинских событий, то испанское руководство в конце июля 2014 г., к сожалению, присоединилось к санкциям ЕС против России[11] «в ущерб своим интересам». В результате между нашими странами снизился уровень торгового оборота, развитие туризма тоже не оказалось в плюсе от этой ситуации.

Состоявшийся 8–10 марта 2015 г. визит министра иностранных дел и сотрудничества Испании Х. М. Гарсии-Маргальо в Москву был запланирован заранее. Министры иностранных дел обсуждали политические и экономические вопросы, подчеркивая, что «отношения между Испанией и Россией хорошие»[12].

Однако на фоне непростого этапа в отношениях по линии ЕС — РФ в связи с событиями на Украине российско-испанское сотрудничество также испытывает определенные трудности. По мнению министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, «руководство Испании занимает взвешенную позицию». МИД Испании призывает «ЕС и Россию восстановить стратегическое партнерство, которое функционировало хорошо в течение длительного времени». Поэтому встреча, безусловно, способствовала улучшению российско-испанского диалога. Гарсиа-Маргальо считает, что «данные меры ЕС обратимы, и они будут отменены, если исчезнут обстоятельства, которые их вызвали». И это означает, что «будущее санкций напрямую связано с выполнением минских соглашений от 12 февраля 2015 г. и окончанием кризиса на востоке Украины». На данном этапе стороны имеют схожее видение основной задачи, которая заключается, прежде всего, в выполнении всех без исключения положений согласованного в Минске комплекса мер по мирному урегулированию. У России и Испании единая позиция по вопросу о том, что

---

[10] Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел и сотрудничества Испании Х. М. Гарсиа-Маргальо, Мадрид, 5 марта 2014 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf.

[11] Испанская сторона оценила материальный ущерб в результате ответного российского запрета на ввоз сельскохозяйственной продукции из Испании в размере 337 млн евро. Брюссель согласился компенсировать эти потери на сумму в 125 млн евро. (данные на 2014 г.).

[12] О визите в Москву Министра иностранных дел и сотрудничества Испании Х. М. Гарсии-Маргальо. 10.03.2015. [Электронный ресурс]URL: http://госправо.рф

приемлемым решением урегулирования украинского кризиса может быть только политический диалог. В связи с этим испанская и российская стороны подчеркивают важную роль ОБСЕ в этом процессе.

В ходе переговоров в Москве главы внешнеполитических ведомств двух стран обсудили важные вопросы международной повестки дня, такие как ситуация в Сирии, Ливии, Ираке и Йемене. Стороны имеют схожее мнение по вопросу о необходимости решения внутренних проблем суверенных государств на Ближнем Востоке и в Северной Африке мирным путем, через национальный диалог, выступают за последовательную борьбу с терроризмом. Мадрид поддерживает продвижение к институционализации отношений между Евросоюзом и Евразийским экономическим союзом.

Испания в 2012 г. присоединилась к системе противоракетной обороны в Европе, следуя в русле политики Вашингтона. Вместе с тем правящая Народная партия в отношениях по линии Россия — НАТО на официальном уровне продолжает демонстрировать приверженность отношениям с Москвой.

Что касается развития двусторонних экономических отношений, то в рассматриваемый период удалось преодолеть негативные явления, вызванные последствиями мирового экономического кризиса. В 2011 г. Испания была на 19 месте среди торговых партнеров России, а Россия заняла 10 место во внешнеторговом обороте Испании. Стабильным оставалось положительное для России сальдо внешнеторгового баланса (в первом полугодии 2013 г. размер сальдо — 117 млн долларов). Общий объем товарооборота между Россией и Испанией в 2013 г. составил 11 млрд долларов, а показатели торговли и капиталовложений выросли на 3 %. При рассмотрении влияния двустороннего взаимодействия на экономику обеих стран необходимо выделить сферу туризма, энергетики и инвестиционную деятельность. Для Испании важно сохранить свою привлекательность для российских туристов, которые приносят ей немалый доход (2,35 млрд евро в 2013 г.), что позволило российским гражданам выйти на первое место по объему средств, потраченных в Испании во время отдыха[13]. В связи с обострившейся конкуренцией со стороны туристических стран Испания заинтересована в сохранении своей привлекательности. С учетом нестабильной ситуации в Египте, Турции, конкурирующих с Испанией странах в данном направлении,

[13] Российские туристы потратили в Испании в 2013 г. 2,35 млрд евро 27.01.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.interfax.ru/tourism/tourisminf.asp?id=354174&sec=1466

испанские курорты в 2014 г. пользовались особенным спросом среди российских туристов. В сфере энергетики испанские компании активно взаимодействуют с российскими в разного рода инфраструктурных проектах. Испания с интересом рассматривает возможности применения своих технологий по производству сжиженного газа для транспортировки этого топлива из России. Следует отметить инвестиционное взаимодействие, которое развивается поступательно и характеризуется все возрастающим объемом взаимных инвестиций, в особенности в строительстве инфраструктурных объектов. Также есть ряд отраслей экономики, в которых интересы российского и испанского бизнеса пересекаются, среди них особо следует выделить судостроение и железнодорожное строительство.

Продолжает совершенствоваться договорно-правовая база российско-испанских отношений. В феврале 2015 г. Государственная Дума ратифицировала Договор о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей. Этим документом обеспечивается полный пакет гарантий защиты прав и интересов российских детей, усыновляемых испанскими семьями[14].

Важным аспектом двустороннего сотрудничества является культурный диалог. В России растет число тех, кто изучает испанский язык и интересуется испанской культурой. В частности, в 2015–2016 гг. был объявлен Годом испанского языка и литературы на испанском языке в России и Годом русского языка и литературы на русском языке в Испании, а в 2016–2017 гг. — российско-испанским Годом туризма.

Россия поддержала сотрудничество с Испанией по широкому спектру актуальных международных проблем повестки СБ ООН, с учетом избрания Мадрида в качестве непостоянного члена этого органа на 2015–2016 гг. 20 декабря 2016 г. М. Рахой председательствовал на заседании СБ ООН, посвященном обсуждению проблемы торговли людьми в условиях военных конфликтов. Этот вопрос являлся одним из основных во время председательства Испании в СБ ООН в декабре 2016 г. Также к приоритетам в этот период относятся проблемы терроризма, нераспространения оружия, Сирии, Ливии. Новый министр иностранных дел Испании Альфонсо Дастис заявил, что «основным ориентиром внешней политики остается европейское направление». В ходе заседания СМИД ОБСЕ в Гамбурге в ноябре 2016 г. состоялась встреча между министрами иностранных дел Испании и России. А. Дастис пригласил

[14] См. подробнее. Аникеева Н. Е. Внешняя политика Испании в конце XX — начале XXI века. — М.: МГИМО–Университет. 2016. С. 444.

главу российского МИД С. В. Лаврова посетить Испанию. В свою очередь МИД Испании сообщил, «что российский министр пригласил Дастиса приехать в Москву в следующем году». В 2017 г. Испания и Россия отмечают 40-летнюю годовщину восстановления дипломатических отношений. Необходимо отметить, что Испания поддерживает налаживание отношений Евросоюза с Москвой, вопреки тому, что в декабре 2016 г. лидеры ЕС приняли решение о продлении экономических санкций в отношении России еще на полгода.[15]

Таким образом, Москва и Мадрид заинтересованы в продолжении двустороннего диалога и диалога по линии Россия — ЕС с акцентами на таких вопросах, как облегчение визового режима, энергетика, взаимоотношения ЕС и Евразийского экономического союза и других. У российско-испанских отношений есть политический и экономический потенциалы для дальнейшего развития сотрудничества.

Список литературы:

1. Аникеева Н. Дубинин Ю. Москва-Мадрид: вехи сотрудничества//Международная жизнь. №3. 2011. С. 107–114.
2. Аникеева Н. Е. Испания против терроризма// Современная Европа. №3. 2005. С. 63–74.
3. Аникеева Н. Е., Ведюшкин В. А., Волосюк О. В., Медников И. Ю., Пожарская С. П. История внешней политики Испании. Москва: ИМО, 2015. 504 с.
4. Аникеева Н. Е. Испания-государство автономий в объединенной Европе// Современная Европа. №2. 2007. С. 91–102.
5. Аникеева Н. Е. Испания в период правления Хосе Луиса Родригеса Сапатеро (2004–2011 гг.). — М.: МГИМО–Университета. 2013. 74 с.
6. Аникеева Н. Е. Дубинин Ю. В. Россия — Испания: 35 лет восстановлению дипломатических отношений// Вестник МГИМО–Университета. №2. 2012. С. 11–12.
7. Аникеева Н. Е. Внешняя политика Испании в конце XX — начале XXI века. — М.: МГИМО–Университет. 2016. 490 с.
8. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел и сотрудничества Испании Х. М. Гарсиа-Маргальо, Мадрид, 5 марта 2014 г. [Электронный ресурс]URL: http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf.

[15] Dastis mantiene un encuentro con el ministro de Exteriores de Rusia [Электронный ресурс] URL:http://www.lamoncloa.gob.es/serviciosdeprensa/notasprensa/maec/Paginas/2016/081216dastis-lavrov.aspx.

9. Орлов А. А. Российско-испанские отношения: скрытые проблемы на фоне внешнего благополучия // Вестник МГИМО–Университета. №2. 2011. С. 70–74.
10. Российские туристы потратили в Испании в 2013 г. 2,35 млрд евро. 27.01.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.interfax.ru/tourism/tourisminf.asp?id=354174&sec=1466

RUSSIAN-SPANISH RELATIONS (1991–2017)

Natalia Anikeeva

Abstract. *Spain at the end of the XX beginning of XXI century continues to seek more active involvement in solving problems of world politics, using it's membership in the EU and NATO. At the same time, of fundamental importance in Madrid between 1991 and 2017 attached to a partnership with Russia, with which Spain brings the harmony of modern approaches to many major international issues. It should be emphasized, and the absence of relations between the two countries in disputes, becoming today a true "stumbling block" in international relations. In addition to the purely historical factors conducive to the development of Russian-Spanish dialogue in this period, it is noteworthy and a positive moment, as the desire of Spain to develop ties with Russia.*

Key words: *Russia, Spain, the international relations.*

References

1. Dastis mantiene un encuentro con el ministro de Exteriores de Rusia [Электронный ресурс]URL: http://www.lamoncloa.gob.es/serviciosdeprensa/notasprensa/maec/Paginas/2016/081216dastis-lavrov.aspx.
2. García-Margallo. Todos los cielos conducen a España. Cartas desde un avíon. Barcelona:Planeta.2015.799p.
3. Rusia y España en el mundo multipolar. Actas del IX simposio ruso-español «Rusia, España y la Unión Europea en el proceso de formación del mundo multipolar» (Moscú, 27–29 junio de 2011). — ИЛА РАН,2011.284 с.
4. Taibo C. Rusia eh la era de Putin.Madrid:Catarata.2006.300p.

Информация об авторе
Аникеева Наталья Евгеньевна
д.и.н., проф., МГИМО МИД России, Россия
E-mail: anikeevan@yandex.ru.
Anikeeva Natalia E.
doctor of historical sciences, professor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
E-mail: anikeevan@yandex.ru.

РОССИЙСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. К. КАПИТОНОВА

Аннотация. *Несмотря на имеющиеся между Великобританией и Россией «точки притяжения», российско-британские отношения отличаются отсутствием стабильности и зависимостью от политической конъюнктуры на Западе. Лучший период в отношениях Москвы и Лондона за последние 25 лет — 1990-е годы, когда после распада Советского Союза Россия была существенно ослаблена и утратила свой вес в мировых делах, что облегчило для Запада расширение НАТО и агрессию против Югославии. Именно тогда был провозглашен курс на стратегическое партнерство, подписан ряд важных документов, составивший договорно-правовую базу наших отношений, включая Договор о принципах отношений (впервые после 1942 г.), Военный договор и др. Этот период выделяется насыщенностью двусторонних политических контактов, стремительным развитием торгово-экономических и др. связей, состоялся исторический визит в Россию королевы Елизаветы.*

Активный диалог был продолжен и в первую половину правления Т. Блэра — начало президентства В. Путина. Об установлении дружественных отношений свидетельствовал первый за 130 лет государственный визит президента России в Великобританию (лето 2003 г.) По мере последовательного восстановления Россией своих позиций на международной арене в отношениях с Великобританией все более проявлялись серьезные разногласия, которые приобрели нарастающий характер. Лондон жестко реагировал на действия России в ответ на агрессию Грузии против Южной Осетии. С тех пор, если не считать краткого периода, связанного с возвращением к власти консерваторов и визита Д. Кэмерона в Россию в сентябре 2011 г., отношения только ухудшались, достигнув состояния холодной войны. Межгосударственный диалог был по существу прерван. По всем важным для России вопросам — Украинский кризис, Крым, санкции, Сирия и др. Великобритания занимает наиболее жесткую позицию среди стран-членов ЕС и НАТО. Вновь активно используется тезис «российской угрозы». Несмотря на заметное ухудшение политических отношений,

деловые связи продолжали развиваться вплоть до 2014 г., когда в связи с серьезным ухудшением общей политической атмосферы из-за развязанной против России информационной войны британские фирмы стали замораживать свою деятельность в нашей стране.

Несмотря на избавление российско-британских отношений от идеологической составляющей прошлого, Великобритания остается для России одним из наиболее трудных партнеров, готовым жертвовать своими явными экономическими интересами и выгодой в России ради призрачных геополитических интересов Запада.

Ключевые слова: *Великобритания, Россия, российско-британские отношения, российская угроза.*

Великобритания имеет важное значение на европейском направлении внешней политики России, являясь третьей экономикой Европы, ядерной державой, постоянным членом Совета Безопасности ООН, членом ведущих международных организаций, ближайшим союзником Соединенных Штатов, не только сохраняющим глобальное военное присутствие, но и демонстрирующим высокую военную активность. Несмотря на имеющиеся между нашими странами «точки притяжения» — заинтересованность в противодействии международному терроризму, постоянном диалоге по вопросам международной безопасности, урегулирования региональных конфликтов, правам человека и другим проблемам — российско-британские отношения отличаются отсутствием стабильности и зависимостью от политической конъюнктуры на Западе.

Великобритания без колебаний признала Россию в качестве «государства-продолжателя» Советского Союза, к распаду которого она не была готова. Сравнивая англо-российские отношения в 1990-е гг. с англо-советскими десятилетием ранее, можно сказать, что их вес и значение в глобальном контексте после распада Советского Союза, потери веса российского фактора в мировых делах, исчезновения «российской военной угрозы» уменьшились. Казалось бы, избавившись от идеологической составляющей, наши отношения должны были приобрести устойчивость и развиваться поступательно. Однако, и в этот период, аналогично предшествующим десятилетиям, для них были характерны взлеты и падения.

Лучший период в российско-британских отношениях со времен Второй мировой войны приходится на последнее десятилетие XX века, худший мы переживаем в настоящее время. При Дж. Мэйджоре (1990–1997 гг.) Великобритания проводила курс на партнерство с Россией, интенсивный диалог и оказание поддержки новому российскому руководству (в том числе и в периоды обострения политической ситуации в нашей стране —

в августе 1991 г., в октябре 1993 г.), а также проводимым реформам с вполне понятной целью — сделать их необратимыми. Именно в 1990-е годы был подписан целый ряд важных документов, составивших договорно-правовую базу российско-британских отношений, прежде всего всеобъемлющий политический *Договор о принципах отношений,* установивший на перспективу их прочную юридическую основу — договор, за заключение которого советская дипломатия боролась с середины 1950-х гг.[16]. Впервые в послевоенной истории наших отношений было подписано соглашение о военном сотрудничестве (1994 г.), важное значение имели *Совместное заявление о ненацеливании стратегических ядерных ракет друг на друга* и ряд других[17]. В этот период стали регулярными и довольно частыми контакты на самом высоком и министерском уровнях, трижды (два раза в 1992, а также в 1994 г.) Великобританию посетил президент России, в 1994 и 1996 гг. в Москве побывал британский премьер-министр. Поддерживались интенсивные контакты на уровне министров иностранных дел (апрель 1993 г., февраль, май, октябрь 1994 г., сентябрь 1995 г. в Москве, октябрь 1992 г., октябрь 1993, июнь 1995 г., февраль–март 1997 г. в Лондоне), проходили консультации внешнеполитических ведомств для обсуждения вопросов стратегической стабильности, проблематики ООН и ОБСЕ, терроризма, распространения ядерного, химического, биологического оружия и др. Главной темой российско-британских переговоров в тот период был вопрос расширения НАТО на Восток, однако возражения Москвы против приближения границ альянса и его инфраструктуры к нашей территории были проигнорированы. В ответ России было предложено установление «рабочего партнерства» с альянсом, которое в перспективе (очевидно, в случае ее «хорошего» поведения) могло подняться до полноценного договора.

В октябре 1994 г. состоялся первый в истории официальный визит в Россию царствующей королевы Елизаветы II и принца Филиппа герцога Эдинбургского, которые посетили Москву и Ленинград. Британская сторона рассматривала поездку королевы как самую важную за последнее десятилетие со времени посещения ею Китая в 1986 г. Этот исторический визит мог состояться значительно ранее (приглашение посетить СССР было передано Елизавете еще в 1988 г.), если бы его не заблокировала М. Тэтчер[18].

---

[16] Подобного договора в наших отношениях после аннулирования Москвой в мае 1955 г. Англо-советского союзного договора от 1942 г. не было.

[17] См. Дипломатический вестник. — 1992, — № 23–24. С. 18–26.

[18] Palmer D. The Queen and Mrs Thatcher. An Inconvenient Relationship. — UK: The History Press, 2015. — P. 192.

Для периода 1990-х гг. характерен настоящий бум в торгово-экономической сфере: каждый месяц в России открывалось по 5–10 новых офисов британских компаний, представительство которых к концу правления тори возросло в 10 раз — до 350. Товарооборот возрос к 1997 г. до 4,37 млрд долл. Значительно активизировался парламентский и культурный обмен[19]. Лондон оказал содействие вступлению России в Совет Европы, поддержал создание «Восьмерки», рассматривая это как средство «контроля русских»[20].

Пришедшие к власти в мае 1997 г. лейбористы продолжили курс на развитие партнерских отношений между нашими странами, сохранение тесного диалога с Москвой по проблемам мировой политики, интеграцию России в мировые и региональные структуры. Состоялось подписание ряда двусторонних соглашений, в том числе о борьбе с организованной преступностью, подготовке управленческих кадров, сотрудничестве внешнеполитических ведомств. Великобритания финансировала проекты утилизации радиоактивных отходов, накопленных на Кольском полуострове.

Вместе с тем, ослабление позиций России в 1990-х гг. облегчило для Запада не только расширение НАТО, но и агрессию против Югославии в марте 1999 г., в которой Британия и лично Блэр сыграли самую активную роль. В качестве ответа на эти действия диалог с Великобританией был временно приостановлен (Москва прервала контакты по военной линии, перенесла на более поздний срок визит в Лондон министра иностранных дел И. Иванова).

Т. Блэр сыграл такую же роль в отношении России и Путина, как в свое время М. Тэтчер — в отношении СССР и Горбачева: после своего неформального визита в Санкт-Петербург, предпринятого вопреки международным протестам и в условиях жесткой критики Западом политики Москвы на Северном Кавказе, он стал первым западным руководителем, установившим с Путиным личные отношения, главным «знатоком Кремля» и пропагандистом российского лидера, оказал ему содействие в получении международного признания. В свою очередь, британский премьер-министр использовал это для подтверждения своих претензий на ведущую роль в Европе в условиях, когда европейские партнеры Великобритании подвергали ее лидерство сомнению из-за неучастия Лондона в валютной интеграции ЕС. Определенную роль

---

[19] более подробно см.: Н. К. Капитонова. Приоритеты внешней политики Великобритании (1990–1997 гг.) — М.: РОССПЭН, 1999 г. — Глава III.

[20] Пауэлл Дж. Новый Макиавелли. — М., 2013. — С. 409.

сыграл и элемент соперничества между Великобританией и ее европейскими партнерами.

После избрания В. Путина в мае 2000 г. президентом РФ в англо-российских отношениях начался новый этап. Не случайно свой первый зарубежный визит в новом качестве он совершил в апреле именно в Великобританию. Главными темами переговоров на высоком уровне в тот период были привлечение британских инвестиций в российскую экономику (добывающую промышленность и энергетический сектор), а также сохранение стратегической стабильности в свете планов США по созданию Национальной противоракетной обороны (НПРО). Блэр даже выразил готовность посредничать между Россией и США в ее решении. Однако его инициатива вскоре была фактически сведена на нет заключением англо-американского соглашения о модернизации британского Центра раннего предупреждения (в Файлингдейлс-Мур). Тем не менее, можно утверждать, что вплоть до начала 2003 г. Великобритания превратилась в главного политического партнера Кремля на европейском направлении. Блэр оказал существенную поддержку Москве, признав обоснованность ее действий на Кавказе (в Чечне)[21]. Вместе с тем, начали проявляться и серьезные разногласия, в том числе по ряду важнейших военно-политических проблем, например, в связи с поддержкой Лондоном планов включения в НАТО стран Балтии. Стремясь не допустить ухудшения отношений с Россией, Блэр выступил с идеей обсуждения вопросов безопасности на равноправной основе и перевода сотрудничества НАТО с ней в формат «Двадцатки».

Несмотря на высокую степень взаимопонимания, достигнутую между двумя лидерами, в том числе в отношении террористического акта в сентябре 2001 г. в Нью-Йорке, когда «Америка и Европа (включая Россию) по настоящему объединились»[22], британскому премьеру не удалось добиться от Москвы поддержки англо-американских планов вторжения в Ирак. С 2003 г. в российско-британских отношениях наблюдается спад, что подтвердилось на апрельской встрече Блэра с Путиным в Москве (их первой встрече после оккупации Ирака), которая проходила в подчеркнуто сдержанной манере. Впоследствии, летом 2016 г., подход российской стороны к этой интервенции как к ошибке, приведшей к тяжким последствиям, получил подтверждение в докладе независимой комиссии во главе с сэром Чилкотом: ее вердикт, об-

[21] Пауэлл Дж. Ук. соч. — С. 409.

[22] Straw J. Last Man Standing. Memoirs of a Political Survivor. — London: Pan Books, 2012. — P. 341

народованный летом 2016 г., дал однозначную оценку этой позорной странице правления Блэра[23].

Несмотря на начавшееся охлаждение в российско-британских отношениях, в июне 2003 г. произошло знаменательное событие: по приглашению королевы Елизаветы президент России совершил государственный визит в Великобританию. (Предыдущий визит такого статуса прошел 130 лет назад). Говоря о его значении, британский посол в России сэр Родрик Лайн назвал приглашение, идущее от королевы, «самым большим комплиментом» который может быть сделан Великобританией лидеру другого государства[24]. Путин посетил Эдинбург, где встретился с представителями деловой и политической элиты Шотландии. Визит совпал с проведением в Лондоне международного Энергетического форума, на котором был сделан далеко идущий шаг: подписаны *Коммюнике о сотрудничестве между Россией и Великобританией в области энергетики, Меморандум о строительстве Североевропейского газопровода,* по которому российский газ должен был по дну Балтийского моря поступать в Германию, Нидерланды, Великобританию и другие страны, а также соглашение о создании совместной нефтяной компании «ТНК — Би-Пи» и некоторые другие. Для британской стороны этот проект имел особое значение, так как к 2020 г. страна превращалась в нетто-импортера газа (с 80–90 % зависимостью от его импорта).

В 2003 г. широко отмечалось 450-летие установления первых дипломатических контактов между нашими странами. В Лондоне стал регулярно проводиться фестиваль «Русская зима». Стабильно развивались торгово-экономические связи. Товарооборот в 2004 г. превысил 9 млрд долл., однако по объему накопленных в России инвестиций Великобритания занимала лишь пятое место (после Нидерландов, Люксембурга, Кипра и Германии) — 9,6 млрд долл.[25].

Встречи лидеров проходили также в июне 2005 г. в Москве и в июле в Гленигле (Шотландия) в рамках саммита «Восьмерки», а также в октябре 2005 г. (рабочая поездка Путина в Великобританию), а затем наступила продолжительная пауза. По мере того, как Россия последовательно восстанавливала свои позиции на международной арене, в отношениях с Великобританией к концу десятилетия все больше про-

---

[23] Chilcot report: key points from the Iraq inquiry. [Electronic resource] URL: http://www.theguardian.com/uk-news/2016/jul/06/iraq-inquiry-key-points-from-the-chilcot-report

[24] Итоги. — 2003. — 1 июля. — С. 14.

[25] Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. Москва: ИМО, 2015. С. 744.

являлась негативная составляющая: помимо проблемы Ирака и некоторых других, возникли острые разногласия в связи с предоставлением Лондоном политического убежища лицам, находящимся в России под следствием (Березовский, Закаев и др., всего чуть более 40 человек). В конце 2005 г. разгорелся скандал вокруг непрекращающейся деятельности в нашей стране британских спецслужб.

В мемуарах Блэр высказал сожаление по поводу охлаждении отношений с президентом РФ, списав это на иракскую войну, но более всего — на охлаждение российско-американских отношений. Признав, что у России были основания считать, что Запад относится к ней «с недостаточным уважением»[26], он сообщил об «открытом обмене мнениями» с Путиным в ходе последней их встречи, что в переводе с дипломатического языка означает обмен взаимными обвинениями.

С уходом Блэра в отставку (июнь 2007 г.) российско-британские отношения не только не улучшились, но в них возник еще более серьезный кризис в связи с так называемым «делом Литвиненко» (смертью в Лондоне бывшего офицера российских спецслужб), который почти полностью нивелировал предыдущие достижения. На отказ России выдать британской стороне Лугового, проходившего по этому делу в качестве подозреваемого, Лондон отреагировал резким заявлением, высылкой из страны четырех российских дипломатов, а также ужесточением порядка выдачи виз официальным лицам России, что не могло не осложнить двустороннее сотрудничество в сфере борьбы с международным терроризмом. Москва ответила адекватно. Таким образом, межгосударственный диалог по существу был прерван, а после резких заявлений ряда деятелей лейбористского правительства Г. Брауна в связи с агрессией Грузии против Южной Осетии в августе 2008 г. и решительными действиями российской стороны по ее отражению двусторонние отношения опустились до уровня времен «холодной войны». С призывом еще более ужесточить политику в отношении России выступило руководство тори, в том числе новый лидер партии Д. Кэмерон, а также влиятельный комитет палаты общин по обороне.

Отсутствие нормальных политических отношений с превращавшейся в самостоятельный центр силы Россией в условиях, когда наша страна играла ключевую роль в решении крупнейших мировых проблем — энергетической, ближневосточной, иранской, ядерного нераспространения и многих других — делало ситуацию для Лондона

[26] Blair T. A Journey. — London: Hutchinson, 2010. — P. 359, 451.

неблагоприятной. Внес существенные коррективы и мировой экономический кризис. Нормализации требовали интересы бизнеса, ведь Великобритания являлась четвертым по значению торгово-экономическим партнером России. Поэтому по мере приближения парламентских выборов Лондон предпринял попытку улучшить отношения с Москвой, однако несмотря на шесть встреч глав внешнеполитических ведомств и две встречи руководителей (Д. Медведев — Г. Браун), к прежнему состоянию они при лейбористах так и не вернулись.

Смена руководства в обеих странах (избрание в 2008 г. на пост Президента России Д. Медведева, а также приход к власти в 2010 г. коалиционного правительства тори и либерал-демократов во главе с Д. Кэмероном), позволяла перевернуть мрачную (и тупиковую) страницу российско-британских отношений и начать «с чистого листа», вернувшись к конструктивному диалогу. Подчинив свои приоритеты задаче преодоления последствий экономического кризиса, проявив признаки прагматизма в политике, Лондон высказался за возобновление политического диалога, и это был важный шаг к тому, чтобы поднять двусторонние отношения на более высокий, конструктивный уровень, соответствующий современному состоянию обеих стран. В результате российско-британские отношения заметно улучшились. В 2010 г. и 2011 гг. прошли встречи глав внешнеполитических ведомств, а в сентябре 2011 г. состоялся визит Кэмерона в Москву в сопровождении большой группы бизнесменов. Подтверждением обоюдной заинтересованности в развитии деловых связей стало подписание семи документов, в большинстве меморандумов о взаимопонимании (в том числе между «Росатомом» и «Роллс-Ройс», Российскими железными дорогами, фондом «Сколково», Российским фондом прямых инвестиций и министерством торговли Великобритании, а также о содействии в создании в Москве Международного финансового центра). В России на тот момент работало 600 британских компаний (в 2013 г. — уже тысяча). Неуклонно увеличивался взаимный товарооборот (в 2009 г. — 12 млрд долл., в 2013 — 24,6 млрд), при этом британский экспорт в Россию рос быстрее, чем в любую другую крупную страну[27]. Британия заняла первое место по текущим инвестициям в российскую экономику (около 40 млрд долл., большинство из них — в энергетический сектор). Медведев и Кэмерон

[27] Громыко А. А., Ананьева Е. В. Российско-британские отношения на современном этапе. /Российский совет по международным делам. — 2014. — Рабочая тетрадь №19. — С. 13.

лично поставили подписи под *Декларацией о партнерстве в модернизации*, а также приняли *Совместное заявление о сотрудничестве в области культуры*[28].

Если по линии торгово-экономических отношений на переговорах наблюдался определенный прогресс (сумма подписаных в ходе визита контрактов составила 215 млн ф. ст.)[29], и они не очень зависели от политической конъюнктуры, то этого нельзя сказать о политической сфере. Несмотря на оживление официальных контактов, стороны существенно расходились по многим проблемам мировой политики, в том числе в оценке событий, происходящих в арабском мире (в Ливии, Сирии, Ираке, Иране). Россия осуждала действия НАТО в Ливии, вышедшие за рамки резолюции 1973 ООН, на основе которой Запад поддержал военной силой одну сторону в гражданском конфликте. Великобритания, в свою очередь, выступила за применение ООН санкций против президента Сирии Б. Асада и его режима вплоть до военного вмешательства, что блокировалось Россией.

Переговоры Путина с Кэмероном в Лондоне в августе 2012 г. во время проходившей в стране летней Олимпиады, которые окрестили «дипломатией дзюдо»[30], подтвердили, что по сирийскому вопросу стороны по существу остались на своих прежних позициях: Лондон требовал смены режима в Дамаске, Москва отвергала любые действия против законного сирийского правительства. Вместе с тем, было принято важное решение о новом формате англо-российского стратегического диалога «2+2» (министры иностранных дел совместно с министрами обороны) — такие переговоры состоялись в марте 2013 г. в Лондоне. Кэмерон проявил заметную активность в сирийском вопросе, посетив в мае 2013 г. Сочи для переговоров с Путиным в рамках подготовки международной конференции по Сирии.

Между Россией и Британией наблюдалась существенная напряженность не только из-за сирийского вопроса, но также из-за разного понимания проблемы соблюдения прав человека (так называемые «дело Литвиненко», «дело Магнитского», в связи с которым в апреле 1913 г. британская сторона запретила 60 гражданам России въезд в страну). Эта проблема продолжала оставаться раздражающим фактором двусторонних отношений и использовалась Лондоном как средство давления на Москву. Вели-

---

[28] Годованюк К. А. Эволюция отношений в период коалиционного правительства./ Дилеммы Британии. Поиск путей развития. Под ред. А. А. Громыко. — Москва: Весь Мир, 2014. — С. 371.

[29] Совместная конференция Агентства по торговле и инвестициям Великобритании и Российского Фонда Прямых Инвестиций «Инвестиции в Россию». Пресс-релиз, 23 апреля 2012 г. — [Электронный ресурс] URL: http://www.rdif.ru/fullNews/109

[30] Годованюк К. А. Ук. соч. — С. 373.

кобритания требовала привлечь Россию к ответу в ЕСПЧ за нарушение прав человека, подбивала своих европейских партнеров к принятию жестких мер против нашей страны. Вместе с тем, лидеры России и Великобритании договорились двигаться дальше в тех сферах, где имелся взаимный интерес, то есть по линии бизнеса, культуры и пр. В мае 2013 г. британская сторона все же согласилась на частичное возобновление свернутого ею сотрудничества спецслужб в связи с подготовкой Олимпиады в Сочи.

Отсутствие взаимопонимания между Лондоном и Москвой по сирийскому вопросу вновь подтвердилось в ходе встречи Кэмерона и Путина в Великобритании 16 июня 2013 г. перед саммитом «Восьмерки» в Северной Ирландии. В то же время были отмечены благоприятные перспективы для дальнейшего роста торгово-экономических отношений, сотрудничества в энергетической сфере, а также в космосе. О заинтересованности британского бизнеса в развитии связей с Россией свидетельствовало то, что вплоть до украинского кризиса они развивались поступательно, независимо от ухудшения общей атмосферы в отношениях России с Западом. В сентябре 2013 г. Путин и Кэмерон встретились вновь в Санкт-Петербурге на саммите «Двадцатки». В целом, складывалось впечатление, что если бы не разногласия по Сирии и правам человека, отношения нашей страны с Великобританией могли быть вполне дружественными.

К сожалению, вскоре после зимней Олимпиады 2014 г. российско-британские отношения вновь, как это неоднократно бывало в прошлом, были ввергнуты в состояние глубокого кризиса, причиной которого на этот раз стало жесткое противостояние России и Запада по Украине. Великобритания всячески подталкивала Киев к ассоциации с ЕС, поэтому произошедший там 21 февраля 2014 г. государственный переворот не стал для нее неожиданностью, чего нельзя сказать о событиях в Крыму. Поначалу, как показали попавшие в СМИ документы британского Совета национальной безопасности, позиция Лондона была более конструктивной: осознавая важность российских капиталов для своей экономики, а также интересы деловых кругов, Великобритания хотела избежать принятия мер финансового, торгово-экономического и, тем более, военного характера, ограничившись введением визовых ограничений в отношении российских чиновников, отправкой наблюдателей от ОБСЕ или ООН на юго-восток Украины и в Крым, а также некоторых других[31]. Однако, по мере разрастания кризиса (в связи с кровопролитными столкновениями на юго-востоке Украины, проведением референдумов в ДНР и ЛНР, а также в Крыму, разрешением

[31] Громыко А. А., Ананьева Е. В. Ук. соч. — С. 17.

Федерального Собрания российскому президенту ввести на эти территории войска для защиты русскоязычных граждан, заявлениями Киева о «вооруженном вторжении России» и «оккупации» Крыма) британская позиция существенно ужесточилась.

Кэмерон активно включился в развязанную на Западе антироссийскую кампанию, последовательно и безоговорочно поддержав все шаги США в этом вопросе, как экономического (санкции), так и политико-дипломатического характера, навязывая их европейским партнерам. Из важного партнера Россия в одночасье превратилась в обвиняемого в дестабилизации ситуации на юго-востоке Украины и даже в агрессии, ей стали угрожать далеко идущими последствиями в сфере энергетики, финансовых услуг, торговли, а также международной изоляцией. При этом Великобритания по существу закрыла глаза на гибель от бомбардировок и обстрелов украинскими силами тысяч жителей юго-востока, еще раз подтвердив тем самым двуличие в вопросе соблюдения прав человека. Лондон традиционно возглавил курс на нагнетание военной истерии в Европе, предложив план создания крупной группировки сил НАТО в Польше и Прибалтике для отражения «агрессии со стороны России», призвав к пересмотру Основополагающего акта Россия — НАТО, инициировав лишение российской делегации права голоса в руководящих органах ПАСЕ. Великобритания пошла еще дальше, направив на Украину военных инструкторов, приняв активное участие в военных учениях альянса в Польше, поддержав приостановку членства России в «Восьмерке», фактически возглавив разработку мер по снижению энергозависимости от России, она ввела запрет на экспорт военной продукции двойного назначения, пересмотрела англо-российские договоренности в области атомной энергетики. Использовались также меры дипломатического давления на Москву. Пострадало и проведение объявленного на 2014 г. «перекрестного» года Великобритании и России. Несмотря на успокаивающие для бизнеса заявления о сохранении поступательного развития торгово-экономических связей, после референдума в Крыму (март 2014 г.) целый ряд британских компаний вынужден был заморозить свою деятельность в нашей стране. Российско-британский товарооборот снизился в 2014 г. (по сравнению с предыдущим годом) на 8 %[32].

Общественно-политическая атмосфера в Великобритании в целом в результате развязанной против России информационной войны, ее

[32] Более подробно см.: Андреева Т. Н. Британо-российские отношения при коалиционном правительстве Д.Кэмерона — Н.Клегга / Россия во внешнеполитической стратегии Европейского Союза (до и после «Украины»). — Москва, ИМЭМО РАН. — 2014.

демонизации, в том числе и в связи с крушением в июле 2014 г. малайзийского «Боинга» в небе над Украиной (в чем не преминули бездоказательно обвинить Москву), складывалась не в пользу нашей страны, в лице которой был сформирован образ «внешнего врага». В 2015 г. Лондон практически полностью, за исключением культуры, прекратил какой-либо диалог с Москвой. (Любопытно, что в советское время Британия реагировала на те или иные не устраивавшие ее акции СССР сворачиванием прежде всего культурных, а не торгово-экономических связей. В настоящее время наблюдается обратный феномен: именно культурные связи — в рамках «перекрестных» 2015, 2016 и 2017 гг. — остаются той ниточкой, которая связывает наши страны в условиях резкого обострения отношений). Контакты между руководителями обеих стран свелись к редким телефонным разговорам, а также коротким встречам в ходе международных форумов. Явным недружественным жестом стал отказ Форин офис предоставить России разведданные для нанесения ВКС авиаударов по позициям ИГИЛ в Сирии. Осенью 2015 г. правительство Кэмерона внесло «поведение России» в качестве угрозы в новый вариант Стратегического обзора обороны и безопасности страны, наряду с ИГИЛ, северо-ирландским терроризмом, организованной преступностью и др.[33]. Призыв противостоять России, якобы потенциально угрожающей британской и европейской безопасности, звучал и в период предвыборной кампании 2015 г., и при подготовке референдума по вопросу сохранения членства в Евросоюзе[34], а также при обсуждении уже новым британским правительством во главе с Терезой Мэй[35] вопроса модернизации ядерного потенциала страны летом 2016 г. Несмотря на встречу Мэй и Путина на полях саммита «Двадцатки» в сентябре 2016 г. в Китае, в ходе которой с обеих сторон была высказана надежда на выведение двусторонних отношений на более высокий, по сравнению с нынешним, уровень, давно назревшая нормализация вновь откладывается на неопределенный срок после угроз главы Форин офис Б. Джонсона в адрес Москвы в связи с событиями в Сирии (его обвинений России в бомбардировках мирных жителей и призывов к демонстрациям протеста у российского посольства в Лондоне). В этой обстановке уже не удивляет, что именно Великобритания, стоящая на

[33] National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. — Cm.9161. — [Электронный ресурс] URL: www.gov.uk

[34] референдум состоялся 23 июня 2016 г., около 52 % проголосовали за выход Великобритании из ЕС.http://www.rdif.ru/fullNews/109

[35] Тереза Мэй стала лидером тори и премьер-министром в июле 2016 г.

пороге выхода из Евросоюза, вынесла сирийский вопрос на повестку дня октябрьского 2016 г. саммита ЕС, настаивая на продолжении политики жесткого давления на Москву и расширении санкций. Аналогичный призыв, в ответ на успехи России в Сирии, содержался в первом программном выступлении Джонсона, состоявшемся в Королевском институте международных отношений (Чэтем хаус)[36]. Лондон по-прежнему задает тон в кампании истерии в отношении России и, по всей видимости, намерен делать это и дальше, учитывая претензии ушедшего в отставку Кэмерона на пост Генсека НАТО.

Таким образом, развитие российско-британских отношений за последние 25 лет свидетельствует о том, что, несмотря на их избавление от идеологической составляющей прошлого, Великобритания, в том числе и из-за ее традиционной тесной привязки к США, отличного от российского подхода к обеспечению европейской безопасности, а также явной зависимости от преобладающей на Западе конъюнктуры, продолжает оставаться для Москвы одним из наиболее трудных партнеров. Она продемонстрировала готовность жертвовать своими явными экономическими интересами и выгодой в России ради призрачных геополитических интересов Запада. Вместе с тем, учитывая смену администрации в Соединенных Штатах и заявления президента Д. Трампа в адрес России, идущие вразрез с консолидированной позицией европейских элит (в том случае если они не претерпят серьезных изменений), правительству Т. Мэй придется рано или поздно подстроиться под новую администрацию, внеся коррективы в свою политику на российском направлении. Тем более, с учетом Брекзита, в условиях, когда перспектива отношений Великобритании с ЕС представляется в определенной степени туманной, укрепление связей с заокеанским партнером приобретает особо важное значение. При этом надо понимать, что поворот к нормализации российско-британских отношений, не говоря уже об их возвращении в состояние дружественных, не произойдет в краткосрочной, а возможно и в среднесрочной перспективе. Что же касается вопроса о правах человека, прежде всего «дела Литвиненко», то он, как представляется, останется постоянно действующим фактором российско-британских отношений, используемым Лондоном как средство давления на политику России.

Литература

1. Андреева Т. Н. Британо-российские отношения при коалиционном правительстве Д.Кэмерона — Н.Клегга./Россия во внешнеполитической стратегии

[36] The Daily Telegraph. — 2016. — Dec.2.

Европейского Союза (до и после «Украины»). Отв. ред. Арбатова Н. К. Москва: ИМЭМО РАН, 2014. 183 с.
2. Громыко А. А., Ананьева Е. В. Российско-британские отношения на современном этапе. Российский совет по международным делам. Рабочая тетрадь № 19 /2014.
3. Годованюк К. А. Эволюция отношений в период коалиционного правительства./Дилеммы Британии. Поиск путей развития. Под ред. А. А. Громыко. Москва: Весь Мир, 2014. 460 с.
4. Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании. Москва: ИМО, 2015. 839 с.
5. Капитонова Н. К. Приоритеты внешней политики Великобритании (1990–1997 гг.) Москва: РОССПЭН, 1999. 142 с.
6. Пауэлл Дж. Новый Макиавелли. Москва: АСТ, 2013. 444 с.
7. Хесин Е. С., Годованюк К. А. Российско-британские отношения: взлеты и падения./Дилеммы Британии. Поиск путей развития. Под ред. Ал. А.Громыко. Москва: Весь Мир, 2014. 460 с.
8. Совместная конференция Агентства по торговле и инвестициям Великобритании и Российского Фонда Прямых Инвестиций «Инвестиции в Россию». Пресс-релиз, 23 апреля 2012 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.rdif.ru/fullNews/109
9. Blair T. A Journey. London: Hutchinson, 2010, 691p.
10. Palmer D. The Queen and Mrs Thatcher. An Inconvenient Relationship. UK: The History Press, 2015. 319 p.
11. Straw J. Last Man Standing. Memoirs of a Political Survivor. London: Pan Books, 2012. 562 p.
12. Chilcot report: key points from the Iraq inquiry. [Электронный ресурс] URL: http://www.theguardian.com/uk-news/2016/jul/06/iraq-inquiry-key-points-from-the-chilcot-report
13. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. Cm.9161. [Электронный ресурс] — URL: www.gov.uk
14. Дипломатический вестник. — 1992. — №№ 5–6, 23–24.
15. Итоги. — 2003. — 1 июля.

RUSSIAN-BRITISH RELATIONS AT THE PRESENT STAGE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Nataliya K. Kapitonova

Annotation. *Despite the "points of attraction" between Britain and Russia, Russian-British relations are distinguished by a lack of stability and dependence on the political conjuncture in the West. The best period in relations between Moscow and London over the past 25 years — the 1990s, when, after the collapse of the Soviet Union, Russia was significantly weakened and lost its*

weight in world affairs, which facilitated the expansion of NATO and aggression against Yugoslavia for the West. It was then that the course on strategic partnership was proclaimed, a number of important documents were signed, which constituted the legal basis for our relations, including the Treaty on the Principles of Relations (for the first time since 1942), the Military Treaty, etc. This period is marked by the richness of bilateral political contacts, Trade and economic and other ties, the historic visit of Queen Elizabeth to Russia took place.

Active dialogue was continued in the first half of T. Blair's rule — the beginning of the presidency of V.Putin. The establishment of friendly relations was evidenced by the state visit of the Russian President to Great Britain for the first time within 130 years. As Russia gradually restored its positions in the international arena, relations with Great Britain were increasingly showing serious disagreements, which had become increasingly serious. London reacted toughly to Russia's actions in response to Georgia's aggression against South Ossetia. Since then, except for a brief period associated with the return to power of the Conservatives and the visit of D. Cameron to Russia in September 2011, relations have only deteriorated, reaching the state of the Cold War. Interstate dialogue was essentially interrupted. On all important issues for Russia — the Ukrainian crisis, Crimea, sanctions, Syria, etc. the UK takes the most tough position among the EU member states and NATO. Again, the thesis of the "Russian threat" is actively used. Despite the noticeable deterioration in political relations, business ties continued to develop until 2014, when due to the serious deterioration of the overall political atmosphere, due to the information war unleashed against Russia, British firms began to freeze their activities in our country.

Despite the ridding of Russian-British relations from the ideological component of the past, Britain remains one of the most difficult partners for Russia, ready to sacrifice its obvious economic interests and benefits in Russia for the sake of the illusive geopolitical interests of the West.

Keywords: *Britain, Russia, Russian-British relations, Russian threat.*

References:

1. Andreeva T.N. Britano-rossiiskie otnosheniia pri koalitsionnom pravitel'stve D.Kemerona — N.Klegga./Rossiia vo vneshnepoliticheskoi strategii Evropeiskogo Soiuza (do i posle «Ukrainy»). Otv. red. Arbatova N.K. Moskva: IMEMO RAN, 2014. 183 c.
2. Gromyko Al. A., Anan'eva E.V. Rossiisko-britanskie otnosheniia na sovremennom etape. Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam. Rabochaia tetrad' № 19 /2014.

3. Godovaniuk K. A. Evoliutsiia otnoshenii v period koalitsionnogo pravitel'stva./ Dilemmy Britanii. Poisk putei razvitiia. Pod red. Al. A.Gromyko. Moskva: Bes' Mir, 2014. 460 c.
4. Kapitonova N. K., Romanova E. V. Istoriia vneshnei politiki Velikobritanii. Moskva: IMO, 2015. 839 c.
5. Kapitonova N. K. Prioritety vneshnei politiki Velikobritanii (1990–1997 gg.) Moskva: ROSSPEN, 1999. 142 s.
6. Pauell Dzh. Novyi Makiavelli. Moskva: AST, 2013. 444 s.
7. Khesin E. S., Godovaniuk K. A. Rossiisko-britanskie otnosheniia: vzlety i padeniia./ Dilemmy Britanii. Poisk putei razvitiia. Pod red. Al. A.Gromyko. Moskva: Ves' Mir, 2014. 460 s.
8. Sovmestnaia konferentsiia Agentstva po torgovle i investitsiiam Velikobritanii i Rossiiskogo Fonda Priamykh Investitsii «Investitsii v Rossiiu». Press-reliz, 23 aprelia 2012 g. [Elektronnyi resurs] URL: http://www.rdif.ru/fullNews/109
9. Blair T. A Journey. London: Hutchinson, 2010, 691r.
10. Palmer D. The Queen and Mrs Thatcher. An Inconvenient Relationship. UK: The History Press, 2015. 319 p.
11. Straw J. Last Man Standing. Memoirs of a Political Survivor. London: Pan Books, 2012. 562 p.
12. Chilcot report: key points from the Iraq inquiry. [Elektronnyi resurs] URL: http://www.theguardian.com/uk-news/2016/jul/06/iraq-inquiry-key-points-from-the-chilcot-report
13. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. Cm.9161. [Elektronnyi resurs] — URL: www.gov.uk
14. Diplomaticheskii vestnik. — 1992. — №№ 5–6, 23–24.
15. Itogi. — 2003. — 1 iiulia.

Информация об авторе
Капитонова Наталия Кирилловна
д.и.н., проф., МГИМО МИД России, Россия
E-mail: nkapitonova@mail.ru
Nataliya K. Kapitonova
Doctor of Historical Sciences, Professor,
MGIMO-University
E-mail: nkapitonova@mail.ru

«ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ» В РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ (1992–2016 ГГ.)

И. Э. МАГАДЕЕВ

Аннотация. *Традиционная риторика российско-французских отношений, используемая как практиками, так и исследователями, построена на понятиях об их «особом» и дружественном характере. Вместе с тем меняющие реалии мировой политики, при которых Москва и Париж не выглядят приоритетными партнерами друг для друга, ситуация общего охлаждения в отношениях России и Запада с 2014 г., увеличивающая роль многосторонней дипломатии, — все это заставляет ставить вопрос о значение общей международно-политической обстановки для взаимодействия России и Франции, об усиливающемся значении «внешних факторов». Цель данной статьи — выявление роли «внешних факторов» в российско-французских отношениях в период с 1992 по 2016 гг. На фоне обилия литературы, посвященного собственным двусторонним отношениям, подобная постановка вопроса отличается новизной. Опираясь на гипотезу о растущем многообразии и сложности обстоятельств, определяющих отношения России и Франции в меняющемся мире конца XX — начала XXI вв., было выделено семь «внешних факторов»: факторы США, международного терроризма, ФРГ, Великобритании, ЕС, НАТО и КНР. Обобщая их «кумулятивный» эффект автор пришел к выводу, что наиболее плотное взаимодействие России и Франции в рассматриваемый период (1) предполагало достаточно серьезную автономность решений Парижа в отношении Вашингтона, (2) было встроено в российско-германо-французский «треугольник», (3) нередко сопрягалось с совместными действиями по поддержанию глобальной безопасности и с борьбой с «международным терроризмом», (4) протекало в условиях приоритета западного вектора внешней политики Москвы и ее плотного диалога с ЕС (отчасти — НАТО). Напротив, ситуация осложнения российско-французского диалога сочеталась с (1) общим охлаждением отношений Москвы с США, ЕС и НАТО, (2) различием в подходах к борьбе с «международным терроризмом», (3) попытками франко-германского тандема выступить*

посредником в урегулировании отношений с Россией, (4) активизацией политики последней на азиатском направлении. С точки зрения автора, активизация исследований в разрезе многосторонних отношений может способствовать дискуссии и о модернизации средств и методов российской дипломатии.

***Ключевые слова**: Россия, Франция, билатерализм, мультилатерализм, «внешние факторы».*

Введение. Среди исследователей и нередко практиков международных отношений до последнего времени почти общим местом было утверждение об «особом», традиционно близком характере и богатой истории российско-французских отношений, о взаимном культурном притяжении, о стратегической роли двух стран для судеб европейского континента, и отчасти — всего мира. В 2000 г. профессор университета Страсбург-III Ж.-К. Ромер писал о том, что «две державы, расположенные с одной и другой стороны европейского континента, безусловно, объединены длительной традицией дружбы» [Romer, 2000, p. 439]. 12 годами позже об «особенных» отношениях Москвы и Парижа, «основанных на давней дружбе», писал влиятельный эксперт, директор французского аналитического центра «Обсерво» в России А. Дюбьен [Дюбьен, 2012, с. 5]. В 2013 г., со своей стороны, профессор МГИМО Е. О. Обичкина отмечала, что «российские политики и общественные деятели, говоря о российско-французских отношениях, неизменно отмечают особый, традиционно дружественный характер связей двух стран» [Обичкина, 2013, с. 30].

Аналогичными идеями были проникнуты статьи министров иностранных дел России и Франции, С. В. Лаврова и Л. Фабиуса, написанные для специального номера журнала «Россия в глобальной политике» (2013 г.)[37], а также многие выступления на коллоквиуме, состоявшемся в Париже в апреле 2013 г. и собравшем видных дипломатов, политиков, представителей делового и академического сообществ России и Франции[38]. В январе 2014 г. директор Департамента континентальной Европы МИД Франции Э. Фурнье характеризовал двусторонние отношения как «отличные» [Проблемы международной безопасности, 2014, с. 51].

---

[37] Фабиус Л. Россия и Франция: партнерство в глобализированном мире // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. Спец. выпуск. С. 8–11; Лавров С. В. Россия–Франция, Россия–Европа: горизонты партнерства // Там же. С. 12–18.

[38] France-Russie: l'avenir d'un partenariat stratégique (IRIS, 18.04.2013) [Электронный ресурс]. URL: http://www.iris-france.org/docs/kfm_docs/docs/cr-conferences/cr-france-russie-avenir-partenariat-stratgique.pdf (дата обращения — 20.01.2017).

Исследователи и раньше отмечали, что ссылок на историю и «традиционную дружбу» недостаточно для развития подлинного сотрудничества России и Франции[39]; сегодня, в условиях резкого охлаждения отношений между Москвой и Западом в целом и с Парижем в частности совсем недавние утверждения звучат значительно менее очевидно [Cadier, 2016, p. 3]. Во внешнеполитическом обзоре МИД России за 2014 г. отмечалось, что Париж оказался «в „первых рядах" тех, кто присоединился к антироссийскому развороту в Евро-Атлантике», хотя одновременно констатировалось и то, что «Франция неоднократно выступала против разрыва отношений с Россией, подчеркивая, что санкции должны сопровождаться продолжением политического диалога…»[40]. На саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 г. президент Франции Ф. Олланд, в свою очередь, говорил о необходимости «твердости и диалога» в отношениях с Москвой[41]. Дверь не была закрыта и с российской стороны. В новой Концепции внешней политики РФ, утвержденной в ноябре 2016 г., Франция традиционно следует за Германией в списке европейских стран, «активизация взаимовыгодных двусторонних связей» рассматривается как «важный ресурс продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах»[42].

Вместе с тем об общем изменении ситуации говорили, среди прочего, меняющиеся экспертные оценки. В условиях разворачивания Украинского кризиса французские специалисты из высших учебных заведений и аналитических центров писали уже не столько об «особых» российско-французских отношениях, сколько об их «банализации» [Facon, 2015, p. 118], необходимости их «изобретения заново»

---

[39] Mendras M. Russia–France: A Strained Political Relationship // Russian Analytical Digest. 01.07.2013. No. 130. P. 2.

[40] Обзор МИД РФ «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2014 году» [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1252251 (дата обращения — 20.01.2017).

[41] Hubert-Rodier J. Hollande prône «fermeté» et «dialogue» avec la Russie // Les Echos. 09.07.2016.

[42] Концепция внешней политики Российской Федерации, 30.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html (дата обращения — 20.01.2017). В прошлой Концепции (2013 г.) формулировка и место Франции были аналогичными, однако помимо продвижения национальных интересов активизация связей рассматривалась и как «содействие переводу российской экономики на инновационный путь развития». См.: Концепция внешней политики Российской Федерации, 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения — 20.01.2017).

и невозможности возврата к статус-кво [Tinguy, 2015, p. 143, 148], позиционировали действия России в ходе кризиса как «беспрецедентную с момента окончания „холодной войны" угрозу безопасности на континенте» [Allard, 2015, p. 167] для стран ЕС и НАТО. «Встревоженные, но не предгрозовые, умеренные, но не гармоничные», — писал о российско-французских отношениях летом 2015 г. один из канадских экспертов [Burgos, 2015, p. 48].

Безусловно, имеются определенные надежды на развитие нового витка российско-французского сближения, надежды, которые связываются, прежде всего, с именем кандидата на пост президента Франции от правоцентристской партии «Республиканцы», бывшего премьер-министра Ф. Фийона[43]. Совсем недавно, к примеру, он заявлял о том, что «отношения с Россией — это стратегический вопрос для будущего Европы», и признавал ошибки в выстраивании контактов с Москвой в прошлом[44]. Однако, каким бы ни был ход развития дальнейших событий (прогнозы нормализации отношений высказывались авторитетными авторами и применительно к 2016 г.[45]), 25 лет взаимодействия России и Франции — серьезный хронологический отрезок для того, чтобы попытаться выделить некоторые закономерности и тенденции в развитии диалога по линии Москва — Париж.

Большая часть исследований российско-французских отношений сосредоточена, что вполне логично, преимущественно на двусторонней проблематике. Помимо образа «особых» отношений тому способствуют устоявшиеся исследовательские подходы к изучению истории и современности международных отношений. Однако в условиях растущей и внутренне изменчивой глобализации российско-французские отношения нередко являются частью разного рода «треугольников» и «многоугольников», испытывая влияние общей международно-политической обстановки («внешних факторов»). Более того, «если оставить в стороне официальные выступления, двустороннее партнерство сегодня не является приоритетным ни для Москвы, ни для Парижа» [Дюбьен, 2012, с. 17].

---

43 Katona V. 2017, année du rapprochement franco-russe? [Электронный ресурс]. URL: http://fr.rbth.com/opinions/2016/11/29/2017-annee-du-rapprochement-franco-russe_652081 (дата обращения — 20.01.2017).

44 François Fillon: «Je propose une alliance européenne de défense» // Le Monde. 22.01.2017.

45 Дюбьен А. Франция–Россия: свет в конце туннеля? 15.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Frantciya--Rossiya-svet-v-kontce-tunnelya-17683 (дата обращения — 20.01.2017).

Цель данной статьи — определить роль подобных «внешних факторов» в российско-французских отношениях в период с 1992 по 2016 гг. При наличии немалого количества российских работ по взаимодействию России и Франции, помимо акцента на двусторонний уровень отношений, они нередко характеризуются приоритетным вниманием к описанию и анализу текущих событий, фиксации кратко- и среднесрочных трендов и определении их значения. Не все из подобных работ равнозначны и по качеству. В критике относительно «снижения качества экспертной оценки по Франции, по равнению с 1980-ми годами, в крупных московских исследовательских центрах» [Дюбьен, 2012, с. 17; Facon, 2015, p. 130], есть своя справедливость.

Вместе с тем исследования проблематики современных российско-французских отношений, принадлежащие перу руководителя Центра французских исследований Института Европы (ИЕ) РАН профессору Ю.И. Рубинскому[46], Е.О. Обичкиной[47], заведующей Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России Т.В. Зверевой[48], ведущего научного сотрудника ИЕ РАН С.М. Федорову[49], сотрудникам ИМЭМО РАН[50], — все эти и другие работы, освещая и анализируя текущее состояние двустороннего взаимодействия, составляют основу для поиска и выдвижения новых исследовательских подходов и стратегий.

Теоретические основания исследования. В концептуальном отношении данная статья опирается на подходы, сформулированные

---

[46] Франция. В поисках новый путей / Под ред. Ю.И. Рубинского. М., 2007; Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М., 2011; его же. Россия и франко-германский тандем: история, проблемы, перспективы (2009) // Россия в глобальном мире: 2000–2011. Хрестоматия в 6 томах / Под общ. ред. И.С. Иванова. Т. 3. М., 2012. С. 998–1008.

[47] Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М., 2003; ее же. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М., 2012.

[48] Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М., 2014.

[49] Федоров С.М. Франция в новых геополитических условиях Европы XXI века. М., 2012; его же. Российско-французские отношения: в поисках стратегического партнёрства [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/book/rossijsko-francuzskije_otnoshenija_v_poiskah_strategicheskogo_partnorstva_2010–03–06.htm (дата обращения — 20.01.2017).

[50] Зуева К.П. Российско-французские отношения: реальность и тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 12. С. 133–139; Французские социалисты у власти: в поисках решений структурных проблем / Отв. ред. А.К. Кудрявцев. М., 2014.

в рамках двух направлений теории международных отношений — политического реализма и институционализма. Из работ классических реалистов, в т.ч. Г. Моргентау[51], заимствуется идея о ключевой роли государств в международных отношениях, о значении фактора «мощи» в межгосударственном взаимодействии. Определенным наследием системных реалистов, в т.ч. К. Уолца[52], является внимание к фактору «полярности» («полюсности», по терминологии некоторых авторов[53]), а конкретнее — многополярности в современной международной ситуации. Идеи институционалистов, в т.ч. Р. Киохейна и Дж. Ная[54], косвенно отразились в размышлениях о проблематике соотношения двусторонних и многосторонних отношений (билатерализма / мультилатерализма) во взаимодействии России и Франции, о роли институциональной базы последнего. Позиции конструктивистов, в т.ч. А. Вендта[55], не отвергаются автором принципиально, однако не нашли применения в данной статье ввиду выбранного исследовательского фокуса. В целом, если использовать разделение, введенное К. Уолцем[56] относительно исследований «международной политики», сосредоточенных на структуре и системных факторах международных отношений, и исследований «внешней политики», акцентирующих уровень отдельных государств, то данная статья относится ко второй группе.

Применительно к более конкретным аспектам исследования автором была использована постановка проблемы о «ведущем» и «ведомом» в российско-французской паре, сформулированная Е. О. Обичкиной [Обичкина, 2010], а также размышления американского политолога Р. Швеллера о феномене «трехполярности» в международных отношениях[57] (применительно к различным «треугольникам» отношений, рассматриваемым ниже). Используемый автором термин «внешние факторы» объединяет в себе факторы, связанные с государствами, меж-

[51] Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace [1948]. 7th ed. N.Y., 2006.

[52] Waltz K. Theory of International Politics. N.Y., 1979.

[53] Сетов Р. А. Современный миропорядок и государственные интересы России. Термины, теории, прогнозы. М., 2010. С. 37–38.

[54] Keohane R. O., Nye J. S. Jr. Power and Interdependence. Boston, 1977. См. также: Power, Interdependence, and Non-State Actors in World Politics / Ed. by H. Milner, A. Moravcsik. Princeton, 2009.

[55] Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999.

[56] Waltz K. International Politics Is Not Foreign Policy // Security Studies. 1996. Vol. 6. No. 1. P. 54–57.

[57] Schweller R. L. Deadly Imbalances. Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest. N.Y., 1998.

дународными организациями и феноменами, выходящими за рамки собственно двусторонних отношений России и Франции, но оказывающие на них воздействие.

Исследование: основная часть. Базовой гипотезой работы была идея о растущем многообразии и сложности факторов, определяющих отношения России и Франции в меняющемся мире конца XX — начала XXI вв. Предполагалось, что классический акцент исследователей на факторы «мощи» и двусторонние отношения может быть менее актуальным, чем применительно к прошлым эпохам, ввиду растущей «нелинейности» мировой политики и усиления фактора многосторонней дипломатии. Автор исходил из представления о разнородности факторов с «волатильной», меняющейся в зависимости от контекста внутренней иерархией.

Методология исследования. При использовании концепций из теории международных отношений, с методологической точки зрения, статья преимущественно основывается на классическом инструментарии исторических исследований (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный методы). Ориентируясь на аналитическое выделение ключевых особенностей и тенденций российско-французских отношений, автор стремился отойти от преимущественно нарративной формы изложения в пользу анализа и создания своего рода «матрицы факторов», способной охватить основные механизмы, влияющие на развитие взаимодействия Москвы и Парижа.

Материалы исследования. Материалами исследования послужили основные документы, характеризующие двустороннее взаимодействие России и Франции, выступления и заявления официальных лиц двух стран. Фактологическая информация также была почерпнута из материалов СМИ и экспертных работ.

Процедура исследования. В результате изучения материалов исследования автор составил для себя картину основных этапов и содержания российско-французских отношений в рассматриваемый период. Полученная таким образом условная «совокупность данных» затем была разбита на ряд ключевых проблем, в выделении которых автор опирался на обозначенные выше концептуальные основания статьи: «баланс сил», соотношение билатерализма / мультилатерализма, специфика трехсторонних отношений. На основе анализа указанных проблем были выделены «внешние факторы», позволяющие понять некоторые ранее остававшиеся малоисследованными черты в динамике отношений России и Франции. Авторская позиция систематически сопо-

ставлялась с имеющимся точками зрения по тем или иным проблемам современных российско-французских отношений.

Описание проведенного исследования. Для понимания основных тенденций российско-французского взаимодействия в 1992–2016 гг. принципиальным представляется процесс усиления экономических, военных и внешнеполитических позиций Москвы, концептуально оформившийся в 2006–2007 гг. в то, что профессор МГИМО А. Д. Богатуров называет «доктриной приведения политического влияния России в соответствие с ее экономическими возможностями» [Богатуров, 2007, с. 65]. Данный процесс отразился на взаимодействии России с ее ключевыми партнерами, в т.ч. с Францией. Перед тем как приступить к анализу собственно «внешних факторов», представляется необходимым выделить три основные линии эволюции диалога Москва — Париж, связанные с изменением «баланса сил».

Первая — Париж потерял возможность претендовать на выстраивание асимметричных (в свою пользу) отношений с Москвой. По сути, с момента подписания российско-французского договора от 7 февраля 1992 г., до сих являющегося основой договорно-правовой базы двустороннего взаимодействия, «Франция отводила России роль „ведомого", а себе — роль „ведущего", поддерживающего реформы по демократизации и либерализации, оказывающего экономическую и логистическую помощь, адресующего образовательные программы, направленные на развитие либерального общества и демократических институтов» [Обичкина, 2010, с. 36–37]. К середине 2000-х гг. было очевидно, что Москва готова идти лишь на тот диалог, который будет развиваться «на равных». Более того во французских экспертных кругах стали появляться опасения «асимметрии» уже иного рода. Характеризуя период с 2000 по 2006 гг., Ж.-К. Ромер писал о «противоположных эволюциях», которые претерпели Россия и Франция. Он констатировал «ослабление позиций Франции в мире», отметив успешность попыток России вернуть себе статус «одного из главных акторов» в международных отношениях [Romer, 2007, p. 415].

В подобной ситуации, в т.ч. на фоне растущей привлекательности России для французских инвестиций, Франция нередко выступала уже не столько в роли «поучающей» стороны, сколько боролась за место на российском рынке, испытывая конкуренцию других стран. При этом растущие экономические и политические возможности России внушали Парижу не только надежды (в т.ч. на рост среднего класса и связываемые с ним процессы внутренней либерализации), но и опасения, в т.ч., политического давления Москвы на ЕС с использованием «энергети-

ческого оружия» (поставки углеводородов). По словам неназванного французского дипломата (сентябрь 2006 г.), «Россия восстанавливает здоровье и ведет себя как держава — это хорошо. Но этот партнер все чаще отказывается от компромиссных формул. Сотрудничество сползает в трясину» [Facon, 2015, p. 123].

Подобные французские опасения косвенно говорили о второй важной эволюции в отношениях, связанной с меняющимся «балансом сил» и формированием глобальной дипломатии Москвы, — об увеличении значения как потенциально позитивной, так и эвентуально негативной роли партнера для влияния на ход мировых дел. И в 1990-е гг. дальновидные политики, в т.ч. президент Ж. Ширак, понимали необходимость «восстановить тесные отношения с государством, от развития которого будет зависеть (в долгосрочной перспективе) стабильность Старого Света, и чьи ресурсы вскоре вновь вернут ему роль великой державы»[58]. В 2000-е гг. подобные оценки Парижа укрепились, и французские дипломаты все активнее «вспоминали» о стратегической и глобальной роли России; идея о «глобальной ответственности», являвшаяся традиционным элементом голлистского наследия французской дипломатии, стала чаще звучать при обсуждении проблем диалога Москвы и Парижа.

В апреле 2014 г. специальный представитель МИД Франции по России и «последовательный сторонник сотрудничества» с ней [Cadier, 2016, p. 5], Ж.-П. Шевенман, говорил о том, что «никакая крупная проблема на Земле не может быть решена без участия как минимум двух наших великих стран, а чаще всего — без участия обеих» [Франция на пороге перемен, 2016, с. 265]. В публицистических работах во Франции высказывались и более грандиозные идеи о «союзе Европы и России», созданию которого должны были способствовать ФРГ и Франция; союзе, который сможет стать противовесом «формирующемуся китайско-американскому кондоминиуму» и притягивать к себе Латинскую Америку и Ближний Восток[59]. Несмотря на то, что подобные идеи находятся на периферии общественных дискуссий, тем не менее, они демонстрируют «живучесть» идеи (в т.ч. среди французских военных) о стратегической роли диалога с Россией.

Пересечение представлений Москвы и Парижа по вопросу построения многополярного мира при роли Совета Безопасности (СБ) ООН в качестве инструмента регулирования международных проблем яв-

---

[58] Bozo F. La politique étrangère de la France depuis 1945. Paris, 2012. P. 229.

[59] Pinatel J.-B. Russie, alliance vitale. Paris, 2010. Автор книги — отставной бригадный генерал и аналитик по вопросам стратегии и геополитики.

лялось немаловажным концептуальным основанием к глобальному сотрудничеству [Cadier, 2016, p. 4]. «Мы действуем в рамках международных законов и в соответствии с идеей многостороннего подхода, которому глубоко привержены», — писал Л. Фабиус в 2013 г.[60]

Россия и Франция (наряду с ФРГ и КНР) отстаивали приоритет решений СБ ООН в период обсуждения в Совете в 2002–2003 гг. «иракского вопроса» — стороны выступали против односторонних действий США и их союзников, хотя и не смогли предотвратить вторжение их войск в Ирак в марте 2003 г. Более успешным и также подчеркивающим «глобальную ответственность» двух стран было российско-французское сотрудничество в сфере миротворчества на Африканском континенте: в 2008–2010 гг. российские военные участвовали в миссии ЕС (в поддержку ООН) в Чаде, в 2012 г. российская сторона поддержала принятие резолюций СБ ООН, на основе которых в 2013–2014 гг. французские вооруженные силы провели операцию «Сервал» в Мали. В обоих случаях французская сторона выражала признательность за российское содействие[61]. В январе 2014 г. помощник заместителя начальника Генштаба Министерства обороны Франции генерал Ж. Морен говорил о возможности и дальнейшего сотрудничества с Москвой в деле обеспечения безопасности в Африке [Проблемы международной безопасности, 2014, с. 72].

Говоря о роли глобальных и европейских проблем для российско-французских отношений стоит также упомянуть и о взаимодействии сторон в рамках ОБСЕ (в т.ч. в рамках Минской группы по решению Карабахского конфликта, сопредседателями которой являются Россия, США и Франция), в различных переговорных форматах, нацеленных на урегулирование иных региональных конфликтов («5+2» по конфликту в Приднестровье, «ближневосточный квартет»), а также в т.н. «шестерке», занимающейся вопросами иранской ядерной программы.

Выделим, наконец, третью важную линию эволюции, обусловленную как усилением глобальных позиций России, так и укреплением многополярности и усложнением международных связей в целом. Ее можно обозначить так: российско-французское взаимодействие все больше встраивалось в контекст многосторонней дипломатии и находилось под влиянием ключевых трендов международного развития, выходивших за рамки двусторонних контактов, но напрямую на них

[60] Фабиус Л. Указ. соч. С. 9.

[61] Там же. См. также позитивную оценку на официальном сайте МИД Франции: Présentation de la Russie [Электронный ресурс]. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/russie/presentation-de-la-russie/ (дата обращения — 20.01.2017).

влиявших. В этом смысле многое во взаимодействии Москвы и Парижа стало зависеть не только, а иногда и не столько, от их действий в отношении друг друга, а от решений применительно к другим важнейшим международным проблемам. Если примеры Украинского и Сирийского кризисов, в которых Россия и Франция поддерживают противоположные стороны, сегодня наиболее очевидны, то А. Дюбьен[62] и эксперт французского Фонда стратегических исследований И. Факон [Facon, 2015, p. 127] справедливо отмечали роль менее заметных, на первый взгляд факторов. Среди них, сделанная Парижем очевидная ставка на суннитские монархии (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ) в своей ближневосточной политике, затруднявшая взаимодействие с Россией, находящейся в тесных отношениях с Ираном и Сирией.

В данной статье выделяется 7 «внешних факторов», в разной степени оказывающих влияние на российско-французское взаимодействие: факторы США, международного терроризма, ФРГ, Великобритании, ЕС, НАТО и КНР. Разберем каждый из них подробнее.

«Фактор США» играл различную роль для взаимодействия России и Франции. С учетом закономерностей «треугольных» отношений, традиционно рассматривающихся как крайне волатильные и неустойчивые, выделим несколько модальностей (имея в виду и потенциальные и реальные возможности) влияния данного фактора. Первая — российско-американское сближение при снижении роли Франции для Москвы и Вашингтона. В Париже и поныне живы опасения, уходящие корнями в историю «холодной войны» о потенциальном российско-американском «кондоминиуме», сформированном за счет позиций Европы и Франции. Показательны в этом смысле недавние заявления Ф. Фийона, говорившего в январе 2017 г.: «Я не хочу, чтобы Трамп вел переговоры с Россией за счет нас»[63]. Столкнувшись с совместной российско-американской позицией по вопросу уничтожения химического оружия («соглашение Лавров–Керри» от 14 сентября 2013 г.) президенту Ф. Олланду пришлось резко менять сформулированную ранее интервенционистскую позицию в отношении Сирии.

Другая модальность рассматриваемого треугольника — американо-французское сближение (в определенной степени — следование

[62] «Ни одна из сторон не готова изменить свою позицию» (интервью с А. Дюбьеном, 22.10.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/video/2016/10/22/dubien/ (дата обращения — 20.01.2017).

[63] Фийон: Трамп не должен вести переговоры с РФ без учета интересов ЕС, 23.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3964707 (дата обращения — 25.01.2017).

Франции в фарватере США) при напряженности отношений Запада с Россией. Во многом она существовала в период 2014–2016 гг., когда экспертами немало говорилось о том, что отношения Парижа и Вашингтона «никогда не казались такими хорошими, как в последние годы»[64], а президент Б. Обама называл Францию «старейшим союзником» США[65]. С точки зрения Москвы, речь, скорее, шла о снижении независимости внешнеполитического курса Парижа (при наличии ноток ностальгии в российских СМИ о прошлом голлистском наследии французской дипломатии)[66]. На высшем уровне напрямую заявлялось о давлении Вашингтона на Францию в вопросе о поставке вертолетоносцев «Мистраль» России[67].

Третья модель — российско-французское сближение на фоне неприятия тех или иных действий США. Подобная ситуация в наиболее очевидной форме была реализована в 2002–2003 гг., причем не только в связи с «иракским вопросом», но и с негативной реакцией двух стран на выход Вашингтона из договора по ПРО. В июле 2002 г. к уже существовавшей институциональной «инфраструктуре» российско-французских отношений (во главе с Российско-Французской комиссией по вопросам двустороннего сотрудничества на уровне глав правительств, образованной в 1996 г.) добавился Совет сотрудничества по вопросам безопасности (на уровне министров иностранных дел и министров обороны с возможностью подключения начальников Генеральных штабов). По некоторым сообщениям[68], в период визита Ж. Ширака в Россию в апреле 2004 г. обсуждались идеи, способные стать альтернативой американскому проекту противоракетной обороны в Европе (в виде сотрудничества России и Франции в создании европейской ПРО).

Четвертая модальность — попытка французского посредничества между США и Россией — может быть рассмотрена в контексте влияния на российско-французские отношения еще одного «внешнего»

---

[64] Tourreille J. Un rapprochement sans alignement: l'équilibre délicat de la bonne relation entre Paris et Washington // Diplomatie: Affaires stratégiques et relations internationales. Juin–Juillet 2015 (Les Grands dossiers No. 27). P. 51.

[65] Victor D. Obama Calls France 'Our Oldest Ally' // New-York Times. 19.11.2015.

[66] Борзяков С. «Мы останемся друзьями навсегда», 12.02.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vz.ru/world/2014/2/12/671968.html (дата обращения — 20.01.2017).

[67] Путин назвал шантажом давление США на Францию с целью отказа от контракта по «Мистралям», 01.07.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/politika/1291323 (дата обращения — 20.01.2017).

[68] См., к примеру: VIP-вечера в Ново-Огарево // Независимая газета. 02.04.2004.

фактора — «фактора международного терроризма». Роль последнего для двусторонних отношений Москвы и Парижа была неоднозначной. С одной стороны, укрепление проблематики борьбы с терроризмом в международной повестке дня после событий 11 сентября 2001 г. способствовало изменению американского, а затем и французского подходов к оценке боевых действий российских войск в Чечне — «больному вопросу» на рубеже 1990-х — 2000-х гг. Если в ноябре 1999 г. эмиссары А. А. Масхадова удостаивались официальных приемов в Национальном собрании Франции, то после 2001–2002 гг. французская критика в отношении ситуации в Чечне стала значительно слабее (чему способствовал и конец пребывания у власти социалистического правительства Л. Жоспена).

С другой стороны, фактор международной борьбы против терроризма в 2000-е гг. способствовал росту заинтересованности друг в друге со стороны Москвы и Вашингтона, что вновь грозило оставить Париж «на обочине». Вместе с тем и тогда, когда российские и американские позиции расходились (как в случае путей решения Сирийского кризиса), Франции не всегда удавалось сыграть традиционную посредническую роль. После трагических терактов в Париже 13 ноября 2015 г. попытки Ф. Олланда сформировать международную антитеррористическую коалицию с участием и России и США не удались, однако сам фактор террористической угрозы способствовал некоторому сближению Москвы и Парижа. На состоявшихся в 2015 г. Москве встречах президентов (26 ноября) а затем министров обороны двух стран (21 декабря) были достигнуты договоренности об усилении обмена разведданными и информацией об авиаударах по позициям запрещенной в РФ террористической организации «Исламское государство» (ИГ), а также о находящихся в Сирии иностранных гражданах, сражающихся на стороне ИГ. Вместе с тем, очевидно, что стремление Франции играть одну из определяющих ролей в сирийском урегулировании наталкивалось на ограниченность как ее дипломатических ресурсов, так и реального присутствия в регионе[69].

[69] Для сравнения в период с 19 сентября 2014 г. по 29 марта 2016 г. французские военные летчики совершили в рамках операции «Шамаль» 3642 вылетов, нанесли 582 ударов и поразили более 1028 целей, в то время, авиация ВКС РФ в период с 1 октября 2015 г. по 15 марта 2016 г. совершила (по официальной информации) более 10 тысяч боевых вылетов и поразила более 30 тысяч целей. См.: Dossier de presse: Chammal, 05.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.defense.gouv.fr/operations/irak-syrie/dossier-de-presentation-de-l-operation-chammal/operation-chammal (дата обращения — 20.01.2017).

Свою значительную роль во взаимодействии Москвы и Парижа играл и «фактор ФРГ». При константе в виде существования (при всех его «розах и терниях» [Рубинский, 2013]) франко-германского тандема, делавшей данное звено треугольника *a priori* более тесным, чем российско-германское или российско-французское, влияние данного фактора тем не менее также оставалось волатильным.

Можно выделить три модальности взаимодействия России, ФРГ и Франции. Первая из них — попытка выстраивания относительно равноправного «треугольника» и его институционализации в виде механизма трехсторонних встреч глав государств. Инициатива, озвученная президентом Б. Н. Ельциным в октябре 1997 г., принесла некоторые плоды: за встречей в Москве в марте 1998 г. последовали и дальнейшие «раунды», хотя и с существенными перерывами[70]. Они служили немаловажной площадкой для продвижения Россией собственной повестки дня (проблемы энергетической безопасности), согласования позиций и выдвижения инициатив в рамках «восьмерки» и ООН.

Вместе с тем формат демонстрировал и свои лимиты. Для российской стороны его ценность во многом заключалась в идее создания дипломатического «полюса», способного занимать самостоятельную позицию в отношении США. Неслучайно, что при выдвижении своей инициативы Б. Н. Ельцин говорил о возможности Европы обойтись теперь «без дяди из-за океана»[71]. Напротив, и немецкая и французская стороны с самого начала заявляли о том, что рассматривают трехсторонний формат лишь как способ подключить Россию к мировому сообществу, который не нарушает единства политики ЕС (чего, среди прочего, опасалась Польша) и не направлен против каких-либо других держав[72]. В самой Франции существовали голоса против «треугольника» как негативно сказывавшегося на интересах «новых членов» ЕС[73].

Определенные надежды на развитие трехстороннего формата существовали в период выраженного российско-французского сближения в 2010 г. В тот период президент Н. Саркози говорил о необходимости, «перевернуть страницу холодной войны», а С. В. Лавров, в свою оче-

---

[70] Встречи на высшем уровне в Санкт-Петербурге 11 апреля 2003 г.; в Нью-Йорке 24 сентября 2003 г., в Сочи 31 августа 2004 г.; в Светлогорске, 3 июля 2005 г.; в Компьени, 23 сентября 2006 г.

[71] Цит. по: Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции. С. 272.

[72] Верне Д. Фальшивящее трио (Le Monde. 26.09.2006) [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/world/20060926/230118.html (дата обращения — 20.01.2017).

[73] См.: Gomart Th. France's Russia policy: balancing interests and values // The Washington Quarterly. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 151.

редь, о желательности «модернизационных альянсов» «с ведущими государствами, такими как Германия, Франция, Италия, с Европейским союзом в целом»[74]. Вместе с тем новый импульс трехстороннему сотрудничеству как первому шагу к новому витку отношений по линии Россия — ЕС и Россия — НАТО, который была призвана дать встреча в Довиле (18–19 октября 2010 г.), остался во многом без ожидавшегося продолжения.

Вторая модальность «треугольных» отношений Россия — ФРГ — Франция предстает в двух вариантах. Во-первых, франко-германская конкуренция в деле установления «особых» отношений с Москвой — потенциальная ситуация, схожая с той, что существовала в период «новой восточной политики» Бонна в 1970-е гг., вызывавшей серьезную настороженность Парижа[75]. Хотя точные сведения по этому вопросу отсутствуют, нельзя исключать, что теплые отношения в паре В. В. Путин — Г. Шрёдер, существовавшие в начале 2000-х гг., могли вызывать некоторые опасения в Париже. Если тонкости дипломатического протокола имеют значение, то информация «Шпигеля» о том, что приезд Г. Шрёдера в Санкт-Петербург 11 апреля 2003 г. планировался в течение нескольких недель, в то время как приглашение Ж. Шираку было выслано лишь за несколько дней до встречи, по своему показательна[76]. Во-вторых, речь может идти о потенциальной ставке Москвы на развитие усиленных отношений с одной из сторон франко-германского «тандема». Хотя в официальных документах МИД России потенциал развития трехстороннего политического диалога Россия — Германия — Франция оценивался позитивно[77], французским эксперты нередко ви-

---

[74] Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в МГИМО (У) МИД России, 01.09.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/237962 (дата обращения — 20.01.2017).

[75] Павлов Н. В., Новиков А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М., 2005. С. 168–188; Rücker K. What Role for Europe in the International Arena of the Early 1970s? How France and Germany Were Able to Matter // A History of Franco-German Relations in Europe: From "Hereditary Enemies" to Partners / Ed. by C. Germond, H. Türk. N.Y., 2008. P. 211–221.

[76] Gipfel in St. Petersburg: Putin, Chirac & Schröder für Stärkung des Völkerrechts (Spiegel. 12.04.2003) [Электронный ресурс]. URL: http://www.spiegel.de/politik/ausland/gipfel-in-st-petersburg-putin-chirac-schroeder-fuer-staerkung-des-voelkerrechts-a-244563.html (дата обращения — 20.01.2017).

[77] См., к примеру: Обзор внешней политики Российской Федерации, 27.03.2007 [Электронный ресурс]. URL: rusmission.org/data/all/policy/obzor.rtf (дата обращения — 20.01.2017).

дели за «треугольником» пару. В 2015 г. И. Факон полагала, что Москва «все сильнее делает ставку на развитие связей с Берлином, рассматривая его влияние на европейской арене как основное и укрепляющееся» [Facon, 2015, p. 130].

Наконец, третья модальность в трехстороннем взаимодействии, во многом наблюдающая в современной ситуации, — солидарный франко-германский тандем в дипломатическом противоборстве с Россией. И ФРГ и Франция поддержали политику санкций в отношении Москвы, оба государства стремятся продемонстрировать солидарность в своих действиях по урегулированию Украинского кризиса в рамках «нормандского формата». Хотя не исключено, что само образование «формата» в июне 2014 г. косвенно отражало нежелание Парижа «предоставлять задачу [разрешения кризисной ситуации] исключительно Берлину (как в положительном, так и негативном смыслах)» [Cadier, 2016, p. 6]», а отношения между Ф. Олландом и А. Меркель были далеко от демонстрируемой теплоты в паре «Меркози», Франция и ФРГ занимали в основе своей общую позицию. Это не означает, однако, того, что российская дипломатия потенциально не может пытаться сыграть на различиях в нюансах французского и германского подхода, которые могут углубиться в силу внутриполитических изменений (к примеру, в случае формирования дуэта Ф. Фийон — А. Меркель, хотя предвыборные обещания и реальность — нередко разные вещи).

Кратко стоит остановиться и на роли «фактора Великобритании», безусловно, уступающему по своему значению для российско-французских отношений трем вышеназванным. Говорить о каком-то российско-франко-британском «треугольнике» достаточно сложно ввиду многих обстоятельств: «особых отношений» Великобритании и США, непростого взаимодействия России и Великобритании, традиционно специфической позиции Лондона в отношении общеевропейской политики (не говоря уже о недавнем Brexit) др. Однако, учитывая фактор тесного военно-технического сотрудничества Франции и Великобритании, воплощенного, среди прочего, в Ланкастерских соглашениях 2010 г.[78], у российских экспертов присутствуют некоторые опасения по поводу необходимости принимать во внимание и «британский фактор», когда речь идет о стратегических расчетах Москвы в отношении Франции. Как отмечали эксперты РИСИ по итогам встречи с французскими экспертами и должностными лицами в январе 2014 г., «поскольку у США

[78] См. подробнее: Капитонова Н. К. Отношения с Францией и Германией // Дилеммы Британии. Поиск путей развития / Отв. ред. Ал.А. Громыко. М., 2014. С. 340–347.

и Великобритании имеется соглашение о совместном управлении ядерными силами, то, по мнению российской стороны, соглашение между Францией и Великобританией может в конечном счете привести к созданию единой системы управления ядерными силами в рамках НАТО» [Проблемы международной безопасности, 2014, с. 5]. При чем обсуждение подобных сценариев во французском и британском экспертном сообществах, а по некоторой информации, — и на уровне официальных государственных представителей Франции и США, действительно, имеет место[79].

В качестве отдельного фактора, оказывающего влияние на двустороннее взаимодействие России и Франции, также можно выделить «фактор ЕС». При том, что «без предварительного согласия Берлина и Парижа органы ЕС не принимают ни одного сколько-нибудь важного решения» [Рубинский, 2013, с. 122], сводить «фактор ЕС» лишь к франко-германскому тандему вряд ли возможно.

Выделим две его основные модальности: первая — Франция как (хотя бы отчасти) «лоббист» российских интересов в ЕС; вторая — Франция как часть ЕС, консолидировавшегося в противоборстве с Россией. Первая ситуация нередко наблюдалась в 1990-е — 2000-е гг. Среди примеров тому различные французские действия в период президентства Ж. Ширака: содействие Парижа в подписании Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС (24 июня 1994 г.), поддержка вступления России в Совет Европы, готовность Франции учесть российские интересы при обсуждении в ЕС вопроса о сообщении между Россией и Калининградской областью. Как заявлял в 2013 г. Л. Фабиус, Франция также поддерживала отмену краткосрочных виз для въезда в ЕС для россиян с целью способствовать «свободному перемещению граждан наших стран»[80].

В нынешних условиях наблюдается, однако, вторая модальность. Исследователи отмечали, что «Россия, безусловно, — один из сюжетов, наиболее разделяющих Европейский союз» [Delcour, 2010, p. 7], а также то обстоятельство, что «мало было тех, кто мог предвидеть степень единства ЕС в его ответе на Украинский кризис» [Cadier, 2016, p. 3]. Вместе с тем на данном этапе, при раздающихся голосах в пользу смягчения или снятия санкций с России, принимаемые официально решения ука-

[79] Lewis J., Tertrais B. Deterrence at Three: US, UK and French Nuclear Cooperation // Survival. 2015. Vol. 57. No. 4. P. 29–52; Nougayrède N. Les divergences entre Nicolas Sarkozy et Barack Obama à propos d'un «monde sans armes nucléaires» // Le Monde, 23.12.2010.

[80] Фабиус Л. Указ. соч. С. 10.

зывают на солидарность нынешнего руководства европейских стран в закреплении «санкционного режима» взаимодействия с Москвой. Санкции рассматриваются, по словам одного из экспертов, близкого к Кэ д'Орсэ, «как стратегический инструмент в отношении России» [Allard, 2015, p. 190].

Наконец, по аналогии с «фактором ЕС» кратко стоит упомянуть и о «факторе НАТО». При всем доминировании США в данной военно-политической организации Франция играет в ней отнюдь не последнюю роль, что принимается во внимание и в российских оценках. В данном случае также можно говорить о двух его модальностях. Первая из них — потенциальная возможность (при французском участии) некоторого смягчения позиции НАТО по ряду важных для России вопросов. Франция достаточно последовательно выступала против форсированного расширения НАТО на Восток, несмотря на смену политических сил у власти. Еще в декабре 1994 г. на саммите СБСЕ в Будапеште о рисках и «бесполезности» подобного шага говорил президент Ф. Миттеран; в июле 1997 г. на Мадридском саммите НАТО Ж. Ширак предупреждал, что эти действия могут быть восприняты как попытка «ущемить Россию, в то время как следовало бы ее приручить, интегрировать в систему»[81]; на саммите альянса в Бухаресте в апреле 2008 г. Н. Саркози совместно с А. Меркель блокировали обсуждение идеи о распространении программы по подготовке членства в НАТО для Украины и Грузии; наконец, в ноябре 2014 г. Л. Фабиус, а в феврале 2015 г. и Ф. Олланд напрямую говорили об оппозиции Франции вступлению Украины в НАТО [Facon, 2015, pp. 130–131].

Помимо сдерживания (отнюдь не всегда результативного) расширения НАТО со стороны Франции потенциально выгодным для российской стороны могло бы быть усиление «европеизации» альянса. Цель укрепления голоса европейских стран внутри НАТО была одной из декларируемых целей возвращения Франции в военную организацию НАТО в 2009 г. — шага, который, по крайней мере символически (реальная ситуация была сложнее), означал важную трансформацию голлистского курса, отмеченного решением о выходе из военных органов альянса в 1966 г. Данный шаг Н. Саркози не вызвал выраженной негативной реакции Москвы [Дюбьен, 2012, с. 10], что можно связать как с общим климатом в российско-французских отношениях в тот период, так и со спецификой французского решения. С одной стороны, де-факто Франция уже достаточно долго (особенно активно с 1990-х гг.)

[81] Цит. по: Обичкина Е. О. Внешняя политика Франции. С. 260.

участвовала в военных операциях НАТО и в работе Военного совета, с другой, Париж сохранил автономность внутри альянса (в т.ч. в виде неучастия в Группе ядерного планирования).

Вторая модальность влияния «фактора НАТО» на российско-французские отношения, скорее, негативна — однозначно проатлантистская Франция как часть НАТО с выраженной антироссийской позицией. В этом смысле можно отметить, что французский военный потенциал, безусловно, уступая американскому, тем не менее весьма важен для альянса. Эксперты, в т.ч. американские, помимо ракетного арсенала Франции (заступившая на службу в 2010 г. ракета М-51 стала первой французской баллистической ракетой межконтинентального радиуса действия), признают ценность для вооруженных сил НАТО многоцелевых истребителей «Рафаль», способных нести ракеты с ядерными боеголовками, а также атомных стратегических подводных лодок класса «Триомфан», чья роль отчасти повышается в условиях идущей модернизации подводных ядерных сил Великобритании[82].

Наконец, стоит кратко остановиться и на «факторе КНР», чье влияние на российско-французское взаимодействие опосредовано, но тем не менее сказывается, по крайней мере, на уровне прогнозов. Еще в начале 2000-х гг. французские эксперты не исключали того, что «всякая неудача ее политики на Западе приведет Россию к тому, что она попытается вести более активную политику на Востоке»[83]. Однако позиция процитированного профессора Ж.-К. Ромера относительно перспектив подобного сближения (прежде всего, с КНР) была скорее скептической. «Разворот» в сторону Китая рассматривался скорее, как конъюнктурный, нежели фундаментальный, подчеркивалось «вековое недоверие» Москвы к Пекину и опасения перед возможной «китайской угрозой» в будущем.

Несмотря на новые важные вехи в российско-китайском сотрудничестве (в т.ч. превращение КНР в 2011 г. в главного торгового партнера Москвы), среди французских аналитиков сохранялось ощущение относительности сближения России и Китая: отмечалась слабость российского экспорта в КНР; незавидное место поставщика сырья, которое пока в силах занять Москва[84]; нежелание Пекина портить отношения с Западом акцентированной поддержкой российских действий

[82] Lewis J., Tertrais B. Op. cit. P. 33.

[83] Romer J.-Ch. La politique étrangère russe sous Boris Eltsine // Annuaire français de relations internationales. 2001. Vol. 2. P. 60–61.

[84] Radvanyi J. La Sibérie, Eldorado russe du XXI siècle? // La Revue internationale et stratégique. 2013. No. 92. P. 137.

в Украинском кризисе [Tinguy, 2015, pp. 144–148]. В 2012 г. влиятельный французский эксперт по России, профессор Национального института восточных языков и цивилизаций А. де Тенги считала, что Россия становится «младшим партнером» Китая, «что вполне может подтолкнуть ее к развороту в сторону Европы»[85].

В целом, в условиях неясности степени и перспектив нынешнего российско-китайского сближения, отражающегося и в различных позициях и отечественных экспертов [Проблемы международной безопасности, 2014, с. 74], представляется, что «фактор КНР» оказывает пока ограниченное влияние на российско-французские отношения. Азиатский «разворот» Москвы настораживает Париж, но не является обстоятельством, которое рассматривают как кардинальное.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования были выделены 7 ключевых «внешних факторов», оказывавших различное по степени интенсивности влияние на российско-французские отношения в 1992–2016 гг. (факторы США, международного терроризма, ФРГ, Великобритании, ЕС, НАТО и КНР). Были выявлены различные модальности влияния данных факторов с особым вниманием на специфику трехсторонних отношений (в случае факторов США и ФРГ). Были раскрыты черты преемственности и изменений в диалоге Москвы и Парижа с акцентом на последствия укрепившихся возможностей России на международной арене. В условиях растущей сложности международной обстановки, отмеченной значительностью волатильностью, необходимо, как представляется, принимать во внимание широкую палитру факторов, не сводимых к двустороннему взаимодействию государств.

Анализ результатов. Вышеприведенный анализ, безусловно, не претендует на полноту. Сознательно опущенные в нем факторы, во главе с торгово-экономической стороной вопроса или внутриполитическими обстоятельствами, говорят о многом. Как справедливо отмечается в литературе, значительно больший товарооборот России с Германией (80,7 млрд евро в 2012 г. против 21 млрд с Францией) [Проблемы международной безопасности, 2014, с. 51] немало объясняет в ставке, которую Москва делает на Германию в своей европейской политике [Facon, 2015, p. 130]. В свою очередь «резкий взлет франко-российских отношений в 2008–2012 гг.»[86] сложно понять без учета тех ожиданий

[85] Tinguy A. de. Quelles relations entretenir avec la Russie? (Juillet 2012) [Электронный ресурс]. URL: http://www.sciencespo.fr/ceri/sites/sciencespo.fr.ceri/files/art_adt_0.pdf (дата обращения — 20.01.2017).

[86] Дюбьен А. Франция — Россия: свет в конце туннеля?

на ускоренную внутреннюю либерализацию в России, которые Париж питал в связи с нахождением на посту президента Д. А. Медведева. Наконец, полноценное восстановление партнерства вряд ли возможно и без трансформации представлений друг о друге, имеющих немаловажные дефекты и с той, и с другой стороны.

Акцент на «внешних факторах», сделанный в данной статье, был нацелен продемонстрировать, что многое в двусторонних отношениях Москвы и Парижа объясняется отнюдь не только обстоятельствами, затрагивающими два государства, а международными процессами более широкого плана. К потенциально значимым «внешним факторам» теоретически можно добавить новые пункты («фактор Польши», «фактор Средней Азии» и др.), однако они представляются менее значимыми. Отдельно не выделенные «украинский» и «ближневосточный» факторы были затронуты при обсуждении ситуации Украинского и Сирийского кризисов.

Имплицитно подразумеваемое в вышеприведенном анализе снижение роли собственно двустороннего взаимодействия России и Франции для глобального мирового порядка представляется следствием как объективных процессов, так и отдельных значимых решений, принятых руководством двух стран на различных этапах. Сделанные Парижем еще давно решения о членстве в НАТО (1949 г.), ставка на франко-германский тандем (Елисейский договор 1963 г.) и усиленную европейскую интеграцию (Маастрихтский договор 1992 г.), безусловно, задают и поныне базовые параметры французской внешней политики: атлантизм и европеизм. В свою очередь, и утверждавшийся во второй половине 1990-х — 2000-е гг. стратегический выбор российского руководства в пользу превращения в самостоятельный полюс влияния также определял границы того, на каких условиях возможно сотрудничество с Францией и Западом в целом.

В этом отношении можно заметить, что волатильность, связанная с влиянием отдельных «внешних факторов» на российско-французские отношения, всегда была относительной, оставаясь в определенных рамках. Теоретически возможные в рамках «треугольных» отношений комбинации (к примеру, российско-германское сближение на антифранцузской основе или полноценный российско-французский союз на антиамериканской) оставались за гранью реального.

Вместе с тем отмеченное многообразие «внешних факторов» и изменчивость международной обстановки, связанная с их влиянием, как представляется, отражает масштабные процессы усложнения мировой политики в начале XXI в.; то, что бывший министр иностранных дел ФРГ В. Штайнмайер (хотя и в привязке с избранием Д. Трампа) назвал

«новым глобальным беспорядком»[87]. При наличии подобных тенденций, можно вместе с тем задуматься и о том, не является ли подобный «беспорядок», по крайней мере отчасти, иллюзорным, отражая, скорее, необходимость нового концептуального аппарата для понимания меняющихся международных реалий.

Заключение. Анализ 7 ключевых «внешних факторов», оказывавших различное влияние на российско-французское взаимодействие в 1992–2016 гг., демонстрирует серьезную зависимость двусторонних отношений Москвы и Парижа от общей международной обстановки. Российско-французская пара не существовала в изоляции, а чаще всего была частью разного рода «треугольников» и «многоугольников», билатеральная динамика нередко зависела от многих решений, принятых в других проблемных полях.

Обобщая «кумулятивный» эффект рассмотренных «внешних факторов», можно заключить, что наиболее плотное взаимодействие России и Франции в рассматриваемый период (1) предполагало достаточно серьезную автономность решений Парижа в отношении Вашингтона, (2) было встроено в российско-германо-французский «треугольник», (3) нередко сопрягалось с совместными действиями по поддержанию глобальной безопасности и с борьбой с «международным терроризмом», (4) протекало в условиях приоритета западного вектора внешней политики Москвы и ее плотного диалога с ЕС (отчасти — НАТО). Напротив, ситуация осложнения российско-французского диалога сочеталась с (1) общим охлаждением отношений Москвы с США, ЕС и НАТО, (2) различием в подходах к борьбе с «международным терроризмом», (3) попытками франко-германского тандема выступить посредником в урегулировании отношений с Россией, (4) активизацией политики последней на азиатском направлении.

Безусловно, выделенные 7 «внешних факторов» не равнозначны по своему влиянию (к примеру, роль «британского фактора» для российско-французских отношениях была небольшой), более того, обычно их воздействие было не разрозненным, а следовало общим контурам развития международной ситуации, «сдвигам тектонического масштаба» в ней[88].

---

[87] Штайнмайер: с Трампом в мире наступил новый «глобальный беспорядок», 22.01.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/inotv/2017–01–22/SHtajnmajer-s-Trampom-v-mire (дата обращения — 20.01.2017).

[88] Вступительное слова А. В. Торкунова в рамках Дней науки, 09.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/30301 (дата обращения — 20.01.2017).

Вместе с тем само выделение подобных факторов (на примере российско-французских отношений), как представляется, имеет, свое эвристическое значение, подчеркивая, что международная ситуация редко бывает столь «монолитной», черно/белой, как подчас то рисует средства массовой информации. Не говоря о возможных внешнеполитических «разворотах» (будь то на Запад или на Восток), возможны многосторонние, а подчас и «боковые» (через иные, выходящие за рамки билатерализма, проблемы) подходы к выстраиванию двусторонних отношений, использование нюансов и тонких различий даже в условиях предполагаемого существования «коллективного Запада». В этом смысле нередко раздающаяся критика в чрезмерной склонности Москвы к билатерализму вполне может служить отправной точкой для дискуссии о модернизации внешнеполитических средств и методов российской дипломатии[89].

Литература

1. Богатуров А. Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. Январь–апрель 2007. Т. 5. №1(13). С. 54–69.
2. Дюбьен А. Франция — Россия: переход на новый уровень отношений и вызовы стратегического партнерства // Записка Аналитического центра «Обсерво». 2012. №1. С. 1–20 [Электронный ресурс]. URL: http://obsfr.ru/uploads/media/121031_Policy_paper_ru.pdf (дата обращения — 20.01.2017).
3. Обичкина Е. О. Три возраста российско-французских отношений: 1991–2010 годы // Экономические стратегии. 2010. №6. С. 36–39.
4. Обичкина Е. О. Глядя из Москвы. Российско-французские отношения из прошлого в будущее // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. Спец. выпуск. С. 30–40.
5. Проблемы международной безопасности: взгляд из Москвы и Парижа: сб. докл. / Под ред. Л. Ч. Абаева, Г. Г. Тищенко. М.: РИСИ, 2014. 84 с.
6. Рубинский Ю. И. Розы и тернии франко-германского тандема // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. Спец. выпуск. С. 122–132.
7. Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред. А. В. Кузнецов и др. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 285 с.
8. Allard P. Les sanctions européennes à l'encontre de la Russie. La poursuite de la paix par d'autres moyens // Annuaire français de relations internationales (AFRI). 2015. Vol. 16. P. 167–190.

[89] См., к примеру: Павлов Н. В. Москва — Берлин — Брюссель: от трилатерализма к билатерализму? // Современная Европа. 2014. №4. С. 106–109.

9. Burgos E. France / Russie: quelles relations en 2015? // Diplomatie: Affaires stratégiques et relations internationales. Juin–Juillet 2015 (Les Grands dossiers No. 27). P. 48–50.
10. Cadier D. Detour or Direction? The Europeanisation of France's policies towards Russia [Электронный ресурс] // FIIA Briefing Paper No. 195. May 2016. URL: http://www.fiia.fi/en/publication/591/detour_or_direction/ (дата обращения — 20.01.2017).
11. Delcour L. France–Russie: la réinvention d'une relation spécifique // DGAPanalyse. Juillet 2010. No. 6. P. 1–11.
12. Facon I. La relation France–Russie à l'epreuve // AFRI. 2015. Vol. 16. P. 117–131.
13. Romer J.-Ch. Les relations franco-russes (1991–99), entre symboles et réalités // AFRI. 2000. Vol. 1. P. 439–447.
14. Romer J.-Ch. Les relations franco-russes 2000–2006: entre bilatéral et multilatéral // AFRI. 2007. Vol. 8. P. 415–427.
15. Tinguy A. de. La Russie et le monde: les ondes de choc de la crise en Ukraine // AFRI. 2015. Vol. 16. P. 133–148.

«EXTERNAL FACTORS» IN THE RUSSO-FRENCH RELATIONS (1992–2016)

Iskander Magadeev

Abstract. *Relations between Russia and France are traditionally depicted by officials and scholars as "special" ones based on long tradition of friendship. In the same time changing realities of global politics challenge this approach by demonstrating, inter alia, that Moscow and Paris don't see each other as strategic partners by priority. Other circumstances, as continuing estrangement between Russia and the Western countries going from 2014 and a growing part of multilateral diplomacy, show the increasing necessity to study the influence of international political context ("external factors") on Russo-French interaction during 1992–2016. That is the main task of this article. Though the volume of literature centered on bilateral relations is increasing, problematic of "external factors" is mentioned only briefly. Basing on the hypothesis of growing complexity of causes driving the relationship between Moscow and Paris during the end of the XX and beginning of the XXI centuries, author extracted seven main "external factors" which are analysed in the main part of the research. Namely, these are factors of USA, "international terrorism", Germany, Great Britain, EU, NATO and China. Summarising its cumulative effect, this study concludes that the most productive Russo-French collaboration (1) was marked by real autonomy of Paris' decisions from Washington's influence, (2) was integrated into Russo-German-French triangle, (3) developed in the context of mutual actions supporting global security and struggling against "international terror-*

ism", (4) was linked to priority given by Moscow to its Western vector of foreign policy and dialogue with EU (partly with NATO). In the opposite, Russo-French estrangement was linked (1) to global chill of relations between Moscow from the one side, and USA, EU and NATO, from the other (2) to pronounced differences in approach what is and how to struggle against "international terrorism", (3) to attempts of German-French tandem to intermediate between Russia and the West, (4) to a new breath given to the Asiatic vector of the Russian diplomacy. Author expresses his opinion that new researches in the field of multilateral relations can trigger fresh discussions about modernisation of Russian foreign policy methods and instruments.

***Keywords**: Russia, France, bilateralism, multilateralism, «external factors».*

References

1. Bogaturov, A.D. (2007). Tri pokoleniia vneshnepoliticheskikh doktrin Rossii [Three generations of Russian foreign policy doctrines]. *Mezhdunarodnye protsessy* [*International trends*], 5 (1), 54–69.
2. Diub'en, A. (2012). Frantsiia–Rossiia: perekhod na novyi uroven' otnoshenii i vyzovy strategicheskogo partnerstva [France–Russia: transition to the new level of relations and challenges of strategic partnership]. In *Zapiska Analiticheskogo tsentra «Observo»* [*Note of think-tank «Observo»*]. 2012. №1. S. 1–20. Retrieved 20 January, 2017 from http://obsfr.ru/uploads/media/121031_Policy_paper_ru.pdf
3. Obichkina, E.O. (2010). Tri vozrasta rossiisko-frantsuzskikh otnoshenii: 1991–2010 gody [Three ages of Russo-French relations: 1991–2010]. *Ekonomicheskie strategii* [*Economic strategies*], 6, 36–39.
4. Obichkina, E.O. (2013). Gliadia iz Moskvy. Rossiisko-frantsuzskie otnosheniia iz proshlogo v budushchee [Looking from Moscow. Russo-French relations from the past to the future]. *Rossiia v global'noi politike* [*Russia in global politics*], 11, Special number, 30–40.
5. Abaev, L.Ch., Tishchenko, G.G. (Eds). (2014). *Problemy mezhdunarodnoi bezopasnosti: vzgliad iz Moskvy i Parizha: sb. dokl.* [*Problems of international security: view from Moscow and Paris. Collection of papers*]. M.: RISI. 84 s.
6. Rubinskii, Iu.I. (2013). Rozy i ternii franko-germanskogo tandema [Roses and thorns of French-German tandem]. *Rossiia v global'noi politike* [*Russia in global politics*], 11, Special number, 122–132.
7. Kuznetsov, A.V. (Ed.). (2016). *Frantsiia na poroge peremen: ekonomika i politika v nachale XXI veka* [*France on the verge of changes: economics and politics in the beginning of XXI century*] M.: IMEMO RAN. 285 s.
8. Allard, P. (2015). Les sanctions européennes à l'encontre de la Russie. La poursuite de la paix par d'autres moyens. *Annuaire français de relations internationales* (hereafter — AFRI), 16, 167–190.

9. Burgos, E. (2015). France / Russie: quelles relations en 2015? *Diplomatie: Affaires stratégiques et relations internationales*, 27. 48–50.
10. Cadier, D. (2016). Detour or Direction? The Europeanisation of France's policies towards Russia. In *FIIA Briefing Paper No. 195*. Retrieved 20 January 2017 from http://www.fiia.fi/en/publication/591/detour_or_direction/
11. Delcour, L. (2010). France–Russie: la réinvention d'une relation spécifique. *DGAP-analyse*, 6, 1–11.
12. Facon, I. (2015). La relation France–Russie à l'epreuve. *AFRI*, 16, 117–131.
13. Romer, J.-Ch. (2000). Les relations franco-russes (1991–99), entre symboles et réalités. *AFRI*, 1, 439–447.
14. Romer, J.-Ch. (2007). Les relations franco-russes 2000–2006: entre bilatéral et multilatéral. *AFRI*, 8, 415–427.
15. Tinguy, A. de. (2015). La Russie et le monde: les ondes de choc de la crise en Ukraine. *AFRI*, 16, 133–148.

Информация об авторе
Магадеев Искандэр Эдуардович
к. ист. н., доцент
МГИМО МИД России, РФ
E-mail: iskander2017@yandex.ru
Iskander E. Magadeev
Ph. D., Associate Professor
MGIMO-University, Russia
E-mail: iskander2017@yandex.ru

ANALYSIS ON THE NEW CHANGES OF RUSSIA'S VIEWS OF THE WORLD AND ITS CHARACTERISTICS, REASONS AND INFLUENCE

ZHANG JIAN

Abstract: *In recent years, Russia's view of the world has undergone significant changes in face of the severe internal and external situations. Such changes will have a profound impact on Russia's foreign policy, especially on Western policy. By analyzing the Russian foreign policy guidance documents, elites stratum, people's basic attitudes and ideas on the global situation, international relations and international affairs, this paper draws conclusions that Russia's perceptions of external threats are deepening, the state emphasizes the development of military forces, the elite is more inclined to believe that military strength is the means to achieve national interests; anti-Americanism and nationalism is in a high level, which stimulates aspirations to pursue Russia's status of great power. The change of Russia's view of the world is led by changes in both the surrounding environment and the deterioration of the international situation as external factors and Russia's economic difficulties, media propaganda, the national character as internal factors. At the end of the paper, it evaluates the main influence of the new change of Russia's view of the world on both the means and the policies/ideas on Western policy, the great power mentality and the multi-polarization.*

Keywords: *Russia, Elite and Public Opinion, Views of the World, Western Policy*

The view of the world is a country's basic view, attitude and concept on the world situation, international relations and international affairs, regarded as a basis to establish foreign policy and carry out cooperation with other countries. It is an internal concept, which can be embodied as the overall and comprehensive view of leaders, elites and people on international political orientation, impression of the rest of world and foreign policy.

Soviet Union's 70 years' international status and historical achievements have a deep impact on Russia's view of the world. Since the end of the Cold War, Russia's view of the world has both its stability and continuity, and continues developing along with the international situation and domestic

situation. The decline during the Yeltsin era have left a shadow in Russia's view of the world. At that time, Russian foreign policy's goal is unexpectedly to join the "civilized world" and ignore Russian national interests. When Putin and Medvedev in power, Russia gradually embarks on the "road of rejuvenation", which is incarnated in its political stability, rapid economic growth and return to worldwide great powers, concerned as an "emerging economy". While Putin returned to Kremlin in 2012, he had to face up to serious national and international situations: criticizes to Russian parliamentary elections from Western countries, the opposition's demonstrations in the streets, the breeding of terrorism caused by turmoil in the Middle East, to Russia has brought new challenges. With the outbreak of Ukraine crisis at the end of 2013 and Russia's annexation of Crimea, US-led western countries began to impose economic sanctions against Russia, relationship between the West and Russia is more confrontational than at any point since the Cold War. In addition, the US-led western countries continue to increase the propaganda of the threat from Russia, NATO is increasing its defense against Russia. Face to western sanctions, Russia's domestic economic situation is grim, during 2013–2015, its economic growth on the decline, GDP growth rate is 1.3 % in 2013, 0.6 % in 2014 and — 3.4 % in 2015. In the same time, Putin's support rate is still as high as 82 % in September 2016. Faced up with both internal and external crisis, Russia's view of the world is quietly changing.

In the knowledge society, the elite's attitude and masses' opinions are increasingly linked with a national political direction's behavior and policy-making, so as in Russia. National interests and foreign policy are deeply influenced by the view of the world, just as Constructivism advocates that concept constructs identity, identity determine interest, interest determine behavior.

1. New Changes of Russia's Views of the World and Its Characteristics

In recent years, in particular, since the Ukraine crisis and annexation of Crimea in Russia, views that Russia holds toward the world, the western society are changing, due to sudden changes taken place in both international and national situations. New changes are reflected by Russian leadership, elites and masses' views toward the Russia's place in the world, Russia's national interest, challenges which Russia confronts, nation's friends and enemies, etc.

1.1 Guidance documents on foreign policy

The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2013's edition, hereinafter 'the Concept'), *Russian Military Doctrine*(hereinafter 'the

Doctrine') published in December 2014, *Russia's National Security Strategy to 2020*(hereinafter 'the Strategy') published in December 2015 and the States of the Union address by President in recent years, they are guidance's documents on Russia's foreign policy orientation and development. Both those documents' backgrounds and contents are incarnated Russia's view of the world.

"The Concept" is a systemic description of basic principles, priorities, goals and objectives of the foreign policy of the Russian Federation, which deeply embodies Russia's view of the world. "The Concept" had three old editions, separately published in 1993, 2000 and 2008. Compared with old editions, this new edition maintains a more pathetic attitude toward trend of international situation's development. For "the Doctrine", it specifies that NATO's militarization and arms build-ups pose a national security threat to Russia that requires an appropriate response. This document also points to the threat of destabilization countries bordering Russia or its allies and deployment of foreign troops such nations as a threat to national security. As for "the Strategy", which replaces the 2009's edition, emphasizes Russia's national and social security threats in latest years. Not obsessed with G8 in multilateral cooperation, Russia turns to BRICS mechanism, Shanghai Co-operation Organization and G20 for instead. States of the Union address by President Vladimir Putin in latest years indicates changes of Russia's geopolitical views and its opinions on the threats that the Federation confronts, most important of all, threat to the sovereignty.

1.2 Russian elite's attitude

The elite of a nation is considered as a vital element when a nation's leadership is making policies. Since the Ukraine Crisis, Russian elites hold a huge different attitude toward Russia-US relation and other domestic or international issues.

First of all, this difference is reflected by the rise of Russian elites' anti — Americanism. Since Dissolution of the Soviet Union, the anti-Americanism among Russian elites are always there and evolves with the development of Russia-US relations. According to a survey, the rate of Russian elites who consider US as a security threat to Russia is quite high in latest years, especially after the Ukraine Crisis, 80.8 % in 2016.

In addition, military potential is more decisive in achieving national interests and consolidating role in the world. For the first time since 1993, more elites expressed agreement that a country's military and not economic; potential determines its place and role in international community.

Last but not least, the elite agreed that Russia has expansive national interests. Since the annexation of Crimea to Russia, US-lead western coun-

tries made several terms of sanctions against Russia. What upset US is that the annexation changed European frontier after the World War II, and broke international law's principles and rules, while 88.4 % Russian elite disagrees with American opinions. According to a latest survey result, most of Russians, exactly speaking, 82.3 % reckon that Russia's national interests can extend beyond its existing territory. However, most of Russian between 1999 and 2012 held the opposite position that national interests of Russia should be limited to its existing territory.

1.3 Russian masses opinions

However the elite has a relatively bigger influence on politics and policy, in knowledge society, masses have also an increasing impact on foreign policy orientation. President Putin and government officials realize that Russian masses' feelings have effect on nation's future development. The view of the world of Russian masses is reflected by anti-Americanism sentiments, Russia's role in the world and sense of friend and foe.

Firstly, rise of anti-Americanism. Russian masses' view of the world is directly perceived in the field of impression on US. International crisis which influenced Russia one after another, including the Ukraine crisis, made Russian who live in a peaceful age anti-Americanized. Negative opinions on US has reached a new high point.

Secondly, an evolution of Russia's role in the world. From Mikhaïl Gorbatchev to Boris Eltsine, Russian masses' view of the world changed from "glory and hope" to "melancholy and hesitation". In recent years, Russians are proud of their diplomatic achievements. An increasing number of Russian care more about their country's role in the world.

Thirdly, a change of sense of friend and foe. Different opinions on a country reflects Russian masses' expectation on bilateral relations' development. Based on a Levada Center's survey in 2016, Russians consider China, Belarus and some other countries as partners.

2. Analysis on new change's reasons of the Russia's view of the world

Three characteristics can be summed up: first of all, external threats deepened; secondly, focus on military potentials from the perspectives of Russian elites; in addition, a rise of anti-Americanism perceived by both the elite and masses, which indicates a rising nationalism in Russian society. New changes are determined by both international and domestic situations factors.

2.1International situation and surrounding environment

With the end of US-Russia relations'"reset" and the Ukraine crisis, Russia's surrounding environment and international situation are becoming worse.

2.1.1 Ukraine crisis caused a set of geopolitical problems: increasing doubts from many Eastern and Northern Europe countries, solidarity problem in the Commonwealth of Independent States (CIS), etc. Finland, Sweden, Lithuania, Latvia and some other countries increased generally their defense budgets; Ukraine began to cooperate with NATO and carried out military man oeuvre together; Poland advocated actively setting NATO's defensive arms in his territory. Besides security threats, Russia suffered a freezing winter in terms of its economy growth when facing sanctions. The worsened surrounding environment and problems usually emerged in CIS countries made Russia encounter an unprecedented challenge in the ex-Soviet Union's space.

2.1.2 The relationship between Russia and US is now more confrontational than at any point since the dissolution of Soviet Union. After the Ukraine crisis, the US-Russia "Reset" definitively ended up, then, two countries began to confront in a number of global hot point issues. Although the Cold War has ended more than 20years, the cold war mentality is still a vital element which causes conflicts between two countries. Russian elites regard Russia as a worldwide power, an indispensible force in international community, while Western countries neglect Russian national interest most of time.

2.1.3 NATO countries continue taking strict precautions against Russia, European Union state members set economic sanctions against Russia, which worsen the relationship between Russia and the Western countries. In 2014's NATO summit, NATO member states agreed to rise military expenses to 2 %. The precedent model of "confrontation & cooperation" in Europe is now changing into absolute confrontation. Economic sanction by US-lead western countries slowed Russia's economy growth down. Besides, European Union continue promoting its Eastern Partnership Program, whose origin was marked with anti-Russia factor in some ways.

2.2 Domestic elements

2.2.1 Russian economy suffered a lot from sanctions which Western countries lay, and its prospect receded. During Putin's first two presidential terms, Russia's society became stable and organised and Russia had a great economic achievement. President Medvedev promoted process of modernization when he was in Kremlin. Russian's life quality is much improved, which relieve social pressure to a certain extent. But, due to decline of international energy needs and recession caused by different factors, Russia fall into economic crisis.

2.2.2 Traditional and New media are both under nation's control. The government has taken some actions, for instance, purchasing a TV station,

increase national capitals' rate. Big social media companies, such as VK, Odnoklassniki and Moi Mir, are all under government's absolute control. Examinations by concerned departments are compulsory in the Internet. Since the confrontation between western countries and Russia, in particular, the Ukraine crisis, both traditional and new media have all added reportage concerning western threats and external challenges against Russia.

2.2.3 At present, Russian economy gets into the worst difficulty since 2000, Russia finds himself in an isolated diplomatic position, the security pressure is quite high. Under this background, Russian's nationalism raise up, its patriotism's passion arouse. According to latest survey in 2016, President Putin's support rate is still as high as 82%, and most of Russian still want Putin to continue his Presidential position after 2018.

3. Influences

A country's diplomatic behaviors, cooperation or conflict, partnership or enemy, are decisive by this country's view of the world. As for Russia, the change of view of world not only influences its foreign policy and concepts of its diplomatic behaviors, but also defines its future diplomatic trace.

First of all, this change arouses Russia's world power mentality, and furthermore, it challenges international and regional "order" dominated by western countries.

Russia considers always itself as a world power, an indispensable actor in nowadays international relations. Although its military power is among the first class in the world, Russia is restricted to its endeavor at developing domestic economy and improving people's welfare. Since the Ukraine crisis, faced up with sanctions and diplomatic isolation, Russia has to impose its army in Syria in order that international community recognizes its world power position. Under these circumstances, western countries are in the opposite side of Russia, which leads to Russia's discontent with the "orders" dominated by western countries. In the future, world order may be led to a "disorder", world politics more fragmented, concert among world powers more difficult.

In addition, this change impels Russia to lay more stress on military power in the increasing conflicts with US led western countries.

Russian elites' support to their government and masses' nationalist sentiment make Russia take strong measures with US and the rest of western countries, which embodies its ambition to defend national interests and world power position. The peace process in Ukraine, in Syria and cooperation in terms of anti-terrorism, lack of mutual trust between Russia and western countries, the two sides could hardly find real solution regardless

of limited consensus.

Russia has to impose counter-sanction and prolong this period given western countries' new actions. This action of revenge makes two parts suffer heavy losses, in particular between Russia and European countries. In the military field, Russia discontents with numbers of NATO's new arrangements in Eastern Europe. Besides, in terms of numerous issues on peace and stability, Russia is an essential partner to cooperate, however, two parts have so much mistrust so that the possibilities of cooperation are uncertain.

Last but not least, Russia is keen about multipolar world and to develop relations with "non-Western" countries.

Multipolization is the mainstream of contemporary Russian diplomatic thoughts. Russia advocates always a multipolar world, and itself, one of the vital polar. World order dominated by western countries will not absolutely disappear, but it would evaluate gradually. Nevertheless, the West tries everything he can to remain its dominance and hinders the development of multipolization.

In order to reduce the influence of western sanctions, Russia strengthens its cooperation with the Shanghai Cooperation Organization(SCO), the BRICS, the ASEAN and the Community of Latin American and Caribbean States. In 2015, Russia held SCO Summit of Heads of State, BRICS Summit and some other important international multilateral conferences.

Russia advances the policy of "turn to Asia", in which it will intensify relations with Asian countries, such as, China, India and ASEAN countries. In March 2015, Russia became the third biggest shareholder in China-led Asian Infrastructure Investment Bank. Strategic partnership between Russia and China continues strengthening. Besides China, Russia expands its cooperation fields with ASEAN countries in the domains of military cooperation, investment, energy cooperation and so on. Russia also value its relations with Korea and Japan.

4. Conclusion

In contemporary world, international politico-economic order accelerates its evaluation, since the 2000s, Russian elites' view of the world is influenced to a great extent by concepts like "multipolar world order" and "democratization of international relations". In recent years, especially since the Ukraine crisis, changes have taken places in terms of Russia's view of the world; therefore they have impacts on Russia's foreign policy.

Firstly, conflicts between Russia and the west arouse Russian world power mentality. Secondly, the majority of Russian elites and masses have a decreasing impression on US, they considers US as a challenge to their

national interest. Geopolitically speaking, strategic squeeze from US is regarded as a threat to Russian national interest. Thirdly, in the field of military potentials, much attention is once again attached. Military power is thought as an essential means to defend national interest.

Facing external threat and economy's crisis, Russia's view of the world become more conservative and Pragmatic. Meanwhile, most of Russian elites are in agreement with the development path led by President Putin. Nevertheless, in long terms, comprehensive national strength, economy as the key, is vital in international competitions. As the economy is a state's political and social basis, changes of politics and society will have an impact on view of the world. If Russian economic reforms don't go well, Russia's stability in terms of domestic and foreign policy will face up great challenges.

References:

1. J. P. Robinson, Phillip R. Shaver and Lawrence S. Wrightsman, *Measures of Political Attitudes*, (San Diego: Academic Press, 1999), pp. 533–578; Mark Peffley and Jon Hurwitz, "International Events and Foreign Policy Belief: Public Response to Changing Soviet-U. S. Relations." *American Journal of Political Science*. Vol. 36, No.2,1992, pp. 431–461.
2. 叶·普里马科夫著，李成滋译：《没有俄罗斯，世界会怎样？》，北京：中央编译出版社，2016年版，第6页。
3. 高飞、张建："乌克兰危机背景下的大国博弈及其对国际安全格局的影响"，《和平与发展》，2014年第6期，第97页。
4. Karl P. Mueller, David A. Shlapak, Michael Johnson, David Ochmanek: In Defense of a Wargame: Bolstering Deterrence on NATO's Eastern Flank, http://www.rand.org/blog/2016/06/in-defense-of-a-wargame-bolstering-deterrence-on-natos.html; William Courtney and David A. Shlapak: The West Must Do Far More to Keep Putin at Bay, http://www.rand.org/blog/2016/08/the-west-must-do-far-more-to-keep-putin-at-bay.html. (上网时间：2016年8月29日)
5. 亚历山大·温特著，秦亚青译：《国际政治的社会理论》，上海：上海人民出版社，2008年版，第220–228页。
6. 黄登学："新版《俄罗斯联邦对外政策构想》评述"，载《俄罗斯研究》，2014年第1期，第182–206页。
7. Владимир Пряхин: К Дискуссии о Новой Редакции Внешней Политики России, http://www.ng.ru/ideas/2013–02–08/5_osmyslenie.html, （上网时间：2016年8月1日）
8. Andrew Monaghan: The New Russian Foreign Policy Concept: Evolving Continuity, Chatham House Russia and Eurasia Report, 2013/03.
9. 俄罗斯公布新版军事学说提出"非核遏制"概念，人民日报，2014年12月28日，第3版。

10. 俄罗斯出台新版国家安全战略，人民日报，2016年1月2日，第5 版。
11. Zimmerman William, The Russian People and Foreign Policy : Russian Elite and Mass Perspectives, 1993–2000. (Princeton: Princeton University Press,2002), pp. 18–22.
12. 黄平，周弘，江时学主编：《欧洲蓝皮书：欧洲发展报告（2015~2016）》，北京：社会科学文献出版社，2016年版，第67–74页。
13. Vladimir Mau, " Russia's Economic Policy in 2015–2016: the Imperative of Structural Reform". Post-Soviet Affairs, Volume 32, 2016, Issue 6. pp. 1–21.
14. "The Long Journey to Recovery", World Bank Russia Economic Report, No. 35, April 2016. p. 26.
15. Fyodor Lukyanov, "Putin's Foreign Policy: The Quest to Restore Russia's Rightful Place," Foreign Affairs, May/June 2016, pp. 30–37.

Информация об авторе
Zhang Jian
China Foreign Affairs University

Россия — Ибероамерика: опыт взаимодействия

подсекция «Латинская Америка»

модератор

Л. С. Окунева

ИСЛАМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Я. БУРЛЯЙ

Число выходцев с Ближнего и Среднего Востока, а также их потомков, проживающих в Латинской Америке, достигает (по максимальным оценкам) 30 млн человек. Но лишь 10 млн из них — мусульмане, а две трети составляют христиане.

Большинство из переселенцев прибыло в латиноамериканские страны из Сирии, Ливана и Палестины. Эти люди внесли большой вклад во все сферы развития государств региона. Среди представителей экономической, политической и культурной элиты Латинской Америки — множество лиц, имеющих происхождение из стран Среднего и Ближнего Востока. Достаточно вспомнить самого богатого на субконтиненте человека мексиканца Карлоса Слима, мексиканскую актрису Сальму Хайек или известную колумбийскую певицу Шакиру Мебарак. В Чили одна из семей палестинского происхождения — Ярур владеет 60 % всей текстильной промышленности.

Во второй половине XX века латиноамериканцы увидели целую плеяду политиков ближневосточного происхождения, занимавших высшие государственные посты вплоть до должностей президентов. На виду с потомком граждан Сирии президента Аргентины Карлосом Менемом стоит вспомнить трех ливанцев (президентов Эквадора Асада Букарама и Джамиля Мауада, а также президента Колумбии Хулио Турбайя) и двух палестинцев во главе государств Центральной Америки. Ливанское происхождение имеет нынешний президент Бразилии Мишель Темер, а также многие видные политики в крупнейших государствах Латинской Америки.

Первая массовая волна эмиграции с Ближнего Востока была отмечена в 60-е годы IX века. Этот период арабской иммиграции из Османской империи продолжался до 1914 года и был прерван Первой мировой войной.

Вторая волна имело место в межвоенный период. Она была мотивирована англо-французской оккупацией Ближнего Востока и тяжелыми последствиями мировой бойни. Третья пришлась на период после

1947 года, когда возник арабско-израильский конфликт, порождавший с каждым новым витком массы беженцев, а многие монархии в регионе уступили место военным диктаторам.

Четвертая волна, начавшаяся во время гражданской войны в Ливане (1975–1990 годы) продолжается и по настоящее время, чему способствовали американская оккупация Ирака, натовские бомбежки Ливии и нынешняя война в Сирии.

Большинство иммигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока поселились в Бразилии, Аргентине, Мексике, Венесуэле и Чили.

Число мусульман в Бразилии достигает 3 млн чел. Крупные исламские организации действуют в Сан-Пауло, Ресифи, Рио-де-Жанейро и Флорианополисе. Наиболее влиятельными являются Союз мусульманских студентов Бразилии, Мировая исламская молодежь и Международный центр развития ислама в Латинской Америке. 40% всех бразильских мусульман проживает в Сан-Пауло. В стране функционирует более 100 мечетей.

Количество аргентинских мусульман превышает 2,5 млн чел. Финансирование из Саудовской Аравии позволило строит ь здесь большие мечети и клубы, где проводятся культурные и общественные мероприятия. В стране действует 9 исламских центров. В столице — прекрасная мечеть, построенная в 1989 году. Особенно много их в районе так называемой «тройной границы».

В Буэнос Айресе действует Исламский культурный центр им. Короля Фахда. На его территории расположена одна из самых больших мечетей в Южной Америке. Ее строительство было закончено в 1996 году при поддержке Саудовской Аравии. На создание центра, которое включает в себя кроме мечетей библиотеку, две школы и парк, ушло 30 млн долларов.

В Мексике насчитывается около 2 млн мусульман. В 1994 г. был создан Центр исламской культуры. За прошедшие после этого годы построено несколько мечетей близ столицы. Декларирована цель — установить мечети во всех крупных мексиканских городах. В настоящее время исламские центры действуют также в Монтерее, Гвадалахаре, Торрехоне и Сан-Кристобаль-де-лас-Касас.

В Венесуэле действуют 15 исламских гражданских ассоциаций, расположенных в 10 городах страны. Число мусульман приближается к 1 млн чел. В Каракасе находится самая большая мечеть в Латинской Америке. Она была построена на средства Фонда шейха Аль-Ибрагима.

В Аргентине находится штаб-квартира Исламской организации Латинской Америки (ИОЛА), которая проводит мероприятия в целях

распространения ислама и объединения мусульман, проживающих в Латинской Америке. ИОЛА является подразделением Исламской организации по образованию, науке и культуре со штаб-квартирой в Рабате (Марокко).

В то же время, Латинская Америка является идеальным плацдармом для развертывания масштабной террористической деятельности против Соединенных Штатов и их союзников. Почти во всех латиноамериканских странах имеется огромное количество нерешенных политико-экономических проблем, которые способствуют появлению преступности. Деятельности преступников благоприятствуют колоссальные массивы необжитых пространств, которые сопоставимы по площади с некоторыми европейскими государствами и могут служить убежищем целым армиям террористов, надежно укрывая их от наблюдения со стороны правительственных сил. Наконец, немалую роль играют традиции партизанской борьбы, сложившиеся в Латинской Америке. Особую опасность представляет стремление левоэкстремистов к взаимодействию с псевдоисламскими террористами.

Это взаимодействие уже дало о себе знать двумя масштабными акциями.

В марте 1992 года была взорвана бомба, которая полностью разрушила здание посольства Израиля в Буэнос Айресе, в результате чего погибло 29 человек и 242 получили ранения.

В июле 1994 года взрыв припаркованного у здания Израильского благотворительного общества в Аргентине автомобиля унес жизни 89 человек. Более 250 человек были ранены.

Очень немногие задумываются о возможности террористических актов в Латинской Америке со стороны запрещенной в России организации ИГИЛ. Однако, после недавних террористических атак в Брюсселе, Париже и Берлине настало время всерьез подумать и об этой опасности. Как заявил генеральный секретарь ОАГ Луис Альмагро, ИГИЛ через Интернет завербовал многих молодых латиноамериканцев в свои ряды. Некоторые из них уже воюют на стороне террористов в Сирии. «Мы знаем, что есть люди из стран Латинской Америки и Карибского бассейна, которые вернулись домой из зоны боевых действий в Сирии. У нас нет точной информации об их количестве, но их достаточно, чтобы организовать террористические акты», — сказал генеральный секретарь ОАГ.

Генерал Джон Келли, возглавляющий Южное командование США, выступая в сенате, заявил, что «Руководство ряда латиноамериканских стран выражает озабоченность по поводу расширения сети сторонни-

ков террористов в Западном полушарии, которые уезжают в Сирию, чтобы принять участие в джихаде. Некоторые их них получают военную подготовку прежде, чем отправиться в Сирию, — сказал Келли и продолжил, — Когда они вернутся, это будут хорошо подготовленные боевики с опытом боевых действий и отлаженными связями с террористическими организациями, представляющими большую опасность для Запада».

По сведениям ЦРУ, основные базы террористов находятся на стыке трех границ — аргентинской, бразильской и уругвайской. Этот район был избран, потому что в нем проживает большая община выходцев из Сирии, Ливана и Ирана. Агентура псевдоисламских террористических организаций учредила там вербовочные пункты, наладила сбор денег и отправку добровольцев в учебные лагеря на территории Афганистана и Ливана. По данным ЦРУ, за 10 лет такое обучение прошло более 500 молодых аргентинских мусульман.

Все вышеизложенное говорит о назревшей необходимости налаживания сотрудничества между ведущими мировыми державами с целью противодействия международному терроризму в Латинской Америке.

Информация об авторе
Ян Бурляй
Директор Центра ибероамериканских программ МГЛУ
Чрезвычайный и полномочный посол
Yan Burlyaj
Director of Centre for Ibero-American Programmes,
Moscow State Linguistic University,
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary

ОТ ОБАМЫ К ТРАМПУ: ВОПРОС ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НА ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

А. А. ЕДАРГИС

Аннотация. *Вопрос политики США в отношении Латинской Америки актуален ввиду высокой политической значимости североамериканского соседа и экономической зависимости латиноамериканских стран от него, а избрание нового президента США, который намерен кардинально изменить свой подход к внешней политике, добавляет актуальности рассматриваемой теме.*

В настоящей работе анализируются внешнеполитические документы США, выступления Б. Обамы, его цели, преследуемые в регионе, результаты, соответствие двух последних элементов, а также характер его политики и реакцию латиноамериканских лидеров. Изучена предвыборная кампания Д. Трампа на предмет поиска сведений о возможной политике в отношении стран Западного полушария, проанализированы мнения латиноамериканских и североамериканских экспертов, составлен политический и психологический портрет Д. Трампа для аналитического прогнозирования его политики. Отдельно проводится обзор его бизнеса в Латинской Америке на предмет выявления его возможной предвзятости к тем или иным странам.

В результате исследования выявлено, что в период президентства Обамы позиции США в Латинской Америке, с одной стороны, ослабели, с другой стороны, учитывая последние события и инициативы Обамы, у них появился значительный потенциал. Можно сказать, что отношениям дана «перезагрузка», причем, в результате применения мягкой силы и снижения давления на латиноамериканские страны последние как раз и увидели возможность перезапуска отношений.

Внешняя политика США в регионе в период президентства Обамы сводилась, в основном, к двустороннему сотрудничеству, причем, американскую сторону интересовали в большинстве своём вопросы, связанные с национальной безопасностью (преступность, бедность, наркотрафик), вопросы по обеспечению прав человека, либерализация

торговли. К окончанию же второго мандата президента-демократа ситуация для влияния США складывалась крайне благоприятная, однако вряд ли победа одного из двух основных кандидатов в президенты североамериканской страны сулила бы еще большее потепление отношений с их южноамериканскими соседями.

Прогнозируется также, что Трамп во внешней политике будет отталкиваться от решения проблем внутренней, уделяя особое внимание вопросам нелегальной иммиграции, поиску наиболее выгодного экономического сотрудничества, обеспечения национальной безопасности путем повышения уровня жизни Центральноамериканских стран, от которых исходят транснациональные угрозы. При этом преемственность политики на латиноамериканском направлении будет наблюдаться лишь частично, поскольку большинству инициатив предыдущего президента Трамп намерен дать обратный ход.

Ключевые слова: *Обама, Трамп, Латинская Америка, НАФТА, ТТП*

Введение. В Латинской Америке, зачастую рассматриваемой как задний двор США, особо чувствительно относятся к политике североамериканского соседа, что естественно. На президентство Б. Обамы с самого начала возлагались большие надежды по изменению политики в отношении рассматриваемого региона, частично они оправдались: 44-й президент США действительно оставил богатое наследие.

Латиноамериканские эксперты, как, впрочем, и их коллеги в других частях света, приход Дональда Трампа в Белый дом оценивают достаточно тревожно, и дело не только в его протекционистской риторике. Фактически, США в данный момент являются основным фактором мировой неопределенности, поскольку у руля такого государства, занимающего первое место в мире по размеру экономики (Китаю по качеству еще далеко) и военному потенциалу, теперь встал бизнесмен, как он себя характеризует, «далекий от политики»[1]. Одно дело — иметь рычаги для влияния, совсем другое — быть этим рычагом, определять весь внутри- и внешнеполитический курс страны.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена высоким политическим значением Соединенных Штатов для стран Латинской Америки и экономической зависимостью последних от североамериканского соседа, а также заявлениями избранного президента США Д. Трампа о кардинальной смене концепции внешней политики, в том числе на

[1] Лощилин А., Смирнов В. Так говорил Трамп: как изменится позиция США после выборов по ряду острых мировых проблем // Интернет-сайт МИА «Россия сегодня». [Электронный ресурс] URL:https://russian.rt.c om/world/article/331916-vybory-ssha-politika-mir-problemy (дата обращения: 12.11.2016).

латиноамериканском направлении.

Степень разработанности темы. Проблематике отношений США — Латинская Америка при Б. Обаме посвящены работы отечественных авторов В.П. Сударева[2] и П.П. Яковлева[3]. Среди зарубежных исследователей выделяются статьи американских авторов — Майкла Рида[4], Кристофера Сабатини[5], Марка Вайсброта[6]. Используются также цитаты из речи самого 44-го президента США — Обамы[7]. В отношении нового президента — Трампа — информация по вопросам национальной безопасности, экономики и иммиграции взята с интернет-сайта, на котором размещена предвыборная программа Д. Трампа[8]. Реакция латиноамериканских экспертов на его избрание представлена в статьях Хорхе Кастаньеды[9], Пабло Кариеса[10], Марии Корины Мачадо[11].

Теоретические основания исследования. Об определяющем значении великих держав и их взаимоотношений писал еще в 1979 г. Кеннет Уолц, основатель школы неореализма в теории международных отношений. Он отмечал, «что государства неоднородны, отличаются

---

[2] В.П. Сударев. Вашингтон в поиске новых подходов к Латинской Америке // Международная жизнь — 2016. — №3. — С. 47–58.

[3] Яковлев П.П. Геополитические сдвиги в Латинской Америке. Сайт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. [Электронный ресурс] URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/ geopoliticheskije_sdvigi_v_latinskoj_amerike_2013–05–03.htm. (дата обращения: 16.04.2016).

[4] Michael Reid. Obama and Latin America // Foreign Affairs. № 94 (5), September/ October issue, 2015.

[5] Christopher Sabatini. Rethinking Latin America // Foreign Affairs. №91 (2) March/ April issue, 2012.

[6] Mark Weisbrot. Obama`s Latin America Policy: Continuity Without Change // Latin American Perspectives. №16 (5), May, 2013.

[7] B.Obama`s speach at the Summit of the Americas Opening Ceremony in Trindad and Tobago in 2009. U.S. White House`s official website. (Electronic resource) URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-summit-americas-opening-ceremony. (Accessed: 05.12.16).

[8] Официальный сайт Д. Трампа. (Электронный ресурс) URL: https://www.donaldjtrump.com/policies/immigr ation/ (дата обращения: 06.12.16)

[9] Jorge G. Castañeda. The Trump Shock in Latin America. (Electronic resource) URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/donald-trump-latin-america-by-jorge-g--casta-eda-2016–11. Accessed: 04.12.16

[10] Pablo Carías. Clinton y Trump: visiones diferentes sobre América Latina // El Heraldo. URL: http://www.elheraldo.hn/opinion/columnas /986351–469/clinton-y-trump-visiones-diferentes-sobre-américa-latina (Accessed: 06.12.16).

[11] María Corina Machado. D.Trump y la crisis venezolana: ¿qué debemos esperar? // El Mundo. URL: http://www.elmundo.es/internacional/2016/11/ 14/582873aae5fdead3098b45de.html (Accessed:03.12.16).

возможностями и потенциалом, а система международных отношений зависит от взаимоотношений великих держав» [Kenneth N. Waltz, 1979. P. 118.]. Учитывая, что в Западном полушарии в настоящий момент географически находится одна великая держава, представляется целесообразным проанализировать её влияние в регионе.

Институциональные ограничения, формально писаные правила и обычно неписаный кодекс, теория максимальной полезности применительно к проблеме институтов исследованы в монографии Дугласа Норта и представляют собой базу для развития мысли в политическую плоскость [Douglass North, 1990. P. 56.].

В монографии Э.Я. Баталова представлен взгляд советских ученых на политическую культуру североамериканского общества как имеющую «элитарно-демократический» тип принятия политических решений, что предполагает вовлечение в этот процесс различных инстанций [Баталов Э.Я., 1990. С. 228.]. При этом отмечается, что в силу исторических причин для США характерна огромная роль бизнеса при принятии политических решений, а в разработке внешней политики центральное место занимает президент. В этой связи представляется актуальным проанализировать и попытаться спрогнозировать цели и политику Д. Трампа — бизнесмена, ставшего президентом.

Исследование: основная часть.

Методология. В настоящей статье анализируются цели и достижения президентства Б. Обамы с проекцией на Латинскую Америку, излагаются результаты наблюдения, в частности предвыборной кампании Д. Трампа, сравнивается поведение двух президентов, анализируется характер преемственности политики и проблемы на пути её реализации.

Процедура исследования. Для решения задач исследования был проведен контент-анализ выступления Обамы на Саммите Америк в Тринидаде и Тобаго в 2009 г., стратегии национальной безопасности США 2015 г., доклада ЦРУ оценке глобальных угроз 2016 г., произведена оценка заявленных целей и результатов проводимой политики как с точки зрения США, так с точки зрения стран Латинской Америки, в том числе благодаря подобранной специальным образом литературе, учитывающей различные мнения. Был проведен также обзор новостей и официального сайта Д. Трампа на предмет поиска информации о его будущей политике в отношении Латинской Америки и составления его политического и психологического портрета для аналитического прогнозирования. Отдельно в исследовании указываются страны, в которых Трамп имеет бизнес, с тем, чтобы проанализировать, будет ли он относится к ним предвзято на посту президента.

Латиноамериканское направление во внешней политике Б. Обамы. В наследство от Джорджа Буша-младшего Бараку Обаме достался целый ряд проблемных для США вопросов в регионе. Среди них фигурирует усиление левых антиамериканских режимов, «мертвый узел» в отношениях с Кубой, наращивание присутствия Китая, рост самостоятельности ведущих стран Латинской Америки, их отказ поддержать план Белого дома по созданию Панамериканской зоны свободной торговли, обострение проблемы миграции в США из Мексики, центрально-американских и карибских стран[12].

При этом Латинская Америка находилась далеко внизу в списке внешнеполитических приоритетов Дж. Буша. Обаме предстояло скорректировать внешнеполитический курс, решить проблемы, оставленные предыдущей администрацией, нащупать сферы интересов и возможного сотрудничества с южными соседями. Сами латиноамериканцы восприняли избрание Обамы положительно.

В рамках нового внешнеполитического курса Барак Обама в апреле 2009 года на Саммите Америк в Тринидаде и Тобаго заявил о том, что он «хочет открыть новую главу в отношениях с Латинской Америкой, основанную на равном партнерстве, взаимном уважении, общих ценностях и интересах»[13]. Более того, он пообещал добиваться нормализации отношений с Кубой. Тем не менее, в период президентства Обамы позиции США в Латинской Америке, с одной стороны, ослабели, с другой стороны, учитывая последние события и инициативы Обамы, у них появился значительный потенциал. Можно сказать, что отношениям дана «перезагрузка», причем, в результате применения мягкой силы и снижения давления на латиноамериканские страны последние как раз и увидели возможность перезапуска отношений. Так, опрос «Латинобарометра» показал, что в 2008 году 58 % населения стран ЛА поддерживали США, а в 2013 году этот показатель поднялся до 69 %[14]. Сейчас этот показатель был бы, наверняка, еще выше, учитывая ини-

---

[12] Яковлев П. П. Латиноамериканская политика Обамы (по итогам поездки в Бразилию, Чили и Сальвадор). Сайт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. (Электронный ресурс) URL: http://www.perspektivy.info/book/latinoamerikanskaja_politika_b_obamy_po_itogam_pojezdki_v_braziliju_chili_i_salvador_2011–03–28.htm. (Дата обращения: 07.04.16).

[13] B.Obama`s speach at the Summit of the Americas Opening Ceremony in Trindad and Tobago in 2009. U.S. White House`s official website. (Electronic resource) URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-summit-americas-opening-ceremony. (Accessed: 05.12.16).

[14] Michael Reid. Op. cit. p. 14.

циативы Обамы по сближению с Кубой и общую геополитическую ситуацию в регионе, при которой политический маятник движется если не вправо, то в центр.

С точки зрения латиноамериканцев, можно выделить следующие приоритеты в их взаимодействии с Соединенными Штатами: выработка действенных мер по предотвращению мировых финансовых кризисов; полноценное участие латиноамериканцев в формировании институтов и механизмов глобального регулирования; создание новых зон свободной торговли между США и странами Латинской Америки (преимущественно на двустороннем уровне); взаимодействие в области развития традиционных секторов энергетики, включая атомную, и охраны окружающей среды (в том числе сохранения лесов и источников пресной воды); сотрудничество в сфере высоких технологий и в приоритетных инновационных отраслях: био- и нанотехнологии, аэрокосмическая промышленность, производство альтернативных видов энергии; укрепление в регионе демократических порядков и институтов гражданского общества; нормализация проблем, связанных с трансграничными миграциями передача латиноамериканским странам передовых методов высшего образования и профессионального обучения; оздоровление обстановки вокруг Кубы (главное — полное снятие американской экономической блокады)[15]. По многим вопросам позиция США и латиноамериканских стран совпадает.

Внешняя политика США в регионе в период президентства Обамы сводилась, в основном, к двустороннему сотрудничеству, причем, американскую сторону интересовали в большинстве своём вопросы, связанные с национальной безопасностью (преступность, бедность, наркотрафик), вопросы по обеспечению прав человека, либерализация торговли.

К окончанию срока полномочий президента Обамы ситуация в регионе складывалась крайне благоприятная для США. Во-первых, это долгожданное сближение Кубы и Соединенных Штатов по инициативе последних. Несмотря на то, что несколько ключевых вопросов, составляющих камень преткновения, так и не были решены (торговое эмбарго, американская база в Гуантанамо, ситуация вокруг политических заключенных), а президент Кубы Рауль Кастро во время визита Обамы на остров недвусмысленно дал понять, что еще рано говорить о дружеских отношениях, тем не менее, сам этот визит является историческим по своей сути и даёт начало качественно новым отношениям между двумя странами.

---

[15] Яковлев П. П. Указ. соч. С. 3.

Безусловно, Куба небезосновательно относится с определенными опасениями к этому сближению, поскольку влияние американской «мягкой» силы и глобализации известно. Помимо обещания наращивать взаимные контакты и увеличить инвестиции Обама выступил с критикой нарушений прав человека на Кубе. Представляет интерес тот факт, что президент США встречался на острове с теми, кто не поддерживает режим, что не могло не насторожить кубинские власти. В этой связи нельзя сказать, что атмосфера взаимного недоверия растворилась, однако были сделаны шаги в сторону ближения.

На данный момент еще рано делать окончательные выводы, однако ясно, что конфронтация Кубы и США — явление устаревшее и, как многие считают, ему не место в современном мире. Можно считать, что Обама, обещав в своей предвыборной компании наладить отношения с Кубой, свое обещание выполнил — положил начало этому процессу, который, однако, вряд ли будет простым и быстрым.

Соединенные Штаты, отдавая в своих внешнеполитических документах приоритет сотрудничеству с Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой[16], начали осуществлять политику по созданию Транстихоокеанского и Трансатлантического «стратегических колец», что предполагает заключение ЗСТ между этой североамериканской страной и странами АТР и ЕС.

Намеренно или нет, но Соединенные Штаты своими действиями проводят разделительные линии в Латинской Америке, запустив стратегическое партнерство в Азиатско-Тихоокеанском и Атлантическом регионах, буквально принуждая латиноамериканцев выбирать пути сотрудничества вне своего региона или рискуя остаться на периферии мировых интеграционных процессов. Мексика, Колумбия, Перу и Чили тяготеют к Транстихоокеанскому партнерству и в этой связи образовали Тихоокеанский альянс. В то же время, страны МЕРКОСУР уже не первый десяток лет стремится заключить соглашение о ЗСТ с Европейским союзом, что в принципе возможно в рамках Трансатлантического партнерства. Вдобавок ко всему, приход к власти в Аргентине «правого» президента Маурисио Макри лишь осложняет геополитическую обстановку заинтересованностью Аргентины участвовать Транстихоокеанском партнерстве. Данная ситуация подогревается позицией Бразилии, которая рассматривает себя в качестве региональной державы и в силу

[16] United States National Security Strategy, 2015. U. S. White House`s official website. URL: https://www.wh itehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf. (Accessed: 05.05.16).

географического положения считает Атлантический регион зоной своего влияния, не говоря уже об общерегиональном лидерстве. При этом обе страны стремятся вывести МЕРКОСУР из стагнации, хотя их политическая разобщенность может её еще больше усугубить.

Стоит разобрать подробнее сложившуюся ситуацию в двух крупнейших странах Латинской Америки — в Бразилии и Аргентине. Еще несколько лет назад трудно было представить, что в Бразилии разгорится крупный экономический и политический кризис, который сделает её неспособной оказывать значительное влияние на латиноамериканский регион. Тем не менее, успех внутренней политики Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф сейчас нивелируются коррупционными скандалами с их возможным участием и ростом правых настроений. Бразилия, выступавшая посредником между США и левыми режимами Латинской Америки, похоже, больше неспособна выполнять эту роль, особенно, если к власти в стране придёт правый лидер.

В Аргентине после 15 лет киршнеризма политический маятник тоже качнулся вправо. В результате системного экономического кризиса старой модели развития к власти пришел новый, правый президент Маурисио Макри, который практически сразу объявил о довольно резких изменениях во внешней политике. Так, например, он выразил намерение нормализовать отношения с Соединенными Штатами, укрепить партнерство с Бразилией в рамках Меркосур, выступил с критикой действий Николаса Мадуро, а также объявил о пересмотре[17] соглашений с Россией, что не может не служить тревожным звоночком.

Отдельно необходимо выделить глубокие изменения в политическом течении в Латинской Америке, грозящими превратиться в если не в «правый поворот», то в «поворот в центр». Так, занимавшие прочную нишу наиболее радикальные левопопулистские режимы, которые входят в состав АЛБА, находятся в шатком положении. На предстоящих президентских выборах в Венесуэле, Боливии и Эквадоре преемственность идеологии, а, значит, и политики может быть нарушена, что отвечает интересам США.

Соединенные Штаты продолжают выделять деньги на стабилизацию ситуации в странах с высокой криминогенной обстановкой. Так, в страны Северного треугольника (Гватемала, Сальвадор, Гондурас), а также в Мексику и страны карибского бассейна были вложены значительные

[17] Macri advierte que podría vetar los acuerdos de Cristina con Rusia y China. Martín Dinatale. // La Nación, 19.11.15. URL: http://www.lanacion.com.ar/1846814-macri-advierte-que-podria-vetar-los-contratos-de-cristina-con-china-y-rusia. (Accessed: 25.04.16.).

средства для повышения уровня жизни населения и обеспечения безопасности этих стран и, как следствие, безопасности США.

Аналитический прогноз внешней политики Д. Трампа в отношении Латинской Америки. В связи с победой Трампа США в данный момент можно назвать основным фактором мировой неопределенности. Неопределенность добавляет не только его непредсказуемое поведение в качестве политика, но и хотя бы тот факт, что по многим вопросам международной повестки он просто не высказывался.

Трамп — прежде всего бизнесмен, человек прагматичный, даже если в своей риторике он позволяет себе размах украшательства, в действиях он будет более осторожен, скорее всего, будет искать выгоду, четко определив для себя приоритеты и шаги по достижению поставленных целей. Отсутствие у президента не то что всеобъемлющей, а просто широкой повестке на латиноамериканском треке объясняется расставленными приоритетами. Будущий президент выразил желание уделять больше внимания внутренним вопросам североамериканского государства, и латиноамериканское направление через эту призму выглядит следующим образом.

Мексика. В отношении НАФТА он намерен инициировать переговоры по изменению условий исходного соглашения с тем, чтобы добиться наибольшей выгоды для граждан США, а если Канада и Мексика не согласятся перезаключить соглашение, он предоставит уведомление о выходе из НАФТА. Также Трамп планирует устранить асимметричный тариф в торговле с Мексикой посредством повышения НДС и перенести часть предприятий из Мексики в США, поскольку американские рабочие, по его мнению, «недополучают»[18].

Следующим пунктом на повестке Трампа, затрагивающим Латинскую Америку, является стремление выйти из *Транстихоокеанского партнерства*, которое не было еще ратифицировано. Политика стратегических колец Обамы была опасна для Латинской Америки тем, что заключала её в рамки выбора. Протекционистские намерения Трампа, в свою очередь, выбора не оставляют: странам региона остро необходимы рынки сбыта продукции, поскольку это является основой их экономического роста, при этом они не отличаются высоким качеством, а главное преимущество — низкая себестоимость — будет нивелировано.

Стремление Трампа к бóльшей энергетической независимости тоже не отвечает интересам региональных экспортеров нефти и может усу-

[18] Официальный сайт Д. Трампа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.donaldjtrump.c om/policies/immigration/ (дата обращения: 06.12.16).

губить экономический кризис в Венесуэле, если США сократит объем закупки данного ресурса.

Таким образом, вероятно, тихоокеанские страны могут обратить свой взор на то, что им предложит Китай на фоне торможения ТТП. Чили, например, уже заявила о подобном намерении.

Отдельно стоит упомянуть иммиграционную политику Трампа. В рамках высказываемых тезисов о том, что он планирует обеспечить работой в первую очередь американских граждан, отдавать приоритет им, поднять уровень зарплаты и следить за тем, чтобы их права не ущемлялись, на этом фоне он хочет отменить амнистии Обамы относительно иммигрантов, депортировать нелегальных (а их, напомню, около 11 млн 8,5 из которых — мексиканцы)[19], реформировать систему легальной миграции. Естественно, нельзя не сказать о стене на границе с Мексикой, которую Трамп еще в ходе предвыборной кампании оговорился возвести. Правда, в его выступлениях он эту больше не высказывается на эту тему, хотя на сайте с его программой такой пункт всё ещё значится.

Колумбия. Колумбийцы обеспокоены тем, что Трамп не проявил интереса, даже никак не упомянул Колумбию в ходе предвыборной гонки. США выражали заинтересованность в успехе переговоров между правительством и РВСК, и, как выразился действующий президент этой южноамериканской страны Сантос, «Колумбия имела честь пользоваться поддержкой обеих партий, республиканской и демократической, в течение многих лет»[20]. Участие США, особенно материальное, ведь Обама добивался от Конгресса выделения средств для реализации программы «Мир в Колумбии», таким образом остается под вопросом. Существует вероятность того, что деньги пойдут только шаги, в конечном счете направленные на обеспечение безопасности самих США (уничтожение коки, разоружение повстанцев, укрепление институтов власти), но не на экономическое развитие.

Куба. В отношении нормализации отношений с Кубой Трамп высказался следующим образом: «Если Куба не покажет готовность предложить более выгодные условия для кубинцев, кубино-американцев и США, я прекращу нормализацию»[21]. Позже, однако, один из его со-

---

[19] Официальный сайт Д. Трампа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.donaldjtrump.c om/policies/immigration/ (дата обращения: 06.12.16).

[20] ¿Patina el acuerdo de paz con Trump como presidente? // La Semana. URL:http://www.semana.com/nacion/articulo/donald-trump-y-proceso-de-paz-con-las-farc-escenarios-para-colombia/504865 (Accessed: 06.12.16).

[21] Д.Трамп о смерти Фиделя Кастро. Официальный аккаунт в социальной сети «Твиттер». [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/realDonald Trump/status/821368088935432196 (дата обращения: 05.12.16).

ветников прокомментировал это заявление таким образом, что Трамп не хочет делать односторонних уступок и в своих действиях будет руководствоваться интересами американцев. Конечно, нельзя обойти мимо его оценку Фиделя Кастро как жестокого диктатора и стремление Трампа содействовать демократическим реформам на Кубе, от которой он хочет экономической, политической либерализации и улучшение обстановки с соблюдением прав человека.

Венесуэла. На данный момент Трамп высказал солидарность с «угнетенным народом» Венесуэлы, намекая на поддержку оппозиции в её столкновениях с Мадуро. Учитывая риторику самого президента боливарианской республики, при которой даже вербальная поддержка оппозиции со стороны США рассматривается как доказательство вмешательства империализма во внутренние дела других стран, Трамп скорее всего откажется от решительных действий по отношению к этому государству, будет соблюдать сохранившийся на данный момент статус-кво и ждать президентских выборов в Венесуэле.

Страны Центральной Америки опасаются, что Трамп может сократить финансовую помощь и торговые преференции по аналогии с его стремлением пересмотреть условия НАФТА. Это кажется маловероятным, учитывая, что такие меры направлены на повышение уровня жизни местного населения и снижение миграции в США, что является приоритетом для них.

Не лишним будет упомянуть про бизнес Трампа в Латинской Америке, при его финансировании построен отель и небоскреб в Рио-де-Жанейро (Бразилия), башня в Панаме (на 2011 самая высокая), строится башня в Пунта-дель-Эсте (Уругвай) и планируется возведение подобного здания в Буэнос-Айресе (Аргентина). Некоторые из этих небоскребов построены по франшизе и, соответственно, не напрямую на деньги самого Трампа. При этом в своих интервью он показывает довольно поверхностные знания о политике в Южной Америке и, в частности, в Бразилии. В рамках Панамского досье указывается, что Трамп связан с 32 офшорными фирмами, в т.ч. в Бразилии, Панаме и на Виргинских островах.

Результаты исследования. В период президентства Обамы позиции США в Латинской Америке, с одной стороны, ослабели, с другой стороны, учитывая последние события и инициативы Обамы, у них появился значительный потенциал. Можно сказать, что отношениям дана «перезагрузка», причем, в результате применения мягкой силы и снижения давления на латиноамериканские страны последние как раз и увидели возможность перезапуска отношений.

Внешняя политика США в регионе в период президентства Обамы сводилась, в основном, к двустороннему сотрудничеству, причем, американскую сторону интересовали в большинстве своём вопросы, связанные с национальной безопасностью (преступность, бедность, наркотрафик), вопросы по обеспечению прав человека, либерализация торговли. К окончанию же второго мандата президента-демократа ситуация для влияния США складывалась крайне благоприятная, однако вряд ли победа одного из двух основных кандидатов в президенты североамериканской страны сулила бы еще большее потепление отношений с их южноамериканскими соседями.

Трамп — прежде всего бизнесмен, человек прагматичный, даже если в своей риторике он позволяет себе украшательства, в действиях он будет более осторожен, скорее всего, будет искать выгоду. Похоже, что в Латинской Америке, близкой географически, но далекой по значимости для Трампа, внешняя политика США будет строиться как продолжение внутренней. И, определив в качестве национального интереса повышение благосостояния американских граждан, представляется, что Трамп скорее всего последует своей протекционистской экономической повестке, поскольку он её декларирует на всех уровнях и достаточно активно. В этой связи велика вероятность того, что он нацелен прозондировать позиции добиться для себя наилучших условий, как он привык делать в бизнесе.

В отношении проблемы нелегальной иммиграции Трамп будет действовать решительно, но не жестко: вероятно, увеличится количество депортаций иммигрантов с криминальным прошлым и усилится контроль над границей в наиболее проблемных местах, но до строительства физической стены протяженностью в несколько тысяч километров вряд ли дойдет.

Продолжится спонсирование государств Латинской Америки, внутренняя обстановка в которых может представлять угрозу безопасности США из-за транснационального характера этих угроз.

Анализ результатов. В целом, латиноамериканскую политику Обамы можно поделить на два больших этапа: 1) ноябрь 2008 — декабрь 2014; 2) декабрь 2014 — январь 2017. Первый этап характеризовался положительными и достаточно громкими лозунгами о том, что Соединенным Штатам нужно уделять больше внимания региону, вплоть до нормализации отношений с Кубой. На деле же Латинская Америка не стала одним из приоритетных направлений американской внешней политики. Более того, США потеряли позиции в регионе: экономически их превзошел Китай, а политическое измерение характеризовалось набирающим силу «левым поворотом», на фоне которого американское

руководство заняло выжидательную позицию. Не лишним будет отметить, что в американских СМИ была развернута обширная компания по дискредитации левых режимов. Внешняя политика США в регионе сводилась, в основном, к двустороннему сотрудничеству.

Второй этап начался с речи Обамы, в которой он отметил желание нормализовать отношения с Кубой. На этот раз Обама проявил политическую волю, и американской стороной были сделаны шаги к сближению, активизировалась американская дипломатия. Примечательно, что именно на этом фоне в регионе почва под левыми режимами начала расшатываться. Однако причина этого явления находится не в политике США, а скорее во внутренних проблема левых режимов.

Таким образом, на момент окончания второго президентского срока Обамы у США складывалась благоприятная ситуация для повышения своего влияния в Латинской Америке; параллельно с этим, самим латиноамериканцам не стоит забывать о последствиях «дружбы» с США и относиться к действиям последних настороженно.

Внешняя политика нового президента США Д. Трампа, вероятно, будет строиться в соответствии с решением внутренних проблем — борьбы с нелегальной иммиграцией, обеспечением безопасности США, повышением их конкурентоспособности.

Заключение. Таким образом, преемственность политики США на латиноамериканском направлении наблюдается лишь частично, поскольку Б. Обама и Д. Трамп преследуют разные цели в Латинской Америке. Первый, главным образом, стремился к налаживанию двустороннего сотрудничества, поощрял либерализацию торговли, уделял внимание вопросам прав человека, использовал «мягкую» силу. Второй исходит не столько из экономического и гуманитарного измерения, сколько из национальных интересов США в целом, он особо это подчеркивает, в этой связи вряд ли стоит ожидать какой-либо мягкости, неуверенности, колебаний. Наоборот, Трамп, вероятно, будет действовать осторожно, но решительно. Его политика будет строиться в соответствии с решением внутренних проблем — борьбы с нелегальной иммиграцией, обеспечением безопасности США, повышением их конкурентоспособности.

Литература

1. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. — М.: Наука, 1990. — 256 с.
2. В.П. Сударев. Вашингтон в поиске новых подходов к Латинской Америке // Международная жизнь — 2016. — №3. — С. 47–58.

3. Д.Трамп о смерти Фиделя Кастро. Официальный аккаунт в социальная сети «Твиттер». [Электронный ресурс]. URL: https://twitter.com/realDonald Trump/status/821368088935432196 (дата обращения: 05.12.16).
4. Лощилин А., Смирнов В. Так говорил Трамп: как изменится позиция США после выборов по ряду острых мировых проблем // Интернет-сайт МИА «Россия сегодня». [Электронный ресурс] URL:https://russian.rt.c om/world/article/331916-vybory-ssha-politika-mir-problemy (дата обращения: 12.11.2016).
5. Официальный сайт Д. Трампа. [Электронный ресурс]. URL: https://www.donaldjtrump.c om/policies/immigration/ (дата обращения: 06.12.16).
6. Яковлев П. П. Геополитические сдвиги в Латинской Америке. Сайт Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/ oykumena/amerika/geopoliticheskije_sdvigi_v_latinskoj_amerike_2013–05–03.htm. (дата обращения: 16.04.2016).
7. B.Obama`s speach at the Summit of the Americas Opening Ceremony in Trindad and Tobago in 2009. U. S. White House`s official website. [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-summit-americas-opening-ceremony. (Accessed: 05.12.16).
8. Bastenier M. A. Trump y América Latina // El País. URL: http://internacional.elpais.com/internacional/2016/11/22/actualidad/1479835669_295219.html (Accessed: 06.12.16).
9. Christopher Sabatini. Rethinking Latin America // Foreign Affairs. №91 (2) March/April issue, 2012.
10. Douglass North. Institutions, Institutional Change and Economic Perfomance. Camridge University Press, 1990. P. 190.
11. Jorge G. Castañeda. The Trump Shock in Latin America. [Electronic resource] URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/donald-trump-latin-america-by-jorge-g--casta-eda-2016–11. (Accessed: 04.12.16).
12. Kenneth N. Waltz. Theory of International Politics, 1979. P. 279.
13. Macri advierte que podría vetar los acuerdos de Cristina con Rusia y China. Martín Dinatale. // La Nación, 19.11.15. URL: http://www.lanacion.com.ar/1846814-macri-advierte-que-podria-vetar-los-contratos-de-cristina-con-china-y-rusia. (Accessed: 25.04.16.).
14. María Corina Machado. D.Trump y la crisis venezolana: ¿qué debemos esperar? // El Mundo. URL: http://www.elmundo.es/internacional/2016/11/14/582873aae5fdead3098b45de.html (Accessed:03.12.16).
15. Mark Weisbrot. Obama`s Latin America Policy: Continuity Without Change // Latin American Perspectives. №16 (5), May, 2013.
16. Michael Reid. Obama and Latin America // Foreign Affairs. № 94 (5), September/October issue, 2015.

17. Pablo Carías. Clinton y Trump: visiones diferentes sobre América Latina // El Heraldo. URL: http://www.elheraldo.hn/opinion/columnas/98 6351–469/clinton-y-trump-visiones-diferentes-sobre-américa-latina (Accessed: 06.12.16).
18. ¿Patina el acuerdo de paz con Trump como presidente? // La Semana. URL:http://www.semana.com/nacion/articulo/donald-trump-y-proceso-de-paz-con-las-farc-escenarios-para-colombia/504865 (Accessed: 06.12.16).

FROM OBAMA TO TRUMP: THE ISSUE OF CONTINUITY OF US FOREIGN POLICY TOWARDS LATIN AMERICA

Andrei Edargis

Abstract. *The issue of US policy towards Latin America is topical due to high political significance of the North American neighbor and economic dependence of Latin American countries on it, and the election of the new US president, who is aiming at changing drastically American approach towards foreign policy, only adds topicality.*

This study analyses US foreign policy documents, Barrack H. Obama`s speeches, his objections pursued in the region, the results he achieved, correlation between the former and the latter as well characteristics of his policies and reaction of Latin American leaders. There has been studied the electoral campaign of Donald J. Trump in search for information on his possible policies towards other countries of the Western Hemisphere, analysed opinions of experts both from North and Latin America, made a political and psychological portray of Trump for crafting analytical prognosis of his policies. The article also observes the business his does in Latin America in order to find out his possible partiality towards one or another country.

There has been found out that under President Obama the US influence in Latin America, on the one hand, weakened, on the other hand, got significant potential considering the latest events and Obama`s initiatives. It is possible to state that the relations were reset, and by using soft power and alleviating pressure on Latin American countries the latter saw an opportunity to reset their relations.

US foreign policy under Obama mainly was limited to bilateral cooperation with North American party interested in issues related to national security (criminality, poverty, drug trafficking), human rights guarantees, trade liberalization. By the end of Obama`s second term the situation for US to spread its influence had been rather favorable.

In his foreign policies Donald Trump is likely to be proceeding from solutions to internal American problems paying special attention to the issues of undocumented immigration, a search for the most beneficial economic

cooperation, ensuring national security by raising the living standards of Central American countries which are the source of transnational threats. All in all, the continuity of US foreign policy towards Latin America is going to be looked into partly because Trump is determined to reverse the majority of Obama`s initiatives.

Key words: *Obama, Trump, Latin America, NAFTA, TPP*

References

1. Barrack H. Obama, (2009). *Speech at the Summit of the Americas Opening Ceremony in Trinidad and Tobago. U. S. White House`s official website.* Retrieved 5 December, 2016 from https://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-summit-americas-opening-ceremony
2. Bastenier M. A., (2016). *Trump y América Latina. El País*. Retrieved 6 December, 2016 from http://internacional.elpais.com/internac ional/2016/11/22/actualidad/1479835669_295219.html
3. Batalov E. Ja., (1990), Politicheskaja kul'tura sovremennogo amerikanskogo obshhestva [Political Culture of Contemporary American Society]. Moskva: Nauka.
4. Christopher Sabatini, (2012). *Rethinking Latin America. Foreign Affairs*. 2012, №91 (2) March/April issue
5. Donald J. Tramp`s official Tweeter profile. Retrieved 29 November, 2016 from https://twitter.com/realDonaldTrump/status/821368088935432196
6. Donald J. Trump official website. Retrieved 6 December, 2016 from https://www.donaldjtrump.com/policies/immigration/
7. Douglass North, (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Perfomance. Camridge University Press.
8. Jakovlev P. P., (2013). *Geopoliticheskie sdvigi v Latinskoj Amerike. [Geopolitical changes in Latin America].Sajt Centra issledovanij i analitiki Fonda istoricheskoj perspektivy [Research and Analytical Centre of the Historical Perspective Fund].* Retrieved 16 April, 2016 http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/geopoliticheskije_sdvigi_v_latinskoj_amerike_2013–05–03.htm.
9. Jorge G. Castañeda, (2016). *The Trump Shock in Latin America.* Retrieved 4 December, 2016 from https://www.project-syndicate.org/commentary/ donald-trump-latin-america-by-jorge-g--casta-eda-2016–11
10. Kenneth N. Waltz, (1979). Theory of International Politics.
11. Loshhilin A., Smirnov V, (2016). *Tak govoril Tramp: kak izmenitsja pozicija SShA posle vyborov po rjadu ostryh mirovyh problem [This is what Trump said: how is American stance on a series of pressing global issues going to change after elections]. Internet-sajt MIA «Rossija segodnja» [Russia Today news agency website]* Retrieved 5 December, 2016 from https://russian.rt.com/world/article/331916-vybory-ssha-politika-mir-problemy

12. María Corina Machado, (2016). *Trump y la crisis venezolana: ¿qué debemos esperar? El Mundo.* Retrieved 4 December, 2016 http://www.elmundo.es/internacional/2016/11/14/582873aae5fdead3098b45de.html
13. Mark Weisbrot, (2013). *Obama`s Latin America Policy: Continuity Without Change. Latin American Perspectives.* May, 2013, №16 (5).
14. Martín Dinatale, (2015). *Macri advierte que podría vetar los acuerdos de Cristina con Rusia y China. Martín Dinatale. La Nación*. Retrieved 25 April, 2016 from http://www.lanacion.com.ar/1846814-macri-advierte-que-podria-vetar-los-contratos-de-cristina-con-china-y-rusia
15. Michael Reid, (2015). *Obama and Latin America. Foreign Affairs*. 2015, № 94 (5).
16. Pablo Carías, (2016). *Clinton y Trump: visiones diferentes sobre América Latina. El Heraldo.* Retrieved 6 December, 2016 from http://www.elheraldo.hn/opinion/columnas/986351–469/clinton-y-trump-visiones-diferentes-sobre-américa-latina
17. *¿Patina el acuerdo de paz con Trump como presidente? La Semana*. Retrieved 6 December, 2016 from http://www.semana.com/nacion/artic ulo/donald-trump-y-proceso-de-paz-con-las-farc-escenarios-para-colombia/504865
18. V. P. Sudarev, (2016). *Vashington v poiske novyh podhodov k Latinskoj Amerike* [Washington searching new approaches towards Latin America]. Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs], 2016, №3, 47–58.

Информация об авторе

Едаргис Андрей Артурович

студент 1-го курса магистратуры МГИМО МИД России, Россия. Email: a.edargis@mail.ru

Andrei Edargis

1st year Master's student, MGIMO University, Russia. Email: a.edargis@mail.ru

МЕКСИКАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ И ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ

О. В. КАТЫШЕВА

Аннотация. *Мексика недавно вступила в круг действующих лиц, участвующих в разработке новых механизмов глобального управления. Хотя сегодня Мексика пытается диверсифицировать свою внешнюю политику и расширить свою зону интересов, но до сих пор эта страна не может избежать влияния Соединённых Штатов. Несмотря на интерес к развитию отношений также и с ведущей на сегодняшний день державой мира, США, Мексика неоднократно заявляла, что желание Соединённых Штатов придерживаться однополярного мирового порядка, является неприемлемым. Одним из направлений по диверсификации внешней политике современной Мексики является обновление отношений с Россией. Мексика и Россия похожи в своих основополагающих принципах, таких как полное соблюдение норм международного права, ядерное нераспространения, разоружение, права человека и мирные пути разрешения конфликтов. Сфера общих внешнеполитических интересов Мексики и Российской Федерации включает в себя борьбу с международной организованной преступностью, незаконным оборотом психотропных и наркотических средств, терроризм, реформирование ООН и многие другие вопросы. Но и в отношениях между Мексикой и Россией существуют противоречия, например, вопрос о целостности Украины. В данном докладе мы проанализируем отношения между Мексикой и Россией в период с 2000 по 2016 года до ноябрьских выборов президента США и обсудим новые перспективы сотрудничества наших стран в новой многополярной мировой реальности. Наш доклад разделён на три части, в каждой из которых изучаются основными аспекты взаимодействия двух стран за период президентства Винсенте Фокса, Фелипе Кальдерона и Энрике Пеньи Ньето. Интервью, проведённые докладчиком в Мексике в августе–сентябре 2016 года в рамках стажировки по стипендиальной программе Банка Сантандер и СПбГУ с ведущими академиками мексиканских университетов и мексиканскими политиками, позволили наиболее полно изучить приоритетные*

направления внешней политики Мексики и определить основные тенденции взаимоотношений России и Мексики.

Ключевые слова: *Мексика; Россия; двусторонние отношения; внешняя политика*

Введение. Актуальность данного исследования обусловлена следующими соображениями. Во-первых, внешняя политика Мексики в XXI веке является объектом внимания многих участников мирового сообщества, особенно это внимание увеличилось в связи с президентскими выборами ноября 2016 году в США. Безусловно соседство с Соединенными Штатами откладывает отпечаток на внешнеполитические решения мексиканского правительства, и взаимозависимость этих двух стран и неровность их взаимоотношений влияют на взаимодействие Мексики с другими регионами. Во-вторых, в условиях изменения системы международных отношений и снижения роли США в мировых и региональных процессах появляются новые политические и экономические центры. Латиноамериканский регион становится непосредственно таким центром и Мексика, как отдельное государство, также является потенциальным центром. Внешнеполитические изменения, происходящие в Мексике как отражение мировых тенденций к многополярности требуют изучения и переосмысления с учетом изменяющихся политических, экономических и исторических контекстов. В-третьих, желание Мексики диверсифицировать свою внешнюю политику открывает возможности для России по увеличению степени взаимодействия между странами и требует более пристального анализа возможных перспективных направлений сотрудничества со стороны как российских, так и зарубежных исследователей. В-четвертых, разработанность темы внешней политики Мексики и места России в приоритете Мексики является достаточно низкой в российских академических кругах. Наиболее примечательным с точки зрения концентрации публикаций за последнее время является годовщина 125-летия партнерства России и Мексики в 2015 году, особого внимания требует монография «Мексика: Парадоксы модернизации», рассматривающая ведущие тренды экономического и социально-политического развития Мексики и основные тенденции международной деятельности страны. Среди мексиканских исследователей теме взаимоотношения Мексики с Россией уделяется низкое внимание. Большая часть российских публикаций нацелена на изучение возможностей возвращения России в Латинскую Америку, где Мексика имеет потенциал как торговый партнер России в регионе, как политический союзник и традиционный союзник в научно-технологической сфере. В этой связи важно обладать совокупно-

стью представлений о возможностях и проблемах развития отношений Мексики с Россией, выявить отличительные особенностей и изменения в линии сотрудничества при каждой администрации мексиканских президентов в XXI веке. Таким образом, анализ внешней политики Мексики по отношению к России на современном этапе при каждой администрации мексиканских президентов может способствовать формированию более полного представления о потенциале этих отношений.

Теоретические основания исследования. Основными теоретическими основаниями настоящего исследования являются определение места Российской Федерации во внешнеполитическом приоритете Мексики и главных аспектов взаимодействия между странами на протяжении XXI века. В соответствии с этими основаниями, автор стремится решить следующие задачи: дать краткую характеристику основных внешнеполитических приоритетов Мексики при администрациях Винсенте Фокса, Фелипе Кальдерона и Энрике Пеньи Ньето, исследовать основные векторы двустороннего взаимодействия Мексики и России, продемонстрировать основные достижения и проблемы в эволюции сотрудничества двух стран, определить перспективы развития коллаборации Мексики и России. Объектом исследования выступает внешняя политика Мексики, как государства с высоким уровнем взаимозависимости от США. Предметом исследования являются особенности сотрудничества Мексики с Россией.

Исследование: основная часть. Основная гипотеза данного исследования. Автор предпринял попытку рассмотрения отношений Мексики и России не только по определенным линиям взаимодействия, таким как политическая, экономическая, культурная или другие, но и дает комплексный анализ внешней политики Мексики при администрациях Винсенте Фокса, Фелипе Кальдерона и Энрике Пеньи Ньето и взаимоотношений Мексики и России. Основной задачей было продемонстрировать, что изучение отношений Мексики и России являются актуальными и перспективными в свете желания Мексики диверсифицировать свою внешнюю политику и желания России «вернуться в Латинскую Америку». Несмотря на то, что Латинская Америка не является государством или группой государств с едиными интересами, единым видением и едиными независимыми решениями. Мы относим Мексику именно к тому государству, которое имеет высокий уровень зависимости от США, и основываемся в этом утверждении на международные политические факторы и на фактор территориальной близости с северным соседом. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1 декабря 2000 года по ноябрь 2016 года, который определен нача-

лом президентства Винсенте Фокса и выборами президента Соединенных Штатов в ноябре 2016 года, которые являются основополагающим фактором в внутренних и внешнеполитических изменениях в Мексике. Для более полного раскрытия темы автор обращается к более ранним этапам мексикано-российского взаимодействия для раскрытия предпосылок и перспектив сотрудничества Мексики и России.

В 2000 г. Институциональная революционная партия (Partido Revolucionario Institucional, PRI), которая непрерывно находилась у власти с 1929 г., проиграла президентские выборы и отдала на 12 лет правление право-консервативной Партии национальное действие (Partido Acción Nacional, PAN) [Сударев, 2013, с. 99; Яковлев, 2015, с. 103; Катышева, 2016, с. 133]. Мексиканские президенты от PRI проводили политику, полностью соответствующую правилам Вашингтонского консенсуса. Приватизировались государственные и полугосударственные предприятия, в частные руки перешло множество металлургических, транспортных, аграрных, телекоммуникационных, финансовых и других компаний, 1 января 1994 года был подписан договор о свободной торговле НАФТА [Яковлев, 2015, с. 103; Катышева, 2016, с. 133], образовавший интеграционный союз США, Канады и Мексики, что также не способствовало развитию экономическо-торговых отношений с Россией и сконцентрировало Мексику на Североамериканском векторе развития. В свою очередь, Россия после распада СССР также перефокусировала свое внимание на Запад и не уделяла столь активного внимания взаимоотношениям с Мексикой. Ситуация начинает немного меняться лишь в переориентацией внешней политики России на стремление к многополярному мироустройству после прихода в начале 1996 года Е. М. Примакова. И визит в Латинскую Америку был начат именно с Мексики [Сударев, 2013, с. 312]. В 1890 году между Россией и Мексикой были установлены дипломатические отношения. 125-летие отношений между странами привели к импульсу в поддержание академических связей. Еще 20 мая 1996 года между Мексикой и Россией было подписано Межправительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве и на основе этого соглашения была создана Смешанная комиссия, которая разрабатывает и принимает Программы научно-технического сотрудничества между нашими странами[22]. Помимо программы научно-технического сотрудничества, было подписа-

[22] Сайт РФФИ: Отделение Гуманитарных и Общественных Наук. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rfh.ru/index.php/en/obyavleniya/novosti/514-rus-mex (дата обращения: 01.10.2016)

но соглашению по взаимодействию обсуждения проблемы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков [Сударев, 2013, с. 312].

Сфера общих внешнеполитических интересов Мексики и Российской Федерации включает в себя борьбу с международной организованной преступностью, незаконным оборотом психотропных и наркотических средств, терроризм, реформирование ООН и многие другие вопросы. Мексика и Россия активно принимают участие в формировании многополярного мира и предпринимают попытки по противостоянию гегемонии Соединенных Штатов. Обе страны выступают за необходимость соблюдения принципов международного права и ООН, которые исключают возможность введения санкций в одностороннем порядке. С приходом к власти Винсенте Фокса (1 декабря 2000 г. — 30 ноября 2006 г.) и PAN Мексика стала вести более активную политику на международных форумах, стремясь соотнести свою позицию с внутриполитическими изменениями в стране и укреплением демократических ценностей. Изменения привели к желанию диверсификации внешней политики. Мексика стала участвовать в международных дискуссиях по вопросам прав человека. Кандидатура Мексики была выдвинута на место непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2001 г., что вылилось в 2 года борьбы с США. В СБ ООН в 2002–2003 гг. Мексика не поддержала вторжение США в Ирак, что привело к осложнениям в отношениях с администрацией Джорджа Буша-мл. (20 января 2001 — 20 января 2009 гг.) и к поддержке В. Фокса мексиканским обществом [Катышева, 2016, с. 133–135]. Хорхе Кастаньеда Гутман, министр иностранных дел Мексики (1 декабря 2000 — 10 января 2003 гг.) на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявил, что «Мексика считает, что односторонние военные действия, предпринятые без предварительных консультаций с Советом Безопасности, подорвали бы основы новой структуры международной безопасности и могли бы отрицательно сказаться на том единодушии в пользу борьбы с международным терроризмом, которое сложилось после совершенных в прошлом году (2001 г.) нападений на Соединенные Штаты»[23].

Визит В. Путина в Мексику в 2004 году сказался еще более позитивно в налаживании диалога между странами, но действительных плодов по двустороннему сотрудничеству, к сожалению, не принес. Но увеличил степень доверия между странами и способствовал налаживанию политического сотрудничества в рамках международных Форумов, например АТЕС, и дал перспективное развитие дальнейшим переговорам

[23] 57-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. A/57/PV. 5. с.26–27.

в таких сферах, как энергетика, инвестиции и технологии, здравоохранение и другие, что подтвердилось ответным визитом В. Фокса в Россию [Сударев, 2013, с. 312–315].

В «Национальном плане развития Мексики 2007–2012 годов», основном документе, определявшем внешнюю политику Мексики во время правления Фелипе Кальдерона (1 декабря 2006 года — 30 ноября 2012 года), Мексика позиционирует себя, как страна, которая создала зрелые и справедливые отношения с Северной Америкой и занимает лидирующие позиции в Латинской Америке, а с Россией и Восточной Европой желает найти точки соприкосновения для экспортных возможностей, инвестиций и сотрудничества в культурной сфере, так как этот регион является для Мексики желаемым в повышении своего присутствия[24].

Политические контакты Мексики и России развиваются и на уровне министерского сотрудничества. Как раз во время президентства Ф. Кальдерона более активно стало развиваться сотрудничество с Российской Федерацией в сфере технологий, в 2011 году в ходе переговоров Мексики и России была достигнута договоренность о сотрудничестве в развитии ядерной энергетики в мирных целях, также были отмечены как приоритетные вопросы взаимодействия в сфере туризма и таможенного дела. На 2011–2013 года договорились о реализации 18 совместных проектов в разных научно-технологических сферах [Сударев, 2013, с. 86, 314].

В «Национальном плане развития Мексики 2013–2018 годов», основном документе, определявшем внешнюю политику Мексики во время правления Э. П. Ньето, Россия упоминается лишь однажды в контексте взаимодействия по линии туризма и привлечения россиян на курорты Мексики, что может обозначить лишь снижение к интересу Мексики в отношениях с Россией. Но, с другой стороны, Россия ставится в один ряд с другими развивающимися странами и регионами, такими как Китай, Корея, Латинская Америка, где также отмечается приоритет по созданию стратегии по продвижению туризма в Мексике, конечной целью чего являются чисто экономические выгоды[25].

Ряд мексиканских исследователей, как и политиков, отмечают, что в целом Мексика не имеет специально выделенной внешней политики, внешняя политика Мексики весь XXI век является лишь отголосками внутриполитических приоритетов страны и приоритетов экономиче-

[24] Plan Nacional de Desarrollo 2007–2012. Mexico. P. 25, 297.

[25] Plan Nacional de Desarrollo 2013–2018. Mexico. P. 83.

ских показателей[26]. Значительных изменений внешнеполитический курс Мексики в отношении России не претерпел разительных изменений даже с возвращением к власти в 2012 г. Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI), наряду с сохранением приоритета североамериканского направления, администрация президента Энрике Пеньи Ньето (1 декабря 2012 г. — настоящее время) приняла решение о развитии «новой стратегии открытого регионализма», нацеленного на взаимодействие с различными регионами мира, но на практике это взаимодействие до сих пор остаётся достаточно слабым и может столкнуться с новыми проблема в связи с ухудшением взаимодействия с новой администрацией Вашингтона. Во время предвыборной кампании Дональда Трампа ныне выбранный президент Соединенных Штатов ставил Мексику, Россию и Китай в одну линейку потенциальных врагов для Вашингтона. Такой дискурс, с одной стороны, может являться лишь прокламативным, но, с другой стороны, может вывести политическое взаимодействие между Мексикой и Россией на новый уровень, который приведет к более тесному политическому сотрудничеству между нашими странами.

Еще в сентябре 2014 года при выступлении Министра иностранных дел С. В. Лаврова со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО особое внимание уделялось месту БРИКС на международной арене в современных условиях многополярного мира. И конечно стоит характеризовать БРИКС как мощное и перспективное объединение, охватывающее 45 % населения Земли, почти 30 % мирового ВВП с перспективой видимого роста. Мексика для БРИКС является своего рода единомышленником и гипотетическим союзником, как, например, такие страны, как Индонезия, которые тяготеют к проведению действенных реформ в международной валютно-финансовой системе, понимая желание Запада сохранить доминирующее положении

[26] По материалам личного интервью с Хорхе Кастаньеда, бывшим министром иностранных дел Мексики в период 01.12.2000 — 10.01.2003, от 31.08.2016; По материалам личного интервью с Зое Робледо, сенатором штата Чиапас, от 02.09.2016; По материалам личного интервью с Виктором Мануэлем Барсело, бывшим послом в Колумбии и Аргентине, главой экономического отдела правительства Пуэбла, от 19.08.2016; По материалам личного интервью с профессором Университета Мехико COLMEX Умберто Гарза Элисондо от 20.08.2016; по материалам личного интервью с профессором CIDE и Университета Гуадалахары Хорхе Чабат Мадрид от 24.08.2016; по материалам личного интервью с Марко Антонио Алкасаром, бывшим послом Мексики в Белизе, бывшим главой министерства иностранных дел Мексики по Латинской Америке и Карибскому бассейну, от 30.08.2016.

в распределении квот и голосов в МВФ и Всемирном банке[27]. Мексика и Россия выступают за укрепление многосторонних механизмов глобального мирового регулирования. Но в отношениях Мексики и Российской Федерации существуют и противоречия, например в вопросе целостности Украины.

Наиболее традиционным аспектом мексикано-российского взаимодействия также является академический вектор. На территории Российской Федерации ежегодно проводится ряд форумов и дискуссионных столов, посвященных развитию и проблемным аспектам сотрудничества Латинской Америки и России в разных областях. Одним из таких форумов является международный Форум «Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире», который проводится один раз в два года и посвящен социально-политическим, экономическим процессам Латинской Америки, ее истории и культуре, форум посещают видные представители мексиканского академического сообщества из ведущих университетов страны, что также способствует налаживаю связей между нашими странами и континентами. Данный Форум продолжает традиции конференций и форумов по исследованиям Латинской Америки, проводившихся СПбГУ, Институтом Латинской Америки, Институтом Беринга-Беллинсгаузена для обеих Америк при поддержке МИД РФ, Правительства Санкт-Петербурга. На полях Форума обсуждались и обсуждаются текущие вопросы и по внешней политике Мексики и перспективах сотрудничества Мексики и России. В октябре 2015 года Российский совет по международным делам (РСМД) провел в рамках Форума презентацию доклада, посвященного российско-мексиканским отношениям, который представили Чрезвычайный и Полномочный Посол В. И. Морозов и член-корреспондент РАН В. М. Давыдов [Хейфец, 2015, с. 12–15]. Доклад «Российско-мексиканские отношения: традиционные основы и императивы обновления» подчеркивает нынешнюю конъектуру мексикано-российских отношений, которые имеют тенденцию к ассиметрии и политическая, дипломатическая и культурная составляющие сотрудничества превосходят по масштабу торгово-экономические отношения. В докладе также сформулированы рекомендации по увеличению степени взаимодействия, которые мы в нашем исследовании, в свою очередь, дополним в связи с меняющими реалиями современной действительности [Иванов, 2015].

---

[27] Сайт Министрества иностранных дел Российской Федерации. 01.09.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/672434 (дата обращения: 01.10.2016)

В результате апрельской встречи 2016 года между председателем совета Российского гуманитарного научного фонда В. Н. Фридлянова и бывшего Посла Мексики в Российской Федерации Рубена Бельтрана были достигнуты договоренности по установлению партнерских отношений между Российским гуманитарным научным фондом и научными организациями в Мексике для расширения сотрудничества в научно-академической сфере[28].

В своем интервью автору доклада Хорхе Кастанеда, бывший министр иностранных дел Мексики при президенте В. Фоксе, на вопрос о присутствии России в Латинской Америке и о возвращении России в Латинскую Америку, приводит следующую точку зрения, которая безусловно нам дает понимание официального представление политической элиты на отношения Латинской Америки с Россией в целом, и отношения Мексики и России в частности. Х. Кастанеда не видит никакого нового присутствия России в Мексике, такого присутствия, например, которое Россия имеет в Аргентине и конечно Венесуэле. Термин Россия Х. Кастанеда по отношению к Мексике скорее оценивает как Москва, включая в него и исторический период СССР, и делает акцент на том, что Россия всегда была достаточно осторожна с Мексикой и никогда не хотела иметь значительного присутствия ни в экономической сфере, ни в сфере военного сотрудничества, ни в гражданском обществе, ни в других сферах. Только во времена СССР присутствие было сильным на уровне посольства, которое было нацелено на шпионаж, и шпионаж этот, в первую очередь, был нацелен на Соединенные Штаты, а не на Мексику. Москва всегда была очень осторожной, особенно с США. Со стороны Владимира Путина не было в приоритете включать Мексику в свое влияние в Латинской Америке, и Мексика не является для России столь перспективным направлением, так как Мексика не покует много оружия и большая часть закупок идет преимущественно на рынках США. Большая часть коммерческой составляющей взаимодействия России и Латинской Америки — это военная сфера. И на Мексику эта линия сотрудничества не распространяется. В нефтяной сфере приоритет для Мексики также является более приближенным к своему географическому соседу, Соединенным Штатам, и является очевидным, что Мексика не имеет интенций в импорте нефти из России, та же ситуация происходит и в импорте по-

[28] Сайт РФФИ: Отделение Гуманитарных и Общественных Наук. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rfh.ru/index.php/en/obyavleniya/novosti/514-rus-mex (дата обращения: 01.10.2016)

лезных ископаемых и другого сырья. Для Мексики не так много сфер взаимодействия с Россией, не было настолько левого правительства, настолько PRI-направленного, каким на первый взгляд может казаться правительство Э. П. Ньето, которое могло бы иметь идеологическую основу взаимодействия между нашими странами по линии политики антиамериканизма. С 2000 года в Мексике не было правительства, которое имело бы, так называемую, естественную симпатию к В. Путину или России, Мексика — это не Кристина Фернандес де Киршнер в Аргентине, не Эво Моралес в Боливии, не Уго Чавес и Николас Мадуро в Венесуэле. Если бы на президентских выборах выиграл Андрес Мануэль Лопес Обрадор, тогда ситуация имела бы другое развитие. Поэтому, по мнению Х. Кастанеды, отношения Мексики с Россией будут и далее оставаться на том же уровне, не будут иметь тенденции ни к улучшению, ни к ухудшению[29].

Зое Робледо, политик и сенатор от штата Чиапас, также подтверждает, что отношения с Россией не могут иметь на данном этапе и не имели на протяжении всего XXI века перспектив к налаживанию продуктивного диалога, отношения не были плохими, но и не были интенсивными, в том числе, так как у Мексики определенным образом связаны руки уровнем отношений с США. Как одно из видимых решений, политик предлагает увеличить уровень политических инициатив, в том числе через межпарламентский обмен и сотрудничество по выработке совместных решений по взаимодействию[30].

Методология. Методологическая основа данного исследования базируется на общенаучных методах познания. В ходе исследования автор опирается на междисциплинарный и интегративный подход. Изучение внешней политики Мексики по отношению к России в данном исследование идет через взаимодействие с конкретными историческими событиями и явлениями, в соответствии с принципом историзма.

Материалы исследования. Интервью, проведенные докладчиком на территории Мексики с ведущими академиками и политиками, стали значительной базой для данного исследования. Интервью были проведены в формате аудио-записей и записей во время интервью, что помогло определить основные приоритеты внешней политики Мексики по России при каждой президентской администрации, выявить путем сравнительного анализа различия между официальной политической

[29] По материалам личного интервью с Хорхе Кастаньеда, бывшим министром иностранных дел Мексики в период 01.12.2000 — 10.01.2003, от 31.08.2016

[30] По материалам личного интервью с Зое Робледо, сенатором штата Чиапас, от 02.09.2016.

точкой зрения и точкой зрения академического сообщества в вопросе диверсификации внешней политики Мексики и приоритете в ней России.

Процедура исследования. Три части статьи, каждая из которых посвящена внешней политике Мексики и отношениям с Россией при администрациях президента Винсенте Фокса, Фелипе Кальдерона и Энрике Пеньи Ньето, анализируют эволюцию взаимодействия Мексики и России, более того, оценивают перспективные и проблемные моменты этого сотрудничества в XXI веке.

Результаты исследования. Определены внешнеполитические приоритеты Мексики в XXI веке. Уровень взаимодействия Мексики и России имеет стабильную дружескую составляющую без явных предпосылок на активные изменения на улучшения в экономической сфере. В политической, культурной и образовательной сферах сотрудничество между странами имеет больших потенциал, чем в экономической.

Анализ результатов. Практическая значимость данного доклада заключается в привлечении источников в виде интервью мексиканских политиков и академиков, значительная часть которых впервые вводится впервые вводится в научный оборот. Отдельные части исследования могут быть полезны дипломатической службе России при оценке внешней политики Мексики по отношению к России и прогнозировании возможных новых путей взаимодействия между странами. Кроме того, материалы доклада могут быть использованы при написании статей и монографий по истории международных отношений, внешней политики Мексики и взаимоотношений Мексики с Россией. Отношений Мексики и России в XXI веке скорее носят политический характер с определенным уровнем взаимодействием на международных форумах, где экономическое сотрудничество развивается не столь быстрыми темпами. В последнее время удалось расширить диалог в политической области, хотя вывести торгово-экономические связи на должный уровень так и не удается. В немалой степени это связано с анонсированием масштабных проектов, которые в итоге не были реализованы с российской стороны. Приоритетным для РФ является не упустить возможность расширения взаимодействия с Мексикой и воспринимать ее как перспективного партнера для политического взаимодействия. Российско-мексиканские отношения в области науки и техники имеют значительный потенциал и широкие перспективы для дальнейшего развития.

Заключение. Внешняя политика Мексики за период всех администраций президентов в XXI веке не имела четко выработанной страте-

гии по России и, в целом, Мексика сконцентрирована преимущественно на решении своих внутриполитических вопросов и продолжает иметь высокий уровень зависимости от Соединенных Штатов. Вопросы экономического благосостояния страны для Мексики являются приоритетными вне зависимости от правящей партии. Потепление отношений Мексики и России произошло при президенте В. Фоксе, что ознаменовалось рядом визитов на высшем уровне между нашими государствами и развитием обсуждения сотрудничества в инвестиционной сфере, сфере энергетики, научно-технической сфере. Во время правления Ф. Кальдерона Мексика и Россия повысился уровень взаимодействия на министерском уровне, но он также не улучшил экономических связей с Россией, а фокусировался на культурной, политической и научно-технических областях, также на поддержании диалога в рамках международных форумов. Э. П. Ньето не уделяет значительного внимания России, работа между странами продолжается по традиционным векторам, но с избранием президентом США Д. Трампа Мексика будет искать коалиционной поддержки, и этом случае Россия может предпринять попытки для реализации новых экономических проектов и увеличения торгового потока с Мексикой, хотя Мексика для России и не стоит в первой линии приоритета среди Латиноамериканских стран. Отношения между Мексикой и Россией являются исторически дружескими и имеют значительный потенциал для развития.

Литература

1. 57-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. A/57/PV. 5
2. Катышева О. В. Ближний Восток и Мексика: персоналии или стратегия? // КЛИО. 2016. № 3. С. 133–138.
3. Мексика: парадоксы модернизации/ В. П. Сударев [и др.]. М.: ИЛА РАН, 2013. 336 с.
4. Российско-мексиканские отношения: традиционные основы и императивы обновления. No 19/2015 / [В. М. Давыдов и др.]. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. 48 с
5. Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и материалы Второго международного форума, том I / В. Л. Хейфец [и др.]. СПб.: издательство «Гамма», 2015. 927 с.
6. Сайт Министрества иностранных дел Российской Федерации. 01.09.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/672434 (дата обращения: 01.10.2016)

7. Сайт РФФИ: Отделение Гуманитарных и Общественных Наук. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rfh.ru/index.php/en/obyavleniya/novosti/514-rus-mex (дата обращения: 01.10.2016)
8. Яковлев П. П. В фокусе критики — структурные реформы в Мексике // Латинская Америка. 2015. № 1. С. 101–105.
9. Plan Nacional de Desarrollo 2007–2012. Mexico.
10. Plan Nacional de Desarrollo 2013–2018. Mexico.

MEXICAN POLITICAL PRAGMATISM AND BILATERAL RELATIONS WITH RUSSIA

Oxana V. Katysheva

Abstract. *Mexico recently joined the circle of actors involved in the development of new global governance mechanisms. Although today Mexico is trying to diversify its foreign policy and to expand its area of interests, but so far the country can not avoid the influence of the United States. Despite the interest in the development of relations also with today's leading power in the world, the United States, Mexico has repeatedly stated that the United States desire to stick to a unipolar world order is unacceptable. One of the ways to diversify Mexico's foreign policy today is to renew relations with Russia. Mexico and Russia are similar in their basic principles, such as full respect of international law and nuclear non-proliferation, disarmament, human rights and peaceful ways to resolve conflicts. The scope of the common foreign policy interests of Mexico and the Russian Federation includes the fight against international organized crime, illicit trafficking in psychotropic and narcotic drugs, terrorism, UN reform and other issues. But there are conflicts in the relationship between Mexico and Russia, for example, the issue of Ukraine's integrity. In this report, we analyze the relationship between Mexico and Russia in the period from 2000 to 2016 till the November presidential elections in the United States and we discuss new prospects for cooperation between our countries in the new multipolar world reality. Our report is divided into three parts, each part is devoted to the main aspects of cooperation between the two countries during the presidency of Vicente Fox, Felipe Calderón and Enrique Peña Nieto. The interviews with leading Mexican academics and politicians conducted by the rapporteur in Mexico in August and September 2016 as part of an internship for the scholarship program of the Bank of Santander and Saint Petersburg University have allowed to explore more fully the priorities of Mexico's foreign policy and to identify the main trends in relations between Russia and Mexico.*

Key words: *Mexico; Russia; bilateral relations; foreign policy*

References

1. 57° Período de sesiones de ONU. A/57/PV. 5
2. Katysheva, O.V. (2016). Blizhnij Vostok i Meksika: personalii ili strategija? [Middle East and Mexico personalities or strategy?] // *KLIO* [*CLIO*], 3, 133–138.
3. Davydov, V.M. (Ed.). (2013). Meksika: paradoksy modernizacii [Mexico: Paradoxes of Modernization]. Moskva; ILA RAN.
4. Ivanov, I.S. (Ed.) (2015). Rossijsko-meksikanskie otnoshenija: tradicionnye osnovy i imperativy obnovlenija [Russian-Mexican relations: traditional foundations and imperatives of renovation]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Moskva: Speckniga,
5. Hejfec, V.L. (Ed.), Heifec, L.S. (Ed.) Rossija i Iberoamerika v globalizirujushhemsja mire: istorija i sovremennost': doklady i materialy Vtorogo mezhdunarodnogo foruma, tom I [Russia and Iberoamerica in a globalizing world: history and modernity: the reports and materials of the Second International Forum, Volume I]. Sankt-Peterburg.: Gamma.
6. Sajt Ministrestva inostrannyh del Rossijskoj Federacii [Web-site of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation] 01.09.2014. Retrieved 01 Octobre, 2016 from http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/672434
7. Sajt RFFI: Otdelenie Gumanitarnyh i Obshhestvennyh Nauk [RFFI Website: Department of Humanities and Social Sciences] Retrieved 01 Octobre, 2016 from http://www.rfh.ru/index.php/en/obyavleniya/novosti/514-rus-mex
8. Jakovlev, P.P. (2015) V fokuse kritiki — strukturnye reformy v Meksike [The focus of criticism — structural reforms in Mexico] // Latinskaja Amerika [*The Latin America*], 1, 101–105.
9. Plan Nacional de Desarrollo 2007–2012. Mexico.
10. Plan Nacional de Desarrollo 2013–2018. Mexico.

Информация об авторе

Катышева О. В.

аспирант факультета международных отношений, кафедры теории и истории международных отношений

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Россия

Oxana V.Katysheva

PhD student of the School of International Relations, Department of Theory and History of International Relations

Saint Petesburg University, Russia

КОЛУМБИЯ В ПОСТКОНФЛИКТНЫЙ ПЕРИОД: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ?

М. А. СЕРЕДА

Аннотация. *Колумбийский конфликт является последним в регионе, его разрешение особо важно для стабильности и развития страны. Анализ переговоров колумбийского правительства с Революционными вооруженными силами Колумбии (РВСК), которые проходили в Гаване, позволяет понять особенности внутренней и внешней политики Колумбии. Данная страна переходит в настоящее время к периоду миростроительства и для его успеха необходимо разрешить проблемы, которые стали причиной конфликта. Данная тема мало освещена в научной литературе, однако есть иностранные исследования по проблематике мирного процесса в целом, особенно в Колумбии, Эквадоре, Венесуэле, Испании, США. В том, что касается источников по постконфликтному периоду, целесообразно исследовать СМИ в связи с тем, что описываемые события произошли недавно.*

В данном исследовании анализируются период миростроительства, которое включает в себя совокупность мер, направленных на то, чтобы уменьшить риск возобновления конфликта, и создать основы для устойчивого мира и развития. Цель исследования — проанализировать, как настоящее положение дел в Колумбии на момент подписания мирного соглашения может повлиять на миростроительство. Для этого рассматривается как социальные, экономические и политические проблемы, а также результаты референдума могут повлиять на постконфликтный период. В исследовании используются следующие методы: контент-анализ, декомпозиция проблемного узла и метод конкурирующих гипотез, анализируется текст соглашений и сообщения СМИ.

В результате исследования подтверждена гипотеза о том, что миростроительство в Колумбии будет осложнено существующими проблемами, такими как производство и распространение наркотиков, социальное неравенство и бедность, недостаточное участие в политике разных групп населения, элитизм в политике и нерешенность аграрного вопроса. Заключительное соглашение между РВСК и прави-

тельством Колумбии предусматривает решение некоторых из них, однако затрагивает не все важные проблемы. Результаты референдума, в котором народ не поддержал имплементацию результатов переговоров, частично были вызваны недостаточной информированностью населения о них, что было спровоцировано кампанией «нет» и ее лидером А. Урибе. Для успешного миростроительства необходимо в первую очередь решить аграрную проблему, а также повысить уровень образования населения.

Ключевые слова: *Колумбия, вооруженный конфликт, миростроительство, переговоры, РВСК*

Введение. В настоящее время во многих регионах мира особую актуальность имеет разрешение внутренних вооруженных конфликтов. Не все они были успешно разрешены, некоторые являются источником нестабильности, и провоцируют угрозы безопасности для всего мира. В данном аспекте разрешение колумбийского внутреннего вооруженного конфликта является особо важным, ведь это последний подобный конфликт в Латинской Америке. Переговоры колумбийского правительства с Революционными вооруженными силами Колумбии (РВСК), которые проходили в Гаване, могут служить примером для проведения подобных переговоров, а их анализ позволяет понять особенности внутренней и внешней политики Колумбии.

Переговоры с РВСК завершились недавно, а к периоду миростроительства страна только начинает переходить, поэтому пока практически не существует всеохватывающих работ, посвященных данной теме. Тем не менее, есть значительное количество иностранных исследований по проблематике мирного процесса в целом, особенно в Колумбии, Эквадоре, Венесуэле, Испании, США, но в России данный вопрос не был широко освещен.

В исследовании использовались документы, принятые по итогам переговоров — Генеральное соглашение для завершения конфликта и установления долгого и крепкого мира[31] (2012 г.) (далее Генеральное соглашение) и Заключительное соглашение для завершения конфликта и установления стабильного и долго мира[32] (2016 г.) (далее Заключи-

[31] Acuerdo final para la terminación del conflicto y la construcción de una paz estable y duradera. [Electronic resource]. URL: https://www.mesadeconversaciones.com.co/sites/default/files/24–1480106030.11–1480106030.2016nuevoacuerdofinal-1480106030.pdf (accessed: 10.12.2016).

[32] Acuerdo General para la terminación del conflicto y la construccion de una paz estable y duradera. [Electronic resource]. URL: https://www.mesadeconversaciones.com.co/sites/default/files/AcuerdoGeneralTerminacionConflicto.pdf (accessed: 15.03.2016).

тельное соглашение), а также исследования специалистов по истории конфликта (M. Palacios[33], Victor de Currea-Lugo[34], M. Delgado Barón[35]). Также использовались доклады Центра исторической памяти, Офиса высокого представителя по вопросам мира и Wilson center. Так как в статье речь идет о недавно произошедших событиях. было проанализировано большое количество сообщений СМИ: la Semana, RCN, Razon Pública.

Теоретические основания исследования. Объектом данного исследования является внутренний вооруженный конфликт в Колумбии, который можно рассматривать как социальный. Л. Козер определял социальный конфликт как «столкновение между коллективными акторами по поводу ценностей, статусов, власти или редких ресурсов, в котором цели каждой из сторон состоят в том, чтобы нейтрализовать, ослабить или устранить своих соперников» [Coser, 1956, p. 8]. Колумбийский исследователь Писарро классифицирует колумбийский конфликт как «внутренний вооруженный конфликт (имеющий связь с региональными конфликтами), непоследовательный, долгий, имеющий идеологические корни, низкой интенсивности (переходящий в среднюю), в котором основными жертвами является гражданское население, а спонсируется конфликт за счет средств, полученных от наркотрафика» [Pizzaro, 2004, p. 80].

Данное исследование является case study колумбийского конфликта, рассмотренного через призму положений двух школ теории международных отношений — структурализма и неолиберализма. Первая теория включает в себя комплекс безопасности, выделенный Б. Бузаном как основу региональных систем. Данный комплекс заключается в тесной связи национальной безопасности государств-соседей, что вынуждает их сотрудничать по ряду вопросов. На примере Колумбии можно заметить, что все государства региона тем или иным образом поддерживали мирные переговоры, выразили желание финансировать миростроительство и бороться с внутренними проблемами страны (например, наркотрафиком) для того, чтобы защитить свою собственную безопасность (как в случае США).

---

[33] Palacios M. Violencia y proceso de paz en Colombia. Lección inaugural de la sexta promoción de la Maestría en Sociología. Departamento de Ciencias Sociales Universidad del Valle Marzo de 2001// Revista Sociedad y Economía. 2001. № 1. P. 181–192.

[34] Currea-Lugo V. Un intento por explicar la violencia en Colombia. Y si no somos nación?// América Latina Hoy. 1999. №23. P. 17–27.

[35] Delgado Barón M. Las víctimas del conflicto armado colombiano en la Ley de Víctimas y Restitución de Tierras: apropiación y resignificación de una categoría juridica// Perfiles Latinoamericanos. 2015. vol. 23, № 46. P. 121–145.

Неолиберализм уделяет особое внимание процессам глобализации и появлению новых акторов в международных отношениях, а также увеличению значимости экономической составляющей. Колумбийский конфликт является следствием процессов глобализации и является иллюстрацией теории мировой системы И. Валлерстайна о центре и периферии, в рамках которой на региональном уровне Колумбия (и вся Латинская Америка) рассматривается как сырьевой придаток или «задний двор» США, что отражает проблему разрыва в уровнях развития Севера и Юга. Несправедливое распределение доходов, привилегированный доступ США к природным ресурсам страны, произвол ТНК стали триггером внутреннего вооруженного конфликта в стране, возникновению социальных и экономических проблем и разделению общества.

Колумбийское общество можно назвать многосоставным и разделенным: это общество, в котором «аскриптивные связи генерируют антагонистическую сегментацию, основанную на политически отчетливых конечных идентичностях, поддерживаемую в течение существенного промежутка времени и по широкому кругу вопросов» [Lustick, 1979, p. 325]. Для разрешения конфликта представляется целесообразным в постконфликтный период опираться на теорию консоциативной демократии. Консоционализм подразумевает наличие многопартийности и пропорциональной избирательной системы; при этом могут иметь место сознательное завышение представительства меньшинства или паритетное представительство при наличии двух неравновесных сегментов[36]. В случае Колумбии это было бы закреплением за партией, которая образуется от РВСК мест в парламенте. Однако неудачи практики постконфликтного урегулирования могут быть связаны с ассиметричными преференциями групп большинства и меньшинства в отношении консоциации, что имело место в Колумбии в ходе референдума по принятию соглашений. Именно поэтому анализ результата референдума имеет большое значение для успешного миростроительства.

Исследование: основная часть. В начале исследования была выдвинута гипотеза: миростроительство в Колумбии будет осложнено существующими проблемами, такими как производство и распространение наркотиков, социальное неравенство и бедность, недостаточное участие в политике разных групп населения, элитизм в политике и нерешенность аграрного вопроса. Причем при имплементации соглашений правительства Колумбии с РВСК данные проблемы будут решены

[36] Lustick I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World politics. Baltimore. 1979. Vol. 31, Iss. 03. P. 331.

в разной степени, а некоторые не будут затронуты. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы сформулирована следующая цель исследования: Как настоящее положение дел в Колумбии на момент подписания мирного соглашения может повлиять на миростроительство?

Задачи:

1. Выявить как трансграничные вызовы и основные социальные, экономические и политические проблемы могут повлиять на имплементацию соглашения
2. Рассмотреть, как результаты референдума могут отразиться на реализации соглашений и какое значение имеют для периода миростроительства

Методология исследования. Для проведения исследования использовались методы анализа ситуации, такие как косвенное наблюдение и анализ документов, а также эскпликативные методы: *контент-анализ* (определение частотности упоминания переговоров в колумбийских СМИ для того, чтобы оценить степень информированности народа об их результатах), *анализ конкурирующих гипотез* для выявления наиболее вероятных причин результата референдума по принятию соглашения с РВСК, а также метод *декомпозиции проблемного узла*, позволяющий сформулировать основные проблемы, стоящие перед Колумбией в постконфликтный период и найти те, решение которых будет способствовать успешному переходному периоду и становлению крепкого и долгого мира. Проводилось интервьюирование участников событий и населения из разных социальных групп, был проведен компаративный анализ текста соглашений и проблем, которые они должны решить, а также были рассмотрены отдельно все пункты повестки, применялась индукция и дедукция.

Процедура исследования. Данное исследование имеет две основные части: анализ существующих проблем общества, их решение по принятому соглашению, определение степени их влияния на процесс миростроительства; и анализ результатов референдума и их влияние на постконфликтный период. Для этого рассматриваются текст Генерального и Заключительного соглашения и доклады научных центров по каждому вопросу повестки переговоров, для выявления основной проблемы применяется декомпозиция проблемного узла. Для анализа результатов референдума выявлена степень информированности населения о результатах переговоров с помощью контент-анализа и с помощью метода конкурирующих гипотез найдена наиболее вероятная причина такого результата.

Итак, внутренний вооруженный конфликт в Колумбии продолжается на протяжении более пятидесяти лет, затрагивает все слои населения и затрудняет экономическое развитие страны и решение социальных проблем. Основные стороны конфликта: леворадикальная герилья — Революционные вооруженные силы Колумбии (РВСК, FARC), Армия народного освобождения (АНО, ELN), Движение 19 апреля (М-19) (демобилизовано в 1990 г.); праворадикальные военизированные формирования — парамилитарес, организованные в Объединенные силы самообороны Колумбии (ОССК, AUC), демобилизованные в 2002–2005 гг. и преобразованные в криминальные группы (БАКРИМ, BACRIM). Данная группировка несет ответственность за появление вынужденных переселенцев и политические убийства[37]; вооруженные силы Колумбии, которые также виновны в преступлениях против человечества.

Переговоры между правительством Колумбии и РВСК, ставшие самым важным и результативным мирным процессом с 1980-х — первых попыток разрешить внутренний конфликт. Переговоры проходили в Гаване с 2012 по 2016 гг. (посредники — Норвегия и Куба, гаранты — Венесуэла и Чили) и завершились принятием Заключительного соглашения 26 сентября 2016 г. Однако по результатам прошедшего 2 октября референдума с небольшим перевесом победили противники подписанного соглашения, после чего в него были внесены поправки, и, 24 ноября оно было подписано обеими сторонами, а 2 декабря ратифицировано в парламенте. Переговоры имели реалистичную повестку дня, состоящую из пяти пунктов, и закрепили четкую структуру мирного процесса, разделенные на три этапа[38]: подготовительный, завершение конфликта и миростроительство. В настоящий момент Колумбия находится в начале третьего этапа — миростроительства. Данный термин впервые появился в 1976 г. в работах Й. Галтунга, а наиболее полно данное понятие было объяснено в «Повестке дня для мира 1992 г. Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали. Его современное определение сформулировано в 2007 г. комитетом по политике Генерального секретаря ООН: Миростроительство включает в себя совокупность мер, направленных на то, чтобы уменьшить риск возобновления конфликта, оказать помощь государству для успешного управления конфликтом, а также создать основы для устойчивого мира и развития. В данном исследовании рассматриваются меры, которые будут приняты прави-

[37] Currea-Lugo V. Op.cit. P. 19.

[38] Entérese del proceso de paz. Alto comisionado para la paz. P. 9. [Electronic resource]. URL: http://www.esap.edu.co/enterese/ (accessed: 12.03.2016).

тельством Колумбии согласно Заключительному соглашению, будет дан ответ на вопросы, как обеспечить установление мира в стране, и, что этому может помешать.

Повестка переговоров, определенная Генеральным соглашением, подписанном в Гаване в 2012 г. является всеохватывающей и имеет все предпосылки для создания базы для разрешения конфликта и установления мира, а также социального, политического и экономического развития страны. Были обозначены шесть пунктов повестки:

1. политика комплексного аграрного развития;
2. политическое участие;
3. окончание конфликта;
4. разрешение проблемы наркотиков;
5. жертвы конфликта.

*Применение, утверждение и референдум[39]

На настоящий момент по основным вопросам переговорного процесса разработаны проекты соглашений, которые стали частью Заключительного соглашения.

В Генеральном соглашении отмечается, что комплексное аграрное развитие является решающим для интеграции регионов и социального и экономического равного развития страны[40].

На переговорах по данному вопросу обсуждались следующие вопросы:

1. доступ и использование земли, собственность;
2. программы территориального развития;
3. инфраструктура;
4. социальное развитие: здравоохранение, образование, обеспечение жильем, борьба с бедностью;
5. стимулирование агропромышленного производства, обеспечение технической помощи, выплата субсидий и кредитов;
6. система продовольственной безопасности.

Историк Марко Паласиос отмечает, что причина конфликта — поражение аграрной реформы. Если бы она была проведена, и в сельской местности было бы справедливое разделение политической власти, большая демократизация и возможность решать проблемы на местах[41]. Таким образом, аграрный вопрос является ключевой проблемой, решение которой может способствовать успешному миростроительству.

[39] Acuerdo General para la terminación del conflicto y la construccion de una paz estable y duradera. Op. cit.

[40] Ibid.

[41] Palacios M. Violencia y proceso de paz en Colombia. Op. cit. P. 182.

Во-вторых, особое внимание уделялось проблеме политического участия, которая не касается прямым образом РВСК, а в целом должна обеспечить политический плюрализм и демократичность государственного управления. В рамках этой темы обсуждались следующие вопросы:

Права и гарантии для политической оппозиции в целом, и в частности для новых движений, которые возникнут после подписания финального соглашения, обеспечение доступа к средствам массовой информации. По Заключительному соглашению партии, которая будет образована от РВСК должны были предоставить 10 мест в парламенте (до 2018 г.), а также 30 % финансирование для проведения предвыборной кампании, однако по новому соглашению они лишаются этих привилегий[42].

В этом пункте речь идет об интеграции повстанцев в политическую жизнь, как раньше это сделали другие партизаны (Движение 19 апреля, М-19), однако им так и не удалось добиться значительного политического влияния. Возможно, отчасти из-за отсутствия доступа к СМИ, которые зависят от правящей партии и даже самого президента, а также от противника мирных переговоров — бывшего президента Альваро Урибе. Так, крупная компания Организация Ардила Лулье спонсировала кампанию «нет». Она владеет 50 СМИ, которые имеют охват вещания, составляющий около 80 % территории страны, а канал RCN является вторым по популярности в Колумбии. Владелец компании Ардила Лулье спонсировал предвыборную кампанию А. Пастраны, Альваро Урибе в 2002 и 2006 гг. Телеканал RCN был основным спонсором кампании Альваро Урибе на выборах в Сенат в 2014 г. Данный канал также занимался распространением информации, оправдывающей парамилитарес. Возможно из-за того, что СМИ долгие годы формировали негативное отношение населения к РВСК, оно в итоге не поддержало мирный процесс.

Демократические механизмы гражданского участия в политической жизни, в том числе прямого.

Эффективные меры для продвижения большего участия в национальной, региональной и местной политике на равных условиях и с обеспечением безопасности.

Последние два пункта направлены на улучшение условий участия в политической жизни всех групп населения для того, чтобы они мог-

[42] Acuerdo final para la terminación del conflicto y la construcción de una paz estable y duradera. Op.cit.

ли защищать свои права. Реинтеграции повстанцев мешает отсутствие поддержки населения, что было спровоцировано СМИ из-за многолетней «демонизации» РВСК. Кроме того, вызывает вопросы система постконфликтного правосудия и возможность предоставления амнистий преступникам, причем по Заключительному соглашению амнистии могут получить только политические преступники, не связанные с преступлениями против человечества.

Еще одна проблема, которая стала связанной непосредственно со всеми сторонами конфликта и поддерживала его — это наркотрафик. В 1980-е годы, когда на территории всей страны резко увеличилось количество посевов коки, особенно в местах, контролировавшихся РВСК, они невольно оказались вовлечены в наркотрафик, а затем поняли, что с помощью наркотрафика они могли бы финансировать свою деятельность, а также улучшить благосостояние крестьян, поддерживающих их, если разрешить им выращивать коку. К тому же им казалось, что поставка наркотиков в США была своего рода борьбой с капитализмом. РВСК давно не отрицают своей причастности к производству наркотиков, однако еще больше были связаны с наркотрафиком парамилитарес (праворадикальные военизированные формирования), работавшие на наркобаронов. Борьба же за контроль над посевами коки привела к гибели мирного населения, проживающего в тех районах[43].

Для решения этой проблемы в договоре предлагается следующее:

1. программы по замене посевов коки другими легальными культурами;
2. программы по предотвращению потребления наркотиков и улучшению системы здравоохранения;
3. разрешение проблемы производства и продажи наркотиков;
4. прекращение фумигаций посевов коки, уничтожение их вручную

Самый важный вопрос, по мнению президента Сантоса, — это вопрос о жертвах конфликта. В Генеральном соглашении также отмечается, что вопрос компенсации жертвам конфликта является центральным в договоре между правительством и РВСК, в рамках которого рассматривается тема защиты прав человека жертв конфликта, правосудие и прояснение правды о преступлениях конфликта. Интересно, что в 2011 г. после принятия закона 1448 «Жертвы и реституция земель» впервые официально давалось определение понятия жертва и прописаны меры для компенсации. Так, по этому закону пострадавшие от преступлений

[43] The FARC and Colombia's Illegal Drug Trade. [Electronic resource]. URL:https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Otis_FARCDrugTrade2014.pdf (accessed: 10.12.2016).

парамилитарес (переформированы в БАКРИМ), не получают статуса «жертва» и компенсации[44]. Представляется, что это могло повлиять на то, что в спорных случаях местное население объявляло о виновности РВСК для того, чтобы получить обратно свои дома и участки.

Еще одной проблемой, не отраженной в соглашениях является влияние внешних факторов, что можно назвать одной из причин конфликта. В качестве предположений выдвинуто влияние Венесуэлы и США.

Влияние Венесуэлы. Как пограничное с Колумбией государство, граница которого проходит через места дислокации партизан, Венесуэла с самого начала конфликта была вовлечена в него. Из-за трудных природных условий колумбийско-венесуэльскую границу сложно охранять, поэтому наблюдалось перемещение как герильи, так и жертв конфликта на территорию Венесуэлы еще с конца 1990-х. Так, в 2004 г. в Венесуэле укрывались 60 беженцев и 2200 просили убежища[45]. На территориях, прилегающих к границе между государствами, похищали венесуэльских граждан, военные самолеты, транспортировалось большое количество наркотиков. Венесуэла выступила одним из первых посредников на переговорах между партизанами и правительством Колумбии, когда в 1991 г. в Каракасе были проведены первые раунды переговоров. Уго Чавес играл особую роль в качестве посредника между колумбийским правительством и герильей, однако это вызывало неприятие у экс-президента А. Урибе.

Зависимость от США. Во внешней политике Колумбии США всегда занимали особое место и являлись ее главным партнером, США же называли Колумбию своим самым преданным союзником. Еще с начала XX века лозунгом внешней политики Колумбии являлся тезис: «ориентироваться на север»[46]. Колумбия является единственной страной Латинской Америки, которая за все время многочисленных политических изменений в регионе не изменяла своего политического курса и оставалась крепким оплотом правых сил.

Разумеется, все это не могло не отразится на внутренней ситуации в стране. Влияние США на политическую элиту Колумбии, интервенция

---

[44] Delgado Barón M. Las víctimas del conflicto armado colombiano en la Ley de Víctimas y Restitución de Tierras: apropiación y resignificación de una categoría juridica. Op.cit. P. 137.

[45] Kornblith M. Percepciones venezolanas sobre la crisis en Colombia// Colombia Internacional. 2004. № 60. [Electronic resource]. URL: http://colombiainternacional.uniandes.edu.co/view.php/444/index.php?id=444 (accessed: 15.12.2016).

[46] Pardo R. Política exterior colombiana. ¿De la subordinación a la autonomía?/ Pardo R., Tokatlian J. G. // Bogotá: Tercer Mundo Editores-Ediciones Uniandes. 1989. P. 26.

во внутренние дела государства стали одной из причин внутреннего вооруженного конфликта. Укрепление отношений между правительством Колумбии и США на разных этапах конфликта способствовало его эскалации, так как герилья болезненно на это реагировала и выступала против действий правительства (например, во время переговоров по заключению договора о свободной торговле с США). Спорным остается отношение США к парамилитарес, а также результаты плана Колумбия. Так, Мигель Эррера отмечает двуличную политику США, которые поддерживают мирный процесс с герильей после того, как оказывали военную поддержку колумбийскому правительству для ведения войны с герильей и нарко-парамилитарес с помощью плана Колумбия, принятого в 1999 г.[47] До сих пор неразрешенной является проблема выдачи некоторых лидеров герильи в США за участие в наркотрафике, что усложняет мирный процесс.

Избрание президентом США Д. Трампа может негативно отразиться на мирном процессе в Колумбии. Уже сейчас высказываются опасения о возможной политике нового президента, ведь в своей предвыборной кампании он нечасто упоминал Колумбию и не заинтересован в финансировании миростроительства в данной стране. Бюджет же на 2017 еще не принят, хотя Мир в Колумбии и получил поддержку Сената и Палаты представителей. Тем не менее после вступления в должность нового президента это может быть блокировано, отсюда спешка Сантоса в принятии соглашений. С другой стороны, отказ США от плана Мир в Колумбии не будет катастрофичным. Так, еще по Плану Колумбия США вложили 10 000 млн долларов в реализацию этого плана, а Колумбия 120 000 млн долларов.

Результаты референдума. Почему колумбийский народ не поддержал результаты мирных переговоров на референдуме? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ, в силу наличия множества причин. Это может быть связано с тем, что отдельные пункты переговоров не отвечают интересам населения, а также с дискредитацией РВСК в глазах народа (из-за их преступлений, а также из-за их «демонизации» в СМИ), влиянием экс-президента А. Урибе и его кампании против соглашений, а также незаинтересованности населения в мирном процессе (так как явка составила всего 37 %). Вскоре после референдума Заключительное соглашение было пересмотрено и внесены поправки, предложенные кампанией нет.

[47] Herrera Zgaib M. A. Paz, orden glocal y pensamiento de ruptura// Utopía y Praxis Latinoamericana. 2014. Vol. 19, № 65.P. 118.

С одной стороны, вооруженный конфликт затронул почти каждую колумбийскую семью, поэтому для многих личным интересом является свести счеты с РВСК и должным образом их осудить. Для этой части населения неприемлемы пункты соглашения о правосудии и политическом участии, в которых делаются уступки группировке, а именно предоставление 10 мест в парламенте для партии от РВСК, а также спонсирование государством ее предвыборной кампании. Больше всего критики вызвало предоставление амнистии членам РВСК (если совершили преступления против человечества, но сознались в содеянном — 8 лет, если не сознались — 25 лет). Хотя изначально РВСК провозгласили своей целью защищать интересы народа, провести аграрную реформу и освободить страну от засилья олигархии, постепенно группировка начала финансировать свою деятельность за счет наркотрафика, похищений и дискредитировала себя в глазах народа после совершения преступлений против человечества[48], незаконной вербовки несовершеннолетних, массовых убийств, преступлений, от которых пострадало гражданское население. Тем не менее, население областей наиболее пострадавших от конфликта голосовало в референдуме «за» соглашение, поскольку для жертв конфликта в приоритете прекращение военных действий.

После обнародования результатов референдума, в разных городах страны были проведены митинги и созданы общественные движения в поддержку соглашения. Несмотря на то, что контент-анализ показал, что мирные переговоры довольно широко освещались в СМИ, население не было информировано в должной степени. Дело в том, что около 60 % колумбийских семей не имеют доступа к интернету, то есть большинство населения не могло ознакомиться с текстом соглашения, которое содержит 300 страниц.

Необходимо отметить, что проведение референдума не было необходимым, так как по Конституции Колумбии подобные вопросы имеет полномочия решать сам президент. Х. Сантос был уверен в одобрении соглашений народом: была проведена торжественная церемония подписания соглашения, на которой присутствовало 15 президентов латиноамериканских стран и Генеральный секретарь ООН. Однако у населения сложилось мнение, что соглашение — это односторонние уступки правительства РВСК и эта группировка занимает выигрышное положение неоправданно.

---

[48] ¡Basta ya! Colombia: memorias de guerra y dignidad. Centro de memoria histórica. 2013. p. 260.

Главным противником переговоров и соглашений с РВСК является бывший президент Колумбии Альваро Урибе (2002–2010 гг.), который во время своего мандата развернул широкую кампанию по борьбе с группировкой, милитаризации страны (программа «демократическая безопасность», План Колумбия), а также «демонизацию» РВСК в СМИ для формирования удобного ему общественного мнения[49]. При А. Урибе РВСК понесли большие потери, организация была так ослаблена, что была заинтересована в начале переговоров с правительством и согласна делать компромиссы. А. Урибе не одобряет действия президента Х. М. Сантоса и практически возглавил кампанию «нет», являясь его основной действующей силой. Сам лидер кампании «нет» Х. Велес после референдума признал, что она была основана на ложных фактах и манипулировании общественным мнением[50]. Бывший президент имеет доступ к СМИ и получает поддержку США, что говорит о его большом политическом влиянии. Рейтинг его популярности довольно высок (55 %), несмотря на двойственное отношение к его политике среди населения.

С другой стороны, есть мнения о том, что А. Урибе и его кампания не отражает интересы народа, голосовавшего против соглашения и не согласного с его отдельными пунктами, то есть эти мнения сформированы независимо от кампании А. Урибе. Интересно, что экс-президент не был уверен в результатах референдума и даже выступал против его проведения. Также применение отдельных частей соглашения, критикуемых Урибе, вне зависимости от результатов референдума свидетельствует об ограниченности его влияния.

В результате представители кампании «нет» получили возможность изменить текст соглашений, так как им это выгодно. Было предложено внести более 100 поправок, однако в начале ноября стороны переговоров в Гаване пришли к новому соглашению. В нем РВСК отказываются от некоторых положений, которые можно было считать их триумфом на переговорах в ответ на результаты референдума. Так, группировка лишилась гарантированных мест в парламенте, которые были предназначены для политической партии, которая будет образована от РВСК в переходный период. Эти места будут зарезервированы за жертвами

[49] ¿Quién dijo que las FARC no son un riesgo? : Alcalde de Medellín// La Semana. 03.11.2016. [Electronic resource]. URL: http://www.semana.com/nacion/articulo/alcalde-de-medellin-critico-visita-de-integrantes-de-las-farc/504089 (accessed: 08.11.2016).

[50] Duica W. El Nobel de Santos: luces y sombras // Razonpublica. 10.10.2016. [Electronic resource]. URL: http://www.razonpublica.com/index.php/conflicto-drogas-y-paz-temas-30/9779-el-nobel-de-santos-luces-y-sombras.html (accessed: 08.11.2016).

конфликта. Кроме того партия, образованная от РВСК не получит 30% финансирования для своей деятельности, а будет иметь такие же как и у других партий права. Имущество РВСК будет конфисковано и направлено жертвам конфликта. Ранее текст соглашения должен был стать приложением к Конституции, по новому соглашению только вопросы, касающиеся прав человека и международного гуманитарного права станут его частью. В системе правосудия, созданной для постконфликтного периода запрещается участвовать НПО и иностранным лицам или организациям. Новое соглашение подчеркивает, что государство оставляет за собой право использовать все способы уничтожения коки, в том числе фумигации.

Так, далеко не все предложения кампании «нет» были выполнены, однако они и не представляют всех интересов населения. Интересно, что по результатам голосования в Сенате партия Демократический центр проголосовала против нового соглашения.

Такая поспешная модификация соглашений говорит о желании правительства как можно быстрее подписать мирное соглашение, а катализатором этого процесса стали результаты выборов в США.

Результаты исследования. Для ответа на вопрос как трансграничные вызовы и основные социальные, экономические и политические проблемы могут повлиять на имплементацию соглашения был проанализирован текст Заключительного соглашения для того, чтобы определить насколько оно может способствовать разрешению проблем, обозначенных в повестке, а именно аграрный вопрос, политическое участие, наркотрафик, вопрос компенсации жертвам конфликта, постконфликтное правосудие и предоставление амнистий. Данные проблемы были изучены в исторической перспективе с помощью исследования научных статей, книг колумбийских авторов и был проанализирован их масштаб в настоящее время. Для выявления основной проблемы, решение которой могло бы способствовать разрешению конфликта и соответственно успешному миростроительству использовался метод декомпозиции проблемного узла.

Для этого выделяются три уровня проблем: основные проблемы, которые стали причиной конфликта — проблемы колумбийского общества в разных сферах жизни (на основании повестки переговоров в Гаване), смежные с ними более конкретные проблемы, и, наконец, аспекты проблем, которые можно отнести к их последствиям. После выявления причин, проведена их классификация в соответствии с выделенными критериями и на основании причинно-следственной связи и проанализировано решение какой проблемы окажет наибольшее воздействие на другие.

Для того, чтобы понять исход референдума проанализировано отношение разных слоев населения к мирному процессу. А чтобы определить степень осведомленности населения о переговорном процессе и его результатах использовался контент-анализ: при анализе колумбийских СМИ рассчитывалась частотность употребления сочетаний «мирный процесс», «переговоры в Гаване» и др., что говорит о том, какое место занимает данная проблема с точки зрения разных СМИ.

Отрицательный результат референдума имел место в силу ряда взаимосвязанных причин. При проведении анализа конкурирующих гипотез были выделены: влияние экс-президента Урибе, несостоятельность кампании «да», несогласие населения с некоторыми положениями соглашений, влияние внешних факторов и случайность. Для выявления наиболее вероятной причины, сопоставлялись эти гипотезы со свидетельствами для того, чтобы найти какая из них опровергается наименьшим количеством свидетельств. Каждый из вариантов подразумевает наличие причин, которые и в будущем могут повлиять на неудачу миростроительства в Колумбии и спровоцировать возобновление конфликта.

Анализ результатов. После декомпозиции проблемного узла с помощью матрицы было проанализировано, как решение одного из компонентов узла отразится на эволюции остальных его частей.

В итоге удалось выявить две проблемы, решение которых может существенным образом повлиять на разрешение внутреннего вооруженного конфликта в Колумбии — монополия на землю крупных землевладельцев и феномена парамилитаризма, которые частично связаны друг с другом и являются одними из основных аспектов аграрного вопроса. По мнению многих экспертов, это и есть основная причина колумбийского конфликта, которая связана со всеми остальными и породила множество других. Так, уничтожение монополии крупных землевладельцев и справедливое распределение земель между крестьянами будет способствовать улучшению их благосостояния, а следовательно уменьшению разрыва между городом и сельской местностью. Это приведет к возвращению перемещенных лиц из города в деревню, что в свою очередь облегчит криминальную обстановку в городе. Крупные землевладельцы — это основа колумбийской элиты и политики. Для защиты своей собственности они способствовали формированию праворадикальных групп — парамилитарес для уничтожения угрожающей им герильи. Представитель этой элиты — бывший президент Колумбии Альваро Урибе в начале 2000-х демобилизовал на мягких условиях парамилитарес, которые виновны в большинстве преступлений против

человечества. При уменьшении влияния землевладельцев на политику, оставшиеся парамилитарес полностью потеряют поддержку, криминализация политики уменьшится. На места представителей этой группы населения в политике смогут прийти представители крестьянских движений, индейского населения и демилитаризованные повстанцы. Крупные землевладельцы, как правило, имели связи с США и проводили удобную для этой страны политику. Если они потеряют влияние, то зависимость Колумбии от США может снизиться под воздействием новых групп, участвующих в принятии политических решений.

Феномен парамилитаризма, больше следствие конфликта, чем его причина. Однако при его исчезновении потеряют рычаги давления латифундисты, что ослабит их влияние. В то же время улучшится безопасность проживания в сельской местности, и это будет способствовать возвращению перемещенных лиц. Парамилитарес, оказывающие влияние на политиков, способствуют криминализации политики, участвовали во множестве политических убийств. Если исчезнет эта угроза, то сельские общины смогут без страха заявлять о своей позиции и продвигать реформы. Также это снизит угрозу для демобилизованных повстанцев, которые не обладая оружием, не могут защищаться от парамилитарес.

Итак, данный анализ доказал взаимосвязь множество акторов и проблем в рамках колумбийского конфликта. Одни проблемы возникли с момента образования государства, а другие стали следствием конфликта. Для того, чтобы «развязать» этот узел проблем необходимо начать с разрешения аграрного вопроса, который лежит в основе причин конфликта. Соглашение достигнутое между РВСК и правительством Колумбии в Гаване должно решить этот вопрос.

В результате проведенного анализа конкурирующих гипотез и сопоставления различных объективных факторов наиболее состоятельной оказалась гипотеза о влиянии экс-президента А. Урибе и кампании «нет». По сравнению с другими вариантами, эту гипотезу опровергает наименьшее количество свидетельств, а подтверждений имеется множество. Одной из основных проблем оказалось недостаточное информирование населения о результатах переговоров и представление ложных фактов. Для успешного миростроительства кроме разрешения упомянутых коренных проблем, нужно повысить уровень информированности населения о причинах и преступлениях конфликта, проводить работу по интеграции в общественную жизнь жертв конфликта и бывших повстанцев, способствовать их примирению. Необходимо обеспечить справедливое правосудие в равной степени для всех групп, виновных в преступлениях против человечества.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование доказывает первоначальную гипотезу. Принятое соглашение является дорожной картой для решения наиболее важных проблем колумбийского общества, однако, в силу своих недостатков не все проблемы удастся быстро решить. Решение аграрной проблемы будет зависеть от успеха новой аграрной реформы, а также улучшения инфраструктуры и, главным образом, образования в сельской местности. Пункт о политическом участии утратил свое значение после изменений введенных после референдума, что затруднит переход к консоциативной демократии. Представляется маловероятным, что повстанцам удастся получить поддержку у населения, настроенного против герильи. С другой стороны, данный пункт соглашения может способствовать увеличению представительства разных групп населения в политике.

Демобилизация РВСК не будет иметь большого значения для борьбы с наркотрафиком, так как их место займут криминальные организации. Для успешной борьбы с данным феноменом необходимы коллективные действия сил правительства и повстанцев, имеющих больше информации об устройстве цепей наркотрафика и особенностях территорий, ранее подконтрольных РВСК. Однако в соглашении эта идея не упомянута.

Проблема зависимости Колумбии от США не нашла отражения в соглашениях, в силу незаинтересованности колумбийских элит, находящихся у власти в изменении положения дел.

Так, представляется, что переход к постконфликтному периоду будет сложным для Колумбии. Остаются проблемы, породившие конфликт и питающего его. Глубокие социальные проблемы (бедность, неравенство) требуют внимания правительства, занятого мирным процессом. Пока не удастся преодолеть этот замкнутый круг, нельзя говорить об успешности периода миростроительства.

Литература

1. Acuerdo final para la terminación del conflicto y la construcción de una paz estable y duradera. [Electronic resource]. URL: https://www.mesadeconversaciones.com.co/sites/default/files/24–1480106030.11–1480106030.2016nuevoacuerdofinal-1480106030.pdf (accessed: 10.12.2016).
2. Acuerdo General para la terminación del conflicto y la construccion de una paz estable y duradera. [Electronic resource]. URL: https://www.mesadeconversaciones.com.co/sites/default/files/AcuerdoGeneralTerminacionConflicto.pdf (accessed: 15.03.2016).
3. ¡Basta ya! Colombia: memorias de guerra y dignidad. Centro de memoria histórica. 2013. p. 260.

4. Coser L. The Functions of Social Conflicts. N.Y. 1956. P. 157.
5. Currea-Lugo V. Un intento por explicar la violencia en Colombia. Y si no somos nación?// América Latina Hoy. 1999. №23. P. 17–27.
6. Delgado Barón M. Las víctimas del conflicto armado colombiano en la Ley de Víctimas y Restitución de Tierras: apropiación y resignificación de una categoría juridica// Perfiles Latinoamericanos. 2015. vol. 23, № 46. P. 121–145.
7. Duica W. El Nobel de Santos: luces y sombras // Razonpublica. 10.10.2016. [Electronic resource]. URL: http://www.razonpublica.com/index.php/conflicto-drogas-y-paz-temas-30/9779-el-nobel-de-santos-luces-y-sombras.html (accessed: 08.11.2016).
8. Entérese del proceso de paz. Alto comisionado para la paz. P. 40 [Electronic resource]. URL: http://www.esap.edu.co/enterese/ (accessed: 12.03.2016).
9. Herrera Zgaib M. A. Paz, orden glocal y pensamiento de ruptura// Utopía y Praxis Latinoamericana. 2014. Vol. 19, № 65. P. 115–127.
10. The FARC and Colombia's Illegal Drug Trade. [Electronic resource]. URL:https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Otis_FARCDrugTrade2014.pdf (accessed: 10.12.2016).
11. Kornblith M. Percepciones venezolanas sobre la crisis en Colombia// Colombia Internacional. 2004. № 60. [Electronic resource]. URL: http://colombiainternacional.uniandes.edu.co/view.php/444/index.php?id=444 (accessed: 15.12.2016).
12. Lustick I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World politics. Baltimore. 1979. Vol. 31, Iss. 03. P. 325–344.
13. Palacios M. Violencia y proceso de paz en Colombia. Lección inaugural de la sexta promoción de la Maestría en Sociología. Departamento de Ciencias Sociales Universidad del Valle Marzo de 2001// Revista Sociedad y Economía. 2001. №1. P. 181–192.
14. Pardo R. Política exterior colombiana. ¿De la subordinación a la autonomía?/ Pardo R., Tokatlian J. G. // Bogotá: Tercer Mundo Editores-Ediciones Uniandes. 1989. P. 268.
15. Pizarro Leongómez E. Una democracia asediada. Balance y perspectivas del conflicto armado en Colombia. Bogotá. Grupo Editorial Norma. 2004. P. 370
16. ¿Quién dijo que las FARC no son un riesgo? : Alcalde de Medellín// La Semana. 03.11.2016. [Electronic resource]. URL: http://www.semana.com/nacion/articulo/alcalde-de-medellin-critico-visita-de-integrantes-de-las-farc/504089 (accessed: 08.11.2016).

COLOMBIA IN THE POST-CONFLICT PERIOD: NEW CHALLENGES?

Maria Sereda

Abstract. *Colombian conflict is the last in the region and its resolution is especially important for the stability and development of the country. The analysis of the negotiations of the Colombian government and Colombian Revolutionary Armed Forces (FARC), that took place in Havana, allows to*

understand the particularities of internal and external policy of Colombia. This country nowadays is in the peacebuilding process and for its success it is necessary to resolve the problems that caused the conflict. This topic is not substantially covered in scientific literature, but there are foreign investigations on peace process in general especially in Colombia, Ecuador, Venezuela, Spain and the USA. In terms of foreign investigations on peace process in general, media sources should be studied since the described facts are too recent.

This article analyses peacebuilding in Colombia, that encompasses a range of measures targeted to reduce the risk of lapsing or relapsing into conflict and to lay the foundations for sustainable peace and development. The objective of the investigation is to analyse how the present state of affairs in Colombia when the peace agreement was signed can influence its implementation. To accomplish it the article deals with social, economic and political problems and describes how the results of the referendum can influence post-conflict period. The investigation is based on the following methods: content analysis, decomposition of the problem nude and also the method of competing hypothesis; the text of the agreement is analysed as well as the information from Mass Media.

The article confirms the primary hypothesis that peacebuilding in Colombia is complicated by the existing problems such as the production and distribution of drugs, social inequality and poverty, the lack of participation in politics of different population groups, elitism in politics and pendency of the agrarian problem as well as the necessity to elevate the level of education.

Key words: *Colombia, armed conflict, peacebuilding, negotiations, FARC*

References

1. *Acuerdo final para la terminación del conflicto y la construcción de una paz estable y duradera.* (2016). Retrieved 10 December, 2016 from https://www.mesadeconversaciones.com.co/sites/default/files/24–1480106030.11–1480106030.2016nuevoacuerdofinal-1480106030.pdf.
2. *Acuerdo General para la terminación del conflicto y la construcción de una paz estable y duradera.* (2012). Retrieved 15 March, 2016 from https://www.mesadeconversaciones.com.co/sites/default/files/AcuerdoGeneralTerminacionConflicto.pdf.
3. ¡Basta ya! Colombia: memorias de guerra y dignidad. (2013). Centro de memoria histórica.
4. Coser, L. (1956). The Functions of Social Conflicts. N.Y
5. Currea-Lugo, V. (1999). Un intento por explicar la violencia en Colombia. ¿Y si no somos nación? *América Latina Hoy*, 23, 17–27.

6. Delgado Barón, M. (2015). Las víctimas del conflicto armado colombiano en la Ley de Víctimas y Restitución de Tierras: apropiación y resignificación de una categoría juridica. P*erfiles Latinoamericanos.* vol. 23, 46, 121–145.
7. Duica, W. (2016). *El Nobel de Santos: luces y sombras. In Razón pública.* Retrieved 8 November, 2016 from http://www.razonpublica.com/index.php/conflicto-drogas-y-paz-temas-30/9779-el-nobel-de-santos-luces-y-sombras.html.
8. *Entérese del proceso de paz. Alto comisionado para la paz.* (2012). Retrieved 12 March, 2016 from http://www.esap.edu.co/enterese/.
9. *The FARC and Colombia's Illegal Drug Trade.* (2014). Retrieved 10 December, 2016 from https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Otis_FARCDrugTrade2014.pdf.
10. Herrera Zgaib, M. A. (2014). Paz, orden glocal y pensamiento de ruptura. *Utopía y Praxis Latinoamericana*, vol. 19, 65, 115–127.
11. Kornblith, M. (2004). *Percepciones venezolanas sobre la crisis en Colombia. Colombia Internacional*. Retrieved 14 March, 2016 from http://colombiainternacional.uniandes.edu.co/view.php/444/index.php?id=444.
12. Lustick, I. (1979). Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control. *World politics. Baltimore*, vol. 31, Iss. 03, 325–344.
13. Palacios, M. (2001). Violencia y proceso de paz en Colombia. Lección inaugural de la sexta promoción de la Maestría en Sociología. Departamento de Ciencias Sociales Universidad del Valle, *Revista Sociedad y Economía*, 1, 181–192.
14. Pardo, R., Tokatlian, J. G. (1989). Política exterior colombiana. ¿De la subordinación a la autonomía? Bogotá: Tercer Mundo Editores-Ediciones Uniandes.
15. Pizarro Leongómez, E. (2004) Una democracia asediada. Balance y perspectivas del conflicto armado en Colombia. Bogotá: Grupo Editorial Norma.
16. *¿Quién dijo que las FARC no son un riesgo?* (2016). Retrieved 8 November, 2016 from http://www.semana.com/nacion/articulo/alcalde-de-medellin-critico-visita-de-integrantes-de-las-farc/504089.

Информация об авторе
Середа Мария Андреевна
Студентка 1 курса магистратуры Дипломатия и дипломатическая служба МГИМО МИД России, Россия. E-mail: maria_sereda@mail.ru
Maria Sereda
first year student of Master programme Diplomacy and Diplomatic Service, MGIMO University, Russia. E-mail: maria_sereda@mail.ru

Балканы
и внешняя политика России
(1991–2016)

модераторы

А. Н. Сквозников; Е. Г. Пономарева

БАЛКАНО-ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

А. В. БОЛДЫРЕВ

Аннотация. *Актуальность темы заключается в том, что в ней предпринята попытка рассмотреть международную обстановку в Балканском регионе в контексте российско-турецких отношений. Подобная постановка проблемы представляется малоизученной в современной литературе. Теоретическим основанием исследования послужили результаты изучения российско-турецких отношений в конце XX — начале XXI вв., полученные автором. По мнению автора, российско-турецкие отношения в значительной степени определяются действующей конвенцией Монтрё. В основной части рассматриваются гипотеза, методология, материалы и процедура исследования. Гипотезой является предположение автора, что на сегодняшний день российско-турецкие отношения определяют ситуацию в Черноморском регионе и, как следствие, на Балканах. Методологией исследования являются эмпирический анализ и сравнительно-исторический метод. Материалами исследования являются текст конвенции Монтрё 1936 г., опубликованные статьи автора и электронные ресурсы. В ходе процедуры исследования автор подверг изучению российско-турецкие отношения на разных этапах их развития. Результаты исследования позволяют выяснить роль конвенции Монтрё в российско-турецких отношениях. Анализ результатов позволяет определить роль и место Российской Федерации и Турецкой Республики в современной системе международных отношений в Балкано-Черноморском регионе. В заключении автор приходит к выводу, что российско-турецкие отношения в конце XX — начале XXI вв. во многом определяли и определяют обстановку в Черноморском регионе. Участие России и Турции в различных черноморских организациях, их конфронтация и сотрудничество, так или иначе, влияют на ситуацию на Балканах. В основе взаимоотношений России и Турции лежит конвенция Монтрё. Таким образом, действующий режим Проливов в значительной степени определяет обстановку в Балкано-Черноморском регионе.*

Ключевые слова: *Россия, Турция, Балкано-Черноморский регион, конвенция Монтрё.*

Введение. Актуальность темы заключается в том, что в ней предпринята попытка рассмотреть международные обстановку в Балканском регионе в контексте российско-турецких отношений. Подобная постановка проблемы представляется малоизученной в современной литературе.

Теоретические основы исследования. Теоретическим основанием исследования послужили результаты изучения российско-турецких отношений в конце XX — начале XXI, полученные автором. По мнению автора, российско-турецкие отношения в значительной степени определяются действующей конвенцией Монтрё.

Исследования: основная часть.

Гипотеза. По мнению автора, на сегодняшний день российско-турецкие отношения определяют ситуацию в Черноморском регионе и, как следствие, на Балканах.

Методология. Эмпирический анализ и сравнительно-исторический метод.

Участники исследования. Автор статьи.

Материалы исследования. Текст конвенции Монтрё 1936 г., статьи автора, электронные ресурсы.

Процедура исследования. Российско-турецкие отношения в Балкано-Черноморском регионе определяется, прежде всего, режимом Черноморских проливов. В 90-е гг. XX в. военные статьи конвенции Монтрё не были приоритетом в черноморской политике Турции. Гораздо большее значение приобрели проблемы торгового мореплавания. Связано это с различием интересов России и Турции в вопросах транспортировки нефти. На момент принятия конвенции Монтрё главной задачей было решение вопроса о проходе через Проливы военных кораблей СССР и западных держав. Ограничение коммерческого судоходства не предусматривалось вообще. Отмечалось, что «в мирное время торговые суда будут пользоваться правом полной свободы прохода в Проливах днем и ночью независимо от флага и груза без каких-либо формальностей», но с условием соблюдения соответствующих постановлений [Турция между Европой и Азией, 2001, с. 521–522]. В результате увеличение нефтепотока через Проливы часто создавали аварийную ситуацию в Бофоре и опасность для самого Стамбула. «В большинстве случаев аварии происходили из-за нежелания капитанов, вопреки правилам судоходства от 1982 г., привлекать лоцманов, даже, когда это было необходимо, что привело к анархии в движении судов. Положение турецких властей было также осложнено

тем фактом, что в 90-е годы грузопоток через Проливы резко возрос, что было связано с транзитом товаров из Западной и Центральной Европы по дунайской речной системе и далее через Проливы» [Болдырев, 2009, с. 7]. Таким образом, Турция выступает за полный отказ стран-экспортеров нефти от использования Проливов для транспортировки энергоресурсов и их присоединение к турецкой инициативе по использованию обходных нефтепроводов. Политическая подоплека этого вопроса состоит в том, что Турция опасается, что увеличение количества российских танкеров, перевозящим нефть из Новороссийска, создаст серьезную угрозы турецким проектам транспортировки азербайджанской и казахстанской нефти через турецкие трубопроводы. Чтобы ограничить грузопоток через Проливы Анкара попыталась усилить свой контроль в Проливах путем регулирования международно-правовых норм национальным законодательством, приняв в 1994 г. Регламент о судоходстве в Проливах[1]. Россия же, для которой Проливы являются наиболее удобным и дешевым способом нефтетранзита, считает, что режим Проливов определяется, прежде всего, их международным статусом. В результате российского протеста в 1998 г. Турция «приняла новый Регламент о судоходстве в проливной зоне, который до некоторой степени облегчил транспортировку российской нефти» (Болдырев, 2016, с. 36–37). Однако дальнейшая политика Турции по ограничению транзита нефти через Проливы в 1998–2004 гг. показала, что на самом деле ситуация осталась далекой от завершения.

Таким образом, в современных условиях правовой режим Проливов становится для Турции эффективным инструментом для контроля над распределением энергоресурсов. Что касается военных аспектов конвенции Монтрё, то политика Анкары в период грузино-югоосетинского конфликта (август–сентябрь 2008 г.) продемонстрировали возможности Турции и в регулировании военно-морского баланса в Черноморском регионе. В целом политика Турции соответствовала «духу Монтрё», поскольку сама Турция заинтересована в сохранении военного режима конвенции, позволяющего ей достаточно свободно толковать правила прохода военных кораблей через Проливы. Ввиду этого Турция пыталась «фильтровать» проход военных кораблей США через Проливы[2]. Помимо чисто политических соображений (нежелание

[1] Турецкий регламент 1994 г. противоречил не только ст. 29, но и первым трем статьям конвенции Монтрё, предусматривающих свободу торгового судоходства через Проливы.

[2] Так Турция отказала в проходе кораблям ВМС США «Мэсси» и «Комфорт», несмотря на утверждение американской стороны, что на их борту находится груз гуманитарной помощи для пострадавшей Грузии.

быть втянутой в конфликт между Россией и НАТО в связи с характером перевозимых грузов), турецкое правительство исходило из ст. 25, где декларировано, что положения конвенции Монтрё не должны наносить ущерба какой-либо из стран её подписавших. Действия Турции как государства-члена Альянса также не носили провокационного характера по отношению к России. Об этом говорит и отсутствие формальных протестов России к условиям прохода и пребывания кораблей НАТО в Черноморском бассейне, а также вывод из Черного моря Постоянной морской группы НАТО № 1 после 3-недельного пребывания. Таким образом, проход через Проливы и условия пребывания в Черном море боевых кораблей неприбрежных стран осуществлялись в соответствии со ст. 13, 14, 18 конвенции Монтрё[3]. Наращивание в период августовского кризиса черноморской группировки НАТО и участие в ней Турции «осуществлялось в рамках ежегодных учений Альянса в Черном море» [Болдырев, 2016, с. 38].

Таким образом, Турция добилось того, что исполнение ею союзнических обязательств в отношении НАТО не нанесло ущерба ее взаимоотношениям с Россией. В начале XXI в. проводимая Турцией политика балансирования между Востоком и Западом, приобретала все более самостоятельный характер**.** Это позволило Анкаре позиционировать себя как флагмана политики НАТО в Черноморском регионе и в то же время участвовать совместно с Россией в различных военно-морских черноморских программах («Блэксифор», «Черноморская гармония»), ограничивая присутствие нечерноморских стран НАТО в регионе. В результате в рассматриваемое время Турция стала ведущей военно-морской державой на Черном море. Ключевую роль в политике баланса играла конвенция Монтрё.

Присоединение Крыма к России осложнило российско-турецкие отношения и внесло коррективы в политику Турции, стремившейся ранее проводить до известной степени равновекторную политику между Россией и странами НАТО. В 2014–2015 гг. «фактический отказ Турции от какой-либо фильтрации натовских кораблей при допуске их в Черное море» позволил Альянсу создать постоянную группировку на ротационной основе (формально под предлогом совместных учений с черноморским государствами — членами НАТО) [Болдырев, 2015, с. 55]. До конца 2015 г. это не вносило серьезных осложнений во взаимоотношения России и Турции. Военные корабли неприбрежных государств не

[3] Турция между Европой и Азией: Коллективная монография — Москва: Изд-во «Крафт+» / ИВ РАН, 2001. С. 521–522.

превышали сроки пребывания в Черном море (не более трех недель), а также допустимый общий тоннаж (45 тыс. тонн) [Турция между Европой и Азией, 2001, с. 524–525][4]. Выяснение отношений по поводу сроков пребывания натовских кораблей в Черном море не носило в это время конфронтационного характера. Более того, несмотря на оппозицию Турции к режиму Б. Асада, «сирийский экспресс» по доставке военно-технических грузов через Проливы с помощью больших десантных кораблей. Периодические претензии РФ к турецкому правительству по поводу соблюдению конвенции Монтрё есть излюбленный прием давления на Анкару со стороны российской дипломатии, которая таким образом напоминает Турции, что она не является исключительным сувереном Проливов.

В целом можно сделать вывод, что до конца 2015 г. в своих взаимоотношениях Россия и Турция стремились не акцентировать внимание на разногласиях, а сосредотачиваться на тех на вопросах, согласие по которым возможно и взаимовыгодно. Со стороны России это выражалось в том, что Москва не замечала отсутствие «турецкого фильтра» на Черном море, а Анкара, делая авансы странам НАТО, уравновешивала их ротационную политику благожелательным нейтралитетом по отношению к России. Сбитый российский бомбардировщик и введение Россией в конце 2015 г. санкционных мер против Турции резко обострили обстановку в Балкано-Черноморском регионе. Еще более российско-турецкие отношения осложнились после заявления министра экономического развития и торговли РФ А. Улюкаева, который, комментируя введение санкционных мер против Турции, заявил, что Россия не исключает запрет или ограничение на вход турецких судов в порты России. По мнению российских экспертов, «это стало бы серьезным ударом по турецкому судоходству, которое основательно завязано на России» [Балтачева, Мошкин, 2015]. В ответ Турция приняло ряд ответных мер демонстративного характера. Так 29 ноября 2015 г. у входа в Босфор были задержаны торговые суда России «Братск» и «Волгобалт». В отличие от кораблей других стран, они в течение многих часов ожидали разрешения на проход в пролив. 30 ноября военно-морской транспорт России «Яуза» при проходе через Дарданеллы встретился с турецкой

[4] Исключение составил фрегат ВМС США «Тейлор», который из-за поломки гребных винтов на 12 дней превысил предельные сроки своего пребывания в Черном море, а также (по мнению Москвы) долгосрочное пребывание в Черном море ракетного эсминца США «Дональд Кук», что дало основания МИД РФ усомниться в том, что турецкая сторона должным образом следит за соблюдением конвенции Монтрё.

подводной лодкой[5]. Это заставило предположить, что таким образом Турция хочет создать, если не блокаду, то небольшую пробку для российских военных кораблей в Проливах. При этом отмечалось, что такой шаг «будет выглядеть более чем популистски» [День блокады проливов станет последним днём Турции, 2015]. В начале марта 2016 г. Украина и Турция провели совместные военно-морские маневры в Черном море. Тот факт, что учения эти прошли впервые после смены правящего в Киеве режима также придает им демонстрационный характер[6]. При этом, по сообщению источника, корабли Украины «Гетман Сагайдачный» и «Балта» «прибыли на одну из военно-морских баз Турции, чтобы забрать груз для вооруженных сил Украины» [Валерий Коротаев, 2016].

В Москве не исключали, что действия Анкары содержали ответные «намеки» на возможное ограничение в России турецкого судоходства. Конвенция Монтрё позволяла Турции затруднять проход торговых судов через Проливы, так как согласно ст. 3 она имеет право на санитарный досмотр каждого корабля (сроки при этом не устанавливаются)[7]. Кроме того, обязуясь гарантировать свободный проход гражданских судов через Проливы, Турция может сослаться на непредвиденные задержки. Так Центр контроля движения судов на Босфоре время от времени имеет право закрывать Босфор в связи с плохой погодой, крупногабаритностью или опасностью провозимых грузов и т.д. [5, Балтачева, Мошкин, 2015]. Как показала история с введением Турцией ограничительных правил на проход через Босфор крупнотоннажных судов, Анкара способна манипулировать режимом Проливов, не выходя чрезмерно за рамки конвенции Монтрё.

Несмотря на подобные опасения, турецкое руководство воздержалась от резких шагов. Несмотря на всю сложность взаимоотношений с Россией, Турция не только не попыталась ограничить российское судоходство, приносящее в турецкий бюджет немалую прибыль, но и не присоединилась к антироссийским санкциям. В 2015–2016 гг. российские военные суда в целом беспрепятственно проходили через Проливы, «сирийский экспресс» функционировал в прежнем режиме. Фактически повторилась ситуация 2014–2015 гг. с той лишь разницей,

---

5 Речи идет о подводных лодках ВМФ Турции «Долунай» или «Буракреис», патрулирующих восточную часть Средиземноморья

6 В начале марта 2016 г. отряд кораблей ВМС Украины в составе фрегата «Гетман Сагайдачный» и военного судно «Балта» провели совместные учения с фрегатом ВМС Турции в Мраморном море.

7 Турция между Европой и Азией: Коллективная монография — Москва: Изд-во «Крафт+» и ИВ РАН, 2001. С. 521.

что из-за постоянного присутствия военных кораблей НАТО в Балкано-Черноморском регионе возможности маневрирования для самой Анкары резко ограничились. Из самостоятельного политического игрока, держащего в руках стратегический узел Восточного Средиземноморья и не раз выполнявшего роль арбитра между Востоком и Западом, Турция постепенно возвращалась к роли «привратника» на Проливах, столь характерной для нее в XIX — начале XX веков.

Официальные извинения, принесенные президентом Турции Р. Т. Эрдоганом по поводу сбитого российского самолета, поддержка Россией официального турецкого руководства во время неудавшегося военного путча летом 2016 г. и возрождение проекта «Турецкий поток» позволили до известной степени восстановить российско-турецкие отношения. Это дало шанс Турции дистанцироваться от однозначно пронатовской позиции и не осложнять в дальнейшем отношения с РФ. С другой стороны, о возращении к прежней политике партнерства, характерной для двух стран в 1992–2013 гг., говорить рано. Этому мешают трудности взаимоотношений с Турцией как экономическим партнером[8], отсутствие «турецкого фильтра» при пропуске кораблей НАТО в Черное море, а главное — непредсказуемость внутренней и внешней политики руководства Турции.

Результаты исследования. Роль Конвенции Монтрё в российско-турецких отношениях в Балкано-Черноморском регионе в конце XX — начале XXI веков.

Анализ результатов. Проведенное исследование позволяет определить роль и место Российской Федерации и Турецкой Республики в современной системе международных отношений в Балкано-Черноморском регионе.

---

[8] В свое время России и Турции не удалось оперативно приступить к переговорам по реализации проекта «Голубой поток-2». Свою роль сыграло давление США на Турцию, однако, имелись и иные причины для неудачи. Они состояли, прежде всего, в желании турецкой стороны самостоятельно устанавливать цену при реэкспорте российского газа в третьи страны. Затем в Анкаре увлеклись западным проектом «Набукко», предполагавшим транспортировку в Европу, минуя территорию России, природного газа из Туркменистана, Казахстана, Азербайджана, а также Египта, Ирака и в перспективе Ирана. В свое время это побудило «Газпром» и его партнеров выступить с идеей «Южного потока», призванного уменьшить ресурсную базу «Набукко». Если учесть, что наряду с «Turkish Stream» Турция активно участвует и в реализации проекта TANAR-TAP, цели которого аналогичны «Набукко», следует признать, что опасения российских политологов небеспочвенны. Эти выводы подтверждают и некоторые турецкие аналитики, отмечая, что решение Анкары об участии в европейских энергетических программах будет определяться уровнем доступности для Турции тех альтернатив, которые предлагают для нее европейские страны.

Заключение. Рассматривая российско-турецкие отношения в конце XX — начале XXI веков, следует сделать вывод, что они во многом определяют обстановку в Черноморском регионе. Участие двух стран в различных черноморских организациях, их конфронтация и сотрудничество, так или иначе, влияют и на ситуацию на Балканах. В основе взаимоотношений России и Турции лежит Конвенция Монтрё. Таким образом, действующий режим Проливов в значительной степени определяет обстановку в Балкано-Черноморском регионе.

Литература

1. Болдырев А. В. Конвенция Монтрё и политика балансирования Турецкой Республики между Востоком и Западом в XX — XXI вв. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2016. С. 29–43.
2. Болдырев А. В. Ротационная политика НАТО на Черном море в 2014–2015 годах и российско-турецкие отношения // Россия и Турция в новой мировой политической среде. М., 2015. С. 51–66.
3. Болдырев А. В. Черноморские проливы во внешней политике Турции и России в 1992–2008 гг. // Ближний Восток и современность. 2009. № 40. С. 5–25.
4. Турция между Европой и Азией / Н. Г. Киреев [и др.]. М, 2001.
5. Балтачева М., Мошкин М. Турция пытается закупорить проливы для российских судов [Электронный ресурс]. URL: http://gpolitika.com/russia/turciya-pytaetsya-zakuporit-prolivy-dlya-rossijskix-sudov.html (дата обращения 24.11. 2016).
6. ВМС Украины и Турции провели учения в Мраморном море [Электронный ресурс]. URL: http://eadaily.com/ru/news/2016/03/08/vms-ukrainy-i-turcii-proveli-ucheniya-v-mramornom-more (дата обращения 05.11. 2016).
7. День блокады проливов станет последним днём [Электронный ресурс]. URL:http://newsland.com/user/ 4297833018/content /den-blokady-prolivov-stanet-poslednim-dniom-turtsii/4856121 (дата обращения 03.12.2016).

BALKAN-BLACK SEA REGION IN THE RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE LATE XX — EARLY XXI CENTURIES

Andrey V. Boldyrev

Abstract. *The relevance of the topic is that it attempts to examine the international situation in the Balkan region in the context of Russian-Turkish relations. This problem seems to be insufficiently explored in contemporary literature. The theoretical basis of the study was the results of a study of Russian-Turkish relations in the late XX — early XXI centuries, obtained by the author. According to the author, Russian-Turkish relations are largely determined by the existing Convention of Montreux. In the main part deals with hypothesis,*

methodology, materials and procedure of the study. The hypothesis is the assumption of the author that today Russian-Turkish relation determines the situation in the black sea region and, as a consequence, in the Balkans. Methodology the study is empirical analysis and comparative-historical method. The study materials are the text of the Montreux Convention of 1936, published articles and electronic resources. During the procedure, the author studied Russian-Turkish relations at different stages of their development. The study results help to clarify the role of the Montreux Convention in the Russian-Turkish relations. Analysis of the results allows to define the place and role of the Russian Federation and the Republic of Turkey in the modern system of international relations in the Balkan and black sea region. In the conclusion the author comes to the conclusion that Russian-Turkish relations in the late XX — early XXI century largely shaped the situation in the black sea region. The participation of Russia and Turkey in various black sea organizations, their confrontation and cooperation, one way or another, affect the situation in the Balkans. The basis of relations between Russia and Turkey is the Montreux Convention. Thus, the current regime of the Straits largely determines the situation in the Balkan and black sea region.

Key words: *Russia, Turkey, Balkan-black sea region, the Montreux Convention.*

References

1. Boldyrev A.V. Konvencija Montrjo i politika balansirovanija Tureckoj Respubliki mezhdu Vostokom i Zapadom v XX–XXI vv. // Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istorija i sovremennost'. Samara, 2016. S. 29–43.
2. Boldyrev A.V. Rotacionnaja politika NATO na Chernom more v 2014–2015 godah i rossijsko-tureckie otnoshenija // Rossija i Turcija v novoj mirovoj politicheskoj srede. M., 2015. S. 51–66.
3. Boldyrev A.V. Chernomorskie prolivy vo vneshnej politike Turcii i Rossii v 1992–2008 gg. // Blizhnij Vostok i sovremennost'. 2009. № 40. S. 5–25.
4. Turcija mezhdu Evropoj i Aziej / N. G. Kireev [i dr.]. M, 2001.
5. Baltacheva M., Moshkin M. Turcija pytaetsja zakuporit' prolivy dlja rossijskih sudov [Jelektronnyj resurs]. URL: http://gpolitika.com/russia/turciya-pytaetsya-zakuporit-prolivy-dlya-rossijskix-sudov.html (data obrashhenija 24.11. 2016).
6. VMS Ukrainy i Turcii proveli uchenija v Mramornom more [Jelektronnyj resurs]. URL: http://eadaily.com/ru/news/2016/03/08/vms-ukrainy-i-turcii-proveli-uchenija-v-mramornom-more (data obrashhenija 05.11. 2016).
7. Den' blokady prolivov stanet poslednim dnjom [Jelektronnyj resurs]. URL: http://newsland.com/user/ 4297833018/content /den-blokady-prolivov-stanet-poslednim-dniom-turtsii/4856121 (data obrashhenija 03.12.2016).

Информация об авторе
Болдырев Андрей Викторович
к. ист. наук, ст. науч. сот-к;
Институт востоковедения Росийско Академии Наук (РАН); Россия;
boldirew.andrei2011@yandex.ru
Andrey V. Boldyrev
candidate of historical sciences; senior researcher;
Institute of Oriental studies Russian Academy of Sciences (RAS), Russia;
boldirew.andrei2011@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ РАСШИРЕНИЯ ВЛИЯНИЯ РОССИИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ИНСТРУМЕНТАМИ (ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ)

Д. Д. КРЫКАНОВ

Аннотация. *В статье анализируются возможности российских компаний в участии в проектах государственно-частного партнерства (ГЧП) на территории государств Западных Балкан.*

Тема перспектив взаимодействия стран региона и России в сфере инфраструктурного развития еще не была освещена в научной сфере. Текущие научные исследования посвящены преимущественно анализу состояния национального рынка инфраструктуры.

Страны балканского региона традиционно считаются территорий политических интересов России. Однако с распадом Югославии и вступлении некоторых стран региона в Европейский Союз, Россия имеет все меньше возможностей оказания политического влияния в регионе. В то же время актуальными остаются возможности экономического воздействия. Правительство Российской Федерации установило курс на развитие ГЧП, которое также можно применить во взаимодействии с иностранными компаниями и правительствами.

Страны региона Западных Балкан характеризуются разным уровнем инвестиционного климата и развития инструментов и институтов государственно-частного партнерства. Для оценки перспектив региона был проведен анализ результатов работы центров ГЧП и масштаб инфраструктурного разрыва в стране. В качестве источников информации были использованы отчеты группы Всемирного Банка и национальных центров государственно-частного партнерства.

В ходе исследования было выявлено, что страны Западных Балкан характеризуются неравномерным инвестиционным климатом и уровнем развития общественной инфраструктуры. Часть стран

региона продвинулась в развитии механизмов ГЧП, а другая часть не имеет перспектив старта масштабных проектов. Привлекательной для российского участия страной является Сербия, так как масштаб рынка и уровень базы знаний государственно-частного партнерства предоставляют широкое поле возможностей для российских компаний.

Ключевые слова: *Государственно-частное партнерство; ГЧП; Балканы; экономическая политика*

Введение. Государства Западных Балкан находятся в сфере особых внешнеполитических интересов России с начала XX века. В советскую эпоху экономические связи Югославии с СССР определялись политическими отношениями лидеров государств, что продлилось вплоть до распада обеих стран. Агрессия НАТО по отношению к Югославии 1999 г. привела к масштабному разрушению необходимой инфраструктуры преимущественно на территории Сербии и Республики Сербской (Босния и Герцеговина). Находящиеся в режиме чрезвычайного положения экономики западнобалканских государств вынуждены рассчитывать на предоставление кредитов от международных институтов и иных стран на любых условиях, пытаясь обеспечить выживаемость экономики. Россия традиционно предоставляет дешевые кредиты Сербии, Боснии и Герцеговине и Македонии. Однако предоставление кредитов — не самый эффективный способ укрепления влияния России в регионе, так как конечное экономическое развитие обеспечивается западными компаниями. Российские государственные компании ведут работу на территории указанных стран через свои дочерние компании, в частности Газпром и Сбербанк. Эти крупные проекты упираются в государственное регулирование их деятельности и нестабильности политического климата. Введение в действие третьего энергетического пакета ЕС препятствует реализации масштабных проектов России, через которые планировалось обеспечить экономическое влияние в регионе. Возможным выходом для России для обеспечения экономического влияния в регионе (и тем самым политического) является участие российских компаний в проектах государственно-частного партнерства в развитии инфраструктуры. Проекты ГЧП не подразумевают прямое участие иностранных государств, тем самым хеджируя риск срыва проекта по политическим соображениям. Практика ГЧП в Сербии находится в стадии раннего становления, в то время как в России уже запущено несколько крупных проектов, существует центр развития ГЧП и реализуется образовательная программа. Участие России в концессиях, контрактах жизненного цикла, соглашениях о разделе продукции и иных формах государственно-частного партнёрства обеспечивает участие России

в проектах на 30–50 лет. При этом традиционные сферы ГЧП — автомагистрали, здравоохранение, переработка мусора, водоснабжение, транспортные узлы (в том числе аэропорты). Такой подход к экономическим отношениям со странами Западных Балкан обеспечивает более уверенное влияние России в регионе.

Актуальность темы определяется возрастающей ролью государственно-частного партнерства в экономической политике Российской Федерации и курсом на интенсификацию экономических отношений со странами западных Балкан.

Степень разработанности проблемы

Проблематика развития механизмов ГЧП и их применения в странах Западных Балкан изучается экспертами Группы Всемирного Банка, национальными центрами по развитию государственно-частного партнерства. Теоретические основы ГЧП и его развитие в России изучается такими экспертами как В. Г. Варнавский и П. Л. Селезнев.

Теоретические основания исследования. Теоретической основой исследования являются научные теории Е. Б. Завьяловой, П. Л. Селезнева, О. В. Иванова, В. Г. Варнавского, А. Еганяна, Э. Р. Йескомба.

В работе использованы методы теоретического исследования (сравнительный анализ, типологизация, метод аналогий), а также анализ эмпирических данных (контент-анализ).

Государственно-частное партнерство (ГЧП) понимается в статье как способ развития общественной инфраструктуры, основанный на долгосрочном (5–50 лет) и взаимовыгодном взаимодействии государства (в качестве публичного партнера) и бизнеса (в качестве частного партнера), при котором бизнес участвует не только в создании объекта инфраструктуры, но и его эксплуатации и техническом обслуживании в интересах общественности (публичного партнера).

Исследование: основная часть. Гипотеза. Гипотеза исследования заключаются в следующем: Россия обладает достаточным потенциалом в сфере развития инструментов государственно-частного партнерства и участия в соответствующих проектах, а некоторые страны Западных Балкан имеют широкую потребность в развитии общественной инфраструктуры, которая может быть удовлетворена посредством участия российских компаний в иностранных проектах, тем самым получив долю в управлении и владении стратегически важной инфраструктурой, что является фактором расширения экономического влияния России.

Методология исследования. В работе использованы методы теоретического исследования (сравнительный анализ, типологизация, метод аналогий), а также анализ эмпирических данных (контент-анализ).

Материалы исследования. Материалами исследования послужили данные группы Всемирного Банка, отчеты НКО США USAID, информация из официальных ресурсов национальных центров развития ГЧП.

Процедура исследования. Исследование на начальной стадии включало в себя сбор и типологизацию информации о инфраструктурных проектах в странах Западных Балкан, реализуемых по схемам ГЧП. Далее был проведен сравнительный анализ списка крупнейших проектов ГЧП и базы данных региональных центров ГЧП в целях выявления наиболее благоприятного инфраструктурного климата для участия российских компаний. Исследование завершается анализом российских компаний, обладающих достаточными ресурсами и компетенциями для реализации проектов ГЧП в конкретной стране.

Государственно-частное партнерство — особый вид юридических, финансовых и управленческих связей, характеризующийся сложной схемой отношений партнеров в проекте и обязательной конечной целью в виде создания объекта общественной инфраструктуры. При этом основное отличие механизмов государственно-частного партнерства от любых других видов взаимодействия государства и бизнеса на коммерческой основе заключается в обязательной взаимовыгодной основе проекта как для представителей бизнеса, так и для органов государственной власти, представляющих интересы населения. Исходя из этих положений, можно предположить, что крупные проекты государственно-частного партнерства (ГЧП) направлены на создание стратегически важных объектов инфраструктуры, таких как транспортные узлы (автомагистрали, воздушные и морские порты) и объекты обеспечения коммунальных потребностей (переработка бытовых отходов, очистные сооружения и котельные). Учитывая непосредственное участие частной стороны в проектировании, создании, управлении и поддержке этих объектов (а часто и владении), выявляется новая роль зарубежных проектов ГЧП, выходящая за экономическую плоскость — получение дополнительного политического ресурса через распространение влияния национальных компаний на зарубежном рынке общественной инфраструктуры.

ГЧП в изучаемом в данной статье виде можно определить следующим образом:

Государственно-частное партнерство — один из способов развития общественной инфраструктуры, основанный на долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса, при котором частная сторона (бизнес) участвует не только в создании (проектировании, финансировании, строительстве/реконструкции) объекта инфраструктуры, но

и в его последующей эксплуатации и/или техническом обслуживании в интересах публичной стороны.

В научной литературе принято выделять 4 основных модели взаимодействия государства и бизнеса.

— патронажно-клиентальная
— приватизационно-властная
— конфликтная
— партнерская

На приспособление той или иной модели влияет политический и в меньшей степени инвестиционный климат страны. Партнерская модель считается наиболее оптимальной схемой взаимоотношений частной и публичной (государственной) сторон. В противоположность этому, конфликтная модель подразумевает наличие зачастую непреодолимых трудностей в установлении контакта между представителями частной и публичной стороны. Промежуточные модели подразумевают барьеры для выстраивания государственно-частного партнерства.

Можно выделить основные формы партнерства государства и бизнеса

1. государственно-частное партнерство, реализуемое в рамках соглашения о ГЧП;
2. Иные формы государственно-частного партнерства (так называемые контрактные формы ГЧП — например, контракт жизненного цикла);
3. Реализация контракта за счет бюджетных средств — государственный заказ (в российской практике не признается формой ГЧП)

Выгоды от реализации проектов ГЧП для частной и публичной стороны представлены в таблице (см. табл. 1).

Часто выбор в сторону ГЧП падает тогда, когда публичный партнер (государственный сектор) не имеет достаточных средств и/или компетенций и технологий для реализации проекта строительства общественной инфраструктуры.

По методологии группы Всемирного Банка, существуют следующие формы участия в проектах ГЧП:

— проектирование
— строительство
— реконструкция
— эксплуатация
— управление
— обслуживание
— модернизация
— финансирование

Кейсы

В данной статье рассмотрены кейсы стран и территорий Западных Балкан — Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, автономная область Косово, Черногория и Сербия.

Основой формирования благоприятного климата ГЧП является правовая и институциональная базы ГЧП, а также общий инвестиционный климат государства и показатели национального бюджета.

Словения

Правовая основа ГЧП была сформирована еще в 2006 г. со вступлением в силу закона о государственно-частном партнерстве. Закон полностью приведен в соответствие с рекомендациями Еврокомиссии по развитию государственно-частного партнерства.

Проекты ГЧП в стране характеризуются малым масштабом и заключаются на уровне муниципалитетов — детские сады, спортивные площадки и парковые зоны.

Только в г. Любляна на разных стадиях реализуется более 15 проектов ГЧП.

Общий рейтинг развития среды ГЧП в стране по оценке Всемирного Банка — 74,8 %, что является высоким показателем.

Хотя в стране не реализовано ни одного крупного проекта ГЧП, малые проекты показывают хорошую результативность и эффективность. В то же время российские компании не заинтересованы в реализации маломасштабных проектов, так как в этом случае иностранные компании будут сталкиваться с дорогими рисками при малой прибыли.

Самые популярные сферы — энергетика, переработка и размещение ТБО. В этих сферах реализуются самые масштабные проекты ГЧП в Словении.

Национальный закон о ГЧП четко структурирует процесс определения рисков, планирование проекта и распределение прибыли. С одной стороны, строгие юридические указания облегчают процесс формирования проекта, существенно ускоряя его старт. С другой стороны, жесткие ограничения оставляют меньше простора для торга при переговорах и конструирования соглашения о ГЧП, что особенно важно в случае масштабных дорогих проектов.

Государственный долг Словении — один из самых низких в Европе, что является хорошим индикатором для потенциальных новых проектов ГЧП.

В целом можно сделать вывод, что российские компании не имеют оснований рассматривать возможность проектов ГЧП в Словении, так как страна имеет уже сформированный рынок ГЧП и реализует их преимущественно в малом масштабе.

Хорватия

Хорватия характеризуется стремительно развивающимся рынком проектов ГЧП. В последние годы был дан старт ряду масштабных проектов, среди которых контракт на модернизацию и управление аэропортом г. Загреб на 324 млн евро и строительство платной трассы Загреб — Мацель на 371млн евро.

Общая стоимость проектов ГЧП в стране — 3млрд евро, при этом только за последние 2 года был инвестирован 1 млрд евро.

ГЧП в Хорватии применяется в дорожной инфраструктуре, портах, системах энергосбережения, культурных и муниципальных объектах.

Юридическая база ГЧП приведена в соответствие с требованиями Еврокомиссии так же как и в Словении.

Учитывая то, что российский рынок ГЧП также находится на стадии развития, национальный опыт и возможности реализации проектов маловероятны привлекательны для этого рынка.

Автономный край Косово (Сербия)

Край имеет проблемы в реализации проектов ГЧП по множеству параметров.

Во-первых, край является непризнанным политическим образованием, его статус официально не признан Российской Федерацией и рядом других государств. Россия не имеет дипломатических контактов с представителями Косово, а ряд российских экспертов отмечает политический конфликт двух стран и высокий уровень коррупции и теневого бизнеса.

Несмотря на то, что в 2011 г. был издан закон о ГЧП, законодательная база недостаточна для реализации проектов ГЧП. Закон о ГЧП прописан пространно и в действительности находится в стадии доработки [Закон Косово].

Как правило, процесс реализации проектов ГЧП весьма трудозатратен для чиновников и неизбежно несет в себе долю риска, поэтому для принятия решения о запуске проекта ГЧП требуются основания. Потребность в проектах ГЧП возникает тогда, когда на управляемой территории существует инфраструктурный разрыв (однако это не обязательное условие для проекта). Инфраструктурным разрывом является выраженная в количественном выражении разность между минимально необходимым уровнем развития инфраструктуры и ее фактическим состоянием. Обычно разрыв измеряется в денежной массе, которую необходимо инвестировать для реализации инфраструктурной потребности. В случае Косово инфраструктурный разрыв оценивается в 3 млрд евро. Для правительства этого политического образования и при текущем состоянии бюджета такая сумма представляется непосильной.

Также ГЧП не развито на институциональном уровне. Отдельные министерства не могут заниматься всеми вопросам ГЧП ввиду нехватки экспертизы и высокой трудозатратности процесса. Поэтому в мировой практике создаются специализированные центры ГЧП (PPP units), консалтинговые и аудиторские компании создают специальные отделы по работе с ГЧП-проектами, а для эффективной работы министерств и уполномоченных органов власти в целом создаются межведомственные комиссии. В случае Косово был создан межминистерский комитет по ГЧП, однако он еще не успел доказать свою эффективность на примере завершенного или запущенного проекта ГЧП.

Отсюда возникает последняя проблема инфраструктурного развития Косово — не реализовано ни одного проекта ГЧП и ни один проект не находится на данный момент в активной фазе (под активной фазой подразумевается финансовое закрытие и начало первого из обозначенных этапов проекта).

Примечательно, что власти Косово относят приватизацию к форме государственно-частного партнерства, позиционируя сделку по приватизации аэропорта г. Приштина в 2010 г. за 100 млн евро как проект ГЧП, что диссонирует с принятой международной практикой.

Босния и Герцеговина

Случай Боснии и Герцеговины также относится к негативной практике ГЧП.

Закон о ГЧП был принят в 2009 г., однако он не охватывает всех необходимых положений о проекте ГЧП.

Институциональная база ГЧП также не была создана — до сих пор не создан центр ГЧП. В свою очередь государственный сектор имеет мало возможностей для финансирования инфраструктурных проектов.

Эти факторы являются причиной того, что на данный момент не запущено ни одного проекта государственно-частного партнерства. Маловероятно, что стоит ожидать первые проекты ГЧП в стране в ближайшем будущем, так как процесс создания финансовой, юридической и институциональной базы слишком длителен и сложен.

Черногория

Черногория, несмотря на скромный политический вес и экономическое положение, пытается имплементировать принципы ГЧП, но говорить о становлении рынка в этой стране преждевременно.

ГЧП регулируется законом о концессиях и специальным законом, полностью соответствующим критериям ЕС.

Комиссия по концессиям играет роль центра ГЧП, теоретически обеспечивая потребность частного и публичного сектора в этом органе.

Существует национальная стратегия развития ГЧП, представляющая собой мастер-план инфраструктурного развития, что является большим плюсом для инвесторов и планирования деятельности компании в целом.

Существенной проблемой является то, что публичный сектор имеет мало возможностей для финансирования проектов ввиду экономического положения страны и бюджетного дефицита.

Суверенный долг страны и дефицит бюджета слишком высок для привлечения инвесторов, что в совокупности с отсутствием крупных национальных строительных, девелоперских и банковских компаний создает крупные проблемы для развития ГЧП в стране.

Черногория пытается привлечь иностранный капитал и компании к развитию туристической инфраструктуры и автомобильных дорог. Тем не менее, участие в проектах в Черногории не предоставит российским компаниям достаточного политического ресурса ввиду высоких политических рисков в стране.

Сербия

Сербия представляется наиболее привлекательным вариантом для российского бизнеса и России в целом, так как уровень развития инфраструктурного рынка, институциональной и правовой базы открывает дорогу к международному сотрудничеству. Потребность Сербии в российских компаниях подкрепляется нехваткой финансирования сербских проектов и отсутствием опыта в реализации крупных проектов. Более того, партнерские отношения между странами и ряд экономических соглашений придают российско-сербским проектам больший стимул ввиду меньших политических рисков. Также Сербия остро нуждается в инфраструктуре ввиду недавней войны, в ходе которой целенаправленно уничтожались объекты инфраструктуры. В Сербии уже работают крупные российские компании, такие как «дочка» Газпрома "Гарзпромнефть Сербия" (NIS).

ГЧП в Сербии развивается по так называемому «пути стран Центральной и Восточной Европы» [Варнавский, 2010]: становление ГЧП в стране оформляется в виде специального законодательного акта, регулирующего процессы государственно-частного партнерства. Как правило, первым регулируются положения о концессии. Вместе с законодательными актами создается специализированное национальное агентство по развитию государственно-частного партнерства, выполняющее роль консультанта и создателя методических указаний для публичного и частного партнеров.

Закон о ГЧП и концессиях был принят в Сербии в 2011 г. (номер з/а OG 88/2011). Целью принятия закона было упрощение и сокращение

сроков процедур реализации проектов, а также удовлетворения возрастающих потребностей в инфраструктуре и государственных услугах.

До принятия закона местные власти были обязаны исполнять положения большого количества НПА, описывающих процесс инициации, организации, управления и финансирования местным самоуправлением при подписании контракта с частным партнером. Государственный партнер в лице местных самоуправлений имел два варианта заключения контракта ГЧП — через совместное предприятие или путем контрактной формы (квази-ГЧП).

Однако в действительности публичный партнер не мог воспользоваться даже этими путями реализации проектов. Во-первых, местные власти не могли провести оценку финансовой эффективности проекта, так как они не имели достаточных финансовых ресурсов для организации работы группы по финансовой оценке, а также не имели базу данных примеров успешных проектов, с оглядкой на которые можно было организовывать проект. Во-вторых, среди чиновников было закреплено мнение, что в проектах ГЧП выгоду всегда извлекает только частный партнер, публичный же всегда остается «в минусе», так как последнему приходится принимать на себя высокие риски и решать возникающие проблемы в сфере экологии и природопользования.

Закон о ГЧП Сербии определяет государственно-частное партнерство как долгосрочное взаимодействие между государственным и частным партнерами в целях финансирования, строительства, реконструкции, управления и поддержки функционирования объектов инфраструктуры и иных объектов, имеющих государственный интерес, а также предоставление государственных услуг. В законе проведено различие между двумя формами ГЧП — контрактная и институциональная, что было сделано в целях соответствия положениям документов ЕС. Срок контракта составляет от 5 до 50 лет.

С 2011 года определены публичные партнеры в зависимости от уровня взаимодействия:

— проекты государственного значения — правительство Республики Сербия
— на территории автономных областей (Косово и Метохия) — правительство автономии
— проекты территориального значения — собрание местного самоуправления

При одобрении проекта публичный партнер инициирует процедуру отбора частного партнера в соответствии с Законом о государственном заказе. Перед тем как заключить контракт, ответственная организация

должна передать финальную версию контракта на рассмотрение соответствующему статусу проекта органу исполнительной власти. Контракт заключается только в случае согласия органа исполнительной власти.

Закон о ГЧП также зафиксировал создание Комиссии по ГЧП, чье положительное решение обязательно для запуска проекта ГЧП. Комиссия также управляет единым реестром проектов ГЧП, который доступен органам исполнительной власти через сеть Интернет.

Институциональная основа

Комиссия ГЧП Сербии отвечает за выдачу разрешений на реализацию проектов ГЧП. Хотя решение о запуске проекта ГЧП нельзя принять без положительного заключения Комиссии, последняя должна в свою очередь получить одобрение уполномоченного органа в министерстве финансов.

Помимо Комиссии, в 2011 году ТПП Белграда создала Центр ГЧП, целью которого является информирование и просвещение в сфере ГЧП частных лиц и органов государственной власти, а также продвижение ГЧП в Сербии. Также Центр ГЧП предлагает множество консалтинговых услуг: поиск партнера; составление договора о ГЧП; управление проектом ГЧП; проектное управление и его применение на практике; организация процесса вовлечения организаций и компаний в проекты ГЧП; вычисление эффективности проекта ГЧП по сравнению с государственным заказом; подготовка документации по контракту о ГЧП; управление соглашением о ГЧП; мониторинг действия соглашения о ГЧП [Виды деятельности].

В дополнение к этому, организация USAID Business Enabling Project помогла Комиссии по ГЧП создать методологии оценки по критерию Value for Money для проектов ГЧП [Программа]. Это особенно важно для страны, испытывающей большое количество экономических и социальных проблем.

Сербия является членом восточноевропейской сети ГЧП (Southeast European Public Private Partnership Network). Для взаимодействия стран создан региональный совет по взаимодействию, целью которого является обмен опытом между странами и регионами в сфере ГЧП, что должно улучшить эффективность оценки проектов ГЧП [Восточноевропейская сеть].

Проекты

Реализация проектов ГЧП затрудняется рядом факторов.

Комиссия ГЧП Сербии не имеет официального сайта, тем самым партнеры не имеют доступа к базе накопленных Комиссией знаний, а также

не распространяются практики согласования проектов ГЧП. Поэтому в действительности публичный партнер в лице органов местного самоуправления и частные партнеры вынуждены обращаться за помощью в Центр ГЧП Сербии, или обращаться в частные консалтинговые компании. Более того, методология оценки VfM была разработана лишь в 2013 г., что означает, что государственный орган не мог проводить адекватную оценку проектов ГЧП [Комиссия].

В отличие от государств бывшей Югославии — членов ЕС, Сербия не показала ни одного крупного проекта ГЧП, при этом все проекты в стране реализуются на уровне местного самоуправления. Основные направления ГЧП в стране: общественный транспорт, переработка мусора, газопровод, парковки, водоснабжение и канализация. Эти отрасли стали популярными ввиду малых требуемых инвестиций, короткого периода окупаемости и низких инвестиционных рисков. ГЧП в форме совместного предприятия было заключено лишь в трех муниципалитетах в сфере газового снабжения. Контрактные ГЧП реализуются в сфере переработки мусора и парковок.

С момента своего создания Комиссия ГЧП одобрила лишь один проект европейского формата «ГЧП пятого поколения» в сфере оптоволоконных проводников. Проект был заключен публичным партнером «Informatika» и частным консорциумом из Словении «Sago-E project-Riko». Совокупная стоимость проекта — 70 млн евро. Объект ГЧП — центр управления оптоволоконными сетями — должен быть передан по завершении контракта правлению города Нови Сад. Частный партнер получает 75 % выручки от работы объекта в течение 25 лет. По истечении срока вся выручка будет направляться в городской бюджет [Информация]. Это первый большой проект ГЧП в Сербии.

Возможности российских компаний в Сербии

Россия имеет ряд возможностей сотрудничества с Сербией в ряде сфер.

Первое — сотрудничество центров государственно-частного партнерства в формировании компетенций сербского центра и взаимовыгодное развитие в рамках международных проектов.

Второе — привлечение российских компаний в реализации проектов ГЧП. Для реализации масштабных проектов ГЧП в сфере автодорог может быть привлечена компания Росавтодор. Сербия нуждается в строительстве ветвей газо- и нефтепровода, газохранилищ и нефтеперерабатывающих заводов. Компания «Газпромнефть Сербия» уже имеет подобный опыт в республике, что является позитивным фактором при выборе частного партнера.

Результаты исследования.

— был проведен анализ инвестиционного климата стран Западных Балкан;
— проведен анализ и дана характеристика проектам ГЧП, реализуемым в каждой стране субрегиона;
— проведен сравнительный анализ стран субрегиона в целях выявления наиболее перспективного, но одновременно остро нуждающегося в содействии рынка общественной инфраструктуры;
— проведен анализ возможностей российских компаний, работающих с инструментами ГЧП, в реализации проектов за рубежом.

Анализ результатов. В ходе исследования было выявлено:

— страны региона Западных Балкан отличаются разной степенью развития инструментов ГЧП;
— сильное влияние на эффективность и развитие ГЧП в регионе оказывает инвестиционный климат, применение положений Еврокомиссии о ГЧП и дефицит государственного бюджета;
— ряд стран региона (Босния и Герцеговина и Косово) не имеют перспектив развития инфраструктурных проектов на основе ГЧП в средне- и долгосрочной перспективе;
— Черногория имеет потенциал развития проектов ГЧП в сфере туризма, но в ограниченных масштабах;
— страны Западных Балкан — члены ЕС (Хорватия, Словения) непривлекательны для участия России, так как их рынки ГЧП развиваются стремительнее российского;
— Сербия является наиболее привлекательной страной для участия российских компаний ввиду неразвитости центра ГЧП и комиссии по ГЧП в стране, а также невозможности государства (публичного партнера) финансировать в большом объеме крупных инфраструктурных проектов. При этом страна имеет большой уровень инфраструктурного разрыва;
— Две российские компании имеют большие шансы на успех в реализации крупных инфраструктурных проектов на территории Сербии — ГК Автодор и дочерняя компания Газпромнефти NIS.

Заключение. Страны Западных Балкан характеризуются неравномерным инвестиционным климатом и уровнем развития общественной инфраструктуры. Часть стран региона продвинулись в развитии механизмов ГЧП, а другая часть не имеет перспектив старта масштабных проектов. Привлекательной для российского участия страной является Сербия, так как масштаб рынка и уровень базы знаний ГЧП предоставляют широкое поле возможностей для российских компаний.

Таблица 1
Выгоды от реализации проектов ГЧП для частной и публичной стороны

Выгоды государственного сектора	Выгоды частного сектора
Сокращение бюджетных расходов	Получение долгосрочного контракта (как правило, до 50 лет)
Привлечение частных инвестиций и компетенций в процесс строительства/реконструкции объекта;	Возможность стратегического планирования развития деятельности ввиду длительности контрактов
Сокращение расходов на предпроектную подготовку (за счёт механизма частной инициативы);	Правительство как гарант выплаты обязанностей по контракту
Снижение единовременной нагрузки на бюджет	Минимальный гарантированный доход или обеспечение заказа государством
Передача функций по эксплуатации и техническому обслуживанию объектов частному партеру.	Разделение рисков с публичным партнером
Снижение рисков реализации проектов	Возможность дальнейшей приватизации объекта

Развитие инфраструктуры посредством инструментов ГЧП имеет важность для развивающихся государств ввиду того, что это — самый эффективный способ поддержать и ускорить экономический рост, а также уровень жизни граждан. Однако успешное применение этого механизма, помимо создания правовой и институциональной базы и нескольких крупных проектов в целях создания первых примеров успешного ГЧП, требует приемлемый инвестиционный климат, демонстрацию совместных усилий органов государственной власти и агентств ГЧП.

Практика показывает, что успешность проекта определяется тщательным отбором проекта и достаточным временем для детальной подготовки проекта. Большие усилия, приложенные к разработке проекта, позже окупятся выгодами от отсутствия необходимости пересмотра положений договора и меньших рисков.

Даже если отмечается нехватка финансирования со стороны частного сектора в условиях кризиса, развитие проектов ГЧП и реформы в целях улучшения условий для ГЧП не должно быть приостановлено.

Учитывая это, реализация запланированных проектов должна стать непрерывным процессом, что приведет к расширению практики ГЧП в стране.

Литература

1. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: теория и практика / А. В. Клименко, В. А. Королев; рецензент С. А. Карпов. М.: Издательский дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010.
2. Виды деятельности Центра развития ГЧП Сербии [Электронный ресурс]. URL: http://pppcenter.rs/services.aspx (дата обращения: 05.01.2017).
3. Восточноевропейская сеть ГЧП [Электронный ресурс]. URL: http://www.rcc.int/press/105/south-east-european-public-private-partnership-network-to-be-launched-in-sarajevo-next-week (дата обращения: 06.01.2017).
4. Закон Косово (№03/L-090) «О государственно-частных партнерствах и концессиях в инфраструктуре и о порядке их присуждения» [Электронный ресурс]. URL: https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/library/kosovo-law-public-private-partnerships-and-concessions-infrastructure (дата обращения: 07.01.2017).
5. Информация о проекте ГЧП «пятого поколения» в Сербии [Электронный ресурс]. URL: http://www.nsinfo.co.rs/lat/prihvacena-ponuda-slovenackog-konzorcijuma-sago-e-projekt-i-riko (дата обращения: 03.01.2017).
6. Комиссия по ГЧП Сербии [Электронный ресурс]. URL: http://www.ppp.gov.rs/en (дата обращения: 06.01.2017).
7. Программа Агентства США по международному развитию в Сербии по активизации бизнес-активности [Электронный ресурс]. URL: http://www.bep.rs (дата обращения: 07.01.2017).

THE POTENTIAL OF THE RUSSIAN INFLUENCE EXPANDING ON THE WESTERN BALKANS THROUGH ECONOMIC INSTRUMENTS (THE USE OF PRIVATE-PUBLIC PARTNERSHIP INSTRUMENTS IN THE FIELD OF INFRASTRUCTURE INVESTMENT)

Dmitry Krykanov

Abstract. *The article analyses the perspective of Russian companies to participate in the projects of public-private partnership (PPP) on the territory of the Western Balkans. The issue of partnership between Russia and the countries of the Western Balkans in infrastructural development has not been studied on academic level yet. Current scientific researches analyze mostly national infrastructural markets.*

Countries of the Balkan region are traditionally considered to be the territory of Russian political interest. However, Russia has little political leverage since

the collapse of Yugoslavia and accession of some Balkan states to the European Union. Even though, economic influence still can be exerted. The federal government of the Russian Federation has shaped its course on the development of public-private partnership that can be implemented in conjunction with foreign private companies and governments.

The Western Balkan states have different rates of investment climate and development of public-private partnership's mechanisms and institutions. An efficiency analysis of regional centers for PPP (public-private partnership units) and analysis of the size of infrastructural gap were conducted in order to assess their investment attractiveness. Reports of the World Bank group and national PPP units were used as the sources of information.

The research showed that the Western Balkan states have uneven investment climate and level of infrastructural development. Several countries of the region have advanced in the development of public-private partnership, but some other countries have no visible prospects of implementation of such schemes. The most attractive country in the region for Russia is Serbia because of the market size and the development of the knowledge base in PPP open up large opportunities for Russian companies.

Key words: *public-private partnership; PPP; Balkans; economic policy.*

References

1. Varnavskij, V.G. (2010). Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: teorija i praktika [Private Public Partnership: Theory and Practice]. Moskva: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta Vysshej shkoly jekonomiki.
2. Vidy dejatel'nosti Centra razvitija GHP Serbii [The Activities of the PPP Development Center in Serbia]. Retrieved 05 January, 2017 from http://pppcenter.rs/services.aspx.
3. Vostochnoevropejskaja set GHP [The Official Website of the Eastern European Network of PPP]. Retrieved 06 January, 2017 from http://www.rcc.int/press/105/south-east-european-public-private-partnership-network-to-be-launched-in-sarajevo-next-week.
4. Zakon Kosovo (№03/L-090) «O gosudarstvenno-chastnyh partnerstvah i koncessijah v infrastrukture i o porjadke ih prisuzhdenija» [The Kosovo Low On PPP and Concessions in Infrastructure and Procedure for Their Award]. Retrieved 07 January, 2017 from https://ppp.worldbank.org/public-private-partnership/library/kosovo-law-public-private-partnerships-and-concessions-infrastructure.
5. Informacija o proekte GHP «pjatogo pokolenija» v Serbii [Information on PPP Project of the Fifth Generation in Serbia]. Retrieved 03 January, 2017 from http://www.nsinfo.co.rs/lat/prihvacena-ponuda-slovenackog-konzorcijuma-sago-e-projekt-i-riko.

6. Komissija po GHP Serbii [The Official Website of the PPP Commission in Serbia]. Retrieved 06 January, 2017 from http://www.ppp.gov.rs/en.
7. Programma Agentstva SShA po mezhdunarodnomu razvitiju v Serbii po aktivizacii biznes-aktivnosti [The Program of the USAID in Serbia to Enhance Business Activity]. Retrieved 07 January, 2017 from http://www.bep.rs.

Информация об авторе
Крыканов Дмитрий Дмитриевич
магистрант программы «Государственно-частное партнерство», МГИМО МИД России, Российская Федерация
dmitry.krykanov@yandex.ru
Dmitry Krykanov
candidate for a master's degree in business, Moscow State University for International Relations, Russian Federation.
dmitry.krykanov@yandex.ru

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: В ПОИСКАХ ПОТЕРЯННОГО ВРЕМЕНИ?

Е. Г. ПОНОМАРЕВА

Аннотация. *Возрастающая в условиях турбулентности мировой политики конкуренция за территории, влияние и ресурсы требует от России серьезных усилий скорее не по сохранению, но по возвращению своего влияния в традиционного значимом для нашей страны балканском регионе, определяет необходимость поиска эффективных методов внешнеполитической деятельности. Это подразумевает диверсификацию коммуникаций с различными политическими и общественными сегментами балканских стран. Реализация такого подхода подразумевает четкое определение национальных интересов России в этом регионе и понимание целей внешнеполитической деятельности. Такая постановка вопроса требует проведения масштабного аудита ресурсов, методов и технологий влияния. На основе перечисленного важно сформулировать стратегию присутствия и обозначить образ действий для защиты и продвижения своих интересов в балканском регионе не только на современном этапе, но и на перспективу.*

Цель исследования: *На основании анализа внешнеполитических достижений и провалов РФ в регионе необходимо выявить упущенные и пока не реализованные возможности. Активизация неиспользованных ресурсов позволит России эффективно реализовать свои национальные интересы, обрести реальных союзников и возможно изменить геополитический климат. Таким образом, есть шанс вернуть «потерянное» для балканской политики России время.*

Методы исследования: *В работе использованы традиционные методологические приемы политической науки — методы теоретического исследования (анализ, синтез и т. д.); контент- и ивент-анализ.*

Результаты исследования: *Главным результатом исследования является вывод о недостаточной мере использования экономических и мягкосиловых ресурсов. Прежде всего речь идет о выработке максимально выгодных для балканских стран норм экономического и гуманитарного сотрудничества. В качестве конкретных шагов можно*

предложить создание постоянно действующих двухсторонних и многосторонних площадок, структур, коммуникационных центров в сфере экономики, информации, образования и науки.

Значимость результатов: *Проведенный анализ позволил выявить комплекс нереализованных возможностей внешней политики России на Балканах и обратить внимание на активизацию гибридного подхода, подразумевающего увязку экономических, информационных и гуманитарных направлений деятельности. Результаты исследования могут найти практическое применение во внешнеполитической деятельности российского государства. Материалы работы могут быть использованы соответствующими структурами МИД России при разработке внешнеполитических инициатив в изучаемом регионе как на уровне двусторонних отношений, так и широкого регионального сотрудничества.*

Ключевые слова: *Балканы, Россия, внешняя политика, «мягкая сила», экономическое сотрудничество.*

Введение (Introduction)

В силу своего особого геополитического и геоэкономического положения Балканы являются зоной столкновения интересов ведущих игроков мировой политики. «Реальность современного мира, находящегося в состоянии опасной турбулентности» [Пономарева, Рудов, 2016, с. 8] требует от России серьезных усилий по сохранению своего влияния в традиционного значимом для нашей страны регионе, конкретных предложений по формированию новой повестки дня, что находит конкретное выражение в поиске эффективных методов внешнеполитической деятельности. Реализация такого подхода подразумевает четкое определение национальных интересов России в этом регионе и понимание целей внешнеполитической деятельности. Это в свою очередь требует проведения масштабного аудита ресурсов, методов и технологий влияния. На основе такого анализа возможно будет сформулировать стратегию присутствия и обозначить образ действий для защиты и продвижения своих интересов в балканском регион не только на современном этапе, но и на перспективу.

Необходимо отметить, что существующий огромный корпус научной литературы по региону в своем подавляющем большинстве имеет исторический крен. Пожалуй, в мире нет больше иностранного государства, где бы так хорошо была представлена балканистика — историю региона мы действительно знаем не хуже, а в целом ряде случаев даже лучше, чем в самих балканских странах. Однако, несмотря на наличие значительного массива исследований по самым разным аспектам исторической и политической наук, посвященных анализу современной

внешней политики России и имеющих главную цель — дать прогностические выводы, практически, нет. Среди работ, в той или иной степени затрагивающие проблематику внешнеполитического взаимодействия России и стран изучаемого региона, следует назвать труды Е. С. Арляповой, Е. Л. Валевой, Е. Ю. Гуськовой, А. Г. Заходина, П. Е. Канделя, Е. А. Колоскова, К. В. Никифорова. Не много серьезных исследований на тему российской внешней политики и в самих балканских странах. В ряду авторитетных специалистов, пишущих о российской политике, отмечу В. Вукадиновича, С. Гаича, М. Джурковича, Б. Кулянина, Д. Петровича, С. Стояновича, С. Терзича. Из англоязычных авторов следует назвать Дж. Хедли, рассмотревшего в своей книге эволюцию внешней политики России на Балканах в период с 1991 по 2007 годы [Headley, 2008].

Таким образом, потребность заполнения научной лакуны очевидна — необходим прогностический анализ внешней политики России на Балканах.

Теоретические основания исследования (Theoretical Background)

Теоретически анализ базируется на работах представителей политического реализма (Р. Арон, Г. Киссинджер, Г. Моргентау), неореализма/структурного реализма (Б. Бузан, Р. Гилпин, Р. Кеохайн Р. Литтл), а также «реализма уступок»/consessional realism (Р. Е. Гудин, Х.-Д. Клингеманн, Д. Сандерс). Кризис, свойственный современной системе международных отношений, отмечен дестабилизацией огромных политических и экономических пространств, которая сопровождается усилением значения таких составляющих внешней политики (ВП), как безопасность (самосохранение), экономическая выгода и репутация (престиж, имидж). В таких условиях господствующей стратегией влиятельного государства становится стремление к сохранению (в идеале — к усилению) собственного потенциала влияния и/или не допущение усиления конкурентов. Что же касается России, то нашей стране необходимо именно усиление своих позиций — мы должны срочно наверстать потерянное на Балканах время.

Детализировать роль и значение внешней политики как инструмента политического влияния позволяет теория межсекторного взаимодействия (ТМВ), изучающая способы преодоления отчуждения, а также тесного взаимодействия и даже взаимодополнения между государством, бизнесом и гражданским обществом. Использование ТМВ (П. Бурдье, Р. Дарендорф, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, В. Н. Якимец) «дает возможность изучить механизмы партнерства между государственными, научно-исследовательскими и деловыми организациями» [Ильи-

чева, 2008, с. 13], участвующими в организации и осуществлении ВП, а также определить условия их конструктивного диалога и эффективного сотрудничества в данной области. Теория выделяет три сектора — государственный (публично-властный), коммерческий (экономический) и некоммерческий (общественный). Особое значение в современных условиях приобретает т. н. некоммерческий сектор, включающих целый спектр научных, образовательных, информационных и культурно-религиозных структур, без которых невозможно продвижение внешнеполитического влияния. Что же касается самого межсекторного взаимодействия, то применительно к ВП оно представляет различные формы диалога между государственными, общественными (НКО, СМИ, церковь, образование, наука и др.) и бизнес-структурами по вопросам внешнеполитической деятельности, формирования определенного имиджа страны и оказания ею влияния на политические, информационные, экономические, культурные и иные процессы в регионе.

Исследование: основная часть (Study)

Гипотеза. Балканская политика России не может быть усилена без опоры на экономику и гуманитарное (в самом широком понимании этого явления) представительство. Использование этих «китов»/факторов представительства и влияния является для нашей страны способом и механизмом ее возвращения в регион как ведущего игрока. Особое внимание при этом следует обратить на комплекс политических технологий, без которых возращение в регион как ведущего внешнеполитического игрока представляется проблематичным. В настоящее время успешное внешнеполитическое сотрудничество РФ с балканскими странами невозможно без активизации традиционной и публичной дипломатии, без использования широкого спектра политических технологий, включающих новейшие информационно-коммуникативные и сетевые методы, формирующие не только общественный климат в балканских странах, но и способных оказать влияния на лиц принимающих решения.

Методология. В работе использованы традиционные методологические приемы политической науки — методы теоретического исследования (анализ, синтез и т. д.); контент- и ивент-анализ. Контент-анализ был ориентирован на изучение явного, очевидного содержания источников информации. Этот метод был использован для ответа на исследовательские вопросы всегда, когда имелся какой-то материальный носитель информации, так или иначе относящийся к изучаемым предмету и объекту. Ивент-анализ оказался необходим для обработки информации, «показывающей, кто говорит или делает, что говорит или делает, по отношению к кому и когда говорит и делает» [Вилков, Казаков,

2010, с. 73]. Названные методы позволяют построить многовариантные сценарии развития внешнеполитического присутствия России на Балканах и повышают точность прогнозирования не только тактического, но и стратегического.

Процедура исследования (Procedure)

В ходе исследования выделено два основных фактора активизации ВП России на Балканах: экономический и гуманитарный.

1. Внешнюю политику следует рассматривать как концентрированное выражение экономики. Глобализация предполагает включение больших пространств в конкуренцию транснациональных игроков, которые тем не менее имеют национальную прописку. Балканы в этом смысле представляют огромный интерес как с точки зрения ресурсной базы (природные ископаемые, земля, водные ресурсы, человеческий капитал), так и с позиции транзитных коридоров. Реализация масштабных экономических проектов формирует особый внешнеполитический климат. В тоже время не стоит ограничиваться только крупными проектами, как это делает российский бизнес. Огромное поле деятельности, что опосредованно сказывается и на внешнеполитическом влиянии, представляют сегменты среднего и малого предпринимательства (речь идет, прежде всего, о легкой промышленности, сельском хозяйстве и сфере услуг). Отсутствие тесных экономических связей и стратегических проектов серьезным образом ослабляет потенциал внешней политики.

Современный этап внешнеторгового сотрудничества России со странами региона имеет ряд особенностей. Во-первых, с 2001 по 2014 гг. товарооборот вырос почти в пять раз, что было обусловлено увеличением стоимостного объема экспорта и импорта. Отрицательные значения сальдо торгового баланса определены значительным превышением импорта над совокупным экспортом балканских стран в Россию и слабой конкурентоспособностью региональных экспортных отраслей в условиях незавершенного структурного и институционального реформирования экономик. На практике такое реформирование в жестком соответствии с требованиями ЕС ведет к ««съеданию» национальных экономик транснациональными корпорациями» [Пономарева, 2009, с. 78] и «отчуждению государства» посредством государственного долга [Маркс, 1960, с. 764–765].

Во-вторых, до введения евробюрократией санкций против РФ в торговле со странами региона доля России по объему товарооборота в среднем составляла 7,6 % (по объему экспорта — 3,2 %, по объему импорта — 9,5 %). Доли стран Западных Балкан в торговле России практи-

чески не превышали 1 %. Очевидно, что на таком экономическом фундаменте серьезных политических отношений не построить. В настоящее время отмечается снижение экспорта из России и увеличение импорта, в частности, из Сербии. Так, сербские яблоки, брынза и каймак сделали свое дело: импорт России из Сербии только в 1 квартале 2016 г. увеличился на 24,56 % по сравнению с аналогичным периодом 2015 года. По доле в российском импорте в 1 квартале 2016 г. Белград занял 34 место, поднявших на девять позиций с 43 места [Внешняя торговля]. И хотя в абсолютных цифрах это ничтожно мало (импорт из Сербии чуть превышает 189 тыс. долл.), динамика свидетельствует о том, что ресурсы для активизации внешнеэкономических связей очевидны.

В-третьих, товарная структура торговли свидетельствует о достаточно диверсифицированном экспорте стран региона в Россию, включающем продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (29,8 %), продукцию химической промышленности (19,2 %), машины и оборудование (18,7 %), изделия из текстиля (16 %), и низкой степени диверсификации импорта из России, состоящего преимущественно из продукции топливно-энергетического сектора [Максакова, 2015, с. 15].

В-четвертых, это неравномерность торговых отношений России со странами региона. Основные торговые партнеры нашей страны — Сербия (более 2/3 товарооборота с балканскими странами) и Босния и Герцеговина (точнее — Республика Сербская — более 1/4 товарооборота). Сотрудничество с Сербией характеризуется постоянным развитием экспортно-импортных отношений, более диверсифицированной структурой, чем с другими партнерами, углублением комплиментарности торговли и некоторой качественной трансформацией товарной структуры торговли. Так, в экспорте происходит сокращение доли энергоносителей и рост доли других товарных групп, в импорте — рост доли промышленных товаров, продукции с высокой добавленной стоимостью.

И наконец, это принципиальная для региональных экономик ориентация на Евросоюз — более 64 % товарооборота и 12 % внутрирегионального сотрудничества. В тоже время Россия имеет 6,1 % в товарообороте изучаемых государств, опережая Китай с 4,9 % и Турцию с 3,1 % [Максакова, 2015, с. 49].

Сохранение экономического перекоса в сторону ЕС является серьезным препятствием для активизации балканской политики России. В самое ближайшее время странам региона необходимо предложить стратегию экономического сотрудничества и даже (в ряде отраслей) экспансии российских предприятий. Инвестиции и совместные предприятия должны быть ориентированы на средний и мелкий бизнес.

2. Анализ использования ресурсов и инструментов «мягкой силы» РФ на Балканах выявляет не только ощутимые потери, но и значительные возможности. «Мягкая сила» не только существенно расширяет возможности российской внешней политики в регионе, но приносит необходимый масштабируемый, т. е. направленный как во время, так и в пространство, эффект. В современном высокотехнологичном и информационном мире «достучаться» до сознания общества невозможно без использования всего комплекса мягкосилового инструментария. Общественное мнение — важнейший барометр политического климата в любой стране. Балканы в этом смысле не исключение. Поэтому нужно работать со всеми сегментами общества, работать постоянно и кропотливо. И главное, следует помнить, что сотрудничество, как и несотрудничество приносит свои плоды.

Возрастающая конкуренция в политической, экономической и информационной сферах требует от России серьезных усилий по сохранению своего влияния в регионе, поиска эффективных методов внешнеполитической деятельности. Это в свою очередь подразумевает диверсификацию коммуникаций с различными общественными сегментами балканских стран, что невозможно без использования инструментария публичной дипломатии.

Среди десятков НПО, формирующих образ России на Балканах, безусловные гранды — Россотрудничество, Русский мир и Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова (ФГ). Последний является грандом не в плане количества работающих в организации, не в плане получаемого финансирования, но исключительно в силу влияния, которое Фонд оказывает на общественное мнение балканских стран. Пожалуй, ФГ можно назвать единственной российской организацией, профессионально занимающейся публичной дипломатией. Особо значимым является то, что «Фонд ориентирован на молодежь, т.е. он в буквальном смысле наработает на будущее» [Младенович, Пономарева, 2016, с. 163].

С 2013 г. в рамках Фонда действует ежегодная масштабная программа — «Балканский диалог». Участники «Диалога» — представители всех балканских и ряда европейских стран, в том числе Беларуси, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Греции, Македонии, Молдавии, Сербии, Словакии, Словении, Республики Сербской, России, Украины, Хорватии, Черногории.

Проект реализуется в формате двухдневной «дискуссионной площадки для молодых специалистов в области международных отношений, международной журналистики, а также представителей научного сообщества балканских стран. Приоритетные темы дискуссий: балканский вектор внешней политики России, региональные интеграционные

проекты России и перспективы участия в них балканских государств, а также глобальные аспекты мировой политики сквозь призму их восприятия на Балканах. Первый «Диалог» проходил на базе исторического факультета Софийского университета им. Климента Охристого при поддержке Центра евразийский исследований «VIA EVRASIA». Второй — состоялся в мае 2014 г. в Белграде. Мероприятие открыл председатель Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкин, посетивший Сербию с официальным визитом в эти дни. На панельной дискуссии выступили известные российские и балканские историки, специалисты в области международных отношений и права, парламентарии и политики.

Третий «Диалог», собравший рекордное количество участников — более 80 человек из 15 стран, прошел в июне 2015 г. в Нови-Саде и Белграде. Партнерами ФГ выступили сербская неправительственная организация «Сербски код», организационную и медиаподдержку оказали «Российская газета» и белградский медиа-центр «Руски экспрес».

О последнем следует сказать отдельно. Хрестоматийным примером эффективной публичной дипломатии может служить организация «Руским экспресом» триумфального показа в Сербии фильма Н. С. Михалкова «Солнечный удар». Медиа-центр выступал также соорганизатором показов, таких российских фильмов, как «Батальон» и «Битва за Севастополь»; организатором приезда в марте 2015 г. российских деятелей искусства на крупнейший в Сербии 43-й международный кинофестиваль «FEST». Координация усилий Фонда Андрея Первозванного, Центра национальной славы и Фонда Святителя Василия Великого по доставке впервые в истории Благодатного огня в пасхальную ночь с 11 на 12 апреля 2015 г. из Иерусалимского Храма Гроба Господня в Сербию также была возложена на медиа-центр [Руски экспрес].

Эта акция собрала только на улицах Белграда более 35 тыс. человек, не говоря уже о тех, кто смотрел это торжественное событие по телевизору. Огонь был отвезен также в Республику Сербскую и в Черногорию, что стало своеобразным символическим объединением сербского пространства. Важно отметить, что в том действии объединились не только сербы, разделенные государственными границами, но и русские фонды и организации. Деятельность «Руского экспреса», выраженная лозунгом «мягкая сила единства», соединяет различные формы и методы ПД: диалоговую и дипломатию сотрудничества, медиадипломатию и дипломатию журналистов-посредников. Очевидно, что именно такие институты гражданского общества могут стать инструментом возвращения «потерянного» российской внешней политикой времени. К тому же в грантовой политике при всем желании Россия не может конкурировать с западными странами.

К примеру, только США ежегодно выделяют на поддержку своего влияния в балканском регионе посредством НПО, СМИ и социальных сетей более 40 млн долларов. Поэтому России необходимо искать альтернативные и инновационные мягкосиловые ресурсы, что реально сделать, лишь объединив усилия эффективных гражданских институтов.

Определенные потери балканской политики России связаны также с тем, что основная ставка делалась на культурном компоненте «мягкой силы» и достаточной представленности российской официальной позиции в сербском медиапространстве. В то же время без внимания остается, пожалуй, самая перспективная с точки зрения «мягкой силы» молодежная аудитория, способная в среднесрочной перспективе определять вектор развития своего государства. Речь идет об образовательной политике России в отношении иностранных граждан. Именно высшее образование отвечает за формирование смыслов, дающих представление о мире, а также месте и роли в нем конкретной страны [Пономарева, Рудов, 2015, с. 65]. Сегодня Россия ежегодно выделяет 15 тыс. квот для иностранных учащихся [Постановление], из которых в 2016 году 85 мест было предназначено для граждан Сербии [Ruski dom]. В сравнении с количеством обучающихся в Великобритании, Германии, США, Франции и ряде других стран — это чрезвычайно мало.

Однако важно понимать, что имеет значение не столько количество учащихся, сколько методика работы с иностранными гражданами и механизмы отбора студентов. Так, программа предоставления иностранным гражданам стипендий для обучения в России скорее похожа на благотворительность, нежели инструмент «мягкой силы». Безусловно, обучение в России в течение четырех лет предполагает нахождение в информационном поле, где господствуют российские СМИ, формирующие в индивидуальном сознании систему соответствующих ценностей. Но этого явно недостаточно. Иностранный студент не должен быть предоставлен сам себе. Его необходимо опекать и направлять, формировать как личность. В этом смысле первостепенную важность имеют специальности, позволяющие в будущем претендовать на руководящие должности в своей родной стране или международных организациях: например, государственное и муниципальное управление, менеджмент, экономика, политические науки (международные отношения, зарубежное регионоведение, мировая политика).

Еще одним важным направлением внешнеполитической деятельности должно стать постоянное взаимодействие с традиционными и новыми СМИ. В ряду конкретных «мягкосиловых» технологий, способных стать ресурсом ВП России, выделю следующие.

Во-первых, это создание системы приоритетных информационных зон. На Балканах для России такой зоной является сербское пространство. В страновом смысле это Сербия, Республика Сербская и Черногория. Хотя вещание на сербском языке, понятном для подавляющего большинства народов бывшей Югославии, покрывало бы и такие страны, как Босния и Герцеговина, Македония, Словения, Хорватия и даже самопровозглашенное Косово. Особое место на Балканах, безусловно, принадлежит Болгарии и Греции. Эти страны также должны стать приоритетным направлением информационного влияния.

Во-вторых, это использование т.н. «новой тактики» присутствия в информационном поле. Конкретно это выражается в осуществлении вещания не столько российскими СМИ, сколько посредством компаний-партнеров, которые согласно имеющимся договоренностям/контрактам осуществляют информирование аудитории о реалиях и позициях России [Пономарева, 2016, с. 13–14].

В-третьих, это внимание к стилю подачи информации и формату передач. В этом смысле нужно быть особо креативными, чтобы в условиях жесткой конкуренции на информационном рынке и занятости целых медийных ниш завоевать внимание аудитории.

В-четвертых, формат любой программы должен разрабатываться под определенный сегмент аудитории. Так, для молодежной аудитории новостной сегмент должен быть дозирован, но с завидной периодичностью, включен в музыкальный контент. Представлять страну должны ее наиболее успешные и известные молодые люди. Для средней и пожилой аудитории должен быть отработан свой подход. Особое место в разработке контента вещания должно быть обращено на гендерный фактор формирования аудитории. Не секрет, что наши контрагенты активно использовали в продвижении своих интересов на Ближнем Востоке женщин — было создано несколько десятков теле- и радиопрограмм, вещавших для женской аудитории. Эта политика принесла существенные плоды и в Египте и Ливии — «раскрепощенная» женщина Востока стала одним из активных участников событий «арабской весны». Однако, если деятельность созданных на деньги и по инициативе западных стран ресурсы работали на разрушение традиционного исламского общества, то все российские инициативы направлены на интеграцию и стабилизацию стран и регионов. И в этом принципиальное отличие МС «made in USA» от российского варианта.

В-пятых, это перекрестная реклама информационно и имиджево важных для России программ. Например, Вести FM, РСН, НТВ рекламируют региональные СМИ, в которых размешен контент российских ресурсов и наоборот.

Мониторинг медиа-ситуации в балканских странах выявил настоятельную необходимость российского присутствия в информационном пространстве, если мы, конечно, заинтересованы в возвращении «потерянного времени». Причем сегодня, когда прежние позиции, к сожалению, во многом утрачены и медийный рынок «съеден» конкурентами, «заходить» на него нужно очень тонко, словно разбрасывая сеть. В частности, это можно осуществить посредством легальных процедур лоббирования среди руководства местных СМИ и ряда ведущих журналистов. Есть масса других способов переформатировать свое присутствие в информационном пространстве ближнего и дальнего зарубежья, сделать медиа-инструменты действительно интеграционным ресурсом России [Арляпова, 2015].

Кроме того, в странах Балканского региона в раскрученных медиаресурсах можно и нужно открывать свои приложения. Очень эффективным оказывается приглашение журналистов из ведущих СМИ региона в туры по России — надо показывать свою страну. О нас, практически, ничего не знают. Такая практика работы с журналистами имеет место на базе Фонда поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова, но этого явно недостаточно.

При всей значимости традиционных информационных форматов следует помнить, что большинство современной молодежной аудитории (более 50% населения планеты — люди моложе 30 лет), на которую в первую очередь необходимо ориентироваться в продвижении российского влияния. Современная молодежь интерактивна, поэтому все информационные ресурсы должны быть представлены в интернете. Кроме того, в Сети должно быть множество (не один-два, а именно множество) удобных, красочных, интересных сайтов, которые рассказывают о России, о нашей истории и культуре, о современных достижениях, о наших связях с народами балканского полуострова. В идеале эти ресурсы должны быть не только на русском, но и на языках целевой аудитории. Следует отметить, что в плане продвижения образа страны личные сайты спортсменов, звезд кино и эстрады могут оказаться более действенными в продвижении влияния России, чем несколько новостных программ. К этому следует добавить колоссальное значение на формирование и продвижение образа страны, которое оказывают социальные сети и различные информационные платформы. Набирая многомиллионные аудитории, социальные сети превратились в когнитивное, информационное и организационное оружие, которое может быть использовано как нами, так и нашими противниками. Этот факт нельзя не учитывать в планировании и осуществлении внешней политики.

Результаты исследования (Results). Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что вернуть на Балканах «потерянное время» российская внешняя политика может только при условии использования комплекса экономических и гуманитарных ресурсов, методов и технологий. Усиление внешнеполитического влияния России в изучаемом регионе невозможно без:

1. активного продвижения российского бизнеса в легкую промышленности, сельское хозяйство и сферу услуг стран региона;
2. создания эффективных норм для создания совместных предприятий и облегчения присутствия регионального бизнеса на российском рынке;
3. активизации информационного присутствия в регионе посредством (1) увеличения новостного вещания; (2) создания на местных традиционных информплощадках своих «кусочков» контента (речь идет о приложениях, рубриках, программах);
4. серьезной работы с молодежью в Сети;
5. усиления взаимодействия с журналистским корпусом стран региона, как посредством обмена информацией, так и за счет расширения личных контактов;
6. расширения образовательной базы для граждан балканских стран. Для этого следует использовать не только традиционные формы обучения, но и создавать сетеверситеты, филиалы ведущих российских вузов в странах региона, а также увеличить квоты и гранты на обучение иностранных граждан в России;
7. существенного увеличения присутствия российских НКО в регионе, а также серьезной поддержки региональных пророссийских НКО.

Итак, исследование выявило: продвижение российских интересов в балканском регион на современном этапе и, тем более, на перспективу невозможна без системного и комплексного использования экономических и мягкосиловых ресурсов, методов и технологий.

Анализ результатов (Discussion)

Результаты исследования дают возможность посмотреть на проблему внешнеполитической деятельности России на Балканах максимально широко. Современность требует комплексного и технологического подхода даже в таких, казалось бы, традиционных сферах, как дипломатия. Сегодня дипломатическая деятельность существенно расширяется и включает в себя экономическую, энергетическую, общественную (культурную, научную, информационную) дипломатию.

Проведенное исследование вносит определенный вклад в изучение ресурсов, методов и технологий, заслуживающих широкого примене-

ния в процессе реализации внешней политики России на Балканах. Результаты анализа имеют практическое наполнение и могут быть использованы соответствующими структурами МИД России при разработке внешнеполитических инициатив в изучаемом регионе.

Заключение (Conclusion)

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о необходимости максимального использования во внешней политике ресурсов нетрадиционной дипломатии. В данном случае речь идет о таких факторах влияния, как экономика и «мягкая сила». Иными словами, концентрированным выражением, фундаментом внешней политики должна стать экономика, а ее оболочкой, интерфейсом — самый широкий спектр гуманитарных программ и технологий. Понимание значимости «мягкой силы» как комплексного инструментария решения внешнеполитических задач нашло формальное выражение в концептуальных документах РФ. В частности, в Концепции внешней политики России, утвержденной Президентом России В. В. Путиным 30 ноября 2016 г., вопросам мягкосилового влияния посвящены два больших блока: «Международное гуманитарное сотрудничество и права человека» (п. 45), а также «Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности Российской Федерации» (п. 46–48). Более того, задача «развивать на межгосударственном уровне культурные и гуманитарные связи славянских народов» выделана отдельно [Концепция, 2016]. Таким образом, можно утверждать, что исследовательские результаты и выводы имеют прямую корреляцию с государственным подходом. Дело за малым — реализовать выявленное и намеченное.

Литература

1. Арляпова Е. С. Сербия и ЕАЭС: партнерство на расстоянии // Экономические стратегии. 2015. № 5–6. С. 2–11.
2. Вилков А. А., Казаков А. А. Политические технологии формирования имиджей России и США в процессе информационно-коммуникативного взаимодействия (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» 2007–2008 гг.). Саратов: Наука, 2010. 169 с.
3. Внешняя торговля России с Сербией в 1 квартале 2016 года. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016–07/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-serbiey-v-1-kvartale-2016-goda/(дата обращения 12.01.2017 г.)
4. Ильичева Л. Е. Проблемы межсекторного ресурсного взаимодействия органов государственной власти, институтов гражданского общества и бизнеса. М.: Научный эксперт, 2008. 290 с.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_

policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения 15.01.2017 г.).
6. Максакова М. А. Тенденции развития экономического сотрудничества России и стран Западных Балкан. Автореф. к. экон. н. М.: МГИМО, 2015. 28 с.
7. Маркс К. Капитал. М.: Политиздат, 1960. 784 с.
8. Младенович М., Пономарева Е. Г. Публичная дипломатия России: балканское направление // Международная жизнь. 2016. № 4. С. 151–166.
9. Пономарева Е. Г. Босния и Герцеговина: государство-фантом // Свободная мысль. 2009. № 1. С. 69–84.
10. Пономарева Е., Рудов Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель. 2015. № 11. С. 59–73.
11. Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М.: Канон+, 2016. 312 с.
12. Пономарева Е. Г. «Мягкая сила» России как интеграционнный ресурс // Геополитический журнал. 2016. № 3. С. 9–17.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 октября 2013 г. N 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». URL: https://rg.ru/2013/10/10/obuchenie-site-dok.html (дата обращения 21.12.2016 г.)
14. Руски экспрес. URL: http://ruskiekspres.rs/ (дата обращения 12.01.2017 г.).
15. Headley J. Russia and the Balkans: Foreign Policy From Yeltsin to Putin. L.: Hurst&Company, 2008. 552 p.
16. Ruski dom u Beogradu — informacija o obrazovanju u Rusiji. Srbin Info. 29.02.2016. URL: http://srbin.info/2016/02/29/vazno-ruski-dom-u-beogradu-informacija-o-obrazovanju-u-rusiji/ (дата обращения 12.01.2017 г.).

RUSSIAN POLICY IN THE BALKANS: IN SEACH OF THE LOST TIME?

Elena Ponomareva

Abstract: *A growing competition for territory, influence and resources amid political turmoil demand from Russia a restitution of the lost influence in the historically important Balkan region rather than its maintenance. This fact determines the necessity of the search for effective foreign policy methods, which means diversification of communications between political and social segments in the Balkan countries. The use of such an approach means a clear definition of Russian national interests in this region and setting goals in foreign policy. The way a question is put means that an extensive revision of resources, methods and instruments of influence are needed. Having regard to the above, it is possible to formulate a strategy of presence and highlight the actions needed for protection and promotion of national interests in the Balkan region not only at the present stage but in the long run.*

Purpose of research: *The purpose of research lies in identification of missed and outstanding opportunities in virtue of analysis of successes and failures of Russian foreign policy in the region. The use of unused resources will help Russia realize its national interests effectively, find real allies and possibly change geopolitical climate. Thus, there is a chance to return the "lost" time for Russian foreign policy in the Balkans.*

Research methods: *Traditional for political science research methods are used in the paper: theoretical research (analysis, synthesis); content analysis and event analysis.*

Study outcome: *the main research outcome is that economic and soft power resources are used insufficiently. First of all, it means the elaboration of most effective economic and humanitarian cooperation for the Balkan countries. The first steps towards this goal can be the creation of regular bilateral and multilateral forums, structures, centers for communication in the spheres of economy, information, education and science.*

Significance of results: *The conducted analysis revealed a number of unrealized opportunities of Russian foreign policy in the Balkans and showed a growing popularity of a hybrid approach that means coordination of economic, informational and humanitarian activity. The research outcomes can be practically used in Russian foreign policy. The research materials can be used by the national ministry of foreign affairs for elaboration of foreign policy initiatives in the region both at the level of bilateral and regional cooperation.*

Key words: *The Balkans, Russia, foreign policy, soft power, economic cooperation.*

References

1. Arliapova E. S. Serbiia i EAES: partnerstvo na rasstoianii // Ekonomicheskie strategii. 2015. № 5–6. S. 2–11.
2. Vilkov A. A., Kazakov A. A. Politicheskie tekhnologii formirovaniia imidzhei Rossii i SShA v protsesse informatsionno-kommunikativnogo vzaimodeistviia (na materialakh «Rossiiskoi gazety» i «Vashington Post» 2007–2008 gg.). Saratov: Nauka, 2010. 169 s.
3. Vneshniaia torgovlia Rossii s Serbiei v 1 kvartale 2016 goda. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016–07/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-serbiey-v-1-kvartale-2016-goda/(data obrashcheniia 12.01.2017 g.).
4. Il'icheva L. E. Problemy mezhsektornogo resursnogo vzaimodeistviia organov gosudarstvennoi vlasti, institutov grazhdanskogo obshchestva i biznesa. M.: Nauchnyi ekspert, 2008. 290 s.
5. Kontseptsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (utverzhdena Prezidentom V.V. Putinym 30 noiabria 2016 g.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/

news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (data obrashcheniia 15.01.2017 g.).
6. Maksakova M. A. Tendentsii razvitiia ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i stran Zapadnykh Balkan. Avtoref. k. ekon. n. M.: MGIMO, 2015. 28 s.
7. Marks K. Kapital. M.: Politizdat, 1960. 784 s.
8. Mladenovich M., Ponomareva E. G. Publichnaia diplomatiia Rossii: balkanskoe napravlenie // Mezhdunarodnaia zhizn'. 2016. № 4. S. 151–166.
9. Ponomareva E. G. Bosniia i Gertsegovina: gosudarstvo-fantom // Svobodnaia mysl'. 2009. № 1. S. 69–84.
10. Ponomareva E., Rudov G. «Miagkaia sila» kak integratsionnyi resurs Rossii na evraziiskom prostranstve // Obozrevatel'. 2015. № 11. S. 59–73.
11. Ponomareva E. G., Rudov G. A. «Printsip domino»: mirovaia politika na rubezhe vekov. M.: Kanon+, 2016. 312 s.
12. Ponomareva E. G. «Miagkaia sila» Rossii kak integratsionnnyi resurs // Geopoliticheskii zhurnal. 2016. № 3. S. 9–17.
13. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 8 oktiabria 2013 g. N 891 «Ob ustanovlenii kvoty na obrazovanie inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossiiskoi Federatsii». URL: https://rg.ru/2013/10/10/obuchenie-site-dok.html (data obrashcheniia 21.12.2016 g.).
14. Ruski ekspres. URL: http://ruskiekspres.rs/ (data obrashcheniia 12.01.2017 g.).
15. Headley J. Russia and the Balkans: Foreign Policy From Yeltsin to Putin. L.: Hurst&Company, 2008. 552 p.
16. Ruski dom u Beogradu — informacija o obrazovanju u Rusiji. Srbin Info. 29.02.2016. URL: http://srbin.info/2016/02/29/vazno-ruski-dom-u-beogradu-informacija-o-obrazovanju-u-rusiji/ (data obrashcheniia 12.01.2017 g.).

Информация об авторе
Пономарева Е. Г.
доктор политических наук, профессор
МГИМО МИД России, РФ
E-mail: nastya304@mail.ru
Elena Ponomareva
doctor of political science, professor
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia
E-mail: nastya304@mail.ru

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ КОСОВО И МЕТОХИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

А. Н. СКВОЗНИКОВ

Аннотация. *Одной из острых международных проблем в настоящее время являются конфликты, возникающие в результате стремления некоторых народов реализовать свое право на самоопределение в форме создания суверенного государства, с одной стороны, и стремлением других народов сохранить свое национальное единство и защитить территориальную целостность государства, с другой стороны. Поэтому изучение вопроса о соотношении конкурирующих между собой принципов международного права: равноправия и самоопределение народов и территориальной целостности государства является актуальным как в теоретическом, так и в прикладном значении.*

Цель исследования: *Целью данной статьи является комплексный анализ международно-правовых принципов «равноправия и самоопределения народов» и «территориальной целостности государств», их взаимодействия и границ применения на примере Косовской проблемы.*

Методы исследования: *В работе использовались общенаучные и специальные юридические методы исследования, в том числе: диалектический, дедуктивный, формально-юридический, сравнительно-правовой, функциональный.*

Результаты исследования: *В статье на примере Косово проводится анализ соотношения двух конкурирующих между собой принципов международного права: равноправия и самоопределение народов и территориальной целостности государства. Автор приходит к следующим выводам: 1) Каждому народу в соответствии с международным правом предоставлена возможность для полноценного развития как в границах многонационального государства, так и в рамках независимого национального государства. 2) Принцип самоопределения народа путем создания независимого государства может быть реализован только в том случае, если это не нарушает национальное единство и территориальную целостность другого государства. 3) Право народа на самоопределение не может быть реализовано за счет ущемления*

прав и интересов других народов данного государства и с нарушением принципов международного права. 4) Право на самоопределение следует трактовать те только как право определенного народа создать собственное национальное государство, но и как право остальных народов, проживающих на данной территории, сохранить национальное единство и государственную целостность. 5) Право народа на самоопределение не может быть реализовано с помощью применения силы или угрозы ее применения, а также с помощью вмешательства извне. 6) Одностороннее провозглашение независимости края Косово и Метохии и признание его независимости рядом государств имело негативные последствия для международного права и международной безопасности.

Значимость результатов:

Результаты исследования позволяют расширить научные взгляды на содержание понятий международно-правовых принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств, выявить новые подходы к нормативному регулированию взаимоотношений этих принципов. Результаты исследования могут найти практическое применение во внешнеполитической деятельности государств при решении вопроса о возможности международно-правового признания нового государства. А также в практике международных организаций при решении конфликтов, связанных со стремлением одних народов реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государства и стремлением других народов сохранить свое национальное единство и целостность территории своего государства.

Ключевые слова: *Косово, международное право, международно-правовое признание государств, право народа на самоопределение, территориальная целостность государства, Международный Суд ООН, международная безопасность.*

Введение (Introduction)

Одной из острых международных проблем в настоящее время являются конфликты, возникающие в результате стремления некоторых народов реализовать свое право на самоопределение в форме создания суверенного государства, с одной стороны, и стремлением других народов сохранить свое национальное единство и защитить территориальную целостность государства, с другой стороны. Поэтому изучение вопроса о соотношении конкурирующих между собой принципов международного права: равноправия и самоопределение народов и территориальной целостности государства является актуальным как в теоретическом, так и в прикладном значении.

Теоретические основания исследования (Theoretical Background)

Несмотря на высокую степень научно-теоретической разработанности рассматриваемой проблемы, как в России так и за рубежом, единого мнения по поводу соотношения двух принципов на сегодняшний момент так и не сформировалось. В российской доктрине международного права отдельные ученые приводят различные толкования нормативного содержания вышеуказанных принципов и их взаимодействия. Одним из первых свое понимание права народа на самоопределение сформулировал В. И. Ленин. Он трактовал самоопределение нации как ее отделение от одного государства и образование самостоятельного национального государства [Ленин, 1914].

В советской науке международного права появилось понимание того, что право народа на самоопределение является комплексным, оно имеет внутреннюю и внешнюю сторону и включает в себя несколько правомочий. В частности, известный советский юрист-международник Г. Б. Старушенко выделил в рамках внешней стороны права народов на самоопределение следующие правомочия: а) право на отделение и образование независимого государства; б) право на отделение с целью присоединения к другому государству; в) право на объединение с государством, в состав которого входил данный народ в унитарном государстве, на началах федерации, автономии. Внутренняя же сторона, по его мнению, являлась суммой ряда важных внутригосударственных слагаемых, таких как: а) возможность субъекта права определять свой государственный и общественный строй; б) свободно распоряжаться своими естественными ресурсами; в) решать все другие внутренние вопросы [Старушенко, 1960].

В современной российской науке международного права по поводу соотношения между принципом самоопределения народов и принципом территориальной целостности государства сложились три основные точки зрения.

Первая: принцип территориальной целостности имеет приоритет по отношению к принципу самоопределения народов. Здесь уместно привести точку зрения известного российского ученого-международника профессора И. П. Блищенко, который отмечал по этому поводу, что «под самоопределением нельзя понимать только политическую независимость. В подавляющем большинстве случаев политическая независимость не решает проблемы, стоящие перед народом или нацией, то есть не решает проблемы развития данного народа или нации» [Блищенко, 1998]. То есть народ может реализовать свое право на

самоопределение и в пределах многонационального государства, не нанося при этом ущерба ни своей самобытности, ни процессам своего культурного, социального, экономического развития, ни территориальной целостности государства своего проживания.

По мнению С. В. Черниченко, право на отделение не всегда является обязательным компонентом права на самоопределение: субъект самоопределения может свободно выбрать другую форму реализации самоопределения [Черниченко, 1999].

Такой же позиции придерживается Конституционный суд РФ, заявив что, «международное право ограничивает самоопределение народов соблюдением принципа территориальной целостности и принципа соблюдения прав человека» [Шматова Е. С. Селеменева А. В., 2009].

По мнению М. Кампельмана, право народов на самоопределение не включает в себя право на отделение. Это два самостоятельных права, к которым нужно подходить отдельно. Право на самоопределение признано в международном праве. А право на отделение не рассматривается в международном праве, хотя оно может быть частью конституционной процедуры государства [Kampelman, 1993].

Вторая: принцип самоопределения народов имеет приоритет по отношению к принципу территориальной целостности. В частности, Г. М. Мелков высказал идею о приоритетности права народа на самоопределение, так как оно являлось абсолютным, первичным, поскольку именно народ первичен, а государство — производно, зависящее от волеизъявления народа [Мелков, 2005]. Сходного мнения придерживается А. А. Алексанян, который полагает, что «осуществление народом своего права на самоопределение не может рассматриваться как посягательство на нерушимость государственных границ и территориальной целостности государства. Территориальная целостность должна основываться на добровольном вхождении в состав государства каждого данного народа, как и на уважении его неотъемлемого права выхода на основе свободного волеизъявления» [Алексанян, 2013]. С. В. Шитьков, в свою очередь отмечает, что «право народа на самоопределение есть его самое главное основание на распоряжение его территорией, а реализация народом своего права не может быть названа посягательством на территориальную целостность государства». По мнению С. В. Шитькова, «принцип территориальной целостности государства имеет запретительный, ограничивающий характер», тогда как «прогрессивность и демократичность права народа на самоопределение не вызывает сомнений» [Шитьков, 2016]. Вместе с тем, по мнению ученого, между двумя этими принципами должен быть найден оптимальный баланс.

Третья: значительная часть современных российских исследователей, занимающихся данной проблемой едины во мнении, что все принципы международного права обладают равной юридической силой и должны рассматриваться в контексте других принципов. Поэтому противопоставление права народа на самоопределение и территориальной целостности государства является некорректным, эти принципы не являются взаимоисключающими, а наоборот, сочетаются и взаимно дополняют друг друга [Мамедов, 2013].

Исследуя противоречие, которое существует в международных отношениях между принципом территориальной целостности государства и правом народов на самоопределение, автор статьи попытался найти определенный баланс между этими принципами и выявил условия, при которых народы имеют право реализовать свое право на самоопределение, не нарушая территориальной целостности государства.

Исследование: основная часть (Study)

Гипотеза

Провозглашение независимости Косово и Метохии в 2008 году противоречит как международному публичному праву, так и национальному законодательству, в частности конституции Республики Сербии

Методология

В работе использовались общенаучные и специальные юридические методы исследования, в том числе: диалектический, дедуктивный, формально-юридический, сравнительно-правовой, функциональный.

Участники исследования. Автор статьи.

Материалы исследования: Международные договоры, резолюции Генеральной ассамблеи и Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, Консультативное заключение Международного суда ООН от 22.07.2010 г, законодательство республики Сербии, международно-правовая доктрина, электронные ресурсы.

Процедура исследования (Procedure)

17 февраля 2008 года временные органы управления (Ассамблея) края Косово и Метохии приняли декларацию о создании независимой республики Косово [Декларация независимости Косово, 2008]. Международное сообщество разделилось на два лагеря по вопросу о независимости Косово. Ряд государств, включая США, страны ЕС и некоторые азиатские страны, признали независимость края Косово и Метохия от Сербии. Другие государства, в том числе постоянные члены Совета Безопасности ООН Россия и Китай, высказались категорически против признания независимости Косово и Метохии, справедливо указав на то, что это может привести к дальнейшему дроблению политической карты мира.

Следует напомнить, что после образования Федеративной Народной Республики Югославия в 1945 г. край Косово и Метохия получил статус автономной области. Каждое послевоенное десятилетие повышало статус Косово и Метохии и приносило существенное расширение автономии — от автономной области в составе Сербии в 1945 году [Конституция ФНРЮ, 1959] до автономного края с широчайшими полномочиями в 1974 году. Согласно конституциям Югославии и республики Сербии 1974 г. Социалистический автономный край Косово, являвшийся составной частью Сербии, фактически обладал правами самостоятельного субъекта федерации [Конституция СФРЮ, 1974]. В частности, Косово получил республиканские атрибуты — собственную конституцию, парламент (Скупщину), правительство (Исполнительное вече Скупщины), полицию, суд, банк.

Таким образом, Косово была предоставлена широкая политическая автономия в рамках Югославской федерации. Край имел независимую систему образования. В Косово существовали собственная академия наук и университет в г. Приштине с преподаванием на родном языке, а также средства массовой информации на албанском языке [Карасев, 2002]. Одним из факторов, повлиявших на изменение национального состава края Косово и Метохии, стал высокий естественный прирост албанского населения. Албанцы Косово во второй половине XX века опережали по этому показателю остальные народы Европы. Этот фактор способствовал превращению сербского населения Косово и Метохии из основных жителей края в национальное меньшинство, что стало главной причиной межэтнического конфликта.

В 1990 г. была принята новая конституция Сербии, согласно которой автономные края потеряли атрибуты государственности и приобрели черты территориальной автономии.

В сентябре 1991 года косовские албанцы провели референдум о независимости края, на котором большинство албанского населения проголосовало за создание независимой республики. 24 мая 1992 г. в крае состоялись выборы президента и парламента. Президентом был избран Ибрагим Ругова. Руководство Сербии не признало эти выборы [Гуськова, 2001]. С этого момента в Косово начинают создаваться свои органы власти, система образования, здравоохранения. Косово фактически перестает подчинятся Белграду.

В середине 1990-х годов косовский кризис обострился — лидеры косовских албанцев взяли курс на полное отделение от Сербии и создание независимого государства силовым путем. Руководство Сербии было категорически против этого. В край была введена сербская

полиция и армия. Фактически началась гражданская война. Она сопровождалась массовыми репрессиями, убийствами мирных жителей и этническими чистками с обеих сторон конфликта.

В 1999 г. после нанесения военных ударов стран НАТО по Сербии президент Милошевич вывел сербские вооруженные силы из Косово. В Косово был установлен международный протекторат под контролем ООН на основании резолюции СБ ООН № 1244 от 10 июня 1999 года, которая закрепляла необходимость введения в Косово самоуправления с учетом суверенитета и территориальная целостности Союзной Республики Югославии [Резолюция 1244 СБ ООН, 1999].

17 февраля 2008 года Ассамблея (парламент) края Косово и Метохии приняла декларацию о создании независимой республики Косово. Сторонники признания независимости Косово, ссылаясь на международно-правовой принцип равноправия и самоопределения народов, полагали, что албанское население края Косово и Метохия в данном случае воспользовалось своим правом на самоопределение.

В теории международного права и в практике национальных и международных органов правосудия, в частности, Международного суда ООН, уже неоднократно обсуждался вопрос о соотношении между собой принципа территориальной целостности государства и принципа равноправия и самоопределения народов.

Общие принципы права, признаваемые, цивилизованными нациями, являются одним из основных источников международного права. Они закреплены в статье 2 Устава ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. Общие принципы являются императивными нормами международного права, они тесно взаимосвязаны между собой и равноценны по своей юридической силе. Вместе с тем на практике часто возникает ситуация, когда процесс самоопределения того или иного народа в форме создания независимого государства, нарушает принцип территориальной целостности другого государства.

Рассмотрим нормативное содержание этих принципов международного права. В соответствии с международными договорами все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право. Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление

любого другого политического статуса, свободно определенного народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение [Декларация о принципах международного права, 1970].

Вместе с тем, «вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий» [Декларация о принципах международного права, 1970].

Хотя в Декларации о принципах международного права 1970 г. отмечается, что, «при истолковании и применении изложенных выше принципов последние являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов», в реальной жизни между ними возникает коллизия. Одной из главных причин этого противоречия, на наш взгляд, является отсутствие в источниках международного права юридического определения понятия народа, который может реализовать свое право на самоопределение путем создания независимого государства.

Следует отметить, что в практике ООН принцип самоопределения, включающий право на создание независимого государства, понимается, в первую очередь, как право колониальных народов на независимость от метрополий. Такое содержание данного принципа было закреплено в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года. В Декларации тысячелетия ООН 2000 г. также говорится о праве на самоопределение лишь тех народов, которые все еще находятся под колониальным господством и иностранной оккупацией [Декларация тысячелетия ООН, 2000].

Аналогичным образом истолковал право народа на самоопределение и Верховный Суд Канады в 1998 году, рассматривая вопрос о правовых основаниях возможного отделения провинции Квебек от Канады. Суд указал на неправомерность ссылок на право народа на самоопределение как правовое основание отделения и образования самостоятельного государства той или иной этнической или этнолингвистической общностью. По мнению Суда, ссылка на такое право допустима для народа, находящегося под колониальным или полуколониальным гнетом и испытывающего эксплуатацию со стороны метрополии. В других обстоятельствах народ может осуществлять самоопределение в рамках существующего государства (Фарукшин).

Следует отметить, что Совет Безопасности ООН в свое время также признал незаконным независимость Северного Кипра и Родезии, мотивируя это тем, что право на самоопределение, согласно международному праву, имеют только бывшие колонии или народ, находившийся под иностранной оккупацией [Резолюция СБ ООН 543, 1983].

На наш взгляд, субъектом права на самоопределение является именно народ, нация, т.е. достаточно крупная и целостная общность, а не любая социальная, этническая или религиозная группа. Этнические, религиозные, языковые меньшинства обладают правом на культурную автономию, на уважение их интересов в рамках демократического государства. Соответствующие права меньшинств закреплены международным правом. Вместе с тем меньшинства несут и определённые обязанности в отношении государства, на территории которого они находятся. В этой связи недопустимо злоупотреблять правом на самоопределение, которое должно быть ограничено принципом территориальной целостности государства.

В ситуации с Косово нет оснований утверждать о наличии иностранной оккупации, так как эта территория входила в состав Сербии, начиная с XII века, за исключением периода Османской империи, и была возвращена Сербии в 1913 году. Также нельзя говорить о существовании иных юридических оснований для использования права на самоопределение, таких как наличие колониального или расистского режима. Кроме того, следует отметить, что албанский народ, проживающий в крае Косово и Метохия, уже давно и успешно реализовал свое право на самоопределение путём создания суверенного государства Албания. Поэтому говорить о том, что албанцы, проживающие в Косово, нуждаются в самоопределении, неправомерно. Албанцы, проживающие на территории края Косово и Метохии, на наш взгляд, имели полноценную возможность для самоопределения в форме широкой автономии, которую им готовы были предоставить сербские власти в рамках республики Сербии [Сквозников, 2011].

8 октября 2008 года по предложению делегации Сербии Генеральная Ассамблея ООН обратилась в Международный суд с просьбой вынести консультативное заключение по поводу принятия декларации независимости Косово и дать ответ на вопрос: «Соответствует ли одностороннее провозглашение независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права?». Соответствующую резолюцию Генеральной Ассамблеи поддержали 77 государств, 74 страны воздержались и 6 проголосовали против. Обращаясь в Международный Суд ООН, сербское руководство, вероятно,

рассчитывало с помощью международного права защитить свою территориальную целостность и не допустить отделения Косово. Однако результат получился противоположным.

Консультативное заключение Суда было оглашено 22 июля 2010 года на открытом заседании в Большом зале правосудия во Дворце Мира в Гааге. Суд десятью голосами против четырех (судьи Томка, Корома, Скотников, Беннуна) решил, что декларация независимости Косова не нарушает международного права.

Суд решил не рассматривать вопрос о пределах права народа на самоопределение и о возможности права на сецессию как средство правовой защиты, как выходящие за рамки заданного ему вопроса, и решил, что общее международное право не содержит запрета деклараций независимости. Таким образом, Международный Суд ООН, избрав самоограничительный, узкий подход к трактовке поставленного перед ним вопроса, смог обойти стороной проблему о соответствии международному праву одностороннего провозглашения независимости Косово и нарушению вследствие этого территориальной целостности Сербии.

Суд также не усмотрел в декларации независимости Косова противоречий с применимыми специальными нормами международного права — резолюцией Совета безопасности ООН № 1244 от 10 июня 1999 года, так как счёл, что резолюция не запрещала авторам декларации ее издать и Конституционными рамками UNMIK, так как счёл, что декларация не была принята временными органами самоуправления Косова (Консультативное заключение, 2010). В своем заключении Суд констатировал, что декларация независимости была провозглашена не временными институтами самоуправления для Косово, а лицами, которые хотя и обладали публичными должностями и полномочиями, но издали декларацию независимости вне пределов этих полномочий [Консультативное заключение, 2010], то есть как обычные граждане. Этот вывод Международного Суда выглядит весьма странно. Поскольку инициатор запроса, Генеральная Ассамблея ООН, считала очевидным, что одностороннее провозглашение независимости было сделано органами временного самоуправления в Косово. Такой же позиции придерживались и те государства, которые признали независимость Косово [Хартвиг, 2013].

Следует отметить, несколько судей Международного суда высказали особое мнение по вопросу провозглашения независимости Косово. В частности, вице-президент суда Петер Томка (Словакия) в своей декларации высказал мнение, что суду не следовало давать Генераль-

ной Ассамблее консультативное заключение по вопросу, входящему в компетенцию Совета Безопасности. Также он счел, что декларацию независимости издали органы временного самоуправления Косова, превысив свои полномочия, а окончательное урегулирование статуса Косова было бы возможным либо по решению СБ ООН, либо по договоренности Белграда и Приштины (Консультативное заключение, 2010). Судья Бруно Зимма (Германия) в своей декларации заявил, что суд дал ответ на более узкий вопрос, чем был задан, и суду следовало дать заключение не только о том, противоречило ли, но и о том, соответствовало ли провозглашение независимости Косова международному праву (Консультативное заключение, 2010).

В своем особом мнении судья Кеннет Кит (Новая Зеландия) выразил мнение, что суду следовало отказаться давать консультативное заключение Генеральной Ассамблее, а судья Бернардо Сепульведа-Амор (Мексика), отметил, что авторы декларации независимости действовали как временные органы самоуправления Косова, и поэтому суду следовало расценить соответствие декларации Конституционным рамкам и резолюции № 1244, а также что суду следовало высказаться по ряду вопросов, включая права Совета Безопасности в области территориальной целостности государств, право на самоопределение и сецессию как средство правовой защиты (Консультативное заключение, 2010). Судья Абдулкави Ахмед Юсуф (Сомали) в особом мнении счел, что Конституционные рамки не являлись актом международного права, а также, что суду следовало дать ответ на вопрос о применимости права на самоопределение в случае Косова.

В своем расходящемся мнении судья Абдул Г. Корома (Сьерра-Леоне) счел, что суд ответил не на тот вопрос, что был ему задан, а декларация независимости была издана временными органами самоуправления Косова и противоречила как общему международному праву, так и резолюции № 1244, и Конституционным рамкам (Консультативное заключение, 2010). Судья Мухаммад Беннуна (Марокко) в расходящемся мнении высказал мнение, что суду не следовало давать консультативное заключение, подменяя Совет Безопасности, отметил, что суд неверно интерпретировал заданный ему вопрос, и выразил мнение, что декларация независимости Косова противоречила резолюции № 1244 и Конституционным рамкам (Консультативное заключение, 2010). По мнению судьи Леонида Скотникова (Россия), суду не следовало давать консультативное заключение, подменяя Совет Безопасности, что большинство суда не дало ответа на вопрос о том, чем действия авторов декларации, по признанию большинства,

совершенные вне рамок правового режима, установленного для переходного периода, отличаются от его нарушения, и что резолюцию № 1244 невозможно истолковать, как разрешающую одностороннее разрешение вопроса о статусе Косова, — окончательное решение должно быть утверждено Советом Безопасности ООН [Консультативное заключение, 2010].

Представитель России на слушаниях в Международном суде, руководитель правового департамента МИД Кирилл Геворгян заявил, что международное право «не позволяет Косово объявить независимость, поскольку население Косово не пользуется правом на самоопределение». Россия считает, что резолюция СБ ООН 1244, гарантирующая территориальную целостность и суверенитет Сербии, остается в силе, и что все стороны обязаны ее соблюдать. Геворгян отметил, что резолюция 1244 предусматривает, что решение о статусе Косово должно быть согласованным, и запрещает односторонние шаги. Это положение не может быть изменено по решению спецпредставителя Генерального секретаря ООН Мартти Ахтисаари, рекомендовавшего еще до окончания переговоров независимость в качестве единственного решения [РИА Новости, 2009].

Результаты исследования (Results)

Автор пришел к следующим выводам: 1) Каждому народу в соответствии с международным правом предоставлена возможность для полноценного развития как в границах многонационального государства, так и в рамках независимого национального государства. 2) Принцип самоопределения народа путем создания независимого государства может быть реализован только в том случае, если это не нарушает национальное единство и территориальную целостность другого государства. 3) Право народа на самоопределение не может быть реализовано за счет ущемления прав и интересов других народов данного государства и с нарушением принципов международного права. 4) Право на самоопределение следует трактовать те только как право определенного народа создать собственное национальное государство, но и как право остальных народов, проживающих на данной территории, сохранить национальное единство и государственную целостность. 5) Право народа на самоопределение не может быть реализовано с помощью применения силы или угрозы ее применения, а также с помощью вмешательства извне. 6) Одностороннее провозглашение независимости края Косово и Метохии и признание его независимости рядом государств имело негативные последствия для международного права и международной безопасности.

Анализ результатов (Discussion)

Результаты исследования позволяют расширить научные взгляды на содержание понятий международно-правовых принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств, выявить новые подходы к нормативному регулированию взаимоотношений этих принципов. Результаты исследования могут найти практическое применение во внешнеполитической деятельности государств при решении вопроса о возможности международно-правового признания нового государства. А также в практике международных организаций при решении конфликтов, связанных со стремлением одних народов реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государства и стремлением других народов сохранить свое национальное единство и целостность территории своего государства.

Заключение (Conclusion)

На основании проведенного анализа норм международных договоров и правовой доктрины автор пришел к выводу, что провозглашение независимости Косово и Метохии в 2008 году противоречит как международному публичному праву, так и национальному законодательству, в частности конституции Республики Сербии [Конституция Сербии, 2006].

Органы временного самоуправления Косово, в частности Ассамблея Косово, провозгласив независимость, вышла за пределы своих полномочий, установленных резолюцией 1244 СБ ООН и Конституционными рамками для временного самоуправления в Косово. Поскольку временный международный режим управления, введенный в Косово в соответствии с резолюцией 1244, мог быть отменен только Советом Безопасности ООН.

Решение Международного Суда ООН о том, что принятие декларации независимости Косово не нарушило какую-либо применимую норму международного права, не изменило, на наш взгляд, правовой статус края Косово и Метохия, который юридически по-прежнему является частью Сербского государства. Поскольку консультативное решение Международного Суда ООН, при всей его авторитетности, не является источником международного права и не имеет обязательной силы. Кроме того, Суд вынес заключение не по вопросу законности отделения Косово от Сербии, а о том, что сам факт провозглашения декларации независимости не противоречит международному праву, то есть, по сути, уклонился от правовой оценки возможного отделения Косово. Таким образом, исходя из решения Суда, провозглашение декларации независимости Косово хотя и не противоречит нормам международного права, но в тоже время не имеет юридических последствий, то есть не меняет правового статуса Косово как составной части Сербии.

Международный суд ООН при вынесении Консультативного заключения о соответствии Декларации о независимости Косово международному праву не ответил на ключевые вопросы, связанные с международно-правовым признанием края. Во-первых, не была определена законность одностороннего отделения Косово от Сербии, как и вообще легитимность любой сецессии. Во-вторых, не была дана правовая оценка международно-правовому признанию Косово со стороны ряда государств. Суд признал легитимность образования нового государства вне контекста деколонизации, в том числе путем реализации права на самоопределение, но не определил границы самоопределения, посчитав, что это выходит за рамки вопроса, поставленного Генеральной Ассамблеей ООН [Строева, 2014].

Признание независимости края Косово со стороны США, странами ЕС и другими государствами противоречит международному праву и, как справедливо отмечает в своей работе А. С. Строева, «определяется только политической целесообразностью, которая вытекает из геополитических интересов признавших государств» [Строева, 2014].

Важно отметить, что признание независимости Косово повлекло серьёзные криминальные последствия как для самого края, так и для многих европейских стран. Например, известно, что основными причинами преступности являются социально-экономические факторы. Между тем почти половина двухмиллионного населения Косова не имеет легальной работы, что способствует развитию в регионе криминального бизнеса с целью получения населением средств к существованию. Кроме того, совершению преступлений различного рода на территории Косово способствует высокая степень вооружённости местного населения, являющая результатом предшествующего военного конфликта, а также свободного оборота оружия, существующего между Косово и Албанией. Известно, что так называемый «балканский маршрут» является главным каналом транспортировки героина в Европу и создаёт серьёзную угрозу для жизни и здоровья населения европейских государств. Признание независимости Косово создаёт угрозу распространения транснациональной организованной преступности, способствует совершению тяжких преступлений международного характера, обостряет криминогенную обстановку на Балканах и в Европе целом [Ведерникова, 2008].

Подводя итоги следует отметить, что, албанское руководство края объявило о независимости Косово и Метохия, юридически являющегося частью Сербской республики, нарушив общепризнанные принципы международного права, конституцию республики Сербия и вопреки воле неалбанского населения края.

Следует четко разграничивать, в том числе юридически, понятия «самоопределение» и «сепаратизм». С точки зрения международного права самоопределение это право народа свободно устанавливать свой политический статус и определять свое экономическое, социальное и культурное развитие. Целью самоопределения, в том числе в форме создания суверенного государства, является создание наиболее благоприятных условий для всестороннего развития данного народа, но с учетом интересов всех народов, живущих на данной территории.

Целью сепаратизма является нарушение политического, экономического, конституционного единства, расчленение единого государства. Сепаратизм выражает специфические интересы узкой группы населения. Основной целью сепаратизма является отделение ради отделения, изоляция, при которой не учитываются интересы других народов и нарушаются международно-правовые нормы [Строева, 2014].

Литература

1. Алексанян, А. А. Реализация права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств // Вестник Пермского университета. 2013. №4. 63–67.
2. Блищенко, И. П. Автономия и международное право // Московский журнал международного права. 1998. №1. 3–12.
3. Ведерникова, О. Н. Криминальные последствия признания независимости Косово // Косово и международное право. (По материалам «круглого стола» Клуба «Реалисты», проведенного 28 марта 2008 года). — РОО Клуб «Реалисты, Москва. 2008.
4. Гуськова, Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000). Москва: Русское право/Русский национальный фонд, 2001. 720 с.
5. Декларация независимости Косово. 17.02.2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.assembly-kosova.org/?cid=2,128,1635 (дата обращения 20.10.2016)
6. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения 20.10.2016)
7. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения 20.10.2016)

8. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения 20.10.2016)
9. Карасев, А. В. Исторические корни возникновения современного косовского конфликта // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. 402 с.
10. Конституция республики Сербия. 10.11.2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.srbija.gov.rs/cinjenice_o_srbiji/ustav.php (дата обращения 20.10.2016)
11. Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославия. Москва, 1959. 192 с.
12. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославия 1974 г. Ст. 244, 284, 287 // Конституции социалистических государств. В 2-х т. Т. 2. Москва, 1987.
13. Консультативное заключение Международного суда ООН по делу «Соответствие одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права» от 22.07.2010 г. — документ ООН A/64/881. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/64/881 (дата обращения 20.10.2016)
14. Ленин, В.И. О праве наций на самоопределение // Библиотека газеты Революция. [Электронный ресурс]. URL: http://www.revolucia.ru/pravonac.htm (дата обращения 20.10.2016)
15. Мамедов, С. К. Реализация принципа территориальной целостности в контексте обеспечения права народов государства на самоопределение // Юридическая наука: история и современность. 2012. №9. 138–141.
16. Мелков, Г. М. Самоопределение народов Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья: миф или реальность? // Государство и право. 2005. № 6.
17. Резолюция Совета Безопасности ООН 1244, принята 10 июня 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1244(1999) (дата обращения 20.10.2016)
18. Резолюция Совета Безопасности ООН 541, принята 18 ноября 1983. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/541(1983) (дата обращения 20.10.2016)
19. РИА Новости. Россия поддержала позицию Сербии по Косово в Международном суде. 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rian.ru/international_justice/20091208/197915491.html (дата обращения 20.10.2016)
20. Сквозников, А. Н. Косовская проблема: историко-правовые аспекты // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2011. №1 (9). С. 17–26.

21. Старушенко, Г. Б. Принцип самоопределения народов и наций во внешней политике советского государства. (Историко-правовой очерк). Москва: ИМО, 1960. — 191 с.
22. Строева, А. С. Международно-правовое признание Косово. Москва, 2014. 224 с.
23. Фарукшин, А. М. Судебно-правовые средства борьбы против сепаратизма в федеративном государстве (опыт Канады). [Электронный ресурс]. URL: http://old.kpfu.ru/f15/k2/sb_06/farukshin2.rtf (дата обращения 20.10.2016)
24. Хартвиг, М. Консультативное заключение Международного Суда ООН по вопросу о декларации независимости Косово — предыстория и критика судебного «постановления». [Электронный ресурс]. URL: http://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_121_155.pdf (дата обращения 20.10.2016)
25. Черниченко, С. В. Содержание принципа самоопределения народов (современная интерпретация). Москва: Дипломат. акад. МИД РФ, 1999. 33 с.
26. Шитьков, С. В. Аннексия. Попытка историко-правового анализа. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2016. 104 с.
27. Шматова, Е. С. Селеменева, А. В. Принципы территориальной целостности и равноправия, права народов на самоопределение: вопросы теории и международно-правовой практики // Альманах современной науки и образования. 2009. №7 (26), часть 2, 163–166.
28. Kampelman M. M. Secession and right of self-determination: an urgent need to harmonize principle with pragmatism, The Washington quarterly, 1993, vol. 16, № 3, summer 1993.

THE DECLARATION OF INDEPENDENCE OF KOSOVO AND METOHIJA: INTERNATIONAL LEGAL ASSESSMENT

Alekdsandr Skvoznikov

Abstract *One of the most pressing international problems at present are conflicts that arise as a result of the desire of some peoples to exercise their right to self-determination in the form of a sovereign state, on the one hand, and the desire of other nations to preserve their national unity and to protect the territorial integrity of the state, on the other hand. Therefore, the study of the question of the relationship between competing principles of international law: equality and self-determination of peoples and territorial integrity of the State is relevant both in theoretical and practical importance.*

Objective: The aim of this article is a comprehensive analysis of the international legal principles of "equal rights and self-determination of peoples" and "territorial integrity" of their interaction and the use of borders in the example of the Kosovo problem.

Methods: We used general scientific and special legal research methods, including: dialectical, deductive, formal and legal, comparative legal, functional.

Results: In the article on the example of Kosovo analyzes the ratio of the two competing principles of international law: equality and self-determination of peoples and territorial integrity. The author comes to the following conclusions: 1) Every nation, in accordance with international law, given the opportunity for full development in a multinational state borders, and within the framework of an independent national state. 2) The principle of people's self-determination through the establishment of an independent state can be realized only in the event that it does not violate the national unity and territorial integrity of another state. 3) the right of peoples to self-determination can not be realized at the expense of the rights and interests of other peoples in the state and in violation of the principles of international law. 4) The right to self-determination should be interpreted as the right ones only certain people to create their own nation-state, but also as the right of other peoples living in this territory, to preserve the national unity and state integrity. 5) The right of peoples to self-determination can not be realized by the use of force or threat of force, and with the help of outside interference. 6) The unilateral declaration of independence of Kosovo and Metohija's independence and its recognition by a number of states had negative consequences for international law and international security.

Results: The study results expand scientific views on the content of the concepts of international legal principles of the right of peoples to self-determination and territorial integrity of States, to identify new approaches to normative regulation of relations of these principles. The study results may find practical application in the foreign policy activity of the states when deciding on the possibility of international legal recognition of the new state. As well as in the practice of international organizations in resolving conflicts related to the desire of some nations to exercise their right to self-determination in the form of an independent state and the desire of other nations to preserve their national unity and territorial integrity of the state.

Keywords: *Kosovo, International Law, the International Court of Justice, the right of people to self-determination, territorial integrity of states, international security.*

References

1. Aleksanyan, A.A. (2013). The implementation of the right of peoples to self-determination in the context of the principle of territorial integrity of states // Bulletin of Perm State University. №4. 63–67.
2. Blishchenko, I.P. (1998) Autonomy and International Law // Moscow magazine of international law. №1. 3–12.

3. Chernichenko, S.V. (1999). The content of the principle of self-determination (modern interpretation). Moscow: Diplomat. Acad. Russian Foreign Ministry. 33 p.
4. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations. General-Assembly — Twenty-fifth season, 24 October 1970, from http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
5. Declaration on the granting of independence to colonial countries and peoples. General Assembly resolution 1514 (XV) 14 December 1960, from http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml
6. Farukshin, M. M. Judicial-legal means of struggle against separatism in a federal state (Canadian experience), from http://old.kpfu.ru/f15/k2/sb_06/farukshin2.rtf
7. Guskova, E.Y. (2001). History of the Yugoslav crisis (1990–2000). Moscow: Russian Law / Russian National Fund. 720 p.
8. Hartwig, M. (2013). The advisory opinion of the International Court of Justice on Kosovo's declaration of independence — Background and criticism of judicial "decision." http://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_121_155.pdf
9. Kampelman, M.M. (1993). Secession and right of self-determination: an urgent need to harmonize principle with pragmatism, The Washington quarterly, vol. 16, № 3, summer 1993.
10. Karasev, A.V. (2002). The historical roots of the contemporary Kosovo conflict // Man in the Balkans in the epoch of crises and ethno-political conflicts of the XX century. St. Petersburg: Aletheia 375 p.
11. Kosovo Declaration of Independence. 17.02.2008, from http://www.assembly-kosova.org/?cid=2,128,1635
12. Lenin, V.I. (1914). On the right of nations to self-determination // Library Revolution newspaper. — URL: https://www.revolucia.ru/pravonac.htm
13. Mamedov, S.K. (2012). The implementation of the principle of territorial integrity in the context of the state the right of peoples to self-determination // Legal Science: history and modernity. №9. 138–141.
14. Melkov, G.M. (2005). Self-determination of the people of Abkhazia, South Ossetia and Transnistria: myth or reality? // State and right. Number 6.
15. Millennium declaration of the United Nations. General Assembly resolution 55/2 of 8 September 2000, from http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
16. RIA News. (2009). Russia has supported Serbia's position on Kosovo before the International Court, from http://www.rian.ru/international_justice/20091208/197915491.html
17. Security Council Resolution 1244, adopted June 10, 1999, from http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1244(1999)

18. Shitkov, S.V. (2016). Annexation. Trying to historical and legal analysis. Tambov: Publishing House of Tbilisi State University named after GR Derzhavin. 104 p.
19. Shmatova, ES Selemeneva, A.V. (2009). The principles of territorial integrity and equality, the right of peoples to self-determination: the theory and practice of international law // Almanac of modern science and education. №7 (26), part 2, 163–166.
20. Skvoznikov, A.N. (2011). The Kosovo problem: the historical and legal aspects // Bulletin of Samara Academy for the Humanities. "Right" series. №1 (9). 17–26.
21. Starushenko, G.B. (1960). The principle of self-determination of peoples and nations in the foreign policy of the Soviet state. (Historical and legal essay) Moscow: IMO. — 191 p.
22. Stroeva, A.S. (2014). International legal recognition of Kosovo. Moscow. 224 p.
23. The Advisory Opinion of the International Court of Justice on accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in respect of Kosovo 22 Jule 2010, from http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15987.pdf
24. The Constitution and the basic laws of the Federal People's Republic of Yugoslavia. Moscow, 1959. 192 p.
25. The Constitution of the Republic of Serbia. 10.11.2006. http://www.srbija.gov.rs/cinjenice_o_srbiji/ustav.php
26. The Constitution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia 1974 Art. 244, 284, 287 // Constitution of the socialist states. In 2 vols. V. 2. Moscow, 1987.
27. UN Security Council Resolution 541, adopted 18 November 1983, from http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/541(1983)
28. Vedernikova, O.N. (2008). Criminal consequences of the recognition of Kosovo's independence // Kosovo and international law. (According to the "round table" Club "Realists" held March 28, 2008). — NGO Club "Realists, Moscow.

Информация об авторе

Сквозников А. Н.
кандидат исторических наук, доцент
Самарская гуманитарная академия, Россия
skvoznikov2003@mail.ru
Aleksandr Skvoznikov
Assoc. Prof., PhD (history)
Samara Academy of Humanities, Russia

МАКЕДОНИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: АКТИВИЗАЦИЯ РОССИЙСКО-МАКЕДОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ?

М. ТРЕТЬЯКОВА

Аннотация. *В статье рассматривается внешняя политика России на Балканах через активизацию македонско-российский отношений в последние годы. Автор анализирует внешнеполитическое ангажирование России в македонском направлении, выражающее традиционную востребованность России в стране и регионе в целом.*

Цель исследования: *Целью данной статьи является анализ македонско-российских отношений, в частности, их активизация, начавшаяся с конца нулевых годов. Поставленную цель рассматривается в контексте российско-американских взаимоотношений в условиях нового глобального противостояния.*

Методы исследования: *В данном исследовании использовались общенаучные методы исследования, а также сравнительный и аналитический методы: анализ ситуации, событийных данных, наблюдение, изучение документов, заявлений официальных лиц и их сравнение.*

Исследование: *С конца нулевых начался самый активный период взаимоотношений двух стран, когда Македония не поддержала западные санкции против России и выразила свое желание и готовность в реализации российского проекта по диверсификации своих энергетических поставок в Европу. Россия в ответ энергично проявила свою однозначную и принципиальную поддержку македонскому руководству в недопущении всплеска нового кризиса безопасности, в связи с очередной вылазкой албанских террористов в г. Куманово (май 2015 г.) и эскалации политического кризиса в стране по «украинскому сценарию». Сотрудничество в области энергетики и экономики развивается успешно, а в области культуры и образования по-прежнему лежит огромный потенциал для расширения российского присутствия в стране и регионе в целом путем наращивания российской «мягкой силы».*

Результаты исследования*: Автор приходит к выводам, что вопреки активизации российской внешней политики в стране говорить*

о наличии какой-либо программной стратегии по возвращению России на Балканы не приходится. Балканы по-прежнему не числятся среди региональных внешнеполитических приоритетов в Концепции о внешней политики РФ от 2016 г. Однако внушает надежду, что проявленный интерес России влиять на развитие и будущее культурно близких стран, в том числе Македонии, непременно создаст еще более широкую площадку для расширения сотрудничества, а вместе с тем и роли России в регионе. Тупиковое положение македонской евро-атлантической интеграции из-за юридически необоснованного спора Греции по поводу наименовании страны создает дополнительные возможности для расширения влияния России в регионе. Уже сейчас очевидно, что в центре российской внешнеполитической деятельности на Балканах в будущем будет создание определенной зоны «нейтральности», включающую те балканские страны, которые по тем или иным причинам, пока остаются вне НАТО/ЕС.

Ключевые слова. *Македония, Россия, российская внешняя политика, Балканы, мягкая сила, союз нейтральных балканских государств.*

Введение (Introduction). Балканы имеют стратегическое значение в Европе как естественный перекресток между Западом и Востоком. Геополитическое присутствие России в нем необходимо для балканских стран и не менее важно для самой России. Сильное влияние на Балканах открыло бы геополитический доступ России как Черноморскому, так и Прикаспийскому регионам, а вместе с тем предоставило бы возможность беспрепятственной транспортировки энергоресурсов в Европу. Для Македонии в частности, российская балканская внешняя политика, которая обеспечила бы возвращение и геополитическое присутствие России в регионе, жизненно важна. Это дало бы косвенные гарантии ее целостности и стабильности в условиях, когда ее безопасность постоянно под угрозой активизации албанского фактора в стране. Кроме того, страна по-прежнему является объектом внешнеполитического внимания соседних стран, которые уже более века предъявляют претензии на македонскую национальную идентичность.

Теоретические основания исследования (Theoretical Background). О внешней политике России (1991–2016 гг.) на Балканах в отечественной литературе писалось достаточно, тем не менее, Македонии и македонско-российским отношениям в частности не посвящалось более пристальное внимание. В российской историографии Македония исследовалась в основном в рамках работ, посвященных истории бывшей Югославии и современному албанскому движению на Балканах. На эту тему активно пишет известный российский историк-балканист Е. Ю. Гуськова. Политическое развитие Македонии и военный кризис

2001 г. непосредственно исследуется в работах Е. Г. Пономаревой. В частности, она справедливо отмечает, что в марте 2001 г. Македония, «несмотря на мирное расставание с социалистическим прошлым в 1990-е годы, превратилась в еще одну проблемную зону региона» [Пономарева, Рудов, 2016, с. 181]. Тогда кровопролитный вооруженный конфликт был вызван албанской Освободительной национальная армия под руководством Али Ахмети. «Вмешательство НАТО не только «заморозило» конфликт, но привело к серьезным изменениям формата государственности Македонии» [Пономарева, 2007, с. 153] — на основе Рамочного Соглашения была принята новая конституция республики, предоставившая широкие права албанскому меньшинству.

Российская научная школа довольно внимательно изучала проблему албанского военно-политического кризиса 2001 г. в Македонии. Здесь следует выделить работы Е. А. Бондыревой, Е. А. Степановой, С. А. Романенко, М. Л. Ямбаева. Однако внешнеполитическая деятельность РФ в Македонии не являлась предметом отдельного изучения. Первая попытка была сделана относительно недавно российским историком Е. А. Колосковым, который изучил внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.), в том числе и российско-македонские отношения, и российскую внешнюю политику к Македонии за указанный период.

Предметом данного исследования являются македонско-российские отношения, в частности их активизация, начавшаяся с конца нулевых годов. Поставленную тему рассмотрим в контексте российско-американских взаимоотношений в условиях нового глобального противостояния.

В российском балканском внешнеполитическом векторе отношения с Сербией, Болгарией и Грецией исторически занимали приоритетное направление. Македония традиционно стояла в стороне от российского внешнеполитического внимания. Не были исключением и 90-е годы прошлого века, когда руководство Македонии с большой надеждой смотрело на Россию в процессе международного признания своей независимости и решения спора о названии страны. В начале «нулевых» от России также ожидали поддержку в урегулировании вооруженного конфликта 2001 г., военно-технического сотрудничества и экономического взаимодействия. Отношения между духовно и культурно близкими странами на протяжении всего этого времени оставались на неудовлетворительном уровне. Помимо прочего для этого были и объективные причины. В те годы Россия сама переживала серьезные политические изменения и экономические сложности. Внешнеполитический

курс «козыревской» России был направлен исключительно на Запад, а Балканы временно выпали из поля зрения российского руководства.

Российско-македонские отношения, характеризующиеся глубокими историческими, духовно-культурными корнями, начиная с 1991 г. все-таки заняли свое самостоятельное место в российской балканской внешней политике и получили свое развитие. Этому способствовала прежде всего востребованность России в Македонии и регионе в целом. Об этом, как правильно подметил посол РФ в Македонии А. Н. Асатура, в свое время писали македонская интеллигенция и национальные деятели. Так К. П. Мисирков призывал «довериться наиболее заинтересованным в наших делах государствам, особенно православной России, которая хорошо знает наши нужды» [Асатура, 2004]. К сожалению, в имперские времена позиция внешнеполитического ведомства царской России к македонскому вопросу была неоднозначной и сложной и не совпадала с республиканскими видениями лидеров македонского национального движения XIX–XX вв. Данная востребованность актуальна и сегодня, когда Македония уже более двух десятилетий продолжает свой тернистый путь к международному самоутверждению в условиях, как справедливо подметил бывший посол Германии в Р. Македонии Х. Л. Штепан: «…продолжающихся необоснованных притязаний соседних стран к Македонии и македонскому народу со времен существования Балканского союза» [Штепан, 2005, с. 22].

Исследование: основная часть (Study). Россия одним из первых государств признала суверенитет и территориальную целостность Македонии под ее многовековым и конституционным наименованием. После установления 31 января 1994 г. дипломатических отношений открылась новая страница в истории российско-македонских отношений. Россия в тяжелые для македонской государственности дни решительно выступила в поддержку суверенитета и территориальной целостности страны. По признанию бывшего посла Македонии в РФ Д. Димитрова, президент РФ В. В. Путин лично обеспечил поставки вооружений македонским властям в кризисном 2001 г. [Колосков, 2013, с. 221]. Однако, если американские официальные представители и европарламентарии давно практикующие т.н. «шаттл-дипломатию», продолжали приезжать в страну и активно участвовать в ее политической жизни, часто даже позволяя себе грубое вмешательство во внутренние дела страны, внешнее казалось, то с российской стороны отсутствовал настоящий интерес к стране.

Первый важный гость из России — министр иностранных дел С. В. Лавров — прибыл в Македонию в апреле 2011. Взаимные отношения стали приобретать иную динамику. Активизировались встречи на

высшем правительственном и межведомственном уровнях. Македонский президент Г. Иванов принял участие в торжествах в Москве по случаю 65-летия и 70-летия Победы (май 2010 и 2015 гг.), Македонию посетил Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин (апрель 2012 г.), в следующем году в Македонию прибыла делегация Государственной Думы РФ (март 2013 г.). Министр иностранных дел Н. Поповски посетил РФ с рабочим визитом (январь 2013 г.), а на 70 и 71 сессиях Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь 2015 и 2016 гг.) состоялась встреча С. В. Лаврова с македонским коллегой Н. Поповски.

Дальнейшему развитию российско-македонских отношений способствовало решение руководства Македонии во главе с Н. Груевски не присоединяться к санкциям США и ЕС против России. Кроме того, македонское руководство выразило желание поддержать и принять участие в реализации «Южного», а затем и «Турецкого потока», что совпало с планами российского руководства по поиску альтернативных путей доставки энергоресурсов в Европу.

Туманные перспективы Македонии на своем евро-атлантического пути заставили консервативное правительство Н. Груевски задействовать экономическую дипломатическую деятельность, которая имела сильный политический эффект в условиях нарастающего противостояния по линии Запад — Восток. Для российского руководства это был тот долгожданный сигнал, подтверждающий, что в Македонии есть руководители, которые готовы и способны самостоятельно решать как действовать по тем или иным внешнеполитическим вопросам, касающихся национальных интересов страны.

Методология исследования. В данном исследовании использовались общенаучные методы исследования, а также сравнительный и аналитический методы такие как: анализ ситуации, событийных данных, наблюдение, изучение документов и заявлений официальных лиц и их сравнение.

Процедура исследования (Procedure). Если первое десятилетие можно охарактеризовать как очередной этап ухода России из региона, а второе десятилетие как этап периодических непоследовательных и спонтанно-эмоциональных внешнеполитических действий России на балканском направлении, то третье десятилетие ознаменовало попытку поворота в политике России на Балканах. Тем не менее, данный поворот во внешней политике РФ не являлся плодом каких-либо программных установок, ведь Балканы по-прежнему отсутствуют в списке региональных внешнеполитических приоритетов России согласно новой Концепции внешней политики РФ от 30 ноября 2016 г. [Концепция, 2016].

Наметившееся некоторое продвижение российской внешней политики на Балканах следует рассматривать исключительно в контексте активизации российского присутствия посредством т.н. «мягкой силы», в связи с чем на Западе нарастает нескрываемое беспокойство. На Балканах и в Македонии в том числе возрастающее присутствие России в политической и информационно-культурной сферах за последнее время также стало заметным, что позволило говорить о том, что российская внешняя политика в регионе выходит на качественно новый уровень.

После открытия информационных порталов «Русская речь» на македонском, сербском и других региональных языках современная Россия стала ближе славянским народам, а происходящее ныне в российском обществе понятнее. Россия предложила и альтернативное видение на международные события путем создания ТВ «Russia Today» и информационно-новостного агентства «Спутник». Интерес к изучению русского языка в стране в последнее время резко вырос благодаря бесплатным курсам, организованным «Русским центром» Фонда «Русский мир» недавно открытым при университете им. Св. Кирилла и Мефодия в Скопье.

О том, что влияние и интерес к России в македонском обществе растет подтверждается и обеспокоенностью западных неправительственных организаций в стране в связи с активизацией российской «мягкой силы». Об этом говорил и глава регионального европейского отделения Международного республиканского института — ИРИ Я. Сурочек в своем интервью «Голосу Америки». Он, в частности, отметил, что ИРИ работает на выработку серий новых опросов, которые помогут выявить связь между российским растущим влиянием в странах региона и изменением настроений в обществе по вопросу о присоединении стран к ЕС и НАТО [Суротчак]. Недавно американский аналитик, генерал-майор в отставке, Р. Джонсон призвал американские власти не забывать о Македонии и Балканах. Американский аналитик выразил обеспокоенность в связи с тем, что «Путин и Россия на пороге Македонии» и отметил, что для Америки и президента Д. Трампа жизненоважно противостоять русскому влиянию путем принятия Македонии в НАТО» [Johnson].

В настоящее время отношения между духовно близкими странами находятся на высоком политическом и экономическом уровнях. Между государствами заключены десятки межправительственных и межведомственных соглашений. Во-первых, идет наращивание торгово-экономических отношений. Македонская делегация во главе с премьер-министром Н. Груевски участвовала в Санкт-Петербургском экономическом форуме (июнь 2012 г.), где состоялась встреча с президентом РФ В. В. Пу-

тиным и организовала ряд македонско-российских бизнес-форумов, на которых звучали предложения начать переговоры о зоне свободной торговли с Россией. Заключение договора о свободной торговле, как, например, у Сербии с Россией, представлялось бы символическим жестом дружбы и открыло бы путь к сотрудничеству и в других областях с учетом тупикового положения македонской евро-атлантической интеграции.

Македонская делегация выразила свою заинтересованность в расширении экономического сотрудничества и призвала российских бизнесменов участвовать в реализации более, чем 20 промышленных, энергетических и транспортно-инфраструктурных проектов в Македонии. Более того, в настоящее время растет товарооборот между странами. По данным ФТС России, во втором квартале 2016 г. товарооборот России с Македонией составил 42 537 000 долл. США, увеличившись на 12 % (4 572 628 долл. США) по сравнению с аналогичным периодом 2015 года. Экспорт России в Македонию во втором квартале 2016 г. составил 24 451 469 долл. США, увеличившись на 56 % (8 760 909 долл. США) по сравнению с аналогичным периодом 2015 года. Импорт России из Македонии во втором квартале 2016 года составил 18 085 531 долл. США, уменьшившись на 19 % (4 188 281 долл. США) по сравнению с аналогичным периодом 2015 года [Внешняя торговля].

Во-вторых, происходит активизация сотрудничества в энергетической сфере. Летом 2016 г. российский «Стройтрансгаз» закончил строительство газовой сети «Клечовце-Штип» общей протяженностью в 61 км. Реализация проекта о строительстве национальной газовой системы в Македонии предусматривает строительство газовых труб протяженностью более 200 км и представляет собой возможность для дальнейшего российско-македонского сотрудничества в области энергетики. Македонское руководство выразило готовность участвовать в реализации «Южного», а затем и «Турецкого потока», несмотря на то, что в силу объективных факторов судьба данного проекта пока неизвестна. Однако, как справедливо отметил российский исследователь П. Искендеров: «…быстро меняющиеся условия конкуренции за получение энергоресурсов требуют не только большей активности, но и решимости в отстаивании своих интересов. Опыт Словакии и ее соседей показывает, что даже членство в ЕС и НАТО не мешает им разрабатывать проекты взаимовыгодного сотрудничества с Россией, что возможно лишь при условии самостоятельного понимания национальных интересов руководителями соответствующих государств» [Искендеров, 2015]. Посмотрим насколько будущее македонское руководство (выборы в Парламент состоялись 11 декабря 2016 г. по итогам которых правящая

ВМРО-ДПМНЕ с незначительным преимуществом снова одержала победу) останется сильным в решимости отстаивать свои национальные интересы в области энергетики без оглядки на Вашингтон и Брюссель.

Наметившиеся конструктивные процессы в области экономики и энергетике между Россией и Македонией, а также Сербией могут дать импульс к реализации давнего почти забытого проекта по созданию южно-балканского водно-транзитного коридора. Проект, разрабатываемый бывшими югославскими властями еще на рубеже 1960–1970-х гг. предусматривал прокладку судоходного канала реки Дунай и Вардар до Эгейского моря через Белград, Скопье и Салоники (Сербия, Македония, Греция) протяженностью почти в 400 км (из них 185 км должны были пройти по территории Македонии). Предполагалось возвести 64 гидроузла и шлюза. Реализация подобного проекта через дружеские для России Сербию, Македонию и Грецию несомненно повысит стратегическое присутствие и улучшит ее влияние в регионе на качественно новом уровне.

В-третьих, что особенно важно для Македонии, это сильная поддержка Россией правительства Македонии во время политического кризиса (2015–2016 гг.) и кризиса безопасности (вылазка албанских террористов в «Диком квартале» в г. Куманово в мае 2015 г.). Как известно, в мае 2015 г. македонская оппозиция организовала в центре Скопье масштабную акцию протеста, обвинив руководство в коррупции и потребовала отставки правительства Н. Груевского. Эти события последовали за проведением спецоперации правоохранителей в г. Куманово, в ходе которой были уничтожены 14 боевиков ценой жизни 8 полицейских.

Ответственность за подготовку терактов в Македонии взяла на себя албанская группировка «Освободительная народная армия», которая вместе с другими подпольными албанскими формированиями в регионе ставит главной целью борьбу за объединение всех земель, заселенных этническими албанцами в единое государство «Великой Албании».

Следует отметить, что после событий в Куманове (май 2015 г.) в разведывательных кругах США обратили внимание на то, что слабое американское присутствие в регионе (по крайней мере, меньшее по сравнению с 1990-ми и началом 2000-х гг.) создало пространство для расширения влияния России и что сильная поддержка албанской повестки дня лишь подталкивает страны Западных Балкан в объятия Москвы и даже грозит созданием православной коалиции во главе с Россией. Например, в докладе ЦРУ американские аналитики предостерегают свое руководство о том, на Балканах возможные новые войны и что нужна более сбалансированная политика по отношению к албанцам в регионе [CIA warns].

Растущий критический подход американской разведки к албанскому движению на Балканах, особенно после победы Д. Трампа на президентских выборах в США, внушает надежду на перезапуск американо-российских отношений. В балканском векторе это возможно приведет, с одной стороны, к увеличению внимания США к истинным целям албанских лидеров в регионе и последовательному уменьшению американской поддержки албанской повестки дня, с другой, к повышенному легитимному присутствию России в духовно и культурно близком для нее регионе. Как справедливо отметили в американском исследовательском центре Stratford: «У России, Турции и западных стран общий противник на Балканах — политическая нестабильность» [Stratford]. Нельзя не согласится с оценкой американских исследователей и по поводу того, что «…растущая нестабильность в Македонии мешает стране стать сильным союзником Запада или надежным партнером России» [Stratford].

Россия выразила свою обеспокоенность и в связи с возможным разделом страны, о котором все чаще ходят слухи в кулуарах региональных ведомств. Поддержку Македонии против «разговоров о расчленении Македонии между Албанией и Болгарией» и некоторых попыток использовать албанское меньшинство в стране в деструктивных целях выразил министр иностранных дел С. В. Лавров 20 мая 2015 г. в Совете Федерации РФ» [Выступление].

Данная оценка российского министра иностранных дел, как и принципиальная позиции России по вопросу о недопустимости перекраивания границ в Европе и требование, чтобы государства неукоснительно следовали основополагающим принципам Хельсинкского заключительного акта, которые последовательно звучат на международных форумах крайне значимы для Македонии и ее территориальной целостности. Подобная позиция России жизненно важна для Македонии с учетом периодических высказываний албанских политиков в регионе о «Великой Албании». Заявление премьер-министра Албании Э. Рама для косовского телеканала «КланКосова», что, если объединение Албании и Косово не произойдёт в рамках Евросоюза Тирана и Приштина объединятся другим способом [Албания], идут на руку радикально настроенным албанцам в Македонии, чьи политические требования о расширении прав албанского меньшинства в стране не прекращаются 15 лет спустя принятия Охридского соглашения.

Память о роли России в годы существования Балканского союза и трагических событиях 1912–1913 гг. для македонского народа в Македонии все-еще жива, особенно среди македонской интеллигенции и политических элит. Поэтому данная позиция российского руковод-

ства существенна с учетом абсолютного влияния США и ЕС в регионе, выстроивших «особенные отношения» с албанским движением за последние десятилетия.

К сожалению, политика «бить по государствам православных славян, ударяя по России», активно практикующаяся администрацией Б. Клинтона в 1990-е годы в событиях в Боснии и Герцеговине (БиГ) и в Косове, по-прежнему имеет своих приверженцев на Западе и в политике НАТО и ЕС на Балканах все еще дает о себе знать. Так, западные эксперты поспешили передернуть смысл данной оценки министра иностранных дел России и представить именно Россию в качестве заинтересованной стороны, играющей на карте территориального раздела Македонии в будущем. «Россия пытается дестабилизировать Балканы. Мы должны ограничить российское влияние в регионе, российское влияние очень негативно сказывается на региональной стабильности» [Бугайски] — такой была реакция на заявления из Москвы по поводу ситуации на Балканах директора Департамента по Восточной Европе Центра международных и стратегических исследований в Вашингтоне Я. Бугайски.

Албанские лидеры также традиционно разыгрывают антироссийскую карту в своих экспансионистских политических целях на Балканах. В контексте глобального напряжения в российско-американских отношениях и активизации российской внешнеполитической деятельности в балканском направлении политические лидеры Албании активно выступают яростными оппонентами растущего влияния России в регионе. Играя на политических трениях и сложностях во взаимоотношениях между Западом (США/ЕС) и Россией, албанские политики стали «пугать» Запад «устрашающим» растущим влиянием России в регионе, прибегая при этом к открытому политическому шантажу Брюсселя [Рама]. Цель такого поведения — ускоренное принятие Албании в ЕС и получение поддержи Запада в решении албанского вопроса, которое согласно видению албанских лидеров в Тиране предусматривает максимальное расширение прав албанцев и трансформацию страны в двунациональную македонско-албанскую федерацию.

Позиция России по поводу не прекращающих политических требований албанского меньшинства в Македонии тоже однозначная. Выступая перед Советом Федерации 15 мая 2015 г. российский министр иностранных дел говорил и о том, как в контактах с Евросоюзом поднималась тема прав русских и русскоязычных в Эстонии и Латвии, руководство России спрашивало своих западных партнеров: «Почему вы, поддержав Охридское соглашение и предоставив албанцам в Македонии достаточно серьезный объем прав, не можете сделать тоже самое

для русских в Эстонии и Латвии?». Ответа не последовало — подытожил глава российского МИДа. Данное высказывание главы российской дипломатии лишь подтверждает факт того, что Рамочный договор (Охридское соглашение) не соответствует международному праву и единым евро-атлантическим стандартам в области регулировании прав меньшинств, а, следовательно, его можно применять исключительно на Балканах — там, где политики США и ЕС в основном левого толка преследует совершенно иные цели.

Сейчас с уверенностью можно говорить о том, что причины радикализации албанского фактора на пост-югославском пространстве, который ставит под угрозу целостность Македонии, Сербии и Черногории, лежат в значительной степени в существующей модели межэтнического регулирования, унаследованной от СФРЮ. Данная модель предусматривает интеграцию без ассимиляции национальных меньшинств, путем создания параллельных государственным албанских этнических учреждений (детсадов, школ, университетов, театров, торгово-хозяйственных палат и т.п.), финансируемых государством. Модель межэтнического регулирования, применяющееся югославскими властями в Косове, привела к беспрецедентному с точки зрения международного права становлению второго национального албанского государства на Балканах, которое сопровождалось с вытеснением как из политических структур власти, так и с исторических территорий автохтонного сербского населения на протяжении многих лет. Ныне именно Македония охвачена данными процессами.

Поэтому российско-македонские отношения и взаимодействие актуальны не только со стратегической и геополитической, но и с точки зрения обмена опыта между двумя странами своего историко-правового наследия в поисках новой модели развития своих многонациональных обществ. Подобная модель, способная налаживать партнерские отношения с различными этническими и религиозными группами при сохранении национального характера обеих государств, ныне жизненно необходима с целью сохранения целостности славянского национального и культурного пространства. Поиск новых форм сосуществования русского и македонского народов с различными этно-конфессиональными группами очень актуален, в том числе и в контексте кризиса концепции мультикультурализма в западных гражданских государствах.

Македонию связывает многолетнее сотрудничество с США и сильные экономическо-торговые отношения с ЕС. Стратегически интерес всех македонских правительств — это евро-атлантическая интеграция, которую неизменно поддерживает общество. Данный вопрос, пожалуй,

единственный относительно которого у македонских партий существует единое мнение. В приеме в НАТО и ЕС македонские лидеры видят гарантии своей безопасности и целостности. Согласно опросу общественного мнения, проведенного в организации американского Международного республиканского института и македонского социологического центра БРИМА летом 2015 г., около 80% и 83% опрошенных соответственно поддерживают интеграцию страны в ЕС и НАТО [IRI Poll].

За годы независимости некоторыми политиками поднимались идеи о провозглашении нейтралитета страны по примеру Швейцарии и введении либеральной оффшорной экономики, однако серьезно не разрабатывались и оставались без поддержки. С другой стороны, Македония как духовно и культурно близкая страна России, которая трепетно чествует культурное значение и память о Охридской книжной школе и ее роль в распространении славянской письменности всегда выражала готовность к сотрудничеству и более близкому взаимодействию с Россией. Это представляет потенциал для возможного распространения идеи о «нейтралитете» среди македонских интеллектуалов и их донесении до политической элиты. В последнее время в России активно разрабатываются альтернативы ЕС/НАТО для балканских стран, оказывающиеся по тем или иным причинам за границами западных евро-атлантических интеграционных структур.

С российской стороны летом сего года по линии межпартийных контактов пошли на установление более близкого взаимодействия между славянскими духовно близкими народами. В июне 2016 г. Единая Россия подписала политическую Декларацию с партиями пяти государств Балкан: Сербией, Черногорией, Македонией, БиГ и Болгарией. В Декларации выражалась заинтересованность в развитии сотрудничества между балканскими странами и ЕАЭС, а также многостороннего сотрудничества в области торговли, финансов, энергетики и т.д. Возможно данная Декларация в будущем перерастет в стратегическую региональную доктрину, которая впоследствии сможет стать частью новой европейской структуры коллективной безопасности, которой на всех международных форумах добивается Россия. Для Македонии в условиях тупикового положения евроатлантических интеграционных процессов подобная инициатива в будущем может также быть интересной в качестве альтернативы ее стратегическому курсу на ЕС/НАТО.

К сожалению, у ряда современных западных, как и некоторых российских политиков все же наблюдается устаревшее восприятие современной международной действительности. Данное восприятие на

практике особенно ярко проявляют западные дипломаты, выдвигая разного рода требования и рекомендации отдельным странам выбирать между Западом и Россией. И действительно сегодня такие страны как Македония, Сербия, Черногория, БиГ, которые находятся на разных ступенях евро-атлантической интеграции буквально поставлены перед взаимоисключающим выбором «либо со мной, либо против», при чем их интеграционные успехи априори не признают их легитимное право на альтернативную пусть даже параллельную международную политико-экономическую жизнь. С. В. Лавров некоторое время назад подчеркнул, что расширение НАТО на Западные Балканы — безответственная провокация и ошибка [Лавров]. В конце февраля 2015 г., выступая перед комиссией Сената США по внешней политике, госсекретарь США Дж. Керри обозначил целый ряд балканских стран — это Сербия, Косово, Черногория и Македония, как страны через которые, по его мнению, проходит линия противостояния США и России [Американские политики].

Очевидно, что в российском руководстве есть расположение и интерес поддержать создание определенного союза балканских стран (БиГ, Черногория, Сербия и Македония), которые могут составить оплот нового российского влияния на Балканах. Сможет ли руководство России добиться «уступок» новой американской администрации по вопросу о дальнейшем расширении НАТО на Балканах и найдет ли поддержку подобная идея о создании союз «нейтральных» держав в самих балканских государствах покажет время. Пока реализация подобной идеи кажется маловероятной.

Результаты исследования (Results).

1. Македония имеет стратегическое значение как естественный перекресток между Западом и Востоком.
2. Стратегический интерес страны — вступление в НАТО и ЕС, а поддержка этого курса в обществе годами остается непоколебимо высокой.
3. При этом интерес македонских властей налаживать отношения с Россией всегда был высоким, однако уровень отношений долго оставался неудовлетворительным.
4. Македонско-российские отношения приобрели новую динамику с конца нулевых, что совпало с глобальным растущим политическим влиянием России в мире. Были подписаны десятки правительственных и межведомственных соглашений.
5. Растет торгово-экономическое, как и сотрудничество в области энергетики.

6. Этому предшествовало решение правительства Македонии под руководством Н. Груевски не поддерживать санкции Запада против России и твердой позиции участвовать в любом российском проекте по диверсификации поставки энергоресурсов в ЕС по македонской территории.
7. Политическое влияние России в стране стало ощутимым. Российское руководство оказало решительную поддержку Македонии в политическом, а также кризисе безопасности 2015–2016 гг. Кроме того, Россия продолжает посылать сигналы, что активно следит за происходящем в стране, что подтверждает ее заинтересованность в судьбе страны.
8. Одновременно растет положительный имидж современной России в македонском обществе, которое испытывает традиционные симпатии к ней, как к одной из самых культурно близких стран. Этому способствует глобальное ангажирование России в области «мягкой силы» и некоммерческого сектора.

Анализ результатов (Discussion). Переломный этап во взаимоотношениях между двумя странами наступил с конца нулевых и связан с активизацией российской внешнеполитической деятельности в энергетической сфере, а также в области «мягкой силы», в том числе на Балканах. Данное влияние вызывает серьезное беспокойство на Западе, в том числе и среди албанских политических элит, которые в сложившейся политической конъюнктуре противостояния по линии НАТО/ЕС — Россия пытаются максимально извлечь выгоды в решении албанского вопроса в Македонии.

Согласно официальной позиции Тираны оно видится в рамках построения македонско-албанской федерации, что впоследствии откроет путь к объединению всех территорий на Балканах, на которых в последние годы албанцы стали большинством. Российская позиция относительно недопустимости использования албанского фактора в деструктивных целях в стране, выражаемое беспокойство относительно возможного раздела страны, а также принципиальная позиция России по поводу недопустимости перекраивания границ в Европе и требование, чтобы государства следовали основополагающим принципам Хельсинского заключительного акта для Македонии крайне значимы с учетом непростой ситуации, в которой та находится. Тупиковое состояние ее евро-атлантических процессов из-за спора с наименованием страны, навязанного Грецией, продолжающиеся необоснованные притязания соседей к Македонии и македонскому народу, и активизация албанского фактора, создающая серьезную угрозу ее территориальной

целостности — тот политический арсенал, который играет в пользу России и ее дипломатическо-политических попыток закрепить свои позиции в регионе.

Македонию можно привлечь и заставить задуматься над альтернативным путем развития страны, протянув ей еще больше руку. В этом смысле, например, содействие решению проблемы со статусом Македонской православной церкви неканоническим путем внушило бы доверие македонским лидерам, что Македония больше не «сирота», а законный член большой семьи славянских народов. Кроме того, поддержка стране в юридическом решении вопроса о названии страны в рамках ООН придало бы уверенность македонским руководителям, что все-же Россия не просто понимает ее сложности, а готова содействовать их решению. Заключение договора о свободной торговле между двумя странами в данном контексте тоже актуален. Для этого есть основания. Ведь востребованность России в Македонии всегда была и есть значимой.

Заключение (Conclusion). Балканы в последние годы становятся очередной точкой конкуренции российской и западной дипломатии. При анализе дипломатического ангажирования России в регионе в условиях продолжающейся глобальной трансформации системы международных отношений, перераспределение потенциала и баланса сил и дальнейшего расширения НАТО и ЕС следует отметить, что позиция России предельно четка и принципиальна.

Официальная Москва давно выражает свою обеспокоенность в связи с расширением НАТО на Восток. Российские эксперты и политики единогласны в оценке, что существование НАТО, а тем более, его расширение, контрпродуктивно, поскольку вселяет взаимное недоверие на континенте, разделяет его на «своих» и «чужих», способствует новой гонке вооружений. От этого, по мнению российских экспертов, в Европе лишь усиливается напряженность.

Приглашение Черногории вступить в Североатлантический Альянс придало дополнительную остроту взаимоотношениям между США, ЕС и Россией. От этого напряжение в регионе также нарастает. Как известно, всегда, когда на Балканах соблюдался принцип баланса сил, регион наслаждался миром и, наоборот, тогда, когда он нарушался — регион тонул в бездне кровавых противостояний. Из самых свежих подобных примеров возьмём 1990-е гг. и кровавые братоубийственные междоусобицы на территории бывшей Югославии, а также вопиющую по своей беспрецедентности карательную операцию НАТО против Белграда. Более того, как верно отметил министр иностранных дел РФ

С. В. Лавров «…любые попытки объединить Европу без России и против нее неизменно оканчивались тяжелыми трагедиями…» [Лавров, 2016].

Одним словом, без России на Балканах не может быть долгосрочного мира. Поэтому, общеевропейская система коллективной безопасности на основе ОБСЕ, а также создание единого экономического и гуманитарного пространства, предлагаемого официальной Москвой от Лиссабона до Владивостока, куда могли бы войти все европейские страны, как члены НАТО, так и те оказавшийся вне северно-атлантического альянса или потенциально провозгласившие нейтральный статус кажется не только нужной, но и все более реалистичной, особенно с точки зрения растущей угрозы безопасности в лице исламского радикализма. На данный момент, более чем очевидно, что в своей балканской политике Россия будет делать упор на создание союза «нейтральных» государств на Балканах, который, по ее видению, отразит баланс сил, без которого в регионе невозможен долгосрочный мир.

Литература

1. Албания: объединение с Косово неизбежно. URL: https://regnum.ru/news/polit/1913419.html (дата обращения: 22.12.2016).
2. Американские политики стараются перещеголять друг друга, требуя безрассудных интервенций. URL: http://www.1tv.ru/news/2015/03/01/20388-forbs_amerikanskie_politiki_starayutsya_pereschegolyat_drug_druga_trebuya_bezrassudnyh_interventsiy (дата обращения: 22.12.2016).
3. Асатура А. Н. 10-летия российско-македонских дипломатических отношений // Нова Македония. 31 января, 2004 г. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/mk/-/asset_publisher/Bx1IWHr8ws3J/content/id/487616 (дата обращения: 22.12.2016).
4. Бугайски Я. Россия пытается дестабилизировать Балканы. URL: http://www.novinite.ru/articles/16504/ (дата обращения: 22.11.2016).
5. Искендеров П. Сербия рискует заиграться в газовых играх. URL: http://www.fondsk.ru/news/2015/06/04/serbia-riskuet-zaigratsja-v-gazovyh-igrah-33675.html (дата обращения: 30.11.2016).
6. Колосков Е. А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001) гг. М: Ин-т Славяноведения РАН, 2012. 276 с.
7. Лавров С. В. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2016, 3 марта. URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017 (дата обращения: 10.03.2017).

8. Лавров: расширение НАТО — ошибка и провокация. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2000608 (дата обращения: 20.12.2016).
9. Пономарева Е. Г. Политическое развитие постъюгославского пространства: (внутренние и внешние факторы): монография. М.: МГИМО–Университет, 2007. 235 с.
10. Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М.: Канон+, 2016. 312 с.
11. Суротчак Й. Важно беше медиумите да добијат повеќе информации. URL: http://mk.voanews.com/a/3370713.html (дата обращения: 11.12.2016).
12. Штепан Х. Л. Македонски јазол: Идентитетот на Македонците прикажан на примерот на Балканскиот сојуз: (1878–1914). Скопје: Аз-буки, 2005. 439 с.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября, 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 22.12.2016).
14. Внешняя торговля между Россией и Македонией во втором кв. 2016 г. Федеральная таможенная служба РФ. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016–09/vneshnyaya-torgovlya-mezhdu-rossiey-i-makedoniey-vo-2-kv-2016-g/ (дата обращения: 23.12.2016).
15. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в рамках «Правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания РФ. 20 мая 2015 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/7d5c10ae87aa6f9843257e4b003a396a!OpenDocument (дата обращения: 10.01.2016).
16. Рама: Русија и исламистите со поголемо влијание на Балканот // Нова Македонија. Декември 02, 2016. URL: http://novamakedonija.com.mk/NewsDetail?title (дата обращения: 10.01.2016).
17. CIA warns Washington about possible new Balkan Wars. URL: http://inserbia.info/today/2015/05/cia-wns-washington-about-possible-new-balkan-wars-report/ (дата обращения: 12.06.2015).
18. Johnson R. The Relationship Between the U. S. And Macedonia Is Reaching a Critical Point. URL: http://dailycaller.com/2016/11/17/the-relationship-between-the-u-s-and-macedonia-is-reaching-a-critical-point/#ixzz4U2X8HiMg (дата обращения: 20.11.2016).
19. IRI Poll: Macedonians Concerned About Economy, Political Stability; Support for Representative Democracy, Euro-Atlantic Integration Remains Strong. July 13, 2015. URL: http://www.iri.org/resource/iri-poll-macedonians-concerned-about-economy-political-stability-support-representative (дата обращения: 10.01.2016).
20. Stratford global intelligence. The Problems Foreign Powers Find in the Balkans. May 19, 2015. URL: https://www.stratfor.com/analysis/problems-foreign-powers-find-balkans (дата обращения: 20.05.2016).

MACEDONIA BETWEEN THE WEST AND THE EAST: ACTIVATION OF RUSSIAN-MACEDONIAN RELATIONS

Maria Tretjakova

Abstract. *The article covers the Russian Balkans foreign policy through the scope of activation of Russian-Macedonian relations over the recent years. The author analyzes the Russian foreign engagement in Macedonia as a reflection of traditional demand for Russian presence in the country and the region as well.*

Objective: *The purpose of the article is to analyze the Macedonian-Russian relations and their recent activation in the context of Russian-American relations and the rising global political confrontation.*

Methods: *In this article were used common scientific methods including comparative and analytical methods as: situation and data analysis, observation, documents and officials' statements study and their comparison.*

Study: *Macedonia did not join the western anti-Russian sanctions and declared its willingness to take part in the realization of Russian projects for diversification of its energy distribution to Europe. Russia in return demonstrated its strong and essential support to Macedonian government to stop any possible escalation of a new security crisis after the Kumanovo police action to intersect the planned Albanian terrorist raids in the country in May, 2015. Besides Russia diplomatically involved to prevent the long-standing political crisis to spiral into Ukrainian type of «color revolution». Cooperation in energy and economic sphere is rising, whereas the cultural links and «soft power» diplomacy present a huge potential for spreading the Russian influence in the country and the region in future.*

Results: *Notwithstanding the rise of Russian foreign activities in the region recently primarily through the «soft power» and economic diplomacy we cannot still speak about an existence of consistent Russian foreign policy towards the Balkans. Given the fact that the Balkans are yet not even mentioned as a foreign regional priority in the new Russian foreign policy conception from November, 2016, still there is hope that the recently demonstrated interest for the faith of Macedonia and its future development will result into a wider cooperation between both countries which might lead to increase of Russian presence in the region as a whole. The dead-end situation of Macedonian Euro-Atlantic integrations because of irrational and judicially groundless dispute imposed by Greece and silently approved by the western community of countries create additional possibilities for Russia to increase its leverage in the region. So far it is evident that in the focus of Russian foreign policy in future will be the creation of a certain «neutrality zone» of countries which for various reasons have not joined NATO/EU yet.*

Keywords. *Macedonia, Russia, Balkans, Russian foreign policy, Russian-Macedonian relations, alliance of neutral Balkan countries.*

References

1. Albaniia: ob"edinenie s Kosovo neizbezhno. URL: https://regnum.ru/news/polit/1913419.html (data obrashcheniia: 22.12.2016).
2. Amerikanskie politiki staraiutsia pereshchegoliat' drug druga, trebuia bezrassudnykh interventsii. URL: http://www.1tv.ru/news/2015/03/01/20388-forbs_amerikanskie_politiki_starayutsya_pereschegolyat_drug_druga_trebuya_bezrassudnyh_interventsiy (data obrashcheniia: 22.12.2016).
3. Asatura A. N. 10-letiia rossiisko-makedonskikh diplomaticheskikh otnoshenii // Nova Makedoniia. 31 ianvaria, 2004 g. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/mk/-/asset_publisher/Bx1lWHr8ws3J/content/id/487616 (data obrashcheniia: 22.12.2016).
4. Bugaiski Ia. Rossiia pytaetsia destabilizirovat' Balkany. URL: http://www.novinite.ru/articles/16504/ (data obrashcheniia: 22.11.2016).
5. Iskenderov P. Serbiia riskuet zaigrat'sia v gazovykh igrakh. URL: http://www.fondsk.ru/news/2015/06/04/serbia-riskuet-zaigratsja-v-gazovyh-igrah-33675.html (data obrashcheniia: 30.11.2016).
6. Koloskov E. A. Strana bez nazvaniia: vneshnepoliticheskii aspekt stanovleniia makedonskogo gosudarstva (1991–2001) gg. M: In-t Slavianovedeniia RAN, 2012. 276 s.
7. Lavrov C.V. Istoricheskaia perspektiva vneshnei politiki Rossii // Rossiia v global'noi politike. 2016, 3 marta. URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017 (data obrashcheniia: 10.03.2017).
8. Lavrov: rasshirenie NATO — oshibka i provokatsiia. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2000608 (data obrashcheniia: 20.12.2016).
9. Ponomareva E. G. Politicheskoe razvitie post"iugoslavskogo prostranstva: (vnutrennie i vneshnie faktory): monografiia. M.: MGIMO–Universitet, 2007. 235 s.
10. Ponomareva E. G., Rudov G. A. «Printsip domino»: mirovaia politika na rubezhe vekov. M.: Kanon+, 2016. 312 s.
11. Surotchak I. Vazhno beshe mediumite da dobijat poveќe informatsii. URL: http://mk.voanews.com/a/3370713.html (data obrashcheniia: 11.12.2016).
12. Shtepan Kh.L. Makedonski jazol: Identitetot na Makedontsite prikazhan na primerot na Balkanskiot sojuz: (1878–1914). Skopje: Az-buki, 2005. 439 c.
13. Kontseptsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii ot 30 noiabria 2016 g. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (data obrashcheniia: 22.12.2016).

14. Vneshniaia torgovlia mezhdu Rossiei i Makedoniei vo vtorom kv. 2016 g. Federal'naia tamozhennaia sluzhba RF. URL: http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016–09/vneshnyaya-torgovlya-mezhdu-rossiey-i-makedoniey-vo-2-kv-2016-g/ (data obrashcheniia: 23.12.2016).
15. Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova v ramkakh «Pravitel'stvennogo chasa» v Sovete Federatsii Federal'nogo Sobraniia RF. 20 maia 2015 g. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/7d5c10ae87aa6f9843257e4b003a396a!OpenDocument (data obrashcheniia: 10.01.2016).
16. Rama: Rusija i islamistite so pogolemo vlijanie na Balkanot // Nova Makedonija. Dekemvri 02, 2016. URL: http://novamakedonija.com.mk/NewsDetail?title (data obrashcheniia: 10.01.2016).
17. CIA warns Washington about possible new Balkan Wars. URL: http://inserbia.info/today/2015/05/cia-wns-washington-about-possible-new-balkan-wars-report/ (дата обращения: 12.06.2015).
18. Johnson R. The Relationship Between the U.S. And Macedonia Is Reaching a Critical Point. URL: http://dailycaller.com/2016/11/17/the-relationship-between-the-u-s-and-macedonia-is-reaching-a-critical-point/#ixzz4U2X8HiMg (дата обращения: 20.11.2016).
19. IRI Poll: Macedonians Concerned About Economy, Political Stability; Support for Representative Democracy, Euro-Atlantic Integration Remains Strong. July 13, 2015. URL: http://www.iri.org/resource/iri-poll-macedonians-concerned-about-economy-political-stability-support-representative (дата обращения: 10.01.2016).
20. Stratford global intelligence. The Problems Foreign Powers Find in the Balkans. May 19, 2015. URL: https://www.stratfor.com/analysis/problems-foreign-powers-find-balkans (дата обращения: 20.05.2016).

Информация об авторе
Третьякова М.
соискатель
Институт славяноведения РАН, Россия
marijacvetanovska@yahoo.com
Maria Tretjakova
Phd student (history)
Institute of Slavonic studies, Russian Academy of Science, Russia
marijacvetanovska@yahoo.com

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ (1992–2016)

ШАРИФЗОДА МЕХРЗОД НУРИДДИН

Аннотация. *В статье даётся анализ проблем и перспектив внешней политики России в отношении Боснии и Герцеговины (БиГ). Исследуя внешней политику России в отношении БиГ в 1992–2016 гг, автор доказывает, что внутренние факторы (тяжелое экономическое положение, угроза выхода отдельных республик из состава России), стремление Москвы не упустить своих позиций на постсоветском пространстве и стать частью Запада отрицательно повлияли на внешнюю политику Кремля в отношении БиГ в 90-х гг. XX века. Автор считает, что именно пассивность Москвы в урегулировании боснийского конфликта привела к укреплению позиций Вашингтона на Балканах. Бездействие Москвы во время военного конфликта в БиГ привело к ослаблению связей сербского и русского народов и дало возможность США, которые считали себя единственной сверхдержавой, принудить боснийских мусульман, сербов и хорватов к дейтонскому миру. В статье особое внимание уделяется развитию отношений России и Республики Сербской. Тесные связи Республики Сербской с Россией противоречат планам Запада, который хочет видеть БиГ в НАТО. Автор приходит к выводу, что Россия должна как можно активнее поддержать Республику Сербскую, чтобы не повторить ошибок, допущенных во время боснийского конфликта. Запад постоянно будет препятствовать присутствию России в БиГ. Согласно автору, Россия должна уделять большое внимание реализации своей «мягкой силы» в БиГ, а именно посредством совместных проектов и распространением российской системы образования в данной стране. Открытие филиалов российских вузов в БиГ помогут изменить в лучшую сторону отношения молодого боснийского поколения к России.*

Цель исследования: *Целью данной статьи является комплексный анализ внешней политики России в отношении Боснии и Герцеговины в 1992–2016 гг. и факторов, повлиявших на её осуществление.*

Методология исследования: *Методами исследования в работе послужили анализ, синтез и дедукция, которые позволили нам выявить слабые и сильные стороны внешней политики России в отношении БиГ.*

Результаты исследования: *В данной работе были исследованы внешнеполитические ориентиры России, которые неоднократно менялись с 1992 по 2016 гг., развитие отношений между Россией и БиГ с 1992 по 2016 гг. и внутренние и внешние факторы, повлиявшие на осуществление внешней политики России.*

Значимость результатов: *Результаты исследования помогут по-новому взглянуть на основные проблемы, слабые и сильные стороны внешней политики России, через призму боснийского конфликта и тесных связей Москвы и Республики Сербской. Данное исследование предлагает эффективные пути реализации «мягкой силы» России в Боснии и Герцеговине для достижения внешнеполитических целей Москвы.*

Ключевые слова: *Внешняя политика России, боснийский конфликт, победа США, расширение НАТО.*

Введение (Introduction) Россия и Балканы имеют многовековую историю отношений. Особое место во внешней политике России Балканы начали занимать с XIX века. В этот период Россия, выполняя роль покровителя братских народов Балкан, активно поддерживала народно-освободительные движения славян.

В 90-х гг. XX века во время распада Югославии сербы думали, что братская Россия как всегда придет на помощь и защитит их. Однако в этот период Москве было не до Югославии. Россия была ослаблена своими внутренними проблемами и была готова идти на большие уступки Западу, которого Москва в тот период считала другом.

Конфликт в БиГ дал возможность американцам укрепить свои позиции на Балканах, ради чего они на скорую руку составили Дейтонские соглашения и вынудили боснийских мусульман, сербов и хорватов к миру. Россия, в свою очередь, своим бездействием помогла США выйти в боснийском конфликте победителем.

Сегодня США хотят втянуть БиГ в НАТО. Вступление БиГ в НАТО представляет угрозу безопасности России. Москва, понимая истинные намерения Вашингтона, продолжает укреплять отношения с РС, которая выступает против вхождения БиГ в НАТО и сделала все возможное, чтобы Сараево не присоединилось к санкциям против России.

Теоретические основания исследования (Theoretical Background) Теоретической основой исследования послужил неореализм. В рамках теории неореализма государства постоянно борются меж-

ду собой ради достижения своих целей. Это борьба, с точки зрения неореалистов, и является движущей силой международной политики. Согласно основоположнику и крупнейшему представителю теории неореализма, Кеннету Уолтцу, все государства, осуществляя свою внешнюю политику, ставят перед собой схожие цели (обеспечение безопасности, удержание позиций на международной арене), однако достижение этих целей будет зависеть уже от их возможностей. В качестве примера можно привести поражение России, которая была измучена своими внутренними проблемами, и победу США (которая считалась единственной сверхдержавой в рамках сложившейся после распада СССР временной однополярной системы) в боснийском конфликте. Осуществление внешней политики России в отношении БиГ можно рассматривать только через призму теории неореализма. Это объясняется тем, что при осуществлении своей внешней политики в отношении БиГ, Россия постоянно сталкивается с Западом, который преследует свои цели на Балканах. Таким образом, Россия и Запад, осуществляя свою внешнюю политику в отношении БиГ, не сотрудничают, а соперничают между собой, что является одним из главных характеристик теории неореализма.

Исследование: основная часть (Study)

Гипотеза

Слабая стратегия внешней политики, а также пассивность Москвы в урегулировании боснийского конфликта привели к потере позиций России на пост-югославском пространстве. Сегодня опорой России в Боснии и Герцеговине является Республика Сербская, которая постоянно испытывает давление со стороны Запада. Россия должна как можно активнее поддержать Республику Сербскую, чтобы окончательно не потерять своих позиций на Балканах.

Методология исследования

Методами исследования в работе послужили анализ, синтез и дедукция, которые позволили нам выявить слабые и сильные стороны внешней политики России в отношении БиГ.

Участники исследования. Автор статьи.

Материалы исследования: Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине (Дейтонские мирные соглашения) 1995 г., резолюции СБ ООН по Югославии и БиГ, официальные заявления МИД РФ, заявления официальных лиц, исследования, публикации ученых и авторов, занимающихся вопросами и проблемами внешней политики России, к числу которых относятся такие авторы, как Е. Ю. Гуськова, Е. Г. Пономарева, А. Д. Богатуров, В. И. Попов и другие.

Процедура исследования (Procedure)

Период сдержанно-нейтрального отношения России к балканским событиям. В начале 1992 года внешняя политика России не была еще сформирована в полной мере, что стало причиной признания факта распада Югославии и пассивного участия Кремля в урегулировании конфликта в БиГ. Россия своим поведением стремилась доказать свою лояльность к Западу, который хотел больших уступок от нее. Именно по этой причине Россия иногда действовала против интересов сербского населения БиГ. Так, 27 апреля 1992 года, Россия признала независимость БиГ и уже 30 мая того же года в СБ ООН проголосовала за введение санкций против Югославии. Действия России в СБ ООН нанесли сокрушительный удар по вековой дружбе двух братских народов и привели к потере доверия сербов. Об этом свидетельствуют слова первого президента СРЮ, Добрицы Чосича: «Русские, их помощь и поддержка — еще одно сербское заблуждение» [Чосич, 1992, с. 89].

Слабая стратегия внешней политики, прозападная позиция, а также пассивность России в защите своих интересов на Балканах способствовали активизации Вашингтона в данном регионе, который приступил к созданию собственной опоры в БиГ. Вашингтон уже в 1993 году хотел быстро создать государство боснийских мусульман, чтобы заработать себе репутацию миротворца в Европе.

В 1994 году Россия вошла в Контактную группу по БиГ, где были США, Британия, Франция, Германия и Италия. На практике Россия играла незначительную роль в принятии решений в данной Контактной группе. Россия и ЕС в Контактной группе, где главными игроками были американцы, создавали лишь видимость коллективных усилий. Деятельность Контактной группы представила мировому сообществу новый тип миротворчества в рамках урегулирования боснийского конфликта, а именно «переход международных организаций к жесткой доктрине принуждения к миру» [Гуськова, 1998, с. 37].

Пассивное участие России в урегулировании конфликта в БиГ объясняется следующими причинами:

1. Внутренние кризисы

1. Попытки Республики Татарстан выйти из состава РФ. 6 августа 1990 года, главой Верховного Совета РСФСР Борисом Ельциным была произнесена историческая фраза: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». После этой фразы в России начался «парад суверенитетов» автономных республик, во время которого республики не только провозгласили свой государственный суверенитет, но и попытались выйти из состава России. Татарская ССР была в числе тех

республик, которые хотели государственной независимости от России. Москве пришлось приложить много усилий, чтобы удержать данную республику в составе РФ.

2. Первая чеченская война. С 1991 по 1994 годы Чечня была фактически независимой, отказавшись подписывать федеративный договор с Российской Федерацией. На территории Чечни законы РФ не действовали. Россия вынуждена была начать операцию по восстановлению конституционного устройства в Чечне. Данная военная операция известна как первая чеченская война. Война закончилась 31 августа 1996 года подписанием Хасавюртских соглашений. Следует отметить, что Запад не одобрял методы действий России в Чечне. Так, Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве между Россией и ЕС вступило в силу только после подписания Хасавюртских соглашений.

3. Тяжелое экономическое положение. Монополизированные рыночные структуры, либерализация цен, обесценивание сбережений, увеличение валютного долга, развал финансовой системы — стало причиной тяжелого экономического положения в России. Россия в 1990-х сильно зависела от западных инвестиций и помощи, поэтому, иногда была вынуждена играть по их правилам на мировой политической арене.

2. Акцентирование внимания на постсоветском пространстве

1. Нагорно-карабахский конфликт. С начала нагорно-карабахского конфликта (1991–1994), Россия пыталась разрешить конфликт мирным путем. В 1991 году президенты России и Казахстана, Борис Ельцин и Нурсултан Назарбаев, предприняли первую попытку посредничества в нагорно-карабахском конфликте, посетив Ереван, Баку и Степанакерт. Главным результатом посредничества России в нагорно-карабахском конфликте стало подписание в 1994 году Бишкекского протокола, что способствовало заключению соглашения о прекращении огня между Арменией и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой, с одной стороны, и Азербайджаном, с другой.

2. Советское ядерное вооружение. После распада СССР встал вопрос о дальнейшей судьбе советского ядерного вооружения, часть которого все еще находилась в уже независимых республиках — Украине, Белоруссии и Казахстане. России важно было вывезти ядерное оружие с территорий Украины, Белоруссии и Казахстана, закрепив, тем самым, за собой право единственного правопреемника СССР. В 1992 году Россия, США, Украина, Белоруссия и Казахстан подписали Лиссабонский протокол. Подписав Лиссабонский протокол, Украина, Белоруссия и Казахстан передали все имеющиеся на их территории стратегические ядерные боеголовки России и вошли в группу стран, не обладающих ядерным оружием.

3. Гражданская война в Таджикистане. После распада СССР в Таджикистане на время образовался политический вакуум, который был заполнен радикальными исламистами. Россия была вынуждена выступить в роли посредника, чтобы не дать конфликту перекинуться на соседние страны. Продолжительная война в Таджикистане могла бы привести к дестабилизации всех центрально-азиатских стран, поскольку Таджикистан является буферной зоной на пути наркотрафика и терроризма из Афганистана.

3. Стремление показать лояльность к Западу

После распада СССР Россия начала ориентироваться на Запад, пытаясь найти в нем своего партнера, друга и чуть ли не единственного союзника. Запад, в свою очередь, хотел европеизировать и демократизировать Россию, лишив при этом её возможности участвовать в принятии важнейших решений в рамках пост-холодной системы международной безопасности, которая была основана на однополярности.

Разочарование России в Западе и попытка урегулировать боснийский конфликт. В 1994–1995 гг., после применения силы северо-атлантическим альянсом в отношении БиГ, Россия всерьёз задумалась о безопасности своих границ. Следует отметить, что за всю историю своего существования впервые в Европе НАТО применила военную силу именно против БиГ. Под влиянием агрессии НАТО в БиГ, российское руководство начало понимать, что истинной целью США является не распространение демократии, а расширение альянса к границам России.

В этот период Борис Ельцин предлагал создание Федерации Сербии с боснийскими сербами и требовал поддержки от лидеров «Большой семерки». Однако данное предложение даже не было обсуждено. Жак Ширак прокомментировал предложение Ельцина, назвав его «только русской идеей». На Западе идею Ельцина восприняли как попытку России создать Великую Сербию, что противоречило планам США и ЕС. Запад считал, что Россия в скором времени развалится. Известный американский политолог Збигнев Бзежинский в 90-х Россию называл «черной дырой» и заявлял, что новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счёт России и на обломках России.

В 1999 году ЕС совместно с США, Россией и балканскими странами инициировал принятие Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы (ПСЮВЕ) с целью достижения стабильности в регионе. Пакт должен был обеспечить политический диалог между балканскими странами и ЕС в сфере регионального сотрудничества. Данное сотрудничество, по мнению авторов ПСЮВЕ, должно было содействовать сближению

балканских стран с европейскими и евроатлантическими структурами. Следует отметить, что в пакте говорилось о значимости России на Балканах, о том, что она продолжает играть ключевую роль в регионе. Однако на практике Россия все еще бездействовала.

В 90-е гг. XX века из-за непродуманной тактики на балканском направлении внешняя политика России в БиГ потерпела поражение. В вооруженном конфликте в БиГ победителями вышли не Россия и даже не страны ЕС, а США, которые навязали боснийским мусульманам, сербам и хорватам Дейтонские соглашения. Даже ЕС не смог выполнить возложенную на него роль внешнеполитического игрока на Западных Балканах, потому что механизмы выработки общей внешней политики Европейского Союза, которые были созданы в разгар вооруженных конфликтов в западно-балканских государств, еще не были сформированы в достаточной мере, чтобы принимать ответственные решения. В связи с этим в данный регион пришли «распространять демократию» американцы.

Сдержанная позиция России в отношении боснийского конфликта привела к тому, что США, действуя в рамках «стратегии перемалывания», создали предпосылки для евроинтеграции. Термин «стратегия перемалывания» встречается в трудах Богатурова Алексея Демосфеновича. Согласно А. Д. Богатурову, под американской «стратегией перемалывания» понимается «линия на формирование и поддержку на пространстве бывшего социалистического мира сети не особенно сильных и не слишком устойчивых новых государств, дорожащих помощью США, делающей их податливыми к американским рекомендациям» [Богатуров, 2002, с. 364]. Данную стратегию американцы, безусловно, продвигали с помощью НАТО, где США, выполняя роль лидера, координируют все военные операции данного альянса.

Боснийские сербы явно не ожидали увидеть бездействие России в урегулировании боснийского конфликта, а потому были в недоумении от её поведения. Так, Биляна Плавшич, будучи президентом Республики Сербской в те годы заявляла следующее: «Я часто задаю себе вопрос: ну почему Россия, такая могущественная страна, стоит на коленях перед Америкой и Германией?! Я уверена, что если бы мы, сербы, были на месте русских, если бы мы имели русскую военную мощь, то мы, сербы, никогда не капитулировали бы. Мы, сербы, не позволили бы унижать нас» [Бушин, 1998]. Свои позиции Россия в БиГ постепенно и очень медленно начала возвращать с 2000-х гг., когда ее интересы на Балканах уже более или менее были определены. В данный момент Россия имеет большое влияние на Республику Сербскую и стремится сохранить её государственность.

Дейтонские соглашения — поражение России и победа США. Город Дейтон стал известен миру после окончания вооруженного конфликта в Боснии и Герцеговине. Именно в этом городе на военно-воздушной базе Райт-Паттерсон (Штат Огайо, США) 21 ноября 1995 года был выработан Общий рамочный договор о мире в Боснии и Герцеговине. Город Дейтон скорее всего был выбран не случайно, поскольку данный город назван в честь участника войны за независимость-капитана Джонатана Дейтона. Именно дейтонские соглашения вынудили Боснию и Герцеговину и Союзную Республику Югославию признать друг друга в качестве независимых государств. Договор был подписан в Париже 14 декабря 1995 года президентом Сербии Слободаном Милошевичем, президентом Хорватии Франьо Туджманом и лидером боснийцев Алиёй Изетбеговичем. Странами-гарантами соглашения стали: Россия, США, Великобритания, Франция и Германия.

Дейтонское соглашение можно определить в качестве принудительного мирного договора. Принудительный мир положил конец войне, однако страна попала под внешний контроль со стороны наднациональных структур и фактически превратилась в международный протекторат.

Стороны, подписавшие Дейтонские соглашения, не скрывали своего разочарования достигнутыми договоренностями. По мнению бывшего вице-президента Республики Сербской Н. Колевича, в тот момент американцам важно было «показать всем, что они являются ведущей силой в мире и могут завершить то, что не удалось Европе» [Пономарева, 2011, с.232].

Бывший министр иностранных дел Боснии и Герцеговины Мухаммед Шачирбегович, как и Никола Колевич, считал, что американцы действовали ради достижения своих личных целей, нежели ради установления мира на боснийской земле. Он полагал, что Ричарду Холбруку «было важно достичь позитивных результатов для американской администрации и для себя лично, а вовсе не ради Боснии и Герцеговины» [Šačirbegovic, 1996, S. 14].

Россия к Дейтонским соглашениям отнеслась сдержанно, хотя Виктор Черномырдин заявил, что «подписание мирных соглашений по Боснии стало историческим событием» [Подписано мирное соглашение, 1995, с. 3]. Россия понимала, что подписание Дейтонских соглашений свидетельствует о победе США. Именно американские эксперты играли ключевую роль в разработке Дейтонских соглашений. Позднее почетный доктор Дипломатической академии МИД России В. И. Попов в своей монографии «Современная дипломатия. Теория и практика»,

отмечает что «Дейтонская конференция является ярким примером новой «силовой дипломатии США» [Попов, 2006, с. 451].

Дейтонские соглашения положили конец боснийской войне, однако не смогли устранить противоречий между боснийскими мусульманами, сербами и хорватами.

Милорад Додик — друг России и головная боль ЕС. История отношений России и Республики Сербской в XXI веке связано с Милорадом Додиком. Между президентом Республики Сербской, кавалером ордена дружбы РФ (за вклад в развитие сотрудничества Российской Федерации с Боснией и Герцеговиной) и Москвой сложились дружественные отношения. Сегодня именно РС препятствует вступлению БиГ в НАТО и ЕС, пользуясь поддержкой России.

Традиционно, Запад выступает против укрепления связей РС с Москвой, усматривая в них опасность для своих интересов. Так, еще в 2008 году, один из авторов Дейтонских соглашений Ричард Холбрук и бывший Верховный представитель по Боснии и Герцеговине Пэдди Эшдаун заявили, что Милорад Додик, занимавший тогда пост премьер-министра РС, «обратил вспять» прогресс, достигнутый Боснией и Герцеговиной на пути к функциональному государству», пользуясь поддержкой России, которая «создает для США и ЕС затруднения везде, где только это возможно» [The Guardian, 2008].

«Особые» отношения, сложившиеся между Европейским Союзом и Республикой Сербской, объясняются тем, что данная республика неоднократно заявляла о выходе из состава Боснии и Герцеговины. Впервые заявления о выходе Республики Сербской из состава БиГ прозвучали в момент предоставления независимости Черногории в результате распада Малой Югославии (Союзной Республики Югославия), а также приближавшегося отделения Косово. Тогда, лидер партии Союза независимых социал-демократов, занимавший пост премьер-министра Республики Сербской, Милорад Додик, подчеркнул, что «сербы твердо намерены заявить, что они имеют те же права, что и другие народы», и что «Республика Сербская способна существовать как в составе БиГ, так и вне ее» [Заявление премьера боснийских сербов, 2006]. Тем не менее, после распада СРЮ и предоставления независимости Косово, Милорад Додик вел себя вполне умеренно и никакого референдума не было проведено.

В последний раз попытку выхода Республики Сербской из состава Боснии и Герцеговины, уже занимающий пост президента РС, Милорад Додик предпринял в 2015 году. 15 июля 2015 года Республика Сербская приняла решение о проведение референдума о подотчётности законов Республики Сербской боснийскому суду.

Поведение М. Додика в Европейском Союзе расценили как угрозу безопасности и стабильности в БиГ. Об этом в частности заявила Верховный представитель Европейского Союза по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини, отметив, что проведение референдума «действительно создало бы проблемы для дальнейшего развития ситуации» в Боснии и Герцеговине [В ЕС обеспокоились планами референдума, 2015]. Совет министров ЕС также осудил действия М. Додика, увидев в проведении референдума угрозу стабильности и территориальной целостности Боснии и Герцеговины.

Несмотря на громкие заявления М. Додика о независимости Республики Сербской, референдум так и не состоялся. Причиной отмены референдума стало давление со стороны ЕС на Республику Сербскую.

Россия с пониманием относится к волеизъявлениям боснийских сербов и стремлениям Милорада Додика сохранить государственное образование сербов, поэтому постоянно оказывает помощь РС всевозможными дипломатическими средствами. Так, Россия поддержала референдум о праздновании 9 января Дня Республики Сербской, который прошел в РС 25 сентября 2016 года. За три дня до референдума (22 сентября), на встрече президентов РФ и РС, Владимир Путин отметил, что «референдум — это право народа» и пожелал РС «успехов на референдуме» [Референдум в Республике Сербской, 2016]. Референдум, как и ожидалось, вызвал недовольство ЕС, который объявил референдум нарушением Дейтонских соглашений. Однако МИД РФ не согласился с позицией ЕС. Уже 28 сентября 2016 года, официальный представитель МИД РФ Мария Захарова выступила с заявлением о том, что референдум в РС «ни в коей мере не направлен на подрыв территориальной целостности БиГ и ее установленной Дейтонским соглашением децентрализованной конституционной архитектуры» [Захарова, 2016].

Проведение референдума не представлялось возможным без одобрения Москвы. Тем не менее, нужно отдать должное Милораду Додику, который, невзирая на оказываемое Западом давление, смог провести референдум. Россия, в свою очередь, поддержав референдум в РС, сделала еще один шаг к сближению братских славянских народов.

Большую поддержку Россия оказала РС, наложив вето на резолюцию СБ ООН о геноциде боснийских мусульман в Сребренице. Признание геноцида боснийских мусульман со стороны России могло бы привести к следующим последствиям:

1. Разрыв отношений между братскими народами. Признание геноцида боснийских мусульман ударило бы по многовековой дружбе русских и сербов.

2. Потеря позиций России в БиГ и Сербии. В случае признания геноцида боснийских мусульман, с Россией разорвала бы отношения и Сербия, которая принимала участие в боснийском конфликте.
3. Обострение противоречий между боснийскими мусульманами и сербами. Признание геноцида боснийских мусульман Советом безопасности ООН разрушило бы шаткий мир в БиГ.

Таким образом, Россия не поддержала резолюцию о геноциде боснийских мусульман, дабы не допустить эскалацию напряженности между народами БиГ. С точки зрения России, народы БиГ должны найти точки соприкосновения и договориться, ради процветания своей родины, а не заниматься поиском виновных в боснийской трагедии.

Что нужно сделать России для укрепления отношений с БиГ?

Сегодня одним из эффективных форм внешнеполитической стратегии является «мягкая сила». Среди инструментов реализации «мягкой силы» России особое место занимает система образования [Пономарева, 2016, с. 11–12]. Системе образования как инструменту реализации «мягкой силы» России уделяется немаловажное внимание. 18 декабря 2010 года Президентом России были утверждены «Основные направления политики России в области международного культурно-гуманитарного сотрудничества». В документе отмечается: «Используя специфические формы и методы воздействия на общественное мнение, культурная дипломатия, как никакой другой инструмент «мягкой силы», способна работать на укрепление международного авторитета страны, служить убедительным свидетельством возрождения Российской Федерации в качестве свободного и демократического государства» [Основные направления, 2010, с. 3].

К сожалению, «мягкая сила» России в БиГ не продвигается должным образом. В БиГ функционирует Фонд «Русский мир», что уже неплохо, однако этого недостаточно для эффективной реализации «мягкой силы» России. Для эффективной реализации «мягкой силы» России в БиГ нужно открывать филиалы российских вузов. Самым опытным вузом, реализующим «мягкую силу» России, на сегодняшний день, является МГУ, который имеет филиалы в Азербайджане, Армении, Казахстане, Таджикистане и Узбекистане. По мнению ректора МГУ, Виктора Садовничьего студенты филиалов «являются элитой своих стран» [Виктор Садовничий, 2016]. Таким образом, нужно открыть филиалы МГУ и других российских вузов в БиГ и готовить новую, молодую элиту, которая будет еще ближе к России и русскому народу.

Результаты исследования (Results)

В данной работе были исследованы внешнеполитические ориентиры России, которые неоднократно менялись с 1992 по 2016 гг., развитие отношений между Россией и БиГ с 1992 по 2016 гг. и внутренние и внешние факторы, повлиявшие на осуществление внешней политики России.

Анализ результатов (Discussion)

Анализ результатов исследования показал, что в 90-х гг. XX века Россия подверглась испытанию своими внутренними проблемами, а также тяжелым экономическим положением и стремлением отдельных республик выйти из состава РФ. Кроме того, появилась угроза потери позиций на постсоветском пространстве, где политическая обстановка оставалась напряженной. Все вышеуказанные факторы существенным образом повлияли на осуществлении внешней политики России на Балканах. Только после прихода Владимира Путина к власти и решения большей части внутренних проблем, Россия начала переосмысливать свои внешнеполитические ориентиры.

Заключение (Conclusion)

В 90-х гг. XX века внешняя политика России в отношении БиГ под влиянием внутренних и внешних факторов потерпела поражение. Этот период во внешней политике России характеризуется стремлением Москвы найти в лице Запада друга, партнера и союзника. Только действия НАТО в БиГ заставили Москву понять, что с такими друзьями как ЕС и США и враги не нужны. Таким образом, поражение в боснийском конфликте, с одной стороны, привело к потере доверия сербов, с другой, помогло Москве увидеть истинную сущность Запада.

Россия в БиГ имеет влияние только на сербов, которые не хотят вступления в НАТО. Боснийские мусульмане и хорваты, в свою очередь, имеют тесные связи с Западом, который традиционно выступает против укрепления отношений РС и России.

Наложив вето на резолюцию СБ ООН о геноциде боснийских мусульман в Сребренице и поддержав референдум о праздновании Дня Республики Сербской, Россия сделала очень позитивный шаг к улучшению отношений между двумя братскими народами — сербами и русскими. Следует отметить, что без поддержки России автономия Республики Сербской может быть упразднена. Республика Сербская нужна России для того, чтобы не допустить включения БиГ в НАТО.

Для эффективной реализации своей внешней политики в БиГ, Россия должна действовать более решительно посредством инвестиций, совместных проектов и кредитов. Большое внимание в рамках

осуществлении внешней политики России в отношении БиГ следует уделять «мягкой силе», а именно российской системе образования. Россия должна открыть филиалы лучших российских вузов в БиГ, чтобы обучить, воспитать и приблизить молодое боснийское поколение к русскому народу. Правильное распространение российской системы образования (как наиболее важного инструмента реализации «мягкой силы» России) в БиГ, может существенным образом повлиять на улучшение отношений между этими странами.

Литература

1. Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
2. Бушин В. С кем идти в разведку? // Авторский блог «Владимир Бушин» [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/1998–03–1733 (дата обращения: 12.03.2016)
3. Виктор Садовничий «Вестнику Кавказа»: выпускники филиалов МГУ — элита своих стран // Новостной ресурс «Вестник Кавказа» [Электронный ресурс]. URL: http://www.vestikavkaza.ru/news/Viktor-Sadovnichiy-Vestniku-Kavkaza-vypuskniki-filialov-MGU-%E2 %80 %93-elita-svoikh-stran.html (дата обращения: 20.11.2016)
4. Гуськова Е. Ю. Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (мирные планы 1991–1995 гг.). М., 1998.
5. В ЕС обеспокоились планами референдума о независимости Республики Сербской от БиГ // Информационный ресурс «Интерфакс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.interfax.ru/world/454953 (дата обращения: 12.03.2016)
6. Заявление премьера боснийских сербов // Вестник Европы. 2006. 3 августа.
7. Захарова: РФ выступает против политизации ситуации с референдумом в Республики Сербской // Новостной ресурс «Информационное агентство России» [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/politika/3659556 (дата обращения: 15.10.2016)
8. Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества / МИД России. 2010. С. 3.
9. Подписано мирное соглашение по боснийскому урегулированию // ИТАР-ТАСС: Серия «СЕ». — М., 1995. — 15 дек.
10. Пономарева Е. Замке и дилеме Миравог споразума, или каква будучност чека Босну и Херцеговину? // Политеиа. 2011. Година I. Број 2. С. 220–233.
11. Пономарева Е. Г. «Мягкая сила» России как интеграционнный ресурс // Геополитический журнал. 2016. № 3. С. 9–17.
12. Попов В. И. Современная дипломатия. Теория и практика. М., 2006.

13. Референдум в Республике Сербской: конец «пирамиды западной политики» в БиГ // Новостной ресурс «РИА новости» [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/world/20160926/1477873427.html (дата обращения: 20.10. 2016)
14. Чосич Д. Промене. — Нови Сад, 1992
15. Šačirbegovic M. Intervju… И Svijet. Ljubljana, 1996. 15 febr. № 3.
16. The Guardian, 2008, 22 Oct

RUSSIAN FOREIGN POLICY TOWARDS BOSNIA AND HERZEGOVINA (1992–2016)

Sharifzoda M. Nuriddin

Abstract. *The article is devoted to the analysis of Russian foreign policy problems and prospects related to Bosnia and Herzegovina (B&H). By examining the Russian foreign policy, the author proves that internal factors (the difficult economic situation, the threat of exit of some federal republics from Russian Federation), the desire of Moscow not to lose its position in the post-Soviet space and become a part of West had negative impact on Kremlin policy towards Bosnia and Herzegovina in the 90th. The author believes that passive attitude of Moscow in Bosnian conflict adjustment has led to the strengthening of the position of Washington in the Balkans. During military conflict in Bosnia and Herzegovina the inactivity of Moscow led to the slackening of the ties of Serbians and Russians and provided the USA (the only superpower country, as it was claimed) with an opportunity to force Bosnian Muslims, Serbians and Croatians to sign Dayton Agreement. In the current article an undivided attention is paid to the development of relationships of Russia and Republika Srpska. The close relations of Russia and Serbian Republic contradicted to the plans of West desired to see Bosnia and Herzegovina as a member of NATO. The author comes to the conclusion that Russia should support Serbian Republic as much as it possible in order not to repeat the mistakes made during the Bosnian conflict. West will always try to prevent the presence of Russia in Bosnia and Herzegovina. According to the author, Russia should focus on soft power realization in Bosnia and Herzegovina, namely on developing collaborative project and Russian education system in this state. The opening of branches of Russian universities in B&H may positively change the attitude of young Bosnian generation towards Russia.*

Objective: *The article is aimed at analyzing Russian foreign policy in regard to Bosnia and Herzegovina in 1992–2016 and factors, which affected its realization.*

Methods: *The following methods of research were applied while conducting the research: analysis, synthesis and deduction, which allowed us to identify*

the strengths and weaknesses of Russian foreign policy towards Bosnia and Herzegovina.

Results: *In the current article Russian foreign policy guidelines, which have been changed many times from 1992 to 2016, the development of relations between Russia and Bosnia Herzegovina from 1992 to 2016 and internal and external factors, which influenced on Russian foreign policy realization, were subjected into analysis.*

The significance of the results: *The results of the research will help to take a fresh look at the main problems, strengths and weaknesses of Russian foreign policy through the Bosnian conflict and the close ties between Moscow and Republika Srpska. The research offers an effective way of the Russian "soft power" implementation in Bosnia and Herzegovina in order to achieve foreign policy goals of Moscow.*

Keywords: *Russian foreign policy, the Bosnian conflict, the US victory, enlargement of NATO.*

References

1. Bogaturov A. D., Kosolapov N. A., Hrustalev M. A. Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij. M.: NOFMO, 2002.
2. Bushin V. S kem idti v razvedku? // Avtorskij blog «Vladimir Bushin» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://zavtra.ru/blogs/1998–03–1733 (data obrashhenija: 12.03.2016)
3. Viktor Sadovnichij "Vestniku Kavkaza": vypuskniki filialov MGU — jelita svoih stran // Novostnoj resurs «Vestnik Kavkaza» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.vestikavkaza.ru/news/Viktor-Sadovnichiy-Vestniku-Kavkaza-vypuskniki-filialov-MGU-%E2%80%93-elita-svoikh-stran.html (data obrashhenija: 20.11.2016)
4. Gus'kova E. Ju. Uregulirovanie na Balkanah: ot Brioni do Dejtona (mirnye plany 1991–1995 gg.). M., 1998.
5. V ES obespokoilis' planami referenduma o nezavisimosti Respubliki Serbskoj ot BiG // Informacionnyj resurs «Interfaks» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.interfax.ru/world/454953 (data obrashhenija: 12.03.2016)
6. Zajavlenie prem'era bosnijskih serbov // Vestnik Evropy. 2006. 3 avgusta.
7. Zaharova: RF vystupaet protiv politizacii situacii s referendumom v Respubliki Serbskoj // Novostnoj resurs «Informacionnoe agentstvo Rossii» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://tass.ru/politika/3659556 (data obrashhenija: 15.10.2016)
8. Osnovnye napravlenija politiki Rossijskoj Federacii v sfere mezhdunarodnogo kul'turno-gumanitarnogo sotrudnichestva / MID Rossii. 2010. S. 3.
9. Podpisano mirnoe soglashenie po bosnijskomu uregulirovaniju // ITAR-TASS: Serija «SE». M., 1995. 15 dek.

10. Ponomareva E. Zamke i dileme Miravog sporazuma, ili kakva buduchnost cheka Bosnu i Khertsegovinu? // Politeia. 2011. Godina I. Broj 2. S. 220–233.
11. Ponomareva E.G. «Miagkaia sila» Rossii kak integratsionnnyi resurs // Geopoliticheskii zhurnal. 2016. № 3. S. 9–17.
12. Popov V.I. Sovremennaja diplomatija. Teorija i praktika. M., 2006.
13. Referendum v Respublike Serbskoj: konec «piramidy zapadnoj politiki» v BiG // Novostnoj resurs «RIA novosti» [Jelektronnyj resurs]. URL: https://ria.ru/world/20160926/1477873427.html (data obrashhenija: 20.10. 2016)
14. Chosich D. Promene. Novi Sad, 1992.
15. Šačirbegovic M. Intervju… I Svijet. Ljubljana, 1996. 15 febr. № 3.
16. The Guardian, 2008, 22 Oct.

Информация об авторе
Шарифзода Мехрзод Нуриддин,
магистрант НИУ ВШЭ, Россия
mehr93@mail.ru
Mehrzod N. Sharifzoda
MA student of NRU HSE, Russia
mehr93@mail.ru

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ВИШЕГРАДСКИХ СТРАН СПУСТЯ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА[9]

Л. ШИШЕЛИНА

Аннотация. *Отношения России и вишеградских стран за четверть века прошли несколько этапов: от их практически полного разрыва в середине 90-х годов, до улучшения в первом десятилетии 2000-х, но после кризиса на Украине вновь вернулись на низший за четверть века лет уровень. Если в 1990-е годы состояние отношений определяли сами страны, то ныне, при отсутствии субъективных причин к их снижению, они вынуждены подчиняться новым союзническим обязательствам, диктуемым из Брюсселя. Эти требования новых союзников иногда расходятся с национальными интересами стран и часто выражаются в противостоянии по ряду экономических и внутриполитических вопросов. Однако но до сих пор ни одна страна региона не выступила против санкций, существенно осложняющих отношения России и Вишеградской четверки и негативно влияющих на их экономическое развитие. Автор статьи пытается разобраться в том как долго подержится подобное состояние и как в этих условиях могут развиваться наши отношения.*

Ключевые слова: *Россия, Центральная Европа, двусторонние и региональные отношения, основы внешней политики*

Сегодня отношения России и Европы вновь переживают сложный период. За немногим чуть более четверти века со времени распада Восточного блока и СССР они прошли фазу практической отмены сотрудничества и денонсации договоренностей, затем позитивный виток их корректировки, включивший попытку сближения, и уже три года как вернулись к прежнему нисходящему состоянию. Получается, что единственным суммарным итогом четвертьвекового пути, стали изменения главной парадигмы отношений стран Цен-

[9] Статья базируется на исследовании в рамках проекта РФФИ №17–07–00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».

тральной Европы и России: из «особых» отношений союзников, они превратились в «универсальные» российско-евроатлантические отношения. Об этом свидетельствует факт окончательного нивелирования значимости для России этого региона, как региона «особых отношений», отраженного в последней внешнеполитической концепции РФ, утвержденной 30 ноября 2016 года. [Концепция, 2016] В главных внешнеполитических документах Кремля на протяжении 25 лет этот регион занимал все меньше и меньше места. От достаточно обширного раздела о размежевании и урегулировании спорных имущественных и правовых вопросов в первой внешнеполитической концепции президента Б. Ельцина, через 4.5 строки в первой концепции президента В. Путина 2000 года, до нынешнего полного изъятия упоминания этого региона из стратегического документа по внешней политике. Получается, что влившись в глобальный мейнстрим, страны Центральной Европы стали частью отношений ЕС-Россия, рассматриваются Москвой как часть системы внешней политики всего евроатлантического альянса. И это, пожалуй, главное, отличие и результат прошедшей четверти века.

Конечно, актуален вопрос — а интересны ли и нужны ли мы друг-другу в принципе? Может да, а может и нет. Принципиально здесь одно — мы ближайшие соседи по континенту, нас сближают многие проблемы перехода, а также катастрофа в нашем общем соседстве. Помимо географической близости объединяют общие культурные корни, не только негативные воспоминания совместного исторического прошлого, а также ценный и поучительный опыт трансформации. Следовательно, нас интерес друг к другу более стабилен нежели временные повороты глобальной политики, а отношения между нами как соседями — это константа от которой никуда не уйти, как бы этого не хотелось некоторым группам политиков.

Никто не станет отрицать, что наши новые отношения в любом случае вынуждены вписываться в актуальный геополитический контекст. Кроме того, что мы соседи и что в нашем регионе неспокойно, существует еще и реальность принадлежности вишеградских стран к НАТО и к ЕС. А, следовательно, наши отношения должны соответствовать этой структурной реальности. Возможно, что неупоминание региона в последней концепции внешней политики можно рассматривать как малую значимость внешнеполитических шагов центральноевропейских стран в условиях антироссийских санкций. Несмотря на частное осуждение этой меры, введенной ЕС, лидерами «четверки», на деле они не рискуют вступать в противостояние с Брюсселем, предпочи-

тая лояльность принявшей их интеграции дальнейшему улучшению отношений с Россией. Но и здесь есть еще остается вопросов к размышлению.

Сегодня мнения российских интеллектуалов относительно отношений с Центральной Европой все еще значительно расходятся. Зрелое поколение воспринимает это регион как особый, а поколение новое ищет энциклопедию, чтобы узнать, что такое СЭВ и ОВД. Время покажет, насколько права была нынешняя политическая элита, исключая регион из своей внешнеполитической концепции. Вообще, сегодня наблюдается много импульсивных шагов, один из которых отражается в том, что Россия в очередной раз отворачивается от «неблагодарной Европы» и пытается строить отношения с Азией. Однако, русские — европейский народ и очередное обращение к Азии с точки зрения исторической перспективы стоит рассматривать лишь как повод окрепнуть в новом этапе отношений с Европой. А для того, чтобы освоиться в этих отношениях необходим не только прочный экономический фундамент — возвести который России все еще предстоит — но и четкое понимание градации европейских отношений, значимости стран и регионов в европейской политике, которая меняется, эволюционируя в соответствии с основными геополитическими законами и глобальными вызовами.

И, тем не менее, если понаблюдать за чередой потеплений и охлаждений в отношениях России и Европы, России и Центральной Европы, то можно прийти к выводу о том, что не социально-политическое устройство играет в них важнейшую роль, а сама геополитика, являющаяся незыблемой константой наших отношений. Что как не геополитика континентализма каждый раз заставляет Россию, прерывать свои — как сложилось — недолгие азиатские проекты и вновь возвращаться к Европе, пытаясь либо совместить интеграционные идеи, либо продвинуться дальше в отношениях именно с Европой. И здесь опять возникает геополитическая дилемма: собственные гигантские размеры России, ее протяженность сквозь несколько часовых поясов и буквально нависание с «Восхода» не перестают тревожить ее западных соседей, особенно в периоды неопределенности, мешая разглядеть в ней возможного союзника и потенциального партнера. Отсюда очередная настороженность в отношениях с европейскими соседями, требующая терпения, сложной работы и особого подхода со стороны России.

За 25 лет наши отношения и наши политики относительно друг-друга прошли несколько этапов и претерпели значительные метаморфозы. На изменения оказывали влияния как события разного масштаба, так и отдельные личности. К тому же, отношения эти не были ровными со

всеми странами сразу. С одними странами они складывались более удачно, с другими — менее. Совсем не сложились, пожалуй, лишь отношения с Вишеградской группой как региональной структурой, но, возможно это и не было целью сторон.

Ни Россия, ни страны Восточной Европы на первом этапе не имели четких представлений о будущем двусторонних отношений и единственной областью сближавшей их в политическом плане были представления о совместном выходе из коммунизма. Так польский исследователь Витольд Родкевич, выделяя несколько фаз в отношениях между Россией и Польшей пишет: «Первая фаза, длившаяся с 1991 по 1993 гг. характеризовалась завышенными ожиданиями, особенно польской стороны, что общий опыт по «выходу из коммунизма» мог бы составить базу для открытия новой главы в польско-российских отношениях». [Rodkiewicz W., 2002] Более или мене «идеологически отвлеченно», но одновременно и концептуально мыслили венгры, увидев в новой реальности, образовавшейся после распада СССР и новые возможности. Так, свое прагматическое стремление, как и прежде, получать по доступным ценам российские природные ресурсы, они изначально облекли в концепцию финно-угорского кольца, начав, несмотря на весьма неодобрительные взгляды Москвы, выстраивать отношения с родственными народами поуралья, проживающими на богатых ресурсами территориях. Не менее «по-хозяйски» подошли к проблеме также чехи и словаки, продолжившие торгово-экономические контакты с Россией, несмотря на проблему долга.

Представления о совместном выходе из коммунизма и тоталитаризма стали жертвой гражданской войны в России осенью 1993 года, когда по приказу президента из танков был расстрелян Верховный совет. Расстреляв свой собственный парламент, президент Ельцин поколебал веру европейцев в новую Россию, которая после тех событий ушла в глубокую внутреннюю оппозицию. Страны, до тех пор державшиеся идей «центральноевропейскости», т.е. возврата к региональным идеям первой половины XX века и стремившиеся к роли моста между Востоком и Западом, активно застучались в двери ЕС и НАТО. Единственным шагом в направлении реализации идеи ЦЕ так и осталась сформированная в 1991 году Вишеградская группа (далее — ВГ).

После того, как наши отношения достигли дна в середине 1990-х годов, Россия и государства Центральной Европы шли практически параллельными курсами, одновременно налаживая отношения с западноевропейскими странами и их структурами. Исчезла зависимость от союзнических обязательств и необходимость торговать и сотрудничать

внутри практически замкнутого пространства СЭВ. Даже ВГ пережила некий момент застоя после подачи всеми странами заявлений о вступлении в ЕС и только по получении из Брюсселя подтверждения об одновременном приеме в эту организацию, возобновила и интенсифицировала внутрирегиональное сотрудничество.

Новый этап в отношения Россия — ЦЕ пришел в связи с вступлением вишеградских стран в НАТО и войной на Балканах, когда мы оказались по разные стороны конфликта. Особенно острым было противостояние в дни войны, когда Венгрия, а вслед за ней и Румыния отказали России в пропуске гуманитарного конвоя в Югославию.

Если НАТО спешило принять эти страны в членство в связи с необходимостью сухопутного коридора в Югославию, то России решения давались куда сложнее. «Петля Примакова» в небе над Атлантикой в канун начала бомбардировок Югославии, была хотя и слабой, но все же попыткой дать сигнал Европе и Западу в целом, что курс России уже не будет прежним, т.е. ориентированным исключительно на интересы «сообщества мировых демократий» и поддержку инициатив западных стран. [Богатуров А., 2007]

Не выработав к тому моменту реальной концепции внешней политики, кроме пресловутого перечня неотложных мер по размежеванию, она в тот период полагалась отчасти на геополитические схемы прошлого, используя устаревшую панславянскую идею. Отсюда переброс военной колонны в Приштину, вызвавший оцепенение в Европе, а потом отказ от сектора в Косово и подведение президента Сербии Милошевича под компромисс с Западом.

Россия долго не могла принять внятной и определенной позиции ни по одной проблеме ближайшего окружения: ни по Молдавии, ни по Украине, а тем более — по Югославии. Поэтому для Европы решение России стать посредником в переговорах с Милошевичем стало сюрпризом и одновременно отсчетом нового отношения к Москве. Россия, за несколько лет до того, без какого-либо сопротивления, отпустившая в суверенное плаванье — вместе с 30-миллионной русской диаспорой — бывшие республики; затем выведшая без каких-либо гарантий свои войска из Восточно — Центральной Европы, не только способствовала разрешению югославского кризиса в западном ключе, но и содействовала выходу НАТО из конфликта с «улучшенной репутацией». Такая политика, безусловно, нравилась западным партнерам России, и они стремились навязать ей как можно больше выгодных для себя проектов. Несмотря на «разворот Примакова» продолжали достаточно бурно развиваться и отношения Россия-ЕС.

Вообще рубеж 2000-х стал одновременно и временем окончательного идеологического размежевания и точкой отсчета прагматического экономического сближения между Россией и странами Центральной Европы. Это было связано с окончанием югославской кампании, когда был скорректирован политический курс и вишеградских стран, и России, и началом следующего этапа — этапа вступления этих стран в Европейский союз.

Как ни странно, но понимание Западом, НАТО и ЕС, что без благорасположения России прием государств ЦЕ в эти организации чреват серьезными конфликтами, с 2000 годов, т.е. по завершении войны в Югославии, и перед приближающимся восточным расширением ЕС, отношения между Россией и центральноевропейскими странами стали налаживаться. Западноевропейские страны — особенно Италия и Германия — имевшие самостоятельные хорошие отношения с Россией и опиравшиеся на концепцию четырех общих пространств с РФ, пытались передать свой настрой и центральноевропейцам. Появилось некое концептуальное видение относительно ЦЕ в Российском МИД, озвученное на нашей конференции «Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях» в июне 2001 года первым заместителем министра иностранных дел А. Авдеевым: «Мы готовы пойти по пути развития отношений с восточноевропейскими странами настолько далеко, насколько к этому будут готовы сами наши партнеры». [Россия…2002] Стали вырисовываться позитивные повестки и в восточных политиках вишеградских стран.

Однако практически сразу после вступления этих стран в ЕС, отношения с Россией начали резко ухудшаться. И большая роль в этом ухудшении принадлежит именно принятым в 2004 году странам. Так Польша в 2006 году, а затем и Литва, заблокировали продление базового соглашения о развитии отношений ЕС — Россия. А разработанная в 2008 и принятая в 2009 году политика Восточного партнерства ЕС (ВП) постепенно довела наши отношения до опасного противостояния по поводу Украины и других находящихся между нами молодых государств. Конкурирующие предложения с востока и с запада не позволили субъектам политик ВП и СНГ найти решение, которое устраивало бы все стороны.

Что касается двусторонних отношений Росси со странами Центральной Европы, то здесь не было общих моделей и путей. Достаточно долго главной установкой РФ было поддержание отношений с партиями социалистической направленности в этих странах. И выходило так, что со сменой партий отношения России с этими государствами, да и го-

сударств Центральной Европы с Россией сводились практически на «нет». Наиболее благоприятно складывались отношения Российского руководства с премьер-министром Словакии Владимиром Мечияром, а спустя некоторое время — и с Робертом Фицо. Однако близкие дружеские отношения Владимира Путина с Александром Квасьневским и Ференцем Дюрчанем — когда «дружили домами», разбились о политические и экономические интересы. Случилось это после того, как А. Квасьневский поддержал «оранжевую революцию» в Киеве в 2004 году, а в Венгрии Ф. Дюрчаня у власти сменил Виктор Орбан, отобравший у предшественника символические ключи от интересующих Россию экономических проектов. Фактически, положительные отношения с Виктором Орбаном, лидером ФИДЕС, представляющим консервативное крыло центральноевропейской политики, стали первым примером отступления России от ориентации исключительно на социалистические и либеральные партии в странах региона. До сегодняшнего дня они остаются, правда, единственным примером, поскольку у Кремля так и не сложились отношения ни с одной другой влиятельной консервативной партией Центральной Европы.

Что касается самих этих стран, то за все 25 лет среди них не наблюдалось совершенно одинаковых подходов к отношениям с Россией. Нет его и сейчас. В Венгрии с приходом к власти консерваторов появилась альтернативная Восточному партнерству и более дружественная России политика Открытия на восток. Дональд Туск в бытность премьер-министром Польши неоднократно убеждал в необходимости вести отношения с Россией такой, какая есть, что лучше, чем не иметь с ней никаких отношений. Правительство Роберта Фицо в Словакии всегда было открыто в сторону Москвы. Да и Чехия никогда не забывала о выгоде прагматических связей. Россия всегда делала упор преимущественно на двусторонние отношения, однако в них зачастую на первый план выходил либо личностный, либо бизнес-фактор, что создавало впечатление скорее рефлексивных, нежели концептуальных действий. К сожалению, в итоге экономическая дипломатия, «политика газовых труб», окончательно вытеснила все другие виды дипломатии и отношений, которые в результате выстраиваются «снизу», когда это возможно, минуя государственные структуры.

Прощание с коммунистическим прошлым и в России, и в странах ЦЕ сопровождалось поисками идеологических основ новой государственности. В ходе этого процесса начинали формироваться два политических мейнстрима: либеральный/евроатлантический и континентальный/национально-консервативный. Однако при более близком

рассмотрении, они не были упрощенным повтором исторических идей, а скорее представляли собой поппури из опыта прошлого и вызовов современности. Поиски этих основ выносили на поверхность давние исторические противоречия, которые в ряде случаев служили популистской подпорой новой власти и также становились элементами наших взаимоотношений.

Особенно очевидно это явление, т.е. взятие за основу новой идеологии и новой базы отношений сложных вопросов истории, отразилось на российско-польских отношениях. В Венгрии разная трактовка событий 1956 года была с начала 2000-х годов скорее переведена в разряд внутренней политической полемики, где СССР и тем более — России, отводится гораздо меньше места, нежели внутренним политическим разногласиям. Этим венгры фактически признали отличие демократической России от тоталитарного СССР.

Что касается Польши и России, то здесь были созданы две комиссии по преодолению сложных вопросов, но вопросы эти не то, что не решаются внутри этих комиссий, но и комиссии не находят общего языка друг с другом. Так, может здесь дело, в том числе, и в формате предложенного диалога? Все наши новые государственные праздники — и не только в случае с Польшей — посвящены «освобождению друг от друга». Напрашивается вопрос: а могут быть в принципе поводы для совместных празднований или их еще предстоит создать? Современному активному поколению выпала непростая судьба: на фоне взаимных обид и скорби найти силы и волю к строительству новых отношений. Открывая мемориал в Катыни 28 июня 2000 года в то время премьер-министр Польши Ежи Бузек, отметив готовность сторон признать и простить ошибки произнёс: «Сегодня перед нами открывается великий шанс создания истории без ненависти и лжи». [Катынские материалы. 2000] Практически в те же дни министр иностранных дел Польши В. Бартошевский предложил сторонам не забывая уроков прошлого, сконцентрироваться на будущем. Однако не всех политиков устаивает такая постановка вопроса. И за одной фигурой умолчания нагромождаются новые и новые.

Нельзя не учитывать и того фактора, что на становление наших отношений влияли как события к западу, так и к востоку от региона. Так, Брюссель фактически поручил вишеградским странам разработку и последующее проведение в жизнь политики Восточного партнерства, желая, видимо, одновременно, снять с себя озабоченности проблемой безопасности на востоке. На востоке же предстал не самый простой контингент для воплощения в жизнь теоретически привлекательных

для самой ЦЕ идей программы Восточного партнерства. Местные политики в странах — объектах ВП стремились использовать лояльность и солидарность Вишеградской группы не в целях упрочения собственной демократической государственности и построения эффективной экономики, а в целях политической борьбы за власть и уничтожения политических оппонентов, т.е. для построения собственного благосостояния. Незавершаемые процессы государственного становления в пространстве между нами — т.е. в бывших республиках СССР — вносили существенную долю нестабильности в отношения ЦЕ — Россия. Так, обе стороны видели в этих государствах продолжение своей собственной безопасности и всячески способствовали перетягиванию их на свою сторону, будучи убежденными в своей правоте и безоговорочной демократичности совершаемого шага. На практике это сказалось в еще большем усилении нестабильности в самих новых государствах.

Особенно сильное влияние на наши отношения оказал кризис на Украине. Здесь интересы России и стран ВГ как воплотителей интересов, прежде всего ЕС, на пятом году осуществления программы ВП вошли практически в прямой конфликт. Соперничество интеграционных вызовов после Вильнюсского саммита привело к взрыву политической ситуации на Украине зимой 2013–2014 гг., и ухудшению отношений между ЕС и Россией, В4 и Россией, Украиной и Россией, которое не преодолено до сих пор. Так постепенно вопросительный знак Европы, снятый с Германии в начале 90-х годов переместился на находящиеся между нами республики, и, в первую очередь, — на Украину.

На фоне резко ухудшающейся экономической ситуации, кризиса, связанного не только с Украиной, но и с проблемой беженцев, ряд стран региона начинает выравнивать свой политический курс. На этом фоне растет понимание того, что мы, Россия и Вишеградские страны, как непосредственные соседи кризисного региона, и, следовательно, лучше других понимающие его проблемы, должны предпринять решительные совместные усилия к преодолению этого главного вызова современности. Превращение Украины из зоны конфронтации в страну-мост для сотрудничества, а также, одновременно, предотвращение совместными усилиями кризисных ситуаций в других новых независимых государствах, является одновременно ключом к улучшению наших собственных взаимоотношений.

Похоже, лишь сейчас, пройдя столь длительный и не простой путь проб и ошибок, мы приходим к единому знаменателю в оценке реальности, начинаем отходить от двойных стандартов в оценках. Ведь понятно: единый стандарт — это и есть современная форма идеологического

единства. Нащупав дно отношений, мы подходим к этапу выравнивания и позитивного осмысления создавшихся реалий. Способствует этому и то, что у стран ЦЕ появилась возможность оценить все плюсы и минусы западной интеграции, и они считают возможным все более открыто и решительно высказывать сове — порой расходящееся с позицией Брюсселя мнение. При этом их вес в европейской и мировой политике неуклонно повышается. Если в канун приема этих стран в ЕС президент Франции Жак Ширак мог позволить себе уничижительно высказаться по поводу международных заявлений польских и других региональных политиков в духе: "Вы упустили великолепную возможность держать язык за зубами!" То сейчас, анализируя демарши ЕС в отношении внутреннего законодательства стран четверки, они отвечают Западу, что это «Европейская Комиссия упустила хороший шанс помолчать».[DostáI, 2016] Сегодня в регионе совершенно очевидно формируется некая новая европейская реальность, потенциал которой еще не до конца раскрыт. И потому России не следовало бы исключать регион из своей долгосрочной внешнеполитической концепции.

Большим вопросом для России было — как строить новые отношения с Вишеградским регионом. Вписывать ли эту страницу отношений в ЕС или строить их отдельно. Был период и «за» и «против». И Центральная Европа, и Россия за четверть века преодолели разные периоды. От полного отрицания разумного баланса и необоснованных рефлексий, до попыток прагматизации двусторонних отношений. Отпустив в 90-е годы Центральную Европу (тогда еще «Восточную») в свободное плавание, Россия с одной стороны понимала, что никак не может повлиять на ее дальнейший дрейф. С другой стороны, она не имела достаточно возможностей для того, чтобы быть привлекательной для них на тот момент, поскольку достаточно долго была поглощена внутренними проблемами: проведением реформ, урегулированием отношений между собственными административными субъектами, порой выливавшимися в военное противостояние. И до сих пор главной проблемой России остается ее собственное экономическое развитие.

В начале 2000-х годов в России сложилось мнение, что России и дальше выгодна пассивная линия, заключающаяся исключительно в реакции на «исходящие из Центральной Европы конструктивные предложения». Следует признаться, что таких предложений было явно недостаточно. Если они и поступали — то от отдельных стран региона, что, естественно, настраивало Россию преимущественно на развитие двусторонних отношений. Однако такое «соло» России с отдельными странами вызывало обратную отрицательную реакцию в вишеградском

регионе, отзываясь подозрениями в стремлении внести раскол в Вишеградскую группу. В таком ключе Президент Польши Л. Качиньский высказался о состоявшемся в 2006 г. визите Владимира Путина в Венгрию. Аналогичная реакция польских политиков последовала и в 2015 г. Хотя первый визит, например, был совмещен с визитом в Чехию, а до этого российский президент побывал с визитом в Словакии. Можно однозначно сказать, что единственным направлением, на котором у вишеградских стран никогда не было единого мнения — это российское. Как до сих пор нет и сложившихся концептуальных отношений с Россией.

Увы, попытка решать задачи Восточного партнерства без России привела к тяжелейшим последствиям, масштабы которого еще долго будут отзываться в регионе. Помимо санкций, впечатляющим примером может быть хотя бы несколько сорванных после 2013 года грандиозных проектов, важных как для России, так и для стран Центральной Европы. Еще в 2010–2012 годах Словакия и Венгрия соперничали за продление российской ширококолейки до Дуная, т.е. центра Европы. По ней ускоренными темпами могли бы идти товары не только из России, но и из Китая и всей Азии, и обратно. А ныне Россия вообще огибает Украину по суше и облетает ее воздушное пространство через Белоруссию и Польшу. Вместе с тем западные партнеры не прочь получать российский газ в обход региона, по дну морей, не интересуясь мнением вишеградских стран, обратившихся к Брюсселю с просьбой о пересмотре этого решения. Этот проект не выгоден «четверке», утрачивающей роль распределительницы российских энергопотоков в Европу и становящейся, таким образом, конечным покупателем российского продукта со всеми ценовыми составляющими вопроса. И солидарность с Украиной здесь, скорее всего, играет не первостепенную роль. Понятно, что и России морские пути менее выгодны, поскольку обходятся дороже. Руководство ЕС и НАТО требует от стран региона соблюдать санкции в отношении России, но демонстрирует другой стандарт, когда речь идет о собственных экономических интересах.

Вместе с тем, страны Центральной Европы не теряют надежды вернуться на российский рынок со своей сельскохозяйственной продукцией. Но здесь уже попадают под двойной пресс санкций, одновременно и со стороны России. Вишеградские страны оказались на перекрестье сразу нескольких негативных трендов современности не способствующих росту их экономик и укреплению стабильности. Для разрешения хотя бы части из них, зависящих от стран региона и от России пора задуматься и приступить к согласованию взаимоприемлемых решений с участием стран, оказавшихся между нами. А для этого следует

вернуться к классической иерархии межгосударственных отношений восстановив в них первенство дипломатии и культуры политического взаимодействия. Как показывают предыдущие 25 лет, приоритет прагматических интересов — далеко не всегда способен создать устойчивый благоприятный фон для наших отношений.

RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND VISEGRAD COUNTRIES AFTER QUQRTER OF A CENTURY

Lyubov Shishelina

Abstract. *Relations between Russia and Central European countries within 25 years have passed several stages of development: from their almost complete break down in the mid 1990-ies, via significant improvement in the 2000-ies, till the lowest point of the last 25 years after the crisis in Ukraine. If in 1990-ies the state of relations had been largely determined by the countries themselves, now, in the absence of subjective reasons for their decline, they are forced to obey the new commitments dictated from Brussels. These requirements jf the allies sometimes disagree with the national interests of the countries and are often expressed in opposition to a number of economic and political matters. However, so far no country in the region stepped forward against sanctions, that substantially complicatr the relationship between Russia and the Visegrad countries and negatively affect their economic development. The author of the article tries to understand how long will continue such a situation as well as how Russia and the countries of V4 could develop their relations in case of their limitless continuation.*

Key words: *Russia, Central Europe, the bilateral and regional relations, basis of the foreign policy.*

References:

1. Avdeev Alexandr, Speech delivered at the opening of the IV International scientific conference "Russia and Central Europe in the New Geopolitical Realities"
2. /Proceedings of the IV International scientific conference "Russia and Central Europe in the New Geopolitical Realities". Ed. L.Shishelina. M. IIEPS RAS, 2002. P. 18.
3. Bogaturov Alexey, Tri pokolenija vneshnepoliticheskih doktrin Rossii / Mezhdunarodnije processi. Volume 5, No 1 (13). January — April 2007. URL: http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm
4. Dostál Vít, The European Commission has Missed a Good Opportunity to Keep Silent. What has not happened in Poland/ Visegrad insight, 2 february, 2016. URL: http://visegradinsight.eu/the-european-commission-has-missed-a-good-opportunity-to-keep-silent/

5. Katyinskije materiali. Dokumenti, svideteljstava, issledovanija, polemika / Ed. N. S. Lebedyeva. 03.06.2011. URL: http://katynfiles.com/content/book-katyn-2.html#238doc
6. Koncepcija vneshnej politiki Rissijskoj Federacii (utverzsdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V/V/Putinim 30 nojabrja 2016 g.) URL:
7. http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248
8. Rodkiewicz Witold, Foreign policy thinking of Polish and Russian elites and the chances for a Polish-Russian pragmatic partnership / Russia and Central Europe in the new geopolitical realities. Proceedings of the IV international scientific conference. Ed. L.Shishelina, Moscow, June 14–16, 2001.

Информация об авторе
Шишелина Любовь Николаевна
доктор исторических наук, заведующая отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.
E-mail: l.shishelina@gmail.com
Lyubov N. Shishelina
Doctor of Sciences (History), Head of Department for Central and Eastern European Studies, Institute of Europe RAS
E-mail: l.shishelina@gmail.com

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Д. В. КУЗНЕЦОВ

Аннотация. *В статье рассматривается позиция Китая в отношении украинского кризиса («Евромайдан», Крымский кризис, война на юго-востоке Украины и санкции против России), а также влияние событий на Украине на российско-китайские отношения. Сложный набор причин (экономических, политических и геополитических) вызвал повышенный интерес со стороны Китая к событиям на Украине. С самого начала Китай демонстрировал свою низкую вовлеченность, вплоть до конца февраля 2014 года не делал серьезных заявлений относительно кризиса на Украине и избегал любых дипломатических инициатив. Впоследствии в официальной позиции Китая стали все больше проявляться признаки антизападной риторики, что свидетельствовало о ее сближении с позицией Российской Федерации. Китай постепенно и несколько двусмысленно качнулся в сторону поддержки России, в первую очередь из-за геополитических причин. Кроме того, Китай и Россия разделяют стремление выстроить единый фронт в ответ на попытки США и других западных стран навязать свою позицию другим странам.*

Ключевые слова: *Украинский кризис, Россия, Китай, российско-китайские отношения.*

Введение. Украинский кризис — это, пожалуй, самый серьезный с момента окончания «холодной войны» кризис в сфере международных отношений. Начавшись как внутриполитический, достаточно быстро он перерос в региональный и международный и, в конечном счете, вышел на глобальный уровень.

В настоящее время, так или иначе, в Украинский кризис вовлечены практически все ведущие игроки на международной арене — РФ, США, ЕС, ОБСЕ, НАТО.

Кроме того, Украинский кризис вызвал процесс самой значительной, начиная с 1991 г., перестройки в системе современных международных отношений, способствуя тектоническим сдвигам в мире.

Острый политический кризис, охвативший в 2013–2014 гг. Украину и, фактически, продолжающийся до сих пор, вызвал колоссальный по своим масштабам резонанс в мире. Реакция на события, происходящие в Украине, последовала со стороны практически всех крупных стран мира, в том числе Китая.

Теоретические основания исследования.

В качестве теоретических оснований исследования выступили труды известных в нашей стране специалистов-международников, отстаивающих в своих работах при рассмотрении проблем современных международных отношений так называемый системный подход (А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталев, А. В. Торкунов, А. В. Мальгин и др.)[10].

Важно подчеркнуть, что в последние годы тема Украинского кризиса постоянно находится в центре внимания отечественных и зарубежных специалистов в области международных отношений. К настоящему моменту вышло значительное количество научных трудов — книг, статей, посвященных Украинскому кризису и его отдельным аспектам[11].

---

[10] См., напр., Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталев М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002; Системная история международных отношений. В 4 томах / Под ред. А. Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, НОФМО, 2000–2003/2004; Современные международные отношения: Учебник / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012.

[11] К примеру, реакция на Украинский кризис со стороны КНР, а также влияние Украинского кризиса на российско-китайские отношения получили свое освещение в целом ряде статей, в том числе размещенных в глобальной сети Интернет. См.: Исаев А. С. Китай и «украинский кризис»: выбор стратегии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск 19. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 213–236; Тимофеев О. А. Украинский кризис и его влияние на российско-китайские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск 19. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 237–247; Кашин В. Б. Благожелательный баланс. О позиции Китая в Украинском кризисе // Россия в глобальной политике. 27.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/ (дата обращения: 16.12.2016). См. также: У карты Тихого Океана. Информационно-аналитический бюллетень № 35 (233) Украинский вопрос в региональном измерении. По материалам круглого стола, состоявшегося в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН 3 апреля 2014 г. / Гл. ред. В. Л. Ларин. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. См. также ряд публикаций, принадлежащих автору настоящей статьи: Кузнецов Д. В. Украинский кризис 2013–2014 гг. и реакция Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы Международной научно-практической конференции. Благовещенск (РФ) — Хэйхэ — Харбин (КНР). 14–19 мая 2014 г. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014.

Между тем, реакция на Украинский кризис со стороны КНР, а также влияние Украинского кризиса на российско-китайские отношения, освещены не так подробно, как этого хотелось бы, в связи с чем возникает необходимость обратиться к рассмотрению указанного аспекта Украинского кризиса.

Исследование: основная часть.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ И УКРАИНЫ НАКАНУНЕ КРИЗИСА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Причины повышенного внимания Китая к событиям на Украине являлись разнообразными. Пожалуй, важнейшая из этих причин заключалась в том, что в последние годы в отношении Украины Китай имеет вполне конкретные интересы экономического, политического и геополитического характера.

Украина и Китай установили дипломатические отношения 4 января 1992 г. К моменту возникновения Украинского кризиса 2013–2014 гг. взаимоотношения Украины и Китая достигли достаточно высокого уровня (их активизация началась после избрания на пост президента Украины в 2010 г. В. Ф. Януковича) и были оформлены в рамках стратегического партнерства и сотрудничества. По состоянию на 2011 г. договорно-правовая база украинско-китайских отношений включала более 200 документов [Страны СНГ и Балтии, 2013, с. 7–56]. Украинско-китайские отношения имели свою определенную динамику, развиваясь по целому ряду важнейших направлений [Мокрецкий, 2012, с. 164–189; Мокрецкий, 2013, с. 232–253].

Во-первых, между Украиной и Китаем сложились устойчивые торговые связи, проявлением которых явился постоянно растущий объем товарооборота между странами, исчисляемый миллиардами долларов.

К 2012 г. для Украины Китай стал главным торговым партнером среди стран, расположенных в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Согласно

С. 468–479; Кузнецов Д. В. Украинский кризис 2013–2014 гг. и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. №4. С. 13–24; Kuznetsov D.V. The 2013–2014 Crisis in Ukraine: Where China Stands // FAR EASTERN AFFAIRS. A Russian Journal on China, Japan and Asia-Pacific Region. Vol. 42. №3. July September. 2014. P. 50–64; Dmitry V. Kuznetsov. China and the Ukrainian Crisis. From 'Neutrality' to 'Support' for Russia // China Report. A Journal of East Asian Studies. May 2016. Vol. 52. №2. P. 92–111. Из зарубежных публикаций в первую очередь следует отметить аналитический доклад, подготовленный в 2016 г. сотрудником Трансатлантической академией (США) А. Стент: Stent A. Russia, China, and the West After Crimea // Transatlantic Academy 2015–2016 Paper Series. №8. Washington: Transatlantic Academy, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.transatlanticacademy.org/sites/default/files/publications/Stent_RussiaChina_May16_web.pdf (дата обращения: 16.12.2016).

имеющимся данным, по итогам 2012 г. товарооборот между Украиной и Китаем составил 9 млрд 783 млн долларов. Экспорт в Китай составил 1 млрд 858 млн долларов (увеличение объемов на 17,6 % по сравнению с предыдущим годом). Импорт из Китая составил 7 млрд 924 млн долларов (увеличение объемов на 26,1 % по сравнению с предыдущим годом). Объем товарооборота Украины с Китаем занял тогда 2-е место среди 217 стран, являющихся торговыми партнерами Украины, а для Китая Украина заняла 3-е место среди торговых партнеров в СНГ. В 2013 г. внешняя торговля между Украиной и Китаем имела тенденцию к росту за счет увеличения объемов как импорта (на 9,2 %), так и экспорта (на 46,4 %). К 2015 г. была поставлена задача увеличить товарооборот между Украиной и Китаем до 20 млрд долларов.

Во-вторых, Украина и Китай развивали сотрудничество, связанное с деятельностью предприятий военно-промышленного комплекса. Китай давно присматривается к стратегическим ресурсам Украины, особенно в сфере военного сектора. Фактически, Китай — это наиболее крупный потребитель продукции украинского ВПК.

В 1998 г. Украина продала Китаю за 25 млн долларов наполовину законченный авианесущий крейсер «Варяг», который был заложен еще в 1985 г. на верфи в Николаеве для ВМФ СССР как второй корабль проекта 1143.6. После того, как корабль был отбуксирован в КНР, он был достроен и, таким образом, стал первым китайским авианосцем «Ляонин». 25 сентября 2012 г. он вошел в состав ВМФ НОАК.

Украина заключила с Китаем ряд контрактов на постройку военной техники. В рамках подписанного в 2009 г. контракта украинская судостроительная компания «Море» осуществляла строительство малых десантных кораблей на воздушной подушке проекта 958 «Бизон». Стоимость этого соглашения составляла более 300 млн долларов. По условиям соглашения, в Украине для Китая должны быть построены два десантных корабля, первый из которых был передан заказчику в мае 2013 г. Контракт также оговаривал строительство двух подобных судов на территории Китая.

Также Китай использовал возможности Украины в сфере военных технологий. Эксперты отмечают, что Украина уже продала Китаю около 30 военных технологий, в том числе касающихся ключевых элементов оборудования и техники. Это, в первую очередь, технологии, используемые в двигательных установках миноносцев, авианосцев и других крупных кораблей (газовые турбины ДН/ДА-80), в танковых (дизельные двигатели 6ТД-2Е) и самолетных (турбореактивные двигатели АИ-222–25Ф) двигателях, ракетах класса «воздух-воздух» Р-27 и др. Кроме того,

это разработки, связанные с конструированием регионального реактивного самолета ARJ 21, учебно-боевого самолета L-15, транспортных самолетов Y-5 и Y-8F-600, причем, еще в советское время ОКБ Антонова консультировало китайских специалистов. В 2000-е годы совместными усилиями ОКБ Антонова и Второй корпорации авиационной промышленности Китая в Пекине был создан совместный инженерный центр, основной задачей которого было осуществление конструкторских работ по проектированию серии новых транспортных самолетов. Китай также интересовался покупкой производимыми в Украине самолетами Ан-148 и Ан-158, ремонтом имеющихся у Китая самолетов Ан-12, Ан-24, Ан-26, Ан-30. Китай активно сотрудничал с Украиной в надежде преобразовать некоторую часть транспортников Ил-76 в заправщики Ил-78. С помощью специалистов из Украины в Китае построена большая аэродинамическая труба для продувки тяжелых военно-транспортных самолетов. Это самая крупная аэродинамическая лаборатория в КНР. Украина помогла Китаю построить завод в г. Харбин, где производятся имеющие военное назначение котлотурбинные установки и паровые машины. Эти установки используются в создании катапультной системы и аэрофинишеров, подобных тем, которые используются на ТАВКР «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов». При участии Украины Китай построил два наземных объекта для подготовки пилотов палубной авиации. На основе комплекса «НИТКА» построен тренировочный комплекс для летчиков палубной авиации. Полномасштабная бетонная модель авианосца с взлетно-посадочной полосой и башней управления возведена недалеко от города Ухань (провинция Хубэй). Еще два подобных комплекса предполагается разместить в провинциях Лаонин и Шэньси.

В-третьих, в последние годы были разработаны многочисленные совместные инвестиционные проекты, некоторые из которых носят специфический характер.

В 2009 г. начались переговоры, в рамках которых обсуждались проекты кольцевой автомобильной дороги вокруг Киева, а также мостов через реку Днепр. Заинтересованность в реализации этих проектов высказали китайские компании. Позднее было подписано соглашение о строительстве высокоскоростной железной дороги Киев — международный аэропорт Борисполь.

В 2013 г. стало известно о том, что Китай планирует арендовать на территории Украины около 3 млн гектаров сельскохозяйственных угодий сроком на 50 лет. При этом, если бы Китай арендовал для нужд своего сельского хозяйства 3 млн гектаров украинской пашни, их общая

площадь превысила бы по размерам площадь Киевской области. Согласно планам, на первом этапе китайская государственная компания *Xinjiang Production and Construction* предполагала арендовать у украинского агрохолдинга *KSG Agro* 100 тыс. гектаров в Днепропетровской, Кировоградской и Херсонской областях, АР Крым, где арендаторы планировали построить несколько ирригационных систем и провести обводнение занимаемых территорий. В перспективе, Украина рассматривалась в качестве самого крупного зарубежного производителя продуктов питания (пшеница, кукуруза и др.) для жителей КНР.

В 2013 г. между Китаем и Украиной была достигнута договоренность о совместных действиях, реализуемых в рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути», в который была включена программа по созданию так называемой Крымской зоны экономического развития, включающей в первую очередь территорию в районе Евпатории (Сакский район), где предполагалось построить глубоководный порт. Кроме того, Украина и Китай планировали совместно заняться реконструкцией и развитием Севастопольского морского рыбного порта и созданием вокруг него зоны высокотехнологичной индустрии, а также построить в Крыму аэропорт, верфь, нефтеперерабатывающий завод, терминал для сжиженного природного газа, учебные центры, пляжи и зоны отдыха. Сроки реализации проекта были обозначены в пределах 2014–2018 гг. При этом важно подчеркнуть, что проект «Экономический пояс Шелкового пути» хорошо коррелируется с планами Украины, нацеленными на евроинтеграцию, о чем, в частности, заявил в начале декабря 2013 г. украинский посол в КНР О. Демин: «Китай как абсолютно цивилизованная страна спокойно реагирует на решения друзей и партнеров… Китай заинтересован, чтобы Украина была в европейском пространстве, потому что для них тогда Украина рассматривается как ворота в Европу».

В-четвертых, поддерживались двусторонние связи в гуманитарной сфере. К примеру, состоялись Дни украинской культуры в Китае (2010 г.) и Дни китайской культуры в Украине (2011 г.), при участии деятелей культуры Украины и Китая проходили обмены гастрольными выступлениями. Кроме того, был успешно проведен Всеукраинский этап конкурса на знание китайского языка («Китайский мост»). Наконец, на территории Украины действует несколько Институтов Конфуция.

Развитию двусторонних украино-китайских связей способствовали официальные контакты между представителями руководства Украины и Китая.

2–5 сентября 2010 г. тогдашний президент Украины В.Ф. Янукович совершил официальный визит в Пекин и эта поездка стала первым для

него визитом в КНР. Руководители обоих государств выразили тогда желание перевести отношения между двумя странами на качественного новый уровень. Во время встречи главами государств было подписано более десятка договоров. Среди них, в частности, кроме Совместного заявления глав государств относительно всестороннего повышения уровня китайско-украинских отношений, дружбы и сотрудничества, были подписаны Основные направления украинско-китайских отношений (дорожная карта) на 2010–2012 гг., соглашения о совместном сотрудничестве в различных сферах: межгосударственные отношения, финансы, развитие инфраструктуры, энергетики, авиационно-космической промышленности, бизнеса, строительство железных дорог, а также были заключены договоры о таможне и карантине.

Большую роль в укреплении украино-китайского сотрудничества сыграли государственные визиты Председателя КНР Ху Цзиньтао в Украину (18–20 июня 2011 г.) и президента Украины в КНР (3–6 декабря 2013 г.).

Примечательно, что свой последний визит в Китай президент Украины В. Ф. Янукович совершил уже после начала кризиса на Украине. 5 декабря 2013 г. в Доме народных собраний председатель КНР Си Цзиньпин и президент Украины В. Ф. Януковичем провели переговоры. В ходе беседы председатель КНР Си Цзиньпин назвал президента Украины В. Ф. Януковича большим другом китайского народа. «Вы сделали позитивный вклад в стратегическое партнерство, дружбу между нашими народами. Я это высоко ценю», — заявил он. Лидеры двух стран обменялись мнениями о дальнейшем укреплении китайско-украинского стратегического партнерства и обсудили проблемы, представляющие взаимный интерес.

По результатам этого визита лидеры Китая и Украины договорились о дальнейшем углублении стратегического партнерства двух стран, принимая действенные меры по продвижению практического сотрудничества в таких сферах, как сельское хозяйство, энергетика, инфраструктура, финансы и высокие технологии, а также устойчиво продвигать сотрудничество по крупным проектам и постоянное расширять сотрудничество в науке, образовании, культуре, здравоохранении, туризме и спорте, расширяя общение между людьми. Важным лидеры Китая и Украины посчитали поддерживать тесное взаимодействие в международных и региональных делах: совместными усилиями содействовать установлению справедливого и рационального нового международного политического порядка, противодействовать вызовам глобального характера и отстаивать общие интересы.

5 декабря 2013 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, который отображает основные принципы развития украинско-китайских отношений стратегического партнерства и сотрудничества как на двусторонней основе, так и в рамках многосторонних механизмов, а также содержит перечень приоритетных сфер развития практического сотрудничества. Кроме того, была подписана Совместная декларация о дальнейшем укреплении отношений стратегического партнерства, которая отображает достигнутые сторонами основные договоренности относительно дальнейшего развития сотрудничества. В документе был зафиксирован факт утверждения главами двух держав Программы развития отношений стратегического партнерства между Украиной и Китаем на 2014–2018 гг.

Подобная активизация политики Китая в отношении Украины имела серьезную концептуальную основу. В Китае полагают, что Украина может стать для него «опорным государством» на западном фланге евразийского пространства, тогда как Казахстан может стать для него «опорным государством» на восточном фланге евразийского пространства, таким образом, обеспечивая баланс в отношениях Китая с другими странами СНГ. «Евроазийская стратегия Китая формирует собственную стратегию с «одной осью и двумя опорами» — Россия играет ключевую роль, как осевая страна, Казахстан и Украина, как важные страны-опоры в евроазийском регионе для Китая играют роль балансирования и стабилизации, они обеспечивают западное стратегическое пространство Китая», — подчеркивает Лян Цян, научный сотрудник Института России, Восточной и Центральной Азии Академии общественных наук Китая [Лян Цян, 2013, с. 45–48].

ПОЗИЦИЯ КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ «ЕВРОМАЙДАНА»

С учетом вышесказанного, Китай столкнулся с достаточно серьезными проблемами в том, что касалось реагирования на Украинский кризис 2013–2014 гг., в особенности, после того, как был свергнут режим власти президента Украины В. Ф. Януковича. Вследствие краха на Украине прежней системы государственной власти, дестабилизации, начавшейся в общественно-политической и социально-экономической сферах, реализация многих целей и задач, связанных с дальнейшим развитием украинско-китайских отношений, с освоением со стороны Китая Украины (в том числе территории Крымского полуострова) — стратегически важной в Восточной Европе страны, оказалась под большим вопросом.

Первоначально, Китай проявлял весьма сдержанную реакцию и, фактически, вплоть до конца февраля 2014 г. не делал никаких гром-

ких заявлений по вопросу кризиса власти на Украине, не участвуя в каких-либо дипломатических акциях. Это, однако, не означало, что Китай не проявлял интереса к происходящим на Украине событиям, поскольку интенсивно и очень внимательно следил за ситуацией в этой стране.

Сдержанностью отличалась официальная позиция Китая. МИД КНР подчеркивал, что Китай не намерен вмешиваться во внутриполитические дела Украины, он уважает решения народа Украины и готов в дальнейшем к дружественному диалогу и сотрудничеству. Уже 4 декабря 2013 г. последовало заявление МИД КНР: «Китай следит за развитием ситуации в Украине. Мы надеемся и верим, что все заинтересованные стороны в Украине могут решить конфликтную ситуацию путем консультаций и совместно поддержать социальное единство и стабильность. Мы также надеемся, что международное сообщество будет играть конструктивную роль в этом отношении».

Между тем, вскоре в официальной позиции Китая все чаще стали проявляться элементы антизападной риторики, что имело своим следствием сближение позиций КНР и РФ в отношении ситуации в Украине.

Спустя несколько дней после визита в Китай президента Украины В. Ф. Януковича, информационное агентство «Синьхуа» выступило с критикой в адрес западных лидеров, которые выступили в поддержку тысяч протестующих, которые к тому моменту уже три недели проводили демонстрации на Майдане Незалежности в Киеве. «Запад не должен вмешиваться во внутренние дела суверенного государства, — писало агентство. — Выражая поддержку участникам антиправительственных протестов, он наносит серьезный удар по украинской демократии, не говоря о том, что это может существенно осложнить ситуацию в регионе». Кроме того, информационное агентство «Синьхуа» обвинило Запад в «разжигании конфронтации» и «нестабильности в регионе», поскольку он подталкивает Украину к Евросоюзу, «напрямую бросая вызов Москве». «Вмешательство Запада помешало независимому диалогу между правительством и оппозицией, посеяв семена дальнейших социальных и политических распрей внутри страны», — утверждало информационное агентство «Синьхуа».

6 февраля 2014 г. в Сочи, накануне открытия XXII зимних Олимпийских игр, состоялась встреча Председателя КНР Си Цзиньпина с Президентом РФ В. В. Путиным. На переговорах китайский и российский лидеры подробно обсудили международную тематику, в том числе ситуацию на Украине.

Антизападной риторикой была пропитана редакционная статья «Сближение Китая и России демонстрирует тройной стратегический

эффект», опубликованная 10 февраля 2014 г. в «Жэньминь жибао». «В настоящее время дух «холодной войны» витает в воздухе, Украина уже накрыта им… В таких условиях стратегическое сближение Китая и России становится якорем мировой стабильности, оно препятствует «самореализации предсказания» о «холодной войне», представляет собой стратегическую гарантию…», — писала «Жэньминь жибао».

В какой-то степени переломными, в том, что касалось позиции Китая, стали события, приведшие к бегству из Киева президента Украины В. Ф. Януковича (22 февраля 2014 г.), падению власти президента и ее переходу в руки представителей оппозиции.

Значительные экономические интересы Китая в Украине вынуждали руководство КНР искать возможности для установления контактов с новыми украинскими властями, надеясь на то, что последние подтвердят достигнутые ранее договоренности. Уже 25 февраля 2014 г. последовало заявление МИД КНР: «Мы уважаем выбор украинского народа, сделанный на основе особенностей ситуации в стране. Мы рассматриваем Украину в качестве важного стратегического партнера и готовы поддерживать развитие всестороннего сотрудничества на основе принципов равенства и взаимной выгоды».

Таким образом, фактически, Китай проявил готовность сотрудничать с новыми властями Украины, хотя, сложность ситуации заключалась в том, что руководство КНР откровенно негативно относится к любым попыткам революционным путем свергнуть действующие власти, не любит и не признает революции и революционеров. Последнее противоречит самому мироощущению элиты КНР. В политической сфере руководство КНР демонстрирует консервативное мышление, старается не делать резких шагов и стремится к сохранению существующего порядка, не допуская революционных потрясений. Достаточно вспомнить трагические события на площади Тяньаньмэнь — демонстрации, продолжавшие с 15 апреля по 4 июня 1989 г., главными участниками которых были студенты. Эти выступления были разогнаны с применением армейских подразделений, в результате чего погибли мирные жители.

Сложность ситуации заключалась также и в том, что в геополитическом плане Китай был вынужден следовать позиции, которая отражала стремление КНР на сближение с РФ. С самого начала, для российской позиции в отношении Украинского кризиса было характерно следующее: поддержка действующих украинских властей в лице президента Украины В. Ф. Януковича, осуждение антиправительственных протестов, обвинения в адрес стран Запада и, прежде всего, США в том, что они вмешиваются в ситуацию на Украине.

Конкретным проявлением близости позиций КНР и РФ в отношении событий на Украине стала критическая по отношению к США линия. Это становится понятным, учитывая, что в последние годы и КНР, и РФ рассматривают США в качестве ключевого конкурента на международной арене, что имеет своим следствием оформление согласованной и, как правило, нацеленной против США, позиции КНР и РФ по целому ряду актуальных международных проблем (кризисы вокруг ядерных программ в Иране и Северной Корее, ситуация в Сирии и др.).

28 февраля 2014 г. «Жэньминь жибао» обрушилась с критикой на попытки Вашингтона «соперничать» с Москвой на почве кризиса власти на Украине. В тексте статьи, которая к тому моменту стала самым значимым и резким обозначением официальной позиции Пекина по вопросу политического кризиса в Украине, США были представлены увязшими в «мировоззрении времен «холодной войны»». «Теории времен «холодной войны», связанные с политикой, экономикой и безопасностью, до сих пор властвуют над умами многих людей и определяют их мировоззрение, многие на Западе все еще не побороли свою обиду на Россию, — писала «Жэньминь жибао», призывая Запад отказаться от «устаревшего мышления» и работать сообща, на общее благо: «освобождение от оков ментальности «холодной войны» сократит ненужную конфронтацию и позволит наладить дружественные международные отношения».

Таким образом, вышеуказанное в действительности продемонстрировало определенную близость подходов Китая и России, считающих, что действия США, осуществляемые в последние десятилетия на международной арене, во многом являются рецидивом «холодной войны» и в них видна попытка передвижения жесткой разделительной линии на европейском континенте на Восток, в том числе используя технологию так называемых «цветных революций». Угрозу в этих действиях США видели и Россия, и Китай.

ПОЗИЦИЯ КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ КРЫМСКОГО КРИЗИСА

В связи с возникновением так называемого Крымского кризиса Китай был вынужден обозначить свою позицию более четче. В нее был внесен целый ряд новых элементов.

2 марта 2014 г. после того, как накануне Совет Федерации РФ одобрил возможность использования вооруженных сил России на территории Украины, МИД КНР выступил со специальным заявлением по ситуации в Крыму. Он заявил, что Китай глубоко озабочен ситуацией, сложившейся на Украине, и призывает заинтересованные стороны стремиться к политическому решению разногласий посредством диа-

лога и переговоров на основе уважения международного права и норм международных отношений для обеспечения мира и стабильности в регионе. «Мы крайне осуждаем насильственные акты, возникшие в предыдущие дни в Украине… Китай издавна придерживается принципа невмешательства во внутренние дела, уважает независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины», — констатировал он и отметил, что китайская сторона будет пристально следить за ходом развития ситуации на Украине.

Таким образом, Китай, пусть и косвенно, обратил внимание на весьма важный аспект Крымского кризиса, а именно: на проблему сепаратизма, имеющую исключительную актуальность для китайского государства и в очередной раз громко напомнившую о себе 1 марта 2014 г., когда произошел крупный террористический акт на железнодорожном вокзале г. Куньмин (провинция Юньнань, КНР). В этом же контексте следует расценивать дипломатический инцидент, случившийся неделей ранее, 21 февраля 2014 г., когда МИД КНР выразил свою крайнюю озабоченность встречей Б. Обамы с Далай-Ламой XIV, после чего Поверенный в делах посольства США в Пекине Д. Критенбринк был вызван в министерство иностранных дел КНР, чтобы выразить ему протест со стороны Китая.

Позиция Китая, однако, отличалась от позиции, занятой другими крупными державами. К примеру, страны-члены группы G-7, выступая в поддержку независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины, осудили действия России, выступили с призывом немедленно убрать все войска из Украины и отказаться от планов вторжения. Учитывая наличие тесных связей с Россией, Китай не мог себе позволить высказаться в адрес своего партнера так же жестко, ограничившись призывами не вмешиваться во внутренние дела, уважать независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины.

3 марта 2014 г. во время заседания Совета Безопасности ООН Китай, как и ожидалось, занял крайне закрытую позицию по Украине и Крыму. Напрямую КНР не поддержала РФ на заседании Совета Безопасности ООН, обозначив свою озабоченность сложившейся ситуацией и высказавшись за мирное решение проблем Украины, за невмешательство в ее внутренние дела и соблюдение ее независимости, суверенитета и территориальной целостности.

Особенность же позиции Китая заключалась в том, что, не одобряя на словах российскую точку зрения, он, тем не менее, не встал на сторону США, Великобритании и Франции, которые подвергли Россию жесткой критике за ее действия в Крыму, но и поддержать Россию Китай

также не имел возможности, учитывая наличие проблемы сепаратизма в пределах КНР.

Совершенно очевидно, что имея серьезные проблемы, связанные с деятельностью сепаратистских организаций на территории КНР (Тибетский Автономный Район, Синьцзян-Уйгурский Автономный Район, Автономный Район Внутренняя Монголия), принципиально выступая против любых проявлений сепаратизма, Пекин никогда в открытую не пойдет на оправдание аннексии какой-то страной части территории другой страны, даже, используя для этого обтекаемые дипломатические термины. В лучшем случае Пекин сдержанно промолчит.

Сложность усиливается и в связи с наличием у Китая собственного «острова Крым» — Тайваня, установление контроля над которым находится в числе важнейших задач будущей политики КНР. В связи с этим, не следует сбрасывать со счетов то, что Китай вполне может использовать Крым в качестве примера для решения проблемы Тайваня.

4 марта 2014 г. состоялся телефонный разговор Президента РФ В. В. Путина с Председателем КНР Си Цзиньпином, после которого информационное агентство «Синьхуа» дало следующий комментарий: «Председатель Республики Си Цзиньпин имел телефонный разговор с Президентом России В. Путиным, в ходе которого стороны обменялись мнениями о китайско-российских отношениях, а также о ситуации на Украине. Си Цзиньпин изложил принципиальную позицию Китая, подчеркнув: у того, что ситуация на Украине дошла до нынешней стадии, были свои неизбежные причины. В настоящее время ситуация в высшей степени сложная и чувствительная, и она оказывает воздействие на обстановку в регионе и международные дела в целом. Си Цзиньпин выразил уверенность, что российская сторона сможет во взаимодействии со всеми заинтересованными сторонами продвигаться к достижению политического урегулирования, действуя в интересах сохранения мира и стабильности в регионе и во всем мире».

Симптоматично, что в отличие от комментария, который дала пресс-служба Кремля, обратившая внимание на то, что «Владимир Путин и Си Цзиньпин с близких позиций обсудили сложившуюся на Украине чрезвычайно сложную ситуацию» и «была выражена надежда, что предпринимаемые российским руководством шаги позволят снизить общественно-политическую напряженность и обеспечить безопасность русскоязычных граждан, проживающих в Крыму и в восточных регионах Украины», китайский комментарий был сделан в более сдержанных тонах, без упоминания «близости» позиций руководства РФ и КНР и указания на однозначную поддержку действий России со стороны Китая.

7 марта 2014 г. МИД КНР выступил с очередным специальным заявлением. Комментируя сложившуюся в Украине ситуацию, он заявил, что Китай надеется, что стороны воздержатся от действий, которые могли бы усугубить ситуацию и найдут способ политического решения кризиса. После того, как один из присутствующих журналистов попросил прокомментировать позицию Китая относительно объявления парламентом АР Крым о том, что в течение 10 дней будет проведен референдум по вопросу вступления республики в состав России, а США, Европа и другие рассматривают данные действия как нарушение норм международного права, официальный представитель МИД КНР заявил, что Китай призывает все стороны в рамках закона и порядка путем переговоров мирно решить существующие разногласия, оберегать законные права и интересы представителей всех национальностей Украины, постараться как можно раньше вернуть общество к привычному порядку, поддерживать мир и стабильность в регионе. Коснувшись обсуждения США и Европой возможности введения санкций в отношении России, он заявил, что Китай неуклонно выступает против повсеместного введения санкций или угроз об их применении. «В сложившейся ситуации, мы надеемся, что все стороны воздержатся от действий, которые могли бы усугубить ситуацию, и совместными усилиями смогут найти способ политического решения кризисной ситуации. Это и есть фундаментальный способ выхода из кризиса».

С другой стороны, в тот же день, 7 марта 2014 г. информационное агентство «Синьхуа» выступило с комментарием, подписанным Минь Цзинвеем, работающим в агентстве уже более десяти лет и известным тем, что ему доверено освещать проблемы высшего уровня важности. В комментарии прозвучало обвинение в адрес Запада в эскалации конфликта вокруг Украины: «На данный момент западным лидерам пора перестать поздравлять друг друга со своими «достижениями» в Украине… Украина находится на пороге хаоса и развала. Стратегия Запада, заключавшаяся в установлении так называемого демократического и прозападного режима в Украине, не увенчалась успехом. Напротив, Запад лишь спровоцировал хаос, устранить который он не в состоянии, так как не обладает ни необходимыми ресурсами, ни достаточным благоразумием». И далее: «Этот злополучный план был обречен на провал с самого начала. Во-первых, страны Запада оказали себе медвежью услугу, вмешавшись во внутренние дела Украины под избитым предлогом поддержки демократии. Во-вторых, они недооценили готовность России защищать свои основные интересы в Украине. Возможно, Россия более не заинтересована соперничать с Западом за преобладание на

мировой арене, но когда речь идет о расчистке хаоса, созданного Западом на заднем дворе этой страны, российские лидеры вновь продемонстрировали свою надежность и проницательность в планировании и осуществлении эффективных ответных ходов… На примере Украины люди других стран мира в очередной раз увидели, как одна большая страна раскололась на части из-за грубого и эгоистичного поведения Запада» [Xinhua, 2014].

«Однако миру нет нужды впадать в пессимизм, — подчеркивало далее информационное агентство „Синьхуа". — Игра в Украине далеко не завершена. Международное сообщество все еще имеет возможность спасти эту страну совместными усилиями. Великим державам следует забыть о неприязни друг к другу и начать вырабатывать компромисс. Украинцам следует прекратить политические раздоры и как можно скорее приняться за восстановление законности и порядка в своей стране. В конце концов, независимая, целостная и стабильная Украина в интересах всех, включая Китай» [Xinhua, 2014].

Ранее «Жэньминь жибао» выступила с мягкой по своей форме поддержкой российских действий: «Направление примирительной деятельности Китая — оказание помощи России, а именно содействие признанию и уважению интересов РФ в Украине со стороны других участников. КНР следует повлиять на Запад, чтобы он сильно не давил на Россию, всем нужно вернуться в реальность, достичь компромисса, который будет приемлем каждой из сторон… Сейчас Вашингтон очень хочет спуститься на ступень ниже, Москва же защищает свои интересы в Украине, однако она не хочет получить ожесточенное сопротивление в обмен на отправку своих войск. Новая власть в Киеве больше всего надеется на достижение конечного результата, который она сможет принять. В это время, если КНР сможет способствовать диалогу, то она пойдет навстречу требованиям сложившейся ситуации».

10 марта 2014 г. последовало заявление Председателя КНР Си Цзиньпина, который, в частности, заявил следующее: «Китай занимает объективную и справедливую позицию в украинском вопросе. Ситуация в Украине чрезвычайно сложна, в этих условиях все стороны должны проявлять хладнокровие и сдержанность, чтобы не допустить выхода напряженности на новый виток… Необходимо разрешить кризис политико-дипломатическим путем. Надеюсь, что все заинтересованные стороны надлежащим образом разрешат противоречия посредством контактов и консультаций, приложат усилия к тому, чтобы продвинуть политическое решение проблемы. Китайская сторона открыта для поддержки всех предложений и проектов, которые помогут смягчить

ситуацию в Украине, готова продолжать контакты с США и другими заинтересованными сторонами».

Практически аналогичное по своему содержанию заявление прозвучало со стороны Председателя КНР Си Цзиньпина 24 марта 2014 г., после встречи лидеров Китая и США в Гааге (Нидерланды), где проходил Саммит по ядерной безопасности. При этом, Си Цзиньпин также добавил, что США должны «отличить правду от неправды» в вопросе территориальных споров Китая на Восточном и Южно-Китайском морях.

Свою позицию, в целом благоприятную, с точки зрения интересов России, Китай подтвердил накануне состоявшегося 16 марта 2014 г. референдума о статусе Крыма.

15 марта 2014 г., когда в Совете Безопасности ООН прошло очередное заседание, посвященное Украине, Россия использовала свое право вето в отношении проекта резолюции Совета Безопасности ООН, предлагавшего объявить нелегитимным предстоящий в Крыму референдум о статусе полуострова. Документ был поддержан 13 странами-членами Совета Безопасности ООН, за исключением Китая, который воздержался.

В выступлении после голосования по проекту резолюции, постоянный представитель Китая при ООН Лю Цзеи отметил, что внешнее вмешательство стало главной причиной погружения Украины в кризис и выдвинул предложения по разрешению кризисной ситуации. Он подчеркнул, что ключевым для этого является сохранение движения в направлении политического урегулирования, чтобы посредством диалога и переговоров как можно раньше решить имеющиеся разногласия. «Исходя из этого, мы предлагаем: во-первых, необходимо как можно скорее создать международный координационный механизм, в который войдут представители всех вовлеченных сторон, для обсуждения пути политического урегулирования украинского кризиса; во-вторых, в этот период стороны не должны предпринимать шагов, которые могут привести к эскалации ситуации; в-третьих, международные финансовые учреждения должны приступить к переговорам с тем, чтобы помочь Украине сохранить политическую и финансовую стабильность».

Разъясняя позицию Китая в Совете Безопасности ООН, представитель МИД КНР Цинь Ган заявил, что Китай всегда выступает за уважение суверенитета и территориальной целостности любого государства, Китай всегда придерживается этого основного внешнеполитического курса, Китай считает, что украинский кризис имеет сложные исторические предпосылки и обусловлен современными реалиями и все это необходимо анализировать и учитывать при урегулировании кризиса.

Китай не поддерживает решение украинского кризиса путем противостояния. Голосование в Совете Безопасности ООН по проекту резолюции именно сейчас приведет исключительно к противостоянию сторон и осложнит ситуацию, что не отвечает интересам и украинского народа и международного сообщества, — подчеркнул он, добавив, что в нынешней обстановке Китай призывает все заинтересованные стороны сохранять спокойствие и сдержанность во избежание дальнейшей эскалации напряженности, а содействие политическому урегулированию кризиса является самой актуальной задачей на сегодня.

17 марта 2014 г. МИД КНР по поводу результатов референдума в Крыму сообщил, что китайская сторона придерживается по украинскому вопросу объективной и справедливой позиции, подчеркнув, что Китай с повышенным вниманием следит за развитием обстановки в Крыму, рассчитывает, что все стороны будут сохранять сдержанность, как можно скорее отыщут путь политического урегулирования за счет диалога, на основе уважения разумных обеспокоенностей и справедливых прав всех сторон реализуют оптимальное решение и урегулирование крымской проблемы. Речь, как видно, о поддержке результатов крымского референдума не шла, однако, отсутствовала также критика, которая прозвучала со стороны ведущих стран мира.

В последовавшем 19 марта 2014 г. комментарии информационного агентства «Синьхуа» поддержка в адрес России была высказана достаточно четко. Примечательным оказалось прямое указание на применение странами Запада политики «двойных стандартов»: «От Косово до Южной Осетии, а также от Коморов до Крыма, западные страны применяют двойные стандарты в международных делах, исходя лишь из собственных интересов. Один и тот же факт, например, провозглашение независимости, Запад оценивает всегда по-разному: иногда называет это «национальным самоопределением», если развитие событий отвечает их интересам, а если нет — осуждает подобные шаги как «сепаратистскую деятельность». Такие действия отдельных государств Запада напоминают «раздвоение личности», и им трудно заслужить доверие международного сообщества. С учетом всего этого, разве им не стыдно, когда они стремятся выступать международным арбитром в национальном и территориальном вопросах чужих стран, рекламируя так называемую демократию и этику?».

Наконец, 27 марта 2014 г. во время голосования в Генеральной Ассамблее ООН по Резолюции «Территориальная целостность Украины» (в рамках Совета Безопасности ООН она не была принята вследствие использования права veto со стороны представителя России), в кото-

рой, в частности, говорится, что «референдум, проведенный в Автономной Республике Крым и городе Севастополе 16 марта 2014 года, не имея законной силы, не может быть основой для любого изменения статуса Автономной Республики Крым или города Севастополя», Китай воздержался. «За» проголосовали 100 государств-членов ООН. «Против» проголосовали 11 государств-членов ООН. Воздержались — 58 государств-членов ООН.

Последнее можно расценивать как фактическое признание Китаем вхождение Крыма в состав Российской Федерации, в особенности, учитывая последующие заявления представителей КНР по крымскому вопросу.

ПОЗИЦИЯ КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ ВОЙНЫ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ

Примерно в таком же ключе Китай сформировал свою позицию в условиях обострения ситуации в юго-восточных районах Украины — в первую очередь, в Луганской, Донецкой и др. областях, развитие которой привело к началу вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины.

Когда 13 апреля 2014 г. вопрос, касающийся ситуации на Юго-Востоке Украины обсуждался в Совете Безопасности ООН, в рамках которого США, Великобритания и Франция вновь заняли ярко выраженную критическую позицию по отношению к России, обвиняя последнюю в эскалации, Китай, как и на предыдущих заседаниях Совета Безопасности ООН, посвященных Украине, занял сбалансированную, нейтральную по своему характеру позицию. Постоянный представитель Китая при ООН Лю Цзеи выразил обеспокоенность по поводу эскалации ситуации в Украине, призвал всех отказаться от насилия и проявлять сдержанность, а также высказался за активное использование политических и дипломатических каналов для разрешения разногласий.

17 апреля 2014 г., накануне переговоров в Женеве с участием представителей Украины, РФ, США и ЕС по Украинскому кризису, по итогам которых были подписаны так называемые Женевские соглашения по Украине относительно урегулирования ситуации в стране, последовал комментарий от информационного агентства «Синьхуа», который по сути излагал официальную позицию Китая:

«Западные страны, в частности США, сыграли немалую роль в том, чтобы подтолкнуть Украину к нынешнему положению. Запад посеял семена конфронтации, разжигая недовольство и провоцируя беспорядки. Они превратили искры протеста в Украине в огонь, который разгорелся… Сейчас все опасаются, что эскалация ситуации в Украине приведет к наиболее сильному противостоянию между Западом и Россией со времен завершения «холодной войны», что не только причинит

боль Украине, но и подорвет мир в регионе и во всем мире. Поэтому необходимо немедленно разрядить ситуацию, чтобы пламя украинского кризиса не охватило целый регион и не разрушило все здание нынешнего мирового порядка. Единственный эффективный выход из нынешней ситуации заключается в политическом разрешении кризиса. Поэтому все заинтересованные стороны должны воздержаться от действий, которые могли бы привести к ухудшению ситуации, и начать закладывать фундамент для диалога. В такой ситуации внешние силы должны сыграть роль «пожарных», а не «кочегаров». Они должны конструктивно убедить все стороны конфликта в Украине успокоиться и вместе искать выход из сложившейся ситуации».

Особо подчеркивалось, что для решения Украинского кризиса Запад должен сотрудничать с Россией, а не угрожать ей: «Сейчас Запад должен проявить больше признательности России за то, что она может сделать во имя решения кризиса в Украине. И вместо того, чтобы угрожать России введением новых санкций, он должен дать ей понять, что может и будет работать с Москвой ради решения украинского кризиса. В конце концов, учитывая историческое и культурное влияние России в Украине, следует отметить, что Москва является одной из ведущих сил решения данной политической головоломки».

Важно подчеркнуть, что на протяжении всех последующих месяцев, когда на Юго-Востоке Украины все сильнее разгоралось пламя гражданской войны, Китай, подчеркивая, что он уважает независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины, выступал с призывами дипломатического урегулирования конфликтам (в том числе используя трибуну ООН), правда, без особого успеха, учитывая, что ни к чему эти призывы не привели.

К примеру, в сентябре 2014 г., в ходе работы очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН глава МИД КНР Ван И заявил, что Украина добьется безопасности и стабильности, если будет мирно сосуществовать с другими государствами. «Китай надеется, что различные этнические группы на Украине будут жить в гармонии, и что Украина будет мирно сосуществовать с другими государствами. Это основной способ для Украины добиться долгосрочных стабильности и безопасности», — подчеркнул он, призывая все стороны «четко выполнить договоренности и добиваться всеобъемлющего, устойчивого и сбалансированного решения».

КИТАЙ И ПОЛИТИКА САНКЦИЙ ПРОТИВ РОССИИ

На фоне эскалации ситуации на Юго-Востоке Украины, произошла дальнейшая эволюция китайской позиции по Украинскому кризису, результатом чего явилось максимальное сближение точек зрения Ки-

тая и России. Данная тенденция выразилась, в частности, в отношении Китая к политике санкций Запада против России.

23 июля 2014 г. МИД КНР заявил, что Китай последовательно выступает против того, чтобы «в практике международных отношений при каждом удобном случае ставился вопрос о применении санкций и слышались угрозы об их введении».

22 августа 2014 г. МИД КНР заявил, что санкции могут лишь осложнить урегулирование кризиса на Украине. «Кризис на Украине требует политического решения. Если исходить из реальной ситуации, то санкциями обычно нельзя решить проблему, наоборот, они могут вызвать новые проблемы, которые не отвечают интересам всех сторон и изначальным намерениям разрешить кризис. Китай призывает все стороны сохранять хладнокровие и сдержанность, содействовать продвижению мирных переговоров, искать политическое решение соответствующих проблем, избегать действий, которые могут обострить противоречия и привести к эскалации напряженности ситуации, чтобы обеспечить мир и стабильность в регионе», — говорилось в заявлении официального представителя МИД КНР.

Накануне стало известно о том, что США предприняли попытку склонить КНР присоединиться к санкциям, введенным против России из-за событий на Украине, однако, безрезультатно.

17 сентября 2014 г. официальный представитель МИД КНР Хун Лэй, вновь обозначив критическую позицию Китая в отношении политики санкций Запада против России, подчеркнул, что «независимо от того, как меняется международная обстановка, Китай продолжит поддерживать стратегическое партнерство с Россией».

ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОЙ ПОЗИЦИИ И ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ

21 ноября 2014 г. последовало, пожалуй, самое радикальное по своему характеру заявление представителей КНР, касающееся Украинского кризиса. Это заявление следует расценивать как достижение максимальной близости позиций Китая и России по кризису в Украине, в несвойственной Пекину откровенной интонации в поддержку Москвы.

Фактически, впервые с начала Украинского кризиса напрямую Китай заявил о своей поддержке подхода России к урегулированию ситуации в Украине: «Китай с полным пониманием относится к вызовам и угрозам, с которыми сталкивается Россия по украинскому вопросу и поддерживает подход РФ к решению этой проблемы. Мы не заинтересованы в военном конфликте на территории Украины и поддерживаем решение вопроса политическим путем. Мы выступаем против внешнего вме-

шательства во внутренние дела Украины путем свержения власти», — отметил исполняющий обязанности директора департамента Европы и Центральной Азии МИД КНР Гуй Цунюй [ИТАР-ТАСС, 2014а].

«Что касается украинского кризиса, в ходе телефонного разговора председателя КНР с президентом РФ Владимиром Путиным, Си Цзиньпин, касаясь причин кризиса, сказал, что «нет дыма без огня», — указал Гуй Цунюй. — Я лично считаю, что некоторые государства и блоки продолжают придерживаться мышления времен «холодной войны» и ведут геополитические игры и пытаются ущемить геополитические интересы России. Китай выступает категорически против того, чтобы кто-либо наносил ущерб безопасности других стран в целях защиты так называемой «абсолютной безопасности»» [ИТАР-ТАСС, 2014а].

Характерным явился сформулированный в данном заявлении подход Китая к крымскому вопросу: «Мы должны осторожно и продуманно относиться к решению национальных вопросов. Мы против того, чтобы какая-либо нация приобретала независимость путем проведения референдумов. Что же касается Крыма, то здесь есть свои особенности. Мы хорошо знаем историю принадлежности Крыма» [ИТАР-ТАСС, 2014а].

При этом вновь были сделаны довольно жесткие высказывания в адрес Запада в целом и США в частности: «В целом национальные проблемы в некоторых странах объясняются политикой двойных стандартов отдельных государств. Они, исходя из собственных корыстных интересов, поддерживают какую-либо народность, подталкивая ее к проведению референдума для получения независимости. Это является проявлением двойных стандартов, стоящих на службе интересов Соединенных Штатов. Для достижения этих целей они прибегают к вмешательству во внутренние дела других стран с использованием военной силы без санкций СБ ООН. Китай решительно выступает против такого подхода» [ИТАР-ТАСС, 2014а].

Указывая на то, что такие действия вызывают обострения национальных противоречий и выливаются в вооруженные конфликты, Гуй Цунюй подчеркнул, что «без взаимодействия Китая и России невозможны мир и стабильность в регионе», а совместное развитие и процветание Китая и России является гарантом построения справедливого миропорядка. «Наши отношения носят исключительно важный характер, — заявил Гуй Цунюй. — Без взаимодействия Китая и России невозможны мир и стабильность в регионе, а также мировой баланс в целом. Руководители наших стран глубоко осознают, что развитие добрых двусторонних отношений, а также тесное сотрудничество между нашими странами идут не только на пользу нашим народам, но и стабильности

во всем мире. Совместное развитие и процветание Китая и России будет весомым вкладом в построение справедливого и рационального миропорядка, а также дальнейшего роста и развития мировой экономики» [ИТАР-ТАСС, 2014а].

«Я могу с уверенностью сказать, что в ближайшее время мы будем сталкиваться с еще большим числом вызовов. Мы должны совместно бороться, защищая интересы наших стран. Главное — не дать вбить клин между двумя странами, что очень хотелось бы видеть американцам», — заявил заместитель начальника Отдела ЦК КПК по международным связям Чжоу Ли на встрече с российскими журналистами [ИТАР-ТАСС, 2014а].

15 марта 2015 г., т.е. спустя год после воссоединения Крыма и России, представители руководства КНР вновь озвучили свою позицию о статусе Крыма. Выступая на пресс-конференции по итогам очередной сессии Всекитайского собрания народных представителей, Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что вопрос Крыма очень сложный и должен решаться путем диалога и переговоров. «Что касается проблемы Крыма, причины ее возникновения сложные, мы надеемся, что она может найти политическое решение путем диалога, переговоров и консультаций», — сказал Ли Кэцян, также отметив, что украинский кризис осложнил международную геополитическую ситуацию и процесс восстановления мировой экономики. При этом, он отметил, что китайские власти поддерживают суверенитет и территориальную целостность Украины.

Ранее, представители руководства КНР высказались в поддержку заключенных 11–12 февраля 2015 г. Минских соглашений, призванных урегулировать вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины. Как заявила официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин, «китайская сторона… полагает, что это способствует смягчению напряженности на востоке Украины и разрешению кризиса политическими средствами». И далее: «КНР неизменно выступает за политическое разрешение кризисов в качестве единственного пути для выхода из них. Китай надеется, что заинтересованные стороны ценят эти достигнутые нелегким трудом результаты, будут в полной мере выполнять уже достигнутые договоренности, как можно скорее достигнуть мира и спокойствия в Украине. Китай будет в дальнейшем продолжать играть активную и конструктивную роль по политическому разрешению кризиса в Украине за счет диалога и переговоров».

Важно подчеркнуть, что по крымскому вопросу Китай не давал каких-либо четких комментариев в течение всего 2014 года, а то, что говорилось, в большинстве своем можно было толковать как минимум двояко. 21 ноября 2014 г. Китай обозначил свою позицию по Крыму в частности и Украинскому кризису в целом с высшей долей определенности.

Представляется что, в числе важнейших факторов, способствовавших этому — не только беспрецедентное в новейшей истории укрепление российско-китайских отношений по самым разным направлениям (политические контакты, торгово-экономические связи, военное сотрудничество, отношения в гуманитарной сфере и др.), что наблюдалось в течение всего 2014 г., когда общение между российским и китайским руководством шло по нарастающей, но события внутриполитического характера, имеющие место в Китае.

Речь в данном случае идет о событиях в Сянгане (Гонконге) и Аомыне (Макао), связанных с попытками проведения в этих двух специальных административных районах Китая неофициальных референдумов, посвященных демократическим реформам, а также последовавшими вслед за этим массовыми беспорядками.

22–29 июня 2014 г. в Сянгане (Гонконге) и 24–30 августа 2014 г. в Аомыне (Макао) в форме онлайн-голосования состоялись референдумы, в которых приняло участие несколько сотен тысяч человек. Голосование было организовано активистами движения *Occupy Central*, выступающих за проведение в 2017 году прямых всеобщих выборов главы местной администрации и, соответственно, отмену действующего принципа, согласно которому местное руководство назначается пропекинской коллегией выборщиков. Центральные и местные власти, в том числе представители КПК, осудили кампанию, назвав ее незаконной, заявили, что специальный административный регион не имеет соответствующих полномочий для организации подобного референдума.

Отказ официального Пекина признавать итоги референдума вызвал события в Сянгане (Гонконге), получившие известность как «Революция зонтиков». Начавшиеся 26 сентября 2014 г. массовые протесты активистов против правительства с требованием демократизации системы выборов, сопровождавшиеся занятием нескольких кварталов города, очевидно, были расценены руководством КНР как попытка начать «цветную революцию», причем при поддержке Запада.

Заявляя, что ситуация в Сянгане (Гонконге) является внутренним делом Китая, и предостерегая США от попыток вмешательства в события, представители руководства КНР, так или иначе, не могли не провести параллели с ситуацией в Украине. Думается, что опасения по поводу повторения «украинского сценария» привели к радикализации позиции Китая в отношении Украинского кризиса, проявлением чего стало ужесточение антизападной риторики и усиление пророссийских взглядов. В Пекине, по всей видимости, посчитали, что поддержка российской

позиции более важна для интересов Китайской Народной Республики в долгосрочном плане, в том числе, учитывая растущую активность США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В этом же контексте можно расценивать заявление, последовавшее после состоявшегося в течение 17–19 ноября 2014 г. визита в КНР министра обороны РФ С. К. Шойгу. Как сообщили средства массовой информации, Россия и Китай договорились о совместном противостоянии «цветным революциям». «Россия и Китай уверены, что от «цветных революций» не застрахована ни одна страна, поэтому они будут прилагать совместные усилия для противостояния этому вызову», — заявил заместитель министра обороны РФ А. И. Антонов по итогам переговоров Сергея Шойгу с Чан Ваньцюанем.

Результаты исследования

Украинский кризис объективно способствовал самому значительному сближению Российской Федерации и Китайской Народной Республики за последние годы. Данная точка зрения получила широкое распространение среди российских и китайских экспертов. К примеру, она зафиксирована в аналитическом докладе «Российско-китайский диалог: модель 2015», который подготовлен крупными научно-исследовательскими центрами (Институт Дальнего Востока РАН и Институт международных исследований Фуданьского университета) [Российско-китайский диалог, 2015].

Действительно, в 2014–2016 гг. в российско-китайских отношениях отмечен подъем [Кулинцев, Уянаев, 2016, с. 211–220]. В совместном заявлении от 20 мая 2014 г. был провозглашен «Новый этап отношений всестороннего стратегического партнерства и стратегического взаимодействия». Президент России В. В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно встречались в различных форматах. Подписанные в Шанхае (май 2014 г.) документы, а также совместные заявления и переговоры на полях саммитов БРИКС (Форталеза, 15–16 июля 2014 г., Уфа, 8–10 июля 2015 г., Гоа, 15–16 октября 2016 г.), ШОС (Душанбе, 11–12 сентября 2014 г., Уфа, 9–10 июля 2015 г., Ташкент, 22 октября 2016 г.), а также АТЭС (Пекин, 10–11 ноября 2014 г.), участие Си Цзиньпина в праздновании 70 лет Победы в Великой Отечественной войне (Москва, 9 мая 2015 г.) и В. В. Путина в праздновании 70 лет Победы китайского народа в Антияпонской войне (Пекин, 2 сентября 2015 г.) свидетельствуют о том, что двусторонний российско-китайский формат занимает приоритетные позиции во внешней политике Москвы и Пекина. Особенно когда речь идет о геополитическом и военно-политическом взаимодействии на мировом и региональном уровнях.

Инициатива в сближении принадлежала России, однако, Китай также в этом заинтересован. На это, в той или иной степени, указывают официальные заявления, исходящие от представителей руководства КНР. Одно из них — заявление МИД КНР от 5 декабря 2014 г. Комментируя выступление Президента РФ В. В. Путина с ежегодным посланием к Федеральному Собранию (4 декабря 2014 г.), в ходе которого была также изложена официальная позиция России в отношении Украинского кризиса, официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин подчеркнула: «Россия — это наш добрый сосед и всеобъемлющий стратегический партнер. Между нашими странами очень высокий уровень доверия и сотрудничества. Мы уважаем путь, выбранный российской нацией, включая курс во внутренней и внешней политике… Китай намерен и дальше укреплять с Россией стратегическое партнерство» [ИТАР-ТАСС, 2014b].

Анализ результатов

Таким образом, позиция Китая, формально оставалась нейтральной и в своих высказываниях по поводу Украинского кризиса представители руководства КНР долгое время избегали категоричных оценок, в связи с чем, один из зарубежных экспертов, выступая на страницах *Foreign Policy*, подчеркнул: «Каждый раз, когда Пекин просили выразить его точку зрения на вторжение России на Украину, он прибегал к витиевато-уклончивым формулировкам»[12].

Как известно, Китай традиционно старается занимать нейтральные позиции даже в самых острых международных спорах, однако в случае с Украинским кризисом и его важнейшей составляющей — Крымским кризисом, — внешний нейтралитет Китая оказался намного более благоприятным к России, чем к Западу, и в особенности к США.

[12] В данном случае, позиция Китая во многом основывается на фундаментальном принципе, в соответствии с которым, внешняя политика КНР опирается на рекомендации, высказанные в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Дэн Сяопином. Отдельные высказывания Дэн Сяопина, посвященные внешней политике, были сведены в обобщенную формулу, в наиболее полном виде состоящую из 28 иероглифов. В соответствии с нею, в деятельности на международной арене Китаю предписывалось «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное». Однако, особую популярность и в Китае, и за его пределами приобрела редуцированная формула внешнеполитических заветов Дэн Сяопина — «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное». См.: Портяков В. Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. №5. С. 14–27.

Действительно, фактически позиция Китая эволюционировала в сторону, пусть и не совсем однозначной, поддержки России (по меткому выражению средств массовой информации, Китай — «это «молчаливый союзник России»), что, на наш взгляд, объясняется в первую очередь геополитическими мотивами, стремлением Китая и России выступить в рамках «общего фронта» в ответ на попытки США и других стран Запада действовать путем навязывания своей позиции другим участникам международных отношений. Однако, в отличие от России, Китай действует гораздо мягче.

Идти на сближение с Россией Китай вынуждали также факторы, связанные с проблемой спорных территорий, в отношении которой США занимают достаточно жесткую позицию, а в связи с Крымским кризисом еще более ужесточили ее[13].

Тем не менее, сближение Китая и России, происходящее под влиянием Украинского кризиса, может иметь не только геополитическую подоплеку, но и вполне конкретные интересы в сфере экономики. Некоторые эксперты видят значительные экономические выгоды от развития Украинского кризиса, а также режима санкций, введенных в отношении России. Подчеркивается, что оказавшись в экономической изоляции, Россия переориентирует поставки энергетических ресурсов в Китай, тогда как Китай заполнит вакуум западных инвестиций в России, а также превратится в крупнейшего поставщика товарной продукции на российский рынок[14]. Подобные сценарии развития событий, безусловно, просчитываются на уровне руководства КНР, представители которого в своей позиции по Украине в действительности двигались в сторону крупнейшего приграничного соседа.

---

[13] В начале апреля 2014 г. целый ряд высокопоставленных сотрудников администрации Б. Обамы, в том числе помощник государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Д. Рассел провели параллели между Крымским кризисом и проблемами в Южно-Китайском море, подчеркнув, что крымская модель может стать прецедентом для Китая в захвате территории в Южно-Китайском море силой или другими принудительными методами. Подобные высказывания вызвали протест со стороны Китая.

[14] Частично это было подтверждено по итогам состоявшегося 20–21 мая 2014 г. визита Президента РФ В. В. Путина в Китай, в ходе которого был подписан пакет из нескольких десятков двухсторонних соглашений, в т. ч. Договор купли-продажи природного газа между ОАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией, предусматривающий поставки российского газа по так называемому «восточному маршруту». Предполагается, что, начиная с 2018 г., в течение последующих 30 лет Россия будет поставлять в Китай до 38 млрд куб м газа в год. Общая стоимость поставок составит 400 млрд долларов.

Между тем, преувеличивать поддержку России со стороны Китая вовсе не стоит. Действуя в первую очередь исходя из национальных интересов страны, руководство КНР, очевидно, не исключает возможность реализации тех планов, которые в отношении Украины имел Китай еще до свержения режима В. Ф. Януковича. Во многом именно этим обстоятельством объясняется стремление Китая наладить отношения с новым руководством Украины и, в первую очередь, с П. А. Порошенко, избранным 25 мая 2014 г. на пост президента Украины. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 4 июня 2014 г. Си Цзиньпин направил П. А. Порошенко поздравительную телеграмму по случаю его избрания на пост президента Украины. На состоявшейся 7 июня 2014 г. инаугурации избранного президента Украины П. А. Порошенко присутствовал специальный представитель Председателя КНР Си Цзиньпина Цай У, который принял участие в церемонии. Передав П. А. Порошенко поздравления от Си Цзиньпина, Цай У заявил, что китайская сторона придает большое значение китайско-украинским отношениям стратегического партнерства, и намерена на основе взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды содействовать благополучному и стабильному развитию двусторонних связей во всех областях на благо двух стран и их народов.

В результате, в течение 2014–2016 гг. на некоторых направлениях украинско-китайских отношений можно было наблюдать определенные позитивные тенденции. Так, например, значительно вырос объем экспорта Украины в Китай сельскохозяйственной продукции. По сообщениям *Financial Times* (6.07.2015 г.), уже в 2015 г. обогнав США, Украина стала крупнейшим экспортером кукурузы в КНР, что стало возможным после того, как в течение всего лишь года объемы экспорта продукции сельского хозяйства из Украины в КНР возросли более чем на 50 %. Кроме того, как сообщила The Washington Post (24.07.2015 г.), 23–25 июня 2015 г. на базе Харбинского технологического института состоялся первый в истории взаимоотношений Украины и Китая Форум по науке и технологиям, открывший новые возможности для научно-технического сотрудничества между Украиной и Китаем. Наконец, имеются факты, свидетельствующие о заинтересованности деловых кругов Китая в инвестиционной деятельности на территории Украины.

Кроме того, руководство КНР, безусловно, понимает, что главные участники развернувшейся на глобальном уровне «борьбы за Украину», — РФ, ЕС и США, крайне заинтересованы в поддержке своей позиции со стороны одного из ведущих геополитических игроков, т.е. Китая.

В результате, эта ситуация, которая, кстати, очень сильно напоминает ситуацию, сложившуюся в эпоху «холодной войны», в 1970-е годы, когда СССР и США, разыгрывая «китайскую карту», всячески искали пути сближения с КНР, вполне может сыграть на руку Китаю. Важнейшую роль в этом может сыграть политика балансирования Китая по ситуации вокруг Украины, которая зачастую проявляется в том, что Китай занимает нейтральную позицию, настаивая на мирном урегулировании конфликта.

Таким образом, Китай, оставаясь в стороне от украино-российского конфликта, может с успехом для себя сыграть на имеющихся в настоящее время острых противоречиях между РФ, ЕС и США по Украинскому кризису. Обозначив в процессе «перетягивания» либо на сторону РФ, либо на сторону ЕС и США, свой исключительный геополитический статус, Китай извлечет из этого очевидную выгоду: значительно усилит свою роль в современных международных отношениях, еще более увеличит свой вес в качестве действующего на глобальном уровне геополитического игрока и, в итоге, получит шанс серьезно укрепить свое влияние на мировые дела.

На наш взгляд, решающим фактором, способствовавшим эволюции позиции Китая в отношении Украинского кризиса, стал фактор геополитического свойства. Очевидно, что в настоящее время наблюдается исключительно жесткая по своему характеру геополитическая игра, в центре внимания которой находится Украина. Ключевые участники этой игры — США, ЕС, Россия, Китай. Украина, таким образом, находится в сфере интересов сразу нескольких игроков, у каждого из которых существуют свои экономические и геополитические интересы в отношении Украины. Китай, хотя и присоединился к ним немного позже остальных, тем не менее, выступает в качестве полноправного участника этой игры. Во многом именно в этом контексте следует рассматривать большую часть действий, предпринимаемых в отношении Украины со стороны указанных выше акторов международных отношений.

Заключение.

Представляется, что на поле Украинского кризиса развернулась, пожалуй, самая значительная по своим масштабам (с 1991 г.) геополитическая игра, все больше напоминающая схватку, с участием США, ЕС, России и Китая, выходящая далеко за рамки Украины и имеющая глобальные масштабы.

Думается, что от ее исхода во многом зависит то, состоится ли в ближайшее время окончательное переформатирование глобального мирового порядка в рамках «мультиполярности», учитывая, что в послед-

ние годы дрейф от однополярного к многополярному миру усиливается, инициируя завершение процесса демонтажа отдельных, сложившихся ранее элементов PAX AMERICANA. Очевидно, что в настоящее время позиции США на международной арене ослабли, подтверждением чего является не столь значительная активность США в мировых делах, какой она была ранее, в 1990-е — 2000-е гг. На это обстоятельство указывают многие зарубежные, в том числе и китайские эксперты, приводя в качестве примера Украинский кризис.

В связи с вышеуказанным, Украинский кризис вполне может стать своеобразным «моментом истины», благодаря которому будет выявлена в действительности сложившаяся на данный момент расстановка сил на международной арене, обозначены ключевые «центры силы», от действий которых будет зависеть развитие международных отношений в будущем.

Литература

1. Кулинцев Ю. В., Уянаев С. В. Российско-китайские отношения в 2014–2016 гг. // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. М.: ИД «ФОРУМ», 2016. С. 211–220.
2. Лян Цян. Китайско-украинские отношения стратегического партнерства и евроазийская стратегия Китая // Развитие стратегического партнерства между Украиной и Китайской Народной Республикой: результаты, проблемы и перспективы. Материалы украинско-китайской научно-практической экспертной конференции. 29 мая 2013 г. Киев: Дипломатическая академия при МИД Украины, 2013. С. 45–48. [Электронный ресурс]. URL: http://dipacadem.kiev.ua/wp-content/uploads/2013/12/Матеріали-українсько-китайської-конференції.pdf (дата обращения: 16.12.2016).
3. Мокрецкий А. Ч. Китайско-украинские отношения в свете концепции «стратегического равновесия» Украины // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск 18. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 232–253.
4. Мокрецкий А. Ч. Отношения КНР и СНГ: новые горизонты развития // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск 17. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 164–189.
5. Российско-китайский диалог: модель 2015: доклад № 18/2015 / [Лузянин С. Г. (рук.) и др.; Чжао Х. (рук.) и др.]; [гл. ред. Иванов И. С.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Russia_China_Report.pdf (дата обращения: 16.12.2016).
6. Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая // Доклады РИСИ. Проблемы национальной стратегии. №1 (10). 2012. М.: РИСИ, 2012. С. 7–56. [Элек-

тронный ресурс]. URL: http://www.riss.ru/journal/arhiv/2012/j10-detail (дата обращения: 16.12.2016).
7. ИТАР-ТАСС: Международная панорама. МИД КНР: Китай поддерживает подход России к урегулированию украинского кризиса. ИТАР-ТАСС, 21 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/ (дата обращения: 16.12.2016).
8. ИТАР-ТАСС: Международная панорама. МИД КНР: Китай уважает внутренний и внешний политический курс России. ИТАР-ТАСС, 5 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/ (дата обращения: 16.12.2016).
9. У карты Тихого Океана. Информационно-аналитический бюллетень № 35 (233) Украинский вопрос в региональном измерении. По материалам круглого стола, состоявшегося в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН 3 апреля 2014 г. / Гл. ред. В. Л. Ларин. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014.
10. Украинский кризис через призму международных отношений / Отв. ред И. С. Иванов. М.: Российский совет по международным делам, 2015.
11. Xinhua. Commentary: The West's fiasco in Ukraine. By Xinhua writer Ming Jinwei. English.news.cn. 2014–03–07. 10:33:38. [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/. (дата обращения: 16.12.2016).

UKRAINIAN CRISIS AND RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

Dmitry V. Kuznetsov

Abstract. *This article examines China's position on the Ukrainian crisis («Euromaidan», crisis over Crimea, on the war in the southeast of Ukraine and on sanctions against Russia) and the impact of events in Ukraine on Russian-Chinese relations. A complex set of reasons (economic, political and geopolitical) has caused heightened interest on the part of China in the events in the Ukraine. From the start, China kept a very low profile and right up to late February 2014, made no strong statements on the crisis in Ukraine and shunned any diplomatic initiatives. Thereafter, China's official stand began to exhibit increasingly frequent signs of anti-Western rhetoric, an indication of its position over the situation in Ukraine nudging closer to that of the Russian Federation. China has swung gradually, and somewhat ambiguously, toward support for Russia primarily due to geopolitical reasons. Also, China and Russia share the desire to put up a united front in response to attempts by the U.S. and other Western countries to impose their attitudes on other countries.*

Keywords: *the Ukrainian crisis, Russia, China, Russian-Chinese relations.*

References

1. Kulincev Ju.V., Ujanaev S.V. Rossijsko-kitajskie otnoshenija v 2014–2016 gg. // Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura. 2014–2015. M.: ID «FORUM», 2016. S. 211–220.
2. Ljan Cjan. Kitajsko-ukrainskie otnoshenija strategicheskogo partnerstva i evroazijskaja strategija Kitaja // Razvitie strategicheskogo partnerstva mezhdu Ukrainoj i Kitajskoj Narodnoj Respublikoj: rezul'taty, problemy i perspektivy. Materialy ukrainsko-kitajskoj nauchno-prakticheskoj jekspertnoj konferencii. 29 maja 2013 g. Kiev: Diplomaticheskaja akademija pri MID Ukrainy, 2013. S. 45–48. Retrieved 16 December, 2016 from http://dipacadem.kiev.ua/wp-content/uploads/2013/12/Матеріали-українсько-китайськой-конференції.pdf.
3. Mokreckij A.Ch. Kitajsko-ukrainskie otnoshenija v svete koncepcii «strategicheskogo ravnovesija» Ukrainy // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'. Vypusk 18. M.: IDV RAN, 2013. S. 232–253.
4. Mokreckij A.Ch. Otnoshenija KNR i SNG: novye gorizonty razvitija // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'. Vypusk 17. M.: IDV RAN, 2012. S. 164–189.
5. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2015: doklad № 18/2015 / [Luzjanin S. G. (ruk.) i dr.; Chzhao H. (ruk.) i dr.]; [gl. red. Ivanov I. S.]; Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). M.: Speckniga, 2015. Retrieved 16 December, 2016 from http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Russia_China_Report.pdf.
6. Strany SNG i Baltii v global'noj politike Kitaja // Doklady RISI. Problemy nacional'noj strategii. №1 (10). 2012. M.: RISI, 2012. S. 7–56. Retrieved 16 December, 2016 from http://www.riss.ru/journal/arhiv/2012/j10-detail.
7. ITAR-TASS: Mezhdunarodnaja panorama. MID KNR: Kitaj podderzhivaet podhod Rossii k uregulirovaniju ukrainskogo krizisa. ITAR-TASS, 21 nojabrja 2014 g. Retrieved 16 December, 2016 from http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/.
8. ITAR-TASS: Mezhdunarodnaja panorama. MID KNR: Kitaj uvazhaet vnutrennij i vneshnij politicheskij kurs Rossii. ITAR-TASS, 5 dekabrja 2014 g. Retrieved 16 December, 2016 from http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/.
9. U karty Tihogo Okeana. Informacionno-analiticheskij bjulleten' № 35 (233) Ukrainskij vopros v regional'nom izmerenii. Po materialam kruglogo stola, sostojavshegosja v Institute istorii, arheologii i jetnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN 3 aprelja 2014 g. / Gl. red. V. L. Larin. Vladivostok: IIAJe DVO RAN, 2014.
10. Ukrainskij krizis cherez prizmu mezhdunarodnyh otnoshenij / Otv. red I. S. Ivanov. M.: Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 2015.
11. Xinhua. Commentary: The West's fiasco in Ukraine. By Xinhua writer Ming Jinwei. English.news.cn. 2014–03–07. 10:33:38. Retrieved 16 December, 2016 from http://www.xinhuanet.com/english/.

Информация об авторе

Кузнецов Дмитрий Владиславович

кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории; Благовещенский государственный педагогический университет, Российская Федерация; kuznetsov_d@mail.ru

Dmitry V. Kuznetsov

Ph.D. degree in History, Associate Professor; Associate Professor of Department of World History; Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russian Federation; kuznetsov_d@mail.ru

Научное издание

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 1

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:

ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В двух частях

Часть 1

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка
и художественное оформление *А. С. Туманова*

Подписано в печать 25.09.2017
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 37,5. Уч.-изд. л. 35
Тираж экз. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76